

Анна Кладова

Дух Зверя

Книга первая

Путь Змея

Анна Кладова

Дух Зверя. Книга первая. Путь Змея

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70524901

SelfPub; 2024

Аннотация

Духи зверя – созданная Черным Драконом раса полулюдей. Искусственно рожденные через ритуал смерти, проклятые своим создателем, они ходят среди людей – бесстрашные, бесчувственные, бездушные, вынужденные убивать, так как энергия чужой жизни питает их. Ольга становится духом Змея, умерев на ступенях храмовой школы от руки своего будущего Учителя. С этого момента для неё начинается долгий и мучительный путь от ненависти к любви, от мирских оков к свободе. Путь, полный потерь и боли, страданий и радостей. Путь становления великого воина и Великого Духа.

Содержание

Часть первая	6
Глава первая.	6
Глава вторая.	17
Глава четвертая.	40
Глава шестая.	141
Глава седьмая.	190
Глава семнадцатая.	721

Анна Кладова

Дух Зверя. Книга первая. Путь Змея

Анна Кладова

Дух зверя

Книга первая: Путь Змея

Повесть о рождении Змия,

составленная Беляном Мякишем

Змий ударил хвостом поперек Земли,

Раскололась Земля на две стороны,

Обнажилось нутро изумрудное.

И стекались ручьи-реки к ране злой,

Чрево полня слезами солеными.

Нутряное море явилось так.

Слово о Змии, Духе Великом.

Песнь падения.

Повернется круг и

встанут на битву

воины бывшего

воины настоящего

воины будущего

опять.

Книга сотворения.

Часть первая

Глава первая.

Смерть

“Некоторые мудрецы-богословы склонны утверждать, что мор, эпидемии, смерчи, наводнения и прочие бедствия, приводящие к гибели целых народов, вершатся волей Творца, как кара за грехи, содеянные человечеством. Так происходит очищение и обновление пораженного болезнью духа народа, утратившего веру и осквернившего себя богохульными мыслями и сомнениями в существовании Всевышнего”.

Тошнота снова подступила к горлу. Сил сдерживать рвотные позывы больше не оставалось. Она отодвинула лист бумаги, подцепила сведенными пальцами онемевшей левой руки деревянную площадку и вновь сплюнула кровавую смердящую массу.

“Но, странное дело, большие страдания причиняются не тем, кто слаб духом, а тем, кто слаб телесно. В чем повинны перед Творцом младенцы и неокрепшие дети, чьи помыслы чисты и безгрешны, ибо их разум не способен породить греховную мысль, а плоть не способна желать греховных удовольствий? Именно они, по слабости телесной, в первую

очередь становятся жертвами”.

Боль в очередной раз пронзила нутро. В глазах потемнело. Тело забила крупная дрожь. Она вся сжалась, превратившись в тугой комок мышц, чтобы подавить очередной приступ. Даже стонать не хотелось, зная, как раздирает распухшее горло любой, даже самый слабый звук. Несколько мгновений длилась эта изнуряющая борьба с собственным телом. Несколько мгновений, показавшихся вечностью.

Отпустило. Прикосновение щекою к холоду каменных ступеней принесло некоторое облегчение. Правым, еще не опухшим глазом она видела тело девочки-монашки на лестничной площадке. Кажется, ее звали Бая. Оцепеневшими пальцами она крепко держала гобелен, наполовину сорванный со стены. Широко раскрытые глаза, застывший взор устремлен к переплетению потолочных балок, перекошенный рот измазан спекшейся кровью, и мухи, жирные мухи, назойливо жужжащие над телом. Девочке было восемь лет.

“Творец Всемогущий, разве справедливо отнимать у самых беззащитных созданий твоих возможность жить?! Разве справедливо карать безгрешных. А, может, Ты посылаешь нам знак, заставляя нас мучиться от душевных болей при виде умирающих детей, нестуешь в нас силу духа и сострадание к слабым творениям Твоим, приучаешь нас к мысли, что все мы по сути своей – прах, из праха вышедший, и в прах же обращаемый, что тела наши бrenны, и все мы, рожденные в грехе, умрем грешниками. Но к чему та-

кие жертвы? Неужели ради достижения какой бы то ни было цели, на алтарь должно возлагаться столько кровавых жертв? Даже если воля божественна, а цель неизмеримо велика...”

Перо дернулось, порвав тонкую бумагу. Жирная клякса расплылась там, где должен был появиться знак вопроса. Она уже не чувствовала ног. Пустота медленно всасывала ее тело. Лишь ноющая боль, терзающая нутро, не давала сознанию погаснуть. Клякса замерла, задрожала от слабого дыхания. На ее поверхности сияла белая точка отраженного света. При взгляде на нее стало нестерпимо больно, и новая волна тошноты подкатила к горлу.

“Мы все – ничто, белые точки в черной пустоте. Ты заставляешь нас являться из тьмы, и в нее же низвергаешь, чтобы потом опять явить на землю наши бессмертные души. Это – игра? Творец, зачем ты так жесток к слабым детям Твоим?

А, может, нет в том Твоей воли? Может, для Твоего взора нет различий между нами и другими тварями, которыми Ты наполнил Землю. Ведь мы, люди, мало чем разнимся с животными. Нами владеют те же побуждения, которые мы, наверное, ошибочно считаем низменными. Да и что мы знаем о природе, о том прахе, из которого вышли? Несмотря на нашу разумность, мы живем по законам звериного мира. Выживает сильнейший. Может быть, мы и есть звери...”

Перед глазами заколыхалось багровое облако тумана.

Неужели все? Она не хотела умирать в шестнадцать лет. Она не хотела умирать *так*, лежа на лестнице монастыря в луже кровавой рвоты, ежеминутно сплевывая разлагающиеся внутренности. Она не хотела, но ... она очень устала. Тьма была сильнее хрупкой девичьей жизни. А багровый туман, застилающий глаза, успокаивал воспаленный разум. Она видела, как приближается Смерть – черная с ног до головы, и белое пятно ее лица. Плоская, как тень, она ступала неслышно, что-то волоча за собою.

В ушах стоял ровный гул.

Вот Смерть приблизилась к гобелену, застыв над телом девочки. Толкнула труп ногой. От удара та безвольно мотнула головой, изо рта потек густой черный туман. Жизнь выплеснулась из бесполезного ныне тела. Смерть склонилась над мертвой. Бледная рука выхватила слабое сияние, небрежно бросила в мешок. Мешок?! Да, обычный холщовый мешок, в кровавых пятнах. Так вот куда попадают души.

Мешок! Он позвякивает при движении. Не надо! Пожалуйста!

Смерть приближалась, осторожно спускаясь по скользкому камню. Казалось, черная вязкая жижа струится вслед за нею, жирными, как деготь, змейками сползая по ступеням. Узкая ладонь мелькнула совсем близко, вырвала лист бумаги из сведенных в судороге пальцев. Несколько минут, а может часов, стояла тишина. Изредка что-то дребезжало.

Мешок?

И вдруг чья-то воля заставила тело перевернуться на спину.

Сквозь серо-бурую муть она увидела белое пятно с черными точками глаз.

Мешок!

Отвращение и злость нахлынули, сметая все оставшиеся чувства, как штормовая волна. Она дернулась, выворачиваясь из крепких объятий Смерти, и плюнула ей в лицо. Страшный хриплый хохот покатился под высокими сводами храма, разрывая воспаленную гортань. Она смеялась, захлебываясь кровавой жижей. Вдруг холод резанул по животу. Обжигающий холод стального клинка. Она умолкла, потеряв сознание. Она умерла.

Свет причинял боль. Кто-то отдернул занавеску, и яркое утреннее солнце проникло сквозь веки, окрашивая их красным. Она зажмурилась, и тут же перед глазами запрыгало множество зеленых противных искр. От их пульсирующих движений закружилась голова. *Надо бы зашторить проем.* Она попыталась приподняться, но у нее не было тела. Она не ощущала его. *Если я чувствую боль, значит, я жива. Если я жива, значит, у меня есть сердце, которое гонит кровь по венам. Если у меня есть вены, по которым бежит кровь, должно быть и тело, опутанное сетью этих сосудов. Должно быть тело, в котором бьется сердце. Оно должно быть. Оно есть.* Странно, но заставить себя поверить в

существование собственного тела было очень трудно. Мысленно она раз за разом повторяла последнюю фразу, пытаясь пошевелить хотя бы одной из существующих конечностей. Существующих? Она надеялась, что так.

Свет причинял боль. *Проклятое солнце!* Она начинала впадать в ярость.

Оно есть! Кажется, она произнесла эти слова вслух. Произнесла и дернулась из последних сил, вкладывая в движение всю накопившуюся ярость и желание подтвердить свою правоту. Она не любила ошибаться.

Оно есть! И она скатилась с лежанки. *О, Творец всемогущий!* *Оно действительно есть. Лучшие бы его не было!* Тысячи ржавых тупых гвоздей вонзились в живот откуда-то изнутри, и каждый начал ворочаться, прокладывая себе ложбинку. Боль, как масляный шарик на воощенной бумаге, перекачивалась от горла к ногам, вызывая приступы сухой рвоты. Она почувствовала каждую часть своего тела, и.... И вдруг спазмы прекратились. Только голова гудела после удара об пол. Чьи-то руки погладили ее по щеке. *До чего холодные!* *Как у мертвеца.* Затылок снова утонул в мягкой пахучей шкуре, валиком скатанной в изголовье. Солнце исчезло. И руки тоже.

Слезы потекли по лицу, щекоча сухую кожу, но нечем было утереться. Ощущение тела пропало вместе с болью. Глупо, но она не понимала, почему плачет. Радость? Страх? Или это – обычное слезотечение после сильных мышечных спаз-

мов?

Где я?

Этот вопрос так неожиданно возник в мутном сознании, что она вздрогнула. Перед мысленным взором поплыли размытые картины. Белое пятно с черными точками глаз... голубое чистое небо далеко-далеко впереди, гладкое и звенящее, как натянутая струна... мерное покачивание и скрип по обе стороны головы... Телега? Возможно.

Холодные руки! При одной мысли о них становилось ... нет, не то чтобы страшно, но нехорошо. Именно те руки, что только что касались ее щеки. Тяжелые и холодные, как сталь меча.

Я жива! Творец Всемогуций, благодарю тебя за чудо!... Но как?! Я же видела ее! Я видела Смерть! Она стояла надо мной! Она держала меня! Эти страшные глаза...

Мешок!

Она сразу открыла глаза. Мешка не было. Лишь расплывчатые из-за влажной пелены ребра низкого потолка, черного от копоти. Она перевела взгляд на плотно зашторенное грязной тряпкой окно прямо напротив лежанки. Часто поморгав, дабы осушить слезы, она скосила глаза влево, чтобы осмотреться. Дом, а не сарай, как она думала изначально, представлял собой старый, обросший по углам паутиной сруб, по размеру больше подходивший для бани, нежели для жилья. В центре был очаг – углубление в деревянном настиле, сквозь доски которого кое-где прорастала трава. Зна-

чит, топили по-черному. Справа и слева от очага два неотесанных сосновых бревна подпирали сгнившие балки потолка. Кто-то совсем недавно на скорую руку правил осевшую крышу – сосна не успела потерять свой смолистый дух. На сучках развешаны домашняя утварь и оружие... *много оружия*. Одну стену занимала грубо сколоченная лавка, заваленная хламом. На другой стене – пара маленьких окон, заткнутых ветошью. Двери она не видела, но поняла, что та приоткрыта. В солнечных лучах, протянувшихся по всему полу сквозь щель, водили неспешные хороводы крупницы пыли. Она некоторое время пристально наблюдала за их движением, пока глаза не стали болеть от света и напряжения. Видимо, дом долгое время обретался без хозяина. Слишком грязно, слишком пыльно. Она прикрыла веки. Пылинки продолжали медленно плыть перед глазами, оранжевые, похожие на искры в затухающем горне.

Она вспомнила старшего брата, Милада, гонявшего ее, любопытную и вертлявую девчонку, из кузни. Было за что. Однажды она подпалила свои косы, сунув голову в печь. При этом чуть сама не сгорела и кузню не сожгла.

Стало жарко. Она почувствовала такой резкий приступ жажды, что все сомнения насчет собственной телесности испарились. Воздух нещадно ожег воспаленное горло при вдохе.

Воды!

Сухим опухшим языком она провела по растрескавшимся

губам. Гортань превратилась в камень. Говорить было больно. Но зато вернулось слабое ощущение тела. Она подвигала левой рукой и потянулась к изголовью. Оказалось, что мышцы невероятно ослабли. Непослушный отросток плоти двигался как мешок с песком, а пальцы, так те вообще существовали отдельно от тела, не соглашаясь подчиняться его законам. Она неловко столкнула руку с лежанки, ударившись костяшками пальцев об пол.

Так низко?!

Она пошарила ладонью по грязным доскам, угодив в нечто склизкое, наткнулась на кувшин. Опустив в него кончики пальцев и убедившись, что сосуд полон, она совершила глупость – попыталась поднять кувшин. Тот гулко ударился об пол и покатился, обильно орошая гнилые половицы и проросшие сквозь них сорняки. Она застонала от бешенства и бессилия.

Дверь противно скрипнула, и в комнату вошел человек. Она замерла, вслушиваясь в его легкие шаги и дробный стук поленьев, брошенных на пол. Он присел у очага, воткнув топорик в сосновую подпорку и повесив на него, как на крюк, связанные меж собою птичьи тушки. Ее поразило, насколько легко и грациозно двигался этот человек в захламленном пространстве тесной клетушки. Когда он начал раздувать огонь, она наконец-то смогла рассмотреть его лицо. Он был молод, не старше Милада, лет двадцати. Вытянутый вперед профиль с тонким, чуть вздернутым носом придавал ему

сходство с лисицей. А жесткое и хитрое выражение лица вкупе с крепко сжатыми тонкими губами только дополняло сходство с диким зверем. Черные крупнокудрые волосы росли неровными прядями, закрывая шею. Видимо, он срезал отросшие локоны от случая к случаю. Подбородок же был по юношески чист, без намека на бороду. Тело, оголенное по пояс, представляло собой крепкий костяк, обтянутый плотно перекрученными мышцами. Ничего лишнего, идеальная фигура мелкого хищника – поджарая, ловкая, сильная. Этот человек был очень красив, но во всем его облике она четко ощущала жестокость и, как следствие, опасность. Мурашки побежали вдоль позвоночника. Ей стало жутко. Она прекрасно понимала, что он чувствует на себе пристальный взгляд и в любой момент может обратить на нее свое внимание, но отвести глаз так и не смогла. Казалось, он намеренно давал ей возможность подробнее рассмотреть себя. Она ясно осознала, что этот человек вызывает у нее чувство беспричинного животного страха, и эта мысль привела ее в ярость. Она ненавидела страх.

Огонь весело заплясал в очаге. Установив металлическую треногу над пламенем, человек закрепил в кольце котелок и высыпал в воду буроватый порошок из металлического короба. Тяжелый дух растекся по дому вместе с дымком.

В подобных котелках лекари-храмовники варили decoкты и лекарственные зелья до того момента, когда в храме вспыхнула эпидемия. Ни один отвар не спас от неизвестной

“гнилой” болезни, убивавшей за несколько суток.

Неприятная догадка холодным комком сжалась меж ключиц. Она сглотнула и снова почувствовала сухие рези в горле.

Тем временем человек всыпал очередную порцию порошка в котелок и, размешав металлической палочкой бурлящее варево, встал и косо поглядел на нее. *Как будто бритвой резанул!*

– Воды дай, – как можно тверже произнесла она, глядя выпученными от страха глазами на его уши, обросшие по верхнему краю черной шерстью.

Это не человек.

Он скривил губы – видимо, усмехнулся, – но все же исполнил ее просьбу. Снял с крюка черпак, наполнил из бочки и поднес к ее губам.

– Пей, – приказал он.

Она почувствовала издевку в этом коротком, с усмешкой произнесенном слове. Приказать ей пить было равносильно тому, что приказать ему принести питье. Злость поборола страх, и она посмотрела ему прямо в лицо. Ее крик погас в бульканье судорожно сглатываемой воды. Белое пятно с черными точками глаз ... ее поила Смерть.

Глава вторая.

Дух зверя

– Мое имя – Олга! – раздраженно произнесла она, когда он в очередной раз обратился к ней, называя девкой.

– Мне плевать, какое имя было у тебя до смерти, – холодно произнес он, пальцами прощупывая мышцы ее ног. За время болезни они истощились так, что можно было пересчитать все косточки коленного сустава. Если честно, Олга не понимала, что он пытается найти под слоем кожи. Она с ужасом рассматривала свои конечности, думая о том, что ей самое место в анатомическом классе в качестве наглядного пособия для изучения скелета. И тут же вспомнила, что нет больше класса, и школы при храме не существует. Наверняка ее сожгли жители окрестных деревень, чтобы мор не распространился по селениям. А если не сожгли, то скелетов там и без нее более, чем достаточно.

– Попробуй-ка встать, – произнес он, подавая ей руку. Она оттолкнула протянутую ладонь отчасти из упрямства, отчасти из-за того, что ее пугали прикосновения к его коже. На ощупь она была холодной, как у утопленника, холодной и гладкой. Опираясь о стену одной рукой, а второй придерживая сползающую простыню, она медленно поднялась, борясь с тошнотворным головокружением и пытаясь удержаться на

дрожащих ногах.

– Брось покрывало, – приказал он.

– Что?!

Она была абсолютно нагой, если не считать бинтов, бандажом перетягивающих ее торс. Без лишних слов он шагнул к ней и резким быстрым движением выдернул простыню из крепко сжатых пальцев. Ольга потеряла равновесие и неудачно села обратно на лежанку. Согнувшись пополам от нестерпимых резей в животе, она зашипела, чуть не прикусив себе язык.

– Глупая девка, – процедил он сквозь зубы, с силой расправляя ее, свернувшуюся в комок, и укладывая на кровать.

– Не называй меня так! – зарычала она, захлебываясь негодованием и болью. И тут он залепил ей звонкую пощечину такой силы, что на глаза выступили слезы. На короткий миг перехватило дыхание, и все телесные и душевные переживания отступили. Остался лишь бесчувственный и холодный голос, властно чеканивший тяжелые слова.

– Я буду называть тебя так, как посчитаю нужным. Запомни, теперь ты – никто, зародыш в утробе самки. Я дал тебе вторую жизнь, и ты благодарно будешь выполнять все мои приказы, иначе я забью тебя, как бешеную собаку.

Ольга застыла, пораженная своей новой ролью рабы при жестоком царьке. Сколько яда источали эти губы! Ей хотелось съязвить, но он наверняка не поспешил бы на еще один удар. Она начинала тихо ненавидеть своего спасителя.

Тем временем он нежно успокаивал ее боль. Ольга сквозь перевязь почувствовала холод его рук, водящих по животу сверху вниз, сверху вниз. *Как будто зверя оглаживает.* Как будто что-то, поселившееся внутри ее утробы, негодует по поводу грубо нарушенного покоя.

Размышляя о последней неделе, проведенной в сознании, но без движения, Ольга подметила в себе несколько новых ощущений. Слух, зрение, нюх, вкус, осязание – все ее тело работало на некоем новом, более высоком уровне. Эта перемена не пугала, но настораживала. Кто знает, что происходит после смерти... Ольга была абсолютно уверена в том, что там, на ступеньках главной лестницы школы, она не просто впала в беспамятство. Ее убили ударом кинжала в живот. И холодную сталь вонзил в ее тело именно этот нелюдь, как она мысленно называла своего новоявленного хозяина. Сколько раз Ольга задавалась вопросом, как это все может быть, сколько раз пыталась завязать подобие беседы с этим странным существом, выяснить, кто он такой, или что он такое. Но тот отвечал односложно или вообще молчал, а когда она начинала раздражаться, просто вставал и уходил, пользуясь ее немощью, чтобы избавиться от докучливых расспросов.

Тем не менее он очень внимательно наблюдал за ней. Ольга чувствовала живой интерес, хорошо спрятанный под маской безразличия и холодной отчужденности. Когда в его отсутствие она попыталась самостоятельно сесть на лежанке, взгляд нелюдя ощущался сквозь бревенчатые стены. Каза-

лось, он видел Олгу насквозь своими черными, как бездонные колодцы, глазами. Она же не смогла узнать даже его имени, а на предложение называть его “хозяином” лишь презрительно хмыкнул, едко подметив, что он ее еще не купил, чтобы иметь над ней власть. Этот довод был настолько смехотворен, что даже она в своем упрямстве понимала это, и негодовала от неясности происходящего и от мысли, что нелюдь вправе поступать с ней, как ему угодно, как хозяин спасенной им жизни. Она не понимала его мотивов, не видела цели, и страх, как волны прибоя, с завидной регулярностью накатывал, погружая ее с головой в свое липкое нутро. Она боялась, и пыталась скрыть это нападками и наглостью.

В такие моменты он не трогал Олгу, видимо, боялся повредить, и вот только что, вложив в одну звонкую пощечину все накопившееся раздражение, выплеснул его в самой что ни на есть циничной форме, разбавляя удар не менее звонкими словами. Может ли это значить, что болезнь и смерть отступили?

Олга с ненавистью посмотрела на красивый профиль нелюдя. Его сосредоточенный взгляд был прикован к бинтам, и казалось, проникает глубже, под них, в самое нутро. Щеку до сих пор саднило.

– Ну и что ты там пытаешься высмотреть? – раздраженно спросила она. Он поднял глаза, несколько секунд смотрел на стену, а потом задумчиво произнес:

– Ты, наверное, права, – Олга от удивления вздрогнула, –

девкой тебя называть бессмысленно. Мне пришлось вычистить твоё сгнившее чрево. Так что детей ты точно иметь не будешь. А какая из тебя девка, коли родить не сможешь?

И он улыбнулся ей впервые за все время, обнажая ряд безупречно белых зубов. Ольга застыла. *Да как он смеет?*

– Ублюдок! – она замахнулась, чтобы ответить ударом на удар, но нелюдь ловко перехватил руку за костлявое запястье и с силой сжал. Ольга вскрикнула от боли. Глаза его сузились, превратившись в две злые черточки.

– Сначала подумай, прежде чем ударить того, кто имеет над тобой полную власть... ялая¹ сучка, – тихо произнес он, отбрасывая её руку. Затем нелюдь поднялся и, сняв с крюка топор, вышел за дверь.

Слушая мерный стук топора, Ольга тряслась, как в лихорадке, обхватив руками взмокшие плечи.

За что? Что я ему такого сделала? Зачем он вытащил меня из ада? Чтобы опять бросить туда? Он что, пытается играть роль черта при грешнице? Зачем?

Слез не было, было лишь гнетущее чувство тоски и обиды. Даже злоба испарилась, осталась лишь бессильная усталость. Выходит, способностей человеческой души не хватает на долгое поддержание какого-то одного чувства. Она устала. Сегодняшний предел был исчерпан. И на смену жгучей злобе пришло тягостное раздумье.

¹ ялая – бесплодная (о скоте)

Сколько Ольга себя помнила, она всегда была счастлива среди родных, в кругу своей дружной семьи. Отец, Тихомир, бывший искусным оружейным мастером вот уже в пятом поколении, держал крупное дело в Толмани. В жене своей, Луте, он души не чаял, хотя она и была слаба здоровьем. Тем не менее, четырех детей народить смогла. Ольга былажданной девочкой за двумя старшими братьями и ребенком, самым тяжелым в родах. Повитухи, принимавшие роды целым собором, поговаривали, что “тяжел был плод в рождении, тяжелую судьбу пронесет в жизнь”.

Маленькая сестренка, родившаяся через два года, вышла так легко, что собравшиеся было вокруг роженицы бабки разочарованно ахали, упустив очередную возможность почесать языки, а знахарь, приглашенный в помощь, лишь усмехнулся в белые усы.

Длительные роды привели к травме, как позже говорил знахарь, осматривая Ольгу. У девочки в три года проявились признаки падучей. Выражался недуг неожиданными приступами бессознательного состояния. Однажды она “вылетела” из собственного сознания посреди улицы и очнулась дома с перебинтованной рукой. Конь под шальным наездником задел сидящую на дороге девочку, раздробив запястье правой руки. Кости срослись, но, когда пришло время учиться письму, перо Ольга держала в левой.

Припадки случались редко, но всегда очень некстати, когда их меньше всего ожидали. Ольга никогда не могла от-

личить радостно-восторженного состояния детской игры от предвестия приближающегося приступа. Несмотря на строгий запрет родителей, она в одиночку бегала за ворота играть с местной ребятней в салки, рвала рубахи на заборах соседских огородов, воровала фрукты, которые в чужих садах всегда были слаще, крупнее и желаннее, чем в собственном. В любимой среди детей забаве, игре в могучих богатырей, Ольга всегда предпочитала быть ужасным драконом, нежели прекрасной княжной, поэтому юные воины, коих было в большинстве, всегда в пылу битвы оставляли на ее теле столько синяков, сколько успевали до того момента, пока она не притворялась мертвой. Но Ольга утешалась мыслью, что мальчишкам доставалось не меньше. Бывало, что припадок настигал ее в пылу битвы, и это только добавляло шишек и ссадин.

Образ дракона сопровождал Ольгу с самого детства. Она хорошо помнила момент, когда впервые увидела этого легендарного змея. Однажды странный человек с жуткими глазами принес отцу эскиз для гравировки меча, кованного из странного серебристого сплава, – цветную миниатюру – небывалой красоты змею с тонкими перепончатыми крыльями, раскинутыми в стороны. Картинка заморозила ее своим великолепием. Отец тогда сказал, что “крылатые змеи бывают только в сказках и называют их драконами”, и что “они всегда плохие и много хорошего люда губят ни за что” и зачем-то добавил “лучше не связываться с такими зверями,

как этот ... человек". Ольга не поняла, что имел в виду отец, говоря о воине, а в то, что было сказано о змее, не поверила. Разве такое прекрасное создание может убить? Гадюка может, укусив и отравив своим ядом, а эта – вряд ли.

Ольга, уродившаяся в отца и лицом, и умом, очень быстро и хорошо обучалась простейшим наукам: письму, чтению, счету.

В поселке жил знахарь, старик – белый, как снег, с удивительно голубыми глазами на холодном лице, ну самый настоящий колдун. В деревне его уважали, но побаивались, поэтому местная ребятня навевывалась к его избе на берегу реки с завидной регулярностью, заглядывая в окна, влезая в птичник, в общем, искали жертв “колдуна” – мертвяков или, на худой конец, магические клады. Однажды ватага сопливых по весне детишек забрались в сарай позади знахарского дома. Помимо груды мусора и рухляди они нашли трех издохших воронов, черных, как деготь, и распухших до невероятных размеров. От них исходил такой жуткий смрад, что кого-то стошнило. Ольга пошевелила одного из них сломанным черенком, да так и замерла. В мгновение ока птичья тушка оплыла бесформенной массой гнили и перьев. Тут нервы у всех дружно сдали, и ребятня с диким криком полезла из сарая, как крысы из горящего дома, и разбежалась в разные стороны. Ольга так и осталась сидеть над распухшими птичьими тельцами. Припадок случился, как всегда, не вовремя. Знахарь, нашедший ее через несколько минут, оказался

спокойным и добрым стариком. Угощал теплым отваром из шиповника с малиной и все сетовал, что проклятые вороны воруют из кладовой сухие смеси, а потом дохнут, где ни попадя. А на вопрос “деда, как же ты этакой пакостью людей лечишь?” ответил, что “даже самый смертельный яд в малых мерах служит во спасение жизни”.

Дружба одинокого старика и маленькой девочки стояла на том, что Ольга доводила его до тихого бешенства бесконечными расспросами, когда знахарь составлял очередное лекарство или варил особо сложный декокт². В глазах Ольги знахарь был сказочно умен. Он много рассказывал Ольге о травах, о людских хворях, о полезных свойствах некоторых металлов и ядов. И именно он посоветовал отцу девочки по исполнении шести лет отправить дочь в школу при храме Святого Змея “для подробного изучения лекарского мастерства и науки врачевания”. Тихомир долго думал над предложением старца, и, решив, что тот плохому не научит, дал свое согласие, хоть и не по вкусу ему была мысль об ученой девице, которую и так никто, болезную, сватать не станет, а уж если она умом начнет вперед будущего мужа щеголять, так в девках и останется. Но раз так вышло, пусть хоть знанием будет богата, раз Творец здоровьем обделил. А там, надеялся отец, возможно, найдется лекарство, или болезнь сама выйдет.

Болезнь действительно ушла, когда Ольге исполнилось тринадцать – самый возраст для замужества. Ей и жениха

² декокт- лекарственный навар, взвар.

подыскали – купеческого сына, Ждана. Ждан был единственным ребенком в семье, к тому ж не чурался не по годам разумной девки, так что партия составила весьма выгодная для обеих сторон. Но школу следовало окончить и получить навык, тем более, что Ольга оказалась весьма прилежной и одаренной в области знахарства ученицей.

Если бы не страшная эпидемия, быть бы ей сейчас опытной наставницей или лекарем при княжеском дворе... или женой богатого купеческого сына.

Храм и закрытая школа при нем были местом, заволакивающим детское воображение. Огромная каменная домина с узкими прорезями окон и бесконечными галереями, коридорами, оранжереями символизировала собой лабиринт страшных тайн, эмблемой которых являлась жутковатая драконоподобная змея с человеческим лицом. Наставники еще в первый год обучения разъяснили студентам символику ордена Святого Змея.

По легенде, говорили они, орден был основан великим духом Змея, врачевателем, равного которому не было на земле, да и вряд ли будет. Он был столь почитаем за свои благодеяния, что люди стали поклоняться ему, как высшему среди созданий Творца. Эмблема ордена включала изображение созидательной ипостаси великого духа. Но была и иная – разрушающая. Преисполненные завистью и жадной властью прочие духи решили отомстить Змею, сгубив его детей. Обманом проникнув в Дом, они уничтожили семью Великого,

пользуясь его отсутствием. Несмотря на то, что многие сыновья Змея были сильнейшими воинами среди людей, любой из них мог мало что противопоставить боевому искусству духов. Узнав о происшедшем, Змей был ослеплен такой жгучей яростью, что рассудок его помрачился, и он, впад в дикое неистовство, предстал в образе Черного Дракона и, преисполнившись огромной силы, заточил духов в тела своих мертвых детей, а прочих лишил материальности. Так появились первые “духи зверей”, в народе называемые йоками. Полулюди, полуживотные – холодные и страшные, как сама смерть, порожденные смертью же, бессердечные и кровожадные, лучшие наемники, раса убийц, забывших, что такое боль.

Олга подскочила от внезапно осенившей ее догадки. *Творец всемогущий, какая же я дура, что раньше не догадалась!* Кровь пульсировала в висках с такой силой, что, казалось, голова сейчас лопнет от возбуждения. Она поняла, кем являлся ее мнимый спаситель. И еще Олга с ужасом осознала, каким образом нелюдь излечил ее.

Он сделал из меня проклятое чудовище, подобное себе! Я – дух!

Глава третья.

Змея

– Вставай! – нелюдь ткнул концом деревянного меча меж-

ду ребер, метя в свежую рану. Ольга сжалась в комок от боли на мокрой земле, притворившись, что не слышит.

– Вставай, я кому сказал!

Он что, считает грязные пятки действеннее окровавленной деревяшки?! Олгу в очередной раз скрутило от тычка ногой в живот.

– Собираешься здесь валяться до утра?

“Да пошел ты!” – мысленно зашипела она, уткнувшись лицом в набухшую от воды глину. Вслух обращать подобные речи к Учителю Ольга зареклась после первого месяца уроков, как нелюдь называл эти каждодневные пытки.

Несколько секунд был слышен лишь звук шлепающих по лужам капель, потом к ним добавился легкий удаляющийся шелест, скрипнула дверь и Ольга наконец-то позволила себе глубоко вздохнуть. Больно, но необходимо. Она с трудом перевернулась на спину, подставив разбитое лицо ледяным струям дождя. За болью она не ощущала холода – тело ее превратилось в одну большую рану, жутко саднило и жгло, как кусок мяса на жаровне. Ей даже почудилось, что журчание потоков воды – это скворчащий на горячем чугуне шмат прогоревшего свиного сала. Ольга хотела есть. Но до избы еще надо дойти, а это она вряд ли сможет сделать с вывихом лодыжки на правой, и сломанной костью на левой ноге.

Вересень³ в этом году выдался дождливым и ко всем бе-

³ Вересень – сентябрь

дам еще и холодный. Нелюдь говорил, что ночной холод – хорошее стрекало для того, кто хочет восстановиться быстрее, чем замерзнуть. А еще он говорил множество умных, по его мнению, вещей. Например, что постоянные дожди, что превращают глину в жидкую грязь, и камни – в скользкий лед, намного повышают плодотворность занятий. Так Ученица, как нелюдь называл девушку, быстрее научится двигаться с оружием в сложных условиях. То, что Ольга постоянно падала и ломала ноги-руки, совершенно не смущало Учителя, а иногда даже приводило в ярость. За любую мелкую провинность во время уроков она получала такие затрещины, по сравнению с которыми удар конского копыта показался бы дружественным тычком в бок. Но до этого Учителю не было дела. Проклятый дух, скорее всего, не чувствовал ни боли, ни холода.

Учитель был просто нечеловечески жесток, если не принимать во внимание то, что он действительно не был человеком. А был он Лисом – хитрым, проворным, мерзким зубоскалом, дрянным вонючим йоком, сильным, как дюжина наемников, и в полном совершенстве владеющим всеми боевыми искусствами и видами оружия.

Ольга ненавидела Лиса.

Откуда она знала имя своего личного тирана, Ольга не могла понять, сколько ни билась над этой тайной. Но уверенность в истинности своих догадок была непоколебима. То, что этот ублюдок являлся Лисом, для Ольги было неоспори-

мо. Эта мысль озарила ее через два дня после того, как она начала самостоятельно передвигаться, то есть во время первого же урока. *Только почему он черный, а не рыжий, как положено нормальным лисам?* Да о какой нормальности могла быть речь! Ею от Лиса даже не пахло, запах он имел один единственный – свежей крови.

Начать хотя бы с того, что среди духов никогда не было женщин. “Сыны смерти” – как они сами себя величали – искусственно сотворенная и искусственно же воссоздаваемая при помощи определенных ритуалов раса “не-людей”. По неизвестным причинам йоки не брали в свои кланы людей женского пола. Конечно, Ольга теперь была бесплодна, но женственности от нее не убавилось. Она была, есть и будет женщиной. Первое нарушение правил – Лис сделал духом женщину.

Возможно также, что природа Лиса была сложнее, нежели у других духов. Ведь очевидцы утверждали, что йоки – бесчувственные истуканы. Их невозможно разозлить словесными оскорблениями. Об этом рассказывали еще в школе. Правило гласило: не подходи к йоку близко, не нарушай границ, не касайся его, если не хочешь познакомиться с его мечом. Поговаривали, что во время ритуала перерождения человек теряет душу, остается лишь пустое сознание и холодный разум; что зверь, живущий внутри, самолично пожирает душу – источник огромной силы, и для того, чтобы жить дальше, йоку приходится кормить его, убивая невинных младен-

цев, да непорочных дев. На Ольгину душу пока никто не покушался, кроме благословенного Учителя, будь он трижды проклят. Так что домыслы на ее примере можно было опровергнуть. Пока. Но, так или иначе, радость, печаль, злобу, любовь и другие чувства йоки каким-то образом подавляли в себе. Второе нарушение правил – Лис не подавлял. Никогда!

Олга ненавидела Лиса.

И боялась. И поэтому еще больше ненавидела.

С тех пор, как она впервые сама вышла из дома на крыльцо погреться под тогда еще горячим весенним солнцем, и увидела Лиса, свежующего во дворе тушу дикого барана, она поняла, что легкая жизнь, наполненная любовью, радостью и счастьем в кругу семьи, ликующей по поводу чудесного воскрешения, ей даже сниться не будет. Ей вообще ничего не будет сниться, поскольку существо перед ней рано или поздно, не моргнув глаз, разделает и ее, как это несчастное животное, распятое меж двух рогатин. Точно так же, голыми руками и острыми когтями вместо ногтей.

А еще она поняла, что сбежать от Лиса – задача невыполнимая.

Во-первых, их жилище окружали горы, по ним не вились тропы и не пахло костром на многие версты вокруг. Сплошь крутые склоны, обрывы и глубокие расщелины. Она угодила в одну из них, сломав два ребра. Срастить их сумела, но выбраться из каменного мешка не смогла – на восстановление ушли все силы. Олга пролежала на дне расщелины три дня,

пока не потеряла сознание от голода. Лис, конечно, нашел ее, выходил, а после высек кнутом до полуобморочного состояния.

Во-вторых, Лис просто не позволит своей игрушке сбегать.

Олга ненавидела Лиса.

И, что немаловажно, ему это нравилось. Нравилось смотреть, как она изводится в бессилии, как сходит с ума от слепящей ярости, как выматывают ее сдерживаемые приступы бешенства, не находящие выхода, пожирающие изнутри. Он открыто смеялся над нею, показывая безупречно белые клыки, называл слабачкой, безмозглой дурой, глупой девкой и, возводя очи горе, произносил патетические речи тоном наставника Велеслава, преподававшего богословие и философию. Все они имели один и тот же зачин: “о, неразумное дитя, когда же осознаешь ты своим слабым умом, что главное – побороть в себе ярость”, были необычайно коротки и изобиловали такими красочными эпитетами и ругательствами, каких наставник Велеслав не слышал даже в доках столичного порта. Однажды Олга сделала по этому поводу замечание, что, дескать, жаль, такой талант лицедея пропадает зря. Два передних зуба пришлось выращивать месяц.

Олга приоткрыла разбитые губы и жадно стала пить текущие по лицу холодные струи. Равномерно свинцовое небо не давало возможности точно определить время, поэтому надо

было торопиться. Ольга расслабилась, чутко прислушиваясь к своему телу. Точнее к тому, что обитало в нем, и позвала его. Дух ответил пульсирующим жаром в солнечном сплетении, который разлился по всему телу.

Восстанавливаться она научилась слишком быстро, чему Лис удивился, но виду не подал. Ольга не знала имени духа, но он был теплым, ласковым и беспомощным, как месячный щенок. Это было единственное живое существо, которое, по крайней мере, не причиняло ей боль. Теперь, когда они стали единым целым, Ольга могла пользоваться его силой, а знания анатомии позволяли точнее определить, куда направить энергию.

Лис как-то сказал:

– Не зная имени духа, ты не узнаешь его возможностей, поскольку он не станет общаться с тобой. Не услышит, как бы ты его ни звала.

Ольга тогда спросила, почему же мудрый Учитель не открывает ей тайну.

– Потому что ты слишком немошна, чтобы будить спящего в тебе зверя. Он разорвет твоё пустое брюхо и вывернет тебя наизнанку, как засаленную наволочку. За тем и нужны уроки. Для духа ты должна быть крепче камня, с которым я познакомлю твоё милое личико, если ещё хоть раз оступишься.

А после он добавил:

– Когда ты сможешь нанести мне хоть один ответный удар, я подарю тебе имя духа, которое станет твоим собственным. А до тех пор ты будешь никем, грязью под моими ногами, безмолвной и безропотной скотиной. Так что, шевели копытами!

Плохое воспоминание. Хотя, какие события, связанные с Лисом, были хорошими? Правильно, никакие! За исключением последнего, совсем свежего, еще не потерявшего сладкий привкус мести. Сегодня Ольга добралась-таки до Лиса, причем благодаря лишь своей хитрости и смекалке. Это случилось за час до окончания урока. Тучи заволокли небо, только собираясь обрушить на землю очередной потоп. Учитель давал для запоминания простенькую связку. После разминок и проб, тычков и оскорблений он позволил ей сделать небольшой перерыв, чтобы смыть грязь и залечить мелкие ссадины.

Ольга давно привыкла ощущать Лиса, как нечто бесполое, к тому же имеющее нечеловеческую сущность. Поэтому побороть стеснение, обнажаясь перед нелюдем, не составляло особого труда. Ольга даже не подозревала в Лисе мужчину, пока случайно не заметила, как смотрит он на ее нагое тело. Это открытие вызвало сначала непонимание (почему он так смотрит?), затем удивление (он – тоже мужчина?), а после, до конца осознанное, оно переросло в ужас. Ольга внезапно поняла, что вот уже полгода, как живет под одной крышей, в одной тесной клетушке с молодым мужчиной, имеющим яв-

ную и постоянную потребность к насилию, и, вместе с тем, йоком, которые, по весьма достоверным слухам, очень ненасытны в отношении женщин. Вот уже шесть месяцев Лис ни с кем не грешил. Выводы не обнадеживали. Ольга запаниковала. Впервые за полгода ей стало по-настоящему страшно. До тошноты и дрожи в коленях.

Учитель окликнул, и на ватных ногах Ольга пошла к барьеру. Перед глазами мелькали желтые точки, язык присох к гортани. Первый же удар она пропустила и оказалась на земле. Сверху понеслось:

– Ты что, заболела?! Что это за выкрутасы?! А ну-ка поднимай свой зад, корова! Жмешься, как шлюшка в подворотне, – премерзкий смешок. Зря он это сделал. У Ольги все внутри похолодело. Ненависть и злоба моментально исчезли, угаснув, подобно углям, на которые плеснули ведро воды. Мгновение боли в сжатой страхом груди, и отрезвляющая холодная ярость на грани бесчувственности, как будто Ольга окунула горящую голову в полынью. Она поднялась.

Как-то раз, будучи в Надаре с отцом, Ольга видела женщин, зарабатывающих продажей своего тела. Они стайками порхали от одного кабака к другому, зазывая моряков недвусмысленными взглядами и движениями, обещающими сладострастие и порок. Особенно запомнились глаза, липкие и сахарные, как слюнявые леденцы.

– Простите, Учитель, – она покорно склонила голову, добиваясь наибольшей правдоподобности движения. А потом

томно посмотрела нелюдя в глаза, пытаясь сделать леденцы как можно более сахарными и липкими. Судя по отклику, действие возымело успех. Лис на долю секунды впал в ступор. Олге захотелось засмеяться ему в лицо. Вместо этого она ударила. Но Лис не был бы Лисом, если бы не реагировал моментально. Он увернулся, но так неловко, что острый конец деревянного меча задел правое плечо, разорвав рубашку.

Хлынул дождь. Лис молча и зло избивал Олгу, используя ее как битую⁴, пока она не потеряла способность ставить хотя бы видимость блоков на его атаки. А потом оставил ее валяться в грязи.

Олга ненавидела Лиса.

Не самое приятное ощущение – вправлять себе кости. Олга привыкла к боли, но чувствовать ее не перестала. По телу, и без того горевшему множеством ран и ссадин, пробежала волна жара. Дух окутал ее изнутри, будто пеленая в теплое покрывало. Легкое напряжение мышц вокруг поврежденных участков, и она почувствовала, как натянулась кожа, как неведомая сила погнала по жилам кровь, как бешено застучало сердце, и мощной волной накрыл жар. Весь этот ад длился несколько секунд, после раздался легкий щелчок в правой, и чавкающий звук в левой ноге. Восстановление завершилось. Человек бы не выжил в таком состоянии, *но*, с

⁴ Вкопанный в землю деревянный столб в три аршина высотой, используемым для отработки силы удара мечом или кулаком.

грустью отметила Ольга, *я уже не человек.*

Она с трудом встала на четвереньки, пошарила в грязи, нащупывая свой деревянный меч. Заткнув за ворот драной рубахи палку и затянув потуже воротник, чтобы меч не выпал, Ольга поползла на четвереньках к дому. Так надежнее. Еще одно падение, и силы иссякнут.

К йокам Лиса с его насмешками! Когда дело касается простого выживания, принципы утрачивают всю свою значимость. Жизнь все-таки дороже, нежели попранная гордость. По крайней мере, до того момента, пока не свершится месть. Ольга даже не подозревала в себе таких низких помыслов, такой подлости и расчетливости. Прежде она бы скорее умерла, чем так пала. Теперь же, после смерти, ей очень хотелось жить. Все идеалы бесследно испарились, как будто Ольга потеряла часть души, которой, возможно, никогда и не было. Если рассуждать здраво, то в подобную историю за все свои шестнадцать лет она не попадала ни разу. Да, умирать на лестнице в храме было страшно, но то была неизбежность. Да, были разбойники на дороге, но то была неожиданность, тем более их вовремя взял подоспевший отряд дружинников, и ничего злобного или постыдного они свершить не успели, только выбили вознице зубы. А здесь, в маленьком аду, где тебя истязает такая злобная паскуда, приговаривая при каждом ударе о благе, которое этот удар тебе принесет; здесь остается лишь один выход – терпеть удары и ярость, жгущую нутро, учиться мастерству и хладнокровию

в надежде когда-нибудь совершить возмездие – убить тварь и, наконец, освободиться от рабства.

Олга доползла до низкого, покореженного временем и мхом крыльца. На нижней ступени стояла деревянная кадка, в которую с козырька стекала холодная дождевая вода. Олга знала, что в таком виде чисто плотный Лис ее не пустит. Она присела на крыльцо, разделась и опустила босые ноги в воду. Тщательно протерев жестким пористым камнем подошвы, смыв грязь с ног, рук и плеч, Олга обтерлась сухим полотенцем, висевшим на дверной ручке, и очень медленно, опираясь о косяк трясущимися руками, поднялась, чтобы войти, а не вползти. Лис, конечно же, проследил весь ее путь до дома, но насмешничать ей в лицо он не будет. Не из гордости, так из вредности, но Олга не могла ему позволить такого удовольствия. Меньше радостей, больше гадостей! А сам он ни за что не подаст виду, что наблюдал за ней. Наигранное лисье безразличие можно использовать и в свою пользу, если, конечно, Лис не захочет сменить роль... или игру.

Наконец удалось заставить сведенные судорогой мышцы держать вес тела. Но силы, как всегда иссякли в последний момент, и она ввалилась внутрь, потешно взбрыкнув ногами. Ожидаемого Лисьего смеха Олга так и не услышала. Лиса в доме не было. Горел очаг, вкусно пахло жареным мясом. Олга привстала, опираясь на руки, смачно чихнула и ругнулась одновременно. И тут она заметила под своим голым телом рисунок. Мелом на полу мастерски была изображена кобра

с раздутым в ярости капюшоном. Ольга подтянула колени и села. На влажной коже груди и живота остался четкий отпечаток. Она долго и вдумчиво рассматривала свой живот, а потом дико захохотала. Усталость как рукой сняло.

–Ах ты, Лисья морда! Погань зубастая!

Всю ночь плясал под холодным дождем новорожденный дух, выкрикивая свое имя – Змея!

Глава четвертая.

Уроки

Дух проснулся на третий день зова.

Три дня Олга пела ему, лежа на выскобленных половицах у очага, расслабленная и сонная. Три дня рая без злобного тирана и избиений. Три дня ада ожидания, когда же вернется мучитель. И тихая, похожая на колыбельную песня, сродни шепоту волн, бегу ветра в высокой степной траве, дыханию, срывающемуся с губ – зов. Так, наверное, поют ангелы, встречая непорочную детскую душу у ворот рая. Так пел хор в храме ее детства, славя Творца и всех чад его. Три дня Олга боялась спугнуть наваждение, призрак бывшего счастья, прошлой жизни. Ей казалось, что все это чужое, иная явь, в которой была девочка Олга, Лелечка, доченька, но не было ее – безымянной рабыни, Змеи. Более того, ей казалось, что и сейчас ее не существует. Образы детства проплывали перед мысленным взором – смятые, искаженные, истертые, постепенно превращались в рассказанную кем-то историю о покое. Олга забывала себя, проваливалась в омут беспамятства. Она стояла на грани. На грани перерождения, о котором говорится в древних учениях. Когда душа, готовая сорваться в новую жизнь, балансирует на узком пороге, храня в себе воспоминания о прожитом. Наступает момент, и Си-

ла толкает человека за дверь, прочь из старого дома, и в тот краткий миг полета на землю он теряет все. Так спираль завершает свой виток.

Вспомнив это, Ольга поняла, что теряет себя. Что, проснувшись, дух сотрет ее в ничто, останется лишь оболочка. Страх ледяной волной накрыл ее сознание, вплетая свои влажные струи в зов, ломая его приглушенный ритм.

Ольга не хотела терять. Духу, по-видимому, необходимо было ее окончательное решение, как толчок, как ключ к замку.

Три дня белого тумана, блужданий по дну стеклянного озера. Совершенная тишина вокруг и пустота внутри. Все эти медленно текущие потоки, окутавшие земной шар пеленой зыбучего воздуха, все они моментально сжались до крупицы песка в тот миг, когда проснулся дух.

И время взорвалось, не выдержав давления. В бешенстве разорвало тело, сдерживающее его своей непрочной структурой.

Ольга сошла с ума. Она не помнила себя, да и не осталось ничего человеческого в том визжащем от боли куске плоти, что катался по полу, заходясь в диких криках. То была Сила, о которой предупредил Лис. Она терзала брентную оболочку, наполнила собою кровь, мышцы, каждую косточку, перекраивая все под себя.

Ад?! Ха! Сам Разрушитель ужаснулся бы столь изощренной пытке.

А потом настало ничто...

Лис присвистнул, удивленно разглядывая развороченный сруб. Теперь это убежище вряд ли можно восстановить, разве что разобрать и построить новое.

После его двухнедельной отлучки дом казался совершенно необитаемым. Припорошенная снегом крыша совсем осела, в некоторых местах зияли темные провалы.

“Выбила подпорку”, – догадался хозяин.

Дверь, точнее ее жалкие останки, болтались на одной петле, разукрашенные потеками давно спекшейся крови. Дорожка к порогу была нехожена, так что Лису пришлось пробираться по сугробам, проклиная небеса и Сотворившего их заодно.

Внутри даже не пахло – смердело нечистой кровью. Лис плотоядно усмехнулся. Ему нравился этот запах. Место, продуваемое всеми ветрами, сохранило его, несмотря на время. Запах второй смерти. Запах крови духа.

Хозяин взгляделся в полумрак холодного остова. Как он и предполагал, подпорка была выбита из гнезда. Стены, пол, потолок – все что от них осталось – в разводах бурой жижи, застывшей в корку. Ни единой целой вещи. Все разрушено до полной потери формы, все вернулось к своему первоначальному хаосу.

“Где она?”

Лис шагнул через порог, судорожно втягивая носом воз-

дух. Обоняние не могло подвести, она была здесь, но живая ли.

“Она не должна была погибнуть!”

Под сапогом хрустнули черепки разбитой посуды. Лис напрыгся, почувствовав легкое движение. Потом выпрямился, потряхнув гривой заснеженных волос, и уверенно шагнул к вороху грязного тряпья, сваленного в дальнем углу. Присев рядом, он отвернул тряпицу с лица Змеи.

Красные, как два пылающих горна, глаза, и когтистая лапа резким, почти незаметным движением с необыкновенной силой схватила его за горло.

Она была жива!

Олга любила этот звук – скрежет металла о точило.

В углу мастерской отца стоял огромный, старый как мир, кованный сундук с тяжелым узорчатым замком, который вряд ли можно было снять даже самым прочным ломом. В нем хранились особо ценные камни, используемые для различных инкрустаций, бумаги, векселя, дорогие старинные книги (Олга подозревала, что колдовские), и множество всякой интересной, но, увы, недоступной для длинного девчоночьего носа всячины. Эта деревянная глыба из мореного дуба пережила не один пожар, приобрела стойкий грязный налет и, прикрытая лоскутным покрывалом, выглядела очень уютно. Олга всегда засыпала на сундуке, наблюдая за работой отца, убаюканная скрежетом шлифовального станка.

Стальное лезвие мерно охаживало точильный брусок. Потрескивал огонь в печи. Ольга поежилась, плотнее укутываясь в теплую, вкусно пахнущую зверем шкуру... Шкуру?! Змея болезненно поморщилась, вспоминая события последних месяцев, и открыла глаза.

Первая странность заключалась в том, что открыла-то она оба, а видела почему-то только одним глазом. Вторая странность – изменившаяся обстановка. Это был совершенно другой дом – настоящий добротный сруб, а не полуразвалившаяся баня. И третье – сам Учитель с перебинтованной головой. Повязка и недовольное выражение лица делали его облик столь потешным, что, несмотря на весь свой страх, Змея фыркнула, не сумев сдержаться. Лис резко обернулся, и Ольга встретила с ним взглядом. Опять эти страшные мертвые глаза! И в то же время ее обдало такой волной презрения и злости, что она чуть не захлебнулась собственным дыханием.

Лис ощерился и возвратился к прерванному занятию.

Ничего не изменилось в поведении Рыжего... или все-таки? Ольга потрогала левый глаз: *“вроде бы в порядке”*, и еще раз осмотрела новое убежище.

“Что ж, по крайней мере, здесь есть печка... Интересно, в честь чего такие перемены? Зачем он меня сюда приволок?”

Натянув шкуру до самого носа, она приподнялась на подушке, оглядываясь.

Небольшая, но достаточно просторная комната, на чет-

верть занятая печью, вмещала в себя массивный, топорной работы стол, пару таких же табуретов и две широкие лавки, одну из которых занимала Ольга. Застиранная занавеска разделяла кладовую и жилое помещение. Судя по характерному капающему звуку, долетавшему из-за неплотно закрытой двери, умывальник находился в сенях.

Сталь мерно охаживала точило.

Ольга выскользнула из-под шкуры и, не найдя, чем прикрыться, как была, нагишом тихонько вышла в уборную. За дверью, вопреки ожиданиям, оказалась еще одна маленькая комнатушка с выходом в сени, из которых по полу тянуло холодом. Слева до самого потолка размещались широченные полки, до отказа забитые пыльным, провонявшим плесенью, ржавчиной и звериной мочой хламом. Справа в углу стояла приземистая бочка с водой, прикрытая квадратной крышечкой, увенчанной, в свою очередь, помятым железным черпаком. На стене красовался медный умывальник с зелеными подтеками на тусклых боках, раковина на деревянном коробе и, самое примечательное, настоящее заморское, правда, треснувшее зеркало с каравай размером, такое же круглое и обрамленное дорогой рамой с облупившейся позолотой. Далее стояла скамья, укрытая в беспорядке сваленной одеждой, под ней – огромный чан продолговатой формы, доверху нагруженный кулями и свертками. У двери валялось несколько пар сапог и чудовищных размеров топор. Ольга поморщилась. Она не любила беспорядка.

Вода в умывальнике была холодной, с приятным металлическим привкусом. Ольга ополоснула лицо и шею, фыркая и отдуваясь... что-то было не так... Она отерла лицо полотенцем и почувствовала, как с кожи сходит тонкая пленка.

—

Что это такое?!

Змея поглядела в зеркало...

Наверное, она кричала, возможно, громко — все вылетело из памяти. Остался только ужас пережитого заново кошмара. Там, в предательски правдивом стекле была не Ольга, не человек, а какое-то чудовищное подобие ее, созданное в воспаленном воображении одержимого тьмою.

Ольга давно не видела своего четкого отражения. Она помнила, что после болезни все волосы на ее теле вылезли, не осталось даже ресниц, а кожа в области спины, плеч, шеи и затылка покрылась розоватыми пятнами, сошедшими после трех недель тренировок, но не до конца. Волосы же росли медленно. В остальном ничего не изменилось.

А теперь ее некогда милое круглое лицо превратилось в жуткую маску. Скулы и подбородок заострились, нос вдавило внутрь черепа. Рельефными на худом лице остались лишь верхушка тонкокрылого носа да полные губы. Отросшая неровными прядями щетка волос на голове приобрела странный зеленоватый оттенок, что было заметно даже при мутном свете зимнего солнца, проникавшего сквозь оплывшие слюдяные стекла маленького окошка. Пятна на коже

ороговели, побурели и лоснились, как рыба чешуя. Радужка глаза пожелтела, увеличившись в размере, зрачок уподобился змеиному, уши приобрели почти правильную округлую форму, череп сузился и вытянулся. Поверх бурого рубца на левом глазу, склеив веки, выросла тонкая пленка, которая теперь и сходила с кожи. Ольга стала похожа на гадюку со скальпом стриженной кикиморы на лысой макушке.

Змея закрыла лицо руками. Ее била крупная частая дрожь. Бессилие что-либо сделать, противостоять вторжению, мучило ее в этот момент больше, чем собственное уродство. Кровь закипала от жгучей, не находящей выхода ярости. Она осознавала беспричинность и странность такой внезапной и сильной вспышки ненависти ко всему живому, но не могла совладать с этой стихийной лавиной чувств.

“Я схожу с ума?! Что со мной?! – испуганными зверьками металась мысль. – Человек борется со зверем! Неужели я настолько слаба, что не смогу побороть в себе это бушующее чудовище?!”

Страх победил. По какому-то странному извращенному закону, установленному Всеблагим Творцом в назидание детям его, именно это низкое подлое первобытное чувство в большинстве случаев оказывается сильнее. Сильнее любви, добра, рассудительности, преданности. Сильнее смерти. Воистину, сей закон универсален, он не имеет ни положительного, ни отрицательного знака. Чтобы выжить, необходимо бояться. Ольга усвоила этот закон. Иной способ поведения в

ее жестоком мире – безрассудство, несущее смерть.

Она тряхнула головой, глубоко вздохнув, подавила дрожь и снова взглянула в зеркало. Лис стоял за ее спиной. Острый холод металла прошелся вдоль позвоночника Ученицы и уперся под ребро. Глаза Учителя светились в полумраке, отражаясь в зеркале, как два мерцающих огонька. Змея застыла в напряжении, ожидая удара. Она, погруженная в свои мысли, даже не почувствовала, как он подкрался сзади. Теперь же, всем своим сжавшимся в комок страха существом, она ощущала мертвый холод его кожи, глубокое мерное дыхание, тяжелый поток его мыслей – подавляющих, сминающих, его власть.

Лис несколько секунд разглядывал ее отражение. Кинжал переключался к Змеиной шее.

– Первое правило духа, – тихо произнес он, касаясь ледяными губами нежной кожи уха, – всегда быть начеку, иначе – смерть.

Олга задрожала.

– Второе правило духа – иметь глаза на затылке и всегда держать их открытыми, иначе – смерть.

Рыжий с шумом втянул ее запах, проведя носом вдоль шеи. Змея безгласно дернулась, наткнувшись на острие.

– Третье правило духа – всегда носить при себе оружие, иначе – смерть. Это – основа нашей с тобой жизни, милая, – он снова поднял взгляд. Его губы растянулись в ухмылке. – Это – твоя молитва. Твой бог – меч. Твой храм – ты. Твой

священник – я.

Лис коротко резанул кинжалом по горлу. Тягучая струйка крови поползла вниз, собираясь в яремной впадине густой, влажной, живой каплей. Рана моментально затянулась, но боль, обостренная ожиданием, осталась. Рыжий собрал дрожащий сгусток пальцем и, отправив его в рот, бесшумно отступил, растворившись, будто и не было.

Олга боялась шевельнуться, пока за чернявым психом с легким хлопком не закрылась дверь. Она тяжело оперлась на край раковины, глядя на свое отражение. Свободной рукой Змея медленно потянула за тонкую пленку, стягивающую веко, и открыла левый глаз.

– Ничего не изменилось, – тихо прошептала она, – он убьет меня. Рано или поздно, но он убьет меня. Зачем ему это все!

Ее лицо исказила жуткая злая гримаса, и осколки разбитого зеркала мелодичным перезвоном посыпались на пол. Олга упала поверх вороха одежды на лавку, захлебываясь слезами.

В соседней комнате Лис сморщился от резкой головной боли, вгрызающейся в мозг, как сотня острых кинжалов. Он поправил повязку, но это не возымело должного эффекта.

– Вот стерва! – зашипел он и схватил плеть. Боль успокоилась, как только истерзанная наказанием за нанесенную ему тогда, в старом убежище, рану Олга прекратила реветь и вообще подавать какие бы то ни было признаки жизни.

Они ели молча, как всегда. Ольга уставилась в тарелку, лишь бы не смотреть на ненавистное лицо напротив. Спина после вчерашней порки уже не болела, но обида мучительно давила на грудь, не давая покоя. Мысли все время крутились вокруг одного и того же вопроса: за что он так меня, за старое треснувшее зеркало?! Но Лис никогда не проявлял особой любви к различного рода дорогим побрякушкам. Вещи мало что для него значили, а на собственную внешность ему вообще было наплевать. Нет, еще как-то можно было понять вспышки лисьей ярости, когда она ошибалась во время уроков, грубила или перечила ему, пыталась сбежать или отлынивать от работы по дому. Но теперь-то, за что он так нещадно избил ее? За паршивую стекляшку?! Может быть, с этой вещицей связаны какие-то важные для Лиса воспоминания? Вряд ли. Тем более, что зеркало было навешено специально для нее, в этом Змея была уверена. Тогда за что? Ольга, конечно, допускала, что Лис – просто помешанный на жестокости изверг, но, если как следует поразмыслить над его поступками, то зверства Рыжего всегда имели под собой основу, и объяснить его злобность можно было чрезмерной неуравновешенностью и вспыльчивостью характера. До последнего случая. Это было всего лишь зеркало! Так он ее не избивал даже в конце лета, когда покушение на лисью жизнь кончилось неудачей. Для нее.

Ольга задумчиво мяла вываренный кус мяса, размазывая ложкой волокна по стенкам миски, и изредка исподлобья по-

глядывала на Рыжего. Он же рассеяно отправлял в рот дымящееся варево, не обращая внимания на отвратительный вкус. Готовить Лис не умел.

О чем бы он ни думал, но Ольга была крайне удивлена, заметив тень страдания на его лице в тот момент, когда он положил ложку и уставился на нее своими глазами. Или ей это только показалось? Так или иначе, но Ольга поспешила опустить взгляд, ибо кто знает, как Учитель расценит такое наглое изучение своей особы. Да и, что греха таить, она боялась этих бездонных глаз, которые в данный момент внимательно разглядывали – она чувствовала – шрам на левой щеке.

– Ну? Долго ты там будешь ковыряться?

Ольга застыла, крепко сжав под столом собранный в кулак подол рубахи. В его голосе не было враждебности.

– Знаю, что гадость...

Ольга бросила на него быстрый взгляд. Холодные пустые глаза. Как у дорогой фарфоровой куклы!

– С сегодняшнего дня будешь сама готовить.

Она не верила своим ушам.

– А теперь сядь прямо, как подобает духу, и слушай, что я буду тебе говорить.

Значит, бить не будет. Аккуратно положив ложку и опустив обе руки на колени, Змея расправила плечи и уперлась взглядом в кадык на лисьей шее. Он несколько мгновений молчал, видимо ожидая, что ученица сподобится-таки по-

смотреть ему в лицо, но, не дождавшись, усмехнулся и, перебирая пальцами по столу, начал неимоверно длинную, пристойную для Лиса речь.

– Я намерен наконец-то поздравить тебя с пробуждением духа и преодолением первой ступени ученической лестницы. Мой ... Учитель называл ее “грань ярости”.

Олге показалось, или Лис действительно споткнулся, упоминая своего наставника?

– Ты по тупости своей, конечно, не поняла сути первой части обучения. Смысл достаточно прост. Объясняю: твоей прямой задачей являлось преодоление всех – хороших и плохих – чувств. Достижение полного спокойствия и холодности разума в присутствии сильнейшего... – нелюдь сосредоточенно подбирал нужное слово, – в присутствии сильнейшего раздражителя. А теперь слушай и вникай, я постараюсь доступно объяснить, зачем это нужно.

– Духи – то бишь мы – существа, наделенные огромной силой и способностями. Когда мы ... рождаемся, к каждому новоиспеченному “сыну смерти” приходит оракул и ставит Печать. Делается это с одной целью – запереть излишнюю ... горячность нрава. Идеальный воин не чувствует ни страха, ни любви, ни ненависти, вообще ничего. Убийца хладнокровен.

Лис задумчиво помолчал, глядя куда-то в сторону и перебирая длинными пальцами волосы на затылке. Олга не могла понять причины, но говорить ему было трудно, даже ес-

ли учесть, что Лис вообще не любил разглагольствовать. Он предпочитал ругаться, язвить и сквернословить в адрес своей подопечной. Учитель усмехнулся и произнес:

– У духа отбирают душу... Чтобы у него не возникало лишних желаний. Как то: поработить мир, захватить власть или еще что-нибудь в этом роде. Но духи способны на ярость, когда их пытаются убить, обокрасть, в общем, влезть на ... частную территорию. Способны на холодную “белую” ярость...

– Так как все люди разные – одни менее, другие более сильны характером – то и “сыны смерти” из них получаются различные. Печать всегда можно сломать или повредить, надо только приложить усилия. Поэтому наставники – Учителя, Мастера или Старшие, в различных кланах их называют по-разному – закрепляют действие Печати: обучают Младших испытывать “белую”, или холодную ярость к врагам. К тем, кто посягает на их территорию. Постепенно подобное чувство выжигает ослабшую под Печатью душу. На место прежних ... эмоций приходит полное спокойствие и бесчувственность. Чистый разум никогда не сделает глупой ошибки в бою или в жизни. В отличие от ослепленных чувствами идиотов...

Лис снова замолчал, погрузившись в свои мысли, предоставив Змее время как следует обдумать услышанное. *Так вот чего этот изверг добивался! Чтобы я стала бездушным истуканом. Не дожدهшься, гад!*

– Так оракулы рассказывают людям, но я не верю. Особенно в ту часть про душу. Все это расплывчато и неопределенно, хотя звучит жутко. Они великие словоблуды – эти белоглазые демоны. Оракулы... Только оракул может снять Печать, как и поставить ее. И Печати бывают разные. Их сотни сотен видов. Они могут как усилить духа, так и ослабить. Многие могут... даже убить. Я думаю, что, возможно, это какая-то древняя магия времен Святого Змея... Эти белоглазые слепцы утверждают, что если йока не закрыть печатью, то его постигнет скорое безумие.

Лис с силой сжал в кулак пальцы, до этого выбивавшие о столешницу глухую дробь. Змея озадаченно поглядывала на Учителя, пытающегося сдержать в себе бешенство. Она никогда не видела оракулов и только по смыслу разговора смогла догадаться, что белоглазыми слепцами Лис назвал именно их. Люди же величали оракулов божественными старцами и считали хорошей приметой встретить их, ибо в помощи те никому не отказывали. Более того, их считали чудотворцами, и они действительно владели какой-то древней магией.

– Не верь оракулам. Не верь никому, кто имеет над тобой власть, потому что все их действия направлены к одной цели – еще более эту власть усилить!

Он нахмурился, поняв, что позволил себе излишнюю горячность. Ольга чуть не спряталась под стол, пытаясь сделать вид, что не заметила слабинку в железном Лисьем спокойствии. Этот йок чересчур мстителен. А Змее лишних пинков

получать отнюдь не хотелось. Нелюдь тем временем продолжил.

– Все духи почитают оракулов, как богов. Их очень мало, я имею в виду белоглазых. Они бессмертны и могут переселяться в чужие тела. Таким образом оракулы проносят накопленный опыт и силы через века. Без их Печатей “сыны смерти” просто вымрут, и никакой кодекс не удержит их от безрассудных поступков, продиктованных горячими сердцами. Например, захотят... отомстить... тем, кто не дал им спокойно умереть, будучи людьми. Так и перебьют друг друга.

Лис задумчиво потер висок указательным пальцем.

– Печать Жизни, то есть первая печать, имеет свойство стирать из памяти все, что было с человеком до обращения. Дух помогает ей в этом. Ему это выгодно. Легче ужиться с разумом без прошлого. Легче управлять.

Змея насторожилась. Она помнила зов, и до сих пор ей было страшно от единственной мысли, что, танцуя на грани, она могла не справиться со странными силами, пытавшимися столкнуть ее в омут беспамятства.

– Но вернемся к тебе. Я давал тебе основы ближнего боя на коротких мечях – то, чему обучают армейских новобранцев, да желторотых барчат, – неожиданно сменил тему нелюдь. – Я ждал, когда же ты сможешь осилить свою глупую злобу и включить, наконец, голову. Когда ты перешагнешь грань ненависти, затмевающей разум, и твоя ярость станет

холодной, не мешающей мыслить.

– Смешно было смотреть, как ты тупо бесишься, не желая даже подумать о чем-то, кроме своей ненависти. А твои попытки досадить мне... да уж... здесь и говорить не о чем... потешно! В бой надо идти хладнокровно. Сильного противника можно победить только хитростью, а нахрапом лезть – себе дороже. И, слава Небу, ты это, наконец, уразумела.

И он на мгновение поймал ее взгляд, ища подтверждение своему последнему умозаключению. Ольга беспокойно заерзала на табурете, отводя глаза. Конечно, ни о чем таком она даже не задумывалась. Все во время того последнего урока получилось внезапно и как-то само собой. Но не это было главной проблемой на данный момент. Печать! Вот о чем стоило волноваться не на шутку. По логике Лисьего рассказа – хотя Змея, что странно, не потеряла память о бытности своей в “прошлой” жизни – в ближайшее время ее душа должна быть “выжжена”, чего Ольге не слишком-то хотелось. Более того, она была в ужасе от подобной перспективы. Как бы призрачно ни было такое понятие, как душа, потерять ее – значило утратить человечность, а это страшнее любого греха, ибо нарушить столь сложное естество, созданное Творцом, чревато неприятностями. Так наставляли в храме, и Ольга не считала это учение богословской чушью. *“Все едино и совершенно в своем единстве. И единство свято, как свят Творец. И человек не вправе нарушать то, что создано не им, ибо все создано для него, и он создан для всех”*. Как же

можно без души остаться человеком?! Вот если вырвать сердце, во что превратится живой, кроме как в труп?

Не надо обладать большой проницательностью, чтобы понять причину Ольгиных тревог. Лис, буравящий ее своим взглядом, догадался и произнес со странной... злобой ли?.. в голосе:

– На тебе нет Печати.

Змея в изумлении не нашла ничего лучше, как задать глупый вопрос:

– Почему?

– Когда оракул пришел к тебе, я убил его.

Олга, открыв рот, не страшась, разглядывала сумасшедшего йока, посмеявшегося совершить такое... такое преступление. Лис внимательно следил за ее реакцией, презрительно скривив тонкие губы в усмешке. Выждав пару мгновений, он наклонился к ней через стол.

– Назови-ка мне свое имя.

Олга насторожилась.

– Какое именно?

Лис удивленно приподнял одну бровь.

– А у тебя их много? Ну что ж, давай по-порядку, все, что помнишь, начиная с мамок-нянек и кончая храмом. Говори!

– Мое первое имя – Олга, дочь Тихомира-оружейника и Луты-кружевницы. Мое второе имя – никто. Мое третье имя – Змея, “дочь смерти”, дух зверя...

И лишь когда Олга закончила свое краткое жизнеописа-

ние, она осознала, что совершила самую большую ошибку в своей жизни. Причем, совершенно не понимая, как она умудрилась все выболтать. Это было похоже на колдовство. Холодный пот выступил на лбу, рубаха моментально прилипла к телу, пальцы предательски задрожали. Как же он сподобился сотворить с ней такое? Она метнула в его сторону настороженно-злой взгляд. Лицо Лиса по выразительности напоминало камень и было такое же серое от усталости. Он, как изваяние, сидел, не мигая, несколько долгих мгновений, а потом как-то потек всем телом, подобно воску, тяжело опираясь на столешницу.

– А теперь ты можешь задать мне один вопрос, а я попробую на него ответить.

Змея посмотрела в черные глаза Рыжего, в пустое пыльное зеркало души, в котором нечему было отражаться. *А ведь он был совсем мальчишкой, когда стал “сыном смерти”, не больше десяти лет от роду. Глупо обращать в таком возрасте, организм не выдержит. Странно, что он вообще выжил.* Олге вдруг стало так по-волчьи тоскливо, что захотелось лечь и умереть. И в груди появилась давящая тяжесть неисполнимого желания попасть в родной дом, к братьям и сестре, к отцу и матушке. И она спросила Учителя, даже не надеясь на ответ:

– Ты отпустишь меня когда-нибудь?

Лис, качая головой, невесело усмехнулся.

– Это уже невозможно. Ты поймешь... когда-нибудь.

Прыжок. Еще прыжок. Сапоги заскользили по обледеневшим камням, припорошенным снегом. Ольга, не удержав равновесие, по колено провалилась сквозь тонкую ледяную корку в холодную воду. Дыхание перехватило, ноги моментально занемели и отказались слушаться. Сильное течение неумолимо затягивало под лед. Змея выпустила когти и, вгрызаясь твердыми, как сталь, костяными отростками в горную породу, взобралась обратно на камень. Несколько долгих мгновений она сидела неподвижно, подобрав под себя мокрые ноги, и разглядывала бурые, длинные, с мизинец, когти, мысленно приказывая им втянуться. Это очень неприятно – наблюдать, как острые лезвия уходят под покрасневшую от холодной воды кожу. И больно. Но терпимо. У Лиса эта процедура занимает миг, значит и у нее скоро разовьется та же скорость. Она способная ученица. Способная и очень злая.

Ольга стянула сапоги, вылила набравшуюся в них воду и надела сухие шерстяные носки, бережно согретые во внутреннем кармане полушубка. *Блаженство!* Вслед за носками свое законное место заняла побуревшая от воды обувь.

Метка!

Змея подскочила на месте, как укушенная. Она потеряла метку – синюю ленточку! А это значит, что придется проходить трассу еще раз, ночью. Ольга вытянула из кармана моток связанных между собой в радужном порядке разноцветных

лоскутов. Красная, оранжевая, желтая в мелкую черную крапинку, зеленая, небесно-голубая с куском грязных кружев. Ей осталось последние две. Синяя была придавлена камнем ко дну быстрой горной речушки, на мелководье. Змея порядком намучилась, спускаясь в ущелье по крутому склону. И нет, чтобы сразу привязать тряпицу к общей цепочке... так она решила сначала перебраться по камням через заводь на противоположный берег, чтобы не торчать на промозглом ветру среди ледяных скал. И вот! Метка, наверное, выскользнула из руки, когда она цеплялась за валун, и лоскуток затянуло под лед. Теперь искать бесполезно, течение давно унесло тряпку к порогам. Бесполезно, но стоит.

Змея, убирая моток обратно в карман, поднялась и, хлопая размокшими сапогами, запрыгала с камня на камень к берегу. Лучше понадеяться на доброе расположение хозяйки-судьбы, потерять время на поиски, и отделаться легким наказанием (поркой) за промедление, чем потерять часть цепочки и преодолевать трассу повторно. На этот раз Ольге повезло. Буквально в полуверсте⁵ от заводи через поток перекинулась поваленная снежной лавиной ель. В ее зеленой, обледеневшей от водяных брызг кроне и запуталась метка. Змея, крепко привязав лоскут к общей цепи, вернулась к тропе и, сосредоточившись на следе Учителя, отправилась на поиски седьмого звена. Сегодня она обязана завершить цепь вовремя.

⁵ 1 верста = 1.0668 км.

Это была странная и опасная игра – трасса. Ее правила отличались предельной простотой: пройти по следу Лиса через лес и скалы, собрать все метки, возвратиться в убежище к закату и принести завершённую цепь. Игра начиналась в полдень, после уроков и обеда, и оканчивалась с последним лучом солнца. Если Младшая приходила позже установленного срока и приносила цепь, Лис наказывал ее десятью ударами кнута. Если в цепи не хватало звена, наказанием служило прохождение заготовленной на следующий день трассы после пяти ударов кнутом. Если Змея приносила цепь вовремя, то она получала право задать Учителю один вопрос, на который он был обязан ответить.

Все просто, да вот только за последние два месяца Ольга смогла получить лишь три ответа. Лис расставлял метки во время охоты во второй половине дня. За ночь следы заносило снегом, запах выветривался напрочь, и поначалу Ольга блуждала по лесу до глубокой ночи в поисках проклятых тряпок. В конце концов, вдоволь жестоко наигравшись со своей Ученицей, Лис научил ее замечать след не только на снегу, но и отпускать на поиски духа.

– Если рядом много людей, использовать этот способ нужно с большой осторожностью и внимательностью, – наставлял Лис. – Твое тело становится уязвимым для удара, поскольку ты отпускаешь свое сознание вместе с духом далеко от себя, пусть и на время. Ты видишь его глазами и слышишь его ушами. Для этого надо научиться подчинять силу

и способности зверя внутри своего тела, чтобы так же легко управлять им на расстоянии.

Обучиться этому трюку было крайне сложно. Змей был силен, и как только Ольга пыталась сосредоточить энергию на конкретном действии, ее начинало рвать на части от избытка силы. Все эти попытки были сродни заталкиванию медведя в мышиную нору. В конце концов, Змея догадалась, как разрезать медведя и расширить нору, чтобы одно уместилось в другое. Тогда она впервые, не оборачиваясь, увидела сосну за своей спиной. Это умение стало незаменимым на трассе, но отнимало много сил. Ближе к закату зрение Ольги ограничивалось примерно двадцатью саженьми⁶, а иногда навык совсем переставал работать.

Змея взобралась на скалу. По ущелью разливался мелодичный перезвон бегущего потока. Морозный воздух разносил звуки с необыкновенной четкостью и силой. Где-то далеко пронзительно закричала птица. Ольга поглядела вниз. Вот она заводь, образованная резким расширением русла вправо. Там глубокое дно, течение медленнее, чем в основном потоке, и поэтому вода подернута тонкой ледяной коркой. А вон дыра, образовавшаяся из-за ее неосторожности. Надо будет запомнить это место. Весной заводь наверняка будет кишеть рыбой, идущей вверх по течению на нерест.

Змея огляделась. Древние сосны вздымались вверх, как гигантские колонны, вращая в голубой гранит небесного

⁶ 1 сажень=2,134 метра

свода тяжелыми ветвистыми кронами. Свет с трудом пробивался сквозь драгоценно-серебристую хвою. Широкие, в два обхвата, серо-бурые стволы, густо укутанные одеялом синеватого мха, стояли стеной, и чаща казалась непроходимой. Здесь снега было меньше, но Лисьи следы, пересекавшие звериную тропу, отчетливо виднелись на нетронутом снегу тонкой цепочкой, уходящей вглубь седого бора. Олге несказанно везло, что скорее настораживало, чем радовало. Проплавленная ночь выдалась не снежная и безветренная, и трасса, намеченная Учителем во время вчерашней охоты, была словно начертана углем по чистому листу бумаги. Змея расстегнула ремень, удерживающий плетеные снегоступы за спиной, и, привязав их к одеревеневшим на морозе сапогам, легко побежала по сугробам.

Ага, вот здесь Лис устроил засаду, прямо за валуном у спуска к водопою. Здесь снег примят сильнее. Вот кровь подстреленного барана. Интересно, зачем глупый зверь отошел так далеко от тропы? Подманил его нелюдь, что ли? Вот следы Лисьих снегоступов...

Олга шла быстро. Пар, вырывающийся изо рта, густым облачком охватывал лицо при каждом выдохе и оседал на кожу мельчайшими ледяными иглами. Холодный воздух звенел, как натянутая тетива. Еще мгновение, и невидимая лучница пустит стрелу, разбивая хрустальное изваяние замершей тишины. В темной кроне промелькнуло серое пушистое пятно – белка – одна, другая, третья. Змея засмотрелась на радост-

ную игру зверьков, и, неожиданно для самой себя, очутилась на краю высокого обрыва. В глаза ударил яркий свет пламенеющего гигантского шара на горизонте, медленно утопающего в закипающей пене бордово-рыжих облаков. Олга замерла на миг, пораженная необъяснимым великолепием небесного вулкана. Солнце, как жидкая дымящаяся лава, растекалось по плоской поверхности туч, неровной полосой висящих над землей, и через кратер извергало себя на линию горизонта, изрезанную горным хребтом. И снег, лежащий на вершинах, занимался прощальным огнем умирающего светила. Олга никогда не видела настоящего извержения, разве что на полотнах и гобеленах, привозимых с далекого юга, но представшая перед ней картина вулкана из туч, повернутого жерлом к земле, была намного прекраснее всего того, что она представляла себе, глядя на работы мастеров.

Но восторг длился считанные мгновения. *Солнце только коснулось горизонта, значит можно успеть прийти вовремя.* Змея огляделась. Здесь, на опушке над обрывом, следы были глубже, значит, Лис в этом месте провел больше времени. *Неужто решил полюбоваться видами?* Ага, снежный покров нарушен вдоль самой кромки провала! Олга встала на колени, разведя пятки, чтобы снегоступы ненароком не сцепились задниками, и подползла к краю. Так и есть! Темно-сиреневая шелковая лента, привязанная к голой ветке кустарника, развевалась в потоках восходящего воздуха. Змея аккуратно подтянула к себе лоскут, отползла от края и

дернула. Шелк скользнул по гладкой коре. Последнее звено найдено. Цепь завершена. Змея знала, что убежище совсем близко. И какой вопрос она задаст сегодня.

– Учитель, расскажи, как становятся йоками?

Лис на мгновение задумался, пожевывая зажатую в зубах дратву⁷. Ольга исподлобья бросала на него быстрые взгляды, не забывая накладывать ровные мелкие стежки на заплату, притачивая ее к разодранному рукаву полушубка. Сегодня Змея впервые выиграла трассу, и Учитель обязан удовлетворить ее любопытство.

Лис убрал в сторону шило и сапог, к которому прилаживал новые подметки, вынул нитку изо рта и произнес:

– Рановато тебе об этом знать, милая.

Змея замерла. Неужто Учитель нарушит правила своей же игры? Умеет ли вообще этот нелюдь держать слово? Знакомы ли ему такие понятия, как обещание и честность? Или для него обязательства перед таким ничтожеством и рабой, как она, ничего не значат? Господин дал слово, господин волен забрать его назад?!

– Обычно ритуал открывают Младшему, когда он достигнет зрелости в мастерстве и встанет на одну ступень со Старшим в технике боя. Но правила есть правила. Не бойся, я

⁷ Дратва – прочная крученая льняная нитка, служащая при ремонте обуви для крепления подошвы к заготовке. Для предохранения от действия влаги дратва пропитывают варом или воском.

знаю, что это такое. И слово свое держу. Ведь ты – Ученик, а не раб. А я – наставник, а не господин.

Лис усмехнулся. Он что, умеет читать мысли? Хм, наставник... а методы у него, ну чисто господские.

– Нас не даром называют “сынами смерти”. В прямом смысле таковы мы и есть – духи обретают жизнь через смерть тела.

Учитель поднялся и ушел в дальний конец комнаты, за занавеску. Воротившись, он принес свой походный пояс с пристегнутыми кинжальными ножами разного размера. Сняв самые маленькие и простенькие на вид, Лис аккуратно развязал “мирную” тесьму, не позволяющую моментально вынуть кинжал, и извлек тончайшее серебряное лезвие. Ольга, позабыв о шитье, вытянула шею, с восхищением разглядывая древний – она не сомневалась в его возрасте – искусно изукрашенный тончайшей резьбой клинок. Ониксовая рукоять, инкрустированная черненым серебром, оканчивалась шлифованным шаром навершия из горного хрусталя. Такое жало стоило целого состояния.

– Это не простое оружие. Это ритуальный клинок. Он есть у каждого йока. Чтобы дух “правильно” ожил в теле, нужно найти подходящую жертву. Во-первых, возраст! Не меньше тринадцати зим. Во-вторых, пол. Духами становятся исключительно мужчины, так как женщины после ритуала не выживают. И, в-третьих, человек должен находиться на грани смерти, уверенный в неизбежном исходе. Поэтому Старшие

обычно ищут себе учеников среди смертельно больных, на полях сражений или по тюрьмам и каторгам, где преступники и рабы часто предпочитают смерть безнадежному и бессмысленно-жестокому существованию.

И опять, как во время их первого разговора об оракулах, в голосе Лиса зазвенели нотки гнева.

– Когда “сын смерти” погибает... тебя это удивляет? Не обольщайся. Мы настолько же смертны, насколько и обычные люди, вот только убить нас, уже принявших одну смерть, не в пример им, сложнее. Только одним способом можно качественно извести духа. Достаточно простейшего отсечения головы, и зверь покинет тело. К тому же, если дух перестает убивать, он чахнет и умирает... Но... вернемся. Когда “сын смерти” погибает, его напарник – Учитель или Младший, или, в крайнем случае, оракул, – “забирает” духа из тела. До поры до времени зверь живет в клинке. Найдя подходящую жертву для перерождения, йок добывает ее вот этим оружием в самое уязвимое место. Зверь внутри, зверю хорошо, зверь спит. Потом приходит оракул, и мрак его знает, как эта тварь находит перерожденного. По запаху, наверное.

Рыжий перешел на свой обычный язвительно-ядовитый тон. Его что-то разозлило. Сам ли вопрос или внезапно вклинившиеся в линию разговора оракулы. Когда Учитель был раздражен, он начинал изъясняться таким вот вкрадчивым, с издевкой голосом, будто разъясняя недоумку очевидное. Ольга нервно теребила рукав полушубка. Нелюдь был, мягко

говоря, не в ладах с божественными старцами. Когда и каким образом они успели так сильно испортить ему характер, Змея не представляла, но, так или иначе, свою злость Лис явно намерен сорвать на ней, ибо больше не на ком.

– Так вот, белоглазый приходит к новоиспеченному “сыночку”, и, пока тот валяется в бреду, исходя ... послесмертными хрипами, прикладывает к нему свои нежные ручки – ставит Печать – после чего у несчастного юнца случается помрачение рассудка.

Лис выразительно постучал пальцем у виска.

– И вот в рядах бесчувственных идиотов пополнение. Новый убийца! Все радуются. Хотя вряд ли. У них же нет того самого, что требуется для радости...

Нелюдь вдруг замолчал и, подперев щеку кулаком, задумчиво уставился на моток дратвы, лежащий на столе. Ольга расслабилась. На этот раз, слава Творцу, Лисий гнев прошел стороной.

Очень странной показалась Змее вся эта история. Зачем и кому понадобилось воспроизводить расу проклятых Великим Змеем убийц? Какой смысл создавать армию идеальных воинов, если она не служит ни одному государю? Нигде и никогда Ольга не встречала упоминания о том, чтобы клан вступал в регулярную армию и полным составом участвовал в военных действиях. Да, их нанимали, и они шли убивать за деньги, но всегда были нейтральны. Нейтральны и независимы. Каждый раз приходили сами, как будто знали, что где-

то кому-то желают смерти – жестокой, быстрой, неизбежной. И, исполнив работу, исчезали вместе с деньгами.

Подобную историю Ольга слышала от одного студента, сына воеводы, отправившего нерадивое чадо стачивать гнилые зубы о гранит науки. Наместник одной из приморских волостей, у которого и состоял на службе воевода, пытался выловить со своей дружиной шайку разбойников, разоривших обоз с княжеской казной. Но дело было не только в золоте. Во время налета треклятые тати порешили сына наместника, сопровождавшего обоз. Отец был в ярости и горел желанием отомстить за убитого сына, но беда была в том, что разбойников и след простыл. Видимо, атаман распустил своих молодцов, а то и сбежал в соседнюю волость вместе со всей шайкой. Наместник зачах бы от горя и ненависти, страстно желая смерти своим кровным врагам, если бы не явились к нему, спустя месяц, два йока. Они запросили по *десять!* золотых за каждую снятую голову и двадцать за живого убийцу барчонка. Наместник согласился с одним условием: если те возьмут с собой соглядатая, чтобы было, кому подтвердить количество и качество выполненной работы. Духам было все едино, лишь бы не мешался и под меч голову не совал. Наместник подумал и послал одного из охранителей обоза, выжившего после налета, чтобы тот опознал убийцу, да своего воеводу для порядка. Последний потом с дрожью в голосе рассказывал жене и детям, как они продирались три дня через чащобы, по бездорожью на север. И одному Творцу ве-

домо, как эти жуткие нелюди находили дорогу.

Разбойнички и вправду, как оказалось, скрылись в соседнем уезде, вне владений мстительного боярина. И когда затем третьего дня пути отряд выбрался к их логову, воевода стал свидетелем самой ужасной резни из всех виденных им за свою долгую жизнь. Два жилистых духа уложили пару десятков крепких мужиков, половина из которых относилась к разряду бывалых и умелых наемников, а остальные являли собой отчаянных головорезов ростом в три аршина⁸.

Духи. Сильная, но малочисленная раса, у представителей которой от людского прошлого осталась только внешность. Холодные глыбы льда среди плодоносящих полей, полных жизни. Чужаки, живущие против природного естества. Кому так необходимо их бессмысленное существование в мире? Кто отдает приказ к воспроизведению рода? Что движет нелюдями в поиске новой жертвы для перерождения? Кто? Почему?

– Зачем?

Лис встрепенулся, скидывая с себя остатки задумчивого оцепенения.

– Что “зачем”?

– Зачем это все? Зачем мы нужны... кому?

Учитель несколько долгих мгновений сверлил ее взглядом, потом поднялся, убирая кинжал в ножны.

– Если это очередной вопрос, то спешу напомнить, что

⁸ 1 аршин=0,7112 метра=71,12 см

ты собрала только одну цепочку. Так что любопытствовать будешь в следующий раз, – недовольно огрызнулся он. Ольга подумала и решила, что подобного вопроса она ему никогда не задаст – было в дрогнувшем голосе Лиса что-то такое, что Змея сразу поняла: он не знает ответа.

Первое, что увидела Змея, выходя из лесу, был густой дым, белыми столбами поднимавшийся из двух печных труб в темнеющее к ночи небо. Это было вдвойне хорошо. Во-первых, прямые, не нарушаемые ветром дымовые нити предвещали тихую ночь и морозный, к тому же безоблачный, как нынче, день. Значит, тучи на западе, сквозь которые расплавленным железом изверглось затухающее солнце, уйдут вдоль горизонта на север, к таежным топям.

Во-вторых, две струи дыма означали, что Лис затопил баню. Да славится веками великий ум, создавший сей великолепный храм омовения и очищения!

Змея, сняв снегоступы, перескочила через припорошенный снегом овражек, и, взобравшись по крутой тропинке, вышла на плац рядом с обмотанной корабельным канатом битой, да так и застыла в изумлении от представшей перед ней картиной.

Честно признаться, Ольга еще ни разу не видела Рыжего со стальным клинком наголо. А с двумя и подавно. “Деревянный меч – единственное оружие настоящего Учителя” – любил говаривать Лис, охаживая им во время уроков плохо

защищенные участки ее тела. А сейчас...

Это было похоже на танец. Дикий, прекрасный и смертельный. Два коротких меча-близнеца послушно плясали в умелых руках, багровые отблески заходящего солнца будто жили в них своей жизнью. И сталь, бешено играя световыми лучами, разлеталась на тысячи кровавых осколков, оставляя вокруг танцующего тела багряно-серебристый шлейф, то вздымающийся над головой, то ниспадающий каскадом к земле. Лис, казалось, слышал какой-то музыкальный ритм и, следуя ему, то ускорял плавные движения, с необыкновенной быстротой вращая смертоносное оружие, то замирал в резком полуразвороте и скользил в сторону. Иногда клинки начинали жить и действовать порознь, выписывая в воздухе замысловатые фигуры, с пронзительным криком разрезая тугий морозный воздух. Иногда, как братья, блистали согласно друг с другом, завораживая точностью и быстротой удара. И пели, пели свою холодную, как сталь и неизбежную, как смерть песню.

Змея, затаив дыхание, наблюдала за тягучими, грациозными и бесшумными – даже снег не скрипел – движениями Учителя и не пропустила того момента, когда один из клинков во время очередного разворота как бы по инерции выскользнул из ладони и полетел в ее сторону. Не пропустила и не шелохнулась, зная, что нелюдь таким образом приветствует свою Ученицу и заодно разъясняет, что ее присутствие давно обнаружено. Когда клинок с глухим вздохом

вонзился в канатную обмотку биты всего в одном вершке⁹ от левого виска, она лишь вздрогнула, но через миг холодный пот дрожащими бусинами страха покрыл спину и тонкой струйкой потянулся между лопаток. Глухая повязка из толстой ткани закрывала Лисьи глаза.

Нелюдь же спокойно завершил танец с одним мечом, перекидывая его из руки в руку, с достоинством поклонился заходящему солнцу и, небрежным движением сдернув повязку с лица, подошел к Змее, убирая клинок в ножны.

– Понравилось? – Лис, будучи на голову выше Ольги, нависал над нею с паскудной ухмылкой, внимательно изучая каменное лицо ученицы. Ольга отрицательно покачала головой.

– Нет.

– А хочешь так же?

– Да.

Лис усмехнулся шире. Плоским навершием меча, зажато-го в правой руке, он откинул с ее глаз прядь волос, хорошо отросших за последние два месяца.

– Тогда будь послушной девочкой.

– Да, Учитель.

– И иди, приготовь чистое белье и простыни для бани.

Олга опустила глаза и, выскользнув из тесного пространства между нелюдем и битой, на негнущихся ногах направилась к дому. Она до сих пор не могла привыкнуть к запаху смерти, который особенно сильно ощущался рядом с Ры-

⁹ 1 вершок ~ 4,5 см.

жим. И к этим жутким пустым глазам.

Лис несколько мгновений смотрел вслед удаляющейся Младшей. Потом, выдернув меч из дерева, убрал его в поясные ножны, и только после этого смотал снятую с рукояти ленту, состоящую из разноцветных, по числу полос в радуге, лоскутов. Сосредоточено потирая пальцем висок, Учитель направился в дом.

– Ну, так что ты сегодня хочешь услышать от меня?

Вторая цепочка оказалась легкой. Солнце было еще высоко над горизонтом, когда Змея возвратилась с трассы. Вчера Лис с утра ходил на оленя в долину, возвратился на самом закате, так что ему было не до развешивания меток. Он даже не достал кнута, чтобы наказать Младшую за незавершенную цепь, и не отправил дрожащую от усталости ученицу наново выполнять задание. Вместо порки Ольга полночи занималась разделыванием туши убитого зверя. Сегодня утром Рыжий как попало раскидал лоскуты по лесу, не уходя далеко от убежища, и Змея быстро и без особого напряжения собрала цепь. Она даже успела приготовить хороший ужин и испечь хлеба к возвращению Учителя из... а, мрак его знает, откуда!

И теперь, отодвинув миску, полную обглоданных костей, он прихлебывал из глиняной чашки горячий травяной чай и вопросительно смотрел на свою ученицу.

– Скажи, почему ты нарушил ритуал и сделал женщину

духом? Почему именно я?

Последняя фраза была произнесена с такой тоской, что Ольга даже испугалась своего голоса: а вдруг Учитель рассердится такому ее недовольству! Но Лис остался спокоен, лишь смерил Младшую оценивающим взглядом. Сегодня он явно был в хорошем настроении.

– Ты, как я помню, училась при храме Святого Змея, и, значит, должна была слышать историю о вашем духе-покровителе.

Ольга утвердительно кивнула.

– Так вот, практически все, что там наплели – ложь. И не по злomu умыслу ваши священники так исказили правду, а по неведению. Давно это было... многое утеряно, а кое-что и спрятано.

У Ольги брови удивленно поползли вверх.

– К сожалению, правды я и сам толком не знаю. Не успел расспросить... у Учителя. Да он бы и не сказал, – с горечью добавил нелюдь, – хоть и знал, тьма ему в печень. – Но то, что знаю, я тебе расскажу.

– Дух Великого Змея, который, как ты, надеюсь, догадываешься, живет теперь в тебе, изначально имел женскую сущность. Принимая человеческое обличье, он становился ею, а не им. Это уже после святые отцы приписали Змею мужское... кхм, достоинство, ибо женщина, по их мнению, существо зависимое и маленькое, так что не к чему ставить ее рядом с великими деяниями. Возгордится еще, чего доброго.

– Неизвестно, кто, когда и как смог впервые закупорить Змея в человеческой оболочке, но с тех пор того умельца проклинали все, кому не лень. И люди, и сами “сыны смерти”, и оракулы. Проблем с ним была такая куча, что разгрести ее приходилось десятилетиями. Змей – существо сильное, одно из сильнейших, к тому же сохранившее остатки бывшего разума. Он не желал покоряться оракулам. Его закрывали шестью Печатами, он же ломал их, и носящий его человек, будучи мужчиной, сходил с ума. Его пробовали вселить в женщину, но заставить такое существо убивать людей было невозможно. Змей либо уничтожал тело, либо начинал уничтожать духов. Он никогда не шел против своей созидательной природы, а родных детей, положенных на алтарь зависти, если следовать легенде, помнил очень хорошо. В конце концов клинок, хранящий в себе Змея, закопали поглубже, и оракулы запретили возрождать непокорное существо. Подумались они до этого примерно пять сотен лет назад, когда случился великий мор на Княжем острове. Да-да, тот самый проклятый остров, где некогда располагалась столица Приземского княжества.

Олга помнила эту историю, прочитанную в одной библиотечной книге, еще в то время, время обучения при храме. Там говорилось о великой Смерти, пришедшей от разъяренного Духа на славный Белый город.

Древняя столица тогда еще небольшого княжества располагалась на острове Железного архипелага, тянувшегося

вдоль западного побережья Нутрянного моря, примерно в двух верстах от материка. Белград изначально строился как крепость, обороняющая берег со стороны моря. Город из белого камня раскинулся на острове, соединяемый с более мелкими островками и большой землей перешейками, что открывались во время отлива. В этих местах строили прекрасные каменные мосты, по которым и осуществлялось сообщение между островами и материком. Но после страшного мора, устроенного в Белграде якобы пробудившимся ото сна Великим Змеем, люди к Князьему острову плавать боялись, ибо ни один смельчак не возвращался из проклятого места. Считалось, что души погибших от ярости Великого – а полегли тогда в одночасье все жители, бывшие в городе – утаскивают осмелившихся ступить на их землю и приносят в дар Змею, пытаясь задобрить и вымолить прощение. Мосты разрушили, чтобы нечистый дух не проник на обитаемые острова и не распространился по материк.

Теперь столица объединенного Великого Верийского Княжества располагалась севернее, там, где в глубокой бухте, отороченной мелкими островками – фортами, возвышался на холмах город Истарь.

– Так вот, – продолжил Лис, – в Белграде тогда произошло лишь маленькое представление всем известной легенды, правда, с другими действующими лицами. Тогда Змея в целях... научного познания... носила в себе женщина. И представь себе удивление оракулов, когда эта женщина ро-

дила двойню: оракула и живого духа. Духи не могут зачать, ибо мертвое тело не способно дать жизнь кому-нибудь, кроме могильных червей. А эта выкрутилась. Ясное дело, такого нарушения закона никто не потерпел. Люди, узнав о том, со страху начали бить духов. А вдруг те плодятся станут, что тогда будет?! Ну и порубили малышей, вместе с десятком йоков, что охраняли детишек. Народу в той драке полегло немеренно. До мамыши они, конечно, не добрались, не осилили бы. А Змея, узнав о том, от горя и ярости двинулось умом, и, прямо как в легенде, выпустила свою силу, сломав все шесть Печатей, и порешила жителей целого города.

Лис отхлебнул чая и, отломив кусочек от свежего каравая, обмакнул его в плошку с топленным бараньим жиром и принялся жевать, внимательно глядя на озадаченное Ольгино лицо. А удивляться было чему. В написанных людьми книгах, сошедшую на Княжий остров Смерть вызвало отнюдь не людское бесчинство. Всю вину возлагали на йоков, как расчетливых убийц, карающих Змея, преступившего букву закона. Интересная ситуация получается. Кому-то выгодно было очернить духов, подкинув народу очередную байку про злодеяния жутких монстров и заодно еще один повод для ненависти к ним. Выгодно и сподручно, тем более что живых свидетелей, способных опровергнуть ложные сведения, не осталось. А на деле выходит, нелюди пытались защитить незаконнорожденных детишек. Вон оно как получается. Впрочем, не к чему соваться в дебри политических интриг

пятисотлетней давности. Есть вещи более насыщенные.

Лис тем временем доел хлеб и произнес, расстегивая ворот рубахи.

– О Змее забыли, и вот, спустя время, некий умник раскопал кинжал и решил – опять же, опыта ради – возродить Великого. Кажется, это был человек, может быть, свихнувшийся ученый, точно неизвестно. И вот на земле снова появился дух Змея. Правда, его поселили в мужское тело, и в скорости йок сошел с ума, как и положено.

Лис стянул рубашку через голову и бросил ее на лавку позади себя.

– Ты спросила, почему я нарушил ритуал. Глупый вопрос. Я-то как раз все сделал правильно. На кой ляд мне полоумный ученик. А почему я выбрал тебя? Ну, во-первых, ты была единственной живой девкой в том смердящем болоте, где я тебя нашел. А во-вторых...

Тут Рыжий потянулся за своей сумкой и, покопавшись в ней, извлек на стол сверток. Развязав просмоленную тряпицу, он вынул лист бумаги, сложенный вчетверо, и протянул Змее. Она аккуратно развернула ветхую страничку, и кровь гулко застучала в висках. *“Некоторые мудрецы-богословы склонны утверждать, что мор, эпидемии, смерчи, наводнения и прочие бедствия, приводящие к гибели целых народов, вершатся волей Творца, как кара за грехи, содеянные человечеством...”* Строчки, написанные дрожащей рукой, прыгали и вихлялись, как пьяные, буквы перемежались кляксами,

но Ольга сразу узнала свой почерк, свои мысли... последние мысли, как она тогда считала.

– Даже находясь на краю гибели, ты не потеряла способность здраво мыслить. Твой ум крепок и свести тебя с него будет крайне сложно даже Змею, что сидит внутри. Потому я и не позволил оракулу ставить Печать, посчитав, что ты и без нее не свихнешься, да и духу будет легче прижиться без всяких затворов. Пока ты оправдываешь мои надежды.

Нелюдь аккуратно вынул бумагу из пальцев Змеи, впавшей в ступор от такой откровенности, и убрал её обратно в сумку. Ярость и злоба, обжигая, постепенно закипали внутри, оставляя в сплетении ключиц неприятную тяжесть. *Это что, игра?! Я ему игрушка?! Бездумная кукла?! Какое чудовище ты из меня создал, гад?!*

– Ты что, вздумал играть с чужими жизнями? – Змея вскочила с табурета, подаваясь вперед. Она чувствовала, что ее сорвало и несет в пропасть, и с ужасом предвидела все последствия такого выпада по отношению к Лису. Но уже не могла остановиться. Ярость и ужас захлестнули ее дурманящей волной.

– Богом себя возомнил, да?! Ты хоть осознаешь, что ты творишь? Какой опасности подвергаешь тысячи невинных душ? Зачем тебе это?

Вот чего Змея точно от него не ожидала, так это хохота. Впервые Рыжий так открыто и громко рассмеялся, откидывая назад красивую голову и утирая выступившие сле-

зы тыльной стороной ладони. Олга, опираясь на столешницу, тяжело дышала, исподлобья глядя на хохочущего нелюдя. Она ждала, ни о чем не думая. А тот вдруг резко успокоился и, наклонившись к ее лицу, произнес:

– Как это, зачем? Глупая дуреха, ведь интересно же, что из этого получится!

И, заливаясь веселым хохотом, вышел умыться, захватив с собой полотенце. Змея опустилась на табурет мрачная, как грозовая туча. *Он сумасшедший! Это верно, как то, что коровы не летают. И как это он умудрился свихнуться?* Она задумчиво почесала кончик носа. Третий вопрос напрашивался сам собою.

Змея обожала банный день, устраиваемый Лисом два раза в неделю. Нелюдь, несмотря на полное безразличие к бардаку, царящему в доме, отличался особой любовью к чистоте собственного тела. И он терпеть не мог запаха пота, исходящего от Олги в конце дня. Сам он не потел никогда и нигде, кроме бани, а Змея не могла контролировать собственное тело на таком уровне, прыгая с мечом и бегая по лесу, как угорелая.

В общем-то, ей и самой было неприятно ходить грязной, но уж очень раздражала гримаса гадливости на лице Учителя, и назло ему хотелось не мыться неделю, чтобы хоть чем-то досадить мерзкому йоку.

А баню она любила. Бегая по зимнему лесу, отмораживая

себе ноги-руки, Ольга мечтала о том моменте, когда, поддав пару из ковша с травяным отваром, заберется на деревянный полок, отполированный до блеска ее же телом, прижмется пятками к горячей стене соснового сруба и хоть на миг забудет обо всем, погрузившись в сладко-жаркую полудрему.

Баня у Рыжего была на удивление хороша, с сенцами, где можно было скинуть вещи и отдохнуть от пара, потягивая квас. Ольга сняла сапоги и, поставив их рядом со входной дверью, ступила на тщательно выскобленный пол. Замочив грязную одежду в жбане, она вошла в мыльню и юркнула на горячий полок, поближе к печи. Свеча на подоконнике, спрятанная от воды под железный колпак, изредка потрескивала, плюясь искрами. Два сверчка переливчато стрекотали, пытаясь перепеть один другого. Ольга уткнулась лбом в раскрытые ладони, стараясь полностью расслабить тело. Каждый раз сделать это становилось все труднее, что вызывало немалое беспокойство. Скрипнула дверь. Вошел Лис, повозился в углу рядом с бадейкой, замачивая еловые веники, уселся на соседний полок, подобрав под себя одну ногу, и облокотился на стену, устало откинув голову и закрыв глаза. Змея повернулась лицом в сторону Учителя и сквозь приспущенные ресницы принялась лениво изучать его. Свеча хорошо освещала мерно вздымающуюся грудь нелюдя и руки, сложенные на разведенных коленях. Его запрокинутое лицо с чуть приоткрытым в глубоком дыхании ртом, оставалось в тени. Вот от жара бледная кожа начала краснеть, покры-

ваясь мелким бисером испарины. Только в нескольких местах старые шрамы не меняли свой цвет, оставаясь белыми – на шее, запястьях и щиколотках, как будто, нелюдя долгое время держали закованным в кандалы. Что ж, все возможно. Все-таки, он больше похож на птицу, чем на лиса. На мелкую пакостную пичугу. Нет, не так. На обтрепанного злого ворона. Такой же черный, и все время препротивно каркает.

Ворон – воронок,

Сядет на шесток,

Склюет наше горе,

Да выбросит в море.

Слова давно забытой песни сами собой всплыли в памяти, навеянные трескотней обрадованных теплу сверчков. Лис встрепенулся, как будто услышал чужие мысли, и мутным от жара взглядом скользнул по обнаженному телу Змеи. Ловко соскочив на пол, он вынул из бадьи набрякшие водой еловые ветки, связанные грубой нитью, встряхнул и принялся за дело. Парил Рыжий отменно. Ольга переворачивалась, повинуюсь его указаниям, и думала о шрамах на красивом Лисьем теле, заметных лишь в такой вот жаре. Все возможно: и кандалы, и каторга, и рабство – все. Но ведь если спросить, так ведь и не скажет ничего. Буркнет что-нибудь расплывчатое, да и прогонит дрова рубить. Так было и с последним, тре-

тым, вопросом, выигранным Змеею на трассе.

– Скажи твой дух запечатан или... или нет?

– Конечно, причем целых два раза.

И замолчал, предоставив Ольге возможность самой делать выводы. И она делала, причем весьма неоптимистичные.

Если Лис и сумасшедший, то не потому, что Печать отсутствовала. Скорее всего, он некогда самолично повредил или вовсе сломал ее, тогда же и тронулся умом. Духа заперли вторично, а трещина в мозгу так и осталась. Возможно, поэтому он такой неуравновешенный. А может, он не простой дух, сорвавший затвор Печати? Возможно, он что-то иное, как и сама Змея.

Да, возможно... все возможно.

Лис, убрав со лба мокрую прядь черных волос, бросил венники обратно в бадейку. Ольга ужом проскользнула в дверь, и, прыгнув голышом за порог в объятия морозной зимней ночи, нырнула в ближайший сугроб. На мгновение перехватило дыхание, и холодный липкий ком, застрявший в горле, вырвался наружу залихватским “ух!”. Она вскочила и, обжигая пятки о колючий снег, бросилась обратно в тепло. У самого крыльца ее вдруг остановила ледяная волна, окатившая дрожащее тело с ног до головы. Ольга завизжала, прикрыв ослепшие на миг глаза от брызг ледяного огня. Уши заложило и стало больно дышать. Но все это лишь на миг. И вот она снова ощущает окружающую действительность – вот Лис, размахивающий пустым ведром, а вот – смех Рыжего. Ольга зло

глянула в его сторону. *“Что-то ты часто ржешь, мерин!”* И, проходя мимо, легким тычком и четкой подсечкой отправила хохочущего нелюдя лицом в сугроб. Ох, и ловко же она сработала, даже Учитель не успел среагировать. Хотя, наверное, и успел, только здесь вам не утоптаный плац и падать, кроме как в сугроб, больше некуда. Еще бы веником хлестануть по голым ягодицам для острастки. Змея задержалась на крыльце, наблюдая, как Лис, размахивая ведром и выплевывая снег, выбирается из сугроба, шипя от злости, как дикая кошка в клетке. Ждать его она не стала и юркнула обратно на полоч, где и замерла, давась смехом в холодные ладони.

Скрипнула дверь. Лис снова стряхнул веники, и звук проливного дождя на миг наполнил мыльню.

– Хорошая подсечка, хвалю.

По голосу Ольга поняла, что Рыжий не злится и ответную шутку оценил. Поняла и сразу обнаглела.

– Так ведь каков скот, таков и приплод.

Ай, зря я это сказала, идиотка!

– А вот дерзить мне не следует, – тихо произнес Лис, и девушка сразу представила себе лицо – две узкие злые черточки глаз и крепко сжатые губы.

Ох, она и не знала, что веником можно так хлестать. Поцище кнута будет. Мягкое место полыхало ярим пламенем, хоть пироги жарь, и слезы непроизвольно сочились из-под крепко сжатых век. Один, два, пять, десять, все. Лис окатил пунцовые ягодицы холодной водой из ушата, и, бросив веник

обратно в бадейку, в сердцах сплюнул на пол.

– Тьфу, дура!

Олга лежала, спрятав лицо в ладони и хрюкая не то от слез, не то от смеха. Высек ее! Как малолетнюю соплю из подворотни! Веником! И смешно, и больно, и обидно.

Нелюдь повозился, укладываясь на полоч и недовольно, как-то совсем по мальчишески буркнул.

– Ну все, хватит, теперь твоя очередь.

Олга сползла на пол, потирая горящий зад, и взялась за веники. Парила Змея отменно.

– Ну, что ты хочешь узнать на этот раз?

Лис, сидя с ногами на лавке, нещадно драл спутанные после бани волосы деревянным гребнем с редкими зубьями, от чего последних становилось с каждым разом все меньше. Змея, отрешенно наблюдавшая с табурета за бесплодными попытками Рыжего расчесаться, встрепенулась.

– Узнать? Ах, да... расскажи мне про своего Учителя. Кем он был?

– Он был сволочью, – твердо заявил нелюдь, распутывая очередной колтун.

– И?.. – робко протянула Олга.

– Что “и”? – Лис уставился немигающим взглядом на надоедливую Ученицу. – Сволочью он был, ею и пребудет в сердцах помнящих его, – и воздел очи горе. Как есть, набожный дьячок из сельского прихода. Впрочем, издевательская

гримаса быстро, что вешний снег, сошла с надменного лица. Нелюдь помолчал, задумчиво перебирая подол рубахи.

– Помнится, я ему другие вопросы задавал. Например, зачем он убил мою семью, и почему бросил меня, сделав йоком, а не взял в ученики сразу. Он, знаешь ли, не умел держать слово, и я так ничего от него и не добился. А потом я убил его. Отомстил. Во время последнего поединка, когда защищал свое право носить ритуальный кинжал. Он, скажу честно, не был удивлен, когда я забрал из него Змея. По-моему, даже рад. Он давно сломал свою Печать, но ум его не был сильно изувечен. Учитель отдавал себе отчет в собственных действиях. И тогда, когда зарезал мою мать и отчима. И тогда, когда ударил меня серебряным клинком... “нечаянно”, за неимением другого оружия! Мне тогда было... семь? Нет, восемь зим. И тогда, когда бросил меня умирать, надеясь, что я не выживу, даже со зверем внутри. Он был Змеем. Он сам согласился стать им, будучи смертельно раненым. И Змей разрушил его. Наказал за слабовольное желание жить любой ценой.

Лис говорил совершенно спокойно. Его голос не срывался, и пальцы не сжимались в кулак, грозя невидимым врагам. Лицо его ничего особенного не выражало. И только глаза, всегда, в любой ситуации остающиеся пустыми и безжизненными, на этот раз горели холодным огнем ненависти.

На миг Змее показалось, что она видит Лиса, полупрозрачного и густо изукрашенного тонкими светящимися ли-

ниями, сплетающимися в своеобразные узоры. И в тот краткий миг она успела заметить две ярко-изумрудные ладони, на одной из которых, той, что лежала справа от сердца, не хватало двух пальцев, а третий был наполовину стерт.

Но видение растаяло, как и жизнь в темных лисьих глазах.

– Мне больше нечего тебе сказать, по крайней мере, сегодня.

Но Ольге было достаточно и этого, вкупе с тем, что заметили ее глаза. Тело била легкая дрожь, а в голове гулял холодный ветер.

Оказалось, Змея могла видеть Печати.

Глава пятая.

Ловчие

Змея поправила догорающую свечу в узорчатом подсвечнике, нежно проведя измазанными в чернилах пальцами по его резной поверхности. Этот затекший воском подсвечник, по сути, просто красивая безделка, вызывал в измученной душе Ольги вереницу нежных, причиняющих сладкую боль, воспоминаний. Отец некогда, отсылая ее в школу, выковал для любимой дочери небольшой подарок на память, чтобы утешить малютку в разлуке с родным домом. Студенты из тех, что победней, толпой ходили в келью к Леле глазеть на невиданный цветок из стали, с лепестками, пронизанными

золотыми и серебряными нитями-жилками.

Догадался ли Рыжий, кому принадлежит украденная в гибнущем храме вещица? Ольга надеялась, что дрогнувшие губы не выдали ее чувств, когда Лис, покопавшись в закромах, извлек резной подсвечник, ворча о столе, залитом воском. Мерцающее в свете огарка напоминание об отнятой нелюдем жизни стояло перед ней и одним своим присутствием распалило желание сбежать от ненавистного тирана. Но Змея давно научилась терпеть, часто задаваясь вопросом, где же предел этому терпению, и существует ли он вообще. Да и бежать ей было некуда. Она поняла это давно, но знание не принесло долгожданного облегчения, и гнетущее чувство тоски по родному дому не исчезло, а лишь возросло. Теперь прежняя Ольга существовала лишь в воспоминаниях, а нынешняя была жутким чудовищем, Змеей, пугалом для детей, хладнокровной убийцей, принадлежащей ко всеми ненавидимой расе йоков. Люди век от века боялись монстров, порожденных гневом Великого Змея, и страх этот был неосознанным, животным в своей основе. Так панически боятся смерти. Так инстинктивно ненавидят палачей, чувствуя, что всякий может попасть под их топор. Каким бы ни был йок, он несет в себе семя Разрушителя. Он пахнет только кровью. Как Лис! Как она теперь... наверное. И живые ощущают этот жуткий душок. Никто не пожелает быть рядом с существом, от которого разит смертью.

Ольга вздохнула. За окном завывал ледяной ветер, гоняя

по склонам мириады снежных шершней, жалящих опрометчивого путника, что посмел зайти в их владения. Лес стонал, рассекаемый кнутом обезумевшей вьюги. По заслугам получил от народа свое имя злой лютень¹⁰. Змея повела плечами, отгоняя задумчивость, и снова принялась штопать Лисью рубаху, тихонько развлекая себя старинной “вдовьей” песнью, что рассказывала о судьбе несчастной женщины, потерявшей свою любовь. Мать, привезенная отцом из далекого Озерного края, считала ее заговором и очень любила с ней рукодельничать. И еще это была единственная песня, которую Ольга не забыла после перерождения.

Серебряной нитью,

Взывая к Всесиле,

На изнанку плаща

Я узор наносила.

Златою иглою

Водила по пальцам.

Сочилась руда¹¹

¹⁰ лютень – февраль

¹¹ руда – кровь

*Из уколотых пальцев.
“Вернись ко мне, милый”,*

И капали слезы.

*“Вернись невредимым”,
Шумели березы.*

“Пускай, как игла,

Что в руке моей пляшет,

Твой меч не узнает

*Преград, смерть сулящих.
Пусть этот покров,*

Что слезами смочила,

В бою защитит

И предаст тебе силы”.

А поутру в час,

Когда сел на коня ты,

Накинула плащ

На сверкавшие латы.

Ты глянул мне в очи,

Светло улыбнулся

И нежно губами

К глазам прикоснулся.

“Вернусь я к тебе”,

На губах мои слезы.

“Вернусь невредимым”,

Молчали березы...

Да, заговаривать Лисьи вещи от стрел и мечей было глупо и неразумно. Ольга затянула узел и откусила нитку, встряхнула льняную с вышитым воротом сорочку, осматривая ее в поисках прорех, и, не найдя, аккуратно сложила в общую стопку с уже залатанными рубахами. Несколько долгих мгновений она молча сидела, глядя невидящим взором на неров-

ный огонек оплывающей свечи, и ни о чем не думала. В голове царил всепоглощающая пустота, и в ее темном пространстве гулким эхом отдавались вздохи и плач взбешенной стихии, завывающей в печной трубе. На какой-то миг Ольге показалось, что кроме нее и вьюги больше никого нет в этом огромном заснеженном мире. И пришел страх – мгновенная слабость, что, накатив беззвучной волной, накрывает с головою и уходит обратно в бездну души, оставляя после себя противный липкий осадок. *Хотя бы Лис уже вернулся!* Ольга встряхнулась, отгоняя от себя нелепые мысли да животные страхи, и взялась за Лисьи штаны.

Время в горной сторожке летело на удивление быстро... и больно. С того памятного разговора, когда Змея впервые увидела печати на теле нелюдя, прошел год и месяц, а Ольга до сих пор была жива, как, впрочем, и Рыжий.

После своего рассказа об Учителе Лис изменил правила трассы, предложив играть на желания. И с первым же выигрышем Ольга попросила отменить игру. Нелюдь безразлично пожал плечами и заменил ее новой пыткой, да такой, что Змея горько пожалела.

Учитель, сытно откушав за обедом бараньим сычугом¹² с гречневой кашей, вручил Младшей две плетеные корзины.

– Набери камней, некрупных да поострей, и отнеси их к

¹² сычуг – кушанье, приготовленное из коровьего, свиного и т. п. фаршированного желудка.

утесам, тем, что за плацем, у родника.

Олга послушно приняла плетушки, спешно перебирая в уме варианты использования гальки. Ей было неудобно и слегка боязно после вчерашней отмены трассы. Неведенье насчет планов Лиса ввергало Ученицу в тоскливое уныние. Может, он вознамерился отработать меткость?

Корзины были установлены на валуны, для удобства изымания камней. Пока Лис деловито примерялся, считая шаги от утеса до плетушек и двигая валуны, Олга нерешительно топталась рядом, тревожно теребя рукав грубо вязаной фуфайки – дело было в начале весны. Наконец, завершив все необходимые приготовления, нелюдь, скинув подбитую мехом безрукавку, торжественно прошествовал к каменной стене и повернулся к ней спиной.

– Кидай, – завязывая глаза платком, произнес он. Змее не нужны были разъяснения и долгие уговоры. Она выхватила из обеих корзин, по камню и одновременно пустила их, метя Лису в голову и в грудь. Но тот увернулся с необычайной легкостью и свойственной Рыжему тягучестью движения. Олга, не теряя времени попусту, выхватывала камень за камнем и отправляла их в полет, метко целясь, и каждый раз Лис грациозно уходил от, казалось бы, неизбежного удара. Змея понимала, что он видит при помощи духа, но ей становилось не по себе при виде такой нечеловечески быстрой реакции. И еще страх и предчувствие боли пронизывали холодными иглами ее избитое тело, ибо Олга поняла, какова следующая

тема урока.

Несколько долгих недель Ольга ходила замерзшая – Лис заставлял снимать все, вплоть до тонкой сорочки – и избитая. Но все легкое когда-нибудь кончается, и, обучив Змею вслепую уклоняться от камней, Рыжий заменил безобидные голыши на арбалетные болты и стрелы. Вот тогда Младшей пришлось тяжело.

С наступлением первой оттепели, где-то в начале березня,¹³ Лис исчез на три недели. *Пошел батрачить в город!* – невесело усмехнулась Ольга, найдя лавку нелюдя пустующей в рассветном сумраке. Она представила, какого рода трудом занимается Рыжий, и сразу стало холодно и неудобно. Но все же с уходом Учителя на душе отлегло. Наконец-то проклятый псих удовлетворит свою жажду крови и прекратит лютовать, пользуя Ольгу, как битую, выпуская обуревающую его заскоружную злобу. Последние недели Лисий гнев был особенно страшен, а срывы следовали один за другим. Он стал замкнут и раздражителен сверх всякой меры, молчалив, даже пошлые шутки вкупе с язвительными замечаниями исчезли, уступив место кнуту и палкам. “Если дух перестает убивать, он чахнет и умирает...” – вспомнились слова, некогда произнесенные Лисом. *Ага, а перед этим он сходит с ума.*

Змея нашла, чем себя занять помимо восьмичасовых тренировок и бега по пересеченной местности. Она принялась за расчистку дома, более походившего на заброшенный

¹³ березень – март

склад ветоши и хлама, нежели на жилое помещение. Разобрав завалы в полках передней, она вынесла несколько прогнивших от сырости смердящих шкур, чьих – непонятно, и сожгла их вместе с гнилыми досками и превратившимися в камень кулями с отсыревшей крупой и мукою. Отмыв и отскоблив добела полы, столешницу, лавки, Ольга наново выбелила печь, разведя немного извести, обнаруженной в Лисьих закромах. Там же она раскопала увесистый ящик, доверху забитый ржавыми железяками, некогда бывшими знатным оружием. Только один меч пострадал меньше, нежели все остальное, поскольку был одет в кованые ножны. Его-то Змея дрожащими от волнения и радости руками очистила и заточила так, что после он стал вполне пригоден для серьезной драки. Завернув свое сокровище в неприметную тряпицу, она спрятала его в прихожей под скамью, положив на широкую перекладину и накрыв сиденье овчиной.

Из старого тряпья, стиранного в ручье, Ольга нарезала тонких лент и связала несколько цветастых половиков в переднюю. Крючок для вязания она смастерила сама, разобрав спусковой механизм старого арбалета. Из отреза желтого ситца в красный горошек, частично подпорченного жуками, накроила занавесок на окна.

Березень набирал силу. Солнце прогрело мерзлую землю, вытягивая на поверхность тонкие нити ручьев, увлекающих в свой звонкий танец желтую тонкостебельную траву-прошлогодку. Птицы проверяли несмелые по весне голоса, по-

степенно наполняя мрачный бор веселой трескотней и сладострастным токованием. В лесу пахло прелой травой, сыростью и холодом, идущим из-под земли, сокрытой от солнца густой сосновой кроной. По берегам вздувшейся речки, вобравшей в себя сотни прожилок-ручейков, и на пологом южном склоне березняк, стыдясь своей наготы перед жарким ликом солнца, наскоро пеленал потемневшее от талого снега тело в полупрозрачную зелень нарождавшихся листьев. Среди дымчато-изумрудного воздуха бурела прошлогодняя рябина, не склеванная птицами. Земля украшалась звездочками первоцвета и молодой порослью вездесущего осота.

Змея принесла в дом пахучих сосновых лап и разложила их по углам, наполнив комнаты живым дыханием леса. Солнце, чаще и теперь подолгу глядевшее сквозь цветастые занавески, согревало небогатое жилище двух духов, расцветившая чистые комнаты в весенние тона и наполняя дом животворным теплом.

Лис вернулся на третий день непогоды, когда тучи, выжимая на землю остатки холодного дождя, мешали ее с раскисшей глиной в вязкую текучую грязь. Змея почувствовала его приближение задолго до того, как он, скрипя половицами, завозился в сенях, тяжело сбрасывая какие-то, судя по дребезжащему звуку, железки. Сохраняя на лице безразличное выражение, Ольга распахнула дверь и столкнулась нос к носу с жуткой окровавленной харей, грязной, залепленной мокрыми волосами, свалывшимися от земляного перегноя и

глины. В центре этого великолепия поблескивали два черных бездонных колодца глаз, в которые проще прыгнуть и утопиться, нежели смотреть. За три недели Ольга успела позабыть, сколь страшен Лисий взгляд.

Нелюдь внимательно рассмотрел обстановку за Ольгиной спиной, слизнул грязно-красную каплю, застывшую на верхней губе, и хрипло прорычал:

– Что смотришь, дура, баню иди топи!

Змея сдвинула брови:

– Без тебя знаю!

Перескочив через мешок, звякнувший при касании, Ольга пробежала к бане по валунам, уложенным на случай проливных дождей вдоль дорожки, и принялась за дело.

Когда она вернулась, Лис сидел в сенях на полу, опершись о косяк и, казалось, спал, запрокинув голову. Под ним натекла огромная грязная лужа с примесью крови, в половину чужой, в половину его собственной. Ольгино сердце екнуло то ли от радости, то ли от страха. Даже сквозь грязь было видно, что Рыжий неестественно бледен. Он, несомненно, был серьезно ранен... но не смертельно. Что ж, это всегда можно устроить. Ольга присела рядом с ним, подобрав подол рубахи, чтобы не замочить в луже, и напрягла зрение, вглядываясь в нелюдя. Этот трюк удавался Змее с каждым разом все легче, и контролировать его было все проще. Так и сейчас, грязная и мокрая хламида плаща потеряла свои очертания, и на ее темном фоне пролегли тонкие красноватые линии сосудов,

сплетающиеся в рыжие пучки более горячих и насыщенных кровью органов. Эти линии переплетались с жирными узорами изумрудного цвета – Печатями, и голубого – жилами духа. В нескольких местах – поперек груди и на левой руке – лаконичное сплетение линий грубо нарушалось глубокими, судя по их ярко-желтому цвету, ранами. Несколько мгновений Ольга заморожено наблюдала за восстановлением, следя, как черно-синий дымок духа вьется вокруг разрывов, бережно стягивает их края, медленно воссоздавая тонкие ниточки сосудов. Нелюдь тяжело дышал. Змея зачарованно потянулась к пульсирующему пятну на груди Лиса и увидела, как закружилось вокруг ее ладони облачко густого травянистого цвета, как потянулись из него тонкие струйки, обволакивая рану густой пеленой и оттесняя черно-синий дымок. Ольга замерла, ожидая неизвестно чего. Вдруг Лис глухо зловеще зарычал и, изловчившись, с силой пнул ее подкованным каблуком сапога.

От страха и боли Змея сжала вытянутую ладонь в кулак и, падая назад, успела заметить что, повинаясь движению пальцев, ее дух резко стянул края раны, перед тем, как разорвать связь. При этом Лис захрипел, подаваясь вперед. Глаза его на миг подернулись мутной пленкой. Он вскочил и, схватив Ольгу за протянутую к нему руку, вывернул кисть так, что кости затрещали, ломаясь. Змея зашипела, крепко сжав зубы, и пяткой ударила Лиса в колено. Нелюдь отпрянул, выпуская из своей железной хватки сломанное запястье, ткнулся о

косяк, и медленно сполз по нему обратно в лужу, удивленно косясь проясняющимся взором на тяжело дышавшую Ученицу, баюкающую свою сломанную руку. Стоять ему было трудно.

– В следующий раз я тебе голову отверну, поняла? – спокойно произнес Учитель, тяжело поднимаясь. – Баня готова?

Олга что-то утвердительно буркнула. Он на миг замешкался у распахнутых в непогоду дверей.

– На медведя наткнулся. Они, сволочи, голодные по весне...

И вышел, оставив Змею размышлять... Кстати, было над чем!

Вытирая с пола лужу, Олга думала не только о своей новообретенной способности к опосредованному восстановлению. Что-то такое она уже подозревала за собой, руководствуясь хотя бы той же легендой о Змее-Врачевателе. Нет, не это занимало ее в первую очередь. *Лис!*

Хоть рана и была глубока, но не настолько, чтобы йок так долго истекал кровью. Сколько времени прошло с момента встречи с разъяренным животным? Час? Два? Кровь должна была запереться сразу. Но по какой-то неизвестной причине она не спешила загустеть. Почему дух так вяло отнесся к травме своей оболочки? Что-то помешало ему провести процесс восстановления по правилам! Но что? Печати? Вряд ли. Хотя, может быть, зверь задел одну из них. Нет, воздействие на телесном уровне не произведет должного эффекта.

Или произведет? Или это был не медведь? *Чушь какая-то!*

Олга, присев рядом с ведром, напрягла память, сжимая в руке мокрую тряпку. Она пыталась восстановить перед своим мысленным взором сплетение узоров на теле нелюдя. Четыре светящиеся полосы ран глубокой бороздой рассекают сетку линий от правого бока и через всю грудь. Видимо, Лис, подойдя слишком близко, с полуоборота резанул мечом по горлу вставшего на задние лапы медведя и не успел увернуться от когтей, буквально вырвавших четыре куска плоти из правого бока. *Сплоховал, ой, сплоховал Учитель! Устал что ли?* Что же могла задеть когтистая лапа? Олга нахмурилась. Картинка, возникшая перед ее внутренним взором, была на удивление отчетливой и яркой. Нетронутая изумрудная ладонь на затылке. Беспалая – справа от сердца. Само сердце – сгусток рыжего света. Тепло-красные легкие. Голубоватая вязь, похожая на переплетение древних букв, тонкими струйками сгущается в районе... между пятым и шестым ребром справа и уходит в разрезанную острым когтем... лиловую точку? Зона слияния голубой крови духа и красной – человека! Слабое место! *Ага, размером с ноготь...*

Олга тяжело вздохнула. Сколько же ей еще предстоит освоить, прежде чем она сможет послать свой клинок с такой точностью и в такой защищенный участок тела, прикрываемый плечом. А ведь она уже сегодня могла избавиться от мучителя. Следовало лишь развести, а не сомкнуть пальцы, и Лис лишился бы сознания от потери крови. *А потом голо-*

ву...

Олгу передернуло. Она отогнала страшную мысль прочь и выплеснула грязную воду за порог.

Лис вернулся нескоро, чисто вымытый и бледный, как снег. Замешкался на пороге горницы, вытирая мокрые пятки, – от бани он шел босиком – и набросился на приготовленный ужин, словно коршун на добычу в голодный год. Змея молча пила пасоку¹⁴, исподлобья бросая злые взгляды в сторону уминающего за обе щеки йока. Поев, нелюдь долго в задумчивости оглядывал комнату, после чего принес из прихожей берестяной короб, обтянутый кожами от влаги. Этот короб, как, впрочем, и мешок, Ольга трогать не решилась, справедливо опасаясь Лисьего гнева. И вот теперь, поставив суму на табурет, Рыжий извлекал из нее закупленные в городе припасы и вещи: кули со свежей крупой и мукою, десяток толстых свечей, круг сыра, закатанного воском, соль в холщовой мешочке. Со дна он достал узелок. Змея удивленно приподняла брови, наблюдая, как Лис изымает завернутые в тряпицу книги. Одна из них была старым потрепаным сборником стихов фавийских поэтов, две других – трудом о кровяной системе человеческого организма Федотия Озерного и трактатом “о хворях душевных и печени болях” Али Хикмета аль Казиля. Лис повертел в руках увесистый трактат сарриба и протянул Олге со словами:

– Учись. Тебе полезно.

¹⁴ пасока – березовый сок

Она молча приняла книгу, ошалело глядя на тисненные буквы переплета. Ее уже не удивили ни рубаха из выбеленного льна с богатым узором по вороту и на груди, ни шелковый, расшитый жемчугом почелок¹⁵ с меховой оторочкой и серебряными накладками, прихотливо изукрашенные резьбой, ни браслеты под стать почелку...

В мешке же, что принес с собой Рыжий, оказалось три новеньких арбалета и десяток метательных ножей.

Да, это было действительно страшно – биться с острыми оперенными жалами из стали. Страшно и очень больно. Настолько, что вскоре чувство боли притупилось и стало обычным и незаметным, как стоны раненых в лазарете. Позже пришлось отбивать болты мечом. За пропуски Лис, будучи в дурном настроении, стегал кнутом или им же срывал застрявшие в теле стрелы.

На плацу же Змея танцевала, правда, не столь совершенно, как это делал Учитель. Владея пером как правой, так и левой рукой, она с одинаковой легкостью удерживала меч в обеих ладонях, что непомерно – Ольга буквально ощущала это под маской безразличия – радовало Лиса, добавляя его неумолимому танцу искру задора, а урокам – дух соревнования. Вел, конечно, нелюдь, с каждым разом увеличивая требования и скорость, необходимую для сравнения счета. Вскоре даже Змея прониклась и в какой-то мере полюбила многочасовые кружения по утопанной в камень земле.

¹⁵ почелок – девичий головной убор в виде ленты или обруча.

Эта легкость, скорость, напряжение упругих мышц, скольжение голыми пятками по нагретой ласковым солнцем поверхности; легкий дымок пыли, постоянно щекотавший лодыжки; теплый ветер, спутывающий волосы; тонкий лен рубахи, приятно ласкающий свободное от бандажа тело, бахрому расшитого подола, овевающая согнутые в полуприседе колени – все это было музыкой, ритмом для которой служило ровно стучащее сердце. Ольга стала придумывать свои узоры, разнообразив канву танца. Рука уже не воспринимала меч как инородное тело, а как естественное ее продолжение, и Змея плела искусные кружева, что рано или поздно должны окраситься в цвета чьей-то отнятой жизни. Но мысли об убийстве кружились где-то на краю сознания, не торопясь пробиться в центр, и Ольга просто наслаждалась красотой жестокого пляса.

Лис же прекратил лютовать на мечах, он дрался не в полную силу, и Змея злилась, замечая слабинку и небрежность в его удивительно красивых, отточенных движениях. Хотя и понимала, что нелюдию, задумавшему серьезный танец, она и в подметки не годилась. Не та скорость, не те умения. Но мысли отвлекали, раздражение сбивало внутренний ритм, и Младшая путала узор и пропускала петли, разваливая структуру танца. Вот тогда начинал злиться Учитель, иногда внезапно срываясь до бешенства, и бил провинившуюся. Подобные вспышки все реже, но случались.

– Не думай, когда в твоей руке меч, готовый нанести удар.

Ты – баба, тебе вообще думать не положено! – говорил он, опуская оружие. – А если тебе так хочется плясать со мною на равных, сначала научись слушать мой клинок. А уж после будешь бороться с ним. Мне нет никакого интереса колошматить тебя, как колоду, с утра до ночи. Это скучно! Да и тебе, я заметил, не по нраву.

Лис снова ушел на промысел в середине лета, ближе к концу месяца липня¹⁶, когда люди начинали собирать липов цвет, спасавший в зимнюю стужу от хворей, а над пасеками упруго гудели нагруженные нектаром пчелы, предвещая пчельникам хороший урожай и прибыльный торг на ярмарках. Ольга, вспомнив свои знахарские привычки, занялась подготовкой лекарственных трав, и, стреляя дичь, вялила и коптила мясо впрок.

Нелюдь вернулся через полторы недели с богатыми гостинцами. Привез стопку чистой бумаги, затянутой в дорожную кожаную папку с медной защелкой, пузырек с чернилами, пару монографий по травам и их лечебным свойствам Каменского знахаря Божелюба и зачем-то собрание сочинений Сильвонских менестрелей на языке гаутов, которого Ольга знать не знала. Правда, книжка содержала в большинстве своем не текст, а весьма добротные цветные картинки и, скорее всего, предназначалась для детского чтения и стоила огромных денег. Зачем Лис купил ее, Ольга спросить побоялась. Дареному коню в зубы не смотрят, тем более, если да-

¹⁶ липень – июль

рит Учитель. Хотя в уме закопошилось маленькое подозрение, что Рыжий и читать-то вовсе не умеет, а попросту прельстился обилием красочных изображений.

Помимо книг Лис привез одежду в зиму. Кожаную, до середины бедра куртку на куньем меху с богатым воротником, рубашку из козьей шерсти, по низу отороченную бахромой – такие фуфайки ткали чурты и продавали купцам, приходившим за солью к восточным берегам Нутряного моря; так же сапоги из воловьей кожи, два кувшина отменного авирского вина да сладкой кураги и инжира. *Никак побывал в портовом городе!*

С того дня Ольга стала вести летопись своей жизни, перемежая описания краткими научными заметками и наблюдениями, попутно шифруя текст. Лис не мешал, только недобро косился в ее сторону, когда она бралась за перо, и недовольно ворчал, что зря жжет свечи. Иногда поглядывал через плечо на мелкие каракули и подолгу наблюдал, как перо царапает бумагу тонким, смоченным в чернилах острием. Ольгу непомерно раздражало это молчаливое созерцание, мешая сосредоточиться. Похоже, Лис ставил перед собой целью довести ее своим взглядом до белого каления. *Ох, и вредный же, сволочь!*

И снова уроки, уроки, уроки... вперемежку с побоями. И снова боль, и дикий танец в лучах жаркого солнца, плавящего острые наконечники летящих мимо стрел и болтов. И снова бег по лесной тропе, осыпаемой жемчужным дождем

утренней росы. Прыжки меж бревен, что качаются на толстых канатах впритирку друг к другу и норовят смять гибкое тело, скользящее меж неотесанных сучковатых стволов. И опять боль, ставшая таким же привычным чувством, как слух и зрение. И вездесущий взгляд холодных черных глаз, что страшнее боли. И уроки, уроки, уроки... пока не наступили первые заморозки. Тогда нелюдь снова ушел. Тогда она впервые за полтора года увидела человека.

Олга стояла на скальном карнизе, глядя вниз на спокойное золотое море долины, среди которого вкраплениями зеленели пушистые ели, да пламенели клены. Вдоль извилистого русла тихой по осени речки серебрилась ивовая поросль, разбавляя зеленовато-серым холодком осенний пожар. Змея, прикрыв глаза ладонью от яркого солнца, стоящего высоко в бескрайне-синем небе, всматривалась вдаль, пытаясь различить будущую добычу. Глаз у нее был острый, как у ястреба, что купался в восходящих потоках теплого воздуха, нарезая круги над долиной, и изредка зычно вскрикивал, гордясь своею свободой. Олга краем сознания успела дотронуться до величавой птицы и позавидовать ее счастью. Внутри живота теплом разливалась радость духа, предвкушавшего веселую охоту и свежее мясо на ужин. Или это было лишь Ольгино ощущение? Она тряхнула оправленной в почелок головой, проверила, хорошо ли держится лук в налучах на поясе, и принялась быстро спускаться по узкой опасной

тропке.

Речка мирно шумела, перекатывая по каменистому руслу мелкие гольши. Ольга присела на тропке, внимательно вглядываясь в следы. *Отлично! Кабанчик, к тому же однолетка. Глупый, но резвый. Надо будет осторожней с ним.* Стоило пустить духа и выследить дичь при его помощи. Змея ослабилась, прикрыв глаза, на миг “растворилась”, привыкая к иному сознанию, и взлетела над осиной, услужливо подпирившей спину. Бросив беглый взгляд на одиноко стоящую внизу фигурку девушки в шерстяной рубахе до колен, задумчиво теребящую пряжку широкого ремня, дух потянулся было вдоль мерцающего на тропе следа, но резко развернулся и, мгновение спустя, Ольга, с треском продираясь сквозь цепучий кустарник, мчалась совсем в другую сторону, туда, где, забравшись под развесистую еловую лапу, умирал человек.

Эта был мужчина, лет двадцати пяти, с густыми, отливающими медовой желтизной, кудрявыми волосами, забитыми землею и опавшей хвоей. Ольга, аккуратно отведя ветвь, склонилась над ним, прислушиваясь к хриплому дыханию, что с бульканьем тяжело рвалось из разбитых губ вместе с кровью. Он лежал, свернувшись калачиком, как младенец в утробе, и хрусткий ледок прихватил разорванную сорочку, вморозив в набрякшую кровью землю. Змея напрягла зрение. Множество мелких ран пульсирующими пятнами покрывали тело. Казалось, кто-то пытался убить его граблями... с очень острыми лезвиями. Порвали воина – а это был

именно воин – изрядно, хоть и неглубоко. Но, так или иначе, от больших потерь крови ему грозила скорая смерть.

Олга, присев рядом, провела ладонью по бледной щеке. *Совсем холодный. Интересно, сколько он здесь лежит? Человек разлепил опухшие веки и, покосившись на нее мутным взглядом, промычал что-то неразборчивое, и изо рта, густо лопаясь, пошли кровавые пузыри. Ага, похоже, его еще и поколотили! Все легкие отшибли... А глаза-то у него совсем голубые... красивые!*

Олга задумчиво почесала кончик носа, оглядываясь вокруг. Потом стянула фуфайку, затем тонкую льняную сорочку. Белое полотно пошло на бинты. Змея присела рядом с мужчиной и, аккуратно развернув и перевязав окоченевшее и оттого непослушное тело, повела над ним рукою, тихонько приговаривая, чтобы успокоить.

– Послушай меня, воин. Я тебе помогу. Только ты, будь другом, потерпи и погоди помирать, договорились?

Зеленый дымок обволакивал раны. Мужчина измученно глядел ей в лицо. Губы его неуклюже шевелились, как два тяжелых жернова.

– Залатаю тебя, будешь, как новенький. Еще повоюешь. Ты, главное, не кричи и не дергайся сильно. Понял?

Олга засунула ему в зубы палку, чтобы ненароком не прикусил язык, глубоко вдохнула холодный прелый воздух и послала короткий силовой импульс.

Если честно, то она действовала на свой страх и риск, не

до конца уверенная в результате. В слабом организме нормального человека любое ускорение процессов может повлечь за собой сильнейший болевой шок, и то – в лучшем случае. В худшем – смерть. Живое сердце не вынесет бешеного ритма. А если быть еще честнее, то все вышеизложенное – ничего более, нежели голая теория. Ольга не могла проверить свои лекарские способности по известным причинам: не на ком было. Поэтому она не стала рисковать. Достаточно было запереть кровотечение хотя бы ненадолго, иначе до дома его не дотащить.

Сила, пропущенная через ладонь, отозвалась покалыванием в кончиках пальцев. Человек вздрогнул всем телом, изогнулся, выкатив налившиеся кровью глаза, и захрипел, загребая руками комья слежавшейся хвои. Агония длилась мгновение, после чего хрип перешел в долгий протяжный стон. Мужчина обмяк, разжав кулаки. Ольга с трудом вынула из крепко стиснутой челюсти расщепленный до сердцевины сучок, мысленно похвалив себя за предусмотрительность, иначе несчастный остался бы без зубов. Человек всхлипнул, пряча глаза. Ольга увидела две мокрые бороздки, отчетливо расчертившие грязное лицо, и отвернулась, не желая быть непрошеным свидетелем чужой слабости. Посидев некоторое время, Ольга обратилась к мужчине, поднося ему флягу.

– Лучше?

Тот утвердительно кивнул, с трудом глотая воду.

– Ну и хорошо, – Змея сняла с пояса веревку, пригова-

ривая ласково, будто перед ней был зареванный несмышлелыш, а не бородатый воин, – прокатимся чуть-чуть... ты ведь не против? Вот и молодец, добрый молодец. Я тебе руки свяжу, чтоб не разжал, если вдруг силы подведут.

Она примерилась, раздумывая, как поудобнее ухватиться и вскинуть его себе на спину, принимая во внимание, что мужик он был рослый, и в плечах, что две Ольги, да и весом столько же. Человек, видимо, понял, что у неожиданной спасительницы на уме, и отнесся к идее весьма недоверчиво, но мешать не стал. Да и не мог. Откуда ему было знать, что для йока он не тяжелее мешка с соломой.

Олга аккуратно взвалила его на спину, продев шею в петлю могучих рук, заставила сцепить непослушные пальцы на ремне, затянула узел, чтоб было надежнее, и побежала. Некоторые раны открылись, и рубаха, моментально взмокнув на спине от чужой крови, прилипла к телу. Ноша то проваливалась в беспамятство, то постанывала при особо сильной тряске. Олга потратила четверть дня, неспешно спускаясь в долину. *Хоть бы успеть до заката! А то замерзнет... этот... медовый!*

Всю ночь медового мучила злая лихорадка. Он метался, бередя раны, стонал, кричал в горячке. Олга постелила ему на лавке в прихожей, обмыла, поменяла повязки, да так, держа за руку, и просидела рядом всю ночь, не смыкая глаз и отпаивая его настоем, сбивающим телесный жар. Под утро он забылся тяжелым болезненным сном. Змея, совершенно

разбитая, легла на пол, накрывшись шкурой, и провалилась во тьму без сновидений.

Он сам разбудил ее, легонько коснувшись плеча. Ольга подскочила спросонья, но поняла, что волнения излишни. Медовый смотрел на нее совершенно чистым, хоть и уставшим, взором. На щеках играл румянец – то ли после горячки, а то ли от неловкости.

– Прости, девица, что не знаю твоего имени, – голос был приятный, с хрипотцой. Волосы его золотились в ореоле света, льющегося из окна. Он смущенно улыбался, теребя свободной рукой мех покрывала.

– Выйти бы мне... по нужде... да только ноги не держат.

Змея кивнула. При ее поддержке он выбрался из дома, с интересом озираясь вокруг и щурясь на солнце. Затем помогла умыться и принесла наваристой похлебки и полкружки вина. Лис, конечно, отстегает ее за самовольное откупоривание дорогого авирского, ну и тьма с ним. Одной поркой больше, одной меньше, с нее не убудет, а больному станет легче.

Медовый ел с аппетитом, косясь на свою спасительницу, держался стойко, правда, был очень слаб – ложка в руках ходуном ходила – и бледен до синевы. Змея наблюдала, как он ест, внимательно вглядываясь в тепло-красный узор на могучем теле. Раны затянулись все до единой, кровоток полностью восстановился, сердце работало исправно. Без вмешательства духа процесс длился бы неделю-полторы. Но чего

же стоил Змее этот опыт! Целую ночь питать истерзанное мужское тело живительной энергией Змея, постоянно подавляя рвущийся изнутри поток, стоило ей колоссальных усилий, что и привело к полнейшей телесной слабости. Ольга чувствовала себя так, точно собственными руками держала плотину на бушующей по весне горной речке. Думать совершенно не хотелось, голова была тяжелая, словно кузнечный молот, плечи ныли от перенапряжения.

Она уныло поковырялась ложкой в похлебке, отодвинула миску – *а поесть бы надо!* – и хмуро поглядела на нежданного гостя.

– Ну, давай знакомиться. Как звать-то тебя, пациент?

– Стояном кличут, – с опаской отозвался медовый, слегка ошарашенный незнакомым словом. – А тебя как звать, хозяйюшка?

Ольга задумчиво потерла переносицу, пряча невеселую ухмылку. *А, правда, как?*

– Зови меня... Мила.

Хм, хозяйюшка!.. знал бы ты, кто здесь хозяин, предпочел бы еще в лесу удавиться. Только теперь Ольга задумалась о Лисе. Что она скажет ему, как объяснит присутствие в доме постороннего человека? Он же убьет Стояна! Ладно. Допустим, Стоян поправится раньше, чем Рыжий явится в убежище, но, так и так, Ольга не сумеет вывести его к людям, по одной простой причине: она не знает дороги.

– Стоян.

Медовые кудри всколыхнулись.

– Да?

– Ты как сюда забрался-то? Дорогу помнишь?

Он виновато улыбнулся в бороду, отводя глаза.

– Плохо помню... упал я в расщелину... там обвал случился, на тропе. Все погибли, я один остался из всего обоза. Железо мы везли в Толмань.

Олга вздрогнула. Ее семья жила в Толмани. Прикинув, где на восточных склонах Змеиного хребта находятся шахты, она, наконец, определила, в какой части гор располагается Лисья нора. *Не так уж далеко от родного дома!* Сердце птичкой в клетке радостно затрепетало, и... вдруг замерло. Олга ясно осознала, что Стоян врет самым бессовестным образом. Какой обвал, его же порезали! Никакие камни не способны оставить такие раны, если их, конечно, не обработать, остря под нож. И крошки каменной ни в волосах, ни в одежде не было, только земля вперемежку с опавшей хвоей. Может, беглый? Нет, слишком чистый для каторжника, и сапоги у него хорошей выделки. Она некоторое время буравила притихшего человека взглядом, чувствуя себя еще более разбитой и уставшей. Сил даже на злость не оставалось. *Ну, раз не хочет говорить, так и не надо, имеет на то полное право. Уж я-то врать ему не буду.*

– Ну что ж, раз так, то, уж извини, я тебе не помощник. Ты дорог не помнишь, а я понятия не имею, где тракт пролегает. Выберешься сам-то?

Страдальческое и слегка растерянное выражение появилось на осунувшемся лице собеседника. Олге стало его жалко. *Что ж я к нему прицепилась, как репей? Ну, обвал, так обвал. Я ему жизнь, в конце концов, спасаю, а не исповедую! А дорогу он знает, только вот зачем врет мне – непонятно. Ну, и Бог с ним, вытащу его как-нибудь, только мне бы отдохнуть сначала, да и он пусть оправится, а то вон какой бледный.*

– Ты не бойся, я тебя не гоню. Помогу, конечно, чем смогу, только поторопиться надо, а не то придет по твою душу настоящий хозяин...

Олга поднялась, игнорируя вопросительный взгляд голубых глаз. Что она могла ему ответить? Незачем пугать больного человека раньше времени. Тем более что самой Олге было куда страшнее.

Так или иначе, Стояна следовало увести из дома.

На следующий же день Стоян впал в долгое болезненное забытие. Будто иссяк источник, питавший его живительной силой. Ни сесть, ни встать он сам уже не мог, с трудом поднимал отяжелевшие веки, да и слово выговорить ему стоило огромного труда. Змея быстро догадалась, что энергии, которой она поделилась с мечущимся в лихорадке человеком, хватило тому лишь на день, после чего слабый организм уже не мог справиться самостоятельно. Требовалось время, чтобы Стоян набрался сил и восстановил потери крови. Много времени.

Олга нашла удобную пещерку, сокрытую от холодного осеннего ветра, устроила там лежанку и очажок, перенесла в убежище Стояна и принялась с замиранием сердца ждать. Больше ей ничего не оставалось.

Раненый поправлялся медленно. Змея вмешиваться в процесс больше не рискнула. Она ходила за ним, как за дитем малым: дневала и ночевала подле, кормила-поила с ложки, за руку выводила к нужнику, обмывала теплыми отварами в нежарко натопленной бане. Он слабо улыбался, благодарил и приговаривал, что “негоже так о нем, мужике, печься”. Но большую часть времени спал. Через неделю Стоян стал самостоятельно ходить, опираясь на палку, стал разговорчив и весел, даже иногда смеялся. Кашель почти перестал его мучить, на осунувшихся щеках заиграл слабый румянец. Медоволосый воин оказался весьма хорош собой: осанист, широкоплеч, с красивым, не изуродованным шрамами лицом, добрыми ласковыми глазами... иногда слишком ласковыми. Олга иногда удивлялась некоторым его неосторожным взглядам, недоумевая, что же привлекательного нашел в ее жуткой физиономии этот мужчина. Проверять все-таки не решилась, помня тот ужас, что охватил ее при виде собственного отражения.

Вскоре Стоян стал заговаривать с ней, пытаясь выяснить, кто такая, как здесь оказалась, и что за “настоящий хозяин”, да почему его следует бояться. Этих бесед Олга сторонилась, и однажды выдала чересчур резко, но действительно:

– Не спрашивай правды с других, если сам правду прячешь.

Стоян посмурнел, но промолчал. Больше он этой темы не касался.

В середине листопада¹⁷ выпал первый снег и, как водится, тут же стаял, напитав промерзлую почву пустою влагой – засыпающая земля, сдобренная водою, ничего не родит, а лишь размокнет, превратившись в хлипкую грязь до очередных морозов.

Стоян все более оживал, и все более хмурилась Змея, глядя на него. Лис мог вернуться каждую минуту, и все страшнее и неизбежней делалась встреча с ним. Ольга вынула спрятанный под скамейкой меч и отнесла его в пещеру. Костями ляжет, но не позволит этому мерзавцу на ее глазах резать незащитного человека. Позже она застала Стояна, пытавшегося дрожащими от натуги руками удержать полупудовую железяку. От этой картины Ольге сделалось невероятно тоскливо. Стоян же удивленно спросил, на кой ляд им здесь оружие.

– Лиса гонять, – буркнула она, забирая меч. Наверное, ей показалось, или просто огонь взыграл в очаге, исказив тени, но Стоян как-то странно изменился в лице. Ольга не обратила на это большого внимания.

Людская мудрость, отшлифованная за столетия и не раз проверенная жизнью, никогда не врет: если постоянно

¹⁷ листопад – октябрь

ждешь скорой беды, она не замедлит пожаловать в твой дом.

Шел мелкий колючий дождь. Ольга топила баню. Три-четыре дня, и она больше не сможет терпеть эту муку ожидания. Завтра же она посадит Стояна на спину и отнесет к людям, в безопасное место, даже если придется плутать месяц среди этих проклятых Творцом гор. И плевать, что сделает с ней Лис, когда она вернется... или когда он найдет ее. Хуже, чем постоянный страх за чужую жизнь, уже не будет. Есть надежда, что она переживет встречу с нелюдем. Для Стояна такой надежды не было. Ольга почувствовала такое облегчение и радость, что даже удивилась, почему подобная мысль не пришла ей в голову неделю назад, как она только нашла умирающего в лесу человека. Ответ тут же постучался в ее оступевший от постоянного страха разум. Стояну нужен был покой, он бы просто не пережил дороги и ночлега под открытым небом.

– Завтра же! – пробормотала Ольга, укладывая веники в кадушку, и осеклась, вздрогнула всем телом. Лис был рядом.

Она выскочила из бани, как ошпаренная, и замерла посреди двора, крепко сжав кулаки и прислушиваясь к своим ощущениям. Рыжий шел с севера, значит пещера, что находится на южном склоне, пока в безопасности. Ольга решила подождать.

– Только попробуй, мерзкий йок, только попробуй, – прошептала она, с ненавистью глядя вдаль, туда, где из туман-

но-серой дождливой кудели ткалась, медленно обретая четкие контуры, темная человеческая фигура.

В сенях он скинул на пол тяжелый от воды плащ и заплечный короб, отдав замершей рядом ученице перевязь и ножны.

– Баня? – он, не глядя на Младшую, провел рукой по лицу, убирая налипшие черные пряди со лба. Она кивнула.

– Хорошо, – он устало расправил плечи и шагнул за порог. После убийств он мылся в одиночестве, подолгу отскребая с себя чужую кровь. Ольга бросила перевязь на лавку и кинулась к пещере. Стоян испуганно глянул на нее, приподнимаясь на локте:

– Что случилось?

Ольга присела рядом, схватив озадаченного мужчину за руку.

– Хозяин вернулся, надо срочно уходить. Сиди тихо. Ночью я вернусь и заберу тебя. На себе понесу, слышишь, только тихо сиди, ладно? – от волнения она вся дрожала.

– Ночью уйдем, только ты скажи куда, хотя бы направление, тропку найдем обязательно... он не посмеет, слышишь! Я не позволю, – она закрыла лицо руками, – Творец Всомогущий, он убьет тебя... он сволочь, рыжий выродок, гад! Ему все едино, кого убивать, лишь бы... Не позволю!

Стоян, нахмурившись, привлек трясущуюся в истерическом припадке Ольгу, погладил по мокрым волосам, по щеке, приговаривая:

– Уйдем обязательно, никто и не догонит... И тропку найдем, только успокойся! Соберем вещи и уйдем.

– Да уйдем, – тупо повторила Ольга. Она давно забыла, какого это, когда тебя нежно обнимают крепкие руки, готовые защитить, по-отцовски ласковые и нежные. – Соберем вещи и уйдем.

Вещи! Наваждение развеялось в дым. *Я же... я же рубашку чистую, залатанную, Стоянову рубашку синего сукна, в бане положила! Господь мой, пощади!*

Ольга подняла голову, беззвучно шевеля помертвелыми губами и уставилась в сторону входного проема пещеры.

– Мила, красавица моя, милая, успокойся!

Стоян проследил ее взгляд. Отдернув полог, закрывающий довольно низкий вход в нору, стоял Лис, держа в руке смятую синюю рубаху. В другой руке тускло поблескивал обнаженный клинок.

– Значит вон оно как, милая, красавица моя, – Лис сделал шаг внутрь, внимательно разглядывая вытянувшееся лицо Стояна. Змея вскочила на ноги, заслоняя мужчину собой, и зашипела яростно.

– Не тронь его.

Рыжий бросил рубаху под ноги. Глаза его сузились, превратившись в тонкие злые черточки.

– Дура безмозглая, ты хоть знаешь, кого выходила, какую грязь в дом принесла? Небось, и спала с ним, потаскушка!

Он не говорил, рычал. *Меч!* Ольга скользящим движени-

ем ушла в сторону, протянув руку к заветной рогожке, нащупала рукоять и выдернула клинок из свертка. Она двигалась быстро, но Лис был проворнее. Он ударил Змею мечом по затылку, кладя лезвие плашмя, и, как следует, пнул в незащищенный живот. От удара ногой Ольга увернулась, следуя исключительно инстинктам. Голова гудела, перед глазами мельтешили рыжие искры, но пальцы крепко обняли рукоять меча и не собирались ее выпускать. Змея вскочила, приняв защитную позицию, и замерла, ожидая нападения. Лис несколько мгновений буравил ее холодным пронзительным взглядом.

– Я же все равно убью его. Ты не сможешь мне помешать, – тихо начал он, не двигаясь с места. Ольга поджала губу. Она знала это.

– И не потому, что я такой кровожадный.

Ольга молчала, следя, как подрагивает в воздухе кончик Лисьего клинка.

– Он из Стаи, – вкрадчиво продолжал тот. – Знаешь, что такое Стая? Кто такие Ловчие? Они убивают нас, как зверей, загоняют и цепляются в глотку, за деньги, за жратву, ради веселья. Они – псы, жадные и трусливые, понимаешь? Это – мразь! Они и на тебя когда-нибудь устроят охоту, как на волка, стайей в сорок кобелей. Их нельзя жалеть, пойми, они... вот, он, – нелюдь кивнул на Стояна, – никогда тебя не пожалет. Мы для них – звери.

– Ты – зверь, ты – чудовище, не я, – в тон Учителю произ-

несла Змея. Тот вдруг побледнел, тонкие губы дрогнули. Олге показалось, что кто-то спустил натянутую тетиву в жилистом Лисьем теле. Он рванулся с места, подныривая под выставленное в защите острие. Змея среагировала моментально. Металл с лязгом скользнул по металлу, рождая сноп золотых искр. Еще миг, и Лис оказался у нее за спиной, где сидел бледный, словно полотно, Стоян. Ольга ловко отвела бешеный удар Лиса, предназначенный, чтобы снести голову человеку, но это была уловка, простая и неожиданная в своей простоте. Отводя удар, Змея открылась, не думая о себе. Этим нелюдь и воспользовался. Быстрый выпад, неловкая защита из неудобной позиции и Ольга полетела на землю, поваленная мощным напором нелюдя. Лис тут же вскочил, с силой ударил ногой по руке, обезоруживая, выкрутил кисть так, что суставы захрустели. Отбросив свой меч, он уселся сверху на молча извивающуюся Ученицу, схватил за волосы и со всей мочи приложил пару раз лицом о каменный пол пещеры. Он часто так делал... раньше.

– Дура, – рявкнул он, – ты что, совсем не чувствуешь, как от него смердит кровью, нашей кровью?

А потом взял в руки камень из тех, что окаймляли костровище, и при его помощи начал считать Ольгины ребра. Та лишь сдавленно вскрикивала после каждого удара.

– Уймись, зверь! – закричал Стоян, огрев Лисью голову палкой-костылем. – Не тронь девку, сволочь лютая!

Удар вышел слабенький. Лис выпустил Ольгу и метнул

камнем в побледневшее лицо, обрамленное смолянисто-медовыми кудрями. Стоян захрипел, схватившись за разбитый в кашу нос, и повалился на лежанку, обливаясь густой кровью. Нелюдь медленно поднялся, подбирая меч, и шагнул к человеку.

Олга схватила его за штанину, потянула назад, останавливая, заговорила.

– Пожалуйста, умоляю тебя, не тронь его. Ну что тебе будет, если раздавишь пса беспомощного, убьешь безоружного человека? – она села, обняв колени Рыжего, не пуская, лоя за острое лезвие нервно дергающийся в его руке клинок. – Если так хочешь его смерти, убей и меня! У себя совесть, жалость Печатями выжег, а мне ее зачем оставил? Чтобы мучилась, да? Глядя, как ты бессильных и немощных людей режешь? Оставь его. Прошу, умоляю! Говоришь, они нас зверьем считают! Так веди себя по-божески, по-человечьи, может, и за человека примут! Пожалуйста, Лис.

Учитель встрепенулся, как ужаленный:

– Кто? Кто тебе сказал мое имя? Этот Ловчий?

Он дернул Олгу за волосы, заглядывая в ее глаза. *Будто сосульки вонзил...*

– Никто не говорил, сама догадалась!

– Когда?

– С самого начала знала.

Слезы катились по ободранным щекам, по разбитому носу. Тело горело – дух начал процесс восстановления.

– Хватит, – поморщился Лис, отталкивая Олгу и отступая на шаг. – Не реви, у меня от твоего рева голова болит.

Она утерла слезы, отползая к лежанке.

– Тьфу, чтоб тебя, – в сердцах плюнул нелюдь. – Ты вообще, слышала, о чем я тут говорил?

Она быстро кивнула, на всякий случай прикрывая собою Стояна.

– Ты же не глупая баба, а ведешь себя, как дура набитая! Ну, вылечишь ты его, ну отпустишь, и что? Он за собой всю Стаю приведет, и тогда нам обоим один конец: поубивать всех, да в новое убежище прятаться. А ты ведь еще толком драться не умеешь. Я же не нянька, чтоб от этих мерзавцев тебя охранять. Понимаешь?

Лис говорил спокойно и убедительно, как с капризным и глупым ребенком. Олга слушала и кивала.

– Ну, так что ж ты мне здесь выкрутасничаешь?

Олга опустила глаза. Лис помолчал.

– Знаешь, их двадцать Псов ловчих сюда шло. Нас, между прочим, с тобою убивать. Ох, кто-то раскошелился! Я их на перевале встретил неделю с лишним назад. Думал всех положил. Видимо сбежал один.

Он поморщился, потирая висок.

– Ладно, – Старший повернулся к выходу, – хватит. Убьют, значит так тебе и надо, глупая девка, меньше хлопот. Кстати, если еще реветь будешь, запорю.

Он вышел прочь, и Олга долго смотрела на качающийся

полог, не веря, что Лис помиловал Стояна. *Что же его так проняло? Неужели, упоминание о его звериной натуре?! Ну, то, что он зверь, это еще слабо сказано. Интересно, другие духи такие же?* Она склонилась над бессознательным телом Стояна, утирая кровь смятой синей рубахой, попросила духа помочь. *Неужели и вправду убивать шел? Меня? Может, Ловчие и не знали, что я у Лиса в учениках хожу. Почему же ты не распознал во мне йока? А, Стоян?* Олга усмехнулась, погладила по кудрявой голове. Он открыл глаза, взглянул на нее сначала со страхом, потом успокоился, увидев, что все в порядке.

– Он тебя здесь насильно держит, да? – спросил он, хлопая разбитым носом.

– От него невозможно сбежать, – Олга глядела мимо, сквозь стену, – да и некуда!

Стоян помолчал. *Он не догадывается, что я есть на самом деле. Странно. Обычно люди очень хорошо отличают йоков от остальных.*

– Почему йок оставил мне жизнь?

– Прихоть у него такая, – Змея невесело усмехнулась. – Он тебя один раз отпустит, ты уж постарайся второй раз не попадаться.

Стоян поморщился, касаясь совершенно целого носа, потом недоуменно поглядел на Олгу.

– Кто ты такая?

– В лоб спрашиваешь? Неприлично как-то, – засмеялась

Олга, глядя в его удивленные глаза. – Отдыхай, я тебе вечером поесть принесу и рубаху постираю.

– Я за тобой вернусь, – проговорил Стоян, глядя на ее удаляющуюся фигуру. – Не место тебе рядом с ним.

– Не смей, – она повернулась, сурово глядя в его бледное лицо. – Иначе я сама убью тебя.

Она вернулась в дом как раз к тому моменту, когда Лис, напарившись, сидел на скамье в прихожей, ломая очередной гребень в своих спутанных волосах. Олгин меч лежал рядом.

– Хорош жених, только слабоват. Мало от такого веселья, а?

Язвить Рыжий всегда умел. Змея молча стянула пыльную, вымазанную в крови рубаху, склонилась над умывальником.

– Что молчишь?

– А что мне на твои глупые попреки ответить? – взвилась Олга. – С тобой наверняка девки только силком да за деньги спят.

Лис мгновенно оказался рядом. Навершие у Олгинова меча было простенькое, стальное. Им нелюдь и приложил Младшую по лицу. Она не стала уклоняться, и рухнула, сметенная тяжелым ударом. *Пусть бьет, мразь кудлатая!* Злоба заклокотал в горле, не давая дышать.

– Думай, что и кому говоришь, – холодно произнес нелюдь, кладя меч обратно на скамью и усаживаясь рядом.

– Не спала я с ним, – медленно поднимаясь, проговорила Олга. – Кому я нужна? Моей рожей только детей пугать...

Лис усталился на нее, застыв с гребнем в руке. Потом усмехнулся, спуская ноги на пол.

– Дура ты все-таки.

Он подтолкнул ее в горницу, войдя следом. На табурете стоял пустой короб, стол изобиловал припасами да гостинцами. Рыжий пошарил среди кульков и свертков и протянул нахохлившейся Змее круглый плоский футляр. Она повертела деревянную безделку, нашла защелку и откинула крышку. Ольга бы точно разбила это зеркальце, если бы Лис не поймал его налету, лихо ругнувшись.

– Держи крепче, корова, я за него денег уйму отдал!

Ольга вгляделась в свое отражение и обомлела. Не способно лицо так часто меняться! Чудовищная маска, искажавшая ее облик, исчезла. Но то, что Ольга видела сейчас, тоже нельзя было с уверенностью назвать нормальной человеческой внешностью. На нее смотрела молодая девка со злыми, недоверчивыми и уж сильно по-змеиному раскосыми темно-желтыми глазами, вздернутым, маленьким носом и полными губами. Во рту, разинутом в немом удивлении, явственно были видны острые мелкие зубы. Кажется, их было больше тридцати двух. На здоровой загорелой коже не осталось и следа от страшного шрама. Волосы, отросшие до лопаток и забранные в беспорядочную косу, давно изменили цвет, приняв насыщенный коричнево-травянистый оттенок, и были удивительно густые и гладкие, словно чакайский шелк. Всем была девчонка как прежде, даже краше, если бы не страшные зме-

иные глаза, да чешуйчатые пятна на шее, да еще нечто неуловимое, большое и сильное, пугающее и в то же время притягательное. Какая-то внутренняя особенность, что ускользает от внимательного взгляда и видна лишь боковым зрением. Змея так и не поняла, что именно. Не успела. Ее сознание, наконец, переборов старые убеждения, признало отражение своей личиной, и Ольга перестала видеть себя, что называется, со стороны.

Змея усмехнулась, закрывая зеркало.

Через неделю нелюдь увел Стояна. Ольга три ночи не смыкала глаз, все боялась вещих снов, полных крови, боялась почувствовать, как входит предательский Лисий клинок в мягкую незащищенную плоть, разрывая нить человеческой жизни. Но Учитель, оказалось, умел держать слово. Он вернулся на четвертый день после ухода, перед самым снегостоем, с неожиданным гостинцем на волокушах: под засаленной дерюжкой лежали девушка да парень лет двадцати, оба с брюшным тифом на последнем, критическом звене хвори. Лис хмуро глянул на Змею, деловито осматривающую нежданных пациентов, и спокойно произнес:

– Лечи этих, а падаль в дом больше не смей приносить, высеку.

Ольга спрятала довольную ухмылку. *Нашел, чем пугать!*

Так, при помощи нелюдя, она стала проходить учебную практику врачавателя, должную быть еще полтора года назад. Лечебницу обустроили в той самой пещерке, и Лис ча-

сто приходил туда вечерами вслед за Змеей, садился у входа и подолгу пристально наблюдал за действиями Ученицы, попутно занимаясь каким-нибудь рукоделием: чинил одежду, остругивал дровяки для стрел, точил наконечники, плел корзины и берестяные туески под крупы и муку. Олгу изначально раздражало его постоянное присутствие, но, спустя время, она свыклась с молчаливым наблюдателем и перестала нервничать.

И где только находил Лис людей с таким разнообразным набором хворей?! Хотя, Змея догадывалась. В большинстве своем это были каторжане, брошенные умирать за пределы шахт. Иногда она вглядывалась в изможденные лица людей, силясь угадать, что же совершили эти несчастные, за что были обречены на столь незавидную участь? Убили, ограбили, или, будучи плененными, стали выгодным товаром на торгу? Спросить их самих не было возможности, больные прибывали в бессознательном состоянии, и отбывали так же. Куда увозил исцеленных Лис? Ольга спросила. Он ответил уклончиво: обратно.

Снова взъерился за окном лютень-месяц, и нелюдь, томимый жаждой крови, ушел на свой страшный промысел.

Олга стежок за стежком пришивала аккуратную заплату на продрванное колено Лисьих портов, продолжая прерванную песню:

Три года ждала,

От тоски извелась я...

В лесу, где забытая

*Тропка вилась,
Средь сосен высоких,*

В молельне пустой,

Сочился родник

*С непростой водой.
В серебряный чан*

Та водица струилась,

В ней древняя сила

*И мудрость таилась.
И коли Всесиля*

Молитве внимала,

Взглянув в отражение,

Я все прозревала...

Той ночью Луна

Обернулася в тучи,

Деревья стонали,

Их ветер измучил.

Я хрипло твердила,

“О, Духи Познания,

Проснитесь, молю,

Приоткройте мне тайну,

Что видеть желаю,

Прошу вас, явите,

Ответьте, не мучьте меня,

Не томите!”

Вдруг ветер умолк,

И лес замер, затих,

Лишь звонко журчал

Необычный родник.

Подернулась рябью

Живая вода,

Дрожая, пригляделась,

Но в чане лишь тьма.

“Неужто не явишь”,

Подумалось мне.

Вдруг голос могучий

Взревел в тишине:

“Тот плащ, что ты шила,

В походе украли,

Когда он с отрядом

Стоял на привале.”

Молчанье, и большие

Ни слова, ни знака,

И странно, что мне

Расхотелось вдруг плакать.

“Вернись ко мне, милый”

И высохли слезы.

“Вернусь невредимым”

Застыли березы.

Вдруг дрогнуло небо,

Разбилось на части,

И гром прокатился,

Встречая ненастье.

Забилось сердечко,

И сжалось... дождем

Посыпались тучи

За темным окном.

Змея, отрезав нитку, положила руки на стол, разглядывая их в неверном свете оплывшей свечи. Бурые коготки, венчавшие каждый палец, глянцево поблескивали, бликуя желтоватыми пятнами. Ольга давно выучилась ощущать приближение Лиса и в пределах пятидесяти саженей с точностью могла определить, как близко он находится от дома. Вот и сейчас, даже не выпуская духа, она знала, что Учитель медленно продирается сквозь метель, бушующую на открытой всем ветрам площадке плаца. Она потянулась, убрала в сундук штопаную одежду, оставив лишь смену белья для бани, и пошла отворять дверь.

Лис, занесенный снегом, был похож на ходячий сугроб. Он скинул тяжелый плащ, шапку и, загромождая просторные сени, втянул внутрь сани, прикрытые медвежьей шкурой.

– Баню, – хриплым с мороза голосом, проговорил нелюдь, разминая заледеневшие в сосульки волосы, – потом разберешь.

Он кивнул на сани и вошел в переднюю, на ходу скидывая сапоги. Ольга, накинув полушубок и сунув ноги в залатанные валенки, выпрыгнула в непогоду, хлопнув дверью.

Пока Лис парился, Ольга собрала на стол, и вышла в сенцы, горя нетерпеливым желанием узнать, какой гостинец привез Учитель в этот раз. Она, развязав веревки, откинула шкуру и вскрикнула, в ужасе отдергивая руки. На санях, безжизненно откинув пепельно-русую голову, лежал мальчик лет вось-

ми. Синие бескровные губы приоткрыты в немом стане, в уголках рта запеклась кровь. Дорогая, красного шелка рубаха, подпоясанная красивым цветастым кушаком, выдавала в ребенке сына обеспеченного, возможно, высокородного человека. А жуткая рана на груди пока лишь сулила смерть, ибо мальчик все еще был жив. Змея трясущимися руками перенесла умирающего в переднюю и уложила на лавку. *Почему он не сказал мне, что тут раненый?!* Малыш даже не застонал, только губы дрогнули. Она разрешила рубашку и тугие бинты, осматривая рану. *Лис его перевязал, что ли?* Удар был нанесен мастерски, только, видимо, в последнее мгновение рука нападавшего дрогнула, вонзая меч, и клинок прошел на треть пальца правее сердца. *Ребенка-то за что так?!*

Змея очень боялась звать духа в подмогу. Вынуть болезнь из тела человека во сто крат проще, нежели латать прорехи на этом самом теле. Кроме Стояна у Ольги не случалось пациентов со столь серьезными ранениями. А это дитя, балансируя на грани, вряд ли выдержит грубое вмешательство. Ольга лихорадочно соображала, в панике теребя ворот рубахи. А мальчик вдруг открыл совершенно ясные серые глаза и, глянув в склоненное над ним скорбное лицо, радостно улыбнулся сквозь набежавшие слезы.

– Мама! – взгляд потух, будто душа вылетела вслед заветному слову. Змея вздрогнула, что-то поднялось из глубин ее сознания, или это было сознание духа? Что-то огром-

ное, горячее, обладающее невероятной силой. Миг, и поврежденные ткани восстановлены, еще миг, чтобы сосредоточить энергию и послать живительный импульс остановившемуся сердцу.

– Живи! – Змея не молила, рычала в приступе дикой ярости, как волчица, у которой отнимают новорожденного щенка. – Ну же! Живи!

Она не имела понятия, сколько времени билась над мертвым телом. Мимо прошел Лис, обдавая вспотевшую Ольгину спину морозной свежестью и еловым баннным духом, остановился.

– Все-таки сдох, гаденыш... зря тащил! Надо было на месте прикончить, это было бы... м-м-м... более человечно, что ли, – и вошел в горницу.

Олга сидела, будто ледяной водой окатили. Прикрыв остекленевшие глаза безымянного мальчика, она уткнулась носом в полупрозрачную холодную ладонь. От нее исходил странный горьковатый дух, слабый в остывающем теле, но ощутимый. Запах очень напоминал аромат полыни на жарком солнце. Ольгу затрясло. Она медленно поднялась и молча, с каменным выражением на лице направилась в горницу. Лис спал, растянувшись на скамье и закинув руки за голову. Мокрые нечесанные волосы черными змеями разметались по чистой простыне, грудь мерно поднимается под тонкой сорочкой, а между пятым и шестым ребром горит, притягивая безумный Ольгин взгляд, лиловая точка. Она, не отводя глаз,

потянула со стола нож и, сделав шаг вперед, решительно замахнулась. Рука нелюдя, подобно тискам, сжала хрустнувшее запястье, заставляя пальцы выпустить рукоять клинка, вошедшего в мягкую плоть на четверть пальца. Ольга не издала ни звука, лишь крепче стиснула зубы, пытаясь вогнать сталь глубже.

Лис тихо зарычал и сильнее вывернул руку, беря собственную рану. Олгина хватка ослабла, и она, выпустив нож, покатила по полу, больно ушибив плечо об упавший табурет. Лис медленно поднялся, держась рукою за правый бок. Под пальцами быстро расплывалось ярко-красное пятно. Змея уставилась безучастным взглядом на свою сломанную конечность. Ее совершенно не волновало, сразу ли убьет ее одуревший от злости нелюдь, или сначала помучает для острастки. Что-то сломалось и застряло внутри, не найдя выхода, и теперь мучило трепыхавшееся сердце тупой, тянущей болью. Старший стоял, не шевелясь. Ольга закрыла лицо руками и тихо сдавленно прошептала:

– Знал бы ты, Лис, как я тебя ненавижу! – она без страха, с отчаянной надеждой утопающего взглянула в его свирепое лицо, пытаясь отыскать в темных глазах хоть что-то, кроме злой пустоты.

– Зачем ты убил мальчика?

Голос ее был уставшим, полным неизбывной безнадежности.

– Он был Нюхачем. Он вел Стаю по моему следу.

Голос был холодный, совсем чужой.

– У него же молоко на губах не обсохло... ты... зверь!

И тут, сорвавшись, Лис заорал, кулаком ударив по столешнице так, что та жалобно захрустела.

– Дура ты! Да хоть младенец в люльке! Они же за тобой шли, по твою душу! Тебя убивать! Меня кончать шли! Я Закон нарушил, ты понимаешь, на Кодекс наплевал, тебя создавая! Тебя в каждом клане с потрохами съесть готовы. Пока ты без Печати. И меня четвертовать, сжечь и повесить одновременно. Тебя убить хотят, корова ты тупорогая! А ты о своих палачах печешься!

Змея подняла табурет и, примостившись на край широко-го сиденья, тупо улыбнулась.

– Убить? – истерически присмеиваясь, удивилась она. – Меня убить? Да я и так издохла давно! А ты вообще уже должен в перегной превратиться! Сволочь ты! Гад! Ублюдок! На кой черт мне нужна такая жизнь, когда из-за меня детей режут!

Лис скривился и залепил ей звонкую пощечину.

– Хватит!

Олга подобрала колени к подбородку, поглаживая пунцовую скулу. Она глядела сквозь нелюдя пустыми незрячими глазами, полными жгучих слез, повторяя:

– Ненавижу, тебя. Ненавижу!

– Только не реви, – он схватил Младшую за плечо. – Не надо слез, слышишь! Хватит, прекрати! Думаешь, я хотел

этого недомерка жизни лишать! Его сами Ловчие под нож бросили. Мало их было, идиотов. На меня такой мелкой Стаей не ходят. Один из них и прикрылся мальчишкой. Думал, это его спасет!

– Ненавижу, всех ненавижу, убить вас мало...

Змея покачивалась вперед-назад, не видя и не слыша ничего вокруг. По щекам, вместо солоноватых слез, текла непрозрачная жидкость травянисто-зеленого цвета. Лис, побледнев, схватился за голову, пытаясь замкнуть внутри расширяющую, невыносимую боль.

– Хватит, Змея, прекрати! Пожалуйста! Умоляю, хватит!

– Ненавижу. Детей-то за что? Меня убей, их не трогай. Сволочи вы. Звери, а не духи. Даже хуже. Звери своих детей не трогают...

Странный птичий окрик, похожий на плач чайки, развеял наваждение, вырвав сознание из цепких объятий обезумевшего от ненависти духа. Ольга, вздрогнув, испуганно огляделась вокруг. Лис сидел у печи, подобрал ноги и прислонившись лбом к теплому камню. На беленой поверхности расплывалось кровавое пятно. Багровая струйка медленно прокладывала дорожку через переносицу, густой каплей-слезой катилась по щеке и губам. *Зачем он голову себе разбил, совсем свихнулся?* Змея тронула его за плечо.

– Не хотел я его... убивать... они сами его... под нож.

Мутные глаза прояснились. Лис дотронулся до рассеченного лба, поморщился.

—
Льда принеси, – приказал он, поднимаясь.

Следующим вечером, когда успокоилась выюга, Змея со-
згла тело мальчика на обрыве, где некогда бурлил небесный
вулкан, и отдала его прах закату.

Глава шестая.

Право на ритуал

Олга полоскала в ручье белье. Руки постоянно сводило от холодной воды, но она улыбалась, насвистывая незатейливый мотив. А почему бы и не радоваться? Нелюдь ушел две недели назад и не спешил возвращаться. Лес перерождался, разбуженный приходом долгожданного тепла. На противоположном берегу ручья раскрыли бутоны подснежники, и теперь белыми звездами разметили свой млечный путь на черной, набрякшей живою влагой земле.

Развешивая Лисьи рубахи, Олга в очередной раз наткнулась взглядом на розовое пятно. Не могла она, как ни билась, отстирать “лиловую” кровь. Царапина, оставленная Змеей на теле Рыжего еще зимой, заживала очень долго. Рубец до сих пор не сошел. Наверное, стоит сжечь эту сорочку, чтоб глаза лишний раз не мозолила.

Она закинула пустую корзину на плечо и бодро зашагала к дому, разгоня голыми пятками солнечные блики в лужах.

Ничего не предвещало скорой беды. Олга сидела на скамье в сенях и чистила рыбу. Сегодня на ужин она собиралась испечь знатный пирог со свежей лососиной.

Теплый ветерок, влетая через открытую дверь, приносил в своих прозрачных струях веселый птичий перезвон и сы-

рой запах леса. Ольга почувствовала неладное, когда птицы начали внезапно прерывать свои песни. Она отложила нож и обтерла руки, как вдруг в дверной проем просунулась вихрастая голова лупоглазого паренька. Он удивленно уставился на нее. Ольга ответила ему взаимностью. Несколько долгих мгновений они молча изучали друг друга, после чего голова исчезла. Вместо нее в прихожую, пригнувшись у входа, вступил долговязый юноша, с темной копной тщательно расчесанных волос, обрамляющих худое болезненное лицо, на котором лихорадочно поблескивали воспаленные злые глаза. Одет юноша был весьма недурно, богатые ножны висели на добротном поясе с серебряной пряжкой, только вот брезгливое выражение, с которым он оглядел небогатое убранство комнаты, сразу не понравилось Змее, как не понравился и хлынувший невесть откуда горький, удушающий запах пыли.

Он смерил ее оценивающим взглядом, криво усмехнулся и крикнул, повернувшись к выходу:

– Я же говорил, здесь никого нет.

Змея даже обиделась слегка.

– Как это никого? Я, ты, да пятнадцать лбов, что рыщут вокруг дома, – спокойно произнесла она, глядя, как юноша лениво и уверенно достает из ножен меч и наставляет на Ольгу.

– Ты бы, девка Лисья, помолчала лучше, пока я тебе язык не отрезал.

В горницу вошли еще трое, двое из них держали в руках взведенные арбалеты. *Боятся*, – удовлетворенно подумала Змея, – *и правильно делают*.

– А у йока губа не дура, – хохотнул один из стрелков, подходя к долговязому. – Дашь побаловать, а, Гвид?

Юноша, названный Гвидом, брезгливо поморщился. Олга тоже внутренне скривилась, но виду не подала, только состроила гримасу испуганного зайца, выпучив глаза в напускном страхе.

Пятнадцать человек! Я не хочу убивать этих баранов! Может, не тронут?

– Все тебе нейдет, Балаш, – проговорил он, убирая меч в ножны. – Лиса здесь давно не было. Я его совсем не чую, – он повел носом, как бы доказывая свою правоту. Потом вдруг повернулся к Змее, алчно поблескивая глазами. – Моя наперво будет. Отведите ее в баню, все равно Вожак на перевале. Развлечемся пока.

– Развлечемся, – подтвердила Змея, вонзая длинные бурые когти в тонкую Гвидову шею, и выхватывая другой рукой его меч. Горячая кровь фонтаном хлынула из разорванной артерии, разукрашивая Олгино лицо в красный цвет боя. Ошалевшего арбалетчика и мечника она убила одним плавным круговым движением, достав чужим мечом сразу двоих. Балаш успел выстрелить, но уроки Лиса не прошли даром. Болт прошел мимо и, разбив стекло, ушел в небо. Олга чертыхнулась и точным ударом в сердце повалила необъ-

ятного арбалетчика. *Теперь все Стая прибежит!* Очередной Ловчий, сунувшийся было узнать, что происходит, получил в лоб снятым с трупа кинжалом. *Четыре!* Ольга достала из-под лавки свой меч и, выскочив во двор, бросилась бежать. Внутри оставаться было опасно, дом могли окружить и поджечь. Мимо зло прожужжали, рассекая воздух, три болта. Змея отшатнулась, уходя из-под обстрела выскочивших из лесу Ловчих, и метнулась через плац к тропке, что вилась по южному склону. Там ее и ждали десятков мечников с острыми клинками на изготовке. Трех в диком порыве она убила сразу, охваченная жаром схватки, опьяненная соленым вкусом чужой крови на губах.

Семь!

Но потом что-то сорвалось в ней. Какая-то нить, крепко и прочно стягивающая все чувства, лопнула, не выдержав натяжения. К горлу подкатился тугой ком, мешающий ровно и глубоко дышать, ноги перестали слушаться, сделались словно ватные, руки предательски задрожали. Мечи показались неподъемно тяжелыми, норовили выскользнуть из вспотевших ладоней. В груди и животе противно заныло. Ольга отбросила один клинок и принялась защищаться, неловко отмахиваясь от разъяренных псов. Даже осознавая смертельный исход такой слабости, Змея не могла побороть отчаяния и ужаса перед творящимся действием. Оттесняемая к утесу, она почувствовала, что если еще хоть немного крови обогрится стальной клинок, ее стошнит. Нет, она не умела убивать!

Она не хотела этого делать! *Они бы изнасиловали тебя и все равно прикончили*, – холодно внушал разум, еще теплившийся где-то в черной, вязкой глубине безумия. Змея задыхалась. Да, она понимала это, прекрасно понимала. Но неведомая сила, заполнившая ее до краев и грозившая разорвать тело, не находя себе выхода, причиняла ужасную, ни с чем несравнимую муку.

Олга отмахнулась от очередного лезвия, промелькнувшего перед самыми глазами, и почувствовала долгожданное облегчение. Боль хлынула наружу вместе с потоком крови из страшной раны на плече. Рука повисла плетью, выпуская из мокрых пальцев рукоять меча. В следующее мгновение три болта пригвоздили к скале ее сползающее на землю непослушное тело.

Сквозь жирное пульсирующее марево Змея видела, как приближается к ней один из Ловчих, как заносит тяжелый боевой топор, и, покачнувшись, валится на бок. За его широкой спиной вырастает плоская тень с черными точками глаз на белом лице.

Смерть!

Миг, и тень уже кружится среди людей, овеваемая серебристо-стальным шлейфом, и Ловчие – кто с остервенением, кто с опаской – вплетают свои умелые движения в бешеный ритм, поддаваясь неукротимой власти кровавого пляса, и падают один за другим, бездыханные, кропя землю багровой росой.

Змея смотрела в гущу вертящихся тел и молила Творца ниспослать ей спасительное забвенье, лишь бы не видеть этого ужаса, не слышать скрежета металла, хруста разрубаемой плоти, криков и ругани дерущихся. Но кто-то не желал отпустить измученное сознание, будто приказывая: “Смотри! Смотри и помни! И сходи с ума от воспоминаний!” И Ольга даже сквозь веки видела схватку обреченных со Смертью, и непонятная могучая Сила раз за разом накатывала на нее, обдавая удушливой, горячей волной, обжигала сжавшегося в чреве и плачущего от боли духа.

Танец оборвался внезапно. Тень на мгновение замерла среди бездыханных тел, и, покачиваясь, медленно двинулась к Ольге, постепенно обретая четкие очертания и объем.

Лис, сбросив черную кожанку, присел рядом со Змеей, внимательно осматривая ее искромсанное тело.

– Я же говорил, что они придут, – произнес он, утирая лицо рукавом. Ольга с ужасом наблюдала, как затягиваются глубокие раны на его шее и висках, как за секунды рассасываются ребристые шрамы, как пульсирует вокруг его тела густое смердящее облако Силы.

Нелюдь протянул к ней ладонь, охваченную жаром, и Змея дернулась прочь, выставляя вперед целую руку и хрипя:

– Нет, не трогай меня!! Ты... ты грязный!

Он наклонил к ней голову, вслушиваясь, но Ольга оттолкнула его прочь, оставляя на бледном лице кровавый отпеча-

ток ладони.

– Уйди... уйди, нелюдь!

Он вздрогнул, сжав губы, и с силой дернул болт, торчащий меж ребер. Кровь хлынула горлом, переполнив пробитое легкое, и Олгу поглотило долгожданное забвение.

Велидар давно собирался съездить в Кимчанский монастырь, что на Суровом озере, навестить наставника Гунария, да привезти ему пару новых рецептур и гербарий для книги “о ядовитых растениях и их полезном применении в медицинской практике”. Брат Гунарий, будучи учителем и приемным отцом Велидара, в глазах последнего являлся образцом для подражания и преклонения. А мудрость и знания, которые хранила убеленная сединами голова медика, астронома, историка и алхимика в одном лице, заслужили уважения и почтения у самого Великого Князя Владимира. Велидар уже четыре с половиной года не видел учителя, и виной тому была отнюдь не лень или нежелание сплавляться по бурной Жиле. Просто красавица-жена, черноглазая Смеяна, родившая сразу после свадьбы одного за другим двух крепеньких сыновей, никак не желала надолго отпускать от себя мужа. По крайней мере, пока малыши не подрастут. К тому же Велидар хотел свезти мальчиков на смотрины к пусть и не родному по крови, но все-таки деду. Гунарий же, узнав о появлении внуков, очень радовался и выказал огромное желание поглядеть на детей приемного сына и одного из лучших сво-

их учеников.

В начале квітня¹⁸, вместе с паводком с гор к Закрому пошла вереница плотов, везущая из Толмани товар на большую весеннюю ярмарку в Истарь и Надар. Сговорившись с купцами, Велидар вместе с женой и сыновьями погрузился на один из плотов, где обосновался торговый люд, наемники, да батраки из крестьян, подавшиеся в город на заработок.

Берега медленно проплывали мимо, то нависая над мутной водою глинистым обрывом, усыпанным ласточкиными норами, то сгущаясь неприступным темным бором, выступающим могучими стволами к самой кромке, то светились редколесьем с зеленеющими проплешинами полян. Связанные из крепких сосновых бревен плоты напоминали плавучие острова, густо усеянные шатрами и натянутыми от дождя пологами, между которыми прогуливался, переговариваясь, скучающий без дела народ. Неудивительно, что о йоке, прибившемся под телегой у края плота, лекарь узнал этим же вечером, ужиная у костра, от золотодобытчика из Привольжского края. Словоохотливый рудокоп рассказал так же, что йок везет с собой какую-то девицу, по слухам, красоты невиданной, которая ночью так жутко кричит, что у честных людей волосы на загривках шевелятся.

– Видимо, проклятый душегуб припас ее на потом, чтобы девственное сердце выесть, коли голод замучит, – сверкая соловыми глазами, рассуждал он, размашисто жестикулируя

¹⁸ квітень – апрель

увесистой, почти уж полой чаркой браги. – А, может, потому и воет она, что он ее ночью того... кушает понемногу.

– Врешь ты все, – грубо оборвал его рыжебородый наемник, молча хлебавший горячую похлебку, – он над этой девкой как лист осиновый трясется, сам видел. Раненая она, вся в бинтах, точно куколь.

– Ну ты, бравый, загнул, век не разогнешь, – недоверчиво ухмыльнулся рудокоп, наполняя деревянную кружку пенным напитком, – Где ж это видано, чтобы йоки кого-нибудь выхаживали. Это, знаешь ли, противно их существу, – и, вскинув указательный палец, процитировал древнюю хронику:

“Сия тварь непотребная, во гневе чрез Змея Творцом порожденная, на добро не сподобится, лишь несет разрушения тем телам, в коих души разрушены”, – после чего повернулся к Велидару и произнес наставительно:

– Ты, лекарь, за детками лучше следи, а то, не дай Бог, стервец оголодает, да захочет свежинкой подкрепиться.

Велидар от этих слов стал белее снега, а Смеяна, вскрикнув, бросилась к положу, под которым крепко спали малыши. Рыжебородый хмыкнул, хмуря кустистые брови:

– Не пужал бы ты людей зазря. Не веришь мне, так сам сходи, погляди.

Рудокоп пьяно захохотал над нелепостью подобного предложения, но больше про йока не заговаривал. Велидар задумчиво глядел на синий в сгущающихся сумерках берег,

поглаживая аккуратно стриженную бороду. Конечно, вольжанин за все золото мира не пожелает подойти близко к духу, тем более разглядывать, что тот прячет в телеге. И виной тому не только боязнь нарушить “частную территорию” йока, но и другой, более древний и более глубокий страх. Велидару доводилось сталкиваться с “сынами смерти” несколько раз, и он навек запомнил тот липкий ужас, что, поднявшись из самых глубин сознания, обнял его своими ледяными скользкими щупальцами, словно огромный морской спрут, и не разжимал сдавливающих грудь тисков, покуда дух стоял рядом. Велидар не понимал, почему так происходило, но точно знал, что все люди испытывают нечто схожее в присутствии проклятых Змеем. Даже Ловчие, или Мстители, как они сами себя называли, гордо вскидывая буйные головы. Недаром в их Стаи вступали только самые отчаянные, умелые, проверенные в бою вояки, которым нечего было терять, кроме собственной жизни. Те, в ком жар ненависти не гас под напором страха, кто желал добыть славу и, само собой разумеется, богатство, ибо многие влиятельные особы горели желанием отомстить убийцам за гибель своих близких, и не прочь были заплатить золотом за голову ненавистного йока. Было еще одно обстоятельство, побуждавшее мстительных родственников тратить баснословные средства для снаряжения целой Стаи. Казалось, легче было бы нанять йока, чтобы тот сошелся в равном поединке со своим родичем. Легче, но невозможно, ибо самый главный закон Кодек-

са “сынов смерти” запрещал убийство себе подобного. Дух никогда, ни при каких условиях не поднимет меч на другого духа. Если же он нарушит данный закон, его ждет самая жестокая кара. Велидар понятия не имел, какое наказание можно придумать для существа, уже раз испытавшего смерть, не знающего боли и лишенного чувств. Но в том, что нарушителя будут долго и настойчиво преследовать, был точно уверен.

Так что Ловчим было чем заняться, так же, как и Нюхам. Эта тоже была одна из тайн, окружавших расу йоков. По какой причине рождались люди, способные чувствовать запах духа лучше всякого пса? Чья кровь дала миру такую способность? Среди догадок самой распространенной была одна: Нюхачи ведут свой род от загадочных Детей Великого Змея. Загадочных, потому что ни одна летопись не сохранила точных упоминаний о них. А в легендах и народных сказаниях все было столь запутанно и противоречиво, что историки оставили бесплодные попытки разобраться, где правда, а где выдумка.

– Лекарь, ты не пужайся, – вдруг подал голос рыжебородый, – йок-то смирный, посмирнее своей девки будет. Он в самых верховьях к обозу пристал. Говорит, охрану обеспечивать будет, коли что. Бесплатно, лишь бы до Сурового свезли. Хозяин, что металлы с рудников в Толмань вез, согласился.

Еще бы! – мелькнуло в Велидаровой голове.

– Не съест он твоих малявок, – ободряюще похлопал по плечу наемник. – Не голодный, поди.

– Надеюсь, – слабо улыбнулся в ответ лекарь.

Утро выдалось пасмурное. Всю ночь землю кропила противная мелкая морось, наполняя осенней сыростью теплый воздух. Смеяна еще крепко спала, когда Велидар задком выбрался из-под нагретого одеяла и, ежась от холода, зашагал к краю плота справить малую нужду. Помочившись и оправив штаны, он обернулся и чуть не заорал во все горло, отскакивая назад. Велидар точно бы свалился в реку, если бы проворный йок вовремя не схватил его за руку. От этого прикосновения лекаря накрыло такой волной ужаса, что он возблагодарил Творца за его решение явить йока после, а не до облегчения. Иначе портки были бы мокрые со страху!

Йок оттащил трясущегося Велидара подальше от воды и, внимательно разглядывая его побледневшее лицо своими черными, как бездонные колодцы, глазами, спросил:

– Ты – лекарь?

Велидар, переборов желание кинуться в реку и уплыть куда подальше, кивнул.

– Пойдем, – коротко бросил йок и зашагал прочь. Велидар обреченно побрел за ним.

Телега, а точнее, крытая повозка, стояла именно там, куда указывал вчера рудокоп. Она была совсем небольшой и низенькой. Три-четыре мешка муки да пара клеток с курами – все, что туда могло поместиться. Ну и, пожалуй, еще лежа-

щий человек. На юге в такие повозки впрягают ослов. Очень удобно и безопасно для узких горных тропок. Йок отдернул боковину полотнища, натянутого на две П-образных рамы, и взглядом указал вовнутрь.

– Мне нужно, чтобы она жила, – коротко бросил он, отступая на несколько шагов. Велидар, перегнувшись через бортик, склонился над девушкой.

Она была совсем молоденькая, лет шестнадцати, не более, к тому же, и правда, очень красивая, но какой-то нечеловеческой, звериной красоты. Словно древний дух, обретший людское обличье, что так и не смог окончательно избавиться от своей первоначальной природы. Таких, как она, очень сложно и, в какой-то мере, страшно любить, но можно подолгу, восхищенно и с наслаждением любоваться. Портили ее только нездоровый цвет лица и впалые щеки.

Велидар заворожено разглядывал тяжело дышавшую во сне девушку, как вдруг та вскинула длинные ресницы и уставилась на лекаря янтарем горящих в полумраке змеиных глаз. Несколько долгих мгновений она внимательно изучала склоненное над ней лицо, после чего произнесла не зло, но твердо:

– Пошел вон!

Велидар растерянно оглянулся на нелюдя, но тот лишь утвердительно кивнул, подбадривая.

– Позволь осмотреть тебя, – лекарь, откинув одеяло, взялся было разматывать бинт, стягивающий плечо.

– А-а-а, коллега! – прохрипела она, и в уголках губ вздулись кровянистые пузыри. Лекарь удивленно приподнял бровь. *Она знает фавийские словеса?!* – Зачем повязку теребишь? Я и так тебе все раны свои перечислю, – и вдруг рывкнула, выкатив безумные глаза:

– Руки убери, идиот! Иди, откуда пришел! И скажи этой сволочи смердящей, что лучше я сдохну, чем стану такой... такой... – она закашлялась, исходя пузырящейся кровью, и устало откинула голову, закрыв глаза.

Нелюдь невозмутимо слушал, глядя на проплывающий мимо берег. Велидар с опаской подошел к нему, поминутно оглядываясь на повозку, и остановился как можно дальше, неуверенно теребя завязки на поясе.

– Ну?

– Я... она, – заикаясь от тяжелого, гнетущего страха, проговорил лекарь, – я н-ничем н-не смогу ей п-помочь... она н-не хочет жить... когда человек так н-настроен, его н-невозможно излечить.

Дух метнул на Велидара такой испепеляющий взгляд, что ноги последнего подкосились, и он упал, будто кто в грудь толкнул. Йок навис над ним, перебирая длинные пряди черных волос тонкими пальцами, похожими на птичьи когти.

– Так убеди ее.

– К-как?

– Скажи ей... – он задумчиво смотрел куда-то вдаль и, спустя несколько долгих томительных мгновений, произ-

нес, – скажи ей, что если она будет дальше упорствовать и не позовет духа, я, – он в упор посмотрел на Велидара пустыми холодными глазами, – убью твоих детей и жену прямо здесь, перед ее упрямым носом. Скажи, что я не шучу. Иди.

Он поднял лекаря за шиворот и, встряхнув, толкнул его к повозке. Велидар неловко налетел на деревянный бортик, больно ушибив грудь, и застонал. От толчка тележка качнулась, и девушка открыла глаза, раздраженно воззрившись на бледное осунувшееся лицо напротив.

– Что тебе? Я же сказала, убира... – она оборвала фразу на полуслове. Велидар плакал, тихонько всхлипывая и утирая слезы рукавом.

– Детей пощадите... мальчиков моих, умоляю, – бормотал он. – Прошу, помилосердствуйте, сударыня, сделайте, что господин велит! Деток моих спасите от проклятого йока! Жену... я же с ней всего пять годков побыл!.. Мне-то зачем жить, коли их не станет...

Казалось бы, бледнеть уже больше и некуда, ан нет! Девушка позеленела, прикусив нижнюю губу, и отвернулась.

– Нелюдь проклятый! Знает, чем пронять...

Она блуждала взглядом по пологу, украшенному потеками и заплатами, и, казалась, забыла о застывшем в отчаянье лекаре. Велидар обреченно молчал, раздумывая над тем, что лучше будет сделать, коли йок совершит обещанное: утопиться с горя и стыда, или повеситься на ближайшей осине. Мысль об осине наполнила его трепыхавшееся в груди серд-

це таким блаженным спокойствием, что он растянул губы в туповато-счастливой улыбке.

Тем временем девушка остановила свой мутный взгляд где-то за Велидаровой спиной и, зло блеснув глазами, проговорила:

– Ты выиграл! Ну что, доволен?

Лекарь обернулся. Йок, стоявший позади, молча кивнул, и, переведя свой взгляд на Велидара, произнес с легкой усмешкой:

– Пошел вон!

Море!

Сколько поэтов вдохновила бескрайняя, изумрудно-синяя даль отраженного неба, вздыхающего прибоем. Сколько людей, посвятивших себя служению первородной стихии, с уверенностью утверждали, что в их жилах струится отнюдь не руда, как у жителей берега, а морская вода – истинная кровь Творца. Ибо Отец – небо, Мать – земля, а море – купель жизни обоих.

Сколь прекрасно шепчущее покрывало бездны, скрывающее под прозрачно-голубыми струями великую, неподвластную мощь Бога. И сколь ужасна разрушительная сила разъяренного моря. Ничто в мире не являет собою больше противоречий, чем лик самой могучей стихии.

Море...

Олга и раньше видела его, будучи в Надаре вместе с от-

цом. Видела грязные, закованные в склизкий гранит берега, натужно вылизываемые языками воды, тяжелой от мусора и водорослей. Видела почерневшие от влаги гнилые борта умерших кораблей, и ощущала режущую глаза вонь, висящую над причалом, как мошкаринное марево над болотом. И где-то за неприступной стеною липкого воздуха мерцала голубая полоса, вливаясь на горизонте в безоблачное небо.

Впечатления детства пускают в память самые крепкие корни, и Ольга до сего момента не любила моря, всегда наблюдая его с городских причалов. Может быть по этой причине она никогда не чувствовала его в своем сердце так тонко и пронзительно, как сейчас...

Волны прибоя упруго ласкали колени, не давая забыть о своем теле, а сознание плыло над темно-синей бездной вместе с выпущенным на свободу духом. Змея обогнула очередной островок, скользнула вдоль узкого перешейка, где в мокром песке увязла телега, и мужик зло бранил непутевого сына, сбившегося с сухой тропы. Поднявшись над чахлыми березами, каймою обрамляющими пологий каменистый берег, она почувствовала под собой холмистую долину с мерцающим блюдцем озера в центре и деревеньку, уютно расположившуюся под раскидистыми кронами густо-зеленеющей дубравы. Но полет продолжался, растягивая незримую струну между телом и духом, требовательно рвущимся вперед.

Сотни верст мерно вздыхающей синевы, искрящейся золотом в лучах заходящего солнца, раскинулись перед при-

зрачным оком летящего Змея. Олга оцепенела на миг, захлебнувшись бескрайним простором открытого моря, и потянула духа обратно, в клетку брэнного тела. Невидимая пружина, столь долго и тяжело растягиваемая, сжалась с невероятной быстротой, возвращая Змеиное сознание на единственный песчаный пляж крохотного островка, затерянного среди множества себе подобных. Открыв глаза, она провела рукою по растрепавшимся волосам, оправляя косу, и глубоко, до боли в подреберье, вдохнула солонуватый морской воздух. Прохладный к ночи ветер приятно охлаждал взмокшие от напряжения плечи и грудь, играя складками распоясанной шелковой рубахи. Ноги, больше трех часов терпевшие требовательные толчки прибоя, замерзли и дрожали от усталости. Олга умыла обветренное лицо прохладной водою и побрела к берегу, пристально оглядывая прибрежные утесы, пока не заметила одинокую фигуру, четко очерченную пылающим ореолом заката.

Так я и думала, явился!

Лис знал об излюбленном пляже своей Ученицы, где она бывала во время его краткосрочных отлучек, знал, где искать Змею по возвращении в убежище. Теперь он уезжал, точнее, уходил на ветхой лодочке ненадолго. Островки, разделенные узкими проливами, теснились близко друг к другу, и на каждом из них были не то чтобы рады, но готовы оплатить труд наемника-йюка, дабы вернуть похищенную пиратами дочь, жену, либо остудить разбойничий пыл разгулявшихся сосе-

дей. Ольга пользовалась возможностью и оттачивала свое мастерство владения духом, с каждым разом все более сливаясь со Змеем в единый живой организм. Застыв по колени в воде, словно изваяние, она блуждала над морем и сушей, растягивая тонкую нить сознания все сильнее. Но приближение Лиса она чувствовала, даже паря за десятки верст от тела.

Он всегда стоял на скале, молот входящей в бурлящие волны. Каменную грудь мощного утеса до безупречной гладкости вылизал прибой, а на вершине, вгрызаясь бугристыми корнями в бесплодную почву, одиноко возвышалось мертвое дерево, черными когтями веток цепляясь за небесный свод. Как только Лис понимал, что Змея заметила его присутствие, он тут же исчезал из виду. И стоя чаек, непонятно почему встречавшая нелюдя молчаливым собором, с пронзительным криком снималась с утеса, белым облаком взмывая в небо.

Ольга ненавидела чаек из-за этих пронзительных, вытягивающих душу криков. Это было, по меньшей мере, странно, но Змее, слышав их плачущие голоса, хотелось реветь еще пронзительнее, истошно, в три ручья. Неопишное чувство тоски и потери овладевало душой. Это было сродни кошмару, непреодолимому и болезненному. Ольга, скрипя зубами, сдерживала слезы и силилась подавить непонятные чувства, злясь на себя и весь мир. Ибо плакать она давно зареклась, зная, как это выводит из себя Лиса.

К слову сказать, для Младшей вскрылась еще одна стран-

ность нелюдя. Путешествуя с Лисом около двух недель, Ольга заметила, что чужие слезы его ничуть не трогают. Совершенно не трогают! Если поразмыслить, то такого безразличия к людям она от него никак не ожидала. Рыжий вел себя так, будто вокруг, кроме Змеи, никого не существовало. Так с чего бы это Лису так реагировать на ее слезливые истерики? Ответ был неизвестен, и Ольге оставалось только задумчиво пожимать плечами.

Так я и думала, явился! Что ж ты в шторм не попал, зараза! Такой чудесный, замечательный шторм был вчера...

Ольга закинула тускло поблескивающий меч на плечо, попутно заметив, что надо бы почистить оружие, и по узкой каменной тропке медленно побрела к хижине в глубине острова, безбоязненно ступая огрубевшими пятками на острые сколы породы.

Сегодня Змея наконец-то достигла восточного мыса южной части Железного архипелага, ибо Лис увез выздоравливающую против своей воли Ольгу на один из сотни островов Безграничных вод, названных так в связи с невозможностью провести морскую границу между такарами на юге и Великим Верийским Княжеством на севере. На суше рубежом служила река Гюрза и северное ответвление ее русла. На море же были иные законы, по которым населяющие острова веричи и такары мирно сосуществовали, торгуя между собою да с материком и – куда без этого – помаленьку пиратствуя как на своих, так и на чужих территориях.

Маленький, в полдня обхода, кусочек суши, где располагалась нынешняя Лисья нора, среди своих соседей был, наверное, самым диким и мертвым, так как каменистая, зашлакованная частыми извержениями почва не давала пищи для растений. Лишь небольшой островок свежей зелени, обрамляющий родничок рядом с хижинкой, да поросшие низким кустарником берега горячих озер, ступенями спускающихся к основанию дремлющего вулкана – вот и вся здешняя растительность. Остальное – голый камень, загаженный птичьим пометом. Лучшее место для убежища и впрямь трудно сыскать. Горная хребтина, изгибаясь подковой, на западе ввинчивалась рогами в море, образуя удобную бухту, где причаливали лодки тех, кто приходил с соседних островов погреть застуженные кости в целебных, насыщенных серой водах гейзеров. Кто-то даже соорудил дощатую купальню на потребу пришлых людей.

Хижина, как, впрочем, и песчаный пляж, находилась на восточной стороне хребта, защищенная от любопытных глаз горным кряжем. Ольга поднялась по крутой тропке, свернула направо и лоб в лоб столкнулась с хмурым Лисом. От неожиданности она чуть не выронила меч, отскакивая назад. Раньше Учитель не отличался особой нетерпеливостью и не бегал встречать уставшую Змею. *Что там еще случилось?* Ольга боязливо поежилась, глядя в угрюмое лицо нелюдя, озабоченного, по-видимому, тяжелой думой. Он в свою очередь смерил ее долгим оценивающим взглядом, переби-

рая по привычке волосы у виска, и произнес:

– Пойдем, Змея.

Олга вздрогнула. Лис редко назвал ее по имени духа, и сейчас это прозвучало, мягко говоря, странно. Как-то не по-лисьи.

В хижине было тепло и уютно. За четыре месяца Олга успела обжечь ветхий домишко. Горел очаг, разложенный в центре глинобитного пола, низкий столик у лежанки скрылся под стопкой рукописей и раскрытых книг, точильный камень так и остался не прибранным со вчерашнего дня, когда Олга вострила ножи, чистила рыбу.

– Сядь, – Лис кивнул на коврик у огня и сам уселся напротив, подобрав под себя ноги. Олга послушно исполнила приказание, недоумевая, с чего это Учитель так серьезен, и каждую секунду ожидая насмешки или ехидной ухмылки. Но нелюдь оставался невозмутим и сосредоточен. Она глядела на его лицо, освещенное рыжим отблеском пламени, и странное чувство узнавания шевелилось в ее душе. Как будто давным-давно она что-то знала. О нем ли, о другом ли, непонятно. Что-то очень ценное и значимое. И боль утраты, приглушенная, тоже некогда забытая, тонкой иглой кольнула сердце.

Миг, и наваждение испарилось, осталась только неясная тоска и чувство тревоги. Олга удивленно прислушалась к себе, продолжая глядеть на Лиса, в очередной раз задаваясь вопросом: *Как в таком красивом теле может жить столь-*

ко злобы и жестокости?

Нелюдь меж тем разматывал какой-то продолговатый сверток. Золотом блеснула узорчатая сталь, поймав отсвет пламени, и Учитель, сняв кованые ножны, обнажил великолепный меч с изумрудным навершием в серебряной паутине змеиных тел и рукоятью, обтянутой черной кожей. Крестовина была прямая с длинными двойными зубцами на концах. Клинок тускло поблескивал при свете пламени, а на его широком лезвии была мастерски выгравирована небывалой красоты змея с тонкими перепончатыми крыльями, разведенными в разные стороны. Черный Дракон. Разрушитель.

Олга сдержала стон, узнав работу отца. Но глаза выдали ее. Никогда им не стать мертвыми стекляшками, подобно лисьим! Нелюдь удивленно приподнял бровь, но промолчал. Он провел пальцем по выемке дола, дотронулся до рисунка и, легко перехватив тяжелый меч, протянул его Олге над пламенем очага. В памяти сразу возникло лицо человека со страшными – теперь понятно, по какой причине – глазами. Пустыми и мертвыми были те два янтарных ока, с вертикальными прорезами змеиных зрачков. И точно так же бережно протягивал он на ладонях свое оружие бледному и дрожащему от страха мастеру. И было некое странное сходство между красивым Лисьим лицом и жестокими, острыми чертами неизвестного заказчика. А Старший меж тем произнес:

– Я, твой Учитель, признаю тебя Младшей и даю тебе право носить взрослое оружие. Возьми его и будь бесстрашна.

Огонь метнулся вверх и, лизнув холодную сталь, узаконил сказанное. Змея приняла протянутое оружие, закрепив ритуал словом:

– Да будет так!

Сегодня на озерах было пусто. Отличный повод отдохнуть после долгих уроков под проливным холодным дождем, изредка перемежающимся снегом. Ольга так и сказала Лису, выжимавшему под навесом разодранную после драки рубаху. Теперь он бился в полную силу, не давая Младшей ни малейшей поблажки. Так что Змея выглядела не намного лучше Учителя, но, в отличие от последнего, на ее лице иногда появлялась торжествующая улыбка. Быстро, ох, слишком быстро росли ее сила и умения! Скоро она станет равной Лису, и тогда... Убьет ли Змея Рыжего, как тот поступил со своим наставником, она еще не знала. А, если призадуматься, нерешенным оставался иной вопрос: сможет ли она вообще убить кого бы то ни было, даже такого последнего мерзавца, как этот дрянной йок.

По сей день Ольга не могла без содрогания вспоминать подробности того жестокого боя со стаей Ловчих. Она до сих пор кожей ощущала багровое жирное марево горячей Силы, столь грязной, что даже мысль о ней заставляла Ольгу до мяса счищать ладонь руки, которой она коснулась Лиса, объятая пульсирующим жаром. Змея прекрасно помнила неизмеримую мощь, что раздирала ее израненное тело, заставляя духа

плакать от страха и боли, как беспомощное, избитое дитя. Чужая смерть, питающая йоков, для Змеи оказалась ядом. Она не хотела больше того ужаса, но прекрасно понимала, что, оставаясь рядом с Лисом, будет постоянно испытывать подобный кошмар. Сим извилистым путем разум вывел еще один повод поскорее отделаться от мерзкого йока.

Море бурлило, облачая пики прибрежных скал в серую пену. Ветер хлестал по каменному лицу утесов бичами холодных струй, вырванных из чрева тяжелых туч, чьи нескончаемые стада брели на запад, неся осеннюю непогоду с открытого моря на материк. Зрелище бушующей стихии, во всей красе раскрывшееся с вершины гряды, где пролегала тропинка к озерам, было поистине великолепно. Неприкрытая мощь природы завораживала воображение Ольги, наполняя душу осознанием бренности и ничтожности людского рода. Вечность океана стояла против мимолетности жизни и ничтожности человека, обитающего младенцем в утробе мира и ведущего борьбу за власть над материнским лоном. *Война с пуповиной!* Глупость подобной ситуации вызвала улыбку на мокром лице Младшей, а подзатыльник вывел ее из задумчивости. Учитель не любил ждать.

Внутри “подковы” горного хребта ветер утомился, потеряв всю злость на узких тропах перевала. Над горячими озерами стоял густой пар, и струи теплого тумана рваными клочьями катились по камням, подгоняемые озорным вихрем. Здесь было намного теплее, и Ольга прибавила шагу, спе-

ша окунуться в блаженное тепло.

Лис лежал на дощатом настиле купальни в одних латаных подшитанниках, подперев голову правой рукой, и со злостью наблюдал, как раздевается Змея.

Она сидела на коленях, в пол оборота к Учителю (правильно, никогда не выпускай опасность из виду!), и резным гребнем из моржовой кости (его подарок) расчесывала перекинутые через плечо густые волосы. Он видел ее всю, вплоть до последней чешуйки на гибком стане, окутанном туманной дымкой горячих испарений. Умелые пальцы с бурными ноготками мелькали, собирая толстую косу. Она закрутила шишку на затылке, закрепив ее толстой спицей, и, легко вскочив на ноги, растворилась в молоке пара, поднимавшегося с озер.

Такого жгучего, доводящего до безумия желания Рыжий не испытывал ни разу. Он хотел ее всю, до последней капли, до последнего крика боли и наслаждения. Совсем недавно Лис был с женщиной, изливая накопившееся возжеление в безотказный сосуд, купленный за десяток медных монет. Но то желание, как, впрочем, и все другие, не имели ничего общего с этим удушающим жаром. Даже жажда крови не мучила его столь сильно. Рыжий приходил в ярость от одной мысли, что не может сдерживать себя. Разум его с каждым мгновением мутнел, погружаясь в глубины животной страсти.

Змея блаженно вздохнула, расслабляя застывшие от

холода и постоянного напряжения мышцы. Вода обволакивала ее горячими струями, заставляя боль, накопленную за долгие дни уроков, выйти из тела. Несколько мгновений Ольга терпела муку судорог, выкручивающих суставы, подавляя рвущийся из сжатой спазмами груди крик. Отдохновение, пришедшее на смену страданию, показалось измученной Ученице во многие разы прекраснее, как это обычно и случается. *Люди больше ценят то, что получено ими через слезы и боль.* Перед мысленным взором возникла лестница, труп девочки, зажатый в окровавленном кулачке край сорванного гобелена, мухи... *Неужели для того, чтобы научиться по-настоящему ценить жизнь, нужно, подобно мне, умереть, попасть в лапы к безумному демону и стать самой таким же демоном?* Она очень хотела жить, но, коли ей предназначено стать убийцей невинных детей, то лучший выход – все же смерть. Желательно нелюдя.

Ольга вздрогнула, ощутив волну, толкнувшую ее в грудь. Всплеска не последовало, Лисьи навыки срабатывали безупречно в любых условиях. Змея напряглась, упершись ногами в неровное дно. Она почувствовала неладное еще в купальне, теперь же необъяснимый страх с силой стучал в висках, мешая ясно мыслить. Нелюдь вынырнул из тумана, пылающий, словно факел в ночи. Сила окутывала его тело плотным пульсирующим коконом жара, и, при взгляде на искаженное гримасой безумия лицо, Ольгу на считанные мгновения затащило в омут чужого вожделения. Она издала про-

тяжный стон, сжав колени, и, откинув голову, подалась навстречу, повинувшись внезапно вспыхнувшему желанию. Помешательство длилось до тех пор, пока Лис не коснулся ее бедра, грубо привлекая к себе. Дурманящее разум чувство моментально сменилось злобой и отвращением.

– Что, в насильники решил податься? – криво усмехнувшись, произнесла Змея, отстраняя Рыжего. В ответ тот лишь зарычал:

– Ты! Ты моя! Моя!

Олга, почувствовав возбуждение нелюдя и осознав, что его временное безумие не игра и не очередная проверка, до предела напрягла руки, вмиг похолодевшие, несмотря на расслабляющее тепло источника. Некоторое время они боролись в воде. Сражение шло на равных, покуда Олга не додумалась всадить спицу, державшую прическу, в тело своего врага. Несколько мгновений, потраченных Лисом на извлечение спицы из плеча, хватило Змее, чтобы выскользнуть на берег. Убежать она так и не смогла. Озверевший нелюдь нагнал Олгу в купальне, повалил на пол и принялся нещадно лупить. Сначала она сопротивлялась, пытаясь вырваться из цепких Лисих пальцев, но сейчас он был сильнее. *Всегда он был сильнее.* Так что она прекратила бессмысленные попытки, и, свернувшись клубком да прикрыв голову руками, ждала, пока Учитель изольет свой гнев.

Все закончилось внезапно. Тишина и напряженное ожидание сменили кипящую ярость. Олга замерла, не спеша от-

крыться.

– Почему ты не сопротивляешься?

В его на диво спокойном голосе звучала не то тоска, не то укор и удивление.

– А смысл? Ты сильнее меня.

– Дура ты, – зло сплюнул Учитель, – смысл всегда есть! И даже если он не существует, поверь мне, стоит его выдумать.

Олга вжала голову в плечи. Он немного помолчал, прежде чем продолжить.

– Сопротивляться нужно до самого конца, даже если знаешь, что бой проигран, – задумчиво произнес Лис. – Мой Учитель всегда казался мне сильнее, но я дрался с ним до последнего, каждый раз до самого конца. Каждый урок – смерть. Моя смерть. Он ненавидел меня, но продолжал учить... Я почти не помню свою прошлую жизнь. Кое-что, урывками. Я специально повредил Печать. Хотел знать, за что Учитель так ненавидел меня. И, знаешь, он мне сам все сказал, оставшись без рук и ног лежать в луже собственной крови. Я приставил ему клинок к горлу, намереваясь начисто отсечь буйну голову. Хотя велико было желание оторвать голыми руками. А он так подленько усмехнулся и сдох самостоятельно. А перед этим плюнул-таки ядом. В общем, сказал мне: ты, говорит, мой сын, и мать твою я убил за то, что такого выродка явила свету... Наверное, он хотел разозлить меня, или просто такова была его суть – ненависть. Тогда его слова меня не тронули... как, в общем, и сейчас. Я знаю, что

равнодушные в такой ситуации – это ошибка. Я знаю, что за такое нужно мстить. Проблема в том, что я хочу не только знать это, но и чувствовать. Чувствовать хоть что-то, кроме пустоты и одиночества.

Лис внезапно оборвал свою речь, видимо, пытаясь задавить нахлынувшую злость. Ольга молчала, слушая удаляющиеся шаги Учителя. В ушах звенело холодное лисье “извини”, а по щекам катились злые слезы. Она презирала себя за неуместное, глупое чувство, за преступную слабость. Отчаяние, горькое и липкое, смешавшись с бурлящей яростью, жгло ее изнутри. Она ненавидела себя за то, что осмелилась пожалеть врага.

Неделю море не прекращало штормить. Небо изливало на землю бесконечные потоки ледяного дождя, будто некто проткнул серое чрево острым кинжалом сразу в нескольких местах. В короткие часы затишья трудно было определить, где кончается всклокоченная грязно-белая пучина, и начинаются свинцовые тучи. Лис безвылазно сидел на острове, не решаясь выходить в бушующее море на своей утлой лодочке, так что питались оба духа исключительно из своих запасов, да тем, что удавалось поймать в заливе.

Неделю Ольга терпела постоянное присутствие нелюдя, в тихую ругая проклятую погоду, мерзкого йока и себя саму за то, что позволяет Рыжему вывести себя из душевного равновесия. Сказать, что Старший раздражал Змею – все равно,

что смолчать. Он доводил ее до бешенства. Лис маялся от дикой скуки, запертый на маленьком клочке безродной земли, и маяту эту не могли удовлетворить даже жестокие уроки. Длинные осенние вечера превращались для Ольги в вечность.

В маленькой хижине, схороненной среди скал от пронзительно воющего ветра, спрятаться от вечно раздраженного нелюдя не было никакой возможности. Одним из любимых развлечений Лиса было часами в упор глазеть на Ольгу, неотрывно следя за каждым ее движением так, что последняя не могла сосредоточиться на деле, будь то чтение, письмо или рукоделие. Иногда он тешил себя иным способом. Брал собрание сочинений сильвонских менестрелей на языке гаутов и рассматривал цветные картинки, сопровождавшие непонятный для Ольги текст. Покуда Ученица ломала голову, чем бы занять надоевшего Лиса, ответ нашелся сам собой.

Нелюдь сидел у очага и при неверном свете пламени, дрожащем на сквозняке, разглядывал миниатюру – белого, словно снег на горных вершинах, юношу-ангела, распростершего крыла над прекрасной девушкой – княжной, судя по златому зубчатому венцу. В далеких землях Сильвона таких звали королевами. У девушки вместо рук из прорезей рукавов, стянутых серебряными браслетами, выглядывали две источающие яд гадюки. Песня, скорее всего, имела печальный конец, ибо на картинке и прекрасная княжна, и белоснеж-

ный юноша умирали. Ольга давно заметила, что именно это изображение больше всего привлекает внимание Лиса. Вот и сейчас он задержался на этой странице дольше, чем на прочих. Змея вздрогнула, когда Рыжий резко обернулся, протягивая ей книгу.

– Читай, – потребовал он. Выдержав несколько секунд напряженного молчания, Учитель вновь тряхнул книгой перед лицом слегка удивленной Ольги и раздраженно добавил, решив, по-видимому, что глупая Ученица не поняла его.

– Ты же грамотная? Здесь те же... знаки, что и в других книгах. Такие же закорючки, которыми ты мараешь бумагу. Прочти мне это, – он требовательно ткнул пальцем в текст. Ольга взяла в руки тяжелый фолиант, пряча язвительную улыбку.

– Я не могу прочесть “это”. “Это” написано на языке, которому меня не учили.

Лис удивленно переводил взгляд с Младшей на книгу и обратно.

– Не смей мне врать, – в его голосе появились злые нотки, глаза сузились, вот-вот сорвется.

– Зачем мне лгать? – Змея искренне радовалась поводу как следует поиздеваться над йоком. – Эти, с твоего позволения, “закорючки” люди называют буквами. И то, что гауты используют фавийский алфавит для написания слов, еще не значит, что их речь сходна с речью жителей древней Румы.

Ясно было, что Лис ничего не понял из объяснения Ольги,

и это, к великому ликованию Младшей, его взбесило.

– Так... буквы ведь те же!

– И что с того?

– Ну, так читай! – рявкнул Лис. Змея зло хмыкнула, сме- рив глупца напротив презрительным взглядом, и принялась читать гаутские слова на фавийский манер. Нелюдь внима- тельно выслушал получившуюся тарабарщину до конца, и Ольга, к своему огромному изумлению, заметила тень пони- мания на его лице. Она и раньше слышала от него слова ино- земного происхождения, но как-то не задумывалась о том, что чернявый йок и вправду знает языки.

– Ну, и о чем сия песнь?

– О двух впечатлительных дураках, – угрюмо произнес Лис, забирая книгу. Несколько минут в хижине царило мол- чание, нарушаемое лишь треском огня в очаге да мрачным завыванием непогоды за дверью.

– Хочешь, я научу тебя читать?

– Хм, попробуй.

Море ярилось до начала студня¹⁹, хотя в этой местности один из самых холодных месяцев был, пожалуй, чересчур теплым для своего названия. Здесь его величали снегосто- ем, и весьма оправдано. Три недели штормов и бурь закон- чились внезапным затишьем, и из серой шали небес посыпа- лись крупные хлопья чистого снега, что не сойдет до самой

¹⁹ Студень – декабрь

весны.

Ранним утром Змея вышла из хижины умыться да размять тело перед очередным уроком и несколько мгновений, ослепленная белизной зимнего покрова, просто жадно вдыхала искристый морозный воздух. Земля словно уснула, накрывшись тонкой накрахмаленной простыней, завершила забвеньем время грозных бурь и безумий шторма. Холодное прикосновение снега к голым ступням взбодрило сильнее ведра ледяной воды, и Ольга, потянувшись до хруста в затекших суставах, побежала к берегу. Все вокруг было окутано нежнейшей пеленой, будто Творец обрядил свое создание в белый саван, и в великой скорби смолкла жизнь, звенящей тишиной встречая смерть. Даже чайки не осмеливались нарушить священное безмолвие своим надрывным стенанием. Море замерло, скованное у берега тонкой ледяной коркой. Это была прекрасная смерть, спокойная и внушающая уверенность в скором перерождении. И это был знак, предупреждение, только Змея не смогла понять его смысл, покуда не вернулась к убежищу.

Лис сидел на корточках у хижины и вычерчивал пальцем на снежном полотне слово “бой”. На его лице сквозь маску глухого безразличия проглядывала вполне человеческая усталость и тоска. *Давно уже пора сбросить эту дурацкую личину!* Ольга подошла ближе и словно ударилась лбом о ледяную стену, наткнувшись на взгляд Учителя. Казалось бы, Младшая давно привыкла к этому бездушному взору, выду-

мав историю о жизни, спрятанной где-то на дне бездны, и заставив себя поверить в то, что для Лиса еще не все потеряно. Теперь же она видела перед собой мертвеца, ибо со dna бездны поднималась смерть, совсем иная, нежели та, которой так восхищалась Олга – страшная, черная ведьма, гниющая в проказе. Лис, казалось, сам обрекал себя на гибель, и, что страшнее, ему это было совершенно безразлично. Маска оказалась реальностью.

Учитель поднялся, оправляя штаны. Голос его, спокойный и безжизненный, не нарушил, а, казалось, дополнил густую тишину.

– Я передал тебе все знания и умения, что получил от своего наставника, – начал он давно заученную фразу, – а также те, что освоил самостоятельно. Да свершится бой равных! Да явится в свет Воин! Да будет доказано право твое на ритуал! Постись три дня и очисти себя от скверны людских пороков. Прими вызов и будь достойна.

Ужас! Олга сжала в кулаки взмокшие ладони, склоняя голову в глубоком поклоне. Сил едва хватило на то, чтобы сдержать дрожь в голосе и твердо произнести:

– Да будет так.

Три дня вынужденного безделья у горячих озер утомили Змею больше, нежели двойное прохождение трассы. Выматывали мысли, копошившиеся в голове, будто клопы, такие же омерзительные и столь же неистребимые. Ни о чем дру-

гом, кроме предстоящего поединка, Ученица думать не могла. Мысль об убийстве приводила ее в ужас, и, как бы она ни старалась распалить тлеющий в груди уголек гнева, неверное пламя гасло в потоке страха и отвращения. Сначала она уповала на то, что Лис не позволит ей совершить месть, но при воспоминании о его взгляде во время последнего между ними разговора все надежды рассыпались в прах. Казалось, нелюдь сознательно ставил перед ней выбор: либо убийство, либо вечное рабство в оковах чужой – Лисей – Печати. *Ну почему, почему он просто не отпустит меня? Что я ему?! Неужели нет другого выхода? Их ведь тысячи тысяч, выбери любой! Что мешает ему изменить существующие порядки? Нарушив закон многие разы, неужто нельзя преступить его еще один раз?!* Возможно, Рыжий своим холодным разумом не в силах был создать иные варианты, особенно те, что рождаются в сердце под влиянием таких чувств, как сострадание и любовь, чего лишила нелюдя двойная Печать. *А ведь он хочет быть человеком! Это мерзкое злобное животное хочет быть, как люди!*

А, возможно, здесь какой-то иной, более глубокий замысел, проверка на стойкость... только вот, как Ольга ни старалась, смысла этой игры уловить так и не смогла. Так, сидя в купальне, Младшая три дня размышляла о выборе, который ей предстояло сделать, медленно сходя с ума от неопределенности, и ненавидела проклятого йока все сильнее с каждым часом. Иногда, в минуты слабости, она видела выход в

самоубийстве, но туман быстро рассеивался. Смерть от собственной руки Змее была не по силам, свою голову она вряд ли сподобилась бы отрезать, а видеть лиловые точки на своем теле ей, по-видимому, не дано природой.

Так Змея очищала свой разум от “скверны людской”, с каждой минутой все глубже погружаясь в оную. Под конец она старалась вообще не думать, но чем ближе был назначенный для поединка час, тем в большее смятение приходила несчастная Ученица. И единственным желанием была не краюха хлеба для голодающего третий день тела, а скорейшее завершение этих жутких терзаний, уже не важно, как, лишь бы все кончилось. *Интересно, Лис так же мучился перед своим сражением?*

На рассвете означенного дня Ольга развернула сверток, приготовленный Лисом, и облачилась в ритуальные одежды. Длинные просторные штаны из тонкого, тщательно выбеленного льна удерживал на талии широкий пояс из черной змеиной кожи, богато изукрашенный жемчугом и черненым серебром, с серебряной же пряжкой. На лодыжках гачи стягивались шнурками для удобства во время боя. Опоясываясь, Змея заметила в серебряных прожилках ременных украшений бурые пятна давно засохшей крови. Менее заметные на черной коже подтеки были и на внутренней стороне пояса. Ольга поморщилась, представив, сколько своей крови пролил Лис ради мести и ненависти, и тут же отогнала мысль о том, что ей, по сути, предстоит сделать то же самое.

Замотав косу в тугой шишак на затылке, она повязала на лоб ремешок той же черной кожи с единственным украшением – большой бусиной из горного хрусталя у левого виска.

Штаны, пояс да повязка составляли весь наряд, и немудрено, если учесть, что духами становились лишь мужчины. Ольга задумчиво почесала кончик носа, соображая, чем бы прикрыть грудь. В конце концов, она укоротила рубаху, соорудив из обрезка плотную перетяжку, и оборвала рукава.

Накинув на плечи плащ, что служил ей покрывалом в течение трех дней, и сунув ноги в сапоги, она медленно пошла к оговоренному заранее месту поединка. Переодевания несколько отвлекли Ольгу от мрачных мыслей, но теперь страх с каждым шагом все сильнее давил на грудь, стесняя дыхание.

Змея не желала идти, все в ее душе противилось предстоящему действию, но ноги сами несли ее к одинокому мертвому дереву на высокой скале над морем. Там, сидя на валуне, ее уже ждал Лис. Поднимаясь по широкой тропе, Ольга видела лишь его спину, закутанную в черный, заснеженный по плечам плащ, но догадывалась, что нелюдь, словно сросшись с камнем, неподвижно глядит в тусклую серо-зеленую даль неба и моря, связанных воедино тонкими пушистыми нитями белых снежинок, неторопливо струящихся с небес при полном безветрии. В мягкой обволакивающей тишине он не слышал приближающихся шагов, ибо хорошо учил Младшую, но Ольга знала, что Лис прекрасно чувствует ее

приближение, и, тем не менее, он обернулся лишь тогда, когда Ученица в ожидании замерла за его спиной. Он окинул пришедшую невидящим взглядом стеклянных глаз и молча поднялся, движением руки приглашая Змею следовать за собой. Они обошли запорошенную нетронутым снегом круглую площадку по краю, отмеченному вбитыми в землю колышками с натянутой между ними черной лентой, и приблизились к искореженному ветрами древесному исполину. В стволе была глубокая естественная ниша продолговатой формы, где, связанные между собой залитой воском бечевкой, стояли два меча в ножнах и небольшой короб. Лис, присев на корточки, снял с короба крышку и извлек оттуда завернутую в тряпицу краюху хлеба и бутыль с кислым молоком. Разломив хлеб, он отдал половину Змее. Запив съеденное молоком, он протянул сосуд своей Ученице. Ольга послушно и молча выполняла все указания. В голове от пережитого страха было совсем пусто, лишь иногда мелькали обрывки невнятных мыслей.

А ведь он тоже постился три дня, поди голодный как... как йок! ... "С кем преломил хлеб, тот брат твой, не греши супротив него" ... Как тихо, Творец Всемогущий, до чего же тихо! ... Смотрите-ка, тоже в кои-то веки зачесал свои космы... ишь, хвост какой на затылке... И повязка та же, только бусина черная...

Ольга уже не боялась, она смирилась со своей участью. Будь что будет. Судьба сама кинет монетку, и пускай все ре-

шит слепой случай, а Ольга покорится, ибо ей уже все едино, что рай, что ад. Она жевала мякиш, бездумно колупая грязь в прожилках ребристой коры, покуда не почувствовала на себе полный раздражения взгляд Учителя, внимательно рассматривающего смурую Ученицу. *Смотри-ка, оцухался!* Он, грубо сорвав со Змеи накидку, толкнул ее к краю площадки и сам последовал за ней, оставив на снегу позади свой плащ и скидывая на ходу сапоги. Оба меча он держал в одной руке, не разрывая восковой печати, которую закрепил еще при Ольге три дня назад. На поясе, украшенном жемчугом и золотом, висели в ножнах два заветных кинжала-близнеца с ониксовыми рукоятями. Право на один из них, право на ритуал, Змее и предстояло доказать в поединке. Она скинула сапоги и ступила в круг.

Лиса оживляла только злость. Когда он был спокоен или задумчив, от него веяло могильным холодом, и Змея отчетливо ощущала этот скользкий неприятный душок, даже не прикасаясь к нему. Именно на этом основании она и делала утешительные для себя выводы, что в Рыжем еще осталось нечто человеческое, пусть и самое худшее.

Итак, сейчас Лис был живее всех живых, ибо его буквально трясло от ярости. Причина была проста: Змея не желала драться.

Нет, она, конечно, делала все, что предписывал ритуал. Когда Учитель протянул ей меч, она взяла его правой рукой, и, стоя в центре круга, оба поединщика одновременно дер-

нули оружие на себя, разрывая восковую печать. Она, повторяя за Старшим, отступила назад, поклонившись сопернику, обнажила клинок и встала в защитную стойку. Это было первой каплей, ибо Лис явно ожидал, что Ольга проявит инициативу и нападет первой. Она не хотела открывать бой... и продолжать тоже. Это нелюдь понял после первых трех ударов, которые Змея мастерски отразила, так и не перейдя в атаку. Она безразлично наблюдала, как соперник начинает бледнеть от охватившей его ярости. Лис провел еще пару атак и, отступив к краю круга, замер, опустив меч и буравя Олгу испепеляющим взглядом. Непокорная Ученица последовала его примеру и застыла на месте, прикрыв глаза. Так было легче воспользоваться зрением духа.

Лиловых точек на теле нелюдя было достаточно много и они все время перемещались, то исчезая, то вновь появляясь. За исключением той, с правого боку. Это зависело от активности духа. *Сейчас их три. О, Творец Всемогущий, а сердце-то как бьется! Нехорошо так волноваться. Бедного зверька своего напугал, вон, как кружит...* Она снова посмотрела на Учителя. Тот вдруг сделался спокоен, что море у него за плечами, и улыбнулся так многообещающе, что Ольгино безразличие как ветром сдуло. *Придумал что-то, изверг!* Она нахмурилась, силясь предугадать действия Рыжего. Он же, в свою очередь, сделал шаг к центру, поудобнее перехватил меч, и удары посыпались на Змею со всех сторон, только теперь нелюдь и не думал останавливаться.

Блок, поворот, прыжок вправо, скольжение клинка по клинку. Ольга любила этот прием защиты, со стороны он казался ей очень красивым. Опять блок, уход вниз, поворот. Клинки с визгом скрестились, высекая сноп игольчатых искр. Лис на долю секунды оказался лицом к лицу со Змеєю. Этого мгновения было достаточно, чтобы произнести:

– Дура, я же все про тебя знаю!

И что дальше? – отталкивая противника, подумала Ольга. А дальше было много нехороших мыслей. Очень много! Она продолжала бой, хмураясь с каждым ударом все сильнее. Да, однажды она поддалась его чарам и наговорила лишнего. Лис действительно знал о ее прошлом почти все. На себя-то ей, конечно, было наплевать, но то, что из-за минутной слабости могут пострадать любимые и близкие люди, Ольге было далеко не безразлично. А, зная о мстительной натуре нелюдя, она с легкостью представила, как нежелание сражаться в данный момент может в будущем отразиться на ее семье.

Если произнесенное Лисом означало именно это, то он действительно нашел отличный повод, чтобы заставить Змею драться. Духи снова скрестили мечи, только на этот раз удар держал Старший.

– Не смей впутывать моих родичей, проклятый йок!

– Тогда дерись.

Они вновь разошлись, готовясь к серии очередных атак. Рыжий ликовал, что было видно по его нахальной ухмылке. *Ну, держись, гадина!* – мысленно пригрозила ему Ольга, чув-

ствуя, как пустоту в груди заполняет уверенная злая Сила. И она начала свой танец.

Две облаченные в белые одеяния фигуры закружились на тесной площадке в невероятном ритме, подняв вокруг себя снежный вихрь. Черная лента круга будто замкнула внутри стихийный поток сил, сошедших на землю для решающего поединка. В тусклом свете скрытого за облаками солнца, поймав неяркий луч, молниями вспыхивали стальные клыки – лисий и змеиный – изредка окропляя яркими рубинами крови белый шлейф снежинок, подчиненных бешеному круговороту схватки.

Змея уже давно не чувствовала обжигающего голые ступни холода, нагие плечи не щипал утренний морозец. Тело горело ровным пламенем Силы, руки превратились в извиляющихся аспидов, что так и норовили вонзиться в мягкую плоть, во рту появился странный горьковатый привкус выделявшегося яда. Такое уже случалось, и не раз. Ольга могла часами танцевать со смертью, но и ее силы рано или поздно должны были иссякнуть, и, если учесть, что она три дня питалась лишь водою, то скорее рано, чем поздно. Наверняка пост проводился с единственной целью – ослабить противников, чтобы не затягивать поединок, ибо Ольга уже ощущала немалый вес меча, зажатого в руке. Она начала уставать, как, впрочем, и Лис. Танец то и дело сбивался с ритма, духи расходились в стороны, примеряясь к следующему удару, старались экономить силу, рассчитывая каждый шаг. Шел третий

час поединка. С моря подул легкий ветерок. Несколько чаек, нахохлившись, наблюдали за боем у края обрыва.

И вот счет пошел на минуты. Оружие стало тяжелой обузой для обессилевших рук. И, что страшно, Лис еще держался, когда Змея уже валилась с ног от усталости. Нелюдь был более вынослив. И, к тому же, догадлив, ибо заметил, что Младшая вымотана до предела, как бы она ни старалась этого сокрыть. Ох, и пакостная же ухмылка пробежала по его лицу! *Нет, нет, нет, только не поражение, я не хочу снова проходить это испытание!* И она, вложив в удар последние силы, изловчилась и оставила яркий след на правом плече, ровно в том месте, куда переключала его слабая точка. Лис отскочил, зажимая кровоточащую рану. Красивое лицо исказилось жуткой гримасой гнева. Несколько секунд он стоял недвижно, чем Змея и воспользовалась, попытавшись обезоружить противника и выиграть бой. Но попытка, к вящему ужасу Ученицы, закончилась полным провалом. Гнев придал нелюдю сил, и он, отразив слабенький удар, провел бешеную по натиску атаку, вывернув больную руку так, что меч выскочил из Олгиных ладоней, отлетев далеко в сторону. Младшая из полуприседа кувыркнулась в сторону, уходя от рубящего удара, стелясь по земле, увернулась от колющего удара сверху, и устремилась к лежащему на утоптанном снегу оружию. Лис оказался там первым, придавив лезвие пяткой у самой рукояти. Стоя на одном колене, Ольга замерла, в ужасе косясь на сверкающий у левого уха Учительский кли-

нок. Она ясно ощущала ледяное прикосновение его острия к шее. И когда нелюдь медленно начал вспарывать тонкую кожу, вычерчивая красный узор на дрожащем теле, страх, усилив до предела все чувства, заставил дикой болью вспыхнуть неглубокие порезы.

– Победа за мной, недостойная, – гнев, разочарование, издевка прозвучали в голосе Учителя.

То, что произошло дальше, Ольга могла объяснить лишь секундным помрачением рассудка. Не было ничего, одна безумная ненависть, дикая боль и отчаяние. Она даже не видела лиловых точек, она их чувствовала всем телом, и тело, защищая пошатнувшийся разум и инстинктивно стремясь прекратить муки, само вонзилось в плоть врага. Лис отшатнулся, выпустив меч, торчащий из Змеиного предплечья между лопаткой и ключицей, и, с удивлением поглядев на две дыры в груди, сочащиеся багровой рудой, тут же согнулся в кровавом кашле. Еще мгновение он стоял, глядя на руку, измаранную красной слюною, потом как-то странно улыбнулся и повалился вбок бездыханный.

Змея отползла подальше, втягивая окровавленные когти, и вынула меч, на который сама напоролась, бросившись на Лиса. Рана жгла, не спеша закрываться, по лицу текли слезы. Ольга остекленевшим взглядом наблюдала, как вокруг нелюдя расплзается, превращая белый снег в красное месиво, большая лужа, будто под мертвым телом распускался огромный розовый бутон. Ей было очень больно видеть, как вьется

вокруг Рыжего напуганный дух, как тянутся туманные лапки в тщетных попытках остановить кровотечение, вернуть свой разрушенный дом, своего хозяина к жизни. Она слышала жалобный плач, но не шевелилась, прикусив губу до крови, и ждала.

Лис умирал, или был уже мертв, но Ольга не ощущала той радости и свободы, которой так жаждала. Она внезапно поняла, что осталась совсем одна, никому ненужная, всеми ненавидимая, демон, обреченный на вечные скитания. У нее не было дома, семья похоронила ее в давно сожженном монастыре, ей некуда было идти. И вся тяжесть предстоящего одиночества навалилась на плечи, придавив к земле и не давая вдохнуть глоток морозного воздуха. По сути, у нее никого не осталось, кроме Лиса – единственного, кто знал, как выжить в таком положении, кто на свой манер, но все же заботился о ней. Ольгу вдруг осенила догадка: ведь он – изгой, чудовище среди людей, преступник среди йоков – он создал ее вопреки всем законам лишь от скуки да ради мести всем, кто отвернулся от него, обрекая на полное одиночество.

Сумасшедший отец, убивший мать?! Ха, вот тебе и за мать, и за меня! Что, теперь я йок? Печать! Какая Печать? Ха, йоки, вот вам занозу в зад, теперь выколупывайте, покуда шею не свернете! И чтоб большие никаких оракулов с их рукоприкладством! Что, люди, не нравлюсь вам? Буйный неподвластный йок? А вот эта девка вам еще меньше понравится!

Мститель и его живое оружие! Как патетично и как глупо! *Отвратительно! Интересно, он сам понимал, что творил?* Ольга на четвереньках подползла к нелюдию и, усевшись на колени, перевернула его лицом вверх. Голова безвольно мотнулась, и мертвые остекленевшие глаза бессмысленно уставились в серое небо. Бусина у виска стала прозрачной, как утренняя роса. Взгляд черных глаз совсем не изменился, теперь на трупе он выглядел более уместно, нежели на живом нелюде. На посиневших губах застыла странная улыбка. Змея прищурилась, вглядываясь в спокойное и какое-то печально-возвышенное лицо Учителя. *Как будто ты знал, что я поступлю именно так... И, кажется, доволен.* Она отстегнула один кинжал от его пояса и, обнажив клинок, занесла его над Лисьим сердцем. Следовало забрать духа, иначе нельзя, будет хуже, только откуда Ольга это знала, понять было невозможно. Знала, и все. Вот только дух не желал покидать обжитый дом, судя по тому, как сжалось черно-синее облачко, стремясь уйти подальше от серебряного жала.

Ей стоило ненавидеть своего мучителя, Ольга имела на это полное право. Но... она не могла. Все выгорело, осталась лишь безмерная усталость и отвращение. Ни гнева, ни боли, лишь безразличие к миру и презрение к этому жалкому существу. Мысль о мести сейчас казалась Ольге столь глупой, что она озадаченно вопрошала саму себя, как вообще могло прийти ей в голову мстить такому ничтожеству, окрысившемуся на всех и вся. Ей стало его жаль, как жалеют раздавлен-

ную букашку, отскребая ее с подошвы новых сапог.

Змея вложила кинжал обратно в ножны, покрепче завязав мирную тесьму. Нет, она не станет поступать подобно своему Учителю. Ольга протянула руку, призывая духа. Облачко травянистого цвета окутало ладонь и выпустило усики-ручейки к уже переставшим кровоточить ранам на белой груди Лиса. После этого она положила обе руки на темное, чуть заметное пятно практически остывшего сердца и послала импульс, заставивший его снова биться. Но что-то пошло не так, такой мощной отдачи Ольга никак не ожидала. Ладони прожгло почти до самой кости. Воздух наполнился запахом горелой плоти. Змея вскрикнула, отнимая руки и пряча их в снег. Глаза пылали, словно под веки насыпали раскаленных углей. Дух вообще был полностью ослеплен, и, забившись внутрь, обиженно шипел, вторя Ольге, прикладывающей снег к глазам. Несколько мгновений стояла тишина, лишь чайки, наблюдавшие за происходящим, снялись с утеса и с испуганными воплями разлетелись в разные стороны. А потом начал кричать Лис.

Ольга никогда не видела пыток, но, наверное, и там люди не издавали подобных звуков. Жуткие конвульсии сотрясали тело Рыжего, и, как только Змея отерла глаза, она смогла увидеть причину даже без помощи зрения духа. Печать справа от сердца прогорала ярким белым пламенем, постепенно разрушаясь, и захватывала часть тончайших узоров, оставляя на теле черные полосы, будто раскаленное добела железо

прикладывали изнутри. Когда от Печати остались лишь мизинец и ладонь, взгляд Лиса прояснился, и пламя угасло. Исчезли и выжженные линии. Рыжий повернулся на бок и его начало неудержимо рвать сначала кровью, а после – желчью. Как только рвотные позывы прекратили выворачивать Лисье нутро наизнанку, нелюдь потерял сознание, рухнув лицом в содержимое собственного желудка.

Олга отерла снегом его измаранное лицо, завернула бесчувственного Лиса в плащ, пристегнула оба меча к поясу, и, перекинув легкое тело через плечо, зашагала к хижине.

Сегодня она получила право, которое никогда не собиралась использовать.

Часть вторая

Глава седьмая.

Тумак

Дорога плавно струилась, лентой изгибаясь меж холмов, обряженных разнотравьем в яркие цветастые рубашки. Теплый ветер нес пряный дух скошенной травы, согретой нежарким солнцем. Справа, сквозь просветы между взгорьями, открывался чудесный вид: золотое море зрелой пшеницы, колышущейся в такт дыхания ветра, и дальше, сливаясь на горизонте с прозрачно-голубым небом, искрилась вечерним золотом прекрасная Вольжа, бескрайняя и могучая река, великая праматерь здешних мест. С поля, заканчивая работу, потянулись усталые крестьяне. Впереди маячили скрипучие подводы, груженные просушенными суслонами²⁰, раздавались радостные голоса, ветер доносил обрывки песен. Стайки белотелых берез сбегали вдоль пологих склонов и собирались на вершинах в круг хоровода, с девчоночьим любопытством заглядываясь на проезжающих понижу людей.

По хорошо наезженной дороге телега шла ровно, мерно покачивая тяжелыми боками. Возница дремал, изредка поводя вожжами по спине медленно бредущей лошади. Ольга бросала на него ленивые взгляды разомлевшей на солнце

²⁰ Суслоны – снопы, составленные на жнивье для просушки, нахлобученные снопом же.

кошки, мимоходом думая о неосторожности глупого детины, позволившего себе расслабиться в присутствии вооруженных йоков. Змея, лениво потянувшись, ткнула пяткой в морду норовившего куснуть ее за ногу жеребца, привязанного за узду к тележной обрешетке, и подоткнула сена под спину. Нет, все-таки лежать на каменном жернове, прикрытом дерюгой, было крайне неудобно. Ольга в очередной раз покосилась на мирно спящего Лиса, укутавшегося в свой изодранный плащ по самую макушку, и ее вновь потянуло проверить, не притворяется ли хитрый йок. Откинув полу длинного такарского халата, она плавно скользнула рукой меж бесчисленных складок полосатых шаровар и вытянула из-за голенища кинжал. Лис продолжал безмятежно сопеть, даже когда стальное жало зависло в смертельном замахе всего в полувершке²¹ от мерно вздымающегося бока. Змея замерла на пару мгновений, ожидая реакции. Жеребец, улучив момент, цапнул таки за ногу потерявшую бдительность жертву и вовремя отскочил от очередного тычка, нахально скаля белые зубы.

– У-у, козел безрогий, – Ольга показала мерзкой животине кулак и плюнула, норовя попасть в наглуую морду, – весь в хозяина, такая же чернявая скотина.

Лис заворочался, явив на свет свое заспанное лицо, одним хмурым взглядом оценил обстановку, перевернулся на другой бок и вновь засопел. Ольга раздраженно наблюдала за

²¹ Вершок = 4,5 см

движениями нелюдя, поигрывая кинжалом.

– Совсем страх потерял, – сквозь зубы процедила она, убирая оружие в ножны.

Раньше, до того памятного поединка, Лис, не умея по-настоящему погрузиться в глубокий здоровый сон, ограничивался чуткой полудремой. Любое движение, сулящее угрозу жизни, мгновенно выводило нелюдя из легкого забытья. Теперь же притупилось ли его хваленое чувство опасности, усталость ли, накопленная за три года учительства, давала о себе знать, но, так или иначе, спал он, как сурок в зимнюю пору, полностью доверяясь своей Ученице. Это более всего и злило Ольгу. “Видимо, он решил, – рассуждала она в такие минуты, – что коль я его выходила-выкормила, не порубив на гуляш, то, выходит, можно расслабиться в моем присутствии”. Хотя, если подумать, уж коли грозила им какая-нибудь реальная опасность, то ни разу за два года скитания по степям Такарского царства и Приволжья Лис не проспал случая помахать мечом... или дать деру, в зависимости от ситуации. Возможно, он попросту не ощущал угрозы от Змеи, и, вероятно, был прав. Ольга более не желала его смерти. Для себя она решила, что ей вообще глубоко плевать на Рыжего, хотя он не заслуживал даже такого милостивого отношения... да и вряд ли когда-нибудь заслужит с таким-то норовом. Характер Лиса, несмотря на все перемены, произошедшие с ним после очередного слома Печати, остался прежним. Ольга начинала подозревать, что и до перерождения, бу-

дучи мальчишкой, он уже являл собою отъявленного хулигана и стервеца, каких мало. По этой причине каждодневные драки были неизбежностью, и день считался прожитым зря, если не представлялось случая намять чернявому мерзавцу бока. А постоянное зубоскальство и ругань так вообще стали неотъемлемой частью их сосуществования.

Размышления внезапно прервал громкий шепот за ее спиной, смешавшийся с густым теплым запахом молока.

– Ты поглядь, какая она, а!

– Угу, а порты-то, видел? Из таких, поди, сто тыщ юбок нашить можно!

Олга, слегка развернувшись, покосилась на место возницы, стараясь не спугнуть двух малявок, мальчишку и девчонку, чьи конопатые носы любопытно выглядывали из-за дальнего края жернова.

– Ты поглядь, а глазища-то, чисто змиючие! Так и зыркают!

– Угу, а головодец²² на ней какой, а! Весь в жемчуге. Сестре бы такой, она б в тыщу сто раз пригожей была! Емелька–кузнец к ней бы точно свататься побег!

Олга усмехнулась. Что взять с детей, путающих такарскую тюбетейку со славийским девичьим венцом.

– Да что ты на цапки ейные глядишь, – рассерженно загудел малец, – это же жмыриха!

О, что-то новенькое! Змея удивленно приподняла бровь,

²² головодец – девичий головной убор

и, не скрывая своего интереса, принялась разглядывать малышей, такого прозвища ей слышать не доводилось.

– А ну цыц, мелочь! – беззлобно прикрикнул возница, сгребая малышей за шиворот и сажая рядом. – А не то пешим до самой хаты побежите.

Напоследок он все-таки оглянулся украдкой на Олгу, и та, к своему удивлению, почувствовала удовлетворение, заметив страх во взгляде парня. Дети же продолжали перешептываться, бесцеремонно тыча в сторону Змеи пальцами.

– Вися, ты – дундук! Все знают, что жмырих не бывает. Только жмыри, – говорила девочка, скрестив руки на груди для большей убедительности.

Вися обиженно засопел, злобно глянув на Олгу, будто это она была виновата в том, что родилась женщиной. “Ну, уж извини,” – будто говорило выражение ее лица, на которое, впрочем, наглый мальчишка не обратил особого внимания, еще и губы надул.

– Ну и что! Ты поглядь, какой у ей меч! Чисто жмыриховский! А ты где-нибудь видала бабу нормальную с мечом, а? Да и жутью от нее так и несет, ажно мурашки по коже бегают.

– Вися, ты не просто дундук, ты – трусливый дундук! – Девчонка бесстрашно задрала нос, вызывающе глядя на покрасневшего от подобного оскорбления мальчишку. – Она-то как раз и не жуткая совсем! Вон тот, что рядом спит – в сто тыщ раз жутче! И вообще, вам, мужикам, что ни баба, так сразу жмыриха!

После подобного заявления Ольга уже не смогла сдерживаться и расхохоталась во все горло. Лис вновь зашевелился, выползая из-под плаща, и, состроив недовольную гримасу, обернулся к спорящим малышам, которые в свою очередь удивленно взирали на утирающую слезы Змею. Одного Лисьего взгляда было достаточно, чтобы дети с выпученными от страха глазами скрылись под дерюгой, не произнеся ни звука. Взрослые, что до последнего момента шли рядом с телегой, беззаботно болтая о погоде, урожае и предстоящей ярмарке, да с осторожным любопытством поглядывая на Ольгу, при появлении заспанного нелюдя все, как один, смолкли. Кто-то, как подметила Змея, поудобнее перехватил вилы... так, на всякий случай. Лис же не обратил на них особого внимания, лишь оглядел окрестности, и, заметив первую мазанку, укрытую в тени старого тополя, шепнул Младшей.

– Жди меня в этой деревне, через три дня я вернусь за тобой.

Он, проворно перепрыгнув через обрешетку, будто и не спал секунду назад, вскочил в седло приплясывающего от нетерпения карего²³ жеребца. Куркат, так звали коня, вознамерился куснуть хозяина за колено, но тот огрел наглую морду вожжами, попутно наставляя Ученицу.

– И если заметишь кого из наших, делай ноги.

– Постой, а мне на что жить прикажешь, – крикнула Ол-

²³ каряя лошадь – стан почти вороной, и только на ногах заметен буроватый отлив, вдоль спины черный ремень.

га вслед удаляющемуся всаднику. Тот лишь неопределенно махнул рукою, даже не обернувшись, и скрылся за поворотом, оставив за собой лишь пыльное облако, медленно оседавшее на землю. Две последние золотые денежки, столь бережно схороненные Младшей на черный день, исчезли вместе со всадником. Как, впрочем, и сумка с письменными принадлежностями, по недогляду оставленная с легкой поклажей на спине черногривого беса. Олгу так и подмывало выпустить пару болтов вдогонку нелюдю, по крайней мере, селяне бы с радостью поддержали подобный жест, еще и подсобили бы. Судя по вздоху облегчения, прокатившемуся по толпе, йоков или, по-местному, жмырей, здесь не жаловали.

Смолытка оказалась достаточно большим и богатым поселением, что и немудрено, если учесть ее расположение недалеко от торгового тракта. Обнесенная крепким тыном со стороны степей для защиты от набегов такарских отрядов, с севера деревню огибала речушка – один из многочисленных притоков Вольжи.

Телега, на которой восседала Ольга, чинно въехала в распахнутые настежь ворота, завершая длинную процессию. Широкая улица, мгновение назад окутанная, словно паутиной, мягкой, теплой тишиной летнего вечера, вмиг наполнилась окающим говором, смехом, гулким мычанием коров, настойчиво требующих дойки, окриками пастухов, разгоняющих непослушную скотину по дворам. Брехучие дворовые шавки заливались радостным лаем, отыгрываясь за целый

день безделья. Детский смех серебряными колокольчиками разбавлял монотонный гул людских голосов.

Змея чувствовала себя неуместно, словно камень посреди бурлящего потока жизни, и слегка растерянно – люди не пугались ее, а лишь осторожничали из-за чужеземного наряда и, что ожидаемо, пристально приглядывались к пришлому человеку. Перед Лисом людской поток рассыпался ледяными брызгами неприязни. Змея, на людях сопровождавшая Старшего и привыкшая к трепещущей в страхе толпе, сейчас поспешила закрыть лицо шарфом, почему-то вспомнив слова Учителя о том, что убийцу не должны знать в лицо. Ее смущало и раздражало чужое любопытство.

На центральной площади – широком участке главной улицы – стояла добротная церковь, беленая домина со звонницей о пяти колоколах. Вход украшала весьма недурственная роспись, видимо, сработанная каким-то местным умельцем. Возница придержал лошадь, огибая колодец в центре площади, и вопросительно глянул на своего пассажира – когда тот, дескать, слезет. Ольга мысленно скривилась от подобного неуважения, внешне, однако ж, досады не выказала, лишь сухо поинтересовалась, есть ли в селе постоянный двор. Гостиница, а заодно и кабак, была здесь же, в переулочке, рядом с площадью, только денег на комнату и ужин у Змеи не было, а поинтересоваться у возницы, не нужны ли кому в селе рабочие руки, она не успела, ибо тот, хлестанув вожжами по широкой лошадиной спине, поспешно укатил к реч-

ке. *Все-таки боится, не хочет связываться.* Ольга подумала о том, что все же глупо стоять посреди улицы с двумя тюками и мечом за спиною, выставляя себя под перекрестный огонь любопытствующих взглядов селян. Поразмыслив, что хозяин кабака должен знать все сплетни и новости если не ради интереса, то хотя бы от скуки, она решилась заглянуть на постоянный двор.

Удача одарила Младшую своей теплой улыбкой в виде неугомонной и болтливой толстушки—хозяйки, радостно выпрыгнувшей навстречу госте из-за стойки. Ее конопатое круглое лицо так и лучилось радушием, как, впрочем, и жадностью. Маленькие глазки в сплетении веселых морщинок обежали вновь прибывшую сверху донизу, оценивая предполагаемую выгоду. Хозяйка, видимо, сделала для себя какой-то вывод, остановившись взглядом на расшитой жемчугом тюбетейке. Ольга кисло улыбнулась, заметив алчный блеск в теткиных глазах, и, следуя пригласительному жесту, уселась на широкую скамью поближе к выходу.

В гостинице было пусто и душно, лишь в темном углу дремал, завернувшись в серую хламиду, седовласый мужчина. Запах тушеной капусты наполнял столовую комнату, витая под низким и закопченным потолком, и оседал липким потом на лице и руках. Жирные деревенские мухи с глухим жужжанием разрезали густой воздух и садились на скобленные столы в тщетных попытках отыскать что-либо съедобное. *Слава Творцу, хоть чисто, пусть и воняет!* Ольга, запу-

стив руку в широкий карман халата, бросила на стол пару гнутых медяков и заказала холодного пива. Хозяйка принесла кружку пенной ячневой браги, оказавшейся на удивление вкусной. Чтобы как-то завязать разговор Ольга вполне заслуженно похвалила питье, на что словоохотливая тетка начала причитать о том, как ячмень в этом году уродился на славу, а озимая пшеница вымерзла на корню из-за сильных ветров, согнавших с пашен снег, так что вряд ли мужики повезут много зерна на ярмарку. А ведь так надеялись на выручку! Еще и барин дуркует, оброк повысил. А где ж крестьянам деньгу золотую взять, чтобы барскую жадность утолить? Вот и ушло половина мужиков батрачить кто куда. В поле теперь одни бабы спины гнут.

Ольга, прихлебывая холодную брагу, рассеянно слушала теткин трескучий голос, наблюдая за ползающей по столу жирной мухой. В животе предательски урчало. Змея была зверски голодна.

– Раньше хоть мельница подспорьем была в хозяйстве, – продолжала тараторить хозяйка. – Ведь из соседних деревень что на помол, то сюда везут. Так нет же, беда никогда не приходит одна. Жернов расколосился ни с того ни с сего, а у нас здесь камень хороший трудно сыскать. Так пока нашли, пока обтесали, неделя пролетела, это в самую-то страду. Там теперь работы век не переделать. Прохор, мельник наш, волком воет от убытков таких. А я ведь с самого начала говорила, советовала: “Не связывайся ты, Прохор, с духа-

ми злыми!” Никак водяной озлился на мельника. Видимо, почувал, проклятый, что раз тот жмырей гонять взялся, так, значит, всякое уважение к силам Творца потерял. Ведь они, водяные, тоже Богом созданы, чтобы людей струнить. Как и эти жмыри.

Олга, слушавшая несмолкаемый монолог хозяйки о злоключениях мельника, чуть не подавилась брагой при упоминание о сынах смерти.

– Как это, жмырей гонять? – переспросила она, но неугомонная тетка уже бежала навстречу вновь прибывшим посетителям. Из троих вошедших больше всех выделялся бородатый громила, рыжая шевелюра которого, подсвеченная багрянцем закатного солнца, искрилась, подобно огню в плавильной печи.

– Эх, Марфа, – рыжий хлопнул по столу серебряной монетой, – неси свою самую крепкую брагу. Поставили мельницу. Завтра труд начинаем! Ох, и веселая выйдет неделька!

Мельник, догадалась Олга, наблюдая за суетой хозяйки. Из кухни вышел, смачно зевая во все свои тридцать зубов, тощий, что жердь, и такой же длинный парень и принялся зажигать масляные светильники под потолком. Марфа крикнула ему, чтобы поторопился подать гостям угощение, а сама вновь под села на скамью напротив Змеи, видимо, своей услужливостью надеясь выпотрошить Олгины карманы с наибольшей выгодой.

– Ась?! Жмырей гонять? Ну, как-как. Тут иначе и не по-

нять. Ты, я вижу, пришла и, видать, издалека. Тут по всей округе весть разнеслась о нашем несчастье, – лицо тетки сделалось столь оживленным и радостным, будто она собиралась рассказать о свадьбе собственного сына, а не о горе, постигшем селение. – Неделью назад нагрянули к нам в село два жмыря. Страшные до зубовой дробы! Я их тогда впервой увидала, жуть как перепугалась! Особенно когда один ко мне сюда так вломился, по-свойски, будто ему здесь все принадлежит, а я, значит, клоп, и так глянул на меня, на гостей моих, что все разом и умолкли.

“Ну, с точки зрения йоков, ты даже меньше, чем клоп”, – мелькнуло в Ольгиной голове, а хозяйка, перегнувшись через стол, тем временем продолжила доверительным тоном:

– Так вот, спросил он старосту. Тот, мир его праху, белый, что мел, вышел, значит, за жмырем, ну и стал с ним беседу какую-то вести. Говорили они тихо, но, насколько я поняла, спрашивал жмырь о ком-то из своих. Очень сердитый был... тот, что говорил. Второй, помоложе, молчал все время, как рыба. И не мудрено, что он на рыбу и был похож, такой же пучеглазый, будто в детстве его кто-то сильно испугал. Так вот, поговорили они, и староста увел их к себе на ночлег. Накормил их, напоил и в сарае устроил. А старшой, значит, скинул с себя все оружие и ушел куда-то за мельницу, меньшого за сторожа оставил. Так ведь жмыри, они на то и духи нечистые, проклятые, чтобы всякие мерзости творить. Дочь Митрофанова, – хозяйка неопределенно кивнула

на сидящих за соседним столом, – девка на выданье, запропала тем же вечером. Обыскали все село. Собрались здесь и порешили, что жмырь ее и упер. А кому ж еще, как не этому паскуднику, любителю девичьи сердца пожирать в угоду своему зверю. Видимо плохо их староста потчевал, раз они оголодали к вечеру.

Олга ухмыльнулась.

– Так вот, выпили наши мужички для храбрости по чарке, и порешили жмырей наказать. Вооружились, кто чем мог, и пошли нечистых рубить. Ну и Прохор, значит, вперед всех. Только вот жмыри проворные оказались, да злые. Вмиг всех наших разметали по двору, как кутят малых, но, видимо, не понравилась им побудка среди ночи, – тетка нервно хохотнула в пухлый кулачок, оглядываясь на соседний стол, – так они дом старосты подожгли и самого его зарубили, да и утекли куда-то за мельницу. Наутро там как раз и жернов трещину дал. А старостиха после этого двинулась умом. Пол избы выгорело вместе с курятником, сарай все почти погорели. Сына старшего огнем изувечило, на головешку стал похож. Дочь, красавица на выданье, лицо опалила, брата из пламени вытаскивала, теперь на нее и взглянуть страшно. А с младших ребятишек толку мало, сопливые совсем. Вот и осталась баба одна-одинешенька, на бобах да горохе. У нас в селе теперь жмырей еще пуще боятся.

“И ненавидят”, – мысленно добавила Змея, задумчиво глядя на мельника и почесывая кончик носа.

– Отужинать желаете, – сладким голоском пропела хозяйка.

– Что? Ах, да, конечно! – скидывая задумчивое оцепенение, проговорила Ольга, глядя на уже изрядно подвыпившую компанию, устроившую соревнования в силе и азартно стучащую по столешнице кулаками.

Люди продолжали прибывать, наполняя тесную залу веселым гомоном, пьяными криками и, что неизбежно, запахом пота и винного перегара. Несколько купцов прошествовали мимо стойки и, заказав комнаты, сели поближе к лестнице отужинать, сохраняя озабоченный вид занятых и обеспеченных людей.

Ольга жевала принесенную капусту, вылавливая в тушеном месиве сиротливые кусочки мяса, и думала об услышанном. Все-таки в этой истории было что-то не так... то есть все было иначе.

Змея рисовала в своем воображении картину теткиной истории, стараясь не упустить детали и заполнить пробелы. Ну, начать хотя бы с этой девки, Митрофановой дочки. Явно сбегала куда-нибудь за околицу с парнем своим, и все дела. Наверняка утром она объявилась дома, где и получила хорошую порку от болеющего с похмелья отца. Только об этом никто и не вспомнил. Им, испуганным да спяну, нужен был лишь повод, чтобы выплеснуть свой страх через гнев. Несомненно то, что в тот вечер у каждого в голове занозой сидела одна лишь мысль, что йоки пришли именно по его ду-

шу. А то, что смерть от мечей духов сродни неизбежности, знает каждый ребенок. Наверняка, когда толпа шла к дому старосты, размахивая топорами и факелами, никто не помнил, почему, но каждый знал, зачем они идут темной ночью по притихшему селу. И когда им навстречу выскочил хозяин босиком и в одной рубахе, пытаясь вразумить пышущую яростью толпу, а за его спиной выросли две темные фигуры с клинками наголо, люди не заметили вставшего на их пути человека и ринулись на йоков, подмяв топорами и вилами несчастного мужика. Естественно, сыны смерти без особых усилий раскидали пьяных крестьян и удалились, не оборачиваясь. Они никогда не трогают людей без надобности, не дураки ведь... по крайней мере, так учил Лис, и в этом ему стоило доверять.

А пожар? Легко! Одна случайно сорванная ветром с факела искра, и солома, навоз... да что угодно вспыхнет! И пламя в мгновение ока охватило дерево, высушенное щедрым летним солнцем. Или завистники... Неважно!

Опомнившись, народ принялся тушить пожар, а, протрезвев, забыли, кто, почему и зачем. А те, кто вспомнил, устыдились и испугались, решив свалить всю вину на йоков.

Мда, вот так и рождаются легенды, наподобие Белгородской хроники. Змея, доев капусту, принялась за перловую кашу со шкварками. Но самым интересным в этой истории были именно жмыри. Они явно кого-то искали, и, судя по их нервозности, Лиса и Змею. И если ищейки притаились где-то

на северной дороге, долгожданная встреча обеспечена. *Если они уже не поймали Рыжего за хвост!* Но Ольгу не покидало странное чувство, навязчивое и неприятное, как жужжащий над ухом комар, будто она что-то упускает, некую важную деталь, лежащую прямо на поверхности, и, как водится в таких случаях, трудноуловимую. *Мельница! Зачем они пошли к ней? Там же нет дороги! И на кой ляд туда бегал Старший?* Ольга нутром чувствовала, там что-то есть, хотя все навояющие вопросы были бессвязны и, по сути, притянуты за уши. Кто, в конце концов, сможет доказать, что Учитель пошел именно на мельницу? И откуда ей знать, есть ли там дорога? Так или иначе, Младшая попадет туда, тем более что ей необходимо место для ночлега на эти три дня. Ольга поднялась, оставив на столе плошку с недоеденной кашей.

Веселье за столом мельника было в полном разгаре. Мужики гремели медяками, делая ставки, ухали и улюлюкали, подбадривая борцов. Соревнующиеся – красные, как вареные раки, с вздутыми венами на толстых бычьих шеях – с пытением пытались положить опертую на локоть руку противника на столешницу, забрызганную пивом. Змея подождала, пока чернявый парень продует мельнику очередную игру и после слов щуплого зазывалы, приглашавшего молодцов помериться силой, уселась на скамью, бесцеремонно оттолкнув уже изрядно выпившего лысого детину.

– Я буду играть! – негромко, но с вызовом произнесла она. Мужики устались на зарвавшуюся девку, сопровождая

недоуменные взгляды не менее недоуменным молчанием, и тут же разом зашлись диким хохотом. Даже купцы, с интересом следившие за ходом народного развлечения из своего угла, улыбнулись в холеные пышные усы.

– Дивчине никак брага в голову ударила, а! – утирая слезы, пророкотал мельник. – Тебе, красавица, только с козами да курами тягаться, а не с нами.

Змею подобное замечание внезапно вывело из себя. Слышать такое от Лиса – еще куда ни шло, но от какого-то пьяного мужлана – это слишком. Она вскочила и, перегнувшись через стол, ткнула указательным пальцем в нос мельника, с яростью глядя в его мутные от браги глаза.

– Что, боишься проиграть мне... рыжий?

Громовой раскат хохота вновь прокатился под низким потолком, сотрясая стены, не смеялся лишь оторопевший Прохор, заглянувший в расширенные от гнева по-змеиному продолговатые зенки, окруженные янтарным кругом радужки. Списав сие страшное видение на слишком обильное возлияние, мельник на миг зажмурил глаза, силясь избавиться от жуткой рожи, больше похожей на маску, чем на человеческое лицо. Миг, и наваждение пропало. Ольга злобно зыркнула на зазывалу, тычущего в нее грязным пальцем с обкусанным ногтем, и сдернула с головы тубетейку.

– Моя ставка!

Мельник недоверчиво потер пальцем крупные жемчужины.

—
Настоящие?

— Конечно, — девушка обиженно передернула плечами. — Самый настоящий, морской! Мой Учи... — она осеклась. — Я два золотых за нее отдала. Так ты будешь играть?

— Ну, давай, — ухмыльнулся мельник, — только попрощайся со своей шапкой.

На последней фразе он обвел победным взглядом одобрительно загнувшую толпу.

— Отлично, — Ольга поудобнее устроилась на лавке напротив, — если выиграешь ты, получишь жемчуг. Если моя возьмет... — по толпе волной прокатились смешки, — так вот, если победа будет за мной, ты заплатишь этой доброй женщине, — она кивнула в сторону хозяйки, — за мой ужин и исполнишь одну мою просьбу. По рукам?

Кое-где слышались смешки и нескромные замечания насчет просьбы молодой девушки к здоровому мужику. Люди взволнованно перешептывались и тянули шеи, чтобы лучше рассмотреть происходящее.

Змея, засучив широкий рукав халата, поудобнее уперлась локтем и перехватила ручищу-лопату Прохора, при этом ее узкая ладонь утонула в огромном кулаке мельника, а стены сотрясла очередная волна смеха.

Никто и не думал, что щуплая тонкокостная девка, ростом на две головы меньше своего противника, с такой легкостью и небрежностью победит его в состязании силы. Мельник

действительно выглядел забавно, удивленно и недоверчиво разглядывая внезапно предавший хозяина кулак, так что хохот в честь грандиозного провала, заполнивший залу, казалось, до краев, можно было считать весьма обоснованным, но вот только ответная злоба, разгоравшаяся в оскорбленной душе Прохора, для Ольги была крайне невыгодна. Она вскочила на лавку и оглядела толпу гневным взглядом.

– Что ржете! Кто-то желает оспорить мою победу? Садитесь, господа хорошие! Только, предупреждаю, на этот раз руки буду ломать!

Толпа озадаченно приутихла, но спустя несколько мгновений очередная волна хохота сотрясла стены кабака.

– Девчушка-то с норовом, а!

– Это ж надо так напиться, что собственные руки не слушаются!

– Да, нет, его и жбан браги не возьмет. Он же нарочно поддался. Так Прохор?

– Конечно нарочно! Да на нее дунешь, переломится.

Мельник неуверенно заулыбался, Змея мрачно молчала, оставив уязвленное самолюбие в сторону.

Народ расселся по лавкам, продолжая пить за здоровье мельника, батюшки царя, Творца Всемогущего и прочих выдающихся личностей.

Олга уминала за обе щеки жареного цыпленка, раздумывая над тем, откуда взялось и отчего точит нарастающее беспокойство.

– Эй, Слепко, сыграй нам, чтоб душа вздрогнула!

– Хорошо.

В зале после первых же дрожащих звуков гуслей стало тихо, как в церкви во время службы. Ольга, вынырнув из омота невеселых раздумий, взглядом отыскала музыканта и с удивлением распознала в нем того самого старика, что дремал в углу в момент ее прихода. Но был то вовсе не старик, а совсем молодой мужчина с худым изможденным лицом, окруженным копной пушистых, почти белых волос, что, подсвеченные мутным светом лампы, создавали впечатление нимба. Глаза скрывала глухая повязка, в центре которой располагалась грубая вышивка в виде глаза. Мужчина был слеп.

Он пару раз провел пальцами по тонким струнам, подкрутил колки, и запел тихим, невыразимо красивым голосом печальный стих.

Эта была древняя легенда о прекрасной Сильвонской королевне, дочери Дракона, и небесном юноше с белоснежными крылами. Она повествовала о том, как девушка нашла на берегу моря чайку, разбившуюся об острые скалы. Она выходила птицу, что обернулась юношей. Молодые полюбили друг друга, но злой колдун, прознав о том, что его чары разрушены, разъярился пуще вьюги, но поделать ничего не смог, ибо королевна, обладая магическим даром, была хорошо защищена от его нападков. И тогда злодей нашел слабое место прекрасной девушки – ее любовь к отцу, Великому Дракону, хитростью заманил его в ловушку и убил,

после чего безутешная дочь от горя и ненависти, переполнявшей ее, превратилась в огромное змееподобное чудовище и своим зловонным дыханием уничтожила все на много верст вокруг. И тогда белокрылый юноша своей песней стал взывать к любимой, чтобы явилась она из “заточения во гнев”, “разъяв оковы ярости”, и вернулась к нему. Его прекрасная жена, “услышав песню отчаянья”, “сбросила с себя ненависть” и упала в его объятия. Но колдовство подобной силы иссушило источник ее магии до дна, а скорбь разбила сердце, и королевна умерла на руках у своего возлюбленного мужа. Тот же не пережил ее более, чем на час и умер от горя.

Олга слушала песню, подперев щеку кулаком, а перед глазами стояла лишь одна картина – миниатюра, изображающая умирающего ангела, обнимающего девушку со змеями вместо рук, и Лис, внимательно слушающий чтение своей Ученицы. Даже ритм песни и размер строф совпадал с некогда прочитанным Ольгой, что давало ей полное право восхищаться умением переводчика. Гуслиар последний раз провел тонкими пальцами по дрожащим струнам, заканчивая песнь словами на языке оригинала:

– Werden Geruhmt, Die Liebe Sie!

– Славься, любовь! – задумчиво произнесла Змея, вторя печальному голосу беловолосого певца. Она хорошо помнила последнюю строчку сказания, написанную на фавийском. Рука замерла над сутугой²⁴, так и не закончив мелодию. Сле-

²⁴ сутуга – струна

пец повернулся в ее сторону и улыбнулся. Странная у него вышла улыбка, грустная и безумная одновременно. *Блаженной он, что ли?* Ольга покачала головой и под гул рукоплесканий, под села к Прохору договариваться насчет ночлега. По сути, приют да кормежка и были тем желанием, исполнение которого она честно выиграла в придачу к бесплатному ужину. Довольная результатом, она вышла из гостиницы и, задержавшись на пороге, оглянулась на певца, который все так же странно улыбался в пустоту.

Три дня пролетели незаметно. На мельнице закипела работа, и Ольга не сидела без дела, помогая хозяйке: кашеварила, прибирала в доме, следила за домашней живностью. Почему-то ее совершенно не удивило и даже нисколько не расстроило, что Лис не вернулся в назначенный срок. Не явился он и на четвертый день. Змея лишь равнодушно пожала плечами, в очередной раз выходя из церкви после вечерней службы. Работа ее совсем не тяготила. Сил и выдержки Змее было не занимать, поэтому каждый вечер она, искупавшись в речке, надевала старенький сарафан – подарок жены Прохора, повязывала голову платком и шла в церковь послушать красивые слова в честь Творца и Сына Его и Святого Духа и тихое пение тонкогоголосых служек на клиросе. Это умиротворяло и возвращало Ольгу к тем далеким временам, когда, будучи послушницей в монастыре, она пела, вторя своим одноклассникам в белых стихарях, гимны Творцу. И мир казался ей тогда светлым и добрым, и всегда была возмож-

ность вернуться к отцу и обнять мать. Теперь воспоминания о доме не причиняли Ольгиному сердцу боли, лишь навевали легкую грусть.

Однако ж, да не упрекнет Творец, была в этих посещениях и практическая сторона. После службы всегда можно было присесть на скамеечку и услышать самые свежие сплетни и новости. Олгу люди, что странно, не чурались, сразу приняли пришлую девку, будто та всю жизнь жила в соседней деревне, и вот явилась в услужение к Прохору, который приходился ей не то троюродным дядей по женской линии, не то кумом ее безвременно почившего отца. Каким образом родилась подобная байка, для Ольги осталось загадкой, ответа на которую она, впрочем, не спешила доискиваться, решив не мутить воду, чтоб не спугнуть удачу. Приняв это отношение как должное, она стала одной из них, и страх исчез сам собой. Вот и сегодня, спустя пять дней после появления Змеи в селе, бабы, рассевшись на скамьях, помахивали ветками, отпугивая комаров, и перемывали односельчанам косточки, даже не обратив на нее внимания.

– Ох, бабоньки, голубушки! За что же Бог нас так наказывает! Ну, никак не оставят нас в покое эти проклятушки жмыри! Не далече, как сегодня утром погнала Маруся, Митяева дочка, гусей на водопой, к запруде. И вдруг вышел ей навстречу волк – не волк, человек – не человек, что-то между... в общем, жмырь натуральный, и спрашивает ее, где тут двор постоялый. Она, знамо дело, испужалась, мел-

кая еще совсем, ткнула ручкой да пролепетала, что рядом с церковью нашей, на площади, значит, а сама стоит, словно в землю корни пустила. Жмырь глянул на крест, – я знаю, его с запруды видно, – и исчез. Маруська говорит, он волком обернулся и в кусты убег.

– Врет, поди! Разве жмыри оборачиваются в зверей-то?

– А, черт их разберет, нечистиков проклятых.

– Может, то оборотень был?

– Чур меня, бабоньки, чур! – выпучив глаза, крестилась рассказчица.

– Дуры вы, бабы, – сплюнул дедок, вставая со скамьи, – не тех чураетесь. По-моему, так жмыри страшнее. Они-то точно существуют!

Дельно говоришь, дед, в самую точку! Ольга обогнула колодец в центре площади и направилась к мельнице.

Каждый раз, проходя мимо дома погорельцев, она невольно замедляла шаг, заглядывая через плетень. Голодное пламя отъело приличный кусок у некогда богатого хозяйства старосты. Тучные буренки сиротливо жались под наспех сооруженным навесом, пара кур, видимо, совсем недавно купленных, бродила по грязному двору, драный петух с опаленным хвостом ковырялся в навозе, выискивая семена. Огромная псина лениво наблюдала за выводком поросят, копошащихся вокруг матки, лежащей в огромной грязевой луже, видимо в том, что осталось от стойла. *Интересно, они свиней в доме держат?* Вся правая часть дома напоминала недого-

ревшую головешку. Крыша в том месте совсем провалилась, своим неприглядным видом в очередной раз наводя Олгу на мысль, что кто-то бросил на соломенную кровлю факел.

Во дворе было тихо. Ребятишки, те самые, что ехали на одной телеге со Змеей, мастерили силки. Девочка улыбалась, поминутно оглядываясь за спину и демонстрируя невидимому наблюдателю свой труд. Ольга пригляделась повнимательнее и заметила то, что предпочла бы не видеть. В тени развесистого клена сидел живой мертвец, иначе и не назовешь. Покрытое загрубевшей коркой тело было перевязано снизу доверху застиранными до желтизны бинтами, открыты были лишь несколько участков буро-красной кожи. В нос сразу же ударил неприятный запах гноя и разложения. *А я-то думала, чем это здесь так воняет!* Ольга только настроилась осмотреть парня своим змеиным зрением, как из дома вылетела всклокоченная баба с выбивающимися из-под платка седеющими прядями нечесаных волос.

– Что уставилась?! Чужого горя не видала!?

Следом за женщиной из дома выбежала девушка, лицо которой наполовину было скрыто повязкой.

– А ну пошла вон, коза драная! Нечего глазеть!

– Потыше, хозяйка, я тебе ничего плохого не сделала. Что ж ты меня бранишь, на чем свет стоит?

Хозяйка подбежала к самому плетню, вооруженная мокрой тряпкой, и Ольга наконец-то смогла рассмотреть ее измученное и совершенно безумное лицо.

– А то и браню, чтоб не шлялись тут всякие, да не заглядывали в чужой двор.

– Ну, если сыну твоему помощь не нужна, я могу и уйти...

И она сделала резкий шаг назад, увернувшись от мелькнувшей в опасной близости от ее лица мокрой ветоши.

– Помощь? Да ты никак дура! Лучшие лекаря из города приезжали, и те не помогли! А ты что сделаешь, поколдуешь-поворожишь?! Или, может, ты посланец Божий?! Чудеса творить умеешь?!

– Все возможно, – холодно произнесла Змея, уходя прочь от оскорбительницы. Сумасшедшая тетка, брызжа слюной, вывела ее из себя так, как это редко удавалось сделать даже Лису. *Что ж они за люди такие, что йокков совсем не боятся! Возмущение так и клокотало в груди, не находя выхода. Никакого уважения к сильным мира сего! Это что ж такое выходит, а! Проклятый мерзавец! Рыжий гад! Грязный лгун! Что ж ты мне врал тогда про чудовище, которым только детей пугать, а! Даже дети меня не боятся, еще и издеваются! Им смешно, тетка с мечом! Ха-ха-ха! А этот, рыжий, Прохор! Если бы я ему пальцем в рожу не ткнула, да зубы не оскалила, он бы меня в жизнь не испугался! О, Творец всемогущий, это еще кто?!*

В своем негодовании Ольга даже не заметила, как свернула не на ту тропку и вышла на берег реки. Здесь к воде вели вырубленные в глине и укрепленные деревянными досками ступени. С обрыва, густо поросшего облепихой и полынью,

открывался хороший обзор на стремнину, где женщины полоскали белье. Сейчас, в вечернем сумраке, вряд ли кто-то обратил бы внимание на одинокую фигуру полуголого человека, сидящего на мостках и выжимающего мокрую рубаху. Но Змея обладала слишком хорошим зрением, чтобы отвернуться и уйти. А еще она отчетливо чувствовала его запах, доносимый слабым ветерком. Запах свежей крови. Еще более сильный и пугающий, чем у Лиса.

Нелюдь был мужчиной средних лет, с длинными, до плеч, ухоженными волосами серебристо-серого цвета, как шкура холеного волка. Вдоль позвоночника тонкой полоской, сужающейся к крестцу, росла шерсть той же масти. Он был выше Лиса и шире в плечах, но, несмотря на большой вес, двигался плавно и с той же легкостью. Крученые мышцы торса были подобны мускулатуре Рыжего, только ноги слегка выгибались назад. Когда нелюдь повернулся, Ольга смогла разглядеть его лицо, и ее поразило, сколь неподвижны черты высокомерного спокойствия на нем. *Все оттого, что ему чуждо проявление каких бы то ни было чувств, кроме этого высокомерного спокойствия.* По спине пробежал холодок от одной мысли, что этот не-человек ест, пьет и убивает с одним и тем же выражением на лице. Это было не просто страшно, но еще и противно до спазма в желудке. *Интересно, если он был тогда в гостинице, как Марфа догадалась, что он раздражен?*

Он и вправду был похож на своего зверя. Немудрено, что

воображение девчонки обратило его в огромного волка, который исчез, как по волшебству. Нелюдь действительно выглядел устрашающе, но его лицо нельзя было назвать лишенным привлекательности. Короткая серебристая бородка красила широкоскулого Волка. Глаза, обведенные густыми черными ресницами, выглядели бы очень выразительно, если бы не были похожи на две стеклянные кубышки, мертвые и бездушные. В чем-то он был очень схож с Учителем, вот только Печать у него была одна, на шее, и без всяких витиеватых узоров, столь густо украшающих Лисье тело. И, кстати говоря, ладошка ярко-белого цвета, сжимающая горло нелюдя, не отличалась особой целостностью. *Ох, и везет же мне на всяких ... ломаных жмырей!*

Волк надел мокрую рубаху, обернулся и, медленно обведя взглядом берег, уставился, не мигая, на Олгу, притаившуюся в густых зарослях. Та отскочила, как ужаленная и бросилась прочь, проклиная свою беспечность и глупость, и на очередном повороте вихлявой тропки, ведущей к мельнице, практически столкнулась лбом с худощавой старостиной дочкой. Змея успела увернуться и подхватить споткнувшуюся от неожиданности девушку.

– А тебе какого демона тут надобно? – хмуро поинтересовалась Олга, с опаской оглядываясь назад. Видимо, фраза прозвучала чересчур недружелюбно, так как девушка испуганно ойкнула и сделала шаг назад.

– Я, это, прощение прошу за свою матушку... за то, что

она вас обругала! – тихим дрожащим голосом заговорила она, поправляя на лице повязку. – Вы уж наверняка слышали о нашем несчастье... матушка совсем извелась от горя... простите ее, Бога ради!

Олга внимательно посмотрела на стоящую перед ней фигурку. Раз уж люди не чувят в ней духа, откуда столько уважения и страха в этой девочке к ней, выглядевшей не намного старше говорившей? Хоть и прошло пять лет с того момента, как Олга стала духом, время, казалось, остановилось для нее. Внешность ничуть не изменилась, и никакие страдания и бедствия не отразились на застывшем в своей молодости лице, Змея все так же была шестнадцатилетней девушкой с мягкими губами сочного алого цвета и гладкой, нетронутой ветром и болезнями кожей.

– Ну, простила. Что дальше? – Змея, скрестив на груди руки, продолжала изучать ожог.

– Я... хочу спросить. Это правда, – девушка сжалась в комочек, и вдруг резко подалась вперед, с жаром произнося слова, – это правда, что вы можете помочь моему брату?! Помогите, прошу вас! Он единственный после смерти батюшки, кто может поднять хозяйство. Он бы и мог, да только ведь погибает ни за что! Чем же мы перед Творцом согрешили, что он нас так наказывает?! А вы, коли можете, спасите гибнущую душу! У него уже пальцы онемели на руке...

– А что мне за это будет? – холодно поинтересовалась Змея, перебивая пламенную речь. Девушка умолкла, глядя

на Ольгу сухими блестящими глазами, потом тихо произнесла:

– У нас больше нет денег. Все забрали лекари из города. Забрали и ничего путного не сделали. Мне нечем заплатить вам.

– А кто сказал, что я прошу денег? – Ольга лукаво улыбнулась и, шагнув навстречу девушке, сорвала с ее лица повязку вместе с платком. Та и крикнуть не успела, как Змея завернула за спину ее тонкие руки, обездвигив, и закрыла ладонью рот, чтобы не кричала.

– Я знаю, что отец запретил, но мне необходимо знать, о чем он говорил с йоками, которые якобы сожгли твой дом.

Их щеки соприкоснулись, и Змея слегка напряглась, направляя силу духа в нужное место. Девушка забилась в ее крепких объятиях, скуля от боли, но, спустя секунду, обмякла, потеряв сознание. Ольга аккуратно опустила ее наземь, прислонив к дереву, и засунула в рот прокушенный до крови палец. Отодрав от лица налипшую коросту, она, подцепив ногтем край струпа и приподняв его, внимательно осмотрела щеку девушки, покрытую тонкой гладкой кожей.

– Отлично, завтра будет как новенькая! – удовлетворенно произнесла Змея, почесывая щеку, и бережно провела рукою по коротким, неестественно белым волосам девушки. Та тяжело вздохнула и открыла глаза, но рядом уже никого не было.

Если бы не слабый свет луны, Ольга, погруженная в свои

мысли, ни за что бы не заметила двух людей, беседующих в тени старой яблони у калитки, ведущей во фруктовый садик позади мельницы. Змея бесшумно скользнула в ближайшие кусты, где замерла, прислушиваясь. Широкоплечий мужчина, преградивший путь в сад, был никто иной, как Волк, а худой беловолосый паренек с на удивление прямою спиной – незрячий гуслир Слепко.

Слепого певца Ольга не встречала со дня своего появления в Смолытке, будто тот растворился в утреннем тумане, оставив лишь воспоминание о своем чарующем голосе. Она каждый день заглядывала к Марфе в кабак, надеясь послушать великолепное пение, но хозяйка лишь разводила руками, удивленно пуча глаза.

– Сама не знаю, куда это его демон взял! Он всегда бывал в нашей деревне недели по две, ожидая ярмарки в Самури. А тут не успел явиться, тут же как сквозь землю провалился! Я тебе вот что расскажу, – тетка поманила Ольгу пухлым пальцем и заговорила доверительным тоном.

– Ты, я вижу, девушка хорошая, – Змея чуть не поперхнулась киселем, поднесенным услужливой хозяйкой, – так я тебя предупрежу. Он, Слепко, хоть и тихий, но странный человек... а может и не человек вовсе! Он в нашем селе родился, только крестили его другим именем. У него отец, мир его праху, хороший был мужик, справный, а ума поболее, чем у каждого. Большая семья у него была, дружная: трое сыновей да жена скромница-разумница. Только чужая кровь, она все-

гда, знаешь ли, боком выходит. Женка-то у него была приш-
лая, болдырка²⁵ – сирота без приданого, без роду племени...
в степи он ее подобрал, кочевники бросили. Так вот, наро-
дила она ему двоих сыновей – здоровячков, белокурых, что
ангелы, а третий вышел седой – не седой, только волосы бе-
лые, что первый снег, да к тому же и дурачок, слюни в та-
релку до пяти лет пускал, а говорить так вообще не мог до
двенадцати. И глаза у него были страшные! Черные, как се-
мечки и стеклянные, будто незрячие. Ему десять было, когда
через нашу деревню святой старец проходил, ну из тех, кого
еще оракулами зовут. Он глянул на мальчишку своими бель-
мами жуткими, и мать безутешную обнадежил, мол, береги
его, недолго тебе маяться осталось. И сгинул.

Хозяйка бегло оглянулась по сторонам и продолжила:

– Вышло все по его словам. Как только исполнилось ду-
рачку четырнадцать, стали у него бельма, что у старца того,
и голос прорезался. Девки тогда рассказывали, полощут они,
значит, в речке белье, а немой сидит на ступенечках у обры-
ва и пялит на солнце свои зенки черные, и вдруг как запоет.
Евдокия мне потом по секрету рассказала, что, хоть и непо-
нятно было ни единого слова, а сердце так и защемило, до
чего проникновенно и красиво мальчишка вел песню. А на
следующий день у него, кроме белков, ничего в глазницах и
не осталось. Тогда его и прозвали Соловьем за голос. Толь-
ко вот стал он не только песни петь, но и всякие чуды тво-

²⁵ болдырка – помесь двух племен, метис

рить-говорить. Бывало, стоит ему глянуть на человека, так сразу и скажет, чем тот болен. А бывало, видит его насквозь, как стеклянного, все мысли, думы душевные. К нему, как к святому, на поклон бы ходили, да только нехороший он был человек, страшный. Может быть, по молодости да по глупости стал он спорить с древним писанием, всякие сказки рассказывать про духов, про жмырей то бишь, да про Великого Змия. Нас батюшка как учит? Что, значит, явился Змей Истинный и принес добро в мир, но был предан собратьями своими. Теперь же, коли явится, принесет лишь месть, и неважно, кто его разъярил, сила Змея такова, что не пожалет он никого: ни жмырей, ни людей. Именно поэтому учит нас батюшка, что покойнее будет, покуда Великий Дух, дитище Творца, будет мирно спать. А, значит, если пробудится, не ярить его и не скупиться на благодарность. Тогда он снова уснет.

Олга все это слышала еще в колыбели, а богословие наставника Велеслава, вкупе с розгами, лишь увеличило запас знаний в ее голове.

– Так вот, значит, – продолжала Марфа, – Соловей сказывал совсем другое. Мол, что вовсе не духи предали Змея, а какие-то пришлые демоны заоблачного мира. Что они разрушили великую любовь могучего духа, лишь бы напитаться великой же силой. И что они по сей день существуют среди нас, и ведут наш мир к гибели через ненависть, войну и смерть. И, значит, если придет в мир Великий Змей, то

очистит его от скверны, наступит вновь благодать. И сын Божий спустится с небес, дабы простить все грехи людям, помолиться за народы перед Отцом всего мира. Страшные вещи говорил, злые. Наверное, за это ему однажды выкололи глаза. С тех пор молчит или поет. Подался вот в странники. Каждый год приходит сюда, отдыхает перед праздниками у дядьки своего, мельника нашего, да у старосты, брата своего, мир его праху.

Змею передернуло от этого рассказа. На мельнице она к тому моменту жила уже три дня и ничего необычного не замечала. А оказывается тут жил человек, схожий с оракулами, и в своих видениях узревший кусочек то ли истины, то ли вымысла... но, так или иначе, виденное им не понравилось кому-то, и кто-то лишил его зрения. И сейчас, в ночи, на совершенно безлюдной тропке этот слепец, не сгибая спины, совершенно свободно разговаривал с серым чудовищем, преградившем ему дорогу.

– Тебя уже лишили глаз, хочешь лишиться и языка?

В словах Волка сквозило легкое раздражение. Змея пожилась, ощущая, как пробирает до костей холодный властный тон низкого, глуховатого голоса. Слепко дернул за поводок, придерживая своего беспородного лохматого пса-поводыря, скалящего полувершковыи клыки.

– Ты видел, как тебе показалось, истину, – продолжал Волк, не обращая внимания на собаку, – но абсолютной истины нет и быть не может, и ты это прекрасно понимаешь.

Слепко молчал, крепко сжав побелевшие губы. Даже в неясном свете луны было видно, сколь бледен гусяр.

– Что ты хочешь от меня, шакал. Если ты убьешь меня, как убил моего отца, я все равно вернусь, и никакой прибыли с подобного поступка ты иметь не будешь.

– Как и убыли... – Волк устало вздохнул, потирая переносицу ребром ладони. – Послушай, Игнат, ты ведешь себя, как глупый мальчишка, защищающий свои не менее глупые идеалы. Это какая-то роковая ошибка, что рождаются подобные тебе – наделенные большой силой, но совершенно не умеющие ею пользоваться. Твой отец преступил закон, инициировав тебя, и поплатился за это. Ты хочешь повторить его судьбу?

– Я не нарушил ни одного вашего закона, – тихо произнес гусяр.

– Но ты уклоняешься от выполнения своих обязанностей. Зачем ты предупредил преступника? Из-за твоей дурной самоуверенности сорвался наш план. Мы могли бы поймать Лиса и избавить мир от огромной опасности. Он не раз нарушил Кодекс, он научился убивать йоков... по-настоящему, Игнат. Уже одно такое знание стоит того, чтобы отрубить носящую его голову. Я не знаю, сколько бед натворит этот мятежник, сколько еще бредовых мыслей придет в его большую голову, пока мы не изловим его. А, стоит признаться, что ловить Лиса, занятие не из простых. Он не должен быть...

– Это неправильно, – медленно произнес гусяр, как бы с

трудом подбирая слова, – он не должен умереть. Я это чувствую... тебе не понять, Волк... но на нем лежит печать судьбы... с рождения... по-моему, он не тот, кем он кажется. Я это понял сразу... Не видел, но ощутил. Вряд ли кто-то сможет прозреть это при помощи глаз. И, подозреваю, истинные оракулы тоже знают это, как и такие... как я. Знают, но, заметь, ничего не предпринимают.

– Значит, ты предлагаешь оставить беса свободно гулять по земле?! – Волк удивленно приподнял серебристую бровь.

– Нет, – совсем тихо произнес слепец, опустив голову.

– И что же ты предлагаешь делать, а? Молчишь? То-то и оно, что не знаешь. А между тем у бешеного зверя появился Ученик.

Слепко вздрогнул, будто его стегнули плетью.

– Не правда! Он был один, когда встретил меня.

– Ой, ну не лги мне, пожалуйста...

– Я не лгу! Он... он, – гусяра трясло, как в лихорадке, – он что, пробудил Змея?!

– Надеюсь, что нет. Вряд ли рыжему ублюдку захотелось бы видеть рядом копию собственного отца. Но это не все новости, Игнат. Лис, не ясно зачем, таскает за собой девушку... по крайней мере, несколько раз их видели вместе. Ты понимаешь, что это может означать?

– Не совсем, – задумчиво произнес гусяра, теребя конец поводка дрожащими руками. – Нет, невозможно! Он не мог сделать ее... этого не может быть!

– Никто не хочет повторения того ужаса, Игнат. А он обязательно повторится, коли Змей будет жить в человеческом теле. Дух слишком силен, и лишь единицы из породы людей имеют такую железную волю и то нечеловеческое самообладание, чтобы обуздать Дракона в собственном сердце. Носитель Змея должен умереть.

Волк помолчал, разглядывая тощую фигурку перед собой.

– Значит, и теперь ты не скажешь мне, где Лис и его выкормыш?

– Я слеп, – раздраженно произнес беловолосый, – один из вас лишил меня возможности найти кого бы то ни было где бы то ни было. Что ты от меня хочешь? Я ничего, совершенно ничего не знаю! Ищите их сами!

Волк склонился к слепому лицу, внимательно разглядывая вышитый на повязке глаз.

– А ведь ты врешь, мерзавец! Тебе прекрасно известно, где эта девчонка, которую мы, что странно, не можем отыскать. Если она йок, то у нее нет запаха йока, либо она как-то умеет скрывать свою суть, становится неотличима от обычных людей. Видел я тут одну пришлую девку, батрачит на мельнице, ничем, кроме смазливового личика неприметна. Может, это она, как думаешь, Игнат? – нелюдь пальцем подцепил край повязки и сдернул ее, взъерошив седые волосы своего собеседника. Тот вздрогнул и подался вперед, пытаюсь выхватить тряпицу, но Волк небрежно оттолкнул протянутую руку.

– В следующий раз я приду не один, а с тем, кто сможет развязать твой лживый язык. А твои глаза, – он взмахнул повязкой, – я заберу с собой, чтоб ты не убежал, покуда я не вернусь. Тебе дано время обдумать все хорошенько, особенно последствия Лисьей выходки, сделавшей женщину Зме-ем.

И нелюдь бесшумно исчез, будто растворился в ночной мгле. Гуслиар неловко нашарил приоткрытую дверцу калитки и, ведомый верным псом, скрылся среди яблонь, бормоча себе под нос: “Неужели это она, неужели! Но... невозможно! Невозможно...”

Олга не стала ждать, покуда слепец уйдет достаточно далеко, одним прыжком преодолела плетень и припустила напрямик через сад. Добежав до сеновала, забралась под крышу, где лежало походное одеяло, на котором она спала, и принялась торопливо собирать свой нехитрый скарб. Тело знобило, в висках бешено пульсировала кровь, рубаха, набрякшая потом, прилипла к спине, голова кружилась. Олга была напугана и первый порыв толкал ее бежать отсюда немедленно. Неважно, куда и как, лишь бы подальше от этого места. Почему-то она была уверена, что не справится с Волком в одиночку. К тому же Лис дал четкие указания на случай подобной встречи. Сбросив вниз тюки, девушка взяла в руки свой меч, проверяя, хорошо ли он ходит в ножнах, как вдруг наваждение схлынуло и к ней вернулась возможность трезво мыслить. Пока напрямую ей ничего не угрожа-

ло. Да, стоит уйти отсюда, но осторожно. Скажем, завтра с подводой в город, ни в ком не возбуждав подозрений, предвзвременно спрятав оружие от чужих взоров, да и одеться можно неприметнее, а не в эти полосатые шаровары, от которых за версту разит иноземным такарским духом. Лис, коли ему надо, с легкостью найдет свою Ученицу, в отличие от других йоков. Вспомнив Учителя, Ольга воспылала яростным негодованием, хотя, чего таить, она чувствовала и восхищение его ловкостью. *Ох, какой невероятный лжец! Оказывается, никто не держит меня за йока! Ни люди, ни сами сыны смерти. То-то я так быстро слилась с местными. Страда, время батраков, люди приходят из соседних сел. Вон, у Фомы в садах десять наемников работают и все такары.*

Змея вогнала лезвие в ножны, положила меч под одеяло и спустилась по лестнице вниз, намереваясь убрать тюки подальше до завтрашнего утра, да так и замерла, настороженно прислушиваясь. Вокруг амбара кто-то ходил. Она неслышно скользнула к распахнутым воротам, притаилась в их тени. Нож, висевший на поясном ремне, лег в руку. Человек сделал два неуверенных шага вглубь, и ступил в пятно лунного света. Ольга с удивлением признала в нем слепого гусяра, но не выдала себя ни единым движением, лишь успокоила сбившееся дыхание, продолжая наблюдать.

Слепко подошел ближе и остановился рядом со Змеею, все так же глядя в стену, противоположную входу. Вдруг он повел руками будто собирая ими окружающий воздух и уми-

ная его в шар, который потом поднес к лицу, глубоко вдохнул.

– Творец небес и земли, это правда! – благоговейным шепотом произнес Игнат. – Она действительно здесь. Она пришла! Она явилась! Господи, – он провел рукою по векам, прикрывающим пустые глазницы, – неужели я никогда ее не увижу?! Это прекрасное существо! Даже сквозь слепоту мне чудится свет ее необыкновенной силы... И они хотят вновь усыпить это божественное создание!

В его голосе было столько отчаянья, что Ольге, в недоумении выслушивающей хвалебную речь, стало его жалко. Он бы, наверное, плакал, если бы палачи не вычистили его глазницы каленым железом, лишив несчастного способности проливать слезы.

– Мерзавцы! – прошептал Слепко, сжимая кулаки, и ринулся к двери, но неожиданно замер у порога, устало прислонившись к косяку, и подняв лицо навстречу холодным лучам белоликой Луны.

– Прости, отец, что не оправдал твоих ожиданий. Йок был прав, я глупый мальчишка с глупыми идеалами. Но пойми, узрев ее единственный раз, пусть даже во сне, я не смог преодолеть любовь к ней. Я не могу пойти против Змея. Лучше боль перерождения. Лучше смерть.

И гуслиар, пошатываясь и сторбив спину, побрел вглубь сада. Как только он скрылся из виду, Ольга вышла из своего укрытия с недоумением глядя ему вслед. Она ровным сче-

том не понимала ничего из того, что происходит. *Он что, ненормальный? Какая к черту любовь?* Потом в ее мысли закралось беспокойство, вдруг этот сумасшедший что-то с собою сделает.

След Игната ясно ощущался в воздухе, и Ольга, не прилагая особых усилий, пошла за гусяром и, в конце концов, оказалась на тропке, ведущей к запруде. Как только среди ветвей прибрежных деревьев лунным серебром заискрилась вода, нехорошее предчувствие усилилось, и она ускорила шаг. Берег в этих местах был обрывистый и вдоль края росли ивы, березы и осины, укрепляя своими корнями рыхлый чернозем пополам с глиной. Их густые кроны нависали над речкой, бросая в поток желтеющие листья. Ольга заметила Соловья, стоящего над обрывом в обнимку с покоренной ветром березой, склонившейся над мутной водой. Он пел тихую печальную песню на непонятном языке. Змея остановилась, замороженная необыкновенным голосом гусяра. То, что происходило в кабаке, не шло ни в какое сравнение с этой пробирающей до костей музыкой, ибо именно музыка лилась из приоткрытых уст седого паренька. В ней было столько силы и любви, что сердце начинало покалывать от тягучего, невероятно приятного и в то же время томительного предчувствия чего-то огромного и вечного. Пред мысленным взором Змеи поплыли странные расплывчатые картины, сказочно прекрасные и совершенно неясные.

А потом он прыгнул...

И скорбная мелодия оборвалась хрустом шейных позвонков. Сладкая боль в сердце сменилась жутким взрывом, что выдернул Олгу из мира загадочных грез. Вместе с дикой болью вернулось ощущение реальности. Змея будто оцепенела, и хоть разум кричал ей “помоги ему”, тело не поддавалось уговорам. Ужас при виде самоубийцы, покачивающегося над спокойной водою, был столь глубок и силен, что Змея, не в силах вместить в себя это огромное чудовище, выпустила его пронзительным нечеловеческим криком.

А потом все исчезло, растворившись в зыбком тумане обморока.

Она летит сквозь густой непроходимый лес, подобно теплему ветерку. Толстые сучья, намертво вцепившись друг в друга когтистыми кривыми пальцами, свободно пропускают ее эфирное тело, скользящее через плотный кустистый подлесок. Она счастлива не только чувством безграничной свободы, не только своей силой, но и тем, что рядом с ней скользит кто-то, кого она любит сильнее всех в мире. Вот лес кончается, и она оказывается на холме, огибаемом речушкой, дрожащей меж камней подобно серебряной струне. Внизу, под холмом, лежит большая деревня. Каждый дом в ней похож на игрушку, настолько густо он изукрашен резьбой и ярко расписан красками.

Она обретает форму, и тот, кто рядом, тоже становится человеком, но нет возможности рассмотреть его ли-

цо и тело, ибо весь он – сгусток белизны. Она точно знает, что он любит ее. Она счастлива.

Взявшись за руки, они спускаются в деревню, и навстречу им из всех домов выходят дети. Она не видит их лиц по той же причине, что и лицо своего возлюбленного спутника, но точно знает, что это ее дети. Они радостно смеются, протягивают к ней маленькие теплые ладошки, пахнущие польнюю. Вдруг свет меркнет и вместо расплывчатых очертаний она видит смотрящие на нее со всех сторон большие серые глаза мальчика-Нюхача на множестве искаженных страданием лиц в ореоле пепельно-русых кудрей. И дети начинают падать с криком “мама!”, вырывающимся из окровавленных уст за секунду до того, как их тела растворяются в густой багровой руде, в которую обращается весь мир. Она рвется, желая помочь, но не успевает в последний момент схватить белые пальчики, и так раз за разом. Тот, кто был рядом, исчез... а дети все тонут и тонут в кровавом море...

Олга очнулась от голода. Густой дух свежего хлеба, витавший в избе, не только дурманил не хуже благовоний, что воскурjali в храме, но и блаженство доставлял большее, нежели все запахи мира. Змея убрала с лица мокрое полотенце и наконец-то открыла глаза. Темная клеть с закопченными потолочными балками совсем не походила на ее укрomный уголок под крышей сеновала, к тому же обостренное голодом

обоняние различило тяжелый запах болезни, едкой струей вплетающийся в общий уютный аромат дома. Ольга села на скамье, заботливо покрытой лоскутной накидкой, и огляделась. Два холщовых полога разделяли обширную клеть на три комнатки. Ольгина лежанка была как раз в срединной части, под окном, сквозь которое проглядывало голубое небо, затянутое прозрачной пеленой серых облаков. Скрипнула дверь и девчоночка, шлепая босыми ногами, понесла в дальний покойчик обернутый полотенцем кашник²⁶, да так и застыла, глядя на Змею. Та широко улыбнулась, узнав малявку, но, видимо, из-за скрутившего живот голода, улыбка вышла кривой и чересчур плотоядной. Девчушка пискнула и нырнула за завес. Вслед за ней, неся блюдо с оладьями, в клеть вошел Вися, взгромоздил ношу на стол и с радостным криком: “Еланька, жмыриха очухалась!” – вылетел вон.

Ольга, проводив мальчика тяжелым взглядом, уселась за стол и с завидной скоростью принялась опустошать принесенное блюдо. *Интересно, что я здесь делаю.*

Старшая старостина дочь, Елань, явилась спустя некоторое время с кринкой молока и миской сметаны. Опасливо глядя на гостью, осведомилась о самочувствии, на что Ольга неопределенно пожала плечами, дескать, “пойди разбери, сама не пойму”. Девушка поерзала на скамейке, не зная, куда себя деть от пристального взгляда неразговорчивой с голоду Змеи, пока сама Ольга не произнесла:

²⁶ кашник – горшок средней руки для крутой каши.

– Сними-ка платочек, дай взглянуть на свой труд!

Еланька неуверенно стянула повязку, обнажив розовую, не загрубевшую еще кожу на правой щеке.

– Ох ты, неплохо! – Ольга с довольной ухмылкой облизнула измазанные в сметане пальцы. – А на кой ляд, скажи, ты лицо кутаешь, а?

– Да вы что, как можно! – девушка поспешно прикрыла щеку повязкой. – Слухи же, да сплетни по деревне вмиг разлетятся. Люди скажут, как, мол, она в одну ночь излечилась? Не иначе, как колдовством богомерзким! Что я им на это ответчу-то?

“А девка не дура, соображает”, – одобрительно усмехнулась Змея, но вслух похвалить не успела: за дальним полом что-то гулко бухнуло и девчушка плачущим голосом запричитала:

– Братец, ну что же ты! Ну, как так можно-то, а?!

Елань метнулась было из-за стола, да так и замерла под взглядом Змеи. Та, в свою очередь, прихватив пару оладий с опустевшего блюда, медленно прошла в дальний конец клетки и отдернула завес. Отвратительный запах гниющей человеческой плоти ударил в нос с такой силой, что Ольга невольно поморщилась. На полу рядом с широкой лавкой, покрытой периной, лицом вниз лежал старший сын старосты, Уголек, как мысленно окрестила его Змея, весь в повязках, смоченных каким-то ядреным зельем, которое добавляло свою толику в общий смрадный дух.

– Ну-ка брысь! – прикрикнула на девчонку Ольга, отобрав у нее тарелку с кашей. Та мышью юркнула за полог, утирая слезки, и спряталась за спиной старшей сестры. Елань переводила тревожный взгляд с гостьи на брата, теребя передник. Ольга поставила тарелку на табуретку и присела рядом с телом. Плечи паренька вздрагивали от сдерживаемых рыданий.

– Ай, не хорошо-то как, сестру обижать!

Парень вздрогнул и напрягся в попытке повернуть голову на незнакомый голос.

– Еще и нюни распустил, мальчишка!

Одним легким движением Ольга уложила парня обратно на лавку, мысленно удивляясь выносливости и живучести последнего. При близком рассмотрении последствия ожогов казались еще страшнее, и изумляло именно то, что пареньек смог продержаться неделю, имея подобные раны, да еще и не потерять сознания, свалившись с достаточно высокого ложа.

Ольга взяла тарелку с кашей и, поглядев на парня, задумалась, внимательно прислушиваясь к себе. Голод уже не мучил ее, силы восстановились... Она попросила воды и, прополоскав рот, сосредоточилась на своих ощущениях. Сначала на языке появился горьковатый привкус, что постепенно становилось сладким до приторности, и когда слюна достигла нужной консистенции, Ольга сплюнула выделившийся яд в кашу.

– Ешь! – Она ткнула ложкой в плотно сжатые губы Уголька.

– Не заставляй меня применять силу, – парень сразу открыл рот, испуганно косясь на сестру.

– А ты, хозяйюшка, расскажи мне, – обратилась Змея к Елани, – что я, собственно, делаю в этом доме.

Олга до последнего надеялась, что повесившийся гусяр окажется еще одним кошмарным сном, из тех, что мучили ее весь прошедший год. Но когда девушка повела рассказ о том, как на жуткий то ли крик, то ли вой сбежалась чуть ли не половина деревни, и как предстало перед глазами людей неприятное зрелище, в виде трупа “дядюшки Игната”, раскачиваемого над рекой ветром, Олгу снова прошиб холодный пот.

– И вас, Ольга, – коверкая непривычное имя, продолжила Елань, – нашли недалеко, в беспомыслии. И кровь шла у вас отовсюду: из ушей, носа, из горла... И все руки были в таких страшных багровых синяках, на чешую похожих, будто бил вас кто. Но они быстро сошли, как только вас сюда дядька Прохор принес... а сюда потому и принес, что наша изба ближе была. Народ поговаривает, что это тот волк-оборотень сотворил... – девушка помолчала, ожидая опровержения или, наоборот, подтверждения слухов. Но, так и не дождавшись ответного слова, вздохнула, украдкой смахивая слезу:

– Жалко дядюшку Игната... За что ж его так-то? Он ведь зла никому не чинил. И голос у него был чисто ангельский.

Олга накрыла пустой миской кашник, стоявший на ма-

ленькой скамеечке. *Знала бы ты, девка, за что, цены бы тебе не было.* Змея задумчиво почесала кончик носа.

Итак, Слепко поплатился глазами за свои слова, которые одни посчитали слишком секретными для чужих ушей, а другие признали ересью. Две недели назад к нему приходит неизвестный йок, с целью выпросить местонахождение Лиса. Почему неизвестный? Потому что Волк не подходит под описание Марфы, к тому же он одиночка, а тот был с Учеником, похожим на рыбу, ну и имя у него скорее всего было соответствующее. Возможно, Игнат не выдержал натиска и сказал, что Рыжий скоро будет здесь. Помнится, Учитель рассказывал, что некоторые оракулы обладают определенным видением, то есть зрением, помогающим им чувствовать на расстоянии приближение духов. Олга еще спросила тогда: *почему же йоки до сих пор тебя не поймали?* На что Лис рассмеялся и ответил: “Так этим шельмам бельмастым легче удавиться, чем помочь духу в их деле. Они нас считают животными и предпочитают не марать своих белых ручек в наших грязных распрях. Гордость этим кичливым выродам, видишь ли, не позволяет. А чурбаны, называющие себя сынами смерти, чтят их, как богов. К тому же меж белоглазых и своих интриг целый ворох”. Видимо, гусяр был не совсем оракулом, раз Волк позволил себе ему угрожать.

Таким образом, прибытие Лиса в деревню было ожидаемым, и йоки решили устроить засаду на северной дороге, ведущей в Самурь, сделав вполне логичное заключение, что из

Смолытки кроме как на городскую ярмарку, Рыжему идти куда-либо нет смысла. Неделю спустя Лис появляется в назначенном месте, и по примеру сородичей наведывается на мельницу, где несчастный гусяр сидит безвылазно, иначе почему тетка Марфа не видит его среди приезжих гостей? Тот предупреждает Учителя об опасности, и Лис исчезает на неделю неведомо куда. Интересно, что подтолкнуло Соловья помочь преступнику? Неужели та глупая идея избранности Рыжего; какой-то миссии, возложенной на него свыше. Звучит как сущий бред, и Волку, скорее всего, подумалось то же самое, хотя Игнат высказывал ему свое предположение вполне искренне. Так или иначе, Волк пригрозил ему чем-то или кем-то, что должно было развязать язык гусяра и выдать местонахождение Змеи. После чего Слепко навещает ее на сеновале, несет полную чушь о любви и предательстве, и в конце вешается на березе...

Олга резко обернулась к Елани.

– У твоего отца было два брата. Игнат – младший. А где второй.

– Не знаю. После того как дедушка пропал лет десять назад, бабушку, Фиду, выкупил пожилой дружинник и взял в жены. И дядьку, ему тогда пятнадцать годков было, с собой увез за Хребет, чтоб он там ратному делу учился. Игнат тогда весьма опечалился, дружен был с ним очень, но все равно с моим батькой остался. Батька-то мой старше своих братьев... был.

– Что, неужто прям таки и выкупил? С чего бы это!

– А у меня бабушка была красавицей писаной... – тихим голосом произнесла Елань. – Она и к старости своей красоты не потеряла. А дядька мой весь в нее вышел. И имя у него красивое было – Даримир.

Олга молчала, с трудом вспоминая причину, побудившую ее задать этот неуместный вопрос. Какую роль в этой истории мог играть средний брат старосты, сгинувший десять лет назад? Да никакой.

– Даримир... хм, – Олга задумчиво поглядела на уснувшего Уголька. – А ну, девка, брысь отсюда! И приготовь-ка мясо свежее, да щей погуще. Для моего колдовства, – она усмехнулась реакции девушки, – мне понадобится немало сил.

На вторые сутки небо затянуло тучами. Олга, распустив мокрые волосы, сидела на крыльце старостихиной баньки, когда на землю упали первые капли дождя, вбивая мелкую земляную труху в окаменевшую за лето грязь. Затрепетали потревоженные непогодой листья старого клена, прижался к земле жухлый осот, а Змея с усталым равнодушием наблюдала, как веселый ветер пускал вдоль дороги пыльные ручейки, закручивая водовороты и вздымая сухие волны вверх, до человеческого роста. И не было сил подняться и уйти под крышу гостеприимного дома, лишь тупая ноющая боль внизу живота нарушала состояние полного бесчувствия, наступающего обычно после долгого труда. Тяжелые неповоротливые мысли медленно двигались в сознании, как жвачка во

рту у сытой коровы. В эти мгновения затишья Змея спала, а Ольга впервые за несколько лет ощутила покой и тишину вне и внутри себя. Она была почти счастлива...

Скрипнула дверь. Вися выскочил с ведрами, зачерпнул из дождевой бочки, вернулся в избу. Вслед за ним вышла мать – запереть кур в наново отстроенный птичник. Прохор не оставлял жену племянника в беде, помогал, чем мог.

Ближе к зиме соберутся всей деревней справиться сиротам новую избу.

Елань, подоткнув рубаху, набрала с поленницы дров для печи, но так и замерла на пороге, глядя на Змею с раскрытым ртом, после чего встрепенулась, покраснев, и юркнула за дверь. Ольга мысленно пожалала плечами и нехотя повернула голову, услышав неловкие шаги Уголька за спиной. Тонкая шелковая рубаха, отданная Змеей больному, липла к розовой коже, но, по крайней мере, не раздражала уязвимые места так, как льняная сорочка. Паренек пошатываясь, оперся о косяк, неловко отводя в сторону обожженную ногу, и взглянул на тучи.

– Пойдемте, Ольга, в хату... Небо сулит хороший дождь.

Змея нехотя поднялась и, взяв сына старосты под руку, побрела к двери.

Небо, сулившее дождь, разродилось настоящим ливнем. Благо, причитала старостиха, урожай собрали вовремя.

Ольга сидела на своей лавке, подобрал ноги, и при свете масляной лампы мастерила лапти для малышей, стараясь не

замечать странных взглядов, что бросала в ее сторону смущенная Елань. В конце концов Ольга не выдержала, и когда девушка очередной раз украдкой поглядела на Змею, та в упор уставилась на нее и, не скрывая своего раздражения, спросила:

– Ну что?

Еланька вмиг обрела сходство со свеклою, уткнувшись лицом в свое рукоделие, и прошептала, не зная, куда деваться от стыда:

– Ты... ты... такая... красивая!

Лапоть выпал из рук.

– Чего?!

Но что девушка имела в виду, Змея узнать так и не успела. Сквозь шум дождя и раскаты грома она отчетливо услышала тревожное лошадиное ржание под окнами избы, и жалобный скулеж старого кобеля, сидящего в сенцах. Собака была напугана, и Змея четко ощущала, чем, а точнее, кем.

– Кого это к нам принесло на ночь глядя, – нахмурилась старостиха, откладывая веретено, и направляясь к двери.

– Нет, – Ольга молниеносным движением преградила ей дорогу, чем немало испугала бедную женщину, – я думаю, не стоит... тебе, тетушка, идти... лучше я... Да, так лучше.

И она подскочила к двери как раз в тот момент, когда доски содрогнулись под первым ударом лошадиного копыта.

Куркат бешено вращал глазами, обдавая удила белой с кровью пеной, брыкался, дергая красивой головой и изгибая

точеную шею в призывном ржании, просил о помощи. Он был ранен, как и всадник. Ольга выскочила под дождь, подхватила падающего наездника, вытаскивая его из седла. Хозяйка, выглядывающая из-за ее спины, побледнела, подавшись назад, как только увидела, кого принесла нелегкая в родной дом.

– Нет, нет, нет! – закричала Елань, закрыв лицо руками, будто стараясь прогнать измучивший ее кошмар.

– Что нет?! – рявкнула Змея. – Дура, лошадь сведи в стойло... Не знаю, как! Поймай и сведи... Быстро!.. А ты, тетушка, воды принеси, не стой пнем.

– Не... не буду я ему помогать, – дрожащим от страха и слез голосом проговорила хозяйка, – убери эту тварь прочь из моего дома.

Змея молча подняла неподвижное тело на руки и вышла из избы.

В бане еще сохранилось тепло после купания Уголька. Подбросив дров в печь, Ольга склонилась над Лисом, лежащим без сознания на полу в предбаннике. Две сквозные дыры в левом боку говорили о том, что в Рыжего стреляли из лука, либо арбалета; глубокая прореха на спине обозначала косою след сабли. Раны уже не кровоточили, но и закрываться не спешили. Змея сосредоточилась, отыскивая лиловые точки, и какого же было ее удивление, когда обнаружилось, что ни одно из слабых мест не задето. В полное недоумение ввело Ученицу и странное поведение духа: казалось, он спит

где-то в глубине Лисьего тела либо покинул свой дом. Так или иначе, черно-синее облачко никаких внешних признаков жизни не подавало.

Олга аккуратно срезала приварившуюся на кровь рубашку и, уложив нелюдя на лавку, принялась смывать грязь, попутно скапливая жалкие остатки силы в ладонях. Но Лис не был бы Лисом, если бы не умудрялся даже в бессознательном состоянии делать гадости. Как только Олга протянула руку, он внезапно очнулся и – откуда только взялась эдакая сила! – словно клещами до хруста сжал запястье. Змея зашипела от боли, до крови прокусив побледневшие губы. И не столь страшна была железная хватка Рыжего, сколь разрывающая плечо и предплечье сила, не нашедшая выхода в самый последний момент. Правая часть тела вмиг онемела, и мышцы свело сильной судорогой. Ученица сползла на пол, не в силах выдернуть непослушную конечность из цепких пальцев жестокого Учителя, который в свою очередь не спешил отпускать ее.

– Я... тебя... предупреждал?... Предупреждал.

Голос был сиплым: изможденному нелюдю тяжело давалось каждое слово. Олга заскулила, пытаясь левой рукой разжать пальцы нелюдя.

– А ты забыла? Это будет тебе уроком, глупая девка. Никогда не смей делать этого со мной.

Клещи разжались, и Змея повалилась на пол. Боль отпустила через несколько секунд. Олга, баюкая правую руку, се-

ла напротив, злобно глядя на нелюдя. Тот молчал, устремив взгляд куда-то ввысь, и хрипкое дыхание будто с трудом вырывалось из приоткрытых губ Лиса.

– И что мне делать-то? – не выдержав, буркнула Ольга. Рыжий отвернулся к стене, презрительно хмыкнув.

– Что-что... зашей! Лекарка, мать твою....

Дверь скрипнула, в предбанник вошла Елань, аккуратно сложила на пол поклажу, снятую с Курката, и принялась выжимать косу и подол рубахи, поглядывая на неподвижного нелюдя.

– Может надо чего?

Девушка храбрилась, но дрожащий голос выдавал ее страх. Ольга вынула из сумы шкатулку, где хранила медицинские принадлежности да пузырьки с порошками и эликсирами, мысленно благодаря Творца за то, что помог Лису сбросить ценную поклажу.

– Да, пожалуй, нужно.

Достав из шкатулки тонкую иглу, Змея протянула ее девушке левой рукой, правая так и висела плетью.

– Зашей-ка ему... дырки лишние.

Елань покраснела.

– Что вы, я не умею...

– Да ты что, не бойся... тут и уметь нечего! Раз, два – и готово.

Последние слова она произнесла как можно громче и криво усмехнулась, услышав за спиной беспокойное шевеление.

Лис приподнялся на локте, смерив девушку холодным взглядом, от чего та побледнела и ринулась было к двери, но Ольга преградила ей путь к отступлению, подталкивая к нелюдю.

– Не бойся, не укусит... он у меня смирный.

Рыжий презрительно фыркнул, но возражать не стал.

Спустя некоторое время, когда Елань, счастливая тем, что наконец-то кончились ее мучения, убежала в дом, Ольга, прибрав шкатулку, собиралась последовать ее примеру. За стеной все так же шумел ливень, тяжелые тучи низвергали на землю реки, разливали потоки серебряных струн в ярких сполохах уходящей грозы.

– Останься.

Змея замерла, так и не донеся мокрые Лисьи портки до печи.

– Я хочу, чтобы ты осталась со мной, – усталым голосом повторил он, видя выражение крайнего недоумения на лице своей Ученицы. Та задумчиво почесала кончик носа.

– А зачем?

Скрипнула дверь. Еланька тихой мышкой юркнула внутрь и, выгрузив на лавку корзину и один из Ольгиных тюков с покрывалом, отступила к выходу, приговаривая:

– Вот, покушать... матушка пирожков собрала... и одно из ваших покрывал... простите уж, что без спросу... свои-то погорели... а я так подумала, может... ему укрыться... ночи-то холодные, – и скрылась за дверью, лишь сверкнул светлый подол рубахи на фоне черной непогоды.

Лис ел медленно, пережевывая пищу с большим трудом так, будто у него болели зубы, и невидящим взором смотря сквозь стену. Выглядел он весьма помятым. Бледное от природы лицо приобрело зеленоватый оттенок, черные искры глаз затянула мутная пелена, впалые щеки подчеркнули скулы, тем самым усилив сходство Рыжего с хищной птицей. Ольга долго смотрела на заострившийся профиль нелюдя, пытаясь разгадать его мысли, а потом вдруг ляпнула:

– А Слепко повесился две ночи назад.

Лис поперхнулся, не мигая уставившись на Змею:

– Что?!

– Ему Волк угрожал, а он пошел и повесился.

– Ты видела Волка?

– Успокойся, он меня не заметил. Зато Игнат, несмотря на свою слепоту, умудрился меня разглядеть.

– И что он тебе сказал?

– Он мне в любви признался! Может, ты мне объяснишь, что здесь вообще происходит?

– Плохая мысль, – Лис аккуратно надел подсохшую рубашку.

– А я так думаю, что мысль просто отличная, – Змея начинала злиться.

– Ну и что ты хочешь знать, – нелюдь раздраженно передернул плечами.

– Кто такой, вернее, что такое этот Слепко?

– Он не оракул.

– А кто же?

– Как узнаю, напишу книгу об этом, – буркнул Лис.

– И все-таки, кто?

Он нехотя проговорил:

– В нашем мире существуют истинные оракулы, те, кого чтят йоки. Живут испокон века, меняя стареющие тела, при-
сматривают за сынами смерти, ставят печати... И есть такие
вот тумак²⁷, что рождаются среди людей. Их стараются не...
не инициировать, чтобы не было проблем. Говорят, что они
– дети Змея.

– Как Нюхачи?

– Примерно. Но только они очень могущественны, если
им, конечно, дают дорасти до обретения истинной силы, обу-
чают, воспитывают...

Олга помолчала, глядя в недовольное лицо Учителя.

– Была ли засада?

– Конечно.

– Ты об этом знал и обошел ее.

– Да.

– И что они сделали?

– Попытались меня догнать, и, как водится, убить.

– Волк там был?

– Нет.

– Что ты сделал, что они гоняются за тобой, как угорелые?

Лис ткнул пальцем в ее сторону:

²⁷ Тумак – выродок, ублюдок, вымесок, помесь двух видов животных.

– Тебя.

– Врешь! Волк сказал, что в клане до конца не уверены, есть ли у тебя Ученик, одни подозрения и слухи. Так почему?

Лис нахмурился.

– Шило у них в заднице, вот почему!.. Я так полагаю, убийства оракула и Змея – весьма веские причины...

– Опять врешь. Заточение Змея тебе поставили бы в заслуги. Ты сам говорил, что нарушил Кодекс. Про оракулов там ничего не сказано. Волк тоже вменял тебе в вину нарушение Кодекса. Не оракул и не Змей. Кого из йоков ты убил?

– Многих, всех и не упомнишь...

– Хорошо, спрошу иначе, – Ольга превозмогла себя и посмотрела Лису в глаза. – Что значит убить йока по-настоящему?

Такой реакции она совсем не ожидала и, если честно, была напугана. Муть в темных Лисьих буркалах будто выжгло яркое плотоядное пламя, взгляд сделался кровожадным и голодным. Чуть приметная улыбка, будто судорога, пробежала по его губам. Нелюдь хищно облизнулся, и вдруг как-то закаменел лицом, плотно сжав губы, и отвернулся.

– Ничего не значит.

Ольга нахмурилась. Если бы она не знала Учителя, то подумала бы, что он испугался сам себя. Проблема заключалась в том, что она с каждым днем знала Рыжего все меньше.

– И это, – она указала на свежие швы, стягивающие Лисий бок, – это тоже ничего не значит?!

Нелюдь лег на лавку, отвернувшись к стенке, откуда и буркнул:

– Ничего.

Змея тихо выругалась, но дальше приставать к нелюдю с расспросами сочла бесполезным занятием, все равно ничего не скажет. Расстелив на полу войлочную подстилку и накрывшись с головой одеялом, она наконец-то почувствовала всю тяжесть усталости и позволила сну поглотить себя.

С широкой галереи, идущей вокруг каменного дома, открывался необычайно красивый вид заснеженного залива. Холодный ветер гнал поземку по скованным льдом прибрежным камням, что не могли удержать на себе снега. Тусклое солнце серебряной монетой висело в сером небе. Над холмом, у подножия которого в удобной бухте расположился портовый городок, поднималась легкая дымка. Мальчик лет шести с салазками в руках стоял на пригорке, там, где тропка, огибая каменистый склон, взбиралась к маяку. Изпод сползавшей на затылок шапки торчали неровно выкрашенные ромашковым настоем волосы. Некоторые пряди серебрились, подобно снегу. Растирая щеку ладонью в рваной рукавице, мальчик неприязненно смотрел на стоящего у перил галереи щуплого, закутанного в дорожную шубку маленького оракула с блеклыми, как круг солнца в небе, бельмами глаз. Мальчик в два прыжка преодолел крутой спуск и оказался лицом к лицу с оракулом. Сходство между детьми было необычайно, как и странная, не свойственная детям

красота. Близнецов различало лишь телосложение, да цвет глаз. Крашеный желтоватым отваром мальчик был выше, крупнее и сильнее худенького изнеженного оракула, а из-под белесых бровей сверкали голубые, словно январское небо, глаза.

– Уходи, – тихо, но грозно произнес мальчик. Оракул промолчал, равнодушно глядя мимо.

– Я сказал, убирайся, – голубоглазый мальчишка повысил голос и, ловко переметнувшись через перила, встал напротив брата. Тот снова смолчал, но сделал шаг назад, удостоив, наконец, нападавшего взглядом.

– Если ты не уйдешь, я побью тебя, – и он толкнул оракула в грудь. Тот покачнулся, и вдруг презрительная, неестественная для ребенка улыбка исказила его губы. Маленький оракул резким движением выбросил правую руку вперед и вырвал у брата сердце. Из дыры вместо крови посыпалась мелкая снежная крошка. Мальчик застыл, подобно камню, и его тело начал медленно сковывать лед. Поднявшийся ветер закружил вокруг братьев, превращая все в единую серую массу. Казалось, он дул прямо из раны в груди онемевшего. Маленький оракул, противно ухмыляясь, ждал, куда его брат не превратится в ледышку, после чего сжал сердце пальцами, оскалив острые белые зубы. Розовый комок треснул, как кусочек хрусталя, и с мелодичным звоном разлетелся на множество мелких осколков. Ветер подхватил стеклянную крошку и понес ее вместе с предсмертным криком,

вылетевшим из груди расколовшейся мальчишеской фигурки.

Олга проснулась оттого, что прикусила себе язык, стуча зубами от холода. Кто-то прижался к ней со спины и порывисто дышал в шею, и этот кто-то был холодный, как глыба льда. Олга дернулась, скидывая с себя тяжелую руку, судорожно вцепившуюся в ее бедро, и, оттолкнув тяжелое тело, оглянулась. Лис, потеряв источник тепла, скукожился на покрывале, обхватив плечи. Его трясло, как в лихорадке, дыхание порывами слетало с искусанных до крови губ, крупный бисер холодного пота росой покрывал плечи и спину.

– Творец Всемогущий! Да что с тобой такое?! – Олга потрясла нелюдя за плечо, но Лис лишь захрипел, не в силах вырваться из лап сна. Того самого, что только что видела и она.

Это началось с того момента, когда Змея по незнанию надломил печать. Учителя стали посещать кошмары. Иной раз он стонал и ворочался во сне, разговаривая на непонятном языке, иногда просыпался в холодном поту, вскакивая и хватаясь за меч, а после долго и задумчиво глядел в пустоту. Возможно, таким образом, через сновидения, к нему возвращалась память, ранее сокрытая печатью. Но никогда до этого момента нелюдя не мучила такая злая лихорадка, не дающая ему прийти в сознание. Йоки, как водится, не болеют.

Олга попыталась взять Лиса за руку с целью прощупать пульс и узнать, не восстановление ли послужило причиной

нынешнего состояния Рыжего. И, как только она отвела сжатую в кулак ладонь, тут же заметила на его груди черную дыру печати. Казалось, что неровный полустертый рисунок ладони справа от сердца поглощал свет. А вместе с ним и жизнь Лиса.

Печать высасывает его силу!

В мозгу вдруг всплыла давняя реплика Учителя "... когда дух перестает убивать, он чахнет и умирает..."

Полгода Лис не ходил на промысел, не отнимал чужие жизни и не питал себя мощью людской смерти. И вот, за неимением иного источника, дух иссушал тело своего хозяина. Ольга положила руку на печать, примеряясь, и, к своему ужасу, поняла, что ладошка, оставившая отпечаток на Лисьей груди, принадлежала ребенку. Пальцы начало слегка покалывать, будто тысячи комариных жал впились в мягкую кожу и принялись вытягивать силу Змеи, но, несмотря на легкое головокружение, она почувствовала легкость во всем теле, будто кто-то вынул изнутри тяжелый металлический шар. Лис изогнулся навстречу, хватая ртом воздух, и открыл глаза. Белков не было видно, лишь слепая чернота, покрытая мутной пеленой. Ольга испуганно отшатнулась, убрав руку, но нелюдь зарычал, хватая ускользающую ладонь, дернул Ученицу обратно, и, подмяв под себя, вцепился в ее губы жадным поцелуем. Змея вырвалась, с силой оттолкнув Лиса прочь, и отползла к противоположной стене, слизывая кровь с прокушенной губы.

Нелюдь поворочался и уселся, тряся головой и истуупленно натирая виски.

– Моя голова!

Он поднял лицо и настороженно уставился на Ольгу вполне нормальными глазами. Она молча ответила ему тем же изучающе-опасливым взглядом. Несколько мгновений они играли в гляделки. Наконец Лис поднес руку ко рту, собирая пальцами с губ чужую кровь, после чего до него медленно стало доходить происходящее. Ольга ждала. Рыжий несколько мгновений сидел, словно каменный, покусывая нижнюю губу, после чего досадливо тряхнул черными кудрями, тихо, но выразительно выругавшись. Змея не выдержала и засмеялась.

– Так вот для чего я тебе была нужна, – утирая набежавшие слезы, проговорила она, – ох... сластолюбец!

– Прости, – буркнул тот, поднимаясь, и направляясь к выходу.

– Эх ты, кобель драный! Не кровью, так любовью кормишься? Может и не врут слухи, а? Про сердца юных дев? – Ольга злорадно оскалилась. – Сосешь из них жизнь, клещ поганый, в старух превращаешь раньше срока.

Плечи нелюдя дрогнули.

– Прости...

Тем и ограничился. Змея примолкла, ошарашенная смиренным ответом гневливого Учителя. Неужели он и вправду чувствовал себя виноватым?!

Этим же утром, собрав малочисленные пожитки, Змея распрощалась с семейством покойного старосты. У Ольги перед глазами еще долго стоял образ замерших у ворот людей, со страхом, ненавистью и изумлением глядящих в сторону странной пары. Лишь Елань, теребя в руках дорогой подарок – шитую жемчугом тибетейку, задумчиво смотрела мимо. Змея хорошо помнила каждое слово, произнесенное девушкой сегодня в уплату за спасение брата. Она говорила мало, и в основном об Игнате. Ольга знала почти все, кроме одного. “... они называют себя Белыми Чайками”...

Глава восьмая.

Моровая вестница

Все-таки Лис был мерзкой и жадной сволочью!

Целый день он молчал, не перебросившись и словом с Ученицей. Половину пути пришлось тащиться через редколесье, поросшее мелким кустарником, который сделал тропу непроходимой для пешего и проблемной для конного путника. Нелюдь молча тянул поводья, уводя Курката прочь от проторенных стежек и мало-мальски пригодных для движения троп. Ольга взмахами топорика прокладывала путь, язвительно рассуждая, что если уж кто догонит, то сбежать им вряд ли удастся, и что нечего даже и пытаться строить из себя мудрого тактика, ибо получается это у высокочтимого Учителя отвратительно. И вообще, куда полезнее оторвать

свой тощий зад от седла и самому торить себе дорогу, раз уж ума не хватило найти более пригодный для движения путь. Рыжий молча брал из рук злой как тысяча чертей Ольги топор и подменял ее, не говоря ни слова. К вечеру они вышли к речушке, русло которого служило границей между редколесьем и полем. Лис пустил коня вдоль низкого, поросшего камышом берега, Змея пошла следом. Ольга не жаловала лошадей, а вздорного Курката вообще на дух не переносила, поэтому даже не пыталась выгнать нелюдя из седла, или пристроиться позади Учителя на лошадином крупе. Впрочем, Лис и не предлагал, что еще больше злило Ученицу.

Вечером, ужиная в темноте – нелюдь запретил раскладывать костер – Ольга все-таки выяснила причину неразговорчивости Учителя. И причина эта заключалась как раз в том, что Лис был мерзкой и жадной сволочью.

– На этом обгорелом ублюдке была моя рубашка...

От неожиданности Змея поперхнулась квасом и удивленно поглядела на нелюдя.

– Что?

– Я говорю, – голос у Лиса был тихий и злой-презлой, ему явно с трудом удавалось держать себя в руках, – что ты, стерва, обрядила этого говнюка в мою лучшую шелковую рубаху! Змея злорадно оскалила зубы.

– Этот говнюк, в отличие от некоторых, хотя бы поблагодарил за свое спасение... и не пробовал сожрать меня.

– Я извинился. Что, уже забыла? Или тебе и этого мало!

Он встал.

– Да мне плевать на твои извинения! – Змея встала напротив, скрестив на груди руки. – Что в них толку, когда ты ничего не хочешь мне объяснить. Таскаешь за собой, будто я кукла, которую можно бросить под кустом, а после приехать и подобрать, благо, другим она точно не понадобится...

– Не забывай, кому перечишь, девка! – глаза нелюдя сузились. – Я буду говорить тебе то, что считаю нужным, и тогда, когда считаю нужным, ни раньше, ни позже. И это для твоего же блага...

– Ха, так я тебе и поверила...

– Молчать! Мне плевать, веришь ты моим словам, или нет. А теперь заруби на своем любопытном носике, милая, никакая смертная тварь не смеет касаться моих вещей и, тем более, носить мою одежду. Это было первое и, пожалуй, последнее предупреждение.

– Уже жалею, что не выбросила твое шмотье, жадный ублюдок, – усмехнулась Змея...

А потом, после еще нескольких взаимных оскорблений, была драка, одна из тех повседневных потасовок, коими обычно заканчивались подобные ссоры. Своеобразная разминка, во время которой они изливали друг на друга всю накопившуюся за день злость и раздражение, а после, удовлетворенные, расползались по разным углам зализывать раны. Олге не нравился такой порядок вещей, но нелюдь, видимо, не умел мирно сосуществовать с окружающими людьми, а

Змея не была склонна проявлять ангельское терпение и любовь к ближнему своему. Попытки же расстаться с Лисом всегда кончались плачевно, причем вины нелюдя здесь, в общем-то, не было. Похоже, он смирился с тем, что рано или поздно Змея попытается выскользнуть из его цепких когтей, именно поэтому и отвез ее в степь, где Ольга не смогла бы выжить самостоятельно, надеясь таким образом утвердить свое положение наставника.

Два года Учитель и Ученица, покинув безжизненный остров, скитались по степным просторам, избегая встреч с крупными торговыми обозами. Лис называл это "временным уединением" и с удовольствием предоставлял кочевникам свои услуги по отлову сбежавших рабов и злостных нарушителей местных законов, не взимая с них золота. Узкоглазые жители степного океана, столь же естественные в своей среде, как и река в русле, считали нелюдя своеобразным явлением Матери-природы, и относились к нему с опаской и уважением. Для них он был лишь духом – не злым, не добрым, как не бывает злым или добрым ветер, приносящий долгожданный дождь или вздымающий безжалостные самумы. И это уважение к Лису, занимавшее в их сердцах место страха – ибо бессмысленно страшиться ветра – непомерно злило Змею: ее эти круглолицые люди с темной от солнца кожей почему-то боялись не на шутку. Вернее было сказать, боялись ее шаманы да ведуньи, всегда выходившие навстречу

грозным гостям вместе с главою становища. А мнение своих мудрецов степняки ценили. Ольга хорошо помнила слепое лицо седой старухи, кинувшейся перед ней на колени в мольбе пощадить нерадивое племя, не творившее зла ее детям. Змея, еще не знавшая местного языка, растерялась. В том стане Лису пытались всучить племенного барана – лишь бы снискать милость его спутницы, предлагали Змее золото и коней. Рыжий тогда страшно злился, кричал, что глупо здоровыслящим людям слушать бредни полоумной старухи. Но Ольга поступила разумнее, разыграв перед напуганными людьми роль, приняла в дар скромный наряд и головной убор, и, чтобы показать благосклонность, излечила больного лихорадкой ребенка. После этого случая были и другие, в результате чего Змея обзавелась смиренным жеребцом, которого, спустя время, догнала шальная стрела, пущенная отчаянным разбойником в пылу погони. Лис сердился, хмурился, но молча терпел странное поведение степняков. Хотя, возможно, для него, знающего, как полагала Ольга, какую-то тайну, эти странности были не столь уж неожиданными. Вскоре, чтоб излишне не тревожить людей присутствием Змеи, он начал просто ограничивать это присутствие на территории поселений. Этот замысел не слишком радовал Ольгу – ей приходилось по нескольку суток проводить в степи в компании не в меру прожорливых волков да шакалов. Однажды, после особенно жесткой перепалки, она не стала дожидаться ненавистного йока, и, повернув коня, отправилась на се-

вер, в родные края. Несколько суток она не спала, снедаемая страхом перед дикими обитателями степи, особо настырными в ночное время. Первый же стан, где ей дали возможность переночевать, оказался разбойничьим вертепом. Потому не было ничего удивительного, когда утром она проснулась от того, что почувствовала угрозу, исходившую, как выяснилось мгновение спустя, от наконечников копий. Змея знала, чем кончится драка, и предпочла сдаться, но обмануть узкоглазых татей все же попыталась, заявив, что она является собственностью сына смерти. Разбойники, видимо, уже наслышанные о йоке, не стали ни убивать, ни глумиться над девушкой, лишь раздели ее до исподнего и привязали к дереву, после чего укатили в неизвестном направлении, прихватив все Ольгины вещи и коня. Веревки хватило на пару секунд, но вот козья кровь, которой они предварительно вымазали пленницу, привлекла хищников.

Лис долго смеялся и язвил в сторону своей Ученицы после того, как день спустя нашел ее голой на иссохшем дереве, окруженном стаей волков. Вещи и коня Учитель вернул, грабителей, как он выразился, наказал. Ольга почему-то подумала, что вряд ли Рыжий стал их убивать, скорее даже приплатил за непрошенную услугу, а то и сам все это устроил – с него станется.

Больше она сбежать не пыталась.

На второе утро после отъезда из Смолытки небо затяну-

ла непроглядная муть, укрывшая звезды и месяц, и на землю посыпалась мелкая колючая морось, та, что порой хуже дождя. Ольга пинком разбудила спящего под деревом нелюдя, после чего оба, хмурые и молчаливые, продолжили свой путь на север. Лис перестал избегать открытых пространств и проторенных троп, так что вскоре они вышли на большак.

Несмотря на ранее время и плохую погоду, дорога была заполнена подводами, телегами и верховыми. Над обозом, подобно комариному звону над болотом, стоял гул человеческих голосов. Степенно переговаривались купцы, распевала песни веселая молодежь, вопили дети, визжали поросята, кричала на разные голоса птица, запертая в клетках. До Самури оставалось не больше пары верст.

Олга враз оживилась, разглядывая улыбающиеся лица. Хоть оно и отвыкла, но всё же ей нравилось быть среди людей, пусть самых простых, но умеющих смеяться без злобы, мутузить друг друга без ненависти, любить и дарить пусть грубую, но ласку. Они были живые и теплые в отличие от Лиса, который, придерживая коня, недовольного скоплением народа, ехал вдоль обочины с таким лицом, будто его только что окунули головой в свежий навоз. Неудивительно, что рядом с нелюдем никакой толпы вскоре уже не наблюдалось, и честной люд на время притих, шепотом передавая весть о неприятном спутнике впередиидущим обозникам. Но вскоре, поняв, что дух смиренный и резать никого не собирается, народ успокоился и гул поднялся втрое громче, нежели ра-

нее.

Олга запрыгнула на телегу, где на куче мешков восседали две дородные мамыши, облепленные со всех сторон румянощековыми молодницами, чьи головодцы были украшены таким количеством пестрых лент, что рябило в глазах. Девки веселились, перекидываясь с парнями, идущими поодаль, островами да шутками, граничащими с непристойностью. Мамаши с довольными ухмылками ничего не замечали. Олга присоединилась к дружественной перепалке, моментально получив прозвище “степная красавица”, сцепилась с вихрастым балалаечником не на жизнь, а, как говаривал наставник Велеслав, на совесть. Парень одновременно умудрялся сыпать колкости и скалить зубы в многозначительной улыбке. Лис издали молча наблюдал за шутливой перебранкой, сверкая глазами из-под капюшона, и в какой-то момент саданул пятками по лошадиным бокам, пустив Курката с места в галоп, от чего последний, бешено выпучив буркала, помчался на весело гогочущих парней, раскидав честную компанию по ближайшим лужам. Нелюдь осадил коня у самой тележной обрешетки и, оглядев притихших девиц, поманил Олгу пальцем. Змея, недоверчиво шурясь, встала и, ловко балансируя среди мешков, приблизилась к Учителю, склонив голову чтобы лучше слышать.

– Ну и сучка же ты! – процедил сквозь зубы нелюдь.

Ответить возмущенная Ученица ничего не успела. Лис молниеносным движением схватил Олгу за загривок, пере-

кинул ее через седло, звонко шлепнул по заду, чтобы не брыкалась, после чего хлестнул Курката поводьями и повел коня в сторону от большака, сопровождаемый проклятиями всполошившихся мужиков да пронзительным визгом напуганных девок. “Украл! Девку украл, жмырь треклятый!” – орали бабы, но и их громогласные крики вскоре растаяли в предрасветном тумане, поднявшемся из низин, как только кончился дождь. Змея вначале пробовала вырваться, но Лис крепко приложил ей кулаком по крестцу, после чего она решила не сопротивляться. Некоторое время они двигались молча. Ольга без интереса разглядывала проплывающую под лошадиным брюхом траву. Куркат обиженно фыркал, наказанный Рыжим за попытку куснуть Змею за ногу. Лука седла неприятно давила в живот.

– Может, я сойду, а?

Лис, придерживая Ученицу за шиворот, усадил ее впереди себя, зажав в кольцо своих рук, так и не позволил спуститься Ольге наземь.

Змее было неприятно такое близкое соседство с нелюдем. И, хоть в степи, спасаясь от волков, боявшихся подойти близко к Лису, да от пронзительного ночного холода, они спали, крепко обнявшись, то была необходимость. Но сейчас... Сейчас Лис был очень слаб, несмотря на то, что прошлым утром высосал ее почти что до дна. Ольга отчетливо чувствовала холод, исходяемый телом нелюдя, слышала его хриплое дыхание у своего уха, видела лихорадочный блеск

в глазах.

– Что это было? – нервно передернув плечами, наконец-то решила спросить Змея. – Что за выверты перед толпой?

– Ты привлекла много лишнего внимания.

– Тебя что, ревность заела?

Лис помолчал, глядя в никуда, находящееся между конских ушей, после чего ответил уставшим голосом:

– Я не понимаю, о чем ты.

– Чего ты не понимаешь?!

– Я не знаю, что такое ревность.

Она удивленно притихла, глядя на капли воды на острых кончиках своих сапог. *Конечно, что тут требовать от бесчувственного нелюдя. Откуда ему знать, что такое ревность. Она неведома ему так же, как и любовь. Или это все притворство?* Ольга в очередной раз поймала себя на мысли о том, что никак не может привыкнуть к нечеловеческой сущности Лиса, и ощущает его как обычного мужчину, слегка невменяемого, но ведь бывают люди хуже и свирепее всякого йока, причем без каких бы то ни было причин, просто потому, что таким был их выбор. Хотя...

Хотя, что она вообще знала о йоках? Только то, что поведал Учитель, а рассказ его был, мягко говоря, предвзятый. Ни с кем, кроме Лиса, Ольга не встречалась лицом к лицу, поэтому не могла с точностью судить, каково обычное поведение йоков, какие чувства позволены им печатью, а какие – выжжены дотла. Ольга с трудом верила в полное омерт-

вание человеческой души, и подозревала, что, так или иначе, некие индивидуальные черты сохранялись в каждом йоке даже после долгого воздействия печати, которую, между прочим, можно было сломать. Как в случае Учителя... Хм, Учитель...

Рыжий вообще был очень странным существом, казалось, не относящимся ни к одному лагерю. То, что он ненавидит всех своих сородичей, было понятно с самого начала. Презрение к людям он проявил сразу же, как тому представилась возможность. Он был чужим, а точнее извергнутым из обоих родов. И обида преданного всеми мальчика, как раньше думала Ольга, являлась причиной ее рождения в качестве йока. Теперь же Ученицу снова мучили сомнения: а все ли так просто, как кажется?

Лис не хотел быть йоком. Он желал вернуть обратно чувства, память. Он жаждал быть человеком. Но зачем? Зачем становиться похожим на столь презираемых людишек? И это желание лишь усугубилось после того знаменательного дня, когда Змея защитила свое право на ритуал. Нелюдь очень изменился с того момента, и два года скитаний по степным просторам явно это показывали. Прошли приступы необоснованного гнева, хотя Лис и не стал менее гневливым; скорее, научился себя сдерживать. Его кожа перестала быть холодной, как у утопленника; живое, едва ощутимое тепло исходило от тела Рыжего. Иногда Учитель впадал в задумчивость, чем-то схожую с состоянием транса, настолько глубо-

ко он погружался в свои мысли. А еще ему снились кошмары. Змея даже не могла себе представить, какие видения могут вызвать у холодного, как лезвие меча, Лиса подобную слабость. Она не раз с затаенным страхом наблюдала, как нелюдь, свернувшись на подстилке подобно младенцу в материнской утробе, стонал во сне, разговаривая с кем-то на чужом языке, и слезы, изредка, но проступали из-под дрожащих век. А потом Рыжий просыпался, злой, как тысяча демонов, потому что собственная слабость язвила его сильнее, нежели сотня острых стрел. Ольга смотрела на своего Учителя и понимала, сколь велика тайна, которую он прятал от нее. Тайна, что тяжким бременем тянула его слабую покалеченную душу вниз, вниз, терзала, давила, не давала покоя. Но Змея не могла, точнее, не хотела его пожалеть. Она знала, что мучения его проистекают из простой истины: тайна не принадлежит Лису. Тайна принадлежит ей, но по каким-то своим причинам Рыжий не желал ею делиться. Ольга никак не могла смириться с этим, так как часто не видела смысла в поступках Учителя, и про себя злорадствовала, что рано или поздно подобное недоверие и скрытность доконают нелюдя. Тогда она уж точно не будет вытаскивать его за шкурку из очередной выгребной ямы. Больно надо! О том, что доконать они могут в первую очередь ее, Змея предпочитала не думать.

Снова полил дождь. Куркат шел спокойным шагом, изредка стряхивая с гривы тяжелые капли. Ольгу, завернувшуюся в

плащ, постепенно укачивало. В груди наступила блаженная пустота, отчего дышать было легко и спокойно. Перед тем, как дрема окончательно забрала ее в мир грез, Змея, положив голову на грудь своего Учителя, успела подумать, что эта пустота похожа на то ощущение легкости, появившееся после Лисьего поцелуя, только сейчас она во сто крат приятнее.

...бесконечность ступеней. Муть, с трудом раздвигаемая, не дающая дышать. Запах желчи и крови вкусом налипли на языке. Холодная гладь камня... Мухи, жужжающие у самого уха, жужжающие в мозгу... и этот тяжелейший, кислый запах... Змея вздрогнула от омерзения и страха и открыла глаза. Металлическая брошь перевязи на груди Лиса холодила щеку. Крупные капли дождя глухо стучали о парусиновый капюшон, рождая монотонный сыпучий гул. Только запах никуда не исчез.

Мутным, кисло-приторным духом он висел в воздухе, вторгаясь в суть льющей с неба воды, отравой сочился из каждой капли, и невозможно было скрыться от того, что пахло болью, муками, смертью. Ольга задрожала, безошибочно угадав запах болезни, от которой она некогда умирала. Лис, поняв, что его Ученица проснулась, остановил коня, указав вниз, где у подножия холма на противоположном берегу реки стояла деревенька. Безразлично спокойным голосом он произнес:

– Деревня Затон, десять дворов, семь десятков жителей,

включая новорожденных и стариков. Все носят в себе опасную болезнь, прозванную в народе “гнилой смертью”. Лекарства против этой хвори нет...

Он умолк, задумчиво глядя на дома, окутанные белой пеленой дождя, и Ольга, дрожащая в кольце его крепких рук, смотрела на холодное, как отражение во льду, лицо, на презрительную складку тонких, крепко сжатых губ, и понимала суть задания, данного наместником или даже самим князем; задания, стоившего больших денег заказчику; задания, от которого ей – Змее – отвертеться уже не удастся. *Вычистить и сжечь деревню! Творец всемогущий, как этот негодяй мог взять на себя такую работу?! Ни за что! Ни за что на свете я не буду убивать этих и без того обреченных людей!*

– Ты – девка умная, – произнес нелюдь, будто прочитав Ольгины мысли, – и прекрасно понимаешь, что если этого не сделать сейчас, зараза распространится с той же скоростью, с какой дует ветер. К тому же, наместник хорошо заплатит, денег хватит надолго.

Как и жертв для оголодавшего духа!

Змея молчала, спрятав бледное лицо под сенью капюшона. Лис тронул пятками лошадиные бока, и Куркат, лениво потряхнув головой, зашагал вдоль склона по тропе, ведущей в рощу.

Сторожка, некогда служившая обиталищем странствующего люда, давно не укрывала под своей крышей уставших

путников, лишь молодежь забредала сюда в поисках уединения. Пол порос травой и мхом, со строп кусками висела гнилая солома, пауки развели бурную деятельность в каждом сухом углу. Змея подняла с земли пожухший венчик из полевых цветов – доказательство того, что это место служило пристанищем для влюбленных – и бросила его в костерок, разведенный Лисом. Пламя, с жадностью проглотив подношение, пустило вонючую струю дыма, негодуя на сырость умерших цветов. Змея пододвинула колени ближе к подбородку, оправляя подол сорочки – единственной одежды, которую Учитель позволил оставить. Остальное пришлось снять и отдать нелюду “во избежание дезертирства и прочих... недоумений”, как он сам выразился.

Дождь, зарядивший с новой силой, являл собой водную стену, сделавшую темноту ночи еще более дикой и непроглядной. От мшистого сруба тянуло сыростью и гнилью, монотонный звон капель, сочащихся из отверстий в худой крыше, убаюкивал, но Ольга не могла уснуть. Запах окружал ее со всех сторон, свербел в носу, стекал по горлу, будто вязкий деготь, не позволял дышать свободно, отравой сочась в воспаленный мозг, вызывал страшные и отвратительные образы. Ольга чувствовала, как медленно сходит с ума. Лис сказал сидеть и не высовываться, покуда он работает, но она больше не могла терпеть эту пытку.

Маленький Миря был единственным мальчиком в Затоне,

которого пока что не тронула злая хворь... пока что! Миря очень боялся. Но не за себя, за свою тетку. Пока что она была рядом, живая и теплая. “Если она умрет, как дядя Лытко, – думал мальчик, – меня возьмет к себе бабушка Желя... но что будет, если и бабушка умрет? Если все умрут!” Мирон был сиротой. Добрые люди приютили его в своем доме, воспитали в ласке и любви, как собственное дитя. И вот вновь мальчик видел страшную картину: человек за человеком, близкие мрут вокруг, как мухи, а он, брошенный, забытый всеми среди смердящих трупов, одинокий ребенок без роду и племени, единственный выживший после жестокого мора, бежит прочь от жутких нелюдей с острыми мечами наголо, сжигающих заразу на корню вместе с людьми, мертвыми или еще живыми, неважно. И страх бежит след в след, погоня шибче плети. Страх, не оставлявший Мирона в покое на протяжении шести лет. Страх, что вновь вонзил зубы в его сердце.

Дождь, льющий из седых небесных бурунов, гневящихся в вышине, под утро иссяк, сменившись мелкой туманной моросью. Люди, что еще были способны ходить, просыпались, принимаясь за повседневный труд. И все-таки именно Мирон, как потом сказывали, увидел ее первым.

Двор Лытко лежал ближе всех к берегу, откуда она и явилась. Миря, взяв ведро, вышел за калитку, да там и замер с открытым в ужасе ртом, узрев, как из воды медленно поднимается страшный призрак.

Она была похожа на наваждение, жуткое и прекрасное одновременно. Будто сотканная из тумана, дева медленно ступала босыми ногами по лужам, вода в которых разбегалась мерцающими кругами от ее тонких ступней. Белая сорочка, набрякшая дождевой влагой, облепила ее точеный стан и молодую грудь, прикрытую длинными волосами, ниспадавшими до пояса, а на бледном осунувшемся лице безумным огнем горели янтарные змеиные глаза. Миря следовал за ней как замороженный, покуда она не остановилась у колодца на площади. Краем глаза мальчик отмечал, что кто-то, бледнея и крестясь, бросал труд и в страхе запирал за собою дверь, кто-то бессильно замирал, обреченно опуская руки. И во след деве шелестом опадающих листьев стелился шепот, несущий страшное имя – Моровая Вестница.

Площадь в Затоне была небольшая, с общим колодцем и сигнальным колоколом на дощатом помосте под двускатным навесом. Миря спрятался за помостом, с замиранием сердца глядя на Вестницу. Дева невидящим взором медленно обвела ближайшие дома, будто заглядывая сквозь бревенчатые стены, потом опустилась на колени прямо в лужу, поджав пятки под ягодицы, отчего мокрая рубаха сильнее обтянула соблазнительные выпуклости. Мирон отрывисто вдохнул-выдохнул и покраснел. Вестница, закатав рукава, погрузила тонкие изящные ладони в грязную жижу и замерла. Некоторое время ничего не происходило. Гнетущая тишина повисла над поселением, нерушимая ни единым звуком,

и вдруг разорвалась на множество криков, стонов, воплей, что волной накрыли дома один за другим. Миря задрожал, от ужаса прикусив губу, на которой тут же набухла влажная кровавая капля. Дева которую он видел теперь со спины, больше не казалась ему прекрасной. Вода вокруг ее тела забурлила, вздымаясь грязно-черными пузырями. Спина дрожала, и сквозь прозрачную от влаги ткань на коже проступали бурые пятна. Волосы на голове зашевелились, искрясь зеленоватым огнем. Буквально на глазах она худела, превращаясь в обтянутый кожей скелет, а грязь, что стекалась к ней со всех сторон, густела, превращаясь в вязкую вонючую массу.

Стоны и плач постепенно утихли, деревня снова погрузилась в тишину. Моровая Вестница медленно осела на землю, оставшись недвижимо лежать в луже, ставшей вновь прозрачной. Миря на карачках – ноги не держали его – подполз к ней, заглядывая в осунувшееся лицо. Она подняла на него потухшие слезящиеся глаза, глаза побитой кошки, и растрескавшиеся губы дрогнули в слабой улыбке. Миря неуверенно улыбнулся в ответ и разревелся.

– Уйди, – заорал кто-то, – отойди, дурак, помрешь!

Чьи-то крепкие руки оттащили упирающегося мальчика прочь. Вокруг лежащей в луже девушки уже собиралась толпа бледных перепуганных людей.

– Ой, бабоньки, что ж это творится то?! Ой, кумушки, да кто ж такое вытворил?!

– Что за диво-то?.. Никак ведьма!

– Да какая ведьма! Смерть это, лихорадка ходячая! Мужа у меня забрала, треклятая!

– Да ты почему знаешь? Поди сам помер!

– Конечно, вдруг ни с того ни с сего – и помер! Ты-то не видел, как она из реки вылезла, яко русалка, да по улице вышагивала! Это она, хворь проклятая, по души наша пришла!

– Ой, бабоньки, у меня сынок помер! Горе-то, горе!

– Батюшка, посоветуй, что нам с Мореной делать-то?!

– Да постой ты, вдруг это не Лихорадка!

Священник с воспаленными глазами на исхудавшем от болезни лице молча стоял в стороне, кутаясь в теплую шаль поверх рясы, и жадно смотрел на полунагое девичье тело.

– Сжечь ее надобно, покуда не очнулась, да не уморила всех...

– А вдруг енто не Мора?

– Дурень! А кто ж, если не она?!

– Ох, бабоньки, страх, страх-то какой!

– Эй, мужики, собирайте дров, хворь жечь будем!

– Багор, багор тащи, или лопату! Не руками же эту погань на костер класть.

Мирия метался в крепких объятиях, вопя сквозь слезы:

– Не смейте! Не троньте! Не Мора она, не хворь!

Но мальчика никто не слушал. Его передали по рукам, выкинув за предел круга, так что он перестал видеть взгляд янтарных глаз, сначала удивленных и испуганных, а после пол-

ных ужаса. Продолжая отчаянно кричать и колотить руками по широким спинам, преградившим путь, Миря с нарастающим ужасом наблюдал, как на сложенную второпях кучу дров баграми и лопатами втопили обессилившую девушку, разорвав ненароком рубаху, как облили маслом бесстыдно обнаженное тело, видел, как беззвучно шевелятся ее губы, не способные произнести слова в свою защиту, как вспыхивает горячее, и языки огня медленно подбираются к своей жертве, жадно облизывая сырые дрова. Видел, и в сердце его поднималось осознание того жуткого непотребства, огромной ошибки, что совершали его родичи, сами того не ведая. Тогда он отвернулся от костра и бросился бежать туда, где еще можно было найти спасение для несчастной. “Только бы успеть!” Потому и не увидел он, как в толпу метнулась черная страшная тень, торя себе проход, будто горячий нож в куске масла, и то, как кровь обезумевших от страха людей оросила мокрую землю.

Змея очень устала. Ей с трудом доставало сил дышать, не то, что шевелиться. Сначала она удивилась, услышав речи толпы, потом испугалась и озлилась. Потом ей стало все равно. Когда огонь лизнул руку, превратив кожу в пузырящееся месиво, она даже не закричала, хотя боль, прежде смиряемая добрым духом, теперь, когда он спал после утомительного труда, рвала ее тело со всей силой. Единственное, на что она еще была способна, это на слезы. Слезы боли, от-

чаяния, жалости к себе и обиды на такую жестокую неблагодарность людей, которых она спасла от страшной смерти. Теперь она умрет, задыхаясь в дыму и испытывая страшные муки. Прежде, чем потерять сознание, Ольга увидела знакомое лицо нелюдя: бледное, перекошенное яростью – и успела подумать: *а ведь тогда, на тракте, он действительно меня приревновал...*

Как только три головы, будто бритвой снятые с плеч одним ловким ударом, упали в размокшую грязь, неприятно чавкнув в полной тишине, люди вышли из оцепенения, вызванного внезапным появлением черного всадника, и с дикими криками бросились врассыпную, давя друг друга. Лис, сдернув с плеч мокрый плащ, сбил им пламя и, обернув Змею, снял ее с костра. Мужики, остановившись в отдалении, с изумлением наблюдали, как бережно страшный жмырь оттирает с тела девушки масло, как аккуратно, стараясь не слишком тревожить ожоги, заворачивает ее в одеяло, как дрожат его руки и губы при каждом движении. Закончив, он поднял голову и, нарочито медленным движением обхватив рукоять меча, воткнутого в землю неподалеку, исподлобья обвел взглядом собравшихся. И было в этом взгляде столько жгучей ненависти, что все вмиг поняли: кары за содеянное им не избежать. Но не успел он подняться с колен, как тонкая, изъеденная ожогами ладонь ухватила нелюдя за рукав. Он наклонился, прислушиваясь и хмурия брови. То, что сказала девушка, было ему явно не по душе, но он, сдер-

живая гнев, все же вложил меч в ножны, и, подняв Вестницу на руки, с легкостью вспрыгнул в седло и произнес громко и внятно голосом, леденящим душу:

– Вы, неблагодарные шавки, должны убраться отсюда до завтрашнего вечера, оставив за собой пепелище. Если этого не сделаете вы, это сделаю я. Если этого не сделаю я, придут другие. И тогда уже ничто вас не спасет. Уходите прочь! Отныне это место проклято!

И, ударив коня пятками, пустил черного беса в галоп, правя к мосту.

– Там, там они ее... скорее, – заходясь плачем, пытался выговорить Миря. Поддерживая бабушку Желю под руку, досадовал на ее медлительность, хотя последняя, уразумев, что сказал ей внук, бежала изо всех своих немощных сил. Мирон, завидев развороченное тлеющее кострище и три безголовых трупа, сначала подумал, что все кончено, он не успел, и теперь прекрасную девушку с янтарными глазами унесла злая Смерть. Но, пережив этот моментный страх, он заметил удаляющегося всадника и недоуменно обернулся к старушке, ища объяснений. Каково же было удивление мальчика, когда он увидел печальную улыбку на ее покрытом морщинами лице. Желя была той женщиной, которая, живя в деревне, хранит традиции и мудрость рода, той, к кому обращались за советом, и, послушав ее наставления, уже не смели ослушаться. Она медленно, опираясь на клюку, подо-

шла к людям, все так же не сводя глаз с дороги, где в тумане исчез черный всадник.

– Сие была смерть, – дрожащим от страха голосом произнес священник. – По наши души приходила сама смерть, дабы собрать кровавую жатву! Коли вернется, не жить нам! Пожгли мы ее верную рабыню!

– Молчал бы уж, – оборвала его ведунья, строго оглядывая столпившихся. – Ох и глупые у меня внуки выросли, диву даюсь! Сие была бы ваша смерть, коли не тот ангел, что вы в благодарность решили спалить.

Она поворошила клюкой костровище.

– Ну-ка, внучок, подыми, – подозвала Желя Мирона. Тот нагнулся, выудив из лужи несколько зеленых камней.

– Изумруды, – выдохнул кто-то, – как есть, чистой воды изумруды!

Люди возбужденно загомонили, передавая ценную находку по рукам.

– Эта дева жизнь вам спасла, чуть своей не лишившись по вашей милости. Она болезнь в черную грязь обратила, а грязь в землю ушла. Вам бы ноги ей целовать, ибо шла по ваши головы хворые смерть с мечом на черном коне, чтоб сразу одним махом изничтожить, а вы быстро смекнули, глупцы, как отблагодарить. Хоть знаете, неумные, кого изумрудные слезы обронить заставили?

– Быть сего не может! – вскричал священник, глядя на старуху широко раскрытыми глазами. – Неужто посмел кто

вернуть Змея к жизни!

Собравшиеся притихли, недоверчиво и испуганно глядя на батюшку.

– Эх, мальчик мой, учили тебя шесть лет, а разума ты так и не нагулял, – вздохнула ведунья, – ты-то мог додумать, что не Мора это, мог отвернуть паству свою от греха? Как теперь быть нам, если вновь озлится Змей на черную нашу неблагодарность?

Священник молчал, перекатывая в ладони гладкие, как окаменевшие капли, изумруды. Наконец, проговорил:

– Одарить его надо по-княжески, да прощения испросить!.. Только... кто решится на такое – под горячую руку Великого самому голову подставить?!

– Я пойду, – выкрикнул Мирон, выступая вперед, – меня пошлите.

– Ой, ты, глупый, – всплеснула руками ведунья, – пришибет ведь!

– Нет, не пришибет!

Бабушка внимательно поглядела на внука и, что-то про себя смекнув, кивнула.

– Ну, тогда собирайте подношение, да и пожитки свои тоже укладывайте. Уходить надо отсель. Помните, коли жизнь дорога, мы теперь для всех мертвые. Нет нас на сем месте. Отныне оно проклято!

– Дура! Как есть, полная дура! Тупорогая корова! Девка

безмозглая!

Лис мерил шагами сторожку, в бешенстве сжимая и разжимая кулаки. Змея, скрючившись на полу, равнодушно следила за ним из-под приопущенных век, думая лишь о том, как бы снова не потерять сознание. Ей было дурно, и громкая речь Учителя, вкупе с мельтешением перед глазами, тупой болью отдавались в затылке.

– Спасительница мира, тьма тебя задери! – он резко опустил к Ольгиному лицу, опаяя ее взглядом горящих в полумраке глаз. – Ну, и где благодарность, а?! Понравилась тебе награда? Хорошо быть салом на сковороде?

Змея поморщилась. Лис отстранился, с нескрываемым презрением глядя на свою Ученицу.

– Дура жалостливая! “Не тронь их, Учитель, они более не угроза”! – передразнил он Змею. – Мать твою, а если бы я не успел?! Для кого не угроза-то? Ты хоть подумала, прежде чем соваться в осиное гнездо? Чем это может обернуться?

Змея подняла тяжелые веки и посмотрела в его глаза.

– Что ты хочешь от меня?

Лис замолчал, потом, тяжело вздохнув, сел рядом.

– Знаешь, я ожидал от тебя подобную выходку, но не думал, что ты захочешь спасти всех сразу и, главное, сможешь это сделать. Я удивлен. Ты сильная... – он задумался, потом прибавил с досадой, – терпеть не могу недоделанной работы! Вот что я теперь скажу наместнику?

– Ты выполнил задание. Они не опасны. Ты уничтожил

очаг хвори. Что ему еще надо?

Голос, сипло вырывающийся из обожженной гортани, подрагивал. Олгу начинало тошнить. Нелюдь не ответил, разминая в ладони сухой мох, да и не нужен был ответ. Змея прекрасно знала, насколько голоден был его дух, и то, что накормить его можно только силой жизни, которую Учитель хотел отнять у обреченных селян.

– Долго ты будешь еще лежать? – разраженно произнес Лис, прервав молчание.

– Долго! – хрипло огрызнулась Змея.

– Давай помогу, – нелюдь попытался коснуться ее живота, но Ольга, видевшая, как клубится вокруг его ладони пульсирующая сила трех убитых человек, вскрикнула:

– Нет! Не смей!.. Лучше принеси мне поесть.

Лис вздрогнул, но смолчал. Поправив плащ, на котором лежала Ученица, он поднялся и вышел из сторожки, плотно прикрыв за собой покосившуюся дверь. Выждав некоторое время, Ольга наконец-то позволила себе расслабиться. Долгий протяжный стон сорвался с ее губ, и она впала в блаженное забытие, из которого, впрочем, ее вскоре грубо выдернули странные крики, доносившиеся из леса. Змея настороженно подняла голову, прислушиваясь. Звук был похож на крик поросся, которого за шкурку тащат на убой. Противный, пронзительный, на одной ноте, он приближался до тех пор, покуда дверь сторожки с надсадным скрипом не отворилась, повинуясь мощному пинку извне, и на пороге не появился

Лис с визжащим мальчишкой в одной и увесистым коробом в другой руке. Нелюдь аккуратно поставил поклажу на пол, и, легонько подтолкнув визгуна в спину, громко произнес:

– Вот, жри хряка! Надоел, мочи нет! – и, присев, по-хозяйски запустил руку в короб.

Мальчик икнул и замолк, вмиг сделавшись бледнее белого. Змея, с трудом сев, недоуменно разглядывала паренька, пытаясь вспомнить, где она видела его льянокудрую голову.

– Ого, да тут цельный окорок, – присвистнул Лис, выуживая из недр плетеной укладки ароматное мясо.

– Это... это ей, – с отчаянием и тоской в голосе прошептал мальчуган, утирая набегающие слезы. Духи удивленно переглянулись.

– Кому? – приподняв одну бровь, переспросил Рыжий.

Мальчик задрожал. Черноволосый йок был страшнее такарского демона, которым их, сопливых малолеток, пугал дядька Лытко.

– Глухой, что ли, – нахмурилась Ольга. – Мне принес. Я сказала, мне... ну-ка положи на место... я... я кому сказала!

И обугленная головешка из потухшего костра полетела в лоб черноволосому, уже примерявшемуся, где бы надкусить.

– Эй, остервенела совсем! – отирая угольный след, проворчал нелюдь, но окорок в короб опустил. – Мне что ж, ничего не полагается за твое спасение?

– Обойдешься, добытчик чертов!

Ольга глянула на мальчишку.

– Принеси.

Мирон подтащил тяжелый возок к Вестнице и, подумав, все же бухнулся перед ней на колени, протараторив, как учила ведунья:

– Этот дар от жителей деревни. Они просят прощения за свою ошибку, прими его и не гневись на... на нерадивое племя.

Лис хмыкнул, извлекая из-за пазухи яблоко, и, придирчиво осмотрев да как следует протерев его о рукав, надкусил. Миря вздрогнул, краем глаза заметив острые клыки йока, и подумал, что, пожалуй, пора делать ноги. Ольга с интересом рылась в коробе, не обращая внимания на нелюдя, подпиравшего косяк входной двери.

– Да не гневлюсь я, успокойся... м-м-м, хлебушек!.. Как ты, говоришь, тебя звать-то?

Мальчишка в почтении склонил голову и тихо произнес:

– Мирон, Великий Змей.

Они поперхнулись одновременно – Лис яблоком, Змея молоком, и в один голос произнесли:

– Как ты ее назвал?

– Как ты меня назвал?

Миря испуганно втянул голову.

– Великий Змей...йя, государыня.

– Постой, голубчик, откуда это тебе известно, что я – Змей?

Ольга переводила подозрительный взгляд с мальчика на

нелюдя. Последний лишь недоуменно пожал плечами, дескать, я тут ни при чем.

– Так ведь кто же, кроме Великого Змея, способен изумрудные слезы ронять?!

Мирия вынул из-за пазухи кулек и, бережно развернув тряпицу, с поклоном протянул Ольге раскрытую ладонь, на которой мерцали две изумрудные капли. Но Змея почему-то схватилась за уши. Покопавшись пальцами в спутанной шевелюре, она выудила дужку серьги, на которой сиротливо болтался мятый филигранный шарик. Вторая сережка оказалась целой и представляла собой миниатюрную гроздь из маленьких шариков сканного золота, закрепленную в кольце и украшенную шлифованными изумрудами. Очень красивая и тонкая работа. Подарок Лиса.

– Красивые были! – простонала Змея, и вдруг засмеялась. – Как ты сказал, изумрудные слезы?! Ну, загнули, век не разогнешь! Эй, Учитель, я что, правда должна изумрудами реветь? Ты своими запретами на слезы хотел оградить меня от излишнего достатка, а?

Мирия слабо улыбнулся, мало что понимая в происходящем. От страха его уже начинало мутить. Лис усмехнулся, чересчур скрупулезно изучая червоточину, обнаруженную в яблоке, так, что даже не было ясно, к чему относится его усмешка, к червяку или к слезам.

Смех стих, и Ольга принялась за поглощение. Именно поглощение, поскольку другим словом назвать это действие бы-

ло невозможно. Еда исчезала в ней без остатка и с такой скоростью, что мог позавидовать самый некормленный свин с подворья. Когда съестное кончилось, она откинулась назад и замерла, остекленев взглядом. По телу волной прокатилась судорога и, – Миря отлично видел это, – раны сами собой затянулись, кожа стала гладкой и нежной. Выйдя из оцепенения, Змея критически осмотрела себя.

– Эх, маловато принес, голубчик.

– А ты его съешь, видишь, какой упитанный, – предложил Лис и кивком указал на мальчика, сплевывая яблочные семечки.

– Иди ты к демонам! Не бойся, малый, я людей не ем.

Миря икнул, но все же сумел выдавить жалкое подобие улыбки, когда она потрепала его за вихры. Вестница была невообразимо прекрасна, несмотря на припухшие веки и струпья, покрывавшие левую руку. Мальчик смотрел в ее золотистые глаза, и уже не так страшна была наглая черная смерть, застывшая в дверном проеме, и мор, и исход целой деревни с родной земли. Эти глаза завораживали нервной игрой продолговатого зрачка, то сужающегося, то расширяющего свою темную бездну. Они манили ласковым светом, обещая покой, пристанище и материнскую любовь, и изучали самым тщательным образом.

– Ну так что, Мирон, живы твои папка с мамкой?

Миря вздрогнул, отчего рука соскользнула с макушки.

– Мои родители давно померли, еще во время прошлого

мора, да и не здесь это было. Пришлый я.

Олга внимательно вглядывалась в светлые, почти прозрачные глаза мальчугана, оглаживая светлые кудри, и не могла уяснить, что в нем вызывает из ее сердца странную тревогу.

– А ты? Зараза тебя не взяла?

– Взяла, государыня. Взяла первого и отпустила.

– И как же ты живой?!

– Творец помог, ведунья крест сложила... Не знаю... не помню, прости, государыня.

Янтарные очи подчиняли, да и не было смысла противиться их силе, и страшные образы мертвых более не могли причинить вреда разуму Мирона, они стекали с его языка потоком слов и исчезали навсегда.

Мальчик умолк, будто очнулся от странного забытья, потупил взор. Змея повернулась к Лису.

– У него выработалась невосприимчивость к болезни, источником которой он сам и является. Это странно... и страшно. Его нельзя оставлять здесь. Я должна понять, изучить...

Нелюдь нахмурился.

– Только не говори мне...

– Мальчик поедет со мной.

Учитель хмыкнул, передернув плечами, пробормотал что-то нелицеприятное, но перечить не стал.

Глава девятая.

Милёна-славница

Ходонск поражал воображение своим величием и размером. Огромный город, стоящий на границе двух государств, сам по сути своей являлся государством, и, сколько бы ни спорили верийский и славийский князья, кому владеть великим градом, Ходонск со стойким безразличием к этой распри рос и процветал, обрастая кремлями и каменными палатами. И немудрено, если учесть, что стоял он на одном из самых значимых торговых путей, охраняя единственный круглогодичный перевал через Хребет, названный Змеиным Перешейком. Здесь, в горах, мерно понижающихся, образовалось обширное плоскогорье, будто тонкая шея дракона, многие века назад уснувшего, опустив массивную голову в южных степях, и до половины ушедшего в землю. Город питали две реки: Ильмежан и Ильмежин – верхний и нижний Ильмеж, соответственно, и обширная долина между ними была райским уголком для земледельцев. Ходонские сыры и масло по праву считались лучшими как в Славии, так и в Верийском княжестве. А за самоцветами, в особенности драконьей кровью и слезами, как называли местные рубины с изумрудами, съезжались купцы с самых дальних пределов. Лучшие ювелиры севера работали в Ходограде, и серьги, одной из которых Ольга лишилась в Затоне, тоже были сработаны здешними мастерами.

Миря с открытым ртом взирал на необычайное величие, перегнувшись через борт торговой маридонской ладьи, шедшей вверх по Ильмежину. Чья-то сильная рука схватила его за пояс, отдергивая от опасного края, и навесила хороший подзатыльник, от которого зазвенело в ушах. Мальчик вжал голову в плечи и, потирая больное место, бочком обошел чернявого нелюдя, ища взглядом Змею. Олга, разложив письменные принадлежности на свободной за ненадобностью скамье гребца, задумчиво глядела на позолоченные осенним убранством берега, посасывая кончик пера. Миря присел рядом, ожидая, покуда его благодетельница вынырнет из омута своих мыслей. Он знал, что в такие моменты не было смысла отвлекать ее, и, стоит заметить, подобные состояния Мирон наблюдал уже много раз за последние две недели их совместного путешествия. В такие минуты она становилась особо красивой, и как будто что-то менялось в суровых чертах ее лица. Точно слетала маска, выделанная дубильщиком из грубой кожи, и на миг сильный духом и надменный воин превращался в хрупкую нежную девушку с трогательно приоткрытым в задумчивости ртом, совершенно беззащитную, что было не простой видимостью: в таком состоянии Олга не замечала ничего кругом. Миря глядел на нее с нескрываемым восторгом, и внизу живота набухало незнакомое до этого желание. Впрочем, сметливый мальчишка быстро заметил, что не он один смотрит на Змею как-то... иначе.

Моряки посмеивались над девкой с мечом, поддевали и срамословили между собой на своем родном наречии. Суть их высказываний понять было не трудно, даже не зная языка – на лице все писано, как говорят в народе. Но дальше непристойных шуток и липких взглядов дело не шло по одной простой причине: все боялись жмыря.

Ух, этот мерзкий йок! Как же Миря его ненавидел. С того самого момента, когда нелюдь понял, что желание его Ученицы насчет мальчика не блажь, а вполне четкое и непоколебимое решение. Как же они ругались! Таких страшных и срамных слов Мирон за все свои двенадцать годков не слышал ни разу. И как же он был напуган, когда нелюдь в порыве бешенства ударил Олгу, выкрикивая, что самолично перережет сопляку горло и выпустит ему всю кровь вместе со Змеиной страстью к познанию и изучению. Но еще более мальчика испугала ее ответная ярость. Миря так и не понял, каким образом они сумели договориться, но Лис его не трогал, хотя особой любви по отношению к мальчику не питал. Он вообще ничего ни к кому не питал... кроме нее!

Мирон был на редкость глазастым и любопытным ребенком, и он сразу заметил, какие взгляды бросает нелюдь на свою подопечную. Как странно поблескивают его обращенные на Змею мертвые глаза, когда некому в них глянуть. Однажды Миря решил посмотреть на Змею, купавшуюся в озере, и наткнулся на Лиса – благо, тот его не заметил. Все внимание нелюдя было сосредоточено на Олге, выжимающей

воду из растрепанной косы. И что это был за взгляд! Миря тогда подумал, что будь он девчонкой, помер бы на месте от такого взгляда. Упал на землю и разлетелся в прах, ибо не осталось бы в нем ни капли жизни, все вмиг высосал бы жуткий йок.

После, когда Лис ушел, Миря обнаружил на коре дерева, рядом с которым стоял йок, глубокие вмятины и сочащиеся соком следы острых когтей.

Вот и сейчас нелюдь угрюмо смотрел на нее, пристроившись подальше от своей Ученицы, и ход его мрачных мыслей был совершенно неясен. Ольга, глубоко вздохнув, сморгнула и перевела прозрачный взгляд на мальчика, тихонько улыбнувшись.

– Ольга, мы уже почти в городе, – Мирон произносил ее имя на свой лад: мягко и с характерным придыханием. Змея коротко кивнула.

– Помоги мне.

Мальчик с готовностью подал ей короб, в котором хранились книги, шкатулка с ингредиентами и прочее нужное барахло, и с большой аккуратностью принялся укладывать истрепанные фолианты внутрь. Змея с одобрением поглядывала на Мирона. Ей нравилось то, как бережно он относился к книгам. Это наводило на мысль, что из запуганного и несчастного ребенка может вырасти хороший незлобивый человек. Необходима лишь ласка, да чуточка материнской любви...

Олга провела рукою по льняным кудрям, отчего Миря вздрогнул и поднял на нее свои светлые глаза. *Слишком светлые!*

Змея оказалась права, мальчик действительно был странным. Как выяснилось, он почти ни разу не болел. Змея, пробуя его кровь, обнаружила, что та отличалась по составу от человеческой, хранила в себе отпечаток многих хворей, не вступая с ними во взаимодействие. Короче будет сказать, что мальчик был не совсем человеком, но, в то же время, вряд ли его можно было назвать нелюдем. Загадку затонского мора Олга разгадала достаточно легко. Предположив, что Мирон, пробыв длительное время в окружении людей, зараженных гнилой болезнью, впитал в себя страшный недуг, который после длительного периода вышел наружу, Змея принялась поить его настоями, что чистили кровь и печень. Миря от этого пошла страдал неимоверно: ел мало, постоянная рвота истощила его до костей. Лишь два дня назад, присоединившись к купеческому каравану, что шел из Маридонии на Ходонскую ярмарку, Олга освободила мальчика от тяжких процедур, ибо купец грозился выбросить Мирю за борт, если тот будет пачкать палубу и борта ладьи.

Причальные доки находились достаточно далеко от центра города, так что издали гости, приходящие речным путем, могли наслаждаться прекрасным видом на Ходонск, чьи каменные и деревянные дома серпантинном окутывали холмы, скрытые в золоте увядающих деревьев, сквозь редую-

щую листву которых горели на солнце купола храмов и темными пятнами глядели крыши изб.

В порту кипела жизнь. Шум, гам, крики, разноголосье и разнаязычье хлынули через борт вместе с портовой вонью, как только моридонцы причалили. Миря, вытягивая шею, глядел из-за спины Змеи, нетерпеливо ожидая, когда же они спустятся вниз, чтобы он мог поближе рассмотреть разгружающих соседнее судно моряков, чьи обнаженные по пояса тела были чернее ночи. Ольга же, в свою очередь, не спешила сходить на берег. Разглядывая пеструю толпу людей, суетящихся среди бочек, тюков и ящиков, она не особо желала присоединиться к ним. Поразмыслив над этим, она вдруг с удивлением и негодованием поняла, что боится, что непривычна к такому многолюдью, что, совсем одичав в степи, не представляет, как вести себя среди надменных горожан. Она недовольно покосилась на свой заношенный такарский халат и расхлябанные сапожки. *Да еще этот неугомный мальчишка! Того и гляди, потеряется.*

Из трюма вывели Курката. Он бешено косил глазами и, непривычный к подобным путешествиям, вел себя осторожно, аккуратно переступая тонкими ногами по ненадежной поверхности. Увидав хозяина, конь жалобно заржал, растеряв всю свою напускную заносчивость. Ольга тоже глянула на Лиса, что спал, подперев щеку рукой, и нахмурилась. Мирон икнул от неожиданности, когда Змея буквально вытряхнула его из лямок короба, что висел на плечах, и произнесла:

– Возьми коня и жди меня внизу. И не отпускай поводья, иначе Лис тебе голову оторвет.

Мирон, удивленный холодным тоном, даже не стал спорить, что он не сможет удержать Курката. Ни он, ни десять таких, как он. Поэтому он смиренно встал возле трапа, ожидая, пока моряк подведет жеребца, недоумевая, чем вызвана такая неласковая серьезность и что вообще случилось. То, что он успел заметить до момента, когда лошадиный круп закрыл обзор, повергло его в ужас. Змея целовала Лиса!

Олга знала, что подобное может произойти, но никак не ожидала, что нелюдь потеряет сознание среди бела дня. С виду казалось, что он просто дремлет, разморенный теплым осенним солнцем, но стоило Олге потряхнуть его за плечо, как локоть соскользнул со скамьи, и Лис повалился вперед, бездыханный и холодный, как мертвец. Змея закрепила безвольно мотнувшуюся голову у себя на плече и нащупала пульс. Жилка слабо, но билась, и только сейчас, обхватив тонкое запястье нелюдя, Олга заметила, как сильно он исхудал. Кости жутким рельефом выступали под белой, покрытой холодной испариной кожей. И тут Змея не на шутку рассердилась. *Чтоб тебя, демона, разодрали! Тебя и твою чертову гордость! Это ж надо себя до такого довести, дурак! Мог бы и попросить...* Она замерла, скосив глаза на бледные губы Рыжего. *А ведь мог бы и силой взять, если бы захотел. Что-то ты слишком добрый стал, Учитель! Или...* Она поморщилась, вспомнив толпу, что ждала ее в городе, бешено-

го Курката, Волка... *Ах ты, гад! Новый урок мне придумал, да?! Хотел, чтобы я сама все сделала.* Змея пристроила тяжелую голову на палубу, правую ладонь положив на сердце, а левой скрутила Лисьи руки, чтоб не дергался. *Так бы и кинула тебя за борт, поганец!* И коснулась его холодных губ. Вновь, как некогда, странное ощущение пронзило нутро. Будто ледяная родниковая вода, что даже в самый жаркий день вызывает озноб, омыла каждую частичку ее тела, делая его легким, воздушным и чистым. И вновь Лис подался вперед в стремлении напиться живительной силой, выпучив страшные без белков зенки, но Змея крепко держала его руки. Наконец нелюдь обмяк, расслабленно прикрыв глаза, и глубоко вздохнул. Ольга снова нащупала пульс.

– Ого! – удивленно произнесла она, отпуская теплую уже ладонь. Сердце билось с невероятной скоростью, напряженно гоня кровь по жилам. Бледная кожа наливалась нездоровым румянцем.

– Не делай этого больше... если не хочешь, – медленно проговорил Лис, хватаясь за Ольгину руку.

– Знаешь, – она наклонилась к самому его уху, – я, конечно, не против, чтобы ты сдох, но не в этом месте и не в это время.

Лис хмыкнул, опершись на подставленное плечо, поднялся.

– У тебя плохая привычка не оставлять мне выбора, – продолжала рассерженная Змея. – В следующий раз не ставь ме-

ня в такое дурацкое положение. И, будь добр, засунь свою гордость и свои Учительские замашки поглубже в ... сам знаешь куда.

– Ооо, я бы предпочел, чтобы там оказался совершенно другой мой... хм... орган.

– Урод! – она сбросила его руку, отталкивая, и Лис с размаху уселся обратно на скамейку, хохоча во все горло. Змея подхватила короб с поклажей и, в сердцах плюнув, развернулась и зашагала прочь.

Несколько часов они сбивали ноги о каменную мостовую улиц, тщетно пытаясь найти место для ночлега. Лис уверенно вел их вперед, будто раньше бывал здесь, но кое-что подзабыл и поэтому иногда останавливался на перекрестках, задумчиво оглядываясь. Гостиницы, доходные дома, трактиры, ночлежки – все было переполнено по случаю ярмарки. Пару раз Ольга замечала в толпе йоков, но те спокойно и чинно проходили мимо, не обращая особого внимания на людей, что почтительно отходили в сторону, уступая дорогу. Впрочем, их скромной троице внимания уделялось не более, чем всем остальным, но Учитель все же благоразумно надвинул капюшон на брови, пряча приметное лицо... Слишком приметное, как оказалось. Выступая под руку со Змеей, Лис привлекал к себе множество завистливых женских взглядов, что повергало в недоумение не только Ольгу но, по видимому, и самого нелюдя, недовольно хмурящего черные брови. *Неужели эти глупые крольчихи не чувствуют, кто он*

на самом деле! Сама Ученица прекрасно ощущала металлический запах крови. Искать ответ на этот вопрос не было ни возможности, ни желания, так что Змея перестала обращать внимания на подобную, как ей тогда показалось, мелочь.

Город действительно был великолепен. Глухие заборы портовых складов и торгового квартала постепенно сменились резными наличниками деревянных теремов и витыми решетками каменных палат, чьи высокие шпили с ветреницами²⁸, словно копыя военных стягов, вздымались в пронзительно-голубое осеннее небо. Великолепные храмы с золочеными куполами, увенчанными крестами, заключенными в круг – солнечными знаками Творца, белыми, голубыми и красными громадами возвышались над прочими сооружениями, украшая площади и сады. И тек, тек по улицам нескончаемый людской поток, разливаясь по переулкам и проулочкам, озером становился на перекрестках и гудел комариным болотом на базарных площадях. Ольга никогда не видела столько народу за раз, поэтому лишь крепче вцепилась в Лисий локоть, боясь захлебнуться в этом водовороте.

Гостиница на окраине была дешевым, не вполне опрятным заведением. Здесь, как и везде, все комнаты были заняты, но хозяин, одноглазый мужик разбойного вида, все же согласился разместить посетителей в холодной горнице под крышей, тем более что нелюдь предложил ему огромные даже по здешним меркам деньги за постой. Ольга непонимаю-

²⁸ ветреница – флюгер

ще хмурила брови на подобное расточительство, справедливо предполагая, что на такую сумму можно было разместить-ся в месте попримичней, покуда не разглядела общественную баню, что находилась на соседней улице, позади двора.

– Тем более, здесь хорошо кормят, – немногословно пояснил Лис.

Чердачная клетушка была пыльной и захламленной. Хозяин выдал гостям три тюфяка, набитых свежей соломой, и толстую свечу серого воска, что при горении смердела нещадно.

– Мда-а, – недовольно протянула Змея, осматривая комнату, – больше похоже на лисью нору. Ты что ли здесь уже бывал?

Лис кивнул, заворачивая чистое белье в узелок. Он явно собирался наведаться в баню.

– Мирона возьмешь с собой?

– А он не хочет, – даже не взглянув на мальчика, ответил нелюдь.

Миря усердно затряс вихрастой головой, с ужасом представив себе их совместный поход в мыльню. Лучше уж сразу в кипяток и свариться, чем такое испытание. Когда жмырь ушел, Змея прилегла на тюфяк и замерла, будто уснула, но глаза, как стеклянные, бессмысленно замерли, поблескивая золотом в полумраке комнаты. Миря тихонько присел рядом, уткнувшись носом в коленки, и слезы досады покатились по щекам, кажется, из самого сердца. Больше всего на

свете он хотел, чтобы Лис никогда не вернулся, чтобы его нахальная самоуверенная рожа не маячила перед взором этой девушки, и чтобы никогда его грубые наглые лапы не смели коснуться ее тела, волос, губ. Миря чувствовал, что Лис – неправильное, злое и страшное существо, что он хуже любого йока и опасен для нее. Он несет в себе слишком много смерти и, рано или поздно, убьет Змею. Даже не убьет, уничтожит. И потому-то Миря плакал злыми слезами, что чувствовал рок, острым мечом нависший над Олгиной головой, но не мог что-либо изменить. Это неосознанное мальчишеское чувство безысходности мучило его, грызло, подобно червю, порождая все большую ненависть к Лису.

– Что случилось?

Нежный заботливый голос острой иглой проник в самую душу, и Мирю прорвало.

– Зачем? Зачем ты с ним? Нельзя тебе! Понимаешь?! Нельзя...

– Понимаю, – она гладила его по голове, обнимая вздрагивающие плечи, – но и без него тоже нельзя...

– Не правда! Можно. Уйди от него.

– Куда ж я пойду-то?!

– Не знаю. Куда-нибудь, лишь бы подальше.

– Мне что дальше, что ближе, один конец. Я ведь йок. Я не могу вернуться к семье. Как, по-твоему, они меня примут? Вряд ли признают во мне родную дочь, сестру... Я для них мертва. А больше мне податься некуда. Лис, по сути, самый

близкий мне... самое близкое мне существо. Единственный мой защитник.

Горечь и скрытая тоска слышались в ее словах. Некоторое время Мирон лишь тихо всхлипывал.

– Ты ведь не любишь его. Зачем целовала?

– Ах, вот оно что. Видел, значит!

Мальчик отстранился, почувствовав, как она напряглась, сделалась жесткой, будто деревянной.

– Если не любишь, нельзя целовать. Особенно тебе.

Он глядел на нее исподлобья, шмыгая носом, бесстрашно и упрямо, так, как смотрит влюбленный слуга на свою госпожу, не боясь вызвать гнев неосторожным словом. Ольга молчала, плотно сжав губы, сдерживая крик. *Как?! Почему?! Зачем этот мальчишка влюбился в меня?! Неразумное дитя!*

– Не смей, слышишь, глупый юнец! – сквозь зубы прошипела Змея.

– Что не сметь? – он дернулся, безбоязненно вскинув голову.

– Даже не думай влюбиться в меня, если жизнь тебе дорога, понял!

Мирон скорчился, будто кто плюнул ему в лицо и потупил взор.

– Мать, сестра, госпожа, воин – кто угодно, только не жена. Не твое это место. Мал ты еще, да и не чета мне. Запомни это навсегда.

Мирия кивнул. Он знал, кто ее пара. Знал так же четко,

как и то, что никогда не сумеет выполнить строгого наказа самой прекрасной девушки в мире. В том знании не было силы, одна лишь боль и тоска неизбежности.

Лис вернулся как раз к обеду, когда Ольга в сопровождении мальчика спустилась в общую залу, где гомонили развеселые постояльцы, сдабривая сытное столование свежей овсяной брагой на меду. Нелюдь, всклокоченный и напыжившийся, был мрачнее тучи, будто повстречал в бане Волка вкупе со всем кланом. Увидев Змею, он, приободрившись, быстро пересек залу. Сунув сверток с грязным бельем Ольге в руки, он склонился к ее уху:

– Избавься от него как-нибудь, а! Сил моих нет больше, ходит за мной, не отстанет никак...

Ольга переводила взгляд с нелюдя на узелок, решая про себя, где это Лис успел свихнуться, пока тот, состроив страдальческое выражение лица, не прорычал ей в затылок:

– Убери его подальше, не то я убью этого старика!

И взбежал по лестнице, с треском захлопнув чердачный люк. Тогда-то она и заметила, человека, озирающего залу с порога входной двери. Худощавый седовласый мужчина действительно был очень стар, но, несмотря на возраст, держал спину прямо, рука уверенно, без дрожи лежала на посохе, служившем скорее помощником, нежели необходимостью. Смуглая кожа, характерные черты лица, манера одеваться – все выдавало в нем сарриба – уроженца Аракийских пустынь. Он некоторое время стоял в дверях, видимо, решая,

стоит ли заходить внутрь, но, поколебавшись, все же переступил порог и присел на ближайшую скамью. Хозяин принес ему браги и услужливо склонился к старцу, внимательно слушая вопрос. Ольга знала, о чем, и потому, сунув узелок в руки Мирона, направилась напрямиком к старику.

– Что тебе нужно от него, джяд? Разве ты не знаешь, что злить асвадхакима опасно? – произнесла она на сариббском. Старик долго разглядывал ее снизу вверх, щуря близорукие глаза. Потом подвинулся, жестом приглашая сесть рядом.

– А я решил, обманывает меня чутье. Старики все время чувствуют смерть рядом. Ан нет... Значит, асвадхаким! Черный судья, стало быть.

По-славийски он изъяснялся отменно, будто родился в этих землях, лишь чуть заметный изъян в говоре выдавал в нем чужака.

– Видимо, забыл Матайра Умара, вот только Умар не забыл Матайру. А ведь знал я, что станет он йоком, будучи юнцом неразумным знал судьбу его. Потому и не стал слушать меня гордый асвад. Прогнал прочь. Забыл, все забыл, что случилось с ним до перерождения.

Ольга удивленно прислушивалась к тихому бормотанию старца, который вдруг замолк, сокрушенно качая седой головой. Матайрами саррибы называли райских птиц, которые, что странно, служили символами страшной смерти. По поверьям, Матайра являлась тому, кто умирал в жутких мученьях, и пела ему дивную песню, отвлекая истерзанную душу

от страданий и уводя ее в мир мертвых спокойной и очищенной от страха и ненависти. Тот, кому она показывалась в яви, считался счастливым, ибо уносила птица на своих крылах страх и боль всей оставшейся жизни. Существовал даже обычай награждать самых выносливых и бесстрашных воинов крылом Матайры – подвеской соответствующей формы из янтаря.

Олга замерла, нетерпеливо подавшись к старцу в надежде выведать у него прошлое Лиса. Но старик ничего не сказал, лишь вынул из-за пазухи и протянул ей сверток из плотной вощенной холстины.

– Передай ему это вместе с моей благодарностью.

И в тот момент Олга заметила бурые следы на его запястье – старый загрубевший рубец от железных оков. Такие же были у Старшего. Она выскочила из зала вслед за старцем.

– Дедушка, постой! Откуда, ты знаешь Учителя? Ответь, прошу!

Тот остановился, опершись на посох.

– Значит, Учитель... Давно это было! Лет шестьдесят назад, а то и поболее. Вынес он меня на своих плечах из каменоломен, где мы рабами трудились. Мал я был тогда, да и он не взрос еще. По пятнадцать годков нам тогда было, в одной цепи ходили, накрепко скованные вместе. Теперь я джяд²⁹, а он так и остался фати³⁰, вечный шааб³¹, как бог.

²⁹ джяд – дед

³⁰ фати – молодой

Змея смотрела на старика, и тяжелый горячий ком стягивался в солнечном сплетении, пульсировал, обдавая жаром. Старик вдруг испуганно выпучил глаза, отступив на шаг, но, тут же успокоившись, покачал головой, прищипывая языком.

– Ты добрая девушка, добрая и красивая. Пусть хранит тебя Творец, и его Пророки. А я пойду, пожалуй.

Олга долго глядела вслед старому Умару, пораженная и печальная. Ком в груди рассосался, но странное тянущее чувство осталось. *Вечно молодой, как бог!*

Лис через некоторое время все же спустился вниз, опасно озираясь.

– Ушел?

Он подсел за стол, где Олга с Мироном заканчивали обедать. Мальчик, кое-как прожевав последний кусок, спешно пересел на край лавки, чтобы йок ненароком не дотронулся до него. Прикосновения нелюдя всегда вызывали болезненное ощущение у Мири, вплоть до странных покраснений, которые тот тщательно скрывал от глаз своей благодетельницы.

Змея пристально глядела на повеселевшего Лиса, который оживленно обсуждал с хозяином блюда, подаваемые нынче к столу. Эта его суетливость и чрезмерное добродушие неизменно раздражали Олгу, так как были верным признаком того, что он жаждет во что бы то ни стало избежать неприятного разговора.

– Ну и что наврал тебе этот полоумный старик? – намазы-

вая масла на кус свежего каравай, с интересом спросил Рыжий. Вместо ответа Ольга протянула ему на ладони через стол золотую подвеску в виде однокрылой плоской птички, такой, что было не совсем понятно, то ли мастер изобразил ее боком, то ли просто вторая половина обломалась, оставив птичку калекой. Реакция была моментальная. Лис, выронив нож, со всей силы ударил Змею по ладони снизу так, что птичка взлетела к потолку и плюхнулась в миску сидящего неподалеку громилы. Тот грузно поднялся, стряхивая с бороды разлетевшуюся во все стороны капусту, и зычно рявкнул, зверея на глазах:

– Какого демона!

В зале все стихло. Миря забился под лавку, с замиранием сердца наблюдая, как Змея с Лисом, столкнувшись лбами над столом, сверлят друг друга взглядом.

– Значит, не скажешь?

– Нет.

– Ты хорошо подумал?

– Очень хорошо.

– И ничего не помнишь?

– Ничего.

– Хорошо вспоминал?

– Даже и не пробовал.

Мужик, чье лицо слилось цветом с неотертыми брызгами свекольного варева, повторил:

– Какого демона, я вас спрашиваю, эти две пигалицы пор-

тят мой обед?!

Две пары сверкающих от гнева глаз уставились на докучливого громилу. Мужик икнул, и стал белеть, заглянув в нечеловеческие буркала “пигалиц”. Змея тем временем, с выражением каменного спокойствия на лице, взяла миску с супом, пальцами выловила из нее золотую птичку и, обтерев о рубашку нависшего над ней соискателя справедливости, помахала подвеской перед лицом Рыжего.

– Значит, не помнишь?

Лис самоуверенно ухмыльнулся, неопределенно пожав плечами.

– Лживое животное! – за произнесенной сквозь сжатые зубы фразой последовало резкое, едва уловимое движение руки. Миска, которую Змея держала в руке, была пуста, а по белому, как мел, лицу нелюдя стекала красная жижа, цепляясь капустными и свекольными листьями за черные брови. Ольга хлопнула пустой плоской по пузу ошалевшего мужика.

– Держи... Спасибо. – И рванула на улицу. Лис, спустя мгновение, выскочил следом.

Народ загомонил разом, наполняя криками и без того тесное пространство. Мирон выбрался из-под лавки, сгреб со стола холщовый мешочек и вернулся в клеть под крышей. Кроме золотой цацки старик велел передать нелюдию странную дудку. Темно-красного цвета, украшенная золотым полустертым рисунком, она была невероятно стара и имела необычную изогнутую форму с металлическим утолщением

у дульца. Миря повертел дуду в руках, приложил к губам и протяжный стонущий крик вырвался из узкого раструба. Мальчик испуганно огляделся и аккуратно убрал дудку в мешочек. Возможно ли, что этот инструмент принадлежал когда-то жмырю? Сам ли он музицировал на нем, или кто-то другой? Одна только мысль, что Миря коснулся губами того места, которого некогда касался Лис, вызвала у мальчика легкий озноб. Вдруг крышка люка в полу со скрипом отворилась и в проеме показалась голова Олги. На скуле медленно рассасывался огромный синяк. Она быстро окинула комнату взглядом, довольно хмыкнула и обратилась к Мирону:

– Пойдем, прогуляемся на рынок.

Покуда они добирались до торговых рядов, Ольга, усмирив первоначальный гнев, пыталась обдумать произошедшее. Ей не давал покоя тот ужас, что мелькнул в глазах Лиса, как только он увидел подвеску. Конечно, он имел полное право скрывать свое прошлое, а Змея, напротив, вела себя странно, требуя отчета, но она не сомневалась, что маленькая золотая птичка связана с ее судьбой. Это ощущение только усилилось, когда она разглядела на тыльной стороне подвески затертую гравировку, схематично изображавшую дракона. Но и Лис повел себя не менее странно, решительно отказавшись отвечать на вопросы, а не прикрикнув на нее, как обычно делал, усмиряя любопытство Ученицы. Он чего-то испугался, что казалось невозможным ... и этот его взгляд! Ну и то, слава Творцу, что хоть объяснились следы на шее,

запастьях и лодыжках, но возраст!.. Лису было, самое меньшее, семьдесят пять лет. *Да он старик!*

– Ольга, так жмырь совсем старик?

Мирия крепко держался за пояс девушки, боясь потерять-ся в толпе, так, что чуть не упал, когда Змея резко остановилась. Она испытующе посмотрела в глаза мальчика, и тот невольно поежился, наблюдая завораживающую игру продолговатого зрачка.

– Что-то не так? – вкрадчиво поинтересовался он. Она улыбнулась.

– Ты умен. Я куплю тебе азбуку. Будешь читать книги, станешь уважаемым человеком...

Мирия просиял.

– Ух, ты! Правда?! А что такое “азбука”?

Более часа они бродили среди просторных торговых рядов, выбирая и прицениваясь к товару. Ольга без всякого зазрения совести выпотрошила из кошелека Учителя все золото, что, как она считала, полагалось ей. Мирон получил красочную азбуку, рубаху темно-синего миткаля, теплую безрукавку и кожаный пояс с узорчатой бляшкой. Себе Ольга купила цветастый платок, да пополнила запасы бумаги. Оставалось найти хороший нож – свой она проиграла матросам в карты.

Для оружейников отвели целый ряд у края рынка, там, где начинался гостиничный квартал. Здесь прохаживались серьезные люди, с неодобрением или интересом поглядывающие на загорелую девку в такарских одеждах, тащившую за

собой болезненно-бледного мальчика. Впрочем, гам здесь стоял не меньший, чем в хлебных рядах, а торг шел и того шибче. Мельком Змея подумала, уж не намечается ли война, раз такой спрос на оружие, но мысль затерялась в буре чувств, что охватили Олгу, когда она увидела ее...

Не узнать Милёну было невозможно. Она была на удивление похожа на Олгу, как если бы та никогда не покидала родного дома. Раздобревшая при муже, из угловатой девчонки превратившаяся в крутобедрую красавицу, Милёна выглядела старше и белее, чем щуплая, загорелая Ольга в потрепанном пыльном халате... старше, белее и много счастливее. Тонкими пальцами в перстнях женщина задумчиво перебирала стеклянные бусы, склонив над лотком уличного торговца голову в дорогой кичке. Рядом с ней скучал немолодой уже мужчина, по-видимому, охранник, со страшным шрамом через все лицо. Он рассеяно поглядывал вокруг, пока его взор не обратился в сторону Змеи. Милёна вскинула голову на слова, произнесенные мужчиной, и глаза сестер встретились.

Олга замерла, не в силах уйти, но и оставаться было страшно. Сердце неистово колотилось, и это стало единственным ощущением в те долгие секунды ожидания. *Узнает ли?* Единственным вопросом, вытеснившим все иные мысли. В тот момент Змея была совершенно пуста, а в грудь, медленно наполняя пространство холодом, вползал страх и отчаяние, заглатывая и переваривая жалкие остатки надеж-

ды. Милёна глядела на Олгу, как показалось последней, целую вечность. Праздное любопытство в больших Милёных глазах постепенно сменилось неподдельным удивлением, страхом и радостью. Она сделала несколько неуверенных шагов в сторону Ольги. Потом еще...

– Леля...

Имя, беззвучно слетевшее с дрожащих губ. Ольга вздрогнула и неуверенно, будто пробуя на вкус давно позабытое слово, произнесла ответное:

– Мила.

То, что было дальше, Ольга помнила смутно. Голова трещала, будто кто-то огрел по затылку обухом топора. Милёна, повиснув на шее у сестры, ревела в три ручья, перемежая потоки слез водопадом бессвязных фраз. Змея же, туповато улыбаясь, молча гладила ее по голове, погружившись в полное безмыслие.

Миرونу на миг почудилось, будто его благодетельница двинулась умом от счастья, и как только он об этом подумал, лицо Змеи перекосило от злобы. Мальчик вздрогнул и сморгнул жуткое видение. Мгновение спустя Ольга с каменным выражением отстранила плачущую от радости женщину и заговорила:

– Слушай малышка, ты сейчас пойдешь домой... где твой дом? – ее голос был, словно сталь, твердый и холодный. – Возьми с собой мальчика. Его зовут Мирон. Приласкай его, как брата. Я вернусь вечером... не спорь... к ночи буду. За-

беру вещи с постоянного двора... нет, я все сделаю сама... тихо... все сама, носильщик не нужен, поняла! Иди за моей сестрой.

Последняя фраза предназначалась Мирону, после чего Змея развернулась и зашагал прочь.

– Ольга, не делай этого! – донесся ей вслед сдавленный страхом голос мальчика, но она даже не обернулась, рывкнув через плечо:

– Не твое собачье дело, щенок!

Лис сидел на своем тюфяке, задрал рубаху до подбородка, и с интересом и некоторой досадой разглядывал огромный синяк на правом боку. С интервалом в несколько секунд он тыкал в него пальцем, шипел от боли, но самоистязания не прекращал, видимо, надеясь, что боль исчезнет... вместе с синяком. Олга некоторое время молча наблюдала за бессмысленными действиями своего Учителя, стоя на верхней ступени, после чего переступила-таки на пол и закрыла за собой вход. Лис еще немного помучил себя, после чего одернул рубаху и разочарованно вздохнул. Это было довольно забавно, и Змея бы даже посмеялась, если бы настроение соответствовало смеху и шуткам.

Рыжий некоторое время рассеянно наблюдал, как его подопечная молча укладывает в короб разбросанные вещи.

– Змея, ты что, знаешь куда бить?

– Вижу.

– И... давно?

– Помнишь медведя?

Лис тихо выругался. Змея хмыкнула, разворачивая общие туки и вынимая из них часть своей поклажи.

– Что, болит? Ты же хотел почувствовать себя человеком? Что ж, по-моему, неплохая возможность!

Она не видела его лица, но кожей почувствовала гнев, пробужденный болезненными для нелюдя словами. Злорадная улыбка скользнула по ее губам и исчезла прежде, чем Змея успела обернуться к подошедшему вплотную Лису.

– Куда это ты снарядилась? – он указал глазами на собранную котомку. Голос его был спокоен, словно вода, скованная льдом.

– Я ухожу, – в тон ему ответила Ольга, безбоязненно глядя в пустоту черных буркал, скрытых злым прищуром.

– И куда, позволь спросить?

– Не позволю.

Он по природе своей не отличался особым румянцем, сейчас же последняя краска сбежала с худого лица.

– Ты соврал мне, – тихо продолжала Ольга, пытаясь не сорваться на крик от переполнявшего ее гнева. – Ты сказал, что я чудовище. Что я подобна тебе. Что люди будут страшиться меня, что родные не признают во мне человека... Я понимаю, зачем ты это сделал, но... не приближайся ко мне! ... Я тебе этого никогда не прощу. Я тебя ненавижу! Мерзкий лживый ублюдок! Это ты чудовище! Ты, не я! И не смей даже близко подходить ко мне и моей семье. Помни, я вижу,

куда нужно ударить, чтобы тебе было очень больно.

Она сдернула с шеи невзрачные ножны с ритуальным кинжалом, что носила при себе с самого поединка, и бросила их под ноги ошарашенному Учителю.

– Забирай, он не нужен мне более. И еще, – стоя на ступенях, добавила она, – при следующей нашей встрече я убью тебя, так что не попадайся мне на глаза... нелюдь!

Растерянное лицо Лиса – последнее, что успела увидеть взбешенная Змея, прежде чем захлопнуть крышку люка.

Никто не видел ее слез. Никто не знал о той боли, что тисками сдавила ей грудь так, что даже крик, рвущийся с искушенных губ, не имел звука. В темном закоулке, между глухих заборов, опершись на загаженную стену, она, обхватив дрожащие плечи, рыдала от жуткого гнетущего чувства. И не было в нем радости освобождения, не было счастья обретения семьи, а была какая-то невнятная тоска, безосновательный страх и всепоглощающая бездна боли.

Никто не видел и не знал. Лишь Мирон почувствовал легкий озноб и испугался странной тени, что померещилась ему в темном углу. А Лис...

Лис, свернувшись в тугой ком, объятый болью, лежал на полу. Ее страдания текли через его тело, усиливаясь стократ, и причиняли невыносимые муки. Прижимая ко лбу ножны, еще хранящие тепло ее тела, он шептал сквозь стиснутые зубы:

– Jag förbannar dig, bror! Jag förbannar dig för den här tråden!

Глава десятая.

Крыса и Рыба

Олга, откинувшись на подушку, бездумно водила глазами по резному обрамлению, украшавшему карниз пазухи³³, в которой стояла ее широкая кровать. Сквозь закрытые ставни просачивался слабый свет еще не взошедшего солнца. Утро было самым скверным временем суток для молодой хозяйки, как называла ее домашняя прислуга. И если три года назад у бессонницы была ясная причина – Змея после памятного расставания с Учителем страшилась внезапного его появления, – то теперь страх перед нелюдем притупился, но спокойный сон так и не вернулся. И тщетно пыталась Олга определить источник тревоги, не дающей покоя телу и душе. Предраcсветные часы, проведенные в раздумьях, не дали результата.

Она знала, что стоит обозначить проблему словом, и сразу найдется решение, но проблема не обозначалась, да и вообще никаких проблем не было. Впервые за долгое время Олга чувствовала покой и умиротворение, но, видимо, на роду ей было писано мучиться. Ночные кошмары, которых она не могла запомнить, регулярно навещали ее, накрывали ледя-

³² Будь ты проклят, брат! Будь ты проклят за эту нить! Ублюдок...

³³ пазуха – ниша, углубление в стене. То же, что альков.

ной волной, после которой уже невозможно было сомкнуть глаз, и Ольга встречала рассвет, изучая потолок спальни пазухи и предаваясь безрадостным размышлениям.

В Толмань Ольга приехала по поручению брата два дня назад из Сатвы, куда уже давно перебралось все ее семейство. В Сатве располагался крупный порт, и оживленная торговля шла там круглые сутки, что было на руку Миладу, перенявшему оружейное дело отца. Здесь же, в Толмани, было тихо и покойно, как в каждом уездном городке с малым населением. Так же неспешно работала мастерская и кузня, производя на потребу простого народа домашнюю утварь и недорогое оружие для воинских нужд. Так же стремилась свои воды беспокойная в верховье Жила, лобызая прибрежные валуны холодными и чистыми, как хрусталь, губами волн. Шумел древний бор за оградой, и по весне сыпала белым цветом старая черемуха во дворе.

И здесь была родительская могила. Матушка ушла в иной мир через год после несчастья в монастыре, батюшка – через год после возвращения Ольги под родную крышу. Он умер у нее на руках, и Змея ничем не смогла помочь отцу. Утешало лишь то, что Тихомир ушел спокойно, умиротворенный встречей с навсегда, казалось, потерянной любимой дочерью.

Ольга спустила ноги на холодный пол, накинув на плечи шаль, подошла к окну и распахнула ставни. В лицо повеяло речной свежестью, смешанной с приторно-сладким аро-

матом палой листвы и горьким запахом дыма. Мычали коровы в стойлах, требуя дойки, сонно квохтали куры, скрипели двери – жизнь текла своим чередом, мерно и спокойно, и от осознания этого Ольга чувствовала лишь тоску и одиночество. Она прекрасно понимала, что, несмотря на все старания, вернуться к началу ей не удастся. Как нельзя ступить в одну воду дважды, так и ей невозможно стать прежней. Она – Змея, слишком человеческая для духа, слишком странная для человека. Теперь как никогда ей был понятен Лис с его ненавистью к миру, который отказал ему в праве на спокойное существование из-за небольшого, в целом, отличия. И нелюдь бунтовал, а Ольга же, напротив, с молчаливого согласия семьи сделала вид, будто шесть лет, проведенных с полумным духом, не особо отразились на ней.

Но, как оказалось, некоторые приобретенные за время ученичества черты характера и навыки не соответствовали образу незамужней девицы, живущей под крылом старшего брата, более того, они не соответствовали женскому образу вообще. Кое-какие привычки Змея пыталась искоренить, впрочем, без особого успеха, а что-то вообще скрывала от родных, дабы не страшить и без того напуганных людей. Лишь Милёна не видела особой разницы между старшей сестрой, заплетавшей ей косы и мастерившей несуразных кукол из соломы, и сестрой, что одной левой поднимала груженный воз, с особой грацией махала пудовым мечом и изредка покрывалась бурыми пятнами, больше напоминав-

шими чешую. Но она сызмальства не отличалась здравомыслием, и возраст не особо изменил ее. Милёну некоторые называли блажной за ее неумную любовь ко всему живому и крайнее благодушие, а некоторые просто душой за полную неспособность отличать хорошее от плохого. А вот ее муж...

Олга вспомнила момент трехлетней давности, когда она, злая, в слезах после последнего тяжелого разговора с Лисом, вернулась к сестре. Вспомнила, и ее брови сошлись на переносице в хмурую складку.

Это была богатая гостиница, расположенная в доме с каменным нижним и деревянным верхним этажом. Внизу, как водится, располагался обеденный зал, пожалуй, самый чистый и светлый из всех ранее виденных Ольгой. Телохранительница с изуродованным лицом она заметила прежде, чем услышала возбужденное щебетание своей сестры в дальнем конце залы. Не заметить его было трудновато – как только она переступила порог, его широкая грудь заслонила ей проход.

– Пускать не велено, – проговорил он низким рокочущим голосом. Змея побледнела, скрипнув зубами от гнева.

– Кем не велено?

– Хозяином, – мужчина тяжело вздохнул, примирительно улыбаясь в седеющие усы. – Милёна Тихомировна у нас совсем дитя, иногда чудит. Обозналась она. Ее сестра шесть лет как умерла. Иди домой, дочка!

Честное слово, он был ни в чем не виноват, лишь выпол-

нял приказ, как хороший слуга. Олга потом много раз корила себя за содеянное, но в тот миг над разумом преобладал всепоглощающий гнев. Змея молниеносно, незаметным для людского глаза движением ткнула сразу в несколько точек на мощной груди телохранителя, полностью обездвигив. На лице старого вояки успела мелькнуть лишь гримаса удивления, когда Ученица точным движением выбила ему кадык, после чего тот рухнул на пол, беззвучно шевеля губами, подобно выброшенной на берег рыбе. Она с нескрываемым злорадством наблюдала за тем, как мужчина задыхался, похрипывая и наливаясь краской. Он бы так и умер, если бы не пронзительные крики сестры и голос Мирона, вцепившегося в руку своей благодетельницы.

Этот гвалт вывел Олгин разум из оцепенения. Она оглядела поле боя, грязно ругнулась и, склонившись над телохранителем, столь же точным движением вставила кадык на место. Крики смолкли. Змея обвела пристальным взглядом зал, и собравшиеся, молча наблюдавшие за происходящим, поспешили вернуться к прерванным занятиям и разговорам. Она обернулась к Милёне, и, глядя в ее широко открытые глаза, произнесла с горькой усмешкой:

– Ты до сих пор уверена, что я твоя сестра?

Она ожидала чего угодно: страха, отвращения, наконец, неуверенности, но уж точно не жалости. Милёна, заливаясь слезами, повисла на Олгиной шее, и сквозь всхлипы да сопли слегка ошеломленная Змея смогла разобрать что-то схожее с

“Ах, ты, бедная моя!” и “Кто ж тебя так посмел!” Ольга молчала. Уже очень давно никто не проявлял к ней сострадания, никто не пытался утешить или просто приласкать. Она уже успела свыкнуться с мыслью, что страх, боль, изредка благодарность и, в некоторых случаях, вожделение – все, на что она вправе рассчитывать. Потому-то сейчас она чувствовала себя неловко, оглаживая по спине содрогающуюся от рыданий сестру.

А потом, сидя на скамье в тесной горнице гостиничного покойчика, Змея, стараясь не глядеть на Милёну, пыталась разъяснить, что она более не человек, и что в храмовой школе она действительно видела Смерть, и та позабыла взять ее душу в свое царство, и более не вспомнит о ней, куда человек ли, дух ли не напомнит Смерти об Ольге при помощи острого ножа или метко пущенной стрелы. Сама не замечая того, Ольга обратила свою речь в сказку, не слишком страшную и доступную для понимания ребенка. Она умолчала о сумасшедшем Лисе, мучившем ее в течении пяти лет, лишь вскользь упомянула о грозном Учителе, воспитавшем в ней воина. Милёна слушала сестру, затаив дыхание, как, впрочем, и Мирон, смотрящий на свою благодетельницу раскрыв рот от удивления. Но Змея не ошиблась, назвав его умным мальчиком – Миря молчал, прекрасно понимая, что правда отныне должна быть сокрыта от всех, в том числе от человека, что замер за дверью, ведущей в спальню, и настороженно прислушивался к рассказу.

Когда Ольга смолкла, выжидающе глядя на дверную ручку, он наконец-то решился и шагнул через порог. Удивление было взаимным. Она никак не ожидала увидеть перед собой своего жениха, так и не ставшего ей мужем. Да и Ждан не думал, что перед ним действительно окажется Ольга, живая и вполне здоровая. Милёна радостно всплеснула руками, покрываясь румянцем.

– Ах, Ждан, а ты мне не верил. Вот и зря! Видишь, это действительно она! Леля, знаешь, он теперь мой муж... уже давно. У нас и сынок есть, Итилом звать. Он в Сатве у брата остался, у Милада, стало быть...

Она совсем смешалась, не понимая, почему ее муж хмурит брови, пристально глядя в Ольгины глаза, и почему та щурится, не давая ему возможности всмотреться.

– Душа моя, поди, угости мальчика здешними сырными калачами, – произнес Ждан, переводя взгляд на жену, а затем на Мирона, – он ведь еще не пробовал, какие здесь замечательные калачи пекут, верно ведь?

Когда они удалились, он молча пошарил в посуднике, достал графин, плеснул наливки и залпом осушил рюмку. Ольга ждала. Наконец он сел напротив нее и уставился в окно, нервно постукивая пальцами по залитой воском доске подоконника.

– Зачем ты пришла?

Змея вопросительно изогнула бровь, и выражение холодной отстраненности на ее лице сменилось легким непонима-

нием. Ждан поежился, глянув на собеседницу, и тут же отвел глаза.

– Скажем так, ты не... не совсем человек! Ты где-то жила, будучи... ну... духом, около пяти лет и не соизволила известить свою семью о... твоём здравии. Они смирились, что тебя больше нет. Я тоже... смирился. Что же тебе теперь нужно среди нас... Ольга?

Ее имя Ждан произнес мягко, как Мирон, и неуверенно, будто сомневался, можно ли так назвать сидящую перед ним... такую чужую и такую грозную. Олга криво усмехнулась.

– Значит, для тебя я одна из этих... чудовищ? Твои глаза видят бесстрастного убийцу с жуткой маской вместо лица, и холодный озноб пробирает твоё тело до костей в моём присутствии?

– Нет, что ты! Ты стала намного краше, чем я тебя помню, – горячо воскликнул Ждан и, чуть смутившись, попытался взять себя в руки. – Но ты другая! Совсем другая! Ты ведь нелюдь!

Олга нахмурилась.

– А ты хоть раз встречался с... настоящим йоком?

Его передернуло от воспоминаний, Ждан кивнул.

– Позволь спросить. Если бы я не сказала, кем являюсь, смог бы ты догадаться о моей... хм, нечеловеческой сущности?

Ждан принялся ногтем отколупывать воск с подоконника.

– Ну, не знаю, – честно признался он, – но рано или позд-

но... Послушай, что ж ты тогда не извест...

– А ты не думал, что на то были причины?! Я пять лет жила рядом с чудовищем, от одной мысли о котором тебя охватывает дикий ужас. Пять лет, Ждан! Немалый срок, правда ведь, а?! Мало того, я себя считала подобной этому гаду! И ты меня спрашиваешь, почему я не известила? На что бы это было похоже? Голос из преисподней, письмо из ада! Ха-ха! Ты так хотел взглянуть мне в глаза, пожалуйста! Любуйся!

Она нависла над ним, схватив за подбородок и вперив свой бешеный взгляд в его широко распахнутые от страха глаза.

– Что, боишься? И мне было страшно. Очень страшно, Ждан! Тебе даже не снился кошмар подобный тому, что я видела наяву. И ты после этого смеешь спрашивать меня, почему я сбежала и чего хочу?!

– Понял, понял, зачем же так... – вжимаясь в стену, примирительным тоном проговорил он. Олга отстранилась, смиряя порыв горячности, тяжело опустилась на скамью.

– Прости, Ждан, но ты дурак! – она вздохнула. – Видишь, какая я стала. Сила разлагает, позволяя человеку быть чересчур гневливым. Она же дает право действовать на свое усмотрение. Знаешь, мне все равно, что ты думаешь, я просто пойду и возьму то, что мое. Пока хоть кто-то чувствует во мне родную кровь, видит сестру, дочь, а не духа, я буду рядом. Затем лишь, что нет ничего горше для йока, чем быть йоком. Просто мало кто из них понимает это. Видимо, это

одна из сторон проклятия.

Олга тряхнула головой, возвращаясь в реальность. Да уж, ее проклятие заключалось как раз в понимании. Знание, как водится, тяготит пуще незнания. Ждан с тех пор с опаской сторонился ее. С Миладом было легче. Он не стал вдаваться в подробности, тем более, что она не выдержала и разревелась при их первой встрече. На вопрос: “А как же твой Учитель?” – он удовлетворился ответом: “Учитель, если явится, то только за своей смертью”.

Олга вновь окинула взглядом двор, после чего натянула порты, подпоясалась и, перекинув через голову ремень заплечных ножен, легко и грациозно перемахнула через подоконник. Ноги привычно спружинили, гася прыжок с высоты в три сажени. Змея подошла к бочке, стоящей под стрехой³⁴, и окунула голову в холодную воду. Плешка, завидев хозяйку, входящую в стойло, вздернул гривастую голову, приветствуя ее радостным визгливым ржанием. Олга провела рукой по твердому, как камень, лошадиному хребту, покрытому мягкой, точно пух, шерстью. Не вздевая узды, она оседлала жеребца и, правя лишь пятками, погнала его к реке. Плешка был от рождения слеповат, к тому же имел на лбу огромную проплешину, отчего и получил свою кличку. Олга выхаживала жеребенка с интересом, пытаясь побороть врожденные недуги. Зрение восстановилось лишь частично, зато конь вы-

³⁴ стреха – сточный желоб

рос резвым и на удивление смышленным. Его глазами была наездница, и Плешка полностью доверял своей хозяйке, будто знал, попади он в другие руки, быть ему на столе закуской.

Олга правила к реке. Подкованные копыта Плешки отбивали звонкую дробь, когда он легким галопом мчался по единственной мощеной улице Толмани. Город только пробуждался, поскрипывая ставнями и хлопая дверьми. Заспанный пастух, лениво покрикивая, гнал коров через мост на пастбище за рекой, и его зычный с хрипотцой голос далеко разносился меж каменистых береговых склонов. Берег Жилы был пустынен и тих, лишь ветреница на верхушке увешанного истрепанными лентами шеста скрипела под напором ветра, гнавшего дождевые тучи с моря. Олга быстро нашла знакомую заводь, окруженную мелким кустарником, сбросила одежду и змейкой скользнула меж ледяных струй. Праздник Ивана Колотуна прошел уже с неделю назад, вода шла стылая, зимняя, и мало кто отваживался сунуться в холодную злую Жилу, не зная ключей и стремнин. Олга не чувствовала холода, лишь легкий озноб и некоторое неудобство при движении от твердеющей на коже чешуи. Купание освежило, разогнав хмурые мысли, смыло следы бессонницы. Змея вынырнула, огляделась и, убедившись, что чужие глаза не следят за ней, шагнула на берег, выжимая косу. Тонкие струи стекали по ее плечам, груди, бедрам, серебря темно-бурые пластинки чешуи, и те медленно истончались, вновь обращаясь в нежную розовую кожу. Где-то рядом по-

слышался шелест осыпающейся земли. Одно резкое выверенное движение, и мокрый увесистый голыш достиг своей цели – в кустах кто-то ойкнул. Ольга тяжело вздохнула, подбирая с земли рубаху.

– Вылезай, негодник.

Из укрытия, потирая ушибленное плечо, выступил белокурый юноша. Невысокий, худосочный, и лицом и телом напоминающий бледную поганку, он отрешенно смотрел мимо Ольги, будто не был только что пойман за нос. Ох, как хорошо она знала этот вдумчивый взгляд, за которым изворотливый мальчишка мастерски прятал все свои мысли. Смирение и отрешенность святого сквозила в каждом его движении, позже... да еще этот нимб из светлых, что лен, волос!

Ольга снова вздохнула, глядя на паренька сквозь прищур. *До чего же слабосилен! Его не чтению стоило учить, а кузнечному делу.* Она подпоясалась, затянула косу в крепкий узел на затылке и зашагала к лесу, небрежно кинув через плечо:

– Пойдем, Мирон. Меч возьми.

Змея с некоторым злорадством наблюдала, как ее юный ученик и воздыхатель тужится поднять тяжелое оружие, как взваливает его на плечи, и, оскальзываясь на мокрой глине, бредет вверх по склону, поджав губы и сопя от обиды. Плешка трусил рядом, с любопытством прислушиваясь к происходящему. Тропинка, петляя среди могучих сосен, вскоре вывела путников на поляну, мыском нависшую над обрывом.

Внизу струилась серебристая Жила.

Олга присела на толстое корневище, утягивая штанины на лодыжках. Мирон с облегчением скинул ношу к ногам Змеи и бухнулся рядом, утирая лицо рукавом.

– Ну, и сколько это будет продолжаться? В следующий раз я могу промахнуться и выбить тебе глаз...

Юноша сосредоточенно изучал подошвы разношенных сапог, перебирая пальцами палую хвою. Олга уж было занесла руку погладить мальчишку по белым кудрям, но остановилась, на полпути вспомнив, что ему уже пятнадцать, что он давно не мальчишка, и посему негоже ласкать его, как ку-тенка. Так что она просто сжала его плечо, про себя сетуя, что то слишком костляво. Мирон коснулся губами ее пальцев и заговорил:

– Я тебя люблю. И всегда буду любить. Что бы ты ни говорила, какие бы запреты ни ставила, я не смогу отречься от этого чувства. Ты навек останешься в моем сердце как Прекрасная Дева, вышедшая из глубин и победившая смерть. Я приду к тебе по первому твоему зову, ты только кликни. Моя прекрасная богиня... единственная...

Последние слова юноша шептал, уткнувшись лицом в ее колени. Печаль и боль звучали в его ровном, на удивление спокойном голосе. Олга, склонив голову, внимательно слушала странную для Мирона речь, и с каждым словом, растекавшемся в прозрачном утреннем воздухе, все ярче вставал перед ее внутренним взором лицо Игната Соловья, слепого

гусяра из далекой деревеньки за хребтом. Подобную речь произнес Слепко, прежде чем повеситься. *О, Творец Всемогущий, неужто уделом этих бледных созданий твоих является слепая безответная любовь даже не к живому человеку, к бестелесному образу?!*

– К чему такие мрачные речи, сын мой?

Мирон вздохнул. Ему не нравилось, когда Ольга называла его сыном.

– Пришло время. Скоро я уйду.

– Это мне известно, но я не вижу в этом повода для страданий.

Он глянул на Змею с укоризною и тяжело вздохнул так, что Ольга не выдержала и рассмеялась. Драматизма этому мальчишке было не занимать.

– Из тебя получится отличный оракул. Будешь вещать о конце света, все тебе будут верить...

– Я не хочу уходить!

– Ну, не заливай! Не хочет он... дите малое, неразумное.

Он нахмурил белесые брови.

– Я тебя знаю, хитрая Змея, когда тебе страшно, ты кусаешь, когда плохо, брызжешь ядом... Зачем ты смеешься над моими чувствами?

Ольга усмехнулась. Мальчишка чересчур прям в своих высказываниях. Беда в том, что подобным правом обладают лишь сильные мира сего, к коим Мирон не относился. Может ли он устоять в первой драке без ее защиты, чтобы по-

нять это? Ольга не знала. Потому-то непозволительный для Змеи страх охлаждал ее сердце, и она смеялась над этим дурным чувством, считая смех верным способом прогнать его.

– Прости, Миря, – она запустила пальцы в его спутанные кудри, – ты ведь сам только что сказал, что знаешь меня. Конечно, мне грустно расставаться с тобою. Я боюсь за тебя, как сестра может бояться за младшего брата, как мать за своего любимого сына. Но у меня ты больше ничему не научишься. Более того, тебе теперь опасно подолгу находиться со мною. Что-то нехорошее грядет, не дает покойно спать. Я не прощу себе, если из-за меня ты погибнешь.

Юноша кивнул.

– А твой новый... учитель, он поможет тебе обрести свой истинный образ и защитит тебя от духов до обретения полной силы. Иначе тебя ждет судьба Слепко: беспорядочные видения, спорные и вводящие в заблуждения, боль, страх и, в конце концов, смерть. Я этого не хочу.

Год назад, жарким летним утром Мирон исчез. Ольга вышла из душной комнаты за тряпкой – прибрать с пола остатки пролитого отвара, а мальчику наказала расставить посуду и разложить вымокшие бумаги на просушку. Минуту спустя она вернулась, но Мири в покойчике уже не было. Ольга, разумно предположив, что тот мог удалиться по нужде, ждала минут двадцать, после чего ее сердцем завладело беспокойство. На поиски ушел весь день, куда пастух не обнаружил юношу на краю пастбища за пределами Сатвы в состоянии

транса. Это было похоже на проявление лунатизма. Мирон, погруженный в глубокий сон, пел странную, невероятно красивую песню на непонятном языке. Когда пастух взял юношу за руку, чтобы свести в город, тот не проявил никакого сопротивления, но петь не прекращал. Змея застала их раньше, чем успела собраться любопытствующая толпа. Как только она соскочила с коня и приблизилась к Мирону, тот вдруг задрожал, протягивая к ней руки и падая на колени, песня сорвалась на крик, и юноша залился слезами, продолжая спать. Тело Мири снедал внутренний жар, свойственный лихорадке, потому пастух решил, что ученик наемницы и лекарки, каковой считали Змею в Сатве, просто болен, так что единственным вопросом скотопаса было: не заразно ли это? Ольга успокоила его, себя же ей успокоить не удалось. Эта песня... Змея слышала подобное только один раз. Единственным отличием было то, что Игнат Соловей исполнял песню печали, расставания и смерти, Мирон же пел о радости рождения и будто звал кого-то. Возможно, нечто подобное Волк некогда обозначил, как инициация. Когда Мирон очнулся, он ничего не помнил, был в растерянности и напуган не меньше Ольги.

А потом был мужчина, больше похожий на безумца, чем на вестника. Таких в народе называли шептунами за то лишь, что они имели особенность постоянно разговаривать сами с собой. Считалось, что в их сердце живет душа того человека, чье тело занял дух зверя. Ольга не доверяла этому суеверию до случая. Мужчина, что постучался к ней в дверь через

месяц после инициации Мирона, носил на своем теле незримую голубую печать оракулов, был явно не в себе и на вопрос “что ему нужно?” осведомился, здесь ли живет мальчик Белая Чайка. Получив в качестве доказательства самого мальчика, он закрыл ладонями его уши, произнес какую-то тарабарщину, минут пять что-то шептал себе под нос, рассредоточено скользя мутным взглядом вокруг себя, после чего развернулся и вышел. Ольга была поражена этим ходячим письмом, впрочем, как и тем, что шептуны действительно связаны с йоками, оракулами и прочей шушерой, что не давала ей спокойно жить.

Миря сказал, что через год и два месяца ему надобно будет “удалиться для постижения силы”. А потом он повел длинную и пространную речь о том, что “неуправляемое распределение силы ведет к появлению галлюцинаций, временному беспамятству, безумию и большим проблемам с сынами смерти, которые, зная об опальном положении людей-оракулов, активно используют их способности, вплоть до смерти последних”. Далее говорилось, что Мирону очень повезло, ибо его дарование достойно внимания познавших силу, потому-то его считают пригодным для “дальнейшего обучения”.

Ольга тогда возмутилась, до чего несправедливы эти “познавшие силу”, обрекая менее одаренных на вечное гонение, страх, боль и верную гибель, но, поразмыслив, решила не делать поспешных выводов о тех, чья жизнь ей совершенно

неизвестна. Кто знает, какие обстоятельства заставляют их поступать так жестко. Кто вообще что-то о них знает? Одно радовало: благодаря этому посланию Ольга частично поняла разговор Соловья с йоком. Вот только инициация, по словам Лиса, не происходит сама собой. Отец пробудил Игната, значит, что-то послужило толчком и для пробуждения Мирона. Но что именно? Может, Змея тому причина?

Так или иначе, раз уж это произошло не без ее участия, то она теперь в ответе за своего воспитанника и должна сделать все, чтобы обезопасить его, как бы ей не было больно отпускать его от себя.

– В том послании... помнишь того шептуна... я кое-что не договорил, – Мирон замялся, – мне запрещено сообщать тебе... но я... я стану другим, совсем другим...

– Молчи, раз запрещено, – резко оборвала его Ольга.

– Но я всегда, слышишь, всегда...

– Да, я запомню, что ты всегда будешь любить меня. Я тоже люблю тебя, мой маленький братишка. Сыграй мне.

Мирон вытащил из-за пазухи темно-красную дудку, украшенную золотым полустертым рисунком. Ольга долго удивлялась, как эта дудка, попала в ее короб, когда она три года назад прощалась с Лисом. После она вручила ее Мире с наказом научиться на ней играть. Что ж, наказ он выполнил мастерски. Чистый пронзительно-печальный звук ножом взрезал воздух и музыка заискрилась, бурля, как Жила на порогах. Змея завязала глаза, взяла в руки меч и заплясала сре-

ди сотен разъяренных воображением теней, пытаюсь настигнуть и поразить одну единственную, самую верткую, самую ловкую, сверкающую наглой улыбкой и стеклянной пустотой черных безжизненных буркал.

На самом деле Рыбу звали иначе. Он был Дельфином. Но кто назовет дельфина дельфином, когда можно просто и коротко – Рыба. К этому стоит добавить, что дельфины по природе своей очень разговорчивы, умны и дружелюбны. Рыба же был нем от рождения, замкнут и, как он сам считал, глуп. Поэтому прозвище, прилипшее к нему еще в первый год обучения, йок считал оправданным и не особо волновался на этот счет. Для душевных терзаний Рыба отыскивал иную причину. Он был плохим сыном смерти!

Начать с того, что он испытывал эти самые терзания насчет своей неполноценности. Хороший дух никогда не станет страдать из-за собственных недостатков, даже зная их наперечет. К тому же идеальных йоков не бывает. По крайней мере, Рыба с такими не сталкивался, но он знал троих, близких к идеалу. Медведь, глава клана, был слишком властолюбив. Волк был самоуверен и слишком умен. Следствием чрезмерного ума было презрение ко всем людям и нелюдям, даже к своему воспитаннику Соколу. К тому же оба были подвержены страстям, как, впрочем, и Крыса, Мастер самого Рыбы. Тот заслужил больше всего уважения и зависти своего Ученика, так как страсть была единственным его

недостатком. И, если учесть, что она проявилась всего лет восемь назад, то Крыса, по мысли Рыбы, некогда был безупречным духом.

В меру жестокий, в меру бесстрастный, прекрасный мечник, отменный стрелок, владеющий множеством видов оружия, Крыса был самым старым членом Белгородского клана. Никто точно не знал, сколько он бродит по земле, ибо ушло то поколение, что видело его Учеником Дельфина. Длинный и тощий, невероятно гибкий и сильный, с первого взгляда ему можно было дать не больше двадцати пяти. Но лицо, будто иссушенное какой-то болезнью, да безразличный взгляд черных, словно два потускневших агата, глаз выдавал возраст Крысы.

Рыба уважал своего наставника, уважал и боялся.

Страх – самый порицаемый и единственно наказуемый недостаток йока. Рыба так и не смог изжить его в себе. Он боялся Учителя, боялся оракулов, грозы, Медведя, Ловчих, Лиса, шторма на море, боялся показать свой страх и, наконец, самое непростительное для духа, он боялся смерти. Правильный йок умело контролировал этот животный ужас при помощи холодной рассудительности и оправданной уверенности в своем мастерстве. Дух не страшится умереть, так как смерть однажды с ним уже случилась, и воспоминание об этом моменте оставалось четкое и яркое. Возможно, проблема Рыбы заключалась в том, что он этого момента не помнил, возможно, были и другие причины, но страх в душе мо-

лодого йока угнездился глубоко и надолго.

А Крыса ничего не боялся. Он вообще ничего не чувствовал, не хотел. Наблюдая за Учителем, Рыба решил для себя, что если бы не вечная жажда до силы, мучающая всех йоков, Крыса замер бы на месте, не находя причин для дальнейшего движения, оброс мхом и превратился в камень. Жажда ну и, конечно, страсть.

Итак, Крыса имел страсть, и его страстью был Лис, точнее, желание поймать и убить его. Откуда, из каких глубин произрастало это желание, Рыба понять не мог. Все жаждали покарать безумца, нарушившего Кодекс, без особого труда убивавшего членов своего племени, открывшего великую тайну полного развоплощения духа. Если это желание не росло из страха за собственную жизнь, то Рыба не понимал причины. Честно говоря, он считал, что коли не дергать тигра за хвост, то он не откусит тебе голову. Лично ему хватило одной встречи с Лисом три года назад в южной Славии, чтобы понять это, как и то, что он не безумен, а озлоблен до безумия. Рыба никогда не забудет этого демона верхом на черном бесе, удирающего от них под беспощадными плетями проливного дождя в темноту степной ночи, разрываемой серебряными стрелами грозы. Не забудет и тот ужас, что обуял его сердце, отбив всякое желание на повторную встречу.

Но Рыба был лишь Учеником. Хотя он получил право на ритуал и вот уже четыре года, как с достоинством носил пояс духа, пряжка на нем все же была серебряной, так что обязан-

ность повиноваться Старшему оставалась в силе. Потому-то он, подчиняясь приказу, всюду следовал за Учителем, так же, как Сокол, по распоряжению Волка, каждые два года возвращался на остров, чтобы учить первогодок основам боевых искусств. Крысе нужен был помощник, чтобы одолеть сильного врага, Волк предпочитал охотиться в одиночку. Оба действовали параллельно до недавних пор, пока Ящер не пустил слух о том, что Лис обзавелся Учеником. Это означало не только явление в мир опасного неконтролируемого существа, но и то, что неуловимый безумец стал уязвим. Теперь Волк искал встречи с Лисом, чтобы после добраться до Змея. Зачем понадобилось бирюку связываться со столь опасным и непредсказуемым противником, никто не знал, да и особо не интересовался. Крыса решил найти Змея, чтобы через него, или через нее, прикончить Лиса. Его не смущало то, что Великого Духа не могут узреть даже беловолосые вымески, помешанные на одной лишь идее его возвращения в мир, ибо у Крысы была одна зацепка.

Змею издревле принадлежал заговоренный меч. Красивый, прочный, сработанный древними богами из сплава неземных металлов, он слушался только своего хозяина и всегда следовал за ним. Лет восемьсот назад, когда хоронили одного безумного правителя Северного моря, носившего в себе Змея, меч положили в погребальную ладью, подожгли и пустили по волнам в надежде, что ритуальный кинжал, торчавший из сердца тирана, канет в пучине вместе с телом. Как

показала история, надежда была напрасной, и Змей, спустя некоторое время, снова родился на свет, но меч был утерян. Летопись сохранила лишь описание легендарного оружия. По ней-то Крыса и опознал старинный клинок, когда видел Змея, отца Лиса, двенадцать лет тому назад, только вот его слегка смутила гравировка на лезвии, сделанная, по-видимому, недавно. Старый йок потрудились и подробно зарисовал меч, восхищаясь превосходным орудием убийства и символом всего племени сынов смерти. Теперь рисунок служил ему картой, с которой Крыса рыскал всюду, где бывал Лис, а, следовательно, и его предполагаемый Ученик, и спрашивал военный люд о клинке, справедливо полагая, что подобный меч привлечет внимание любого мало-мальски разбирающегося в оружии человека.

Крыса не был собственником и предлагал всем желающим воспользоваться рисунком, но мало кто верил в возрождение Змея, тем более что поиски таким способом не давали результата... до недавних пор.

Будучи в Сатве, рядом с которой, по слухам, околачивался Лис, Крыса со своим Учеником побывал в торговых рядах, где выставлял свой товар знаменитый толманский оружейник.

Рыба выбирал новый кинжал, внимательно прислушиваясь к диалогу.

– Ты видел когда-нибудь такой меч, – спросил Крыса, глядя на молодого хозяина. Стоит отметить, что среди торгов-

цев йоки пользовались особым почтением. Сам владелец, будь то хлебопек, шорник или оружейник, выходил встречать нежданного гостя лично. Рыба считал, что уважение здесь ни при чем, просто хозяин боится за нерасторопного служку, не умеющего как следует угодить прихотливому и опасному покупателю.

– Красивый меч, – после минутного молчания ответил тот, силясь преодолеть в себе бурю эмоций, – нет, я никогда не видел такого.

Рыба нахмурился. Этот человек явно врал. Он отрицательно покачал головой, когда Крыса обратил взор в его сторону. Учитель плохо распознавал ложь. Почему, никто точно не знал, и немой ученик подавал условные знаки Старшему, когда требовалась его помощь. Крыса удовлетворенно ощерился.

– Моему Ученику кажется, что ты врешь. Я отлучусь ровно на час, а когда вернусь, надеюсь услышать от тебя более развернутый ответ.

Человек сделался блее мела, но решимости в нем не убавилось.

Они только заказали по кружке пива, как к их столу подошел мужчина, судя по одежде, из купеческого сословия.

– Если я скажу вам, где меч, вы оставите нас в покое?

Крыса кивнул, не отрываясь от кружки.

– Езжайте в Толмань, там, в доме оружейника вы найдете свою железку.

Он не врал, по крайней мере, в голосе предателя, как мысленно окрестил его Рыба, не было ничего, кроме отчаяния и страха. И вот, согреваемые нежарким по осени полуденным солнцем, их кони отбивали дробь по единственной мощеной мостовой маленького городка на берегу Жилы. Жители в ужасе расступались, пропуская зловещих всадников. Дом оружейника находился рядом с кузней, так что найти его не составляло большого труда.

– Откройте, – раздался властный женский голос, явно принадлежащий хозяйке.

Рыба вскинул голову, пытаясь поверх воротины разглядеть говорившую. Девка, отворившая калитку, испуганно вскрикнула, пытаясь заглушить звук дрожащими ладошками, и молча указала в сторону крыльца на котором стояла молодая девушка, с интересом разглядывая гостей. Крыса в сопровождении своего Ученика приблизился и, после минутной заминки, склонил голову в почтительном приветствии. Девушка кивнула в ответ, впрочем, не прекращая внимательно изучать йокков. Она была довольно красива. Тонкая, богато расшитая рубаха, подпоясанная плетеным кожаным ремешком, подчеркивала складную фигуру. Дорогая шаль из белого кашемира, отороченная серебристой бахромой, небрежно накинутая на плечи, оттеняла странный зеленоватый отлив темных волос, струящихся по спине, подобно шелковому водопаду. Но главным были ее янтарные глаза, словно два золотых солнца блестевшие из-под густых

ресниц. Рыба опешил от ее взгляда. В нем не было ни капли страха. А была чистая, уверенная в себе сила. Йоку до боли в груди захотелось коснуться этой необычной девушки, лишь бы получить хоть малую толику той мощи, что таилась в ее нежном теле. Рыба прикрыл глаза и судорожно сглотнул.

– Здрaвы будьте, гoспoдa, – нaкoнeц прoизнeслa oнa, – чeм мoгу вaм пoмoчь?

– И ты здравствуй, красавица.

Рыба вздрогнул, мельком глянув на старика. Неужели этот истукан чувствует то же самое? Крыса вытащил из-за пазухи берестяную трубу с рисунком и протянул его девушке.

– Мы ищем этот меч. Можешь ли ты помочь нам в поисках?

Она ловко отвинтила крышку, вытряхнула свиток и, уверенно встряхнув его, некоторое время сосредоточенно разглядывала бумагу. Крыса щурился, ловя каждое ее движение.

– Что ж, ты неплохо рисуешь, йок, – она вернула свиток, – но, я полагаю, что вы ищете не меч, а его владельца. Я права?

Крыса утвердительно кивнул.

– Следуйте за мной.

“Немудрено, – думал Рыба, – что она нас не боится. Если бы я жил рядом со Змеем, другие йоки тоже показались бы мне не особо опасными существами”.

Девушка неслышной походкой скользила по палой лист-

ве, покрывшей усыпанную хрящом³⁵ дорожку. В саду среди яблонь пряталась беседка с коваными перильцами и витыми металлическими стойками, держащими навес. На столике, крытом чистой скатертью, стоял начищенный до блеска самовар, блюдо с горячими пирогами и один прибор. Видимо, нежданные гости помешали чаепитию.

Крыса и Рыба последовали приглашению сесть. Испуганная служанка принесла еще две чашки и спешно удалилась.

– Угощайтесь, – девушка налила себе чай.

– Ох уж, эти традиции. Разделив с человеком хлеб, ты не имеешь права причинить ему вред, – хмыкнул Крыса. – Мы пришли лишь поговорить со Змеем, тебе нечего нас бояться.

Девушка улыбнулась, глядя на них поверх блюда, курящегося чайным паром.

– Я не боюсь тебя, Крыса. А вот твой Ученик боится. Кстати, его немота лишь остаточный изъян. Он мог бы болтать без умолку, если б кто-то позаботился его научить. Так о чем вы хотели со мной поговорить?

Рыба поперхнулся чаем и закашлялся, переводя взгляд с девушки на Учителя и обратно. Она в свою очередь глянула на него, и от этого взгляда молодой йок почувствовал легкое покалывание в пальцах. Крыса некоторое время созерцал пространство перед собой.

– Так значит, он все-таки сделал это!..

Золотые глаза на мгновение вспыхнули.

³⁵ хрящ – крупный песок с самой мелкой галькой

– Если мы думаем об одном... нелюде, то да, он сделал меня Змеей. Так что тебе от меня нужно?

– Ты должна помочь нам найти Лиса.

– Невозможно.

Чашка со звоном опустилась на блюдце. Крыса удивленно поднял бровь.

– Откуда такая уверенность?

– Три года назад я видела его в последний раз. И по сию пору не хочу видеть этого ублюдка. Не вам одним он портил жизнь.

– Ты знаешь, что он сделал?

– Мне известно лишь то, о чем он счел нужным мне поведать.

– И тебя не впечатлили его заслуги?

Змея неопределенно пожала плечами.

– В человеческом мире убийства происходят столь часто, что мужчина, отомстивший безумному отцу за свою мать и порешивший братьев, настойчиво идущих по следу – в порядке вещей. Некоторые даже находят оправдание такому поступку...

– Как ты сейчас?

– Я не оправдываю его, я просто...

– В человеческом мире все слишком сложно и запутанно из-за чрезмерной эмоциональности. Чувства не только позволяют людям называть себя людьми, но и вводят в заблуждение. Женщина в любви к преступнику прощает ему всех

стариков и детей, что тот положил из-за жадности или из-за жажды убийства. И она люто ненавидит палача, лишаящего его головы. Вот почему люди нас так... недолюбливают. Мы – палачи, рубящие головы маньякам и сребролюбцам. Мы не имеем права на ошибку, потому лишены эмоций и наделены способностью остро ощущать ложь. Мы не люди. Лис не человек. У нас нет души, но есть холодный рассудок и Кодекс. Ты читала Кодекс?

– Не имела такого удовольствия.

Змея слушала очень внимательно, но чем больше Крыса говорил, тем подозрительнее и холоднее становился ее взгляд. Еще до окончания разговора Рыба уже знал, что упросить ее помочь не удастся, как, впрочем, и заставить.

– Что ж, не удивлен. Лис мятежник, а мятежники всегда презирают законы, считая правыми лишь самих себя. Первая и самая основная глава Кодекса – запрет убивать своего соплеменника. “Не убей ближнего своего” говорит ваша религия, а наш закон добавляет: “иначе твои соплеменники оторвут тебе голову”, и сделают это не из побуждений к справедливой мести, а потому что должны. Нас мало. Очень трудно воспитать умелого бойца, об этом тебе скажет любой Учитель. Более того, очень трудно найти подходящее вместилище для духа, многие просто не выдерживают его пробуждения внутри своего тела. Мощь духа после долгого сна слишком велика. Даже печати не смиряют ее целиком. Лис же вдвойне нарушил основу основ нашего закона. Он не просто

уничтожает свое племя, он открывает способ полного развоплощения духа, и пробует его на первом встречном сыне смерти.

Змея вздрогнула.

– Развоплощение?

Крыса улыбнулся, чувствуя интерес девушки. Он хорошо умел поучать, и это, как подозревал Рыба, ему даже нравилось.

– Когда убивают йока, погибает лишь его тело. Дух остается внутри и кто-то, будь то его соратник или оракул, извлекает его из вместилища, используя ритуальный кинжал. Если этого не происходит, зверь мирно спит в земле, ожидая своей участи. Но если умирает сам дух, то последствия будут слишком серьезными. Кем бы ни являлись эти существа, паразитирующие, как утверждают некоторые, на человечестве, издревле они были основой, осью нашего мира. Уничтожить духа – выпустить в ничто огромное количество силы. Это может серьезно нарушить равновесие.

– Равновесие уже однажды было нарушено, когда... кое-кто довел до безумия одного Великого. Лис не столь силен, но и он может натворить дел, если его разозлить. Как говорится, не трогай, не завоняет.

Это было грубо, особенно из уст такой молодой и красивой девушки, но Рыба был согласен. Вот только кто будет слушать немого неудачника?

– Лис уже натворил дел, за которые должен понести на-

казание. Убийства соплеменников и попытка развоплотить духа, воскрешение Змея...

– Значит, я тоже присутствую в вашем Кодексе?

Она невесело усмехнулась, сквозь прищур глядя на собеседника, и от этого ее взгляда у Рыбы по спине пробежал холодок. Опасный противник! Даже опаснее, чем Лис.

– Да, эта глава завершает Кодекс. Она запрещает каждому йоку предпринимать попытки пробуждения Великого, ну а если такое произойдет, то пробудивший несет полную ответственность за содеянное. Он должен быть наказан, и скидок на безумие никто не делает.

– И что ж, на меня тоже объявят охоту?

– Рано или поздно, если ты, конечно, будешь убегать. Змей слишком опасен для этого мира. Некоторые твердят, что он сохранил остатки былого разума, я же склонен думать, что это не разум, а безумие. Впрочем, эта мысль не только моя.

– Я, по-твоему, похожа на сумасшедшую?

– Ты молода, и я очень надеюсь, что разум твой останется чист до конца. Но, так или иначе, за тобой будут следить...

– И после подобной речи вы все еще думаете, что я стану вам помогать?

– Ты злишься? – Крыса отпил чай из блюдца. – Это потому лишь, что я сообщил тебе истинное положение дел? Но моей вины в том нет, я подчиняюсь Кодексу и здравому смыслу и очень надеюсь на то, что ты последуешь моему примеру...

хотя бы относительно здравого смысла.

Змея некоторое время сверлила взглядом спокойного, как скала, Крысу, после чего смирила гнев и принялась задумчиво крошить пирог в тарелку.

“Не поможет, – нервничал Рыба, – она все равно не согласится. Может, не стоило так злить Великого Духа?”

– Что бы ты мне ни говорил, – Змея, наконец, прервала молчание, – как бы не увещевал, я все равно не смогу тебе помочь. Как, по-твоему, я его отыщу? Он ведь не пес, что откликается по первому зову, и не дурак, чтобы явиться на порог той, которая обещала при первой же встрече убить его.

“А ведь ей не хочется этого делать, не желает его крови”, – удивленно подумал Рыба.

– Мы не просим тебя... марать руки, – Крыса снисходительно хмыкнул, – лишь натянуть нить, указать место и придержать его некоторое время, вот и все.

– Что, прости, сделать?

Выражение глубокого изумления и непонимания было последним, что ожидал увидеть на ее лице Рыба, да и Крыса, судя по его растерянному лицу, был смущен не менее своего Ученика.

– Лис ничего не сказал тебе о нити? Хотя, чему я удивляюсь... У духов, между Старшим и Младшим существует незримая связь, очень крепкая и неразрывная, закрепленная печатью. Оба держателя нити весьма чувствительны к любым сигналам, поступающим с противоположенного конца.

Некоторые, кто постарше, выработали даже своеобразный язык, при помощи которого могут общаться на расстоянии. Первые двадцать-тридцать лет поводок, как иногда называют связь Учителя, очень короток и не позволяет юному и глупому йоку бегать слишком далеко от своего наставника, так как чрезмерное натяжение нити сулит боль обеим сторонам. Лис долгое время околачивался вокруг Сатвы, где спокойно жила и ты, значит нить между вами мала. Ты сильна. Заставь зверя сидеть на месте, или укажи на карте его берлогу, и мы оставим тебя в покое.

Змея некоторое время пристально смотрела на Крысу, о чем-то размышляя, после чего уверенно произнесла:

– Невозможно.

– Почему? Ты не желаешь отделаться от безумца?

– Мне плевать на него... Я хочу сказать, между нами нет... нити.

– Вот здесь наступает моя очередь восклицать “невозможно!”

– Лис скорее всего следил за мной. Это в его характере. Но даже если и предположить, что связь существует, то она односторонняя, и я ничем не смогу вам помочь. Я не ощущаю Рыжего.

– Связь существует, – уверенно парировал Крыса. – Создавая себе Ученика, йок использует не только кинжал, но вливает часть себя, чтобы сдерживать духа до момента пробуждения. В паре нас накрепко связывает не только печать,

но и сам акт рождения. Даже если связь односторонняя, ты должна чувствовать, что кто-то постоянно следует за тобой.

– Косматая собака тоже не ощущает репья, попавшего в хвост, пока заботливый хозяин не вычесет его оттуда, и уж тем более она не может приказать колючке отвалиться.

– Но ведь ты не косматая собака, тем более печать...

– На мне нет печати!

Крыса как-то странно дернул головой, и воцарилось молчание. Рыба, выпучив и без того огромные глаза, смотрел на девушку, не веря своим ушам. Нить, возрождение Великого, Лис – все это были мелочи в свете последней высказанной, повисшей в воздухе фразой. Невозможно выжить при пробуждении даже самого обычного духа, не имея печати. Сила, высвобождаемая при этом, способна взорвать гору, вызвать сильнейший океанский шторм, подобно урагану опустошить огромные территории. Что уж говорить о хрупком девичьем теле... Либо врал она, либо Лис соврал ей. Другого объяснения Рыба найти не мог.

Впервые за все время разговора Крыса повернулся к Ученику, ища ответ. Тот покачал головой. Змея говорила правду.

– Твой Учитель хорошо умеет лгать. Йок не может родиться без печати...

– Возможно, в самом начале печать была, но сейчас ее нет. Я могу видеть, я знаю, что печати делают с вами. Мне не нужна чужая смерть, чтобы продолжать жить. Я не убиваю и

не испытываю вашей жажды... и не ношу печатей, что сосут из меня силы.

Она поднялась.

– Я думаю, наш разговор окончен. Вы знаете, где выход.

И она удалилась, так и не оглянувшись.

Олга захлопнула дверь своей горницы, тяжело оперлась на стол, заваленный бумагами, и вдруг одним бешеным движением смела все со столешницы.

– Негодяй! Ублюдок! Мерзавец!

Змея была в ярости. И одновременно страх терзал ее сердце, неистово колотившееся в груди. Она несколько раз пробежалась по комнате, грозно зыркнув на девку, что сунулась было на порог. Та, сдавленно пискнув, поспешно затворила дверь. Змея вынула свой меч из ножен и внезапно странное спокойствие охватило ее. Она присела на кровать, провела пальцами по выемке дола, по искусной гравировке, крепко, до скрипа кожаной оплетки, сжала рукоять и откинулась на подушку, уложив клинок на грудь вдоль тела. Тяжелый холодный металл придавал уверенности, смирял страсти.

Итак, что мы имеем? Рыжая сволочь прекрасно знал о каждом моем шаге, знал где, когда и как долго я жила, вольно или невольно следовал за мной, и, возможно, даже знал о том, что я в определенные моменты чувствую. Хотя... это вряд ли.

Далее, йоки. Мастер, древний, как дуб, похожий на му-

миффицированного канатоходца с крысиными повадками и бусинами-глазами, и Младший с ложной немотой, рыбьи-ми зенками, кучей дырок в печати и, как следствие, с кучей страхов. Меньшой любит молчать, старшой – поучать.

Судя по словам Крысы, слухи со временем обросли подробностями, и вот все знают: Змей возродился, но никто не подразумевал, что он – женищина. Охотиться они за мной не собираются, но вот отсутствие печати на моем теле смутило этого старика. Значит, непорядок рано или поздно придут исправлять. О невинно убиенном оракуле йоки, похоже, ничего не слышали, иначе не забыли бы упомянуть. И еще, Крыса говорил о попытке развоплощения, значит, она не удалась, или Лиса грубо прервали. Вот такая сволочь, а! Ни про нить, ни про Кодекс ничего не сказал. Запугивал! Хотел, чтобы я оставалась рядом! Интересно, с чего это Рыбу так перекосило, когда я уходила.

Перед глазами всплыл образ парня, ставшего белее мела, когда он коснулся Ольгиной руки. Ей даже на миг показалось, что тот чем-то подавился.

А, неважно!

Змея закрыла глаза и попыталась нащупать нить, о которой говорил Крыса, но ничего не почувствовала. Если связь действительно существует, то худо, наверное, пришлось Лису в эти три года. Поди он рад радешенек будет заставить меня побегать, для этого надо лишь заслать ко мне йоков или ...

Она медленно поднялась на своем ложе.

– Или он захочет убрать все препятствия между им и мной!

Она вскочила с кровати и принялась шарить по комнате, беспорядочно скидывая вещи в сумку. Олга ни разу за три года не покидала брата. Ничего не происходило, кроме той глупой истории со сватовством, и она расслабилась. *О, Творец всемогущий, что же я наделала! Лучше б уж совсем не возвращалась...*

– Седлайте Плешку, – Змея звонко крикнула в открытое окно, второпях тщетно пытаясь всунуть ногу в штанину, – немедленно!

– Госпожа! – конюх остановил ее у самых ворот.

– Чего тебе? – унимая взволнованного коня, спросила Олга, раздосадованно глядя на парня.

– Эти двое... просили передать, что вечером зайдут продолжить разговор. Не уезжайте, госпожа!

– Не зайдут. А если все же явятся, пошли их к бесам, тебе они ничего не сделают, – и она всадила пятки в лошадиные бока.

Как бы ни был резв и прыток Плешка, даже он не мог выдержать бешеной многочасовой скачки без отдыха. Змея это прекрасно понимала, и потому, уняв огонь в груди, сделала небольшой привал у ручья, как только солнце, оросив горизонт багрянцем, упокоилось среди снежных вершин Хребта. Конь, благодарно ткнувшись мордой в плечо хозяйки, ото-

шел к ручью напиться. Олга уселась под дуб, прислонившись спиной к теплой шершавой коре. За шесть часов они преодолели десятичасовой переход и осталось всего-то два десятка верст до Сатвы. Она вздохнула, прикрыв глаза, и открыла их, когда среди беспорядочных рваных облаков белой дугой мерцал ущербный месяц. Поблескивая оголенной сталью клинка, к замершей Олге приближался Крыса. Она уставилась на нелюдя пристальным взглядом, и неприятная ухмылка заскользила по ее губам. Крыса остановился, неуверенно глядя на замершего под деревом демона, ибо тени, рожденные ночью, до неузнаваемости исказили лицо прежде милой и красивой девушки. Чуть помедлив, йок спрятал меч в ножны. Змея расслабилась.

– Ну?

– Ты решила сбежать от нас? – недовольный ее наглым тоном начал Крыса. – Неужто ты забыла мои слова? Или ты так же труслива, как и твой Учитель?

– Да я плевать на тебя хотела, – голос Змеи звучал хрипло и прерывисто, – ты мне никто, и слова твои ветер, и нет твоей власти ни надо мной, ни над моим духом. Не смей мешать мне, нелюдь! Не стой у меня на пути!

Крыса хмыкнул.

– Знакомые слова. Ты пойдешь со мной. Не упрямясь, ибо есть у меня власть над тобой. Если слово мое не смогло вразумить тебя, то мой меч усмирит твою своенравную душу, глупая девчонка!

Его острый кинжал со свистом рассек воздух и, отщепив кус сухого мха, вонзился в то место, где мгновение назад была голова Змеи.

– Ты оскорбил меня, старик, – она стояла за его спиной, исподлобья глядя на Крысу странным, неподвижным взором, – но я не хочу с тобой драться, так как исход этой битвы ясен. И помогать я тебе не собираюсь.

– Значит, ты все-таки боишься, – меч серебряной лентой раздвигал воздух.

– Неужто тебе необходимо, чтобы я нарушила ваш Кодекс?

Крыса медленно пошел вокруг замершей Змеи.

– Молчишь. Значит, и тебе нужна причина, чтобы пустить кровь невинному.

– Ты потворствуешь Лису, бежишь прочь, отказываешь закону в помощи. Я вынужден применять силу.

– Зверь, которого гонят, тоже вынужден защищаться. Бог мой свидетель, не я унесла твоего барана, но ты затрубил в охотничий рог. Уходи, глупец. Будь ... умнее меня.

Крыса лишь оскалился, и Змея увидела нечто сродни радости, мелькнувшей в глазах-бусинах, радости от встречи с достойным противником и жадный всепоглощающий азарт. Он был безумен. Они все были безумны, эти лишённые своего “я” духи зверей.

Все!

Сердце Ольги больно сжалось, и Змея сделала два мол-

ниеносных движения в ответ на атаку Крысы. Голова йока с удивленным выражением, застывшим на морщинистом лице, покатила по жухлой траве. Она нагнулась над стынувшим телом и, сорвав ритуальный кинжал с его залитой кровью груди, вонзила серебряное жало под лопатку, туда, где голубым светом мерцала печать. Дух замер внутри металла, и серебро почернело.

Безумцы!

Олга тяжело поднялась, утирая несуществующие бисеринки пота со лба.

– Иди сюда.

Молчание.

– Иди, не трону.

Кусты на противоположенной стороне дороги зашуршали, и, стряхивая с себя труху, на прогалину выбрался Рыба. Он шел медленно, покорно склонив голову, и старался не встречаться взглядом со Змеею. Так идут на казнь благородные трусы, не видя бушующую вокруг толпу, не глядя в лицо палача, который есть Бог их последнего мгновения.

– Твой Учитель был одержимым безумцем.

Да, госпожа.

– А ты – трусливый идиот, не достойный даже называться сыном смерти.

Да, госпожа.

– И не молчи, когда с тобой говорят, жалкий притворщик.

Да, госпожа. Рыба поднял на нее большие мученические

глаза, и Ольга содрогнулась, ибо в них не было ничего, кроме страдания. И это было страшнее, чем полная пустота, ибо это была пустота страха. Змея вздохнула.

– Похорони его, как велит обычай. И отдай это своим, – она вложил в дрожащую холодную руку кинжал, – да расскажи, как было дело. Немой не соврет.

Змея вскочила в седло и скрылась за деревьями, оставив Рыбу, смотрящего ей в след, рядом с обезглавленным телом старого йока.

Ночь выдалась промозглая. Сырой ветер, несущий морскую влагу с побережья, неприятно хлестал по лицу, выбивая слезы из раздраженных глаз, так что одинокую фигуру, стоящую посреди моста, Ольга заметила не сразу, и чуть не сбила незадачливого прохожего, не пожелавшего сойти с дороги. А, точнее сказать, путник чуть не выбил ее из седла, так как Плешка шарахнулся от замершего, подобно изваянию, человека, как от дикого зверя. Змея осадила напуганного коня и соскочила на брусья моста.

Лис совсем не изменился за три года, разве что исхудал, отчего его лицо сделалось еще более хищным, а изрядно потрепанная куртка висела мешком, да волосы, неровно срезанные, торчали во все стороны всклокоченными вихрами. Черные глаза поблескивали из-под бровей, внимательно и серьезно изучая стоящую напротив Змею.

Молча, с каменным лицом, она вынула меч, двигаясь нарочито медленно. Лис не реагировал до тех пор, пока острие

не уткнулось в его грудь. Тогда нелюдь ощерил белые острые зубы в наглой улыбке и повесил на клинок шитый белым бисером кошель, после чего не торопясь обошел Младшую, и беззвучно удалился в том направлении, откуда приехала Ольга, а она так и стояла с зажатым в вытянутой руке мечом, на конце которого болталась до боли знакомая вещица.

Итил, сын Милёны, рос очень смышленным, смелым и настырным мальчиком. Ждан часто хвалил его, говоря, что упрямство и настойчивость – хорошие качества для торгового человека. Доставал Итил всех, кроме своей тетки. Тетку он уважал. Когда Ольга впервые увидела племянника, тот мазал куриным пометом плетеные стенки ее походного кузовка. Помнится, ярость, охватившая уставшую с дороги Змею, была не столь сильна, потому она ограничилась лишь предупреждением. Схватив мальчишку за шиворот, она подняла его поближе к лицу и прошипела в самое ухо: “Я тебе сейчас нос отгрызу, гаденыш!” Верещал Итил громко и долго, пока родители не отняли извивающееся чадо у свирепеющей от крика Ольги. С тех пор наглый мальчишка повсюду бегал за своей теткой, не отставая ни на шаг, как маленький лопухий щенок за мамкой, и безмерно раздражал Змею своим назойливым присутствием. Ольга обожала Итила. Мирон, выучив азбуку, вырезал для непоседливого малыша плоские фишки с буквицами на каждой, выкрасил в разные цвета и сложил их в кожаный мешочек, что Ольга расшила белым бисером. Мальчишка был вне себя от восторга и всюду таскал кошель

на шею, снимая его разве что в бане. Теперь кошель болтался на кончике ее меча.

Змея расслабила шнурок, высыпала фишки в руку. Это был единственный ее подарок маленькому племяннику. Плешка ткнулся мордой в хозяйкино плечо, как бы сообщая, что страшный зверь теперь далеко, можно ехать дальше, и, возможно, не помешал бы сладкий сухарь, чтоб взбодрить удалого скакуна. Ольга не отреагировала. Она молча взобралась в седло и, не особо понукая, пустила коня легким галопом.

Было еще темно, когда подковы Плешки зазвенели по каменной мостовой. Дом у реки, где жила семья Ольги, был большой, двухэтажный, отгороженный от кузниц садом и деревянным, в человеческий рост забором с резной оторочкой. Сидя верхом, Змея видела витую ветреницу – кораблик на маковке терема, разукрашенный карниз и темные окна, обрамленные богатыми наличниками. Словно выжженные каленым железом глазницы, безжизненно смотрели они в пасмурное предрассветное небо, безжизненные и пустые, как черные буркала нелюдя. Ворота были заперты. Змея наклонилась и несколько раз ударила дверной колотушкой о наковаленку. Во флигеле, где жила прислуга, зажегся свет, и, спустя некоторое время, сухонький старичок отворил калитку и ахнул.

– Батюшки святы! Госпожа Ольга.

Змея соскочила на землю, кинув поводья в его руки, и за-

шагала в сторону дома. Привратник семенил следом, шаркая стоптанными валенками, и причитал:

– Что творится, что творится! В одну ночь никого не стало, – в его голосе слышались нотки суеверного страха, – будто сквозь землю провалились. Ох, не зря к ним накануне тот йок пожаловал... Демон безрогий, адский посланник! Ушел, а на следующее утро все пропали, будто и не было. И ничего не осталось. Ох-хо-хо! Как же так, а? Приказчик ходит, будто в воду опушенный, лишний раз из дому выйти боится. Все хозяйство на нем теперь. А господин Ждан вернется – ни жены его, ни дитяти. Куда пропали, неясно. Как же нам теперь...

Змея, остановившись у крыльца, резко обернулась.

– Уйди!

Старик в ужасе отшатнулся и, как только за молодой госпожой захлопнулась входная дверь, трижды обвел себя знаком творца, сплюнув через левое плечо.

Пустота.

Змея затеплила свечной огарок. Все выглядело так, будто хозяева не покидали дома. Измятая кровать, собранный детскими ножками половик, открытая чернильница с гусиным пером в ней, шерстяные коврики³⁶, забытые на скамье.

Она бесцельно бродила по комнатам, дотрагиваясь до холодных вещей, и ничего не чувствовала кроме пустоты. В кабинете брата она села в мягкое, обитое сукном кресло и,

³⁶ коврики – носки

вынув из наплечной сумки папку, стала медленно перебирать старые эскизы отца. Именно ради них она ездила в Толмань. Пожелтевшая от времени бумага с чуть слышным шелестом ложилась на стол, заполняя сухим звуком непроницаемую тишину комнаты. Неверный свет коптящего огарка отбрасывал дрожащие блики на угольные затертые рисунки, и они, казалось, пытались соскользнуть с бумаги и уползти в пустоту, плотно обступившую замершую Змею, что, не моргая, глядела на небрежно выдранную из книги миниатюру, изображавшую черного дракона с расправленными крыльями – разрушающую ипостась Великого Духа.

Олга некогда любила этих легендарных ящеров, но она умерла. Змея же...

Змея преодолела тот порог душевных мук, который подавался осмыслению. Она была бесстрашна. Бесстрашна и пуста. Без всяких печатей.

Глава одиннадцатая.

Морок

Рыба не выполнил приказа.

Он сжег тело Учителя и дождался, пока мелкий утренний дождь смешает пепел с землей. Он трижды, как велит обычай, омыл свое тело ключевой водой, прежде чем подпоясаться учительским поясом. Он сел на коня и пустил его галопом, но не в сторону Надара, как велела Змея, а в сторону

Сатвы.

Рыба шел за ней.

Он не думал о том, как расценят его поступок в клане, он не страшился кары за трусость в том, что не закончил дело Учителя, он лишь хотел еще раз коснуться ее руки, еще раз испытать удушливый жар чистой природной силы, что накрывала, подобно снежной лавине, сжимала тисками грудь, не позволяя воздуху проникать внутрь.

Рыба завидовал Лису.

Он догнал ее на городской заставе, ведущей из города на юг. И не узнал той юной прекрасной девушки, полной жизни, в этом вросшем в седло всаднике, вокруг тела которого клубился невидимый людскому глазу темный кокон смерти. Рыба испугался, но все же пустил коня вслед Змее. Она не обратила внимания на попутчика, что ехал позади нее. Она вообще ни на кого не обращала внимания.

Три дня и три ночи ее конь, понукаемый лишь страхом, шел, куда вело чутье, не чувствуя приказов удил, останавливался лишь напиться или пощипать жухлой травы. Три дня и три ночи Змея не сходила на землю, обитая где-то вне времени и пространства, вне тела и вне ощущений. Ее не будил ни ливень, хлеставший по застывшему в спокойствии лицу, ни ветер, что тщетно пытался согнуть прямую, как струна, спину. Змея была похожа на один из каменных идолов, что до сих пор стоят позабытые на давно покинутых капищах.

В одну из ночей, чтобы переждать грозу, ее конь оста-

новился под старой березой, укрывавшей своим зелено-золотым шатром тропку. Через некоторое время несчастное животное, спотыкаясь, покинуло свое ненадежное убежище – береза скинула всю листву, оголив крапчатый стан. Рыба чуть позже коснулся бугристого ствола рукой и не почувствовал под корою пульсации сока в древесных жилах. Береза либо уснула раньше времени, либо умерла.

На утро четвертого дня изможденный конь, в спутанной гриве которого уже серебрились седые пряди, ткнулся лбом в калитку избушки, одиноко стоящей посреди чащобы, и жалобно заржал, взывая о помощи. Спустя время из дома выбежала старушка, маленькая и не по возрасту резвая. Она долго изучала каменное лицо всадницы, видимо ожидая приветственной речи от незваной гостьи. Потом вдруг обернулась и глянула в ту сторону, где сокрытый могучими стволами кедра, Рыба наблюдал за происходящим. Ему почудилось, что подслеповатая ведьма смотрит на него сквозь дерево. Между тем конь вновь жалобно заржал, и старуха, открыв калитку,пустила его во двор.

– Эй, девица, ты почто животину-то измучила? – старуха погладила теплые лошадиные ноздри, пышущие паром.

– Милая, ты жива ли? – и она дернула поводья из онемевших рук. Змея неестественно накренилась в седле и медленно стала сползать на землю. Старуха подхватила безвольное тело и, причитая да ахая, потащила тяжелую ношу в избу.

Когда ночь наполнила лес густой тьмой и прозрачны-

ми, что дикий хрусталь звуками, Рыба наконец-то решился взглянуть на Змею и подобрался к окошку. Сквозь щели меж покосившихся от времени ставней пробивался в морозную ночь неяркий свет очажного пламени. Старуха, склонившись над лежащей на скамейке девушкой, пыталась влить сквозь спазмом сжатые губы навар от пустых щей. Та не размыкала рта. Ее безжизненные глаза, словно стекло, поблескивали в полутьме, и, казалось, смотрели на Рыбу сквозь толстые доски ставен. Йок не смог долго выдерживать этот мертвый всепроникающий взгляд и удрал обратно в лес, где мучился, не в силах заснуть, преследуемый жутким видением. Под утро, когда темнота медленно растворилась в предрассветном тумане, Рыба почувствовал сильную боль, что каленным железом прожгла легкие, после чего долгожданное забытье наконец-то поглотило его. Очнулся он в полдень. Боль исчезла, на смену ей пришел голод. И странное ощущение пустоты внутри, будто сняли часть пут, долгое время стягивающих чувства. Он некоторое время с интересом и тревогой прислушивался к себе, но ничего особенного так и не обнаружил. Да и каким образом мог нелюдь заметить улыбку, возникшую на его губах, когда солнце омыло лицо теплыми брызгами лучей. Слабую, не видимую самому хозяину, но все же улыбку, одну из тех, что случается лишь у людей; такую, которая проявляется лишь на устах познавших любовь.

Рыба подстрелил трех зайцев. Тушки были жирные: животные отъелись за лето, готовясь к наступающим холодам.

Рыбу мучил голод, но, тем не менее, он не спешил свежевать убитого зверя. Некоторое время он размышлял, облокотившись о ствол старого кедра и разглядывая суесящихся в палой хвое муравьев. Его жидкие брови шевелились в такт мыслям, то сходясь в складку на переносице, то распрямляясь, подобно стрелам. По голове что-то больно ударило. Рыба наклонился, поднял шишку, наполовину вышелушенную проворной белкой, и снова улыбнулся...

Подходя к избушке, йок старался быть как можно заметнее, чтобы старуха увидела его загодя. Он подозревал, что прозорливая ведьма давно догадалась о присутствии нелюдя рядом со своим домом, поэтому Рыба шел открыто, не таясь, дабы показать мирные намерения. Три удара в дверь и три шага назад. Он усмехнулся, обратив внимание на коичность этого спектакля. Его Учитель никогда не церемонился с людьми, предпочитая, чтобы люди церемонились с ним. Рыба же не считал нужным пугать добрую женщину, приютившую Змею. Он невольно уважал ее мужество принять в свой дом то, что забирает силу у всего живого.

Она открыла дверь, и ее лицо исказила гримаса страха и удивления. Но, надо отдать должное старой колдовке, она быстро совладала с чувствами и спокойные, на удивление яркие глаза, словно два изумрудных зеркала, отразили в себе угрюмое лицо нелюдя.

– За чем пожаловал, молодец?

Он протянул ей заячьи тушки, свободной рукой указав

сначала на губы, потом на живот и после ткнул пальцем за спину женщины, туда, где в полутьме тесной комнатушки лежала Змея.

– Ты хочешь, чтобы я накормила ее... мясом?

Он молча кивнул, развернулся и зашагал прочь. Оставшуюся часть дня Рыба бесцельно бродил вокруг дома, прислушиваясь к приятному запаху горячих щей, что приносил назойливый ветер, дразня чувствительные ноздри йока. Он зажарил одного зайца, но сухая пища не принесла ему удовлетворения, как и совершенный им поступок. Что-то было не так.

Как только стемнело, Рыба вновь подкрался к избушке в надежде найти разгадку своего беспокойства, но стоило ему переметнуться через плетень, как входная дверь скрипнула и старуха окликнула его.

– Эй, подь сюда!

Он нехотя повиновался, подошел и хмуро уставился рыбьими глазами на женщину, встретившую нелюдя взглядом, в котором уже не было страха. Она прикрыла дверь, и свет очага перестал слепить обоих.

– Ты немой?

Рыба утвердительно кивнул, стараясь не глядеть в пронзительно-зеленые глаза. Даже в густых сумерках, сдобренных туманом, нелюдь видел каждую черточку на ее роговице, и от подобного видения становилось не по себе. Он вдруг понял, отчего ему было так тревожно весь день, понял, что пе-

ред ним не простая отшельница, и даже не лесная ведунья.

– Ты ходишь за ней. Кто ты для нее? Ученик? Учитель?

Никто.

– Хочешь убить ее?

Рыба отрицательно покачал головой. Голос ее звучал спокойно и властно, так, что было понятно – старуха имеет право задавать такие вопросы могучему воину, стоявшему напротив, ведь она...

– Войди.

Рыба покорно шагнул в распахнутую дверь и оказался в тесной клетушке, убогой, но чистой. В углу, под божницей спала Змея, у изголовья стоял светец с можжевелевой лучиной и блюдец, куда с шипением падали прогоревшие угольки. Хозяйка усадила нелюдя за стол и поставила перед ним глубокую миску с похлебкой из зайчатины.

– Ешь.

Рыба молча работал ложкой, не сводя глаз со спины девушки, что лежала лицом к стене, и лишь растрепанная коса нечесаным концом подметала пол.

– Так объясни мне, Проклятый, зачем преследуешь Дочь Земли? Чего тебе нужно от нее?

Рыба перевел взгляд на женщину. Его так никогда не называли – “Проклятый”.

Ничего не нужно.

– Ты ее любишь?

Не знаю... Что такое любовь?

– Или боготворишь?

Не знаю. Возможно. Она подобна богу. Я никогда не видел таких...

– Глупец, ей не нужно твое поклонение. Ей от тебя вообще ничего не нужно. Хотя ты и мог бы подарить ей то, что не может дать Чужой... или Лис, как зовете его вы.

Нелюдь вздрогнул. Его не удивило, то, что ведьма брала ответы на свои вопросы прямо из его головы, но встревожило напоминание о Лисе.

– Ты бы мог подарить ей любовь, но ты слаб, и погибнешь, как только попытаешься сделать это. Чужой не позволит посягать на то, что принадлежит ему. А поклонение... Вот до чего доводит ваше поклонение!

Она бросила на стол измятый лист пергамента, на котором был изображен черный дракон – разрушительная ипостась Великого Духа.

Но я хочу защитить ее!

– И как? Ты боишься даже тени Чужого, что уж говорить о сражении с ним. Уходи, не мешай мне. Вернешься, когда твои помыслы очистятся от корысти, когда твоим желанием будет отдать, а не взять.

Да я и не думал...

– Разве не затем ты шел следом, чтобы еще раз коснуться ее руки, еще раз испить ее живительной силы?

Я не уйду.

Ведьма тяжело вздохнула, глядя на деревянных божков –

духов места и рода, охранителей очага, заключенных в единый круг, сплетенный из веточек кедра, – символ Творца. Рыба внимательно посмотрел на ее лицо, покрытое морщинами, на необыкновенно живые глаза, устало прикрытые веками, и ему почудилось, что время вокруг нее течет как-то иначе и что не человек она вовсе, а...

– Не бей зверя ради нее. Она должна поститься. И не подходи близко к дому без разрешения, не стоит раньше времени возвращать ее в реальность. Иди.

Рыба покорно встал, отодвигая пустую тарелку и легким поклоном благодаря за ужин. Ее насмешливый голос остановил его на пороге.

– А ты ведь можешь говорить, хитрец. Но так удобнее, правильно? Какой спрос с того, кто нем? Разве тебе не обидно, что не сможешь встретить смерть едким словом? Даже врага толком ни оскорбить, ни охаять...

Она вздохнула.

– Можешь спать в сарае. В лесу, поди, не сладко.

Рыба переступил порог, так и не обернувшись.

А на следующее утро пошел дождь. Тяжелые тучи, словно грязная ветошь, серой бесформенной массой закутали прозрачный небосвод, и не было видно конца и края этому нищенскому убранству, истекавшему холодной водой на стылую землю. Две недели нес восточный ветер хмарь и непогоду, что собиралась над морем, две недели солнце блеклым серебром глядело на разбухшую от воды землю, не в силах

пробить лучом густые тучи и обогреть, приласкать ее почерневшее нагое тело.

Плешка умер через три дня по прибытию. От старости.

Рыба жил в покосившемся сарае, спал, зарывшись в солому, питался тем, что промышлял в лесу. И всего два раза видел Змею: когда старуха попросила его затопить баню и повела девушку через двор, да еще раз, когда он латал потекшую крышу и сквозь дыру заметил ее тонкую, будто прозрачную, руку, лежащую поверх войлочного покрывала.

Жажда крови не мучила нелюдя, и он бродил среди могучих кедров, размышляя над тем, что сказала ему эта странная женщина. И чем больше он думал, тем сильнее становилось его желание обладать Змеей, и рос, ширился внутри неясный страх перед неизвестной опасностью. Больше не касалась его угрюмого лица солнечная улыбка, не радовали тишина и покой засыпающего леса, охота не доставляла удовольствия, как и вкус свежеиспеченной дичи. Рыба исхудал и сделался мрачнее, чем тучи, несущие в себе затяжные ливни. Он плохо спал, и ночь одаривала его самыми тяжелыми мыслями, что поднимались из глубин сознания под монотонный шум небесных вод.

Однажды дождь кончился, и лес окутала тяжелая, будто глухая тишина. Рыба долго ворочался, но сон, смущенный внезапным затишьем, упорно отказывался приходить к нелюдю, и тот, в конце концов, не выдержал. Выбравшись с сеновала, он плотнее закутался в плащ и, выживая солому

из спутанных волос, побрел в чашу проверить силки, что поставил накануне днем. Проходя мимо избушки, Рыба остановился, прислушиваясь, и ему почудилось, будто кто-то поет там, в темноте, колдуя над красными угольями остывающего очага. Но нет, все вновь стихло, окутанное снотворной тишью, однако дивный голос еще долго звенел в сознании йока, завораживая и дурманя.

Рыба неспешно брел по тропинке, ломая хрусткий ледок на лужах и воздух вокруг, что застыл, схваченный морозом, крепчавшим с каждой минутой. Не было цели, не было желания, мысль о силках давно оказалась на задворках памяти, и, наконец, ноги сами вывели нелюдя на широкую поляну, пересеченную надвое струной ручья. Рыба присел у пня и уставился на воду. Она одна казалась ему живой среди окаменевшего леса.

А потом пошел снег. Тихий, неспешный, он падал из тьмы, и на земле становилось светлее от мерцания маленьких белых кристаллов. Он укрыл черные раны земли, он согрел и украсил ее обезображенное тело. А Рыба все сидел, покуда небо не стало сереть, предвещая восход, и бездумно смотрел, как чернеет ручей на фоне снежного покрова вдоль его берегов. Стрелой пронзило нелюдя ощущение, что кто-то стоит за его спиной и наблюдает. Рыба вскочил, кладя руку на бедро, где должен был висеть меч, позабытый в сарае, и первыми увидел глаза, черные, как мрак бездонного колодца, в который легче прыгнуть и утопиться, чем смотреть.

– Ну, здравствуй, братец, – с усмешкой произнес Лис, окидывая взглядом съезжившуюся фигурку юного нелюдя. – Поговорим?

Рыба не ответил, исподлобья глядя на йока. Лис довольно ощерился.

– Значит, поговорим.

Говорил, конечно, Лис, Рыба слушал вполуха, вспоминая слова старухи, и впервые жалел, что не может ответить. Спустилось несколько минут, когда бледный шар солнца показался среди облаков, Младший вовсе перестал внимать речи Старшего. Смутное беспокойство, вызванное предчувствием беды, овладело Рыбой. В висках вспыхнула и погасла искра боли. Он заозирался, прислушиваясь. Лис смолк, нахмутив брови, и вдруг зашипел, хватаясь за голову.

– Мрак раздери!

А потом над лесом пронесся долгий надсадный вопль, перерастающий в протяжный вой. Испуганные птицы с криком сорвались с деревьев, наполняя воздух смятением и страхом.

Оба йока одновременно бросились туда, откуда шел звук.

Рыба не заметил, как Лис остановился у границы леса, будто споткнувшись о невидимую преграду, и как яростная гримаса исказила бледное лицо, когда встретились два взгляда: его и старухи, что стояла на крыльце, властно воздев руку, сжатую в кулак. Рыба не видел ничего, кроме Змеи, замершей посреди двора, укрытого словно скатертью, нетронутым снегом. В белой рубахе до пят, с копной длинных нечеса-

ных волос, она стояла лицом на восток, вскинув тонкие руки к небу. Звук, слетавший с ее искусанных в кровь губ, дрожал, заставляя вибрировать воздух, и тот медленно сгушался вокруг тощего тела, поднимая снежное крошево с земли. Вдруг все стихло. Рыба подумал было, что оглох, как тут же услышал глубокий прерывистый вздох. Змея сомкнула уста, опустила руки, и замерший было вихрь схлопнулся с резким звуком, облепив девушку со всех сторон толстым слоем пыли. Йок вскрикнул и бросился вперед, но застыл, не дойдя пару шагов. На угольно-черном лице блестели два алых ока. Словно рубины, оправленные в оникс цвета ночи, они светились, источая силу и ярость, и были устремлены в сторону леса, туда, где несколько мгновений назад стоял Лис. Рыбу пробил мелкий озноб, когда перед его глазами поплыли образы того, что может произойти в следующее мгновение. Не раздумывая о последствиях, Младший размахнулся и ударил туда, где по его расчетам должно было биться сердце нарождающегося дракона. Кожа заискрилась, будто кулак угодил в шаровую молнию, и рука раскрошилась по локоть, обратившись в прах. Рыба завыл от нестерпимой боли, рухнув к ногам замершего чудовища, но все же добился своего. Глаза потухли, сокрытые чешуйчатыми веками и темный покров вокруг Змеи трухой осыпался на землю. Девушка всхлипнула и упала на колени. Рыба неуверенно поднялся на ноги, баюкая обрубок руки. Крови не было, как, впрочем, и раны. Чистый срез на локте, будто отсутствие ладони и предпле-

чья изначально было задумано Творцом. Старуха, приобняв дрожащую Змею за плечи, помогла ей встать, и в первый раз за много дней осмысленный взгляд озарил исхудавшее лицо девушки. Она подняла растопыренные пальцы, с ужасом всматриваясь в испещренные морщинами ладони.

– Творец всемогущий! За что?

– Пойдем, дитяtko! Больно холодно на снегу да босиком, – и старуха повела Змею в дом.

Рыба еще некоторое время стоял в наступившей тишине, подняв бледное лицо к небу, и снежинки, неспешно падающие сквозь серую пелену, таяли на щеках, превращаясь в холодные слезы, что неприятно щекотали сухую кожу, скатываясь за ворот. А на губах нелюдя, словно неясное отражение в мутной воде, дрожала грустная улыбка.

Олга легла на лавку, заботливые руки тут же укутали ее теплым одеялом, подоткнув свисавшие углы. Страх – безумный, всепоглощающий, липкий страх – заполнял ее всю от кончиков пальцев до корней волос. Она увидела обратную сторону силы, что жила в ней, и это видение было страшнее Лиса, страшнее потери близких, страшнее смерти. Это было воплощением самого древнего, самого глубинного ужаса и ненависти, что копит годами и хранит в себе Земля-матушка. И эта сила едва не обрела форму через ее тело, через ее слабость.

Олга плакала навзрыд. Отчаяние, боль, страх, ненависть

– все источало потоки слез. Старая ведьма сидела в изголовье, оглаживая спутанные волосы на голове несчастной и внимала лавине слов, что рвались наружу вместе со слезами, будто рухнула железная дверь, сдерживающая чувства целых девять лет. Змея рассказала старой женщине все, лишь бы освободится от тяжкого груза, чуть было не породившего на свет разрушителя мира.

– Он преследует меня, как злой рок! Уничтожает все, что мне дорого! Все, что оправдывает мое существование в этом мире! Все ради чего стоит жить. Я не понимаю, чего он хочет! И нет сил, чтоб его ненавидеть... потому что нет в мире сердца, способного испытывать то чувство отвращения и злобы, которого достоин этот нелюдь. Творец всемогущий! За что? Матушка, объясни! За что мне эта боль?

Женщина не ответила. Невидящим взором смотрела она сквозь стену и, казалось, сквозь время; гладила подрагивающие девичьи плечи и тихонько напевала странный, до боли знакомый мотив. Подобно колыбельной, он успокаивал израненную душу, и вскоре слезы на щеках высохли, и Змея подняла голову, чтоб поглядеть на старуху. Та улыбнулась ей в ответ и очертания морщинистого лица начали размываться, будто подернутые туманной дымкой. Спустя пару мгновений на Ольгу смотрела Лута, ее мать, как прежде молодая и красивая.

– Матушка... – Ольга уткнулась в теплые колени. Воистину, это был хороший сон. И даже если и не сон вовсе, а

смерть – пусть! Она так устала.

– Девочка моя, – голос плыл в ее голове, мягкий и согревающий, – ты не плачь, дитяtko, все так, как должно быть! Потерпи чуток. И тебе будет счастье в этой жизни. Не кори себя, родная. Помни, твоя мать всегда рядом, всегда любит свое дитя. И та мать... и другая!

Олга встрепенулась. Чужие, совсем чужие глаза ласково смотрели на нее с родного лица. Такой чистый изумрудный цвет невозможно сыскать у обычных людей. Змея села, отдавая тонкую, почти прозрачную ладонь прочь от своего плеча.

– Кто ты?

Лута виновато потупила взор, и облик ее вновь потек, да так и не собрался в четкий образ.

– Я твоя мать, Змеюшка.

– Я не знаю тебя.

– Ты забыла, милая, но это не важно. Глянь в пути под ноги, вспомнишь. Я чувствую твою боль, твою горе. И понимаю, и смягчаю, как могу. Сколько раз я теряла тебя, сколько раз пробуждала, но все впустую. Не было при тебе того, кто смог бы замкнуть круг, повернуть колесо. Но вот сошлись звезды, и вновь родился Чужой. Теперь он рядом...

Олга замолкла на некоторое время, и неясный лик помутнел еще больше, будто тяжелые думы омрачили поток светлых мыслей. Олга слушала, затаив дыхание.

– Но пока Чужой разделен, не будет мира между вами. Лишь в твоих силах соединить его разорванное сердце.

Страшная сила за ним, но твоя мощь в разы превосходит его. Бедное мое дитя! Такова его природа. Он мучает тебя, истязает, но только тебя. Не страдай за других. Этот безумный дух лишь твоя боль, лишь твоя ненависть, и ничья другая. Это твое проклятие, твое и его.

– Как так, матушка?! – Змея вскинула руки, пытаюсь ухватить тающий в темноте образ, но тот, утратив плоть, рассеялся в воздухе, лишь голос продолжал звучать в пустом пространстве.

– Помни, лишь твое проклятие. Твое и его. Я люблю тебя, дитя мое. Люблю... люблю... люблю...

Змея открыла глаза. В избе было темно, лишь алые уголья в очаге давали неясный свет. На столе стоял горшок и лежала заботливо укутанная полотенцем буханка еще теплого хлеба. То, что хлеб свежий, Ольга поняла по уютному аромату печева, витавшему в воздухе. Она села на постели, тяжелым взглядом обводя комнату. Никого! Более того, здесь никогда никого не было. Змея не ощущала присутствия человека. Ничего! Ни запаха, ни тепла. Она, щуря припухшие глаза, посмотрела в красный угол. Пусто, лишь круг из кедровых веток. Ольга грустно улыбнулась. *Опять покинули меня, мои защитники? Стоило и меня взять с собой... Только Творец всегда рядом... Ну что ж, спасибо и на этом, матушка. Будет, говоришь, и мне счастье? А можешь ли ты ошибаться, великая Ара-Земля? Ведь все ошибаются, даже боги...*

Василь задумчиво оглаживал бороду. Он знал, что иметь дело с йоками небезопасно. Но этот...

Этот был странным. Полурукий одинец, с огромными рыбьими глазами навывкат и к тому же немой, как та рыба, он пристал к торговому обозу где-то на одном из многочисленных перекрестков старого тракта. Ох, до чего же не любил Каменский сотник³⁷ этот злополучный тракт. Сколько раз он водил купцов из Порожка в Камень, столько неприятностей выпадало на его убеленную сединами голову. Вот и ныне легкое, по сути, дело осложнял этот непонятно откуда взявшийся немой калека. И надо же было ему объявиться именно в тот момент, когда до Камня оставался всего день пути, и Василь уже было начал радоваться удачному походу.

Тусклые рыбьи глаза выжидающе смотрели на сотника, и от этого взгляда у старого вояки по спине тянуло холодом, как у сопливого кмета-первогодки при виде сильного врага. Василь молчал, хмуря седые брови, и думал. Слишком опасное дело предлагал ему йок, и сотник не склонен был верить всему, что тот нацарапал на куске бересты. Лишь одно смущало Василя и заставляло его колебаться – лицо рыбаглазого. Печаль, боль, решительность... Этот не был истуканом, что бродят по дорогам в поисках поживы, окаменевшие в своем бесчувствии, с масками вместо живых человеческих лиц, и самое неприятное для смотрящего на них, это осознание того, что эти жуткие пугала тоже когда-то умели

³⁷ сотник – командир подразделения (сотни)

смеяться. А рыбоглазый был живой, пусть частично, но даже такое Василь видел впервые.

– Значит, ты утверждаешь, что она никого не тронет?

Йок раздраженно помотал головой, и, выхватив бересту из рук сотника, принялся что-то писать левой рукой. Лист соскальзывал с заледеневшего обноса³⁸, правая культя, прижимающая бересту, с трудом слушалась своего хозяина, отчего буквы выходили неловкие и кривые. Василь наблюдал за рыбоглазым, про себя удивляясь, как у того на морозе без перчаток не мерзнут руки... рука. В трактире за спиной было тихо – люди разбежались от греха подальше. А снег все сыпал и сыпал, заслоняя солнце мутной пеленой. Йок протянул сотнику лист.

– Не убьет?! Что это значит? Только покалечит?

Рыбоглазый пожал плечами, с тоской глядя мимо Василя в холодное серое небо.

– С другой стороны, награда, конечно, велика, – пробормотал сотник, – это вам не хухры-мухры, Змея повязать... то есть, Змею. Сам князь, поди, прискачет, – он исподлобья глянул на йока, но тот, казалось, не слышал его слов.

– А ты, значит, ничего не хочешь за свою подсказку? Если по чести рассуждать, то странно это. Йок не желает денег, не хочет доли... Это она тебя так покалечила?

Нелюдь вдруг озлился, свирепо глянув на старого воина. “Не твое собачье дело!” – ясно читалось на его некрасивом

³⁸ обнос – перила.

худом лице. Сотник хмыкнул.

– Мы, конечно, не Ловчие, но попробуем, раз уж это возможно... если ты, разумеется, не соврал мне.

Йок вдруг выпучил глаза и, схватив Василя за рукав тулупа, с неожиданной силой поволок его за собой в избу. Там, скрывшись за косяком, он указал пальцем на одинокую пешую фигуру в конце улицы, заставленной обозами. Эта была девушка в плохонькой стеганой телогрейке и белом вязаном платке, из-под которого виднелась длинная, до пояса коса. При ней была заплечная сумка и длинный, обмотанный тряпкой предмет, что висел за правым плечом, удерживаемый толстым кожаным ремнем. Она подошла к караульным, что грелись у костра в кругу груженных товаром телег, улыбнулась, спросила о чем-то. Парни, скучавшие на своем посту, приосанились, заговорили с ласковой усмешкой.

– И это что ли, значит, и есть твоя Змея?

Василь повернулся было к нелюдю, но тот куда-то пропал, причем, видимо, навсегда. Сотник нахмурился. Самая обычная девка, он бы даже сказал, девчушка. У него самого в Камне дочка такая же. А это! Великий Дух?! Мелкая, смазливая, носик вздернутый да красный от мороза. Вся странность, что одна пришла.

– Ох, не дело это, такое дитяtko воевать! – пробормотал Василь в седые усы. – Вон парни перед ней как петушатся – хорохорятся. Что они скажут, когда приказ дам хватать да вязать эту девчонку? Подумают, совсем ум к старости расте-

рял, служивый. И правы ведь будут. Наврал йок... хотя, зачем ему врать-то? Ох, нехорошо!

Он подошел к балагурам, что уже принялись угощать гостью похлебкой.

– Собирайтесь, молодцы, выступаем. До заката еще дома будем.

Кметы заулыбались, предчувствуя радостную встречу. Василь же глядел лишь на девушку, что молчала, опустив взгляд в миску.

– А ты, девонька, кто будешь?

– Да так, господин сотник, странница, знахарка, людей от хворей разных спасаю. Дозволишь ли идти следом?

– Знахарка, значит. Ну что ж, иди, коли без злого умысла.

Василь так и не увидел ее глаз, сощуренных якобы от снега.

Весь остаток пути она шла позади обоза, лишь изредка подсаживаясь на крайнюю телегу, чтобы дать отдых уставшим ногам. А еще старый вояка заметил, как подъехал к ней один малый, из купцов – такар, а, может, цжеул – узкоглазый, с черными, как две извивающиеся гадюки, и такими же длинными усами, и о чем-то беседовал со странницей. Видимо, разговор вышел не в его пользу, так как он в сердцах сплюнул, ругнувшись на своем наречии, резко развернул коня и пустил его в голову колонны.

Солнце уже коснулось лысых вершин деревьев за их спинами, когда впереди за холмом показались стены кремля, со

всех сторон облепленные избами предместья, курившимися на морозе дымом печных труб. А еще дальше, сливаясь на горизонте с тяжелым, что свинец, ночным небом, виднелось море, гладкое и серое, как закаленная сталь клинка.

– Поздорову, старик! – весело загудел молодой голос справа. Василь обернулся. Кметы, спешившись, похлопывали кряжистую ногу старого дуба, что стоял на склоне холма, особняком от других деревьев. Древний, как сама земля, дед, баюкавший в колыбели Камень-град, видел его зарождение, стражем стоял под белыми стенами, жрецом благословлял славных детей своих. Сказывали, что в древности здесь было место силы, куда люди приходили поговорить с духами.

Сотник придержал коня, глянул на искореженного временем старика. “Ох, нехорошо! Прости, батюшка дуб, не кори?” Еще загодя он послал гонца в город, чтобы тот оповестил Ловчих и указал место для засады. Знал, что не смогут его кметы пойти против совести и поднять руку на человека, с кем обедали у костра, тем более на девушку. Обоз тронулся, а странница так и осталась стоять, прижавшись к шершавому боку старого дуба. Остался и Василь. Хмурый, как гора в пасмурный день, он возвышался на конской спине, огромный и сильный мужчина против маленькой тощей девки, что ему в дочери годилась. А на душе было так погано, что словами не описать. И тут девушка заговорила.

– Что ж я такого тебе сделала, сотник?

Голос звенел, запутавшись в морозных струнах тишины.

– Никого не трогала, зла никому не чинила. Неужели ты трус? Боишься призрака, байки, которой пять сотен лет? Неужто и князь боится? А мне что делать? Я ведь тоже жить хочу, слышишь, сотник! А ты пойми, ведь мне запрещают жить. Как тебе такое? Представь себе, кто-то берет и отнимает такое право, право на существование. А я ведь ни в чем не виновата! Ни пред тобой, ни пред другими людьми, ни пред этими упырями, чье имя йоки. Оставил бы ты меня, как есть. Или награда за мою голову покоя не дает?

Василь молчал, крепко сжав губы. Из леса за спиной слышались голоса и хруст ломаемых веток. Девушка не тронулась с места, но голос затвердел, обратившись в металл, в серебристую холодную сталь.

– Отзови Стаю, сотник, не бери грех на душу. Вдруг убью кого ненароком! Все скажут, что я демон, бездушный убийца, и никто не вспомнит, что они первыми напали на меня.

Василь в первый раз за весь разговор глянул на девушку и вздрогнул. Два янтарных в карих прожилках ока, словно два солнца на осунувшемся сером лице, приковали внимание сотника. Эти глаза ждали, и продолговатый змеиный зрачок трепетал, сужаясь и расширяясь. И было в этом взгляде столько усталости, что редко сыщешь среди старцев, убеленных столетними сединами, и столько безысходности, сколько не бывает в глазах подбитой косули.

А потом был бой. Ловчие выскочили из леса, молча скаля зубы, обступили Змею со всех сторон. Она даже бровью

не повела, лишь бросила на землю поклажу с плеч, да заткнула варежки за пояс. Кто-то кинулся первым и откатился в сторону с переломанными руками, воя, как побитая шавка. Кто-то рухнул, обездвиженный, немо разевая рот, чтобы глотнуть воздуха. Их было много, десятка три, а спустя пять минут осталось восемь. Со стороны города показался всадник. Шел быстро, темный плащ стелился по ветру за его спиной, вязаная маска скрывал лицо от ветра. Зашипела, разрезая воздух, серебряная петля, собранная из тонких звеньев. Змея уклонилась раз, другой, пятый, но кто-то из оставшихся на ногах, извернулся и ткнул ее ножом в бедро. Девушка оступилась, вскидывая руку, цепь проворно обвилась вокруг тонкого запястья. Всадник, сдерживая пятками пляшущего в испуге коня, затянул петлю, накинул еще одну, неволя извивающееся тело. Сквозь конский храп, визг и топот, прорвался крик:

– Оглушай! Бесовские дети! Тресни ей по голове, дубина!

Кто-то приложил девушке кулаком по темени, и Змея осела на землю, впрочем, не прекращая вырываться. Всадник подтянул к себе посиневшие от пут руки и воткнул в запястье пониже цепи тонкую длинную иглу, извлеченную из нагрудного кармана. Спустя минуту пленница уже не шевелилась, парализованная, лишь взгляд, подернутый пеленой дурмана, горел ненавистью. Всадник соскочил на землю и принялся вязать бесчувственное тело все той же серебряистой цепью. Ловчие поднимали раненых сотоварищей и укладывали их

в сани, что до поры прятали в лесу недалеко от дороги. Сотник, наблюдавший за дракой в стороне, спешился и подошел к незнакомцу, что укладывал свою добычу поперек седла. Тот снял маску и устало кивнул.

– Здравствуй, дядька Василь.

– Белян?!

Сотник удивленно глядел на исполосованное шрамами и покрытое нездоровой желтизной лицо и с трудом узнавал старшего Каменского воеводича³⁹, которого он учил держать в руках меч, да править конем. После того, как девять лет тому назад с его сводным братом случилось, якобы по вине Беляна, несчастье, сотник ни разу не встречал своего воспитанника. Отец отправил сына на службу к князю, и уж неизвестно, кем стал молодой воин при Владимире, но домой он являлся редко, особенно после смерти мачехи.

Мужчина улыбался, но не было радости в той вымученной улыбке.

– Чем это ты ее? – сотник указал на Змею.

– Цепь из очень дорогого сплава. Серебро и металл, называемый “белая кровь”. Если заковать йока в такие браслеты, дух в его теле засыпает, и сын смерти становится обычным человеком... хотя бы по силе.

Слова падали, как камни в воду, тяжелые и равнодушные. “Сгорел, малый, – понял Василь, глядя в потухшие глаза собеседника, – совсем сгорел, ничего не осталось, одни уго-

³⁹ воеводич – сын воеводы.

ля!»

– Думал, цепи хватит... Змей оказался сильнее, чем я предполагал... Игла. На конце иглы настой на основе полыни, собранной в определенное время в нужном месте. Для человека совершенно безвреден. Для йока в больших дозах – смерть. У них сворачивается кровь. В малых дозах – парализует, лишает сознания, дурманит. Каждому из ублюдков свое... наказание.

Василь откашлялся, поднял с земли сброшенную Змеей поклажу.

– Трофеи, – нервно хмыкнув, произнес сотник, косо глядя на Беляна, и отвернул край полотна, затянутого ремнями. Изумруд наверхия, окутанный серебряной паутиной змеиных тел, был размером с детский кулак. Василь восхищенно поцокал языком, рассматривая диковинный меч, и убрал его обратно в ножны. Воеводич удостоил оружие лишь одним равнодушным взглядом, легко вскакивая в седло. Сотник удрученно покачал головой на такое пренебрежение к великолепному клинку, но вслух произнес лишь:

– Ну что ж, поехали. Воевода, поди, заждался.

Белян криво усмехнулся. Из-за шрамов, стянувших кожу на лице, усмешка вышла особо неприятная.

Рыба выбрался из укрытия и, прислонившись к могучему дубу-великану, глядел вслед удаляющимся всадникам, один из которых увозил Змею, перекинутую через седло, как ме-

шок с песком. Рыбе хотелось плакать, но он не умел, и боль, что клещами сдавливала сердце при каждом его ударе, не находила выхода. Несчастный калека страдал молча. Зная, что поступил правильно, все равно страдал так, будто совершил самое худшее деяние в своей жизни. Как он мучился, когда наблюдал за дракой, как сожалел о своем предательстве, как велико было искушение выскочить и вспороть брюхо этим блохастым псам, когда она жалела их жизни! Теперь он больше никогда не увидит ее, не сможет коснуться ее руки, прильнуть губами к маленькой твердой ладони. Никогда! Жертва во имя любви – именно этого хотела от него Великая Ара-Земля, когда явилась ему лесной ведьмой. Что ж, теперь он понял, что есть любовь. Но почему так больно?! Жжет, плавится печать, рвет тело колдовским огнем! И никакой надежды! Но Рыба поступил правильно! Он спас ее от того, кто был уже близко, кто шел следом за своей рабой, но не успел вовремя на подмогу. Ненадолго, но все же спас.

Лис соскочил со взмыленного коня, чьи бока ходили ходуном и дымились горячим паром, быстро подошел к йоку и со всей силы ударил его кулаком в лицо. Кровь из разбитого носа залила горло, рот. Рыба молча утерся.

– Что это все значит?

Голос дрожал от плохо скрываемого гнева.

– Я тебя спрашиваю, что это все значит, ублюдок?!

Рыба, избегая взгляда своего противника, с горечью смотрел в быстро темнеющее небо за его спиной. Сопrotивление

бесполезно и никакой надежды. Из рук тирана вырвали любимую игрушку. Лис умеет мстить.

– Ты хоть понимаешь, тупица, на что обрек ее?!

Я знаю, на что обрек бы ее ты, останься она сейчас при тебе.

Ярость клокотала, собираясь густым облаком вокруг поджарого Лисьего тела, и ее огонь обжигал и без того изувеченную сущность Младшего. Да, Рыба навсегда останется Учеником, слабым и искалеченным. Слава Творцу, что это “навсегда” продлится недолго. Жаль только, что он так и не выучился говорить.

– Зачем?! Ну, зачем, паскуда, ты это сделал?

Рыба прислонился спиной к дереву и обхватил голову руками, зажмурив глаза и шевеля губами. Спустя пару мгновений он поднял лицо и очень медленно произнес, слегка коверкая слова:

– Я отвечу... тебе... мерзкое отродье! Ты... сделал ее... чудовищем, потому что сам... чудовище! Она... почти сгорела... рядом с тобой... Ей всюду... будет лучше... без тебя... Чужой. Это мой выбор... и он верен!

Глаза Лиса превратились в две узкие злые щелки.

Никакой надежды!

Рыба понял. Увидел, что будет дальше. И печально улыбнулся. Ему совсем не было страшно.

Теперь я свободен!

Вздогнула земля, потухли на небе тысячи звезд, и рас-

творилась в их свете могучая сила, вышедшая из воды и названная Дельфином.

Так умирают духи.

Лис некоторое время стоял над кучей тряпья, в которое раньше кутался Рыба. Нелюдь пошевелил ногой тулуп, и из рукавов потекла песчаная струйка – все, что осталось от оболочки. “Значит, так это выглядит,” – подумал Лис и уселся прямо на снег, скрестив ноги и спрятав лицо в ладони. Песок и дурнота от пресыщения силой. Когда убиваешь духа “по-настоящему”. Лис внимательно поглядел на свои руки. Ногти, линии судьбы, тонкие вены на запястьях – все светилось неярким красноватым светом. Он подумал, как, должно быть, забавно выглядит его лицо, и усмехнулся.

Потом его некоторое время рвало.

А ведь он не собирался убивать этого недоумка, мрак за-
бери его душу! Даже в мыслях не было, но не сдержался...

Куркат ткнулся мордой в хозяйское плечо. Лис взобрался в седло и поскакал прочь от города.

Сначала не было ничего. Лишь тьма, холод и неистовый грохот сердца, что разрывал тишину подобно лавине каменных глыб, летящих с горы. Потом из черноты вынырнули два алых злых светляка – глаза! Тот, кому они принадлежали, жмурился и шипел, изредка пыхая синим пламенем через зазубренную щель в пространстве. И рос, рос покуда не занял всю вселенную влажной густой массой.

– Разъять суставы и наново сложить, добавив пыли, – сладко пропел мяукающий голос, – ну согласиись, прекрасная картина, шедевр!

Она задрожала.

Страшное нечто внимательно смотрело на нее сверху, прищулив один глаз. Пламенеющее око закрывало собою все пространство “над”, дрожало и пульсировало, выгибаясь, словно стеклянная линза. И отражало в себе живой, обтянутый бурой змеиной кожей человеческий скелет с выпученными от ужаса желтыми глазами. Но внезапно оно исчезло. Яростный вой разорвал тонкие барабанные перепонки и вломился в пустое тело вместе с невыносимой болью.

Она закричала.

Непрочный барьер снесло удушливой горячей волной, и вслед за ней хлынули образы, мысли, голоса. “Умер! Ушел! Исчез! Убит! Кто? Дух! Кем? Не важно! Не важно! Не важно! Теперь все иначе. Убийца! Кто? Чужой! Изгой! Зачем? Проклятье! Горе! Плохо! Плохо! Плохо...” – шепот тысяч невидимых существ проникал в ее сознание, перемежаясь с неумолкающим грохотом сердца. Боль раздирала на части воспаленный мозг, выворачивала наизнанку тело, не хотела отпускать свою жертву, истязала, не давая забыться, потому что не было забытья в этом мире.

Она стонала и металась, натываясь на упругие стены, незримые в темноте. Слепота затянула ее взор тугой плотной повязкой. Но даже она не спасала от жутких видений, что

мельтешили перед глазами, словно мошकारа, слетевшаяся на свет, вспыхивали и гасли, сменяя друг друга без видимой логики и последовательности, да так быстро, что невозможно было запомнить их смысл, лишь горький пепел неведомой сути оседал на потрескавшихся губах вкусом полыни... запахом полыни... кровью полыни!

Ее долго, до сухих спазмов в опустевшем желудке, рвало.

Этот запах сводил с ума. Будто ядовитый туман, он заполнил каждую пору ее тела, проник в кровь и отравил сукровицу⁴⁰. И некуда было укрыться от этого всепроникающего дурмана. Слепота спала, и она поняла, что лежит на полу каменной клетки, обутая в тяжелые браслеты из серебристого металла, и ошейник холодит оголенную кожу. Но все это не имело значения. Плен, кандалы, тянущий сырой холод, от которого не спасала даже свежая солома, раскиданная поверх покрытого нечистотами пола, непривычно тяжелое тело. Ничего! Лишь бы он источился, этот жуткий дурманящий дух, улетучился через маленькое, забранное решеткой отверстие высоко под потолком и прекратил мучить ее!

Боль потихоньку отпускала... или притуплялась, понять было невозможно. Озноб сотрясал тело, и нечем было согреться. Она, обхватив колени руками, забилась в самый темный угол, где удобнее было наблюдать за странным существом с алыми глазами. Оно стало меньше и более не предпринимало попыток заговаривать, но его внимательный злой

⁴⁰ сукровица – лимфа

взгляд следил за каждым ее движением, выжидал момент, а в сотканном из черноты теле иногда появлялась жуткая зубчатая щель. Существо смеялось беззвучно.

Ей захотелось есть, и кто-то принес еду и кувшин с водой. С новой силой ударил в нос запах полыни. Она впала в бешенство. Черепки разлетелись по всей темнице, а вместе с ними и жгучий ядовитый дух. Яростно визжа, она кидалась на стены, царапая когтями склизкий камень, ломилась в запертую дверь, да так, что дубовый засов звенел, как натянутая сутуга, и петли надсадно вздыхали, вытягиваемые из косяка. Существо с интересом наблюдало из своего угла и посмеивалось, пуская черные струйки дыма.

Действительно глупо. Гнев мгновенно угас, сменившись безразличием. Она не знала, сколько часов, дней, месяцев длилось ее заточение. Время перестало существовать, Солнце и Луну поглотил мрак, лишь холод и голод напоминали ей, что она еще существует в этом мире. Еда пахла полынью, вода была отравлена. Она стала ловить крыс, есть их мясо, пить их кровь, но и они, нажравшись хлеба, выброшенного ею, пропитались полынным духом. В конце концов, она перестала есть и пить вообще. После этого пришло ощущение, что кровь высыхает в жилах, а то, что осталось, превращается в зеленоватый туман, настоящий на вареве из дурман-травы. Существо в углу продолжало глазеть на нее, но и это сделалось неважным. Все, что существовало вне ее, перестало иметь значение.

Видения! Теперь они казались реальнее, чем оковы, связавшие ее тело и дух. Яркие, живые, объемные они разъедали разум и приносили лишь боль – тугую, тяжелую и мучительно долгую.

Белый оскал полумесяца сквозь дрожащую толщу воды. Серая воронка в гуще седых облаков выплевывает объятый черным огнем ком, и тут же исчезает. С невероятной скоростью ком летит к земле и разбивается о прибрежные скалы. Она перестает быть водой и выходит на берег, вдыхая воздух в такт шепоту могучих волн. Изломанное о камни белое тело сочится черной кровью, и нет в нем сил перекинуться и стать тонким и прозрачным, чужой мир тяготит, иная земля тянет, не позволяет избавиться от брэнной оболочки. Она внимательно слушает Чужого и улавливает звук силы, невероятной и в то же время никчемной здесь. Она касается его и чувствует тысячу смертей, дающих жизнь и великое могущество этому иноземцу, и еще она ощущает столб – сильное мужское начало. Он и она – два плода, упавшие с одного дерева Праматери. Вот только его семя проросло в другом чертоге. Она смотрит на него и видит, сколь красив Чужой, вытканый из мрака и пустоты. Бурлит вода в ее чаше – пробуждается женская суть. Запускает она его раны, дает ему новое тело, ибо в этом мире невозможно Чужому иначе, и любит его. Он же вынимает ее сердце и съедает, смеясь и запивая рассудком. А из белых, словно луны, глаз текут черные слезы Проклятого.

Она плачет. Невыносимо предательство и невозможно прощение.

Дети смеялись, бегая вдоль кромки воды. Море улыбалось, украшая молодые тела алмазной россыпью брызг. Солнце растворялось в белых, словно снег волосах и те светились, подобно нимбам ангелов. Вдалеке показалось темное облако. Это шли братья и сестры, сверкая безумными глазами. Они хватали детей и отрывали им головы, как куклам, а потом жрали мертвую плоть, чавкая и рыча, будто шакалы над падалью. Она опоздала, чтобы спасти свое племя, но она успела, чтобы карать.

Она стонет. Глухая боль тянет вниз живота, и кажется, что отходят воды, выпуская на свет мертвого младенца.

Большие голубые глаза на обрамленном белыми волосами лице смотрят с ужасом и ненавистью. Сложно поверить, что эти глаза принадлежат семилетнему мальчику. Слишком много в них понимания. Она перешагивает через труп женщины, распластавшейся на ступенях крыльца. Мальчик отступает вглубь галереи, кольцом охватывающей каменный дом. Он один еще жив в этом царстве безумия и смерти. Она знает, что меч сейчас не нужен, много чести для выродка, хватит ножа. Шарит у пояса, но ножны пусты. Ребенок резко поворачивается и бежит прочь, стуча босыми пятками по деревянному настилу. Нельзя упускать ублюдка! Ладонь, широкая, мужская, одетая в добротную кожаную перчатку – ее ладонь – касается плоской груди, выски-

вая заветный чехол, и серебряное жало летит вслед мальчику. Мягкая, незащищенная плоть поддается легко, и клинок входит под левую лопатку по самую рукоять. Меткий удар! Мальчик падает навзничь, не издав ни звука. Длинные белые кудри становятся золотыми, лова яркие всполохи огня, охватившего дом. Она наклоняется над ребенком и с негодованием наблюдает, как остекленевшие глаза наполняются чернотой – дух входит в новое тело. Все равно не выживет, уродец! Стропила, державшие матицу⁴¹, прогорают, и крыша с грохотом рушится, взметая столб искр в темное небо у нее за спиной. И тысячи чаек, живущих среди прибрежных скал, взрезают тишину ночи насадным плачущим криком.

Она закрывает уши, но невозможно скрыться от звука, от взгляда, от боли. И снова летит в спину странного ребенка кинжал, брошенный твердой рукой. Ее рукой. И снова кричат дети на побережье, раздираемые безумной стаей. Ее дети. И снова скалит окровавленные зубы Чужой, пожирая ее сердце. Прекрасный, как бог в одеянии белоснежных крыльев, и ужасный как смерть, с черными глазами-колодцами, мертвыми, холодными, до боли знакомыми...

– Эй, детка!

Голос слишком реален и узнаваем. *Откуда он здесь, в моем кошмаре?*

– Эй, Змея! Твою мать, ты что, оглохла, мрак тебя задерит?

⁴¹ матица – главная несущая балка, поддерживающая потолочный настил в деревянных постройках.

Или сдохла там? Хельга!

Громкий шепот исходил откуда-то сверху. Она разлепила сухие, забитые песком, веки и подняла голову. Решетка была высоко под потолком, поэтому она не смогла рассмотреть говорившего, но по манере ругаться вмиг узнала неожиданного посетителя. Узнала и засмеялась хриплым надсадным смехом. Он впервые назвал ее по-имени, на свой манер, но все же...

– Ну, здравствуй, смертушка! Живой еще?

Из пересохшего горла слова выходили с таким звуком, будто сталь прикладывали к точильному колесу. Сверху слышалась возня, и на каменный пол с влажным шлепком упал кожаный бурдюк.

– Крысы – не самая вкусная пища, правда?

Лис издевался. Не по нраву ему пришелся ее безумный хохот. А еще он знал, каково это. Это она поняла по отвращению, сквозившему в его тоне. Видимо, нелюдю не раз приходилось пробовать на зуб хвостатых сокамерников.

– Там вода. Чистая. Пей, гадюка неблагодарная, скоро вытащу тебя из этой помойки.

И исчез. Она свинтила пробку, и жизнь хрустальным потоком оросила заржавевшую гортань.

Спасибо, конечно, но... чтоб ты сдох, упырь проклятый!

Застарелая ненависть с новой, невиданной доселе силой, вгрызлась в ее ослабевший разум, заставляя уставшее сердце с огромной скоростью гнать жалкие остатки крови по иссох-

шим руслам сосудов. Чудовище, сидевшее в углу, оживленно подалось вперед и, беззвучно открывая и закрывая дымящуюся пасть, жадно ловило каждую ее мысль, каждую эмоцию. От ярости она чуть было не выплеснула воду из бурдюка, но вовремя остановилась, сникла и заплакала злыми слезами, страдая от бессилия. В это мгновение она была противна самой себе, как никогда ранее. *Слабое, беспомощное, запаршивевшее страшилище в кандалах! Творец всемогущий, какое убожество!* И зачем она не поверила тому усатому цжеулу, что предупреждал ее об опасности. Кем возомнила себя, жалкое создание? Могучим воином, Великим духом?

Интересно, а кто меня сдал?

Мысль внезапно охладила ее разгоряченное сознание. Она успокоилась и впервые за долгое время плена задумалась о том, почему она, собственно, здесь оказалась.

Цжеул говорил с сильным акцентом, тщательно проговаривая чуждые для него звуки.

– Тебе беда идет. Ближко она. Уходи.

Олга недоверчиво глядела в раскосые глаза купца, такие узкие, что невозможно было рассмотреть их цвет.

– Отчего же?

– От Стаи. От мечей, от цепей...

Змея невесело рассмеялась.

– Да кто я, по-твоему, такая, чтоб за мной Стаю посылать?

Черные аспиды-усы, покрытые инеем над верхней губой,

вздрыгнули, будто живые. Цжеул нервно дернул поводья, склонился к самой луке и быстро зашептал, путаясь в глаголах.

– Я плохо говорить на твой язык! Они не чувать. Те, кто в Стае. Они нюхать, но не понимать, кто есть ты. Люди не могут знать. Люди знают только мертвых душ... дух... йок. А я видеть всех нелюдь. Я... хороший глаз... видящий. Я, как белый птица... над морем... плакать.

– Чайка?

– Да! Я вижу, что есть в тебе... ты такое. Но это все, что могу. Я... Чайка. Но крови их есть мало во мне. Я знаю, кто дух и кто женщина сразу. Только Змей. Я зрячий, и только.

Цжеул вылупил зенки и Ольга поняла, что скрывал прищуром хитрый купец. Пронзительно-голубые, будто январское небо, и прозрачные, как капля родниковой воды, глаза смотрелись неуместно на плоском загорелом лице. Где-то она уже видела нечто подобное. Миг, и припорошенные снегом длинные ресницы вновь скрыли чудесные очи, что могли видеть суть нелюдя.

– Плохой... мертвый йок говорил с... головой охраны. Я в едальне быть, когда они говорил. Они думали, я не понимаю, а я уже знать сейчас, что они хотят хватать нелюдь. Я глядеть. В караван только ты светить, но солнцем. Ты другой нелюдь... дух. Мертвые светить золотом. Холодный луч. А ты тепло. Хорошо! Уходи. Стая злые. Они победить. Солнце нельзя мешать с кровью.

Олга некоторое время молчала, разглядывая напряженное лицо цжеула. *Нелюди, оракулы, Белые Чайки, Нюхачи, вот теперь еще и Зрячие! Кого только нет! Черт бы вас всех побрал, выродки проклятые!*

– Спасибо, но ни к чему мне прятаться, да и некуда. Нападут – отобьюсь. Не отобьюсь, сдохну – все лучше, чем постоянно бежать.

– Но нельзя мешать солнцу...

– Можно, купец. Мне все можно!

Цжеул ничего не ответил, лишь плюнул в сердцах на землю, да ударил пятками своего коня, правя к голове обоза.

Мне можно все!

Давно иссохшие губы растянулись в ухмылке, рвущей тонкую кожу, и кровь выступила из трещин. Она слизнула соленые капли и сделала очередной глоток из спасительного бурдюка.

Все!

Черное существо в углу зашипело, зло прищурив алые зенки.

– Умолкни, тварь!

Чужим показался ей свой собственный голос. Не было в нем ни страха, ни гнева, ни боли – ничего, лишь усталость. Вдруг стало смешно от того, что она представила себя со стороны. Иссохшая Мара с бурдюком в обнимку. Ну, как есть: подзаборный забулдыга, подперев стенку трактира, похме-

ляется, чем бог послал.

Бог!

Вновь стоял перед ней старик – сарриб, неизвестным ветром занесенный в чуждый ему край.

Вечный шааб, как бог!

Кто же ты, Учитель? Лис, Проклятый, Чужой – много имен у тебя, но где истинное? И кто тот, что продал меня сотнику? Почему сам не вышел сразиться? Эх, Учитель, была тебе вера, пока не соврал единожды, чтоб удержатъ меня рядом. Теперь же... все возможно. Твоя безумная голова могла родить план, подобный этому. Но зачем? Урок? Нет иной причины, кроме твоего жестокого сумасшествия. Или месть? Но не мне ли нужно мстить тебе за все: за муки, за унижение, за ложь... за семью!

Она даже не заплакала. В этом месте больше не было боли. Нечему было болеть, все выгорело дотла. Так и не понятыми остались слова Ары-Земли, просившей ее не изводить себя переживаниями за людей, что становились между Лисом и его... игрушкой ли? Она давно перестала понимать свою роль в странной игре нелюдя. И чем дольше длился спектакль, тем безумнее казался Рыжий.

Кто же ты, нелюдь?

– Я знаю.

Она вздрогнула от неожиданности. Голос был противный, писклявый и неприятно отдавал в висках. Два алых ока пристально глядели из темноты дальнего угла. Она усмехнулась.

– Что ты можешь знать, тварь?

Существо фыркнуло, наполнив камеру облачком черного дыма.

– Я знаю все.

Оно вдруг стало прозрачным, лишь глаза горели в дрожащем мареве, принявшем очертание человеческого тела.

– Ты кто?

– Я – это ты. А так как я есть ты, то и ты знаешь, что знаю я, и, следовательно, знаешь все.

– Что за чушь!

Существо пожало призрачными плечами, мол, не нравится, не слушай.

– Ты было черным, стало белым... с чего это ты решило со мной поговорить?

– Ты глупая. Ты видела правду, но не можешь ее понять. У тебя лишь голый разум и дурная эмоция. Не слышишь меня. Очень глупая! А так как ты – это я, то я тоже должна быть глупой, но это не так. А то черное было не я. То есть я, так как оно было ты, а ты – это я, и, следовательно, я – это и оно тоже.

– погоди, постой... ахинея какая-то... Ты можешь говорить яснее? Что тебе нужно?

– Голый разум и дурная эмоция, говорю тебе! Беда в них!

Существо выпучило глаза и начало растекаться, теряя форму. Засов скрипнул, изымаемый из петель, резкий звук реальности разорвал тонкую суть неведомой твари и она ис-

чезла, затерявшись среди отблесков пламени факела.

– Мила!

Где-то она уже слышала этот голос... Когда-то она назвалась этим именем. Голубые глаза щурятся в темноту, желтые, словно густой мед, волосы золотятся, ловя живой отблеск огня.

– Мила... Змея, это я, Стоян!

Глава двенадцатая.

Шептун

Велидару не спалось. Он, кутаясь в свитку, сел на жесткой монашеской кровати, сунул ноги в мягкие домашние башмаки. Свечу палить не стал – луна была яркой и ее света, льющегося сквозь узкое оконце кельи, было достаточно. На соседней койке, обнявшись, спали его сыновья, старший и младший. Уступили место отцу, засидевшемуся в ученическом пределе до самой полуночи. Велидар улыбнулся. Хорошо им, молодым, а его спина, разнеженная на перине рядом с любимой женой, отвыкла от голых досок да сырости каменных стен и теперь ныла, не давая уснуть. Лекарь поднялся и вышел в коридор, плотно прикрыв за собой дверь. Здесь было темно, как до рождения солнца. Он затеплил-таки свечу и побрел в гостиный покойчик. Проходя через галерею, Велидар глянул в окно: припорошенный снегом внутренний дворик монастыря, обнесенного каменной стеной, а

за ней ледяным полем раскинулось Суровое озеро в темном кольце леса. Красиво. Он перевел взгляд на высокую башню обсерватории. Дрожащим светляком в темных проемах блуждал огонек. Брат Михал работает. Поди рад-радешенек, что на небе ни облачка, возится со своими стеклами, чертит карты, старый сыч. Велидар поежился и вдруг заметил, что по толстым слюдяным пластинам, забранным в решетку тепличной крыши, скользят неясные отблески света. Кто-то еще не спал. Странно. Оранжерея закрывалась через час после заката.

Он спустился по узкой лестнице, отворил потайную дверцу и оказался напротив библиотеки, где нос к носу столкнулся с настоятелем. Отец Гунарий был не один. Его сопровождал высокий широкоплечий мужчина. Плащ на куньем меху украшала драгоценная фибула, полушубок отделан темной парчой с золотым шитьем, на широком поясе с витой пряжкой дорогие ножны. Знатного рода был гость – мало кого пускали в монастырь оружным.

Настоятель улыбнулся Велидару.

– Вот, княже, тот ученик, о котором я тебе говорил.

Княже?!

Владимир смерил оробевшего лекаря бесстрастным взглядом и небрежно кивнул, хмуря густые брови.

– Пойдем, сынок, поговорим на сон грядущий, – Гунарий потянул приемного сына за рукав свитки, увлекая за собой в каморку при библиотеке.

Велидар зажег свечи, затеплил огонь в очаге, искоса поглядывая на настоятеля и его гостя. Гунарий тут же опустился в кресло, кряхтя и охая. Великий, живой ум, заточенный в дряхлое, изломанное подагрой тело старика. Велидар вздохнул. Князь сел напротив, все такой же хмурый и задумчивый, пальцы отбивали нервную дробь по резному подлокотнику, у губ залегла напряженная складка. Ох, не простая праздность привела его в Кимчанскую обитель в столь поздний час.

Гунарий некоторое время молчал, глядя выцветшими глазами на огонь, наконец обратился к Велидару.

– Поведай, сынок, князю о том йоке, что принуждал тебя лечить больную девушку... пять, нет, шесть лет назад.

Лекарь похолодел изнутри. Страх, что он испытал той весной, посеребрил виски сединой, и по сей день в кошмарах являлся к Велидару страшный черный нелюдь с глазами-колodцами, в коих чуть не сгнула его душа. Но Владимир внимательно глядел на него, ожидая рассказа, и не было возможности увильнуть от воспоминаний, не оскорбив государя Верийского. Велидар подчинился. Князь внимал молча и сосредоточенно, не перебивал, отчего лекарю иногда казалось, что тот совсем не слышит, погруженный в свои мысли, лишь вздувались да опадали желваки на скулах, когда Велидар описывал облик молодой красавицы. Гунарий добродушно улыбался из своего кресла, прикрыв глаза тяжелыми веками. Больше всего он походил на старого раздобревшего кота, дремлющего на печи. Велидар умолк. Тишина ват-

ным комом залепила уши, нарушаемая лишь уютным шелканьем прогорающих поленьев. Наконец Владимир расстегнул ворот полушубка и извлек из-за пазухи конверт. Гунарий молча принял и, нацепив на переносицу зрительные стекла в оправе, наскоро пробежал письмо глазами, недовольно хмурясь.

– Твой Белян дурак, каких мало, – снимая окуляры, со вздохом произнес старик. – Так злить Великого... безрассуден, а не смел.

Князь пристально глянул на Велидара.

– Можешь говорить при нем, – успокоил Владимира настоятель, – это ведь он открыл ту волшебную травку, из которой твой главный Ловчий варит свое ядреное зелье.

– Могу, но не желаю, – холодным тоном ответил князь и, повернувшись к Велидару, добавил, – ступай.

Велидар поежился, чувствуя на себя тяжелый неприязненный взгляд государя. Он знал Белослава, Каменского воеводича. Познакомился с ним шесть лет назад, как раз после того памятного случая. Белян привез своего сводного брата в Кимчанский монастырь в надежде хоть чем-то помочь несчастному. Угрюмым и надменным показался Велидару широкоплечий седовласый мужчина с изуродованным шрамами лицом. Холодными и злыми были серые глаза, на дне которых кипела черная смола ненависти. Лишь после долгой беседы за чаркой хмельной браги, которую Белян пил без меры, Велидар понял причину душевных страданий послед-

него.

В Камне йокам всегда были уважение и почет. Город пограничный, соседи-степняки не из мирных, да и на море не чисто, на то они и Безграничные воды, что не знают единого закона, каждый живет по своему укладу, по своей правде творит дела. Трудно соблюдать порядок без умелых бойцов, потому-то мастеров меча привечают, как могут, не глядя на их богомерзкую сущность, потому-то в Камне всех нелюдей кличут надзирателями.

Так вот с одним из таких надзирателей Белян по глупости и связался. И черт его дернул напроситься в ученики к йоку из клана Княжьего острова. Чернявый одинец с такими жуткими глазами, что, пожалуй, сама смерть испугалась бы, глянув в их пустоту, был, несмотря на все свои недостатки, самым лучшим мечником, которого Белян когда-либо видел. В течение пяти последующих месяцев воеводич претерпел столько оскорблений и побоев, сколько не случилось с ним за все двадцать пять лет жизни. Йок увещевал, скаля острые зубы, что надобно сначала остудить пыл, а уж после идти в бой. Однажды, экзаменуя своего ученика, нелюдь задал урок: прибыть на Княжий остров к местному оракулу и передать тому письмо. То, что люди с проклятого острова живыми не возвращаются, для всех верийцев было неоспоримым фактом, для йока же не имело никакого значения. Белослав, не предупредив отца, снарядил лодку и уже было собрался по-тихому провернуть это дело, как младший брат принял-

ся яростно отговаривать Беяна, грозясь рассказать о его похождениях воеводе, оскорблял, называя опрометчивым дураком, и в запале кричал странную фразу, что нет веры лицам. Белян, разгневанный не на шутку, отлупил мальчишку, в сердцах ответив, что тот может говорить все что угодно, кому угодно и когда угодно, ему все равно. Брат стих, вылупив на него свои прозрачные, подобные капле неба, глаза, изумленно произнес:

– Да ты очарован, Белослав! Он хочет сделать из тебя Ученика!

– Я уже его ученик, – гордо вскинув голову, произнес воеводич, – и ты не помешаешь мне учиться дальше.

После этого мальчишка стал докучать Беляну, чтобы тот взял его с собой. В конце концов, обозленный до крайности нытьем младшего брата, юноша дозволил ему себя сопровождать.

То, что произошло на острове, Белян не выдавал даже под напором сильнейшего хмеля. Только вернулись братья из этого пекла: один чуть живой с изуродованным до неузнаваемости лицом, отбитыми внутренностями и седыми волосами, другой же лишенный всякой разумности, бормочущий себе под нос словеса на чужом наречии, как есть, шептун.

Белослав винил себя в сумасшествии младшего брата и был, по сути, прав, что еще больше усугубляло душевные муки воина. Он возил его к разным лекарям, колдунам, ворожеям, но все они разводили руками в едином жесте – ничем

помочь не можем. Лишь один странник, с коим свела Беяна судьба в одном из придорожных трактиров, сказал ему, что способ есть, но нереально будет его осуществить. Шептуна можно избавить от второй души, лишь убив того, кому она некогда принадлежала. Душа уйдет вслед за хозяином, вот только найти хозяина практически невозможно, а убить и того сложнее. Но Беян знал, чья память и чувства рвут разум его брата на части, знал в лицо, но не ведал имени. Трудность заключалась лишь в том, что редкий человек осмеливался поднимать глаза на йока, а тем более запоминать приметные черты. Мало ли их, чернявых да жуткоглазых, бродит по дорогам в поисках поживы. Но упорства воеводичу было не занимать, учитывая то, что настояно оно было на жгучей ядовитой злобе ко всем нелюдям.

Отец так и не смог простить старшего сына за такой опрометчивый и глупый поступок, и Беян ушел из дома, поступив на княжескую службу.

Навыки владения оружием вкупе с ненавистью к племени проклятых сделали его самым умелым Ловчим за всю историю этого кровавого ремесла.

Велидар, на момент знакомства с воеводичем озлобленный на весь род сынов смерти, в свою очередь рассказал Белославу о некой травке, что смиряет духа зверя, заставляя тело нелюдя медленно или быстро (зависит от крепости) умирать. Особый сорт полыни, собранный в определенный день, замешивался с ядом бурой степной гадюки и морской водою.

Этот рецепт он вычитал в документе, который украл еще будучи студентом из сундука, найденного при расчистке завалов в монастырских катакомбах. Зелья он не варил, но на косяке входной двери, там, где обычно цепляют подкову, повесил пучок сухой полыни, собранный по указаниям неведомого ученого.

– Ну что ж, сынок, ступай, – примирительно произнес Гунарий. Велидар вышел, плотно заперев за собой дверь, и тут же юркнул в каморку, прилежащую к той, где велся столь интересный для него разговор. Припав к смотровой щели, он стал слушать.

– Значит, поймал таки твой Ловчий Змея, – настоятельно говорил задумчиво, потирая ребром ладони слезящиеся глаза, – и что теперь станешь делать?

– Знал бы, думаешь, стал бы я делать круг и заезжать в монастырь, – буркнул князь, расхаживая взад-вперед по тесной комнатушке. Гунарий усмехнулся, пряча невольную улыбку в седые усы. Владимир недовольно покосился на собеседника, но смирил гордыню и произнес более спокойно:

– Учитель, мне нужен совет. Ты – мудрец, много знаешь о “сынах смерти”, подскажи, как быть.

– Что ж тебя гложет, княже? Раз Змея убила... – старик вновь нацепил окуляры и взглянул на письмо, – двадцать пять человек, не моргнув глазом, то, значит, нет особой разницы между нею и другими йоками. Усыпить Великого будет самым великодушным действием по отношению к его духу и

разуму. Сам ведаешь, что некогда был он божеством—жизнетворцем. Отбирать жизнь насильственно противно его сущности.

— Ведать-то ведаю, да только никого она не убивала.

— Как же? Твой Ловчий склонен утверждать, что она, — Гунарий прочел, — многих положила...

— Мой Ловчий, — князь раздраженно передернул плечами, — склонен люто ненавидеть все их проклятое племя. Положила, почти всю Стаю, но ни одного не убила, лишь покалечила. Они ее искромсали, не озлилась. В темницу бросили, сидит. Третью неделю уже. Поят отравой полынной, кормят тем же, но она не беснуется.

— И слава Творцу, — перебил настоятель. В голосе его зазвучала сталь, — воистину велика мощь этой девочки, коль она до сих пор смиряет гнев Великого. Давно ты знаешь об этом безобразии?

Князь вздохнул:

— Письмо прибыло два дня назад. Думаешь, мне по нраву то, что Белослав занялся самоуправством? Приеду, всыплю плетей, как нашкодившему сопляку.

— Да уж, не верно я его прозвал дураком. Он сумасшедший поболе своего сводного брата-шептуна. Тот хоть мирный, а этот самого Змея воевать вздумал.

Оба смолкли на некоторое время. Велидар забыл дышать от волнения. Шесть лет назад они с Беляном сошлись во мнении, что мастер меча, обучавший его своей кровавой науке,

и нелюдь, пугавший лекаря, одно и то же лицо. И, если сошедший с ума мальчишка угадал желание духа сделать из заносчивого юнца Ученика, то быть бы сейчас воеводичу Змеем. К тому же объяснялось поведение Белослава, тянувшего с отправкой донесения князю. Он до последнего момента ждал, когда же объявится ненавистный йок, сгубивший жизнь ему и его брату. Велидара прошиб холодный пот от одной лишь мысли о сражении между обезумевшим в своем страстном желании мести человеком и хладнокровным, бесчувственным нелюдем.

Наконец, Владимир обратился к Гунарию.

– Дай совет, Учитель. Как поступить со Змеем?

– А сам что мыслишь?

– Думаю, что раз опасность существует, пусть уж ее источник будет под контролем. Ее можно использовать с немалой выгодой. Южная граница неспокойна. Хакимурд⁴² науськивает цэра Хайлиша на меня тем, что Тавробой в устье Гюрзы владею не по праву. Война будет, а не хотелось бы. А тут еще этакая напасть. Так ведь теперь – после тюрьмы да голода – как договориться? Эх, Белян, не розгой тебя, а палкой надо...

Князь смолк. Хмурая складка на лбу стала еще глубже.

– То, что убивать Змея нельзя, это ты верно решил. Таковую силу упускать крайне невыгодно. Склонить измученную пленом девушку к сотрудничеству будет несложно, коль ума

⁴² хакимурд – совет мудрых при такарском владыке, цэре.

у нее столько же, сколь и силы. Но... – старик задумчиво провел сухой ладонью по бороде, – больше меня интересует другой, скажем так, индивид. Наставник, Мастер, Учитель – в общем тот, кто воспитал ее. Загадочная фигура... Йоки не любят распространяться о междоусобицах, но ходили слухи, что Змея лет десять назад убил его собственный Ученик. Видимо, Мастер к тому времени окончательно сошел с ума, вот малый и не выдержал. Хм... мятежный дух в практически... бессмертном теле. Хорошо же он наловчился бегать от своих сородичей, раз те до сих пор его не наказали.

– Кажется, парой Змею была какая-то птица...

– Легенда говорит о Вороне, – старик медленно поднялся, тяжело опираясь на подлокотник. – Что ж, забавно, забавно... До последнего момента не верил в то, что кому-то из йоков придет в голову шальная мысль возродить спящего духа. Ан нет, нашелся-таки разумник... Дела!.. Завтра дам тебе кое-какие документы, считаешь в дороге. А сейчас мне надо отдохнуть и подумать. И еще, будь с пленницей поласковее. И умерь свой гонор. Ты – хоть и князь, все ж смертной человек, а она – дочь самой Ары, Великий дух. Пусть и не ведает об этом. А ты помни.

Велидар медленно отошел от стены и опустился на скамью. Непокорные ноги с трудом держали отяжелевшее тело. Вдруг почувствовалось, что кто-то внимательно разглядывает его. Лекарь поднял взгляд и, наверное, закричал бы во все горло, если бы не ужас, что сдавил грудь железными тисками, ис-

ключив саму возможность дышать. За оконным стеклом, затянутым узорчатой изморозью, светились два огромных волчьих глаза, видимо, самым бесом прилепленные к человеческому лицу. Нелюдь оскалился в усмешке и поднес указательный палец к губам, призывая и без того онемевшего от страха Велидара к молчанию, после чего исчез. Лекарь прижался к окну, силясь разглядеть серовласого йока. Фигура бесшумной тенью метнулась прочь, в невероятном прыжке преодолевая расстояние от оконного карниза до козырька соседней крыши, заскользила по коньку, перекинулась на крепостную стену и, замерев на миг, нырнула в дрожащее серебро ночного воздуха.

– Мила... Змея, это я, Стоян! Отзовись, а то... мне страшно подойти к тебе.

Она молчала, кутая свое жалкое тело в грязное одеяло.

– Я пришел помочь, – он сделал один неуверенный шаг внутрь темницы, неосторожно мазнув светом по сгорбившейся фигуре в углу, и отшатнулся, испуганный увиденным.

– Не смотри! – рявкнула она, и добавила с горечью, – не на что смотреть.

– Я, – Стоян замялся, теребя в руке узелок, – я... Прости! Я не знал. Я бы раньше пришел, но не знал... Вот, я принес немного молока и хлеба!.. Ты не бойся, они чистые. Я их положу вот здесь, – он сделал шаг вглубь камеры и аккуратно опустил узелок на пол. Костлявая рука, покрытая бурой

лоснящейся чешуей, выскользнула из тени, хватая подачку, и вновь исчезла в вонючей груди отсыревшего покрывала. Стоян отскочил, но в следующий миг гримаса отвращения и ужаса на его лице сменилась выражением стыда за свою слабость. Змея молча наблюдала за ним, пытаясь сообразить, что этот мужчина делает в ее личном кошмаре. Мысль работала с таким же скрежетом, как и голосовые связки.

– Боишься? – наконец выдавила она из себя более-менее внятный вопрос. Стоян, потупившись, кивнул.

– Не надо... бояться. Плохо здесь может быть только мне. Ольга понюхала душистую ржаную краюху, и чуть было не потеряла сознание. Справившись со внезапно накотившей тошнотой, она отломилла малюсенький кусочек и принялась жевать.

– Почему...

Вопрос застрял на половине, но Стоян все понял и быстро заговорил, запинаясь от волнения и страха.

– Да не знал, и не узнал бы, коли бы не та записка! Я служу в местном гарнизоне, пять лет уж, женился... Так наемни нашел письмо, не поверишь, в кармане собственного полушубка! Думал, пошутил кто... Еле разобрал, что писано. Там просил кто-то за тебя. Я пошел к надсмотрщику, спросил, кого тут недавно поймали. А он мне: ведьму словили, что знахаркой звалась, а сама потравила двадцать душ и младня с роженицей своим наговором в гроб свела.

Ольга хмыкнула, посасывая молоко из фляги.

– Я пошел к сотнику, Василию, а тот смурый, как вьюжная туча, все ругается с княжым Ловчим. Белославом того кличут, воеводы нашего сын. Он, говорят, одержим духами зверя. Жуткий человек, хуже... – он запнулся, – хуже нелюдя... От того хоть знаешь, чего ждать, а этот рубанет, даже не взглянет, виновен ли... Подошел я к Василию, спрашиваю, так и так, говорят ведьму поймали, можно ли глянуть, ни разу не видел. А он как зыркнул на меня, что я подумал, конец мне, прибьет в таком-то настроении... Говорит, пойдешь туда стражем, вот и глянешь. Узнал после, что все кметья, несшие здесь пост, разбежались со страху, говорят, что демона сторожить душ не напасешься. Мне потом тюремщик по секрету сказал, что тут Змея держат в человечесем обличье. Вот так-то...

Стоян некоторое время молча разглядывал свои валенки. Потом задумчиво произнес:

– А записку-то, наверное, твой... твой Учитель подкинул. Видишь, заботится. Раньше считал, он силой тебя при себе держит, измывается. Знаешь, я тогда думал, не доведет до перевала, бросит в расщелину, и дело с концом. Первый день боялся, второй удивлялся, а на третий озлился и стал строить планы, как тебя из полона вызволить. Люба ты мне стала...

Олга дернулась, звякнув цепью.

– А он... умный, этот Рыжий. Когда был последний привал, он мне сказал: вижу, хочешь ее к чреслам приложить, пес. Вот только зря надеешься, строишь планы. Не для тебя

она возвращена, и не станет никогда тебе ни женой, ни подружкой. Она – Змея. Она моя Ученица. И она дух зверя. Будь благодарен ей за свое спасение, но не помышляй о ней, как о женщине. И помалкивай о том, что встречался с ней, если хоть немного ценишь ее помощь и жизнь ее. Я и молчал. Но, если честно, не верил ему до конца.

– Теперь веришь?

– Теперь верю... ты пока покушай и отдохни. Я завтра приду, принесу чего-нибудь горячего.

И запер дверь.

Впервые за все время заключения Ольга уснула спокойным глубоким сном. Привиделся ей Мирон, маленький, тонкий, как молоденькая ива, и столь же печальный. Он сидел рядом, обхватив тощие коленки руками, и, хмуря в напряжении лоб, смотрел в темный угол, где двумя злыми светлячками подрагивали алые огоньки глаз, принадлежащих неведомому существу. Голос его, невероятно густой и низкий, был предельно спокоен.

– Тебе не страшно? – он повернул к Ольге белое, словно снег лицо, и ей на миг почудилось, что светло-голубые глаза юноши не имеют радужки и светятся, подобно луне.

– Я давно перестала бояться.

– Это хорошо... и плохо, – он снова глянул в черноту, – опасайся.

– Кого?

– Себя. Опасайся потерять свою волю и подчиниться бо-

ли. Иначе ты погибнешь в себе же. Нет ничего страшнее, чем сила, выпущенная через ненависть. Чем Черный Дракон.

Он коснулся серебряных оков и повел ладонью выше по запястью, предплечью, нежно тронул теплой рукою губы.

– Ты все так же прекрасна, Дева воды, – грустная улыбка скользнула по его лицу и исчезла за внезапно нахлынувшей суровостью.

– Я покажу тебе его мать. Недавно узнал я, как родился этот ублюдок.

– Не называй его так, – блаженно прикрыв глаза, прошептала она, проваливаясь вглубь видения.

Старая женщина с мягкими теплыми руками склонилась над ним, отирая мокрым полотенцем маленькое беззащитное тельце.

Мать? Нет, повитуха.

Мать, красная, с обезображенным страданиями лицом, металась в постели, исходя криком. Он видел это сквозь высокие бортики колыбели, и жалость к несчастной женщине заставляла его плакать. На миг все забыли о нем. Он остался совсем один и умолк, прислушиваясь к странному чувству пустоты, возникшему вокруг его тела. Не было страха, не было обиды, лишь спокойствие и немота холодного мира.

А потом рядом с ним положили орущего младенца, пустота лопнула, наполнив пространство бесконечными тяжёлыми смыслами, совершенно непонятными только что народившемуся уму. Младший брат надрывался в плаче, слю-

нявя искореженный рот. Тогда он взял в свой маленький кулачок его пальчик, и тот вмиг умолк, сопя и чмокая белыми губами.

А потом был сон, наполненный смазанными, глубокими и темными смыслами, которые он не смог запомнить. Они бурлили густой и в то же время прозрачной массой и были неясны ему, но их в полной мере осознавал его брат-близнец. В глазах матери, склонившейся над колыбелью, он видел отражение: двое как одно, или целое, что разделилось на две части. Мальчик с необыкновенно прозрачным, словно январское небо, и таким же холодным взглядом, и рядом с ним еще один, что крепко держал старшего брата, и веки его, в пушке густых ресниц, прикрывали зрячие белма, а тонкое тельце было белым, подобно снегу, от пяток до кончиков спутанных в кудри волос.

Им было хорошо вместе, пока не пришел странный человек, сутью своею похожий на младшего брата, наполненный ослепительным и мучительным для самого гостя светом силы. Он долго говорил с матерью, и слезы текли по ее щекам, пока она внимала его успокаивающей речи, полной колючего злого смысла.

А потом человек забрал у него брата, и он очень долго слышал его надсадный, полный боли крик, слышал и мучился от осознания своего бессилия и жгучего желания вернуть того, кто всегда должен был быть рядом. Без младшего душу старшего снова поглотила пустота. Исчез сосуд с... он

стал забывать, с чем. А на лице матери, у самых губ, пролегла глубокая грустная складка.

А потом вернулся отец и принес ему самый тяжелый, самый жуткий и самый темный смысл – ненависть и смерть.

Олга открыла глаза. Стоян склонился над ней в нерешительности, боясь коснуться спящего духа. Фонарь он предусмотрительно оставил у двери.

– Что-то случилось?

Мужчина вздрогнул от неожиданности.

– Слава Богу, ты проснулась!.. Вторые сутки спишь... я уж подумал... Вот, принес тебе ушицы, женка наварила. Жирная похлебка, справная. Отведай... Змеюшка.

Олга приняла протянутую флягу и с наслаждением приложила к дымящемуся пряным паром горлышку. Давно она не испытывала такого удовольствия от пищи.

– Князь сегодня поутру прибыл, – глядя на Олгу, осторожно произнес Стоян, – видеть тебя желает.

Змея нахмурилась.

– И что?

– Я сказал: спит уж, почитай, два дня. А он: не буди, проснется, приведешь.

– Добр князь не в меру, – с едкой усмешкой на устах проговорила Олга, жуя зачерствевший уже хлеб. Стоян отодвинулся, испуганно глядя в недобрые узкие щелки янтарных глаз.

– Что ж, веди, – она сделала попытку встать, но ослаблен-

ное голодом и зельем тело плохо слушалось приказов, ноги подломились, и Ольга осела на пол. Стоян разомкнул цепь, оставив намертво заваренные кузнецом браслеты на запястьях и шее, поднял ее на руки и вынес из темницы.

Длинная каменная лестница, зажатая узким холодным коридором, упиралась в тяжелую дверь с рыжими от ржавчины железными скобами. За ней была оружейная с широкими лавками и большим чувалом⁴³ у дальней стены, где, весело прищелкивая золотым языком, плясало тонконогое пламя. В лицо пахло теплом и живым человеческим духом.

У очага стояло трое. Один из них, воин с нездоровым цветом лица, покрытого шрамами, и седыми не по возрасту волосами, неистово размахивал руками, доказывая что-то, как говорят, “с пеной у рта” молодому мужчине в дорогом плаще, наброшенном поверх рубахи. Когда Стоян вошел, ярую речь воина оборвал властный, рокочущий гневом голосом молодого:

– Пошел вон!

Шрамленный затих, с ненавистью глянув на вошедших:

– На кого променял, князь? На бездушную куклу-убийцу?!

– Сказал, поди прочь, Белян! Я с тобой позже поговорю. О том, как государевым именем грязное дело прикрывать, да отца своего позорить! Уйди, пес!

Ловчий всхрипнул, подобно разъяренному быку, но сдер-

⁴³ чувал – комнатный камин

жал неумемную свою злость, лишь с силой хлопнул входной дверью. Стоял опустил ношу на скамью под окном, почтительно поклонился князю и вышел вслед за Белославом. Ольга некоторое время молча смотрела сквозь заиндевевшее окно на белый снег, устилавший крепостной двор, на затянутое белой шалью облаков небо, где тусклым серебряником висело солнце, и в груди становилось все тише, так, что даже сердце замедлило свой бой, смиряя дурные бессмысленные чувства. Змея повернулась к князю и его спутнику – широкоплечему седоусому вояке со скуластым, по-такарски, лицом и раскосыми, как у степняков, глазами. Государь Верийский пристально разглядывал свою пленницу, хмурия густые темные брови. Он ждал, и Ольга заговорила:

– Прости, государь, что не бью челом, слаба. Твои подарки, – она коснулась рукою ошейника, – слишком тяжелы, к земле тянут.

Владимир нервно дернул бровью, но сдержался.

– Не моею волей тебя в них обрядили.

– Но твоим именем, – с легкой улыбкой перебила она, дразня вспльчивого и надменного князь.

– Самоуправство моего человека будет наказано должно деянию, – его голос, вопреки ожиданиям Змеи, не наливался гневом, и она успокоилась, отметив, что власть не застилает ему взор и не мутит рассудок.

– Ты имеешь полное право злиться и ненавидеть тех, кто совершил над тобой насилие и заковал в кандалы. И

я, как государь и как человек, чье имя помянули в корыстных целях без моего ведома, принимаю ответственность за неразумные действия своего слуги. И прошу... простить его оплошность.

– Извини, великий князь, что прерываю твою речь. Я никого не виню в том, что случилось. Потому тебе не стоит просить прощение за грубые поступки своих подданных. Если бы я ненавидела всех, кто досаждают мне подобным образом, то давно лопнула бы...

По двору, расталкивая столпившихся у входа в казармы кметов, прошагал Белослав.

– Хотя, надо признать, – провожая его задумчивым взглядом, продолжала она, – этот был особенно изобретателен. Откуда в нем столько злобы?

– Скажем так, – Владимир огладил рукой коротко стриженную бородку, – один йок сыграл с Беляном очень злую шутку, в результате которой его сводный брат погиб... в каком-то смысле. Вот и люет мой Ловчий. Кровь горяча, рука крепка и умела, а разума с годами так и не прибавилось.

– И за что держишь такого?

– За мастерство. Он, хоть и одержимый, а сын смерти в свое время хорошо обучил его.

Олга долго глядела на князя, все глубже погружаясь в какое-то дремотное состояние безразличия ко всему происходящему. Тепло живого огня разогрело окостеневшее в подвальной сырости тело. Ум, воспаленный дурманом и голо-

дом, теперь, разморенный, работал лениво, с натугой воро-
чая мыслями, что камнями. Она очень устала, но разговор
необходимо было завершить.

– Любишь, княже, с огнем играть?

– Лучше, когда пламя сидит в печи, прикрытое заслоном,
нежели гуляет по дому, уничтожая все на своем пути.

Змея улыбнулась.

– Мудр ты, государь, но я не пламя. Никакой заслон не
сдержит меня, коли раздражить. Я вижу, чего ты хочешь.
Я многим могу услужить тебе. Но ... огонь требует жизнь
дерева за свое смирение и подаренное тепло. Чем заплатит
мне державный князь?

Владимир нахмурился и, кивнув на дверь, приказал ста-
рому вояке:

– Оставь нас, Илья Хуримович.

Тот что-то шепнул своему государю и, бросив на Ольгу
странный взгляд, вышел из оружейной. Как только шаги за
дверью стихли, князь тяжело вздохнул, будто сбросил груз
условностей, избавившись от чужих ушей.

– Мой учитель предупреждал, что с тобой будет трудно,
но я не думал, что настолько.

Олга снова отвернулась к окну, глядя на столпившихся
во дворе людей. Слух о том, что прибыл князь, разносился
быстрее, чем гнилая болезнь ветром.

– Что так? – безразлично спросила она.

– Дерзишь.

– Имею право. Обидели меня сильно... И незаслуженно.

Князь прошелся вдоль стола, нервно дернул фибулу на плече и сбросил плащ. В комнате и впрямь стало жарко.

– Ты хочешь платы? Я дам тебе свободу, – наконец произнес он.

– Свобода – не та мена, которую ты в силах дать мне, – она говорила очень тихо и без эмоций. – Твоя темница не пугает. Думаешь, эти железки сдержат меня, если я захочу выйти... Если позволю... себе выйти. Нет, княже, ты даже не знаешь, что такое настоящая тюрьма. Я давно сижу там, а ключ от нее ты не сможешь добыть даже при всем своем желании и могуществе.

– Почему же?

– Не одолеть тебе моего... надзирателя.

Владимир сел рядом, облокотившись на подоконник.

– Чего же ты хочешь? – растирая ребром ладони красные от недосыпу глаза, устало спросил он. Ольга поглядела на него с сочувствием, увидев, наконец, перед собой не государя Веррийского, а измаянного долгим переездом и непосильными заботами мужчину.

В отсутствии свиты любой князь становится обычным человеком.

– Я хочу покоя, – произнесла она вдумчиво, – хочу помыться, выспаться в тепле и поесть доброй еды. Хочу, чтобы люди не знали о том, кто я на самом деле. У меня ведь есть имя, князь. Хочу, чтобы звали меня Ольгой, а не Змеей. На-

доело всем доказывать, что я имею право на существование.

– Хочешь спрятаться? От кого? От своего тюремщика? – в его тоне не было издевки, лишь какая-то тихая затаенная грусть, но Змея вздрогнула. Владимир оказался слишком прозорлив, угадав то, о чем она даже не думала, и попал в цель.

– Это не важно, – она вновь отвернулась к окну.

– Что ж, ты будешь служить в моей гвардии, будешь состоять на довольствии из государственной казны. Взамен твоя тайна будет сохранена. Никто не узнает о том, что ты... нелюдь. Это все?

– Нет. Я не буду убивать по твоему приказу. Не люблю... смерть.

В толпе за окном мелькнула непокрытая голова Княжьего Ловчего.

– И еще желаю, чтобы Белослав был при мне.

Владимир удивленно сморгнул:

– А это зачем?

– Считай это моей прихотью... и наказанием для виновного.

– Думаешь усмирить его? – ухмыльнулся князь.

– Иначе он погибнет, – она глянула на собеседника так, что улыбка сползла с его лица. – Обычный человек не в силах вынести столь сильное проклятие ненавистью.

Трое суток она проспала на мягкой перине в доме само-

го Каменского воеводы, коим оказался старый воин, присутствовавший при разговоре Змеи с князем. После происшествия в бане, когда молоденькая служанка, увидев обнаженное Ольгино тело, упала в обморок, Илья Хуримович уложил гостью в хозяйской опочивальне и запер дверь на ключ, чтоб никто не беспокоил ее сна. И Ольга спала.

Она чувствовала себя пустой, будто изнутри вынули все смыслы, и осталась одна оболочка. Разум не воспринимал ничего, кроме белого густого тумана, и она погрузилась в него телом, которого не существовало более. Безмыслие очищающе действовало на воспаленный рассудок. Она сотню раз умирала и рождалась снова, а сон все не уходил, кутал в кокон из дымки теплого солнечного света. Это было не хорошо и не плохо. Это был покой.

А потом Змея очнулась от сладкого забытья, и в груди с невероятной доселе мощью застучало молодое и полное силы сердце. Она снова была жива.

За дверью кто-то бранился. Раскатистый бас перемежал отрывистый лающий тенор. Ольга долго лежала с открытыми глазами, бездумно глядя в потолок, изукрашенный росписью, и слушала возмущенные крики, что, приглушенные стенами, шуршали в ушах, как сыпучий горох. Наконец она встала, накинув на плечи покрывало, и пошла на голоса.

Они были похожи – отец и сын. Скуластые, смуглые, с раскосыми по-такарскими глазами и в то же время высокие, широкоплечие, как могучие дубы, с такой же буйно вьющейся

кроной, и светлоокие, как веричи.

– Ты не нарушишь княжью волю! – гремел старший, сжимая кулаки. – Мало я из-за тебя, непутевого, позора терпел?! Так ты еще супротив государя артачиться вздумал!

– Я ему не лошадь⁴⁴...

– Ты его слуга!

– Слуга?! – Белослав был похож на обозленного шакала, выставленного в клетке на показ толпе. – Пусть так, но подобные приказы исполнять не буду.

– Не позорь отца, щенок!

– Отца, приютившего дома тварь, сгубившую его сына?

– Белян, прекрати! Твоя ненависть бессмысленна!

– Это мое дело – решать свою судьбу. Я волен выбирать, что имеет смысл, а что нет. И выбрал. А ты сдался, подчинился. Ты всегда так делаешь. Я не такой! Я отомщу, пусть это будет стоить мне жизни. И ни за что не буду служить этой... этой...

Он смолк, заметив наконец Змею, наблюдавшую за семейной перепалкой с верхних ступеней лестницы. На шрамленном лице воина застыло странное выражение – смесь злобы, негодования и удивления. Илья Хуримович нахмурил седые брови, скрывая смущение.

– Доброе утро, стало быть...

– И тебе того же, хозяин, – она сверлила взглядом Беляна,

⁴⁴ первоначально, слово «артачиться» относилось к лошадям и означало упрямство, неподчинение удилам.

отчего тот сделался еще более желт лицом, чем обычно. – Ну же, договаривай, кому “этой”?

Бурые коготки заскребли вниз по деревянным перилам, сняв тонкую стружку, после чего узкая девичья ладонь легла на грудь застывшего, как кошка перед прыжком, Белослава. *Он боится!* Это откровение было неожиданным, но приятным. И Змея зашипела, буквально насаживая на свой пронзительно-янтарный взгляд холодные серые очи, мутные от болезни и темных мыслей:

– Ты, скотина, меня один раз ослабевшую да раненую взял, думаешь тебе теперь все можно? Отца позорить, князьим доверием пренебрегать? Совсем совесть потерял? Мало тебя твой Учитель лупил. Дурь не вышла совсем, как погляжу. Или ты этой дури у него набрался? С кем поведешься, от того и наберешься? Ядом иглы мажешь, цацки серебряные заговоренные таскаешь с собой, голодом неделями моришь... Чем ты лучше нелюдей, а? Я тебя, – она схватила его за бородку и с силой дернула вниз, приблизив шрамленное лицо к своему, – я тебя прямо сейчас задушила бы, но отца твоего жалко.

– Задушила бы? – прохрипел, вырываясь Белян, – а ты попробу...

Ее левая ладонь, казалось, по самое запястье вошла в правый бок воеводича и, по-видимому, причинила немалую боль – крику было, будто его пилили тупой ножовкой. Змея выдернула руку, брезгливо стряхивая налипшие на кулак

сгустки, и Белослав повалился на пол, обнимая живот и харкая желчью. Илья Хуримович кинулся было к сыну, но Ольга жестом остановила его, присев рядом со стонущим мужчиной. Она разжала руку и показала ему черный комок.

– Смотри. Видишь, это – твоя болезнь. Твоя ненависть и жажда мести. Она разъедала твою печень и набухала, медленно убивая тебе. Представь, ты мог умереть, так и не отомстив. Досадно, правда? Я вырвала ее, продлила твое существование на этой земле, но эта дрянь вырастет снова. Делай выводы, глупец. Если, конечно, есть, чем их делать.

Она отерла руки о его рубаху и обернулась к воеводе.

– Прости, хозяин. Его бы уложить в кровать да напоить теплой водой, пусть выйдут остатки. А мне одежду и мои вещи, что твой сын отобрал у меня... пленив.

Она некоторое время брела по тихим заснеженным улочкам, глядя под ноги. Упершись в крепостную стену, свернула на протоптанную в сугробах дорожку и внезапно оказалась на пристани. Серое зимнее небо сливалось на горизонте с гладким, словно стальное блюдо, морем. Тяжелые ладьи, припорошенные снежным пушком, голыми пиками мачт пронзали низкое небо, ожидая ветра, и спали, опутанные паутиной снастей, не обращая внимания на людское мельтешение на палубах. Узкие рыбацкие лодочки, словно стайки черных рыбок, сновали между могучими кораблями, ломая тонкий прибрежный ледок. Но море, несмотря на бурлившую вдоль его берегов жизнь, было немо, и от это-

го молчания закладывало уши. Ольга долго стояла на берегу, глубоко вдыхая морозный воздух. Она чувствовала, это был последний миг покоя, и потому хотелось растянуть его до размеров вечности, чтобы насладиться в полной мере перед тем, как вновь окунуться в бурный поток жизни. И тогда она услышала музыку, что звучала, казалось, лишь в ее сознании. Томный мягкий звук, схожий с дыханием морских глубин, перемежался прозрачным журчанием невероятно красивого голоса. Он плыл над водой, завораживающий и влекущий. Возможно, такой песней русалки, оплакивая свои загубленные стихией души, заманивают уставших моряков в свои объятия, тоскуя по человеческому теплу. Змея слушала, затаив дыхание. Из оцепенения ее вывел робкий оклик. Это был мальчик-служка из дома воеводы.

– Хозяин велел звать сударыню и передать, что ужин подан.

Столовались в полном молчании. Воевода был хмур и изредка бросал на гостью опасливые взгляды, не решаясь заговорить. Ольга молча ела, думая о странной музыке, услышанной на побережье. Навязчивая мысль о том, что песня принадлежит ей, не давала покоя.

– Знатно лекаришь, – наконец произнес воевода, глядя на свое отражение в серебряной ложке.

– Не спорю, – нехотя ответила Ольга, – как он там?

– Да что этому дурню сделается? – невесело ухмыльнулся Илья.

– Что же, неужто правда так брата любит, что готов с йоком драться?

– Да что ему брат! Белослав с ним особо дружен не был. Просто гордость у него шире моря, а надзиратель туда плюнул, причем не раз, вот он и взбесился. Сам себе свою глупость простить не может, а братом прикрывается. Да никто особо в то не верит. Дарим-то ему не родной – сводный.

Олга вздрогнула: где-то она слышала это имя.

– Дарим, стало быть, Даримир?

Воевода понуро кивнул:

– Я его вместе с матерью привез из Славии лет десять, а то и больше назад, когда в первый раз вдовцом остался. Теперь снова вдовый, как видишь. Фидой ее звали. Красавица, даже в зрелости была как огонь, да прогорела вся...

– Мир ее праху... и праху несчастного мальчика.

Илья вдруг потемнел лицом, шумно поднявшись из-за стола, но, так ничего и не сказав, вышел. Змея пожалала плечами. *Жалко, что погиб. Может, он что знал о младшем своем брате, Соловье ...*

Ночью круглое блюдо луны повисло прямо напротив ее окна, кропя серебром темную горницу. Олга не спала, перебирая свои записки, выискивала, что украли жадные до чужих секретов князьки прихвостни. Вроде бы все было на месте, но беспокойство лишь усиливалось. Она опустила веки и, глубоко вдохнув, открыла змеиный глаз. Что-то случилось со зрением духа после плена и ядовитого дурмана, по

сей час не вышедшего из ее крови. Змея даже тряхнула головой, но ничего не менялось: больше не было четких реальных предметов, лишь потоки цвета, перемешиваясь, текли перед внутренним взором, ослепляя и завораживая своей яркостью и мощностью, будто приоткрылось иное пространство вне этого мира. Змея долго наблюдала за движением пятен, силясь понять закон их существования, покуда не появилось странное ощущение единения и тут же все померкло, сделавшись ясным и связным. Вслед за пониманием пришло усиленное во много раз чувство беспокойства и опасности, источник которой находился рядом. За ней кто-то следил! Ольга открыла глаза и резко обернулась, успев на грани двух видений поймать образ: размытое лицо с внимательным и сосредоточенным взглядом необычайно ярких, будто две голубые звездочки, глаз. Змея недовольно нахмурилась. Накинув на плечи платок, она вышла в темный коридор.

В большом полупустом доме воеводы все давно спали. Половицы тихонько поскрипывали, будто недовольно вздыхали, чувствуя на себе незваную ношу. Она заглянула в комнату, где, раскинувшись на кровати, беспокойно спал Белослав. Его тяжелое хрипловатое дыхание заставило Ольгу на миг забыть о наблюдателе и склониться над мужчиной. Бережно, чтобы не потревожить зыбкий сон, она отерла грудь, шею и лоб мокрым полотенцем, вглядываясь в шрамленное лицо. Йок был обоеруким, так как удар, изуродовавший Беляна, был нанесен с равной силой из перекреста двух клин-

ков, смыкавшихся обычно на шее, но воеводич чудом увернулся, и сталь скользнула по лицу, не тронув сонную жилу. Лис учил Змею этому приему, и она знала, что так нападают с одной целью – убить. Воспоминания о нелюде заставили Олгу на миг посочувствовать Белославу в его ненависти. Но как только уголья застарелой злобы выдали всполох, чувства обострились, и Змея вновь ощутила наблюдателя... спиной... сквозь стену!

Цветовой ли поток пересек границу двух видений и проник в реальность, сливаясь с вещным миром, или же Олга, потеряв контроль, почти целиком слилась со Змеем, то было не ясно. Ясными были лишь большие льдистые глаза на не по-детски красивом лице. Мальчик из видений, прошлое Лиса, смотрел на нее, казалось, сквозь время, будто ждал чего-то, спокойный и холодный, словно статуя. “Ну вот, – подумала Олга, с тоской разглядывая знакомый образ, – неужели и здесь опоили?”

Она прошла в дальний угол спальни, отворила спрятанную в нише дверь и по узкой лестнице спустилась в темный покой. Сначала ей показалось, что она ненароком забрела в кладовую, куда за ненадобностью сваливали всякий хлам. Скамьи, стулья, сундуки, комоды, шкафы, зеркала на подставках, завешенные, как при покойнике, простынями – все замерло в каком-то причудливом хороводе, центром которой была массивная кровать с балдахином. Змея протиснулась к ней и отдернула тяжелый завес. Смятая постель была пуста.

– Никого? – вкрадчиво поинтересовался тихий неприятный голос из глубины завалов.

– Угу, никого... там давно уже никого нет, – ответил другой, по-мальчишески задорный и недобрый, и тихий смех рассыпанным жемчугом покатился по комнате.

– Покажись сейчас же! – строго произнесла Змея, вглядываясь в темноту.

– Вот и сам скажи ей, чтоб ушла и оставила нас в покое, – продолжал бубнить некто третий, – пришла, орет, мешает думать...

– Заткнись старик! Ты так туп, что тебе даже тишина не поможет, – мальчишка зло засмеялся. Недовольное ворчание стихло. *Да сколько вас здесь?* Ольга подобралась к скамье, заваленной тряпьем, сдернула одеяло и увидела призрака: человека, который для всех был мертв.

Даримир как две капли воды походил на своего младшего брата, Игната Соловья, вот только было в его облике что-то... Ольга пошарила вокруг, найдя тяжелый шандал, затеплила свечу и осветила тощую фигурку обитателя тайника. Это было лицо безумца, худое, измученное видениями, и оттого некрасивое и жалкое, с перекошенным неестественной улыбкой ртом в кольце губ по-женски мягких и нежных. Это был взгляд умалишенного, смотрящий сквозь мир и углубленный в себя. Это был шептун с голубой вязью печати во-круг трепещущего сердца. Теперь, в свете живого огня, Ольга не видела сходства с Соловьем и удивлялась про себя, что же

заставило ее так ошибиться? Если этот несчастный когда-то, по словам Елани, был красив, то ныне вряд ли можно было назвать его таковым. Дарим же продолжал бессвязно бормотать, закрываясь ладонями от света, и все пытался выдернуть одеяло из цепких пальцев Змеи, внимательно разглядывающей свою жертву. По непонятной причине вид выпирающих ребер, впалого живота и тазовых костей, торчащих, как две рогатки, из-за пояса сползших на бедра грязных подштанников, вызывал у нее раздражение. Она схватила его за подбородок, встряхнула и рявкнула:

– Замолкни!

Дарим сощурился и пристально глянул на Ольгу совершенно осмысленным и очень недобрым взглядом темных, как ночь глаз. Она вздрогнула от неожиданности и ослабила хватку. Дарим вырвался, отполз в дальний угол лежанки, поскуливая, как побитая собака, и снова забормотал, хлюпая носом. *Что за наваждение! Этот взгляд... могу поклясться, что секунду назад его глаза были светло-серые!* Она под села к одержимому чужой сутью, приобняла за дрожащие плечи, повернула к себе и бережно взяла в ладони мокрое от слез лицо. Блуждающий взор бесцветных глаз был мутен.

– Дарим, – нежно позвала Змея, – Даримир. Ты меня слышишь, Даримушко, солнышко, звездочка ясноокая?

Он потерся щекою о мягкую ладонь, улыбнулся и посмотрел Змее в глаза, будто окунул в теплое синее-синее озеро.

– Здравствуй, светлая.

Она некоторое время молчала, пораженная.

– И ты здравствуй, Дарим.

– Ты так прекрасна, светлая. Кто ты?

– Змея... но ты можешь звать меня Ольгой.

– Могу, – кивнул он, и вдруг взгляд его стал тоскливым,

будто он неожиданно вспомнил что-то неприятное. – А, я знаю, кто ты! Ты тоже будешь мучить меня? Как они?

– Нет, мучить не буду...

– Я верю. Ты, пожалуй, самый хороший из снов за последнее время, – грустная улыбка скользнула по его губам, – да что уж там, единственный хороший сон.

– Я не сон, Дарим. Я реальна.

– Возможно, но я не вижу разницы. Те, другие, тоже реальные, иначе как бы они могли принести мне столько боли...

– Кто – другие?

– Другие... сны.... Я не могу называть их людьми.

– Их много?

– Не знаю, наверное, много, – взгляд юноши вдруг остекленел, лицо исказилось гримасой боли. Он обхватил голову руками, продолжая шептать.

– Они все время кричат в моей голове, они все хотят жить. Это так страшно, когда они рвутся... наружу. Но я не могу их пустить. Мучительно! И нестерпимо! А они хотят выйти... особенно этот, черный, как смерть... как тьма... как ночь, – голос его тускнел и чах подобно цветку, опущенному в ядовитую воду. Взгляд вновь стал бессмысленным и мутным.

– Дарим?

Тот поднял глаза, окатив ее чернотой бурлящего дегтя.

– Что тебе нужно от меня? – он прищурился, с интересом оглядывая ее, – зачем пришла?

– Поговорить.

– Зачем убивать время ненужными словами, – голос сделался низким и хриплым, а взгляд серым и холодным, – лучше помолчать.

– Ага, заткнуться, и оставить меня в покое, – темные глазища сверкнули и погасли. Дарим уткнулся подбородком в колени и замер, безучастно глядя на дрожащую струйку свечного пламени.

Олга некоторое время молчала, глядя на тонкий вытянутый профиль, окутанный выющейся дымкой белесых волос, на искусанные губы, на бугры выпирающих позвонков, и в груди росло, набухая, тоскливое, ноющее чувство. Она взяла безвольную руку шептуна. Дарим покорно встал, подчиняясь ее воле, и пошел следом, все так же глядя куда-то в пространство. Олга уложила его в кровать, накрыла одеялом.

– Спи.

И тот мгновенно заснул, свернувшись в тугой комочек.

Сколько чужих жизней заперто в твоём теле, мальчик? Шептун... хм. Синеокий юноша, сероглазый старец, да наглый малолетний грубиян с черным взглядом? И не похоже, что список оканчивается этими тремя. Что за изверг поставил тебе печать, притягивающую заблудшие души? Или

все печати действуют подобным образом?

Утром Ольга поинтересовалась у хозяина, почему тот прячет младшего сына и прикрывает его существование ложью о мнимой смерти, на что воевода – убеленный сединами могучий воин – вдруг опустил лицо в ладони и по морщинистым щекам, наверное, впервые за многие годы покатались скупые и оттого крепко соленые слезы. Илья рассказал ей все, что знал. Как десять лет назад его старший сын, смелый, но слишком самолюбивый, навязался к надзирателю-одиночке в ученики, как злобный йок издевался над Беляном, и как дал ему заведомо невыполнимый урок – съездить на Княжий остров и доставить письмо оракулу. Поведал о перебранке между двумя братьями, о том что все видел, но не останавливал, надеялся, что старший одумается, но как услышал слова младшего: “Да ты очарован, брат!” – понял, что поздно. Увещевания уже не действовали на своевольного Белослава, он сбежал сразу же после разговора с отцом, прихватив с собой живой щит – Даримира. А потом была страшная неделя ожидания, когда воевода вывел боевую ладью к берегу проклятого острова и ждал, маясь от страха за детей.

Илья уже не говорил, шептал хрипло, сдерживая лавину настоянных на времени и оттого очень горьких и тяжелых чувств. О том, как выловили в море парусное суденышко, где обнаружили два его сына, один седой да при смерти от кровоточащих ран, а второй – безумный шептун; как привез домой и отдал на руки ничего не подозревавшей Фиде поло-

умного Дарима, и умирающего Белослава; о том, как женщина выхаживала старшего, и рыдала над младшим, зная, что последнему ничем уже не поможешь; как вставший на ноги Белян возгорелся мстительным чувством и стал Ловчим, в надежде отыскать и убить надзирателя, сыгравшего с ним такую злую шутку.

– Три года назад Дарим стал буйствовать. На мать кричал чужим голосом. А когда в себя приходил, пытался покончить с жизнью. Для моей Фиды это было настоящей мукой – видеть, что творится с ее кровиночкой. Не выдержало сердечко, и остался я вдовым да сирым. Было у меня два сына, да жена красавица. Теперь один на свете. Жена умерла от горя. Сыновья сгинули. Один в пучину ненависти, другой во тьму безумия. Иссяк мой род, Ольга Тихомировна. И за что меня Творец проклял, не ведаю.

Глубоким стариком казался Змее сидевший перед ней человек. Она задумчиво покусывала губу, глядя на почти сгоревшего в горниле злой судьбы воина, и размышляла о том, сколь сильна человеческая душа, и где предел той боли, что она может стерпеть, не разбившись от страдания. Где предел ее боли? И где предел ее силы? И есть ли он вообще, этот предел? Она не знала. Но видела: этому человеку осталось совсем чуть-чуть, чтобы сломаться окончательно.

– Ты не прав, Илья Хуримович. Твои сыновья еще молоды и могут дать продолжение роду. Не иссякнешь ты, коли будешь надеяться, потому что не осталось у тебя ничего, кро-

ме надежды.

– Неужто такое возможно?

– Белослав чрезмерно горд и слишком одержим навязчивой идеей. И то и другое лечится временем. Он – твоя опора.

– А как же Дарим...

– Ему я помочь не в силах. Снять печать может лишь поживший ее. К тому же, Дарим чужого рода, не стоит тебе лезть в его судьбу.

– Ты говоришь слишком жестокие вещи, девочка, – Илья сдвинул брови. – Я не брошу того, кого тринадцать лет звал сыном.

– Что ж, пусть так, но лучше тебе отпустить его. Пусть уйдет туда, куда уходят все шептуны. А пока ты держишь его взаперти, Дариму будет лишь хуже.

– Но он убьет себя!

– Если он настолько слаб, что не может жить с этим, так тому и быть. Это его выбор.

– Я не верю своим ушам! Ты предлагаешь мне доверять выбору умалишенного?! Да он же не ведает, что творит!

Олга усмехнулась.

– Илья Хуримович, Даримир не сумасшедший. Хочешь поговорить с ним?

Воевода до последнего момента гнул брови, уверенный, что гостья насмехается над его горем, покуда не увидел, как глаза его сына пояснели, взгляд стал осмысленным, и он связно заговорил, откликаясь на тихий голос Змеи.

– А, это снова ты, светлая! Я рад, что ты пришла.

– С тобой хочет поговорить отец.

– Мой отец? Но его же убил йок из Озерного клана.

– Нет, отчим, Илья.

– Ааа, – Даримир грустно улыбнулся, – Не вижу его. Он рядом?

– Да, у меня за спиной.

– Плохо! Совсем плохо, что не вижу. Раньше видел... – он вдруг поднял лицо, слепо глянул на воеводу. – Прости, отче! Прости, что нарушил запрет. Прости за маму. Прости, но я не мог иначе. Белослав стал бы сыном смерти, а это намного хуже. Только не говори ему об этом, хорошо?

Взгляд Дарима вновь стал мутным, и голова безвольно упала на грудь. За дверью кто-то застонал. Илья испуганно метнулся к Белославу, что сидел по ту сторону на полу, обхватив голову руками, и выл, как побитый зверь.

– Будьте вы все прокляты! – крикнул он Змее, глотая злые слезы. – Ты, и весь ваш поганый нелюдский род!

Она ничем не ответила на резкий выпад, лишь безрадостно усмехнулась.

Утром следующего дня Ольга распрощалась с Каменским воеводой и по приказу князя Владимира отбыла в Тавробу, сопровождаемая Белославом.

Глава тринадцатая.

Одиночество

Тонкая ледяная чешуя мелодично хрустела, раздвигаемая тугим водорезом ладьи. Ветер кидал в лицо крупные хлопья липкого снега. Мимо в снежном тумане проплывали белые колоссы островов, больших и малых, обитаемых и пустынных. Где-то среди них был и ныне заброшенный кусочек бесплодной земли, где Змея вступила в поединок с Лисом за право быть свободной, но в результате лишь ту же затянула путы на своей шее.

Олга стояла у борта, кутаясь в дорогой плащ на лисьем меху – подарок воеводы, – и слушала песню волн. Море шептало, перекатывая тяжелые валы, вдумчиво и мерно проговаривало слова на языке неведомом человеку, но таком знакомом Змею.

Воеводич сидел между гребных скамей, уткнувшись щекою в кулак, сжимавший рукоять меча, и вот уже много часов пристально глядел в пространство перед собой, не шевелясь и, казалось, не дыша. Моряки, прежде с интересом рассматривающие седого воина, теперь косились на него с опаской и обходили стороной. Даже запах наваристой похлебки, доносившийся из трюма, где у специального очажка хозяйничал кашевар, не отвлек Белослава от созерцания. Олга присела рядом на скамью.

– Принеси мне поесть.

Белян сморгнул.

– Сама не можешь?

– Ты не понял. Это был приказ. Выполняй... ученик.

Он резким движением оторвал себя от насиженного места и, четко печатая шаг подкованными каблуками сапог, удалился. Вернувшись, он небрежно сунул ей миску с наваром и вновь сел, подперев борт спиной. Змея достала из-за пазухи ложку, зачерпнула дымящееся варево, поднесла к губам, принялась и, ухмыльнувшись, отправила ее содержимое в рот. На языке остался горьковатый вкус полыни.

– Мало соли, – она точным движением отправила содержимое тарелки за борт, протянула ее Белославу, – сходи за новой пайкой, да посолить не забудь.

Когда Белян поднял на нее злорадный взгляд, надеясь узреть действие яда, Змея, уже не улыбалась – скалясь клыкастой улыбкой, слегка прихлопнула его по голове тарелкой. Звук вышел на удивление гулким, и Ольга, не выдержав, хрюкнула, пряча смех в груди. Рубцы на лице Белослава налились багрянцем.

– Ты что, издеваешься, стерва? – он вскочил. Миска перелетела за борт и исчезла в волнах.

– Как к Мастеру обращаешься, щенок? – она грозно свела брови.

– Ты? Мастер?! Ха! Вставай, посмотрим, чему ты меня сможешь научить?

Белян отошел на пару шагов, откинул полу плаща и положил ладонь на рукоять, изготовившись к бою. На ладье вмиг стало тихо, лишь шелестело море, перетирая скорлу-

пу льдин, да напряженно скрипели снасти. Она долго глядела на застывшего в немом ожидании мужчину, озлобленно-го и изможденного своей ненавистью, после чего произнесла негромко и удивленно:

– Белослав, ты что, совсем дурак? Еду травишь, людей пугаешь, поединок вот затеял на корабле. Ты же взрослый человек, ну так и веди себя, как подобает мужчине, как должно воину. Успокойся, успеем еще силой помериться. Сядь.

– Ну уж нет, не буду я слушать твои речи, змеюка, – Белослава трясло от уже охватившей его ярости, – вынь клинок и покажи, что умеешь. Не могу назвать Учителем того, кто слабее меня.

Олгины глаза превратились в две узкие янтарные щелки. Она подошла к воеводичу почти вплотную, подняла раскрытую ладонь к груди и медленно сложила ее в кулак. Настороженность, изумление и испуг быстро сменяли друг друга на лице Беяна. Он, неожиданно поняв, что не может дышать, принялся судорожно хватать ртом воздух, силясь протолкнуть его в пережатое невидимой удавкой горло.

– Не злил бы ты меня, – она разжала руку, и Белослав, кашляя, согнулся вдвое, сплевывая накопившуюся во рту мокроту на палубу.

– Сядь подле, – тоном, не терпящим пререканий, указала Змея. Он повиновался: тяжело опустился на скамью, пряча красное от стыда и унижения лицо в ладони. Один из гребцов принес две миски, кутившиеся ароматным дымком. Ол-

га, поблагодарив, приняла еду из рук моряка, отметив странный взгляд последнего. *Что ж, пусть лучше считают ведьмой, нежели йоком.*

– Ешь, – она подала тарелку Беляну. Руки последнего тряслись, когда он подносил ложку к губам, и голова клонилась все ниже, скрывая лицо за ширмой растрепанных седых волос.

Она помнила эти чувства: гордыня, вколоченная в грязь, оскорбленное достоинство, боль униженной души, переходящая в боль телесную, когда сердце готово выпрыгнуть из груди от бессильной ярости, – помнила, сопоставляла и все равно не понимала жестокость Лиса, его суровые методы смирения непокорного духа. Не понимала, чем она заслужила такое отношение, но ясно видела, что с Белославом действует методами своего Учителя, и это было страшно. Но что было еще страшнее, так это то, что она считала подобное воспитание правильным по отношению к этому не в меру спесивому дураку. Змея действительно становилась похожей на Лиса. *Как? Когда это произошло?* Она отставила пустую миску.

– Белян, знаешь, кто меня сдал сотнику?

– Какой-то немой однорукий йок, – невнятно пробурчал воеводич.

Рыба?! Олга почесала кончик носа, попутно смахивая налипшие на ресницы снежинки.

– Скажи мне, Белослав, почему ты так ненавидишь йоков?

Молчание.

– Ну же! Ведь ясно, что Дарим здесь не главная причина.

Молчание.

– Отвечай!

Белослав вскинул седую голову.

– Почему? Ты спрашиваешь меня: почему? Потому что все вы лживы и надменны! Потому что считаете людей скотом, недостойным внимания, слабыми существами, чьи шкурки продаются на торгу за золото! Все вы игроки, и ставкой вам – чужая жизнь. Кем вы мните себя? Богами? Вершителями судеб? Кто дал вам право судить людей? Почему, за что, для чего вы наделены такой силой? Чтобы издеваться над нами?

– Ты говоришь о ком-то... кто он? – холодно перебила Змея. Белян осекся, вновь опустив голову.

– Ну же, я жду. О ком речь?

– Он учил меня. Редкий мерзавец, но и редкий мастер. Он играл со мной, использовал. Я не знаю его имени, но оно известно тебе.

– Что ты имеешь в виду?

– Он твой Учитель.

Олга уставилась на Беляна.

– Откуда такая уверенность?

Молчание.

– Значит, твой брат не ошибся, нелюдь готовил тебя на мою роль... Что же ему помешало?

– Я не знаю, – буркнул Белян и добавил, уже задумчиво, – не пойму по сей день, что произошло на Княжьем острове. Йок дрался со мной, хотел убить... потом появился белоглазый и... или сначала был оракул, а потом бой. Я не помню. Там по берегу растет трава, похожая на лопух, только черная и смолянистая. Над этой травой воздух густой и вязкий, будто соткан из тонких липких тенет. От этого дурмана раскусодок мутится и память начисто отшибает.

– А Дарим...

– А что Дарим! Он теперь шептун, двоедушец... коли убил бы я этого мерзавца, брат вновь стал бы свободен.

Олга замерла.

– Но Ли... нелюдь уже тогда не имел души! Что же оракул запечатал в сердце Дарима?

Белян безрадостно усмехнулся.

– А бес его знает, – он посмотрел Змее в лицо, и она впервые заметила, насколько холодна и безжизненна серая глубина его глаз, – но ведь там больше никого не было.

Олга отвернулась, вспомнив одну из личин несчастного шептуна. *Вот черт! А у тебя-то, Белослав, душа старика. Брюзги, требующего покоя и уединения. Не по той дороге ты пошел, вот и наказала тебя судьба. Да уж, дела!*

Тавроба оказалась большим и очень грязным городом. Шумное смрадное порубежье, место, где две нации, подобно двум морским течениям, сшибались лоб в лоб, образуя бе-

шенный водоворот, в котором мешались обычаи и традиции, нравы и устои, язык и кровь.

Сильная оттепель разбудила скованные морозом запахи, и над пристанью витал неприятный гнилой дух рыбьих потрохов, несвежей снеди и отходов. Последствием теплой погоды при обилии снега была и непролазная грязь, в которой тонули даже деревянные тротуары, проложенные вдоль улиц там, где не было мощеных дорог. Глядя на все это непотребство с борта лады, Ольга, хмурясь, воротила нос и мысленно хаяла князя самыми скверными словами, которые только слышала от Лиса.

– Не гни понапрасну бровь, – заметив недовольство на лице Змеи, заговорил с ней капитан, – время такое. Местные его пычрак-ай кличут, по-нашему грязный месяц. Солнце припечет, землю в камень обратит.

– А мороз вдарит, коньки надевай?

Моряк рассмеялся в просоленные усы, кивая:

– Примерно так, красавица, примерно так.

Велико было желание сесть Белославу на шею и таким образом добраться до крепости, но Ольга сдержалась, всучив воеводичу всю поклажу, и отправила вперед показывать чистый путь к дому наместника.

– Бывал здесь?

– Бывал?

– Ну так веди.

Наместник оказался худосочным лысым мужичком с цеп-

ким и оттого очень неприятным взглядом сощуренных черных глаз. Белослава он встретил как старого, но не очень хорошего знакомого, сдержанно улыбнулся, пожимая сухонькими ладонями могучую руку воина, внимательно прочел письмо князя:

– Тебя что ли Владимир сослал на рубеж наставничать? Чем провинился-то... опять?

– Сослал меня, то правда, – напустив на себя безразличный и суровый вид, ответил Белян, – а учитель – вон, на лавке отдыхает.

Наместник после этих слов наконец-то заметил Олгу, скромно сидящую в дальнем углу приемного покоя, и бесцеремонно впери в нее свой изучающий взгляд. Змея откинула капюшон с лица и ответила ему взаимностью. Наместник несколько мгновений будто замороженный смотрел в янтарные глаза, блестящие в полумраке комнаты подобно двум золотым звездам, после чего, сделав, казалось, огромное усилие над собой, вернулся в реальность и недоверчиво покосился на Беяна.

– Женщина?

Тот лишь пожал плечами, мол, я здесь ни при чем.

– М-да, незадача... Позвольте узнать имя отчество.

Змея не стала вставать, вынуждая мужчину приблизиться к ней.

– Ольга, по батюшке Тихомировна. Мне нужна отдельная горница при казармах, с оконцем и столом для письма и

конь, желательно молодой и необъезженный. Так же требуется задаток десять монет серебром, а моего подмастерье, – Змея кивнула в сторону поджавшего губы Беляна, – попросу поселить в общаг с молодыми кметьями.

Она молча прохаживалась вокруг ратующихся воинов, сцепив пальцы за спиной, маленькая, в короткой, выше колена, рубахе, стянутой под грудью широким поясом, в темных, такарского кроя шароварах, безбоязненно ступая босыми ногами по мерзлой, еще покрытой снегом земле. Тугая коса, обмотанная по концу зеленым шнуром, змеею струилась меж выпирающих лопаток, а на упругой груди покоилась золотая птичка-подвеска, полученная в Ходонске от старика-сарриба. Сотник и Белослав, сидя в сторонке, провожали ее неспешную ходьбу внимательным взглядом, как, впрочем, и многие другие из старших, что хмыкали в седящие усы да недоуменно качали головами, глядя на дурную девку, что вместо вышивания да прядения ввязалась в мужское суровое ремесло.

– Хороша, – цокая языком, приговаривал сотник, щуря и без того узкие глаза.

– Угу, – мрачно соглашался Белян. Неделю назад, точно по приезду, он все же вызвал Змею на поединок. К счастью, никто не видел его позора, зато отчетливо вспомнились уроки нелюдя, когда тот за пару секунд укладывал заносчивого ученика носом в грязь, безоружного и беспомощного. Она

была ему под стать и силой, и умением, и крутым нравом. Последний проявился, когда пару дней назад он вновь пытался ее отравить полынным дурманом. Змея выбила ему пару зубов, потом привязала к воротам и прилюдно отстегала вожжами, исполосовав причинное место в кровь. Вся дружина в тихую посмеивалась над Беляном за его спиной, ибо каждый знал, что в открытую идти против княжьего Ловчего подобно смерти. Да уж, хороша девка, ничего не скажешь.

– Ты посмотри, как ступает, – продолжал сотник, – чисто рысь скрадывает! Грязь на пятках и та лоснится, будто шелковая.

– Угу, – Белослав отлично знал, что то не грязь, а чешуя, но молчал.

– А что это она под ноги смотрит? Вон парни как хорохорятся, стараются, а она даже не взглянет. Почему так, знаешь?

– Они не воспринимают ее серьезно, играют. Это ее раздражает.

– Вона как! Ух, характерная! Неужто правду так сильна, что даже тебя поборола? Или, может, ты поддался? – сотник многозначительно подмигнул смурому собеседнику. – Я бы поддался. Ради такой и вожжи бы стерпел.

Сотника от расправы за оскорбление спасла только его искренность, да повелительный окрик Змеи.

– Белослав, поди встань в ряд.

Воеводич повиновался. Он знал, что Олге необходимо бы-

ло набрать с десятков крепких как телом, так и духом парней и воспитать из них мастеров в личную гвардию князя – отряд тайной исправы⁴⁵. Но при таких настроениях сделать это не удастся. Его же – главного Ловчего, единственного в своем роде ученика йока среди людей – боялись все. Дурная слава о седом сумасшедшем убийце шла вперед... и назад, и вбок, и всюду, где жили ратные люди, увлеченные своим делом. Как только Белослав ступил на плац, кметы подобрались и принялись сосредоточенно охаживать друг друга палками. Он велел очистить круг и дал наказ нападать по двое. Началась настоящая потеха, поглазеть на которую сбежалась вся округа. Двор наполнился гомонящей ребятней, хихикающими девками, да прочими любопытными всех полов и возрастов.

Олга сидела в стороне, с замиранием сердца наблюдая за движениями воеводича, и видела в нем Лиса. Та же сумасшедшая одержимость боем, тот же задор, знакомые техники. Даже через этого искалеченного ненавистью мужчину он умудрялся преследовать ее, мучить одним лишь напоминанием о себе. Она тряхнула головой, отгоняя морок, и сосредоточилась на бое.

– Хватит!

Змея вошла в круг, оглядела вояк, потиравших ушибленные бока, нахмурилась. *Труссы. И слава Творцу, что таких большинство.* Она вздохнула.

⁴⁵ тайная исправа – полиция

– Есть среди вас такие же отчаянные и безрассудные, как этот молодец, – она кивнула в сторону Белослава, – кто желал бы пройти его путь? По своей воле, а не по указу князя стать учеником надзирателя?

– Это нелюдя что-ль? – долетело из толпы.

– Да, Кодым, нелюдя.

– А что, есть подходящий учитель?

– Да к демону! Говорят, они над младшими измываются, цепами бьют да голодом морят, чтоб крепче были.

– Ну уж дудки! Видал я их. Адовы отродья. Кто ж с ними по своей воле свяжется?

– Меня! Меня возьмите! – расталкивая локтями тесные ряды, в круг ввалился мальчишка лет шестнадцати и, неловко оступившись, распростерся на земле, уткнувшись носом в сапог Беляну. Дружный гогот толпы вспугнул прожорливых галок с ближайшей помойки, не смеялись лишь Ольга и Ловчий. Мальчишка вскочил, утирая кровавые сопли из разбитого носа, и угрюмо глядел на Змею.

– Возьми его. Он будет хорошим учеником, – шепнул Белян.

– Почему это?

– Он похож на меня.

– Это-то и плохо, – вздохнула она.

Их набралось одиннадцать человек: восемь из дружины и трое пришлых. Молодые и не очень, все они жаждали одного

– силы, умения и, конечно, власти, что шла рука об руку с силой и умением. Не того ли хотел и Белян, напрашиваясь в ученики к нелюдю-бирюку? Не ради ли могущества и жажды власти безропотно сносил унижения, оскорбления и побои, на которые Лис был щедр во всякое время? *Выучусь, отомщу.* Ольга помнила эту мысль. Когда-то она принадлежала ее измученному сердцу, ее уязвленному самолюбию и растоптанной гордости. Разница была лишь в том, что она, в отличие от этих людей, была не вольна выбирать. Путь ей указывал Учитель... крепким кулаком и острым клинком.

– Почему я должен пестовать этих олухов, – злился Белослав.

– Потому что иначе я не буду пестовать тебя, – улыбалась Змея, показывая острые клыки. И так каждое утро: долгие изнурительные тренировки на берегу моря, сокрытые от чужих глаз морозным туманом, пронизывающим распаренное тело острыми иглами холода, сладкая ломота в мышцах от доброго труда и вечное недовольство седовласого ученика.

Он слушался. Ворчал, что старый дед, ярился, но слушался. Шел в крепость, пинками вышибал из казарм сонный молодняк и гонял их по плацу вместе с прочими кметами. После выводил своих подопечных за крепостную стену и продолжал урок.

Так было до той поры, покуда весна не зажгла зеленым пламенем деревья в соседнем леске, и солнце не припекло

вязкую глину дорог, обратив ее в камень.

Змея лежала на траве, жесткой и колючей на взморье, глядя в прозрачную глубину небесного океана, по волнам которого медленно ползли пушистые барашки облаков. Заслышав топот множества ног и голоса, она не вскинулась навстречу ученикам, что шли на привычное место тренировок, а осталась лежать, увлеченная полетом чаек над побережьем. Видимо, парни заметили Вихра – Олгиного жеребца, глодающего хилый куст невдалеке, – разговор стих. Змея легла на живот и принялась сквозь прищур разглядывая смешавшихся от неожиданности воинов. Те как-то странно переглядывались и косились, ухмыляясь, на своего наставника.

Олга знала наперечет все слухи, что ходили о ней и Белославе в Тавробе. Более того, пару из них сама пустила в народ от скуки, да и забавно было наблюдать, как вспыльчивый воеводич реагирует на срамные разговоры в его честь. Да уж, языки у местных кметов оказались почище бабьих, особенно спьяну. Чего только не плели о вздорной девке, что самого Седого, как прозвали Беяна, к ногтю прижала. Никто ни разу не видел, чтобы она на людях вынимала меч из ножен, так что баяли, будто ходит Олга при Ловчем женою, полюбовницей, сестрой названной и прочую чушь, но уж точно не наставницей. Ночью де милуются, а днем она ему кости считает, да унижает прилюдно. Чего только не сочиняли, каких только сказок не рождала человеческая фантазия от безде-

ля да во хмелю!

Потому ей ясна была природа смешков и липких улыбок со стороны учеников. Лишь Сашка, тот самый мальчишка, что, напрашиваясь в ученики, разбил нос, не смеялся, а глядел угрюмо в сторону.

– Чего тебе? – недовольно спросил Белослав, скидывая куртку и рубаху перед уроком.

– Да так, пришла поглядеть, чему ты их научил, – ответила она, глядя снизу вверх на мускулистое, налитое силой и щедро, до медного цвета, обласканное солнцем тело.

Он определенно выздоравливал. Ольга заставляла его пить желчегонные настои, в бане плескала на каменку целебные отвары, и, как могла, боролась с непомерной гордыней, рождавшей ненависть. Особой радостью для нее было пробудившееся в нем мужское желание, подавленное болезнью и навязчивой идеей. В трактирах да на праздниках Белян стал заглядываться на девок, отчего у Ольги сразу потеплело на сердце. В его глазах появился живой огонь, но тьма в душе была неизлечима.

– Ну, гляди, раз пришла.

И Ольга глядела, любуясь слаженным и ровным танцем сильных и ловких мужчин. Они двигались легко и умело, но что-то было не так. Вспомнился Мирон с его необычной свирелью, и ее долгие игры с тенями на берегу бурлящей Жилы, и стало ясно: не было музыки в их движениях, не было звучания, а без внутреннего звука танец становился пустым,

нелепым и мертвым.

Змея вошла в круг, и бой затух сам собой. Она внимательно оглядела учеников.

– Слышала я, что кто-то из вас знает дудку.

– Я знаю, – Сашка сделал шаг вперед, – только не дудка это, а чибызга, жалейка по-нашему.

– Ну, доставай свою чибызгу. Белослав, меч.

Она сдернула с шеи платок, повязала глаза и расслабилась, обводя внутренним взором замерших учеников. Переливчатые пятна цвета и света. Самая яркая, кроваво-красная фигура – Ловчий – протянула ей ножны. Тихая незамысловатая мелодия заискрилась, вплетаясь в тонкие струйки пыли, что легкий ветерок тянул поземкой над сухой землей. Ольга сделала шаг и заскользила вслед за вспоровшим жаркий воздух лезвием. Тени обступили плотным полупрозрачным кольцом, но одного резкого выпада оказалось достаточно, чтобы разъять их призрачный сумрак. Тогда из мельтешения цвета и света выплыла плотная, темная, до боли знакомая фигура, ловкая и неуловимая для серебряного жала, и принялась кружиться, вторя Ольгиным движениям, отражая и нанося смертоносные удары, но в сердце Змеи уже не было ни страха, ни боли, ни гнева, лишь азарт. И она улыбалась единственному достойному противнику. Жалейка смолкла, Ольга замерла, не меняя позу, после чего медленно опустила меч, прислушиваясь к наступившей тишине. Приподняв повязку, она оглядела бойцов и ухмыльнулась.

– Белослав, дай мне копейное древко. Что ж, малыши, нападайте. Все вместе. Не бойтесь, не покалечу.

– Почему, Ольга Тихомировна? – Сашка ходил следом и гундел не переставая, – почему я не смогу так? Научите. Ну, пожалуйста.

Змея развернулась и треснула ему кулаком в зубы.

– Отстань, щенок! Ты меня раздражаешь!

И ушла прочь, оставив надоедливого мальчишку утирать разбитые губы. Пусть! Пусть обижаются, злятся, ненавидят, ей все равно. Не станет же она раскрывать свою тайну? А как иначе объяснить этим дуралеям, что их тело просто не приспособлено выкручивать себя наизнанку, ломать и калечить свои органы, мышцы, кости – одного лишь ради – красивого выпада. Ведь не скажешь им, что у нее другая, не людская природа, а уроки, что даются обычным людям с большим трудом – всего лишь игра без особого напряжения сил? Не скажешь. То-то и оно! Лишь с Белославом можно биться честно, в полсилы, но честно.

– Белян, а она точно человек?

Ольга замерла, прислушиваясь к разговору под окном.

– Я так погляжу, разве люди могут так быстро двигаться? Уж сколько мастеров я повидал, ни один не обладал такой скоростью.

– Ага, согласен. А сила? Нечеловеческая!

Повисло долгое молчаливое ожидание. Змея осторожно выглянула в окно и тут же встретилась с холодным серым взглядом. Она склонила голову набок, растянув губы в недоброй улыбке. *Ну, и что же ты сделаешь, мой мальчик!* Ловчий криво усмехнулся и произнес:

– Курица – не птица, баба – не человек.

Ученики захохотали.

Год совершил полный оборот, и, повернувшись, пустил в город жаркую весну, полня узкие, пыльные улочки радостным шумом, предвещающим лето. Ольга не любила Тавробу, как, впрочем, и другие большие города. Слишкомлюдно, слишком грязно, много суеты и беготни. В этом бурлении жизни, стоя на обочине, она ощущала себя особенно неуютно и одиноко. Скука и тоска наполнили быт, сделав его невыносимо однообразным, а необходимость хранить в секрете свою истинную сущность, возвела вокруг нее стену отчужденности. Конечно, был Белослав, но и того державный князь временами отзывал обратно в столицу, и тогда тишина вокруг Ольги становилась нестерпимой. Свой отряд она обучила всем приемам, что были доступны обычному человеку, оставалось лишь наблюдать за тем, как они молча совершенствуют наработанное мастерство. Она медленно, но верно погружалась в густой невнятный кисель сна, проваливаясь в беспомыслие.

Ольга часами бродила по узким кривым переулкам, среди

камня и кирпича, что обдавали удушающим жаром, нагретые за день, среди высоких домов, сжимающих пространство до духоты в легких. И когда ей стало казаться, что время остановило свое течение, в замершую явь бушующим потоком ворвались сны – жуткие, безумные и более реальные, чем окружающий Змею мир.

Кошмары были однообразны, кровавы и столь правдоподобны, что Ольга стала бояться заснуть – с таким трудом ей давались пробуждения.

Земля. Черная, мертвая, с красными жилами огня, что бурлил в недрах, выплескивая жидкие языки жара. И так всюду, куда ни кинь взгляд. По выжженному полю идут, не касаясь земли, прекрасные белые существа. Идут к ней навстречу холодные, безжизненные среди адского пекла, с недовольством на лицах, словно одетые в маски. А она голодна. Она хочет крови, жизни, лишь бы утолить этот нестерпимый, сводящий с ума голод. Она смотрит на них со злобой и негодованием. В них нет ничего, чем можно утолить жажду, и они знают это. Знают, но продолжают бояться. И потому их надменный смех так больно ранит и без того измученное сознание. “Что ты можешь сделать нам, Аарха – упавшая звезда?” – говорит один из белых, и, расправив крылья, взлетает в черное небо вместе с остальными. Она тоже хочет лететь туда, к солнцу, что скрыто за тучами пепла, но нет сил, и голод разъедает рассудок. Тогда она отрывает себе левую руку и пожирает ее, брыз-

жа ядовитой слюной. Белую руку с алмазными пластинами когтей. И устремляется следом, как можно дальше от мира, корчащегося в предсмертных судорогах.

Это был чужой сон, кошмар иного мира, иной души – память Изгоя. Но были и свои, рожденные из глубин памяти Змея. И везде был он – сребровласый мальчик с холодным взглядом голубых глаз.

Камни, скованные льдом, синяя вода горного озера, тонкие, обглоданные ветром сосны по берегам. Они сидят в хрустальной ладье. Змея держит в руках острую пику, готовая в любой момент пронзить ею чешуйчатое рыбье тело, но поверхность воды гладкая, словно зеркало и столь же непроницаема для взгляда. “В этом озере нет рыбы”, – безучастно произносит мальчик, что держит правило и ведет ладью к острову, где, среди мертвых камней, стоит ледяной терем. “Кто ты?” Он молчит. Нос ладьи с тихим шуршанием упирается в белый песок, который на поверку оказывается мелким колючим снегом, что нещадно режет босые ступни. Она идет за мальчиком, оставляя кровавые следы на дорожке. “Кто ты?” Ей холодно и хочется пить, но все кругом пропитано полынным ядом. Мальчик отворяет массивные двери, и ее взору открывается огромный пустой зал с роскошным тронем в центре, на котором сидит... Змея – скованная льдом девушка в броне из золотой чешуи с длинными черными косами, что тугими, лоснящимися аспидами соскальзывают на пол с гордо поднятой головы. Она непо-

движна, словно каменная статуя, лишь большие янтарные звезды глаз полны живого огня боли и страдания. От их жара лед на ресницах тает, и текут, текут горькие слезы по застывшим во льду щекам. Ольга смотрит в собственные глаза и становится той, что восседает на троне. Мальчик, словно послушный отрок, садится у ее ног. “Кто ты?” Вместо ответа из всех щелей ползут жуткие, смердящие чудовища. Начинается дикая и беззвучная оргия. Монстры рвут друг друга на части, насилуют и издеваются над себе подобными, но ни единого звука не нарушает немоты оскверненного нечистью места. Ольга смотрит на этот кошмар, не в силах пошевелиться, ледяная тюрьма не позволяет опустить даже веки. Ей плохо, ее тошнит от мерзкого зрелища, она готова вывернуться наизнанку, лишь бы не видеть происходящего. “Зачем?! Зачем ты привел меня сюда?!” Мальчик поворачивает суровое бледное лицо. Большие голубые глаза печальны. “Я сам пленник на этом острове”. “Кто ты, мрак тебя поберет?! Что тебе нужно?!” “Я – твое проклятие. Я тот, кто предал тебя, и тот, кто отдал за тебя жизнь. Я – твое дитя, и я – твой муж. Я тот, кто любит тебя и кого любишь ты”. “Нет! Неправда! Я тебя ненавижу!”

Каждый раз Ольга просыпалась с этим криком на искусанных в кровь губах. И каждый раз в миг пробуждения она видела над собою грустное лицо Мирона. Видение было мимолетным и растворялось в лучах зари, как предрассветный туман, но лишь оно приносило успокоение в истерзанную ду-

шу. Никогда ночь не была столь мучительна, и ничто не страшило ее так, как эти безумные кошмары. Иногда она спускалась в общаг, где спали кметы, и, присев на край широкой лавки, что служила Белославу постелью, смотрела на затухающий огонь в открытом очаге посреди зала.

– Чего тебе? – Белян протирал заспанные глаза, недовольно глядя на ночную гостью.

– Ничего, я просто... тут посижу, – но под утро все равно забывалась, свернувшись клубком у ног воеводича. Тот лишь качал головой да хмурился, утирая бегущие по ее щекам слезы.

День летнего солнцестояния в Тавробе сопровождался праздничными гуляниями религиозного толка. Чествовали Творца, что полные сутки не прятал свой лик за горизонтом, одаривая землю благим теплом, пели гимны сыну его среди людей, заступнику душ усопших и хранителю душ живых, что в этот день выходил за пределы горнего царства и, затерявшись в толпе, веселился вместе с простым народом.

К полудню жара сделалась невыносимой, и лишь влажный ветер приносил с моря прохладу и свежий воздух.

– Послушай, я же вижу, что с тобой неладно. Что случилось? – Белославу приходилось наклоняться, чтобы заглянуть в уставшее лицо своего Учителя. Ольга не отвечала, бездумно глядя красными от недосыпу глазами сквозь толпу, собравшуюся на базарной площади. На щеках, что не каса-

лись подушки уже пятые сутки, играл нездоровый румянец, и она периодически прикладывала к лицу мокрый платок, сиюсь сбить жар. Тканый повет, натянутый над двориком трактира, давал тень, но мешал движению воздуха, и духота сжимала без того тесное пространство в один липкий потный ком.

– Олга. Хватит молчать! Что происходит?

Она несколько долгих мгновений созерцала неспешное перетекание людских масс в дрожащем мареве полуденного зноя.

– Кошмары, – наконец произнесла она, – я не могу спать, и ты мне не поможешь. Это... не спрашивай меня более об этом.

Белослав насупился и отпил из запотевшей кружки. На верхней губе, покрытой жесткой темной щетиной, осталась белая квасная пена. Змея вновь принялась изучать толпу. Долгая бессонница странным образом сказывалась на зрении и восприятии: звуки проникали в сознание сквозь толстый слой ваты, глухие и далекие; все, что ни происходило вокруг, двигалось медленно, будто преодолевая сопротивление стоячей воды.

– Отец письмо прислал. Говорит, Дарим все-таки сбежал. Сначала думали, убили или утопили, обшарили все колодцы, берег, нет нигде. Пошли в лес, и там ни следа. Месяц по всей округе рыскали, так ничего и не нашли. Отец думает устроить похороны. Хоть и без тела, а все же надо как-то

проводить усопшего.

– Не стоит этого делать.

Олга чуть склонила голову набок, наблюдая, как воробей неспешно взялся с места, ритмично и жестко рассекая крыльями густой воздух. Оголяемый при взмахе пушок трепетал в потоке встречного ветра.

– Почему?

– Шептун живой, его хранят оракулы. Просто срок пришел.

– Какой срок?

Говорить было так же тяжело, как и думать.

– Срок уходить.

– Куда?

– Туда, куда уходят все шептуны, – она подняла на него укоризненный взгляд. *“Отстань. Надоел”*. Белослав с досадой ударил пустой кружкой по столу, шумно встал и, сделав несколько шагов к выходу, вернулся.

– Совсем одичала. Стоит ли твоя тайна таких мучений. Уж лучше была бы собой. А эта маска... мала тебе.

– Я и есть я...

Ее тихий голос прозвучал в пустоту. Белян давно скрылся в круговороте праздника, захваченный и растворенный толпой. Олга на некоторое время впала в забытие и, очнувшись, с изумлением обнаружила, что тени на мостовой стали длиннее, торговый люд сменился ряжеными и музыкантами, а напротив нее, молча уткнувшись в миску, сидит Саш-

ка, взлохмаченный, с распахнутым воротом мокрой от пота рубахи. Она внимательно разглядывала сосредоточенно жующего паренька.

В тот день, когда она приняла его в ученики, он сбежал от своего хозяина, солевара из пригорода. Сирота, принятый в качестве подмастерья, Сашка стал рабом своего мастера. Родня мало интересовалась судьбою мальчика, и солевар творил, что хотел, часто срывая злобу на беззащитном ребенке.

Доев, он отодвинул миску и принялся угрюмо ковырять столешницу.

– Что это? – она схватила его за руку и вывернула запястье. Рукав рубахи был изукрашен мелкой россыпью кровавых капель.

– Я, кажется, убил его, – с тоской глядя в сторону, глухо проговорил Сашка.

– Кажется? – она удивленно приподняла бровь

– Встретил его на торгу. Хозяина своего... бывшего. Он меня схватил за руку, что-то кричал, замахнулся уже, а я... в общем, он остался на дороге лежать, – парень исподлобья виновато глянул на Олгу, – теперь меня будут судить, да?

– Отомстил, значит, – она примерилась к пустой тарелке и со всего маху приложила ее по лицу нерадивого ученика. Сашка сплюнул на землю кровью.

– Дурак, – она отерла деревянное дно миски и аккуратно поставила ее на столешницу, – иди в крепость. И чтоб духу

твоего в городе не было.

– Я не хотел!

– Врешь.

– Не погонишь меня, Ольга Тихомировна?

– Иди в крепость.

– Я...

– Иди.

Он медленно поднялся из-за стола и побрел прочь, волоча отяжелевшие ноги и понутив курчавую голову.

Ольга опустила лицо в ладони, тяжело вздохнула.

– Он действительно не хотел. Так и ты не хочешь.

Голос был до боли знакомый, очень тихий, печальный и, несмотря на это, перекрывал гул толпы. Ольга вскинула голову и застыла, боясь спугнуть видение. Мальчик с белой кожей и серебристыми кудрями стоял по ту сторону низкого забора, подобно неподвижному камню в бурлении людского потока, и смотрел на Змею холодным мерцающим взором. В уме мелькнуло: “А ведь он никогда не улыбается”. Мальчик же повернулся и шагнул в поток. Ольга перемахнула через оградку и бросилась следом. Улицы и переулки, заполненные ряжеными танцующими и поющими людьми, превратились в сложный извилистый лабиринт, где на поворотах и развилках мелькал призрачный образ из сновидений, что был, казалось, более осязаем, нежели кирпичные стены и глухие заборы. Он вел ее все дальше от шумных, наполненных праздником мест, от моря, вглубь кварталов, где оби-

тал мастеровой люд: гончары, кожевники, солевары. А Ольга послушно шла следом, ни о чем не думая, с единственным стремлением: не потерять из виду путеводную звезду.

“Аарха – упавшая звезда!”

Змея остановилась. Мальчик исчез. По крайней мере, ощущение присутствия пропало, зато зримой стала реальность. Она огляделась. Узкая грязная улочка, перетянутая поперек веревками со стиранным бельем, домишки в несколько этажей, больше похожие на муравейники, нежели на добротное жильё, и тишина. Скрипнули тронутые ветром ставни, и Ольга, не долго думая, шагнула через порог дома, пригласившего ее войти таким странным образом.

– Сударыня, куда же вы? – прозвучал вдогонку испуганный крик хозяйки, на который Змея обратила не больше внимания, чем на шипение кошки, подвернувшейся ей под ноги. Минуя длинный коридор с рядом дверей, из которых выглядывали чумазые лица нищих постояльцев, она ринулась вверх по лестнице, оскальзываясь на грязных ступенях, с грохотом высадила запертый чердачный люк и, вынув из ножен кинжал, метким ударом перебила веревку, одним концом перевязанную через стропила, другим же обхватившую тонкую шею человека, что уже корчился, задыхаясь в тугой петле. Тот кулем рухнул на пол, надсадно кашляя. Ольга провела руками по спине и горлу, выправляя легкие и дыхательные пути, после чего заглянула в лицо спасенному.

– Дарим!

Мутный взгляд прояснился и голубые уставшие глаза, полные мольбы и боли, заглянули, казалось, в самое сердце.

– Светлая, – он хрипел, преодолевая саднящую боль в горле, – помоги мне.

– Что я могу для тебя сделать? – она отерла испарину, проступившую на сморщенном в напряжении лбу.

– Нет больше сил терпеть. Не оставляй меня. Они лишь тебя боятся. Или помоги уйти... навсегда, – приступ кашля вновь лишил его возможности говорить. Ольга некоторое время беспристрастно наблюдала за Даримиром, что, подавив спазм, откинулся на спину и прикрыл глаза, пытаясь отдышаться. Грудная клетка под рубахой вздымалась и опадала, подобно морскому валу, и сквозь тонкую ткань были отчетливо видны выпирающие ребра. Этот человек достиг крайнего телесного истощения. *Удивительно, как он еще может ходить. Но эти глаза! Эти голубые глаза! Что за магия таится в этом взгляде?* Ольга глубоко вздохнула, осознавая, что совершает большую глупость, принимая ответственность и привязывая к себе беспомощное существо, но все же произнесла:

– Хорошо, я помогу тебе. Можешь быть рядом.

– Спасибо, светлая! – лицо сумасшедшего осветила спокойная улыбка и он тут же заснул, свернувшись клубком у ног Змеи. Она долго глядела на Дарима будто сквозь пелену тумана, и привиделись ей тени, сгустившиеся над его разбитым телом, безмолвные, опасные, сильные. Их незримые, но

хорошо ощущаемые взоры были устремлены на нее, и был там не страх, не агрессия, не злоба, лишь терпеливое ожидание. *Чего вам? Молчание. Они всегда молчат. Те, кто знает ответ.*

Когда Ольга очнулась, было утро. Шептун сидел напротив и, склонив по своему обыкновению голову набок, смотрел на нее бесцветным взором. Змея встала, отошла к окну. Солнце близилось к зениту, и воздух уже начинал трепетать от жара.

– Собирай вещи. Пора идти.

Даримир, покопавшись в углу, извлек на свет тощий узелок и замер у люка, дожидаясь очередного приказа.

В крепости Змею ждали. Часовой, заметивший ее приближение со стены, свистнул, оповещая кого-то, и закричал:

– Вернулась! Скажи Седому, явилась потеря.

Двор был полон народу. “Княже! Государь пожаловал!” – шелестела толпа. Ольга не обратила на эту новость особого внимания. От бессонницы к горлу подкатывала тошнота, спина затекла и ныла, твердая и скрипучая, будто доска, а иссохший слезник не омывал глаз, отчего под веками скопился колючий песок, причинявший неприятную резь. Даримир, прижав узелок к груди, семенил следом, смотря в землю и, похоже, ничего не замечая кругом. Кто-то схватил Змею за плечо.

– Ольга, демон тебе в печень, где блукаешь? Князь приехал, видеть тебя желает, – Белослав, заметив брата, осекся и умолк, беззвучно шевеля губами. Даримир не подал виду,

что узнал его, бездумно уставившись на собственные ноги мутным бессмысленным взором. Только сейчас Ольга заметила, как Ловчий смотрит на шептуна, и поняла, сколько боли причиняет Беляну вид сумасшедшего брата, когда тот уходит в лабиринт своего внутреннего мира, населенного чужими душами, когда его взор не различает солнечного света, а разум, подавленный кошмарами, оставляет тело, что делает Дарима похожим на глупую сломанную куклу. Заметила, но не стала об этом говорить.

– Отпиши отцу, что нашелся его младший сын, пусть не волнуется, – потирая глаза ребром ладони, устало проговорила она. – Говоришь, Владимир пожаловал? Давно пора. Ну что ж, веди.

Князь недовольно поглядывал на тощего беловолосого безумца, жавшегося к матче.

– Ты точно хочешь, чтобы этот... чтобы он жил с тобой?

– Да.

– Может, отправим его в Камень к отцу? – неуверенно произнес Белослав, искоса глядя на брата.

– Эта тебя туда стоит отправить, – недовольно прикрикнул на него Владимир, – чтоб ты, наконец, женился да внуков Илье подарил.

– Он останется со мной, – Ольга протянула Ловчему чашу с отваром, – дай брату, пусть уснет. Он боится моря.

Маленький княжич, до этого момента стоявший на кор-

ме рядом с рулевым, подошел к отцу, хмуро поглядывая на Змею.

– Так это она будет меня охранять?

– Да, сынок, – Владимир поднял Святослава и усадил на плечо.

– Женщина?

– Эта женщина – лучший в мире воин.

– Плохо, – строго произнес мальчик.

– Что плохо? Что женщина? Или лучший воин?

– Все плохо.

– Она наденет мужское платье, и никто не заметит.

– Какая разница! – досадливо произнес мальчик, – Это все равно неправильно. Так не должно быть.

– Но так есть, маленький государь, – грустно улыбнувшись, произнесла Ольга.

В порту княжескую ладью встречали с подобающим почетом. Княгиня с дочерьми ждала Владимира на пристани, более, чем за мужа волнуясь за сына, что первый раз вышел в море на столь долгий срок. Сойдя на берег, государь Веррийский по традиции отправился в церковь воздать хвалу Творцу за спокойную поездку. Ольга, переодевшись в подобающий телохранителю наряд, двигалась сбоку от коляски, когда на выходе с причала княжеский кортеж обступили нищие и убогие, прося милостыню у правителя. Обычай сулил после удачного похода быть щедрым, и в толпу посыпались ломаные серебряники. Кто-то схватил Ольгу за подол длин-

нополого кафтана.

– Эй, красавица, кинь монетку!

Среди общего ликования, шума и криков голос этот прозвучал слишком тихо, чтобы чужие уши смогли расслышать произнесенные слова, но достаточно громко, чтобы Змея поняла и узнала говорящего. Она резко обернулась, входя в толпу вслед за исчезающей рукою, и на мгновение встретилась с насмешливым взглядом черных злых глаз. Миг, и видение испарилось. Ольга удивленно сморгнула, обнаружив себя ступающей рядом с коляской, будто ничего и не было. Она жадно обшаривала толпу взглядом, силясь найти хоть какое-то подтверждение случившемуся, но видела лишь алчущие лица попрошаек, тянущих руки к вожделенному серебру. Грязь и бесформенные лохмотья делали их похожими друг на друга, как родных братьев, и отличить среди них Лиса было невозможно.

Перетяжка от долгого ношения начинала неприятно давить на ребра, духота в приемном покое княжеского дворца становилась нестерпимой, и даже морской бриз, доносящий с побережья крики прожорливых чаек и бешеный стрекот кузнечиков из сада, не спасал от жары. Ольга с тоской смотрела на тонкую голубую полосу моря, проглядывающую сквозь золото куполов и частокол витых ветрениц на разноцветных крышах, и неимоверно страдала от скуки. На первом приеме в честь такарского посла она с интересом на-

блюдала за тем, как в Истари привечают влиятельного уна. Все вызывало живой интерес: полунагие танцовщицы с медными телами в воздушных нарядах из шелка, привезенные из самой Цэрбы в подарок державному князю, сахемские пряности, великолепные саррибские клинки и знаменитые чакайские ткани и вина. Ответные подарки были не хуже, даже краше. Все было изысканно, дорого и абсолютно лживо. После того, как Ольга поняла эту простую вещь, тут же потеряла к действию всякий интерес, так как насквозь видела и надменного посла, и упертого князя, и жадных бояр. Она отстояла в телохранителях пять смен, мучаясь от жары в многослойных одеяниях, скрывающих грудь, а князь все никак не мог договориться с хитрым косоглазым уном. Тот, казалось, никуда не торопился, своей неспешностью раздражая Владимира все больше.

Княгиня поднялась из-за стола, выказав желание покинуть пир вместе с детьми, и Ольга вздохнула с облегчением. Будучи приставленной к маленькому княжичу, она, согласно приказу, должна была следовать за ним неотлучно, оберегая парнишку денно и ночью.

Владимиру не везло на сыновей. Первая жена родила ему трех мальчиков, но те вместе с молодой княгиней погибли в пожаре, когда горела летняя усадьба в нескольких верстах от столицы. Вторая жена принесла в дом пять дочерей, и когда князь совсем уже отчаялся занять кровного наследника престолу, родила, не доносив, Святослава. Мальчик рос

хилым и болезненным, и, скорее всего, именно по этой причине князь приставил Змею к сыну. Но одного взгляда было достаточно для вынесения приговора:

– Нет, княже, не сможет он водить полки, да и руководить страной ему не под силу, слишком слаб. Но может развить живой ум. Быть ученым – не слишком зазорная участь для княжьего сына.

В тот миг лицо Владимира было подобно свинцовому небу над морем перед штормом, темное и плотное, как сжатый кулак.

– Он – мой единственный наследник. Неужели ты ничего не сделаешь? Ты же Великий Дух!

– Я дух, а не Творец. Помогу, чем смогу, но не в моей власти менять то, что соткано судьбой.

– Так он... умрет?

Олга прикусила губу, глядя исподлобья на князя, и молчала. Святослав был слаб сердцем и носил множество более мелких, но не менее важных внутренних хворей. Мальчик в свои десять лет внутри был словно глубокий старик, а это что-то да значило.

– Я не буду отвечать на твой вопрос.

– Что так?

– Боюсь ошибиться.

Княжич сидел под большой яблоней над обрывом. Внизу мерно шептало море, принимая в свои объятия мирную в

устье Жилу. Уткнувшись носом в колени, Святослав удобно примостился между подмытых дождем корней, скрытый от посторонних глаз. Олга сорвала с дерева мелкий, явно кислый плод и, надкусив, сморщилась, сплевывая косточки под ноги.

– Зачем сбежал? Няньки развопились, будто пожар случился.

– Надоели, – буркнул мальчик, не поворачивая головы, – носятся со мной, как с младенцем. Тетечка, посиди со мной.

– Не звал бы ты меня так, вдруг кто услышит.

– Я прогоню. И скажу отцу. Он им языки укоротит.

– Суров, – она усмехнулась, глядя в его не по-детски строгое и сосредоточенное лицо. Темные, как у Владимира брови нахмурились, образовав трогательную морщинку над переносицей, но тут же расслабились, и Святослав улыбнулся, только уж больно грустной была эта улыбка. *Мудрый дух свил себе гнездо в этом слабом тельце.*

– Тетечка, – произнес он тихо, с тоской глядя в жаркое летнее небо, – тяжело мне, тетечка. Отец ждет, что стану я князем. А я ведь не стану. Никогда. Как только думаю об этом, в груди давит. Тяжело мне. Отца жалко и маму тоже. Она ведь плакать будет от того, что меня не станет.

– Решил помирать?

– Не я решил.

– Все мы когда-нибудь умрем. Ты еще ребенок, не думай о таких вещах. Радуйся.

– Я не ребенок, – в его голосе зазвенела сталь. Ольга долго смотрела в темно-карие, но странно тусклые глаза, надменные и осмысленные, как у взрослого человека. Потом отвела взор.

– Прости, не хотела тебя обидеть.

– Я не сержусь. Только ты меня слышишь среди всей этой своры визгливых женщин.

Они некоторое время молчали.

– Можно... можно я потрогаю... ну... твою косу?

На щеках заалел легкий румянец. Змея улыбнулась, снимая шапку и распуская тугой узел на затылке. Густой шелк темных, лоснящихся на солнце волос потек к земле, заливая плечи и спину. Святослав трепетной рукою взял прядь, прикрыл маленькой, изрезанной морщинами ладонью и принялся гладить, пропуская тонкие нити между пальцев. Спустя пару минут мальчика сморил сон, и он, уткнувшись лицом в Ольгины колени, засопел, блаженно улыбаясь.

“Творец Всемогущий, разве справедливо отнимать у самых незащитных созданий твоих возможность жить?! Разве справедливо карать безгрешных?” ...Когда-то я писала эти строки, зная, что, единожды сомкнув веки, больше не увижу солнца. Будешь ли ты, маленький княжич, думать нечто подобное? Или тебя поглотят и перемелют дворцовые интриги, не оставив даже косточек, которые смогут оплакать люди? Будешь ли ты взывать к справедливости Творца? Или уже знаешь, что ее – справедливости – не су-

ществует.

Окна ее горницы выходили на восток, туда, где над бескрайним морским простором зажигались первые звезды, когда в противоположной стороне, в расщелинах Хребта еще полыхал закат. Ольга, засыпая, часто слышала дивное пение волн, ласкающих песчаный берег, и отзвук их томных поцелуев, что, касаясь прибрежных скал, разлетался на тысячи звенящих осколков. Ветер сучил кудель, вплетая в нити звуков шелест листвы в саду, голоса птиц, скрип колодезного журавля, разговор собак на дремлющих улицах города и дыхание тысяч спящих людей. Жизнь, как самый прекрасный инструмент, исполняла свою неповторимую мелодию прямо у Ольгиного окна, и та с благодарностью слушала, осознавая всю прелесть и красоту созерцания невидимого.

Кошмары ушли, как только появился Даримир, но суть Змеи давала о себе знать, и нужда в многочасовом сне постепенно отпала. Рассвет Ольга встречала с мечом в руке на крыше прихоромка⁴⁶ для слуг, где она жила. Даже хорошая кровля из теса слабо гасила стук голых пяток по доскам, потому-то уже через неделю Змея перестала замечать свой вес и научилась двигаться совершенно бесшумно.

Вот и сегодня, вернувшись с дежурства, она скинула тесное платье и, оставшись в одной рубашке, через окно вылезла на крышу. Сильный ветер рванул небрежную косу, раз-

⁴⁶ Прихоромок – флигель

метал по плечам и лицу шелковую паутину волос, нахально вздернул подол и окатил волною мелких брызг. Море кипело, вздымая черные бугры волн, покрытых серой пеной. Рваные облака, как изодранные штормом паруса погибшего корабля, летели по небу, мелькая перед ликом испуганного месяца. На краю крыши, у самого свеса, оседлав конек, замер шептун, выпучив слезящиеся от ветра глаза в сторону города. Ольга подошла к Дариму, положила руку на дрожащее плечо.

– Хоть бы рубаху надел, дурень, околеешь, – качая головою, проговорила она. – Куда смотришь? Иди в дом.

Даримир медленно повернул голову. Посиневшие от холода губы вздрагивали, рождая обрывки слов, на бледном лице маской застыло выражение страха, а глаза, осмысленные и живые, были полны боли.

– Он рядом!

– Кто?

– Дьявол! – его взгляд вновь провалился внутрь, и шептун, склонив голову набок, забормотал. – Темная ночь, буря. Буря – предвестник прихода Дьявола, Черного бога, Изгоя своего мира. Он всегда идет следом за штормом, чтобы не оставлять следа. Белая комета, спалившая душу, безумная звезда, пожравшая землю, пустота в обличии ангела, чудовище, пьющее кровь детей – плоти своей...

Ольга обреченно вздохнула. Так реагировал Дарим на всякую непогоду, будто пытался выразить страх перед грозой.

Опасность? Вряд ли кто-то осмелится сунуться во дворец. Она вдруг вспомнила, как по прибытию в Истарь ей помстился Лис в толпе портовых попрошайек. Но ведь это было лишь видение, вспышка старой ненависти в ране, которой не суждено зарубцеваться? Ольга надеялась, что так. Что это был лишь призрак ее расстроенного за время бессонницы рассудка. Что подозрения ее напрасны. Тем не менее воспоминания странным образом подействовали на Змею: ей вдруг почудилось, что нелюдь где-то совсем рядом. Его близость вызывала в солнечном сплетении тяжелое давящее чувство тревоги. Она обняла Дарима за плечи, привлекла к груди и тот успокоился, хотя дрожь в слабом теле не унималась, как и ее сердце, упреждавшее об опасности. Так они сидели еще некоторое время, пока месяц окончательно не заволокли тяжелые тучи, и по крыше не застучали первые капли дождя.

– Пойдем-ка в тепло, Дарим.

Она спрыгнула на подоконник, и в нос ударил резкий запах тухлой рыбы, конской мочи и жуткого перегара. От неожиданности и отвращения она поперхнулась собственным дыханием.

– Что за черт!

В темноте кто-то хмыкнул. Змея увидела лишь черную тень в переливе цветочных пятен, Ольга сморгнула и различила серую фигуру в драном балахоне поверх голого, измазанного грязью тела, сидящую на корточках у сундука в дальнем углу. Она поморщилась, как от резкой головной боли.

– Сгинь, нечистый!

– И я рад снова видеть тебя, милая, – Лис улыбнулся белозубой, безукоризненно ровной и жуткой улыбкой.

Глава четырнадцатая.

Побег

– От тебя воняет, как от помойного корыта в жаркий день, – она затеплила свечу. Лис как ни в чем не бывало продолжал рыться в ее вещах, выбрасывая из сундука одежду прямо на пол.

– Правда? – он, нюхнув подмышкой, безразлично пожал плечами. – Привык, наверное. Там, где я живу, такой запах не считается дурным. Видишь, до чего дошел. Между прочим, по твоей вине. Не могла выбрать городок поменьше?

В окне послышался суетливый шорох. Мгновение, и кинжал нелюдя уже летел в направлении звука. Ольга вздрогнула, соображая, что произошло и, тихо застонав, кинулась к Дариму, что кулем рухнул на пол. Кинжал торчал в оконном косяке, вошедший в твердое дерево до половины широкого лезвия.

– Я что, промахнулся?

– Ну ты и скотина, – шептун поднялся, отодвигая растерянную Ольгу за спину, с усилием выдернул застрявший клинок и выбросил его в окно. Лис нахмурился, разглядывая нежданную помеху.

– Я тебя знаю?

– Еще бы ты меня не знал, грязная тварь.

– Дарим, успокойся! – рявкнула Змея, отвесив тому подзатыльник.

Шептун поник, склонив голову набок, и отошел от своей покровительницы, мутным, ничего не выражающим взглядом уставившись на дверь. Лис, посасывая нижнюю губу, приблизился к безумцу, заглянул ему в лицо и вдруг ударил в живот, коротко, резко и быстро. Дарим совершенно невероятным способом увернулся от, казалось, неизбежного удара, сохранив все то же отстраненное выражение на лице. Глаза Рыжего сузились, искрясь гневом, и он замахнулся снова, потом еще, еще и еще раз, но все его атаки не достигали цели. Шептун, будто враз лишившись костей, подобно медузе в воде ускользал из-под жестких и увесистых кулаков Лиса, которого затянувшаяся игра в салочки разозлила уже не на шутку. Он загнал Дарима в угол, прижал того коленом к стенке, и уже примерялся стукнуть извивающегося и хнычущего безумца в темечко, когда Змея, наконец, оправилась от удивления и строго прикрикнула:

– Хватит! Не смей его более трогать.

Лис нехотя опустил кулак и отступил от жертвы.

– Дарим, ляг в кровать и спи.

Шептун на четвереньках отполз от обидчика, всхлипывая, забрался на скамейку и затих, послушно выполняя приказ. Нелюдь тем временем извлек из своей котомки бутыль, зу-

бами выдернул деревянную затычку, и, запрокинув голову, приложился к горлышку. Ольга с ледяным спокойствием наблюдала, как ходит кадык под тонкой, серой от грязи кожей.

– Ты пьян.

Нелюдь косо поглядел на нее.

– Да уж, в трезвом уме я бы к тебе не пошел. Пришлось как следует набраться, прежде чем навестить свою Ученицу, что ненавидит меня сильнее, нежели все мои враги вместе взятые. Для храбрости, – он криво усмехнулся и сделал еще один глоток, опустошив бутылку, – к тому же отбивает нюх у моих не в меру надоедливых собратьев-йоков.

Было не ясно, шутит он, издевается или говорит серьезно.

– Ты ведь знаешь, я должна тебя убить. Я обещала, – холодный, лишенный эмоций тон давался ей на удивление легко. Ни гнева, ни страха, лишь пустота, заполненная туманом непонятной тоски. Лис тяжело вздохнул, потирая ребром ладони переносицу.

– Но ведь ты этого не хочешь. Зачем делать то, чего не желаешь?

– Долг превыше желания.

– Кто тебе внушил подобный бред? Точно не я.

– Я должна отомстить.

– Чем же я прогневил Великого Духа, что она вспомнила о долге?

Ольга долго смотрела в осунувшееся, изможденное, грязное, но все же такое красивое и такое ненавистное лицо, в

черные колодцы глаз убийцы, но видела там лишь уверенность в своей непогрешимости, равнодушие и усталость. *Издевается? Он неисправим.*

– Ответь мне, пожалуйста, зачем ты убил... их?

Нелюдь удивленно приподнял бровь.

– Кого именно – их?

– Мою семью: брата, сестру, племянников. Зачем? Что они сделали тебе?

Вторая бровь взлетела вверх, выражая крайнюю степень изумления.

– Убил? – Лис вдруг опустил глаза, задумчиво разглядывая свои босые ноги, усмехнулся невесело. – Убил, значит. Что ж, пусть будет так. Хм, убил... зачем, зачем? Так было нужно.

– Для моего же блага?

– Для твоего же блага.

Олга засмеялась, чтобы не заплакать. Вот он, великий лгун, князь всех лгунов, сумасшедший душегуб и преступник всех миров. Тот, кто дал ей жизнь лишь затем, чтобы сломать, потешаясь, как над забавной игрушкой. И она не хочет его убить! Может она уже стала им, частью его безумия? Что произошло с ее душой? Почему не слышно ее криков, ее мольбы избавиться от того, кто причиняет ей самую чудовищную боль на земле?

– Что же это за благо такое, от которого одно горе?

– Ты не должна быть связана прошлым. Для тебя этот груз

опасен. Он порождает страх, а страх ведет к слабости и ослаблению ума.

– Мне было очень плохо, – тихо произнесла она.

– Я знаю. Я видел Черного Дракона. Теперь ты понимаешь, что это такое. Теперь ты будешь бояться более серьезных вещей, и бороться с более опасными страхами.

– Так значит, ты выпустил кровь моего рода в землю только ради какого-то дурацкого урока?!

– Не распаяйся. Если бы этого не сделал я, то пришли бы другие. И использовали бы эту кровь, чтобы подчинить тебя. В конце концов, все кончилось бы тем, что Черный Дракон проснулся и поглотил тебя и тех дураков, что вздумали поиграть с ним. Этой силой невозможно управлять, как невозможно заставить море смирить шторм.

Олга молчала. Ум наполнили сомнения. Ответы Лиса насчет ее семьи были неоднозначны. Вспомнилось сказанное Арой: *Он мучает тебя, истязает, но только тебя. Не страдай за других.* Ей бы радоваться возможной надежде, но безразличие ко всему происходящему охватило ее разум, неподвижность сковала сердце, обратив все чувства в сплошной тяжелый камень, невыносимым грузом давящий на грудь. Дождь набирал силу, заливая подоконник потоками воды, и она, чтобы хоть как-то вернуться в реальность, подошла к окну и плотно затворила его, тщательно проверив задвижку.

– Значит, Крыса говорил правду? Про нить, про связь?

– Возможно.

– Ты теперь всегда будешь ходить за мной по пятам?

– Ну, куда наш путь един, мне это не трудно. А ты? У тебя ничего не осталось. Ни семьи, ни дома, ни имени. Долго ты еще будешь бегать от меня?

Этот вопрос неожиданно разозлил Змею. Она резко повернулась, полыхнув янтарем глаз, и нос к носу столкнулась с незаметно подошедшим Лисом. В лицо с новой силой ударила волна удушающей вони и перегара, что действительно напрочь перебивали его собственный естественный запах свежей крови. Она сморщилась в отвращении и толкнула его в грудь, силясь отстраниться.

– Да я лучше сдохну, чем снова буду рядом!

– Опять? – Лис хмыкнул. – Не надоело еще? К тому же, знаешь, не так-то это просто для нас – смерть.

Олга отвернулась, не в силах больше смотреть на его довольный и самоуверенный оскал.

– Как же я тебя ненавижу! – произнесла она изможденно. – Ну зачем ты пришел? Что тебе опять от меня надо?

– Да я, в общем, пришел взять немного денег. Дела у меня идут, сама понимаешь, не слишком хорошо, – он вернулся к прерванному занятию – продолжил рыться в ее вещах.

– Значит, решил украсть мое золото.

– Хм, скажем так, позаимствовать! Где же ты их прячешь? – он с интересом заглянул под тюфяк на кровати. Змея закатила глаза, качая головой. *Хам! Беспросветный, наглый хам.* Она открыла маленький сундучок со снадобья-

ми, стоявший на столе среди книг и плашек с травами и порошками.

– Возьми.

Лис ловко перехватил брошенный ему кошель, взвесил его в руке и спрятал в глубине своего балахона.

– Князь, я погляжу, щедро платит тебе за службу.

– Не жалуясь. Ты получил, что хотел, теперь убирайся.

Тонкие губы нелюдя дрогнули, растягиваясь в широкой язвительной ухмылке, что означало только одно – так просто ей откупиться не удастся. Змея настороженно замерла, сведя брови к переносице.

– Выгонишь меня под дождь?

– Ничего, тебе полезно помыться.

Лис открыл окно и уселся на подоконник. Порыв ветра колыхнул пламя свечи и то, встрепенувшись, умерло, выпустив в воздух тонкую струю дыма. Напор ливня постепенно сник, сменившись тонкострунной игрою дождевых нитей, небо посерело, подсвеченное встающим из-за моря солнцем, над водою поднимались густые облака белого тумана.

– Значит, ты думаешь, что твое нынешнее положение безопасно? Глупая баба, даже не подозреваешь, в какие интриги тебя впутал Владимир, – он говорил тихо, пристально взглядываясь в предрассветный сумрак сада. – Как бы ты ни корчилась, какие бы личины не натягивала на свое прехорошенькое лицо, никогда тебе не стать человеком. Ты – йок, смирись с этим. Твои потуги притвориться кем-то иным вы-

глядят, как юродства Петрушки в ярмарочном балагане – нелепо и смешно, особенно для тех, кто знает твое настоящее лицо.

– Я слышала подобное уже много раз, – раздраженно перебила Ольга.

– Ну и дура, раз не усвоила с первого раза. Ты застряла в мире, где властодержцы пользуются тобою самым наглым образом. Сила Змея служит гарантом безопасности тех, кто заручился твоей поддержкой, и раздражает противостоящую сторону, которая в политике неизбежна, как бы благостен ни был правитель, и какого бы процветания не достигла при нем страна.

– А твой вариант каков? Уйти туда, где ты будешь пользоваться мною... как это... самым наглым образом?

Лис, холодно взглянув на нее, продолжил.

– Живя здесь, ты хоть раз утруждала себя проникнуть в законы, по которым в мире властителей ведется игра? Ведь нет, я прав? Дворцовые козни просчитываются и плетутся очень умелыми и умными людьми. А твоя фигура в этой партии ходит ферзем, и отнюдь не пешкой, как тебе по наивности кажется.

– Говори короче.

– Ерничаетшь, девка, зарываешься, – недовольно дернул кудлатой головой нелюдь, – не желаешь моей помощи, а ведь сколько раз я тебя вытаскивал из передрыг, спасал твою неблагодарную шкуру?

– Угу, чтоб после поглумиться. Давай ближе к делу, надо-ел уже.

Он сжал губы, выпуская струю воздуха через нос, подобно разъяренному быку, но сдержался.

– У князя есть двоюродный брат, Болеслав. Возможно, ты встречалась с этим ушлым типом. Так вот, он останется единственным наследником престола после Владимира, если у того не будет сыновей, способных перенять, как это говорится, бразды правления. Святослав слаб, потому его и не трогают, племянников нет. Если Владимир женится еще раз, можешь не беспокоиться, сыновья уйдут туда же, куда и дети от первого брака.

– Ты хочешь сказать, что пожар не был случайностью?

– Слухи, они, знаешь ли, штука интересная – ни проверить, ни подтвердить, ни опровергнуть. Сейчас Владимир поставил себя в нелегкое положение. Такары жаждут получить Тавробу и могут развязать войну за право обладать этим затхлым городишкой. Бояре, торгующие с Цэрбой, не желают войны, так как понесут огромные убытки. С другой стороны ленники южных земель ни за что не отдадут такарам этот драгоценный надел.

– Да что там такого, кроме соли, в этой Тавробе?

– Соль, милая. Причем непростая. Ты даже не потруди-лась разузнать, на какой земле живешь. Чему я, зная твой пытливый ум, очень удивлен. Помимо обычных солевых шахт, там разрабатывают и так называемые слезники драко-

на. Очень трудно эти жилы разведать, еще труднее добыть из них чистый продукт, зато зеленоватые кристаллы стоят дороже золота, так как обладают невероятной целительной силой. Слезники есть лишь вдоль северного берега Гюрзы, да вокруг Тавробы, так что, владеющий городом, владеет и землями вплоть до южной ветки Камня. Грызня за эти земли идет с тех пор, как такары решили построить там город, чтобы укрепить свою власть на спорных землях.

Олга знала все, что рассказывал Лис. Еще в школе она изучала действие этого вещества, имеющего горьковато-соленый вкус, более того, находясь в Тавробе, один раз покупала его для эликсиров, но ей даже в голову не приходило, что из-за такого пустяка можно начать войну.

– Сейчас же поговаривают, что целебные жилы иссякли или ушли, так как добытчики давно не находили новых слезников, – продолжал Лис, – а старые уже практически выработаны. Потому-то бояре и стали роптать против князя, что держаться за пустую землю и развязывать за нее войну нет смысла. Князь, по-видимому, считает иначе, предполагая, что не просто так плосколицы рвутся в Тавробу, да и отдавать задарма кусок собственной территории ни один государь не захочет. Это ведь какой удар по самолюбию! А на совместные разработки приисков Цэрба согласия не дает, что в очередной раз подтверждает – дело не только в соли. Так что Владимир сейчас в очень шатком положении, чем и пользуется его братец. Наверняка уже заручился поддерж-

кой посла, иначе зачем так часто гостит в шатре уна. Заговор, милая моя, очень хитрая штука.

– Это, конечно, все очень интересно, но причем здесь я?

– Сместить князя – задача непростая, убить легче. Но вот загвоздка: на стороне князя Великий Дух, Змей во плоти, которому уже небезразличен маленький княжич, и у которого составлен договор верности и дружбы с Владимиром. Змей невероятно наивен, так как забыл, что у власти не может быть ни друзей, ни врагов. Есть лишь те, кто подчиняются и те, кто противятся приказу. Таков закон. Князь создал себе надежный тыл, ничего не скажешь. Пользуется тобою, как щитом, между прочим, и прекрасно знает, что ты будешь убивать, даже не желая того. Стоит лишь создать ситуацию, а это очень легко, учитывая то, как настырно ты ищешь, к кому бы привязаться.

Болеслав, наверное, был в бешенстве, когда узнал, кого поймал верный Ловчий его брата. С тобой считаются, гордись. Вот только не понимаю, на кой ляд тебе это надо? А вот тут-то в игру вползают наши собратья. Волк – большая шишка в клане, просто двинулся на идее изловить Змея... точнее Змею. Ему совершенно едино, на чьей стороне правда. Он верен лишь своей цели. Потому Волк идет туда, где выгодно ему – к предателю, и заключает с ним очень интересный договор. Предположу, что содержание там следующее: Болеслав убирает князя с выводком и получает трон, сваливая вину на внезапно ополоумевшего Змея, а Волк получает

тебя, напищанную зельем, и его самого – зелья – рецепт.

– Но ведь есть путь проще – прийти и силой увести меня, разве не так?

– Милая моя, ты слишком недооцениваешь меня и себя. Волку такой ход не по зубам. Он одиночка, никто заодно с ним не станет вмешиваться в людские дразги. Но и перечить одержимому йоку не будут. Совет клана смотрит на его придурь сквозь пальцы, так как она – придурь – пока что никому не навредила. А в одиночку да в открытом бою, да после смерти Крысы... вряд ли! Волк, конечно, головой болен, но на рожон не полезет.

– А если я предупрежу князя?

– Я бы не советовал торопиться. Там тоже не все чисто. Игра никогда не бывает односторонней, особенно в политике. Противоборствующая сторона, что поддерживает Владимира, желает избавиться от назойливого княжеского брата и решает убить двух зайцев одним ударом. Дело в том, что ты своим присутствием при дворе, сама того не ведая, вставляешь палки в колеса влиятельных бояр, рушишь все их планы. Твои ученики уже наделали шороху, но боятся люди в основном Змея, а не его выкормышей. Никому не хочется жить бок о бок с грозовой тучей, полной острых молний и штормовых ветров. Я не знаю точно, как хорошо поставлена личная разведка князя, и подозревает ли он о происходящем, но и в его поле зреет заговор против тебя. Убить Болеслава и свалить всю вину на твои плечи – тоже неплохой план. И

как ты только умудрилась увязнуть в этом болоте? Даже этот дурак Рыба, отдавая тебя в жадные лапы людей, верно, не подозревал, что ты окажешься настолько слабоумной, чтобы служить им. А расхлебывать вновь приходится мне.

Лис замолчал. Ольга задумчиво почесывала кончик носа.

– Тебе известны такие подробности, что я с трудом верю в их реальность. Уж не выдумал ли ты все это?

– Тебе решать, – нелюдь с наигранным безразличием пожал плечами, – вот только придется делать это как можно быстрее. Мальчик все равно умрет, ты это знаешь. Рано или поздно, не вижу большой разницы. А люди пусть сами дерутся меж собой, нам в их распри лучше не лезть, наша сила – весомый козырь в рукаве любого, на чью сторону мы встаем. И в то же время мы – третий лишний, молчаливый игрок на которого всегда можно свалить свои ошибки и ответственность за грязные дела.

– Все-таки, откуда ты знаешь так много?

– Нищие в городе – вторая власть. Они, как крысы, проникнут в любую щель, разносят все, что дурно пахнет, чтобы вовремя сбежать с тонущего корабля.

– И что ты мне предлагаешь?

– Я буду ждать тебя на пристани у суконных складов сегодня на закате. Лодку я куплю, – он позвенел кошельком за пазухой.

– Опять бежать?

– Ну, ты всегда можешь остаться и понаблюдать, как бра-

тья будут терзать друг друга, только вот я сомневаюсь, что у тебя хватит духу не вмешиваться в их драку.

– Ох, не просто так ты все это затеял, – Ольга недоверчиво покачала головой. – Думаешь, я не скину тебя за борт, когда выйдем в море?

Лис оскалился в наглой усмешке.

– А это мы еще поглядим, кто кого.

– Послушай, я все никак не возьму в толк, зачем ты так настойчиво пытаешься удержать меня при себе?

– Когда ты рядом, другие духи не чувствуют его, – раздался по-мальчишески задорный и весело-злой голос с лавки, где спал Дарим. – Только тогда он свободен, только тогда все без исключения видят его обычным человеком. Твои поцелуи творят чудеса, мертвое становится живым.

Нелюдь как-то странно изменился в лице, застывшая на губах улыбка дернулась и скривилась, будто мышцу свело нервной судорогой.

– Умный дурак, – тон стал неприятным и угрожающим. – Где отыскала такого юродивого?

– Ты действительно его не узнал? – Ольга удивленно поглядела в сторону шептуна.

– Впервые вижу, – холодно ответил нелюдь. – Мне пора. Можешь проверить мои слова. Волк ошивается где-то рядом, я его чувствую. Возможно, у него сегодня встреча с Болеславом, – и соскользнул с подоконника вниз с третьего этажа. Ни одна веточка не хрустнула под босыми пятками юр-

кого Лиса, лишь дождь продолжал шуршать в листве, тщетно выискивая сухие прогалины.

Олга села на кровать, обняв колени, и долго вдумчиво разглядывала темноту. Она чувствовала, будто пелена спала с глаз, и разум очнулся после долгого сна. Лис умел окунуть нерадивую Ученицу головою в ледяную прорубь. *Не спи, дура, опасность повсюду! Умей вовремя заметить ее приближение!* Требовалось принимать решение, и Олга сделала свой выбор.

– Святослав, – она коснулась груди спящего мальчика, – проснись, княжич, пора.

– Что пора? – недовольно спросил мальчик, протирая кулачком слипающиеся глаза.

– Уходить.

– Что? Куда уходить. Кто там еще? – он нахмурил брови, вглядываясь за спину своего телохранителя. Олга, раскладывая на постели одежду, сделала знак Сашке, чтобы тот приблизился.

– Это мой ученик, – она стянула с мальчика ночную рубаху, пригладила темные кудри, – он отвезет тебя в Кимчанский монастырь, где ты будешь спокойно жить и учиться.

Сашка почтительно поклонился княжескому сыну, пряча взгляд.

– Зачем? Батюшка велел? И почему ты наряжаешь меня в эти холопские тряпки?

Змея крепко взяла мальчика за плечи, заглянула в лицо.

– У тебя глаза... я раньше не видел, что они такие, – Святослав испуганно прынул подальше от жуткого взора, золотом горевшего в полумраке.

– Слушай меня внимательно. Ты в большой опасности, потому я приказала этому человеку тайно вывезти тебя из города и спрятать подальше от людских глаз. Твоя мать знает. Отцу я расскажу, когда ты будешь уже далеко. Не перечь, обувайся.

Она повернулась к своему ученику.

– Вот деньги, вот письмо от княгини и от меня. Отдашь их настоятелю лично в руки, и покуда он не прочтет послания, мальчика от себя не отпускай ни на шаг. Если хоть волос с его головы упадет, я тебя из-под земли достану и на части порву голыми руками. Понял?

Сашка тоскливо покосился на Святослава.

– А что я князю скажу, коли спросит?

– Ничего не говори. Князю вообще не обязательно знать, кто и куда увез его сына.

– А если прознает?

– Скажешь, я тебя принудила и молчать заставила?

– Ольга Тихомировна, разозлится Владимир, башку мне снимет!

– Выполняй приказ, никаких пререканий, иначе разозлюсь я!

Парень вжал голову в плечи. Ольге были понятны его ме-

тания, но жалости в душе не возникало. *Этот не подведет и выпутается из любой сети. Умен, шельма! К тому же обязан мне жизнью.*

– Иди, седлай коня и скачи к восточным воротам, я приду туда часа через два вместе с мальчиком. До той поры добудь сменную лошадь и сбрую для нее. Все, свободен.

Змея говорила резко и бесстрастно, каждым своим словом заставляя несчастного ученика все ниже склонять кудлатую голову. Закончив речь, она отвернулась.

– Учитель, позволь... позволь спросить, – он нерешительно мял в руках пакет с письмами. – Я только хотел узнать, верно ли, что говорят во дворце?

Олга насторожилась, молча ожидая продолжения вопроса.

– Слух идет, будто бы ты... будто бы ты не человек, а дух... Змея. Это так?

– Да, это правда, – Сашка встрепенулся, испуганным и одновременно восторженным взглядом уставившись на своего наставника. – Посмотри на меня внимательно, мальчик, и запомни, потому что вряд ли мы снова увидимся, если ты, конечно, непустишь прахом мой наказ.

Она вдруг сделала шаг и коснулась его груди ладонью. Парень заворожено стоял, не в силах отвести взор от ее лица.

– Ты – хороший ученик, Александр. Прощай и... береги себя, – она легким тычком заставила его сделать шаг назад и захлопнула дверь перед самым носом, пожалуй, единствен-

ного во дворце человека, верного ей. Змея не заметила, что там, где ее рука легла на широкую грудь юноши, проявилась тонкая, незримая простому глазу вязь знака – птица в круге змея.

Город просыпался медленно, недовольно урча набитым с вечера брюхом, лениво позевывая, стряхивал с себя клочья тумана, оставшегося после дождя. Небо прояснилось и божий лик, выбравшись из сырых туч, улыбнулся всему живому, наполнил мириадами светляков древесные кроны, увешанные бусами дождевых капель. Серебром заблестали ручейки, трепещущие, подобно жилкам, меж камней мостовой, голубым светом наполнились лужи, отражая безоблачную высь. Город стал чистым, но ненадолго.

Олга в очередной раз свернула в какой-то узкий переулок, надвинув капюшон до самого подбородка. Смотреть на мир глазами Змеи сейчас было много удобнее и безопаснее, потому, чтобы не искушать себя, она закрыла веки тугой повязкой. Святослав, пригревшись на закорках, задремал, вцепившись пальчиками в фибулу на плаще, и слегка придушил Олгу, но та не будила мальчика, сосредоточившись на дороге. Какая нужда была в этом блуждании по городу, она не знала. По крайней мере, разум увещевал ее в бесцельности и даже пагубности такого поступка – вдруг кто заметит, узнает, доложит! Но Змея не сомневалась в своем чутье, которое подсказывало ей идти через этот лабиринт с закрытыми глазами. И чутье ее не обмануло. В ярком сгустке живо-

го цвета появилась серая мертвая тень, и тут же в нос ударил знакомый запах свежей крови – сильный, насыщенный, алчущий страха, – запах сына смерти. Ольга остановилась и сдернула повязку. Работники разгружали тяжелый воз с винными бочками в подвал постоянного двора. Воздух наполнился трубным мычанием волов, руганью и смехом людей. Святослав проснулся и заерзал, непонимающе оглядываясь. Змея приложила палец к губам, призывая мальчика к молчанию, обойдя гостиницу, зашла во дворик с тыла, перемахнув через невысокий забор, и притаилась под окном, расслабившись и наострив уши. Окружающие звуки стали глухими, покуда совсем не исчезли, оставив ее слуху лишь два голоса в покойнике на втором этаже. Волк был не один.

– Мы нашли того человека, о котором изволил спрашивать господин йок, – рапортовал неизвестный, – вчера его заметили в порту. Этот оборванец выпрашивал, у кого можно купить лодку.

– Значит, он здесь, – голос духа был спокойным, вдумчивым и неприятно-холодным. – Это плохо. Он может предупредить цель. Передай Болеславу, что есть опасность. Пусть действует как можно быстрее, если хочет добиться нужного исхода. И напомни ему о формуле зелья. Это все, иди.

Слуга отправился исполнять приказ, хлопнув дверью. Волк подошел к окну. И с неожиданной досадой тихо прошептал:

– Где же ты, падаль? Почему я не чувствую твой след?

Змея незамеченной проскользнула к воротам и со всех ног бросилась к месту встречи. Больше не было смысла блуждать в лабиринте кривых улиц.

Князь Владимир широкими шагами мерил свой кабинет, заложив руки за спину. Проходя в очередной раз мимо широкого стола, заваленного бумагами, он сдернул один из исписанных листов, наново пробежал глазами изрядно помятое письмо и, небрежно кинув его в общую кучу, подошел к окну. С высоты обсерватории открывалась обширная панорама на Истарь, словно оползень стекавшая с горы в море тысячами разноцветных крыш. Куранты на крепостной башне пробили пять раз и смолкли. Вот уже три часа прошло с того момента, как князю сообщили, что в кортеже княгини, внезапно решившей выехать в загородную усадьбу, Святослава не было. Не было его и во дворце. Няньки, не обнаружив княжича поутру в постели, решили, что тот вновь ушел на реку вместе со своим телохранителем. Узнав, что сын пропал, Владимир послал слуг в покои к Ольге, но те обнаружили лишь безумного шептуна, наводившего порядок среди разбросанных вещей хозяйки. Охрана обошла все подворье, исследовала каждый вершок сада, но не обнаружила никаких следов. Более того, никто в этот день не видел ни Святослава, ни Змеи.

Тяжелый вздох сорвался с губ князя.

– Волнуешься?

Владимир, вздрогнув от неожиданности, обернулся. Она стояла, опершись костяшками пальцев на массивную доску стола, и держала в свободной руке письмо, внимательно рассматривая князя каким-то странным взглядом. Он пожегил, не в силах понять суть изменений, но явственно чуя непривычное и жуткое в блеске огненных глаз. Огненных? Да! Они горели в полумраке комнаты подобно двум безжалостным холодным звездам, и не было в том золотом пламени тепла. Владимир тряхнул головой, отгоняя наваждение, и спросил, устало потирая глаза.

– Что за представление? Где мой сын?

– Прости, князь, – она склонилась в глубоком поклоне. – За самоуправство и за самонадеянность. Ты отдал своего наследника под мою опеку, и я честно исполняла свой долг, оберегая от опасности и поддерживая его здоровье. И сейчас я не отступилась. Княжича хотят убить. Ты знаешь, кто. И он настроен решительно, раз связался с сыном смерти.

Владимир нахмурился.

– Болеслав и йок? И ты думаешь, он нанял его для...

– Нанял? Вряд ли, скорее предложил выгодную сделку. Но это не суть важно. Ты и твой сын в большой опасности. Даже учитывая, что Святослав слаб и не может управлять страной, произвести на свет потомство в его силах. Не волнуйся понапрасну, государь, место, куда везут мальчика, надежно, как и человек, что взялся опекать его. Княгиня сказала, что вернее укрытия, чем под крылом твоего учителя и

друга, вряд ли можно сыскать.

– Монастырь? Что ж, возможно так действительно лучше, но твое самоуправство перешло дозволенную границу. Следовало сообщить мне заранее.

– Что бы изменилось, князь? Такого хода вряд ли кто-то ожидает, – она подняла смиренно опущенную голову и внимательно посмотрела на Владимира. – Как видишь, государь, я четко и добросовестно выполняю свою сторону нашего договора, чего не могу сказать о тебе.

– Упрекаешь? – высокомерное удивление отразилось на лице князя. – И в чем же я повинен?

– Я просила малого, – тон стал холодным и властным. – Покой и забвение. Никто не должен был прознать, что я на самом деле. Мои ученики не в счет, но вряд ли это они пустили слух о моей... сути. Каждый холоп во дворце знает, что на службе у князя сам Змей, точнее Змея. Я не давала повода усомниться в моей... человечности. Самое крайнее, что они могли подумать обо мне, так это – ведьма в мужских штанах, да безумная девка с мечом. Кто выставил меня на показ, а, князь?

– Многие в Камне знают о том, кто ты на самом деле, – раздраженно произнес Владимир. – Мало ли доносчиков, готовых продаться за золотую монету.

– Это меня не касается, князь, – резко прервала его Змея. – Ты был обязан их купить, а не кто другой. Моя сила стоила несоизмеримо мало, но даже эту малость ты пожа-

лел отдать за право обладать ею. Как бы тяжело мне ни было говорить это, но прав оказался мой Учитель: воистину, жадность людская не знает границ, как и их непомерная жажда власти. Прощай, Владимир. Я расторгаю наш договор. Удачи тебе, и благослови тебя Творец.

Она вдруг нахмурилась, вглядываясь в нечто за спиной князя. Тот невольно обернулся, но, не найдя ничего страшного позади, перевел взгляд на собеседницу. Змея исчезла, ускользнула неслышно, будто и не стояла в трех шагах от князя мгновение назад. Тот задумчиво прошелся по комнате, поднял с пола письмо, что она держала в руках, и вдруг со всей мощи ударил кулаком по столу. Бумаги с тихим шорохом посыпались на пол.

Распроставшись с князем, Ольга поспешила к южным воротам, куда еще в обед отправила Дарима со всеми пожитками и лошадьми, приказав ожидать ее в трактире у городской заставы. Тот, как всегда, беспрекословно повиновался. Она не особо беспокоилась за шептуна, так как в народе ходило поверье, что коли обидишь такого, то придет по твою голову йок, чья душа обитает в теле безумца. Да и грех трогать убогих, что слепо шатаются по дорогам, не ведая, кто они на самом деле, куда и откуда идут. К тому же утренний поединок с Лисом убедил Ольгу в том, что не так-то легко это – обидеть шептуна.

Она шла быстро, погруженная в себя, и раздумывала, со-

ставляя план отступления. Уехать из города на юг, перейти через хребет, и идти на запад, к неведомым странам, древним городам, чужим народам. Не обязательно следовать за Учителем, пусть теперь он бегаёт за ней. Странно, что раньше мысль о путешествиях не приходила ей в голову. Странно... Она резко остановилась. Вокруг бурлила толпа, гомон голосов заглушало ржание лошадей. Широкая улица наполнилась подводами, спешащими пройти через заставу до заката, уставшие путники и верховые гости входили в дружелюбно распахнутые ворота постоялых дворов, толпились у дверей, смеялись и вели степенные речи. Много людей было вокруг, но Змея не чувствовала среди них Даримира. Она на секунду закрыла глаза, глубоко втягивая через нос сладкий от духоты воздух, и на миг погрузилась в тишину и темноту. Безвольный мальчишка тридцати лет от роду, к которому она уже успела прикипеть всем сердцем, был далеко и испытывал от того адские муки. Ольга развернулась и пошла по слабому, еле видимому в буйном коловращении цвета, следу, пронизанному болью и страхом.

Острые горные пики Хребта уже начали щекотать брюхо солнечного шара, покрасневшего от такой насмешки, когда Змея наконец-то выбралась из узкого лабиринта улиц, куда завел ее след, и оказалась на пристани. Здесь так же бурлила жизнь, но уже окрашенная иностранной речью, пьяным гоготом, похабными песнями удалой матросской братии и визгом продажных девок, доносящимся из открытых

окон портовых трактиров. В этом месте не было нужды притворяться, льстить и отвешивать поклоны, а ожидать уважения можно было лишь в том случае, если ты силен и бесстрашен, что, кстати, не уменьшало вероятности получить нож в спину. Змея ухмыльнулась и шагнула через порог в душный смрад питейного заведения.

В небольшом помещении, заставленном давно нечищеными столами и лавками, было полно народу. Как только она ступила внутрь, песни как-то сами собой смолкли, и все глаза, сальные и мутные от выпитого вина, обратились к неизвестному и странному гостю в длиннополном темном плаще, чье лицо скрывал опущенный до самых губ капюшон. И чем дольше они смотрели, тем отчетливее чувствовали глубокий животный страх перед разгневанной силой, сокрытой под плотной пеленою накидки. Может быть, именно по этой причине слова, произнесенные тихим, чуть слышным голосом, достигли ушей каждого, и никто не посмел послушаться приказа.

– Все вон.

Кабак мигом опустел, даже целовальник разумно скрылся за стойкой. Остались лишь несколько человек в темных походных курках, что сидели в дальнем углу залы. Змея медленно двинулась к их столу.

– Где он?

– Не торопись, красавица, – пять арбалетов щелкнули заговором, направив острые жала на давно ожидаемого посе-

тителя. Говорил маленький сухой такарин почти без акцента, но смешно шепелявя из-за отсутствия нескольких зубов в растянутой улыбке. Он появился откуда-то сбоку, двигался медленно и очень уверенно, так, что можно было предположить в нем умелого бойца.

– Он здесь. Предлагаю сделку. Мы вернем твоего глупого слугу, но сначала выпей с нами.

Такарин поставил на стол кружку, от которой разило полынной горечью буквально за версту. Змея хмыкнула. Она могла убить их всех без особого труда, но предпочла обойтись малой кровью и взяла предложенное пойло.

– За ваше здоровье, господа, – и одним махом осушила стакан. Перед глазами поплыл зеленоватый туман, по жилам побежал жидкий огонь, дыхание на миг перехватило, но лишь на миг. Утерянный было контроль восстановился секунду спустя, разум очистился от жуткого наваждения. Но...

Она закашлялась, смачно сплюнула черным. Из закутка выволокли связанного Даримира с разбитым лицом в окровавленной рубашке, окатили бесчувственное тело водою, поставили на колени, заставляя измученного пленника прийти в сознание, и тут же приставили к горлу нож.

– Хочешь, чтобы он жил? – такарин кивнул своему соратнику, и тот медленно приблизился к Змее, разматывая тонкую цепь из заветного сплава. – Позволь связать себя.

– Вон оно что задумали, – Ольга недобро улыбнулась, обнажая острые клыки. – Кто надоумил?

– Эти сведения значимее жизни шептуна?

Она покорно вытянула руки вперед, настороженно отметив, что кожа на кистях и предплечьях темнеет, покрываясь бурыми пятнами, но как только металл коснулся запястья, чешуя исчезла, отхлынув, подобно волне, к локтю.

– Даримушка, звездочка, – тихо позвала Ольга, с горечью смотря на изувеченного парня. – Отзовись, ты слышишь меня?

Он вздрогнул, подняв голубые ясные глаза, и замычал нечто невнятное, подавшись навстречу, но надзиратель грубо отдернул его за волос, вырвав изрядный клочок. После разрезал путы и пинком отправил Дарима к ногам своей госпожи.

– Творец Всемогущий! – ошеломленно прошептала Ольга, переводя взгляд на такарина. – Вы... вы отрезали ему язык?

– Прости, красавица, но он слишком много болтал на разных наречиях, грозился. Мои люди – народ суеверный. Вдруг он порчу какую решил напустить. Кто их, шептунов, знает.

Дурман, заполнявший каждую частичку ее тела, тем временем начинал действовать, но иначе, чем в первый раз. Эмоции, тщательно сдерживаемые в самых глубоких тайниках души, вдруг стали разбухать, с бешеным натиском сметая все затворы и преграды. Ярость колокотала в груди, давя на ребра, заставляя сердце неистово колотиться в тесной клетке, мышцы скручивались и, будто змеи, шевелились под кожей. Яд, некогда заставивший духа уснуть, теперь лишь

злил его, вгоняя в иступление, и разум, сгоравший в пламени гнева, с трудом контролировал рвущуюся наружу силу.

– Кто послал тебя? – звуки, сорвавшиеся с ее губ, мало походили на человеческую речь. Мужчина, связывающий подрагивающие запястья, в ужасе отшатнулся, увидев, как взбугрились вены под тонкой, стремительно чернеющей кожей. Пальцы скрутило от внутреннего напряжения, суставы захрустели, но Змея продолжала стоять, недвижима, как статуя.

– Это неважно, – такарин был по-прежнему спокоен, – важно лишь то, что тебе придется последовать за нами.

– Господин, по-моему, это пойло на нее не действует, – озабоченно проговорил кто-то из арбалетчиков.

– Ерунда, – самоуверенно произнес узкоглазый воин, и, шагнув к пленнице, скинул с ее лица капюшон. Алые, будто закатное солнце, и совершенно сумасшедшие глаза на черном лице уставились в переносицу пораженного такарина. Тихий смех:

– Неужели?

Цепь лопнула, и когтистая лапа вонзилась в грудь вожака, с легкостью вырвав дымящееся, трепещущее сердце. Арбалетная тетива взвизгнула, металлические жала засвистели, разрезая упругий воздух. Змея склонилась, прикрыв своим телом скулящего от страха шептуна, один болт поймала на лету, четыре вонзились в спину и бедра... Стряхнула, распрямилась, пошла в кровавый пляс под безумный хохот

и вой. В эти мгновения она, забыв обо всех запретах, была по-настоящему счастлива, наказывая врагов, разрывая их податливые тела на куски и упиваясь их криками ужаса и предсмертными хрипами. Она горела в собственном пламени, и это было прекрасно, потому что пламя давало очищение. Уже не стало тела, не осталось мыслей, лишь сила текла могучим потоком через ее раскрытую душу, и душа прогорала, осыпаясь пеплом в бездонную пропасть небытия. Бушевавшая в сердце стихия излилась наружу, и сердце звенело, не помня о боли, о страхе, о ненависти. Черный Дракон медленно расправлял крылья, разум угасал, погружаясь во тьму.

Олга застыла в тумане сознания. Нагая в пустом пространстве, где не было света, не было жизни, смотрела она, как из глубин поднимался, расцветая, огненный колосс, заполняя собою все кругом. Жар, испускаемый чудовищем, изначально согревающий, теперь испепелял, проникая в каждую частичку слабой плоти адской болью.

Змея замерла посреди изукрашенного алой рудою зала и вдруг, упав на колени и обхватив живот руками, закричала пронзительно и жутко. Сквозь толстую чешую рыжими нитями проглядывали сосуды, одежда начала тлеть и опадать серым прахом, что, поднятый невидимой силой, клубился вокруг искореженного судорогами тела.

Олга в ужасе прикрыла голову руками, осознавая, что уже ничего не сможет спасти ее от огненного демона, несущего

щегося навстречу с невероятной скоростью. Миг, и он накрыл ее душной обжигающей волной, пожрал все чувства, оставив лишь дикую, рвущую нутро муку, нескончаемую, как жизнь души, как бытие духа. И должно бы ей сгореть в этом пламени, но что-то переменилось. Боль стала острее, сосредоточилась внизу живота да в солнечном сплетении, поток огня усилился, раскаленным копьём пронзая две эти точки, с шипением и свистом проходя через нее, и исчезал, обдавая спину холодом. Она изумленно обернулась и застыла, пораженная увиденным. Огромная крылатая тень, черная, как сама ночь, в ореоле белых, горящих подобно серебру на ярком солнце волос, держала ее в могучих объятиях, утягивая огонь в свое бездонное чрево. Длинные узкие глаза без радужки и зрачка полыхали ледяным пламенем, и свет их с каждой секундой становился все ярче, растекался под кожей, опутывая сетью голубых жилок плоское пятно лица.

Лис появился внезапно. Шикнул на белого от ужаса хозяина, что сделал было попытку выбраться из укрытия и удрать подальше от чудовища, сгреб извивающуюся да орущую Змею в охапку и потащил ее через кухню и подсобки к черному ходу, пинками подгоняя хромящего шептуна впереди себя. Вышибив калитку одним ударом ноги, нырнул в темный грязный переулок и бросился бежать к пристани. Змея продолжала выть так тонко и пронзительно, что человеческое ухо уже не способно было различить звук, лишь

воздух вибрировал, заставляя дрожать стекла в оконных рамах. Солнце уже скрылось за горизонтом, и с моря пополз туман, прикрыв беглецов от любопытных глаз. За пару минут безумной гонки они все же достигли причала, где ждала лодка. Лис камнем рухнул на дно, тяжело дыша.

– Да замолчи ты уже! – преодолевая удушье от переполнявшей нутро силы, прохрипел нелюдь и засунул ей руку в раскрытую пасть. Острые клыки сомкнулись, пронзив податливую плоть до самой кости, кровь потекла по чешуе подбородка и шеи. Лис прикусил губу, сдерживая вскрик, и со свистом выпустил воздух через нос. Даримир, присев на корточки и склонив голову набок, внимательно смотрел сквозь нелюдя мутными бесцветными глазами. Где-то совсем близко слышались крики преследователей, в сгустившихся сумерках замелькали рыжие светляки фонарей.

– Что смотришь? – зло рыкнул Рыжий, скалясь от боли, – отвязывай причал и садись на весла, дурень. Живо!

Шептун молча выполнил приказ, уключины закрипели, мерные всплески воды неожиданно подействовали на Змею: она перестала извиваться и рваться из цепких объятий Лиса, успокоилась и замерла, будто потеряв сознание. Нелюдь устроился на носу, аккуратно уложив голову бесчувственной Ученицы на плечо, крепко прижал ее горячее тело к себе и блаженно прикрыл глаза, согреваясь жаром силы, что продолжала течь сквозь него мощным, но более спокойным потоком.

Волк стоял на краю пристани и внимательно следил за темной точкой, дрожащей в мареве тумана. Лодочка уходила все дальше от берега, незаметная среди массивных кораблей, неслышная в гомоне неумелой погони. Он прикрыл глаза, вдыхая божественный аромат силы, что еще звенел в воздухе, накаляя и очищая его от гнили и смрада, словно свежие струи, что окутывают землю после грозы. Легкая неприятная улыбка скользнула по длинным темным губам, нечеловеческие зрачки, расширенные до предела, горели золотом, отражая неясный свет луны.

– Не уйдешь, – тихо прошептал Волк. – Теперь точно не уйдешь.

На белую, покрытую солью землю, падали крупные хлопья снега. Она шла к огню, что тонким рыжим языком лизал витые прутья жертвенной треноги; медленно ступала по утопанной площадке, окруженной высокими черными скалами, и каждый шаг отдавался тонким звоном сотен золотых бубенцов. Она шла, дрожа от страха и радостного возбуждения, покуда не увидела по ту сторону пламени прекрасный лик своего суженного. Белые волосы убраны высоким венцом из серебра и кроваво-алых рубинов, тяжелый наперсник украшает могучую грудь, сковывает гибкую выю драгоценным ошейником, на запястьях браслеты удивительно изящной работы, широкий пояс с передником из

тонких серебряных пластин прикрывает наготу его белого, словно молоко, тела, и выются подхваченные неслышимым дуновеньем ветра красные ленты тончайшего шелка за широкой спиной. Но не смотрит она на богатые украшения, не трогает ее сердце мерцание рубинов. Необыкновенные по силе и красоте глаза, словно две яркие звезды на светлом небосклоне, приковывают ее взор. Их свет – свет иной вселенной. Их холодная мертвая белизна тянет, завлекая ее душу. Чужой терпеливо ждет, когда же наступит время ритуального танца, и нежная улыбка блуждает на его губах. Он протягивает руку над огнем, и длинные пальцы охватывает пламя. Она вкладывает свою, покрытую золотой чешуей длань в его широкую ладонь, и жар окутывает жениха и невесту. Время танца пришло. Безумный поток силы мещает все кругом, и уже не понять, где земля, а где небо, где навь, а где явь. Лишь шумит, завывая, ветер, и бурлит, блаженствуя, море, ибо настал светлый миг великой свадьбы богов.

Крепки объятия ее мужа, безмерна сила Чужого и покойно ей в тени его могучего крыла.

Олга уткнулась в теплое плечо, силясь задержать ускользающий сон, продлить чувство счастья и покоя. Чья-то рука коснулась головы, пригладила волосы, и она, улыбнувшись, открыла глаза.

Лис беззлобно скалился, лукаво щурясь на ярком солнце. Змея подскочила, как ошпаренная, развела руки в раз-

ные стороны, с трудом удерживая равновесие на неожиданно шаткой тверди.

– Ты?!

Нелюдь потянулся, смачно хрустнув суставами, и тут же получил удар пяткой в колено, ойкнув от неожиданности.

– За что?

– Ты – мерзкая падаль! Это ты устроил похищение, скотина?!

Он нахмурил черные брови:

– С чего так решила?

– С того, что больше некому было.

– Ты уверена?

– А откуда тогда здесь мои пожитки? Ведь знал, что должно произойти, сознайся? – она указала на тюки, притулившиеся у борта.

– Эх, скверная девка, тебе бы радоваться, что добро цело, а ты меня хаешь. Спер, – он нагло улыбался, сверкая зубами. – Ждал тебя у гостиницы, видел, как шла, да не дошла, и спер. Так, на всякий случай. Не пропадать же вещам зря, правильно?

Олга потрянула головой, недовольно поджав губы. Бесплезно винить того, кто ни за что не признает своей вины. То, что произошло прошедшим вечером, она помнила с трудом. Ядовитый дурман, тьма, боль, огонь, демоническая тень за спиной и чужая кровь, много крови, что до сих пор покрывала ее руки, грудь, лицо. Змее стало тошно, и, перегнувшись

через борт, она зачерпнула воды умыться, только сейчас заметив, что совершенно нага, лишь золотая подвеска-птичка приютилась на груди. У правила кто-то зашевелился, и из-под парусиновой накидки показалась всклокоченная светло-русая голова. Змея присела рядом с шептуном и горестно вздохнула, разглядывая несчастного. Зрелище было не из приятных: подбитый глаз опух, сдавленный отеком, порезы и синяки побагровели, и наверняка саднили от соли, пота да грязи, на груди рдели жуткие язвы от ожогов, тело сотрясала жестокая лихорадка.

– Открой рот.

Она внимательно осмотрела багровый обрубок, прижженный каленым железом, и ей стало не по себе от одной мысли: как такое щедрое слабое существо могло выдержать все пытки и при этом остаться в сознании. Не прост, ох, не прост был беловолосый шептун. Она подняла его на ноги и, усадив на скамью, принялась поить разведенным лекарством. Лис тем временем поставил парус, и ялик заскользил вперед, упруго налегая круглыми скулами на волны.

– Где мы?

– Не могу сказать точно, – нелюдь приложил ладонь козырьком, вглядываясь в горизонт, – думаю, течение отнесло нас в открытое море и тянет на юг вдоль восточной кромки Железной гряды. По крайней мере, на рассвете мы прошли меж двух островов, значит земля не так далеко.

– И что же теперь? Куда ты меня везешь?

Учитель пожал плечами, почесывая серую от грязи грудь, проглядывающую сквозь дыры лохмотьев.

– Пока не знаю.

Олга недовольно поморщилась.

– Ты бы хоть помылся, запаршивеешь.

Дарим резко схватил ее за руку, потянул к себе, привлекая внимание. Она недоуменно обернулась, встретившись взглядом с голубыми глазами, полными беспокойства. *Не верь ему! Он лжет!* Змея вздрогнула. Слова прозвучали в ее голове так ясно и отчетливо, будто кто-то произнес их вслух.

– Что? – взор шептуна потерял осмысленность, и Олга обернулась к Лису со злорадной улыбкой на лице. – Эй, Учитель, безумец говорит, что ты врешь.

– Немой заговорил? Интересно. Пусти-ка меня к правилу, – он шагнул через скамью к корме, оттеснив Ученицу от Даримира, и как бы ненароком толкнул последнего, да с такой силой, что бедолага свалился в воду.

– Ой, несчастье-то какое, – воскликнул Рыжий, сокрушенно качая головой. – Может он еще и летать умеет без крыльев, раз молвит без языка?

– Ну, ты и гад, – прошипела, негодуя, Змея и нырнула следом. Лис недовольно нахмурился, покусывая губу, но все же развернул ялик и кинул веревку, подбирая выброшенных за борт. Некоторое время он молча наблюдал, как Олга возится с нахлебавшимся соленой воды шептуном, после чего изрек ядовитым тоном:

– Тебе нравится этот хиляк? Ты что, испытываешь слабость ко всем детям, немощным... идиотам?

– Не ко всем. Есть исключения. Ты, например.

– Остришь... Влюбилась в сумасшедшего слюнтяя?

– Помолчи уж. Слово любовь из твоих уст звучит как-то... неестественно. Откуда тебе, йок, знать, что это такое?

Лис умолк и молчал весь день до вечера, изредка прикладываясь к бурдюку с водой. Ольга некоторое время косилась на него, недовольно морща нос – на жару вонь от немытого тела становилась все ядреней, но, в конце концов, пообвыкшись, перестала обращать внимание и, присев рядом со спящим на дне лодки Даримиром, задремала, сомлев на солнце. Очнулась она от странного звука. Поначалу Змея думала, что неведомая песня пригрезилась ей, но нет: открыв глаза, она продолжала слышать тихую мелодию, льющуюся из морских глубин. Кроме этой колдовской музыки не было слышно ни звука, лишь шепот волн, ласкающих борта ялика, да скрип снастей. Густой туман тонкой пеленой накрыл водную гладь, подсвеченный клонящимся к горизонту солнцем, мутно-рыжей дымкой застилал взор. *Туман... Так рано... Что за причуда?* Она взглянула на Лиса. Тот, насупив брови, внимательно смотрел впереди себя. Песня стала громче.

– Слышишь? – тихо обратилась она к Учителю. Нелюдь непонимающе глянул в ее сторону и поднял руку, указывая ей за спину.

– Смотри.

Она обернулась. Сквозь мутную завесу стали проступать очертания высоких скал. Внезапно туман схлынул, и Ольга увидела высокий изрезанный берег, отвесно срывающийся вниз белоснежными утесами, украшенными по гребню уже рукотворными пиками полуразрушенных башен на крепостной стене. Прямо по курсу, сурово сдвинув огромные брови карнизов, облепленных гнездами чаек, высился широкий волнорез мыса. Словно могучий великан – страж запретной земли, изъеденный штормом, в короне густого леса, он выставлял свое тело, как щит владениям против яростной стихии, и очертаниями своими напоминал воина, по пояс увязшего в соленой пучине. Лис убрал парус и сел на весла. Ялик резво обогнул мыс, за которым оказалась широкая гавань. Буря редко бросала сюда свои разъяренные волны, что крошили в мелкий щебень даже гранитные скалы. Возможно, потому место пред и мысом превратилось в могильник для десятков кораблей, уснувших вечным сном у берега вместе со своею командой. Многие ладьи, отяжелев, погрузились в воду, острыми копьями мачт вспарывая изумрудную воду. Те, что крупнее, опустились на дно, захлебнувшись лишь по корму, и сквозь прогнившие доски палубы были видны могучие ребра трюмов, заполненных окаменевшим грузом. И все покрыто белым налетом, словно окутано погребальным саваном. Видимо, море вымывало породу, на которой стоял остров, и та оседала на неподвижных предметах, превращая их в камень. Ялик встал у одной из пристаней – выдолблен-

ной в скале широкой площадке, что ступенями поднималась вверх, туда, где в гуще буйной зелени высились лишенные крыш зорные башни.

Лис ловко выпрыгнул из лодки и закрепил причал на крюке. Ольга молча последовала за ним, изумленно глаза по сторонам. *Белград! Княжий остров! Творец всемогущий, о многом мечтала, но ни разу не мыслила, что ступлю на проклятую землю!* Шептун выбрался на берег и настороженно замер, прислушиваясь к чему-то. Ольга с подозрением покосилась на своего подопечного.

– Дарим, что случилось?

Он вдруг радостно улыбнулся, и, тихо напевая мелодию, что разбудила Змею в море, уверенно зашагал вверх по лестнице, прихрамывая на изувеченную ногу.

– Дарим, – она кинулась было следом, но нелюдь остановил ее, положив руку на плечо.

– Не нужно. Здесь их много... таких, как он. Пусть идет. Там ему помогут лучше, нежели ты.

Он закинул на плечи котомку, тюки и двинулся в сторону развалин. Ольга пошла за Учителем, задумчиво глядя на руины древнего города. Княжий остров потому и звался так, что прежние князья правили государством с этих берегов. И не город стоял на острове – остров и был городом. Огромный, величественный, белоснежный – он простерся на три десятка верст с севера на юг, перетянутый сетью мощных дорог, петляющих между плодовыми садами и дикими рощами, что

делили Белград на околотки. Легенда гласила, будто в основании острова лежит пламенеющее сердце Змея, что жаром своим греет землю и испаряет море, потому берег всегда был затянут пеленой тумана и лишь в теплые дни открывался во всей своей красе морякам, идущим в знаменитый порт. После того, как пятьсот лет назад здесь случилось великое горе, и потерявший рассудок Змей, обратившись в Черного Дракона, расправил крылья, жизнь схлынула с проклятого острова. Все, кто был в Белграде, погибли в единый миг, а над островом еще долго клубилась пульсирующая завеса черного марева, видимая даже в Надаре. С тех пор всякий, желающий ступить на землю гнева и скорби, пропадал без вести или сходил с ума. Но... всякий ли? Змея пристально взгляделась в своего Учителя. Лис спокойно шагал по дороге, переступая тесные валуны, обросшие мхом, насквозь проходя анфилады построек, лишенные стен и перекрытий, но сохранившие на фасадах тончайшую каменную резьбу по карнизам, и, казалось, ничего не ведал о проклятии.

Куда он ведет меня? Слова шептуна настойчиво стучались в ее сознании, вызывая все большую тревогу. *Не верь ему! Он лжет! Что это значит? Чему именно я не должна верить?* И вместе с волнением возрастало странное ощущение дурноты, вызванное не то полынным дурманом, не то чрезмерной влажностью и жарою, не то сном на солнцепеке: желудок свело, перед глазами поплыли пятна, череп стал слишком тесен, движения – вязкими и долгими. Ольга оста-

новилась и села на уступ, обхватив тяжелую голову руками. Нелюдь оглянулся, сбросил поклажу и протянул ей флягу.

– Выпей.

– Что это? – она недоверчиво нюхнула и отшатнулась: в нос ударил холодный цепкий запах спирта.

– Пей до дна. С такого-то количества даже человек пьяным не будет.

Олга резко хлебнула, ожгла горло и закашлялась, утирая проступившие слезы – настойка была крепкой и злой, как тысяча бесов, но тошнота отступила сразу. Лис тем временем огляделся кругом и указал на внутренний дворик с поросшим сорной травой садом, что виднелся сквозь прореху в стене. Она проследила за его рукою и только сейчас, внимательно присмотревшись, заметила что плющ, укрывающий землю густым темным ковром, вовсе не зеленый. Крупные мясистые листья имели густой коричневый, почти черный оттенок и лоснились изумрудным, отражая свет. Чуть поодаль, вдоль ограды, рос разлапистый репейник в человеческий рост, такой же черный вперемежку с зеленым. *“Там по берегу растет трава, похожая на лопух, только черная и смолянистая. Над этой травой воздух густой и вязкий, будто соткан из тонких липких тенет. От этого дурмана рассудок мутится и память начисто отшибает”.* Слова Беяна, показавшиеся ей лишь фантазией человека, ослепленного гневом, неожиданно вспыхнули в сознании, обретая смысл в реальности. Олга изумленно подняла на Учителя во-

просительный взгляд.

– Тот туман, что застал нас в море, сдобрен ядовитыми парами этих растений. Ядовитыми для людей – они отравляют разум, погружают человека в безумие. Здесь всегда такая жара и море парит постоянно, оттого и яд в воздухе.

– Парит? Сердце Дракона?

Лис пожал плечами.

– Может быть сердце, а может быть просто подводный вулкан, кто знает? Сушит море, греет землю, не дает ей промерзнуть даже в самые лютые морозы. А вот эта дрянь, – он сорвал травинку, иссиня-черную в сгущающихся сумерках, – отгоняет от острова людей лучше гнилой болезни и чумных поветрий.

Олга, морщась, влила в себя все содержимое фляги и, вернув ее хозяину, попыталась подняться. Мир накренился и завертелся перед глазами, земля стала далекой, колени безвольно подломились и она кулем рухнула на твердый камень дороги. Лис, хмыкнув, покачал головой, дескать что за слабая баба, мешком перекинул мягкое тело через одно плечо, поклажу – через другое и зашагал далее. Вонь от штанов, что, казалось, специально вымачивали в гнилых рыбьих потрохах, доконала Ученицу окончательно и ее стошнило. Темная вязкая жижа с острым запахом полыни и спирта медленно стекала по спине нелюдя, но он, похоже, не обратил на это внимания, лишь передернул плечами.

Когда-то здесь была бондарная мастерская. В труху об-

ратились дубовые доски, сгнившие без навеса под дождем, почернели от влаги готовые бочки, выставленные из дома на свежий воздух. Упавшее, видимо, во время грозы дерево проломило крышу, что скрыла под кучей мусора весь второй этаж, частично разрушив перекрытие, но в подвале кое-что осталось целым. Лис сложил из осколков камней хитрый очаг, взгромоздил на него большую бочку и, натаскав воды из ближайшего родника, развел огонь. Змея наблюдала за ним без особого интереса, страдая от головной боли и тошноты. В конце концов, прополоскав как следует бунтующее нутро, Ольга пришла в себя и почувствовала голод. Посасывая сухарь, она спустилась к небольшому проточному бассейну, устроенному специально для хозяйственных нужд. Вода, бьющая ключом из-под земли, наполняла обширный каменный ковш и вытекала с противоположной стороны неглубоким ручьем. Лис, забравшись в ледяную криницу, яро оттирал с себя грязь скомканными в клубок травяными стеблями, отчего белая кожа приняла зеленоватый оттенок. Змея присела на корточки, разглядывая Учителя. Что-то было иначе в его облике... или же в его состоянии, она не могла понять точно. Прикрыв глаза, Змея сквозь веки посмотрела на Лиса и вздрогнула, ошеломленная увиденным: там, где раньше была черная густая тень, теперь было яркое пятно чистого живого света. Радужные переливы окружающих материй гасли рядом с этим тугим коконом первородной силы. Ольга тряхнула головой, ослепленная ви-

дением, и вновь открыла глаза. В свете восходящей луны белое тело нелюдя мерцало, будто жемчуг на темном бархате. Она летит сквозь густой непроходимый лес, подобно теплому ветерку. Она счастлива не только чувством безграничной свободы, не только своей силой, но и тем, что рядом с ней скользит кто-то, кого она любит сильнее всех в мире. Она обретает форму, и тот, кто рядом, тоже становится человеком, но нет возможности рассмотреть его лицо и тело, ибо весь он – сгусток белизны. Картинки сновидений всплыли перед ее внутренним взором, выстраиваясь в стройный ряд: искрящийся светом облик божества, черная живая комета, рухнувшая с небес на землю, прекрасный лик Чужого в свадебном убранстве. Нет, это не мое! Это была не я! Другая! Первородный Змей, не я! И это не он! Не Лис! Мы лишь отголоски, носители чужой памяти. “Не было при тебе того, кто смог бы замкнуть круг, повернуть колесо. Но вот сошлись звезды, и вновь родился Чужой. Теперь он рядом...” Нет! Никого нет рядом, и никому повернуть колесо судьбы. Ты не ошиблась, матушка Ара, только в одном: он есть боль. Я ненавижу его, слышишь Змей! Ненавижу за то, что сгубил мою семью, за то, что уничтожил все, что дорого мне, уничтожил меня. Не показывай мне больше этих снов, не теши мою душу призраком любви. Нет ее! И не будет никогда! Лишь смерть между нами, смерть и ненависть!

– Мыло есть?

Она бросила на него враждебный, полный презрения взгляд, и, сдерживая гнев, коротко буркнула:

– В сумке.

Лис непонимающе поднял бровь, но ничего не сказал.

Ветер пригнал стаю мелких тучек, закрывших луну, и с неба крупным горохом посыпался теплый дождь. Ольга сидела под навесом, с отвращением наблюдая, как нелюдь, забравшись в бочку, исходящую парком, млеет, смывая с себя остатки травы и мыла. Он был спокоен, как никогда, спокоен и расслаблен, и от этого ее раздражение разбухало так же быстро, как опара на печи. Рыжий, закончив наконец мыться, переделся в чистое и улегся рядом с Ольгой, благоухая, словно только что освежеванная туша. *Хоть что-то остается неизменным*, злорадно ухмыльнулась Ученица, принимаясь к холодному металлическому запаху крови, исходящему от нелюдя.

– Что не так? – взгляд черных стеклянных глаз пронзил ее насквозь, словно горсть ледяных искр ссыпали за шиворот – он был недоволен, но Змея давно не пугалась проявлений лисьего характера.

– Зачем ты привез меня сюда?

– Здесь безопасно.

– Здесь поселение духов.

– Потому и безопасно. Люди не сунутся, и эти дураки не догадаются, что я у них под боком.

Не верь ему! Он лжет!

– Я не верю тебе.

– Думаешь, это меня волнует?

– Это волнует меня, – голос ее стал звенящим от плохо скрываемого гнева. – Кто тебе сказал, что я хочу быть здесь, да еще с тобой? Кто тебе внушил, что я прежняя и буду покорно идти следом лишь из страха перед твоей силой? Признайся, что это твое желание – держать меня при себе, как щит. Шептун сказал, что все видят в тебе человека, когда я рядом, не чувствуют твой дух. Это правда?

– Да, – лицо Лиса стало суровым и напряженным, слова давались ему с большим трудом. – Он прав, ты нужна мне. Как и я тебе.

– Ах, вот оно что! – она истерически хохотнула. – Ты? Мне? Нужен? Да я тебя терпеть не могу, грязная ты скотина! Ты, убивший мою семью, смеешь утверждать, что нужен мне? Да глаза б мои тебя не видели! Это похищение – точно твоих рук дело, интриган вшивый. Не хотел, чтобы я вновь ускользнула, вот и сдал меня... неважно кому.

– Хельга, успокойся, я ничего не подстраивал.

– Не смей произносить мое имя... так! Вообще не смей называть меня по имени, нелюдь. Я тебя ненавижу!

– Все сказала? – холодно спросил он, скрестив руки на груди. Олга сверлила его разъяренным взглядом, тяжело и со свистом дыша. – Великолепно. Теперь моя очередь. Ты – дура. Ты не знаешь себя и не можешь контролировать свои силы, что делает тебя слабой. Я нужен тебе, как ты это ни

отрицай, иначе быть беде. Куда бы ты ни пошла, я не отстаю от тебя, потому что мы связаны. Навсегда. Поверь, я сам этому не рад, но...

Она вынула из ножен длинный широкий нож, и приставила к его шее. Лис опустил руки, пристально глядя на свою Ученицу.

– Убьешь меня?

Она молчала. Рука медленно двигалась все ниже и ниже, вспарывая кожу, вырезала на белом теле красный узор, вторя тонким извилистым линиям печати. Нелюдь не сопротивлялся, лишь изредка нервная дрожь сводила крепкие мышцы.

– Не могу, – сухими губами проговорила Змея скорее для самой себя, нежели для Лиса. Она отвернулась, бросив нож, и пошла прочь, сгорбившись и приволакивая вмиг отяжелевшие ноги.

– Хельга! – раны кровоточили, не спешили затягиваться. – Хельга, стой!

– Не ходи за мной, – мертвым голосом произнесла она, не оборачиваясь, – не ходи.

Промокшая насквозь рубаха облепила тело, и теперь любое движение чувствовалось яснее, чем раньше. А так хотелось прервать эти ощущения, ничего не испытывать, ничего не понимать, ничего не помнить. Она дошла до пристани и села на мокрую лестницу, с тоской глядя на затянутое дрожащим маревом струй море, на ялик, что покачивался

у берега, темный от влаги, на серые в сумерках скалы, бережно обнимавшие когтистыми лапами бухту. Она не умела ставить парус и узнавать подводные края по изменению рисунка волн, не знала всех островов Железного архипелага. Уйти отсюда в одиночку сквозь полосу густого тумана, не видя звезд и не зная течений, было трудно, да и страшно. Она хотела жить.

Я нужен тебе.

Она яростно замотала головой так, что мокрая коса больно стегнула по плечу. *Нет! Нет! Нет!* А потом уткнулась лицом в колени и заплакала.

Ты нужна мне.

Я не принадлежу тебе.

Забыла? Я тебя создал.

Ты лишь дал мне второй шанс.

Я дал тебе силу.

Она не принадлежала тебе.

Ты нужна мне. Я люблю тебя...

Смех вышел какой-то неестественный и оттого очень неприятный и глупый, как и сама мысль, что возникла в ее расстроенном сознании. Ольга поднялась, утерев рукавом мокрый нос, и медленно пошла назад. Угрюмый Лис сидел у костра, бездумно кроша ветки в щепу и бросая их в огонь. Пока она переодевалась в сухое и развешивала мокрую рубаху на ветвях поваленного дерева, нелюдь молчал. Молча же завернулся в плащ и, повернувшись спиной к огню, уснул,

или сделал вид, что спит. Дождь кончился, пастух-ветер погнал свое серое стадо куда-то на север, серебряный диск луны, надкусанный с левой стороны чьими-то острыми зубами, озарял землю ясным холодным светом. Змея все сидела, глядя на тлеющие угли, и слушала тихое дыхание Лиса. Ей почему-то было тяжело повернуться и посмотреть на своего Учителя. Невнятные образы метались перед глазами, как надоедливая мошкара, но ни один не задерживался в голове надолго, хотя все оставляли неприятный осадок дурных мыслей. Спать не хотелось, неподвижность пробуждала тяжелые думы и болезненные чувства. Змея поднялась, скользнув взглядом по темной фигуре нелюдя, и побрела в сторону леса.

Когда-то здесь были чистые рощи с вытравленным подлеском, “дикими” тропами, разбегающимися в разные стороны от мощеных дорожек и почтовых трактов. Множество водяных жил, точивших остров, умелые каменщики пускали в неглубокие колодцы, на дне которых резали или выкладывали мозаикой лики древних духов, великих князей или знак Творца. Криницы укрывались витыми беседками, арками или небольшими крестообразными мостиками. Ныне же здесь был лес: густой, заросший папоротником и хвощом, с древними, увитыми диким плющом деревьями в три обхвата, чьи кроны шатром накрывали густой подлесок из теплолюбивых растений, что, привезенные купцами из южных стран, прижились на согретой сердцем Дракона земле.

Олга шла по широкой дороге, изредка спотыкаясь о поднятые могучими корнями камни, и слушала. Звук у этого леса был странным : незнакомым и тревожным, так же как и запах – смолянистым, насыщенным, звенящим и настораживающим. Будто кто-то всеми способами пытался ввести ее тело в состояние опьянения, заморозить и заморочить разум красотой и таинственностью окружающего, чтобы потом... она не успела додумать эту мысль – слева направо через дорогу шла узкая, тщательно протоптанная тропа. Олга, не долго думая, свернула с мощеного тракта. Некоторое время она шла по темному извилистому коридору малинника, срывая сочные ягоды и сшибая вонючих древесных клопов, покуда кусты не начали редеть, и внезапно перед ней открылась вычищенная от цепкой поросли площадка с порушенной временем беседкой. Переливчато звенел ручей, стекая в бассейн криницы, высоко над головой шелестела листва, касаясь подошв бредущего по небу ветра, чеканным серебром осыпались крупные гроздья дождевых капель, и тихо, будто дрожь тонких пальцев над тугою сутугой, звучала неясная песня-молитва. В беседке, опустившись на колени и вглядываясь в воду, сидел человек. Змея сделала шаг, стремясь рассмотреть его, и вышла из тени. Тот, видимо, почувствовав гостя, обернулся.

– Творец Всемогущий! – выдохнула пораженная и напуганная Олга, прикрыв рот ладонью. Это был Лис. Лис-оракул, никогда не державший в руках меч. Одно лицо, одна

манера щуриться и поджимать тонкие губы, пристально разглядывая стоящего рядом. Змея сморгнула, но видение не пропало, а, наоборот, сделало несколько шагов навстречу, неслышно ступая босыми ногами по мягкой траве. Длинные в крупных кудрях волосы оракула окутывали плечи белым шелком, мерцали в лунном свете, словно сами и есть этот свет. Божественный старец был отнюдь не стар. Белая как снег кожа, слепые глаза – две звезды в обрамлении серебристых ресниц, тонкие и изящные черты безусого лица делали его больше похожим на прекрасное вечно юное божество из древних сказаний, нежели на земное существо из плоти и крови. А на груди мерцала золотом маленькая птичка-подвеска – отражение той, что висела на шее Змеи. Он внимательно смотрел на нее, и какая-то странная – строгая и слегка безумная – улыбка скользила по его четко очерченным губам. Медленно подняв правую руку, белоглазый протянул ее навстречу замороженной гостье, но резко отдернул, хмуро глянув поверх Ольгиной головы. Кто-то взял ее за плечо, заставляя сделать шаг назад. Она почувствовала, что это Учитель стоит за ее спиной, но не смогла обернуться: неведомая сила удерживала ее взгляд на юноше. Оракул усмехнулся совсем по-лисьи – язвительно и недобро, и проговорил:

– Välkommen bror⁴⁷.

– И ты здравствуй, брат Альба.

Брат? Ольга тряхнула головой, сбрасывая цепкие чары, и

⁴⁷ Välkommen bror – приветствую тебя, брат.

удивленно глянула на Лиса. *Близнецы!* Это было последней мыслью перед тем, как мир закружился, померкнув, и она потеряла сознание, чувствуя горячую, словно раскаленное железо, ладонь оракула у себя на груди.

Солнечный свет, пробивающийся сквозь оконную занавеску, игриво щекотал лицо теплыми лучами. Ольга открыла глаза, огляделась. Невысокий потолок с массивными стропилами густо убран гирляндами из трав, грибов, сушеных цветов и фруктов; вдоль стен навешены полки, уставленные горшками, горшочками и склянками, по центру – массивный стол, накрытый чистой скатертью и убранный к трапезе, в дальнем конце просторного покоя беленая печь. Ольга села на лежанке, придерживая тяжелую голову, протерла заспанные глаза и прислушалась. Сквозь отворенные ставни в комнату вливались звуки жизни: квохтали куры, радостно щебетали птицы в высоких кронах, шумящих на ветру, мычала в стойле корова, стучал топор, расщепляя визжащие чурки. Она отодвинула занавеску и выглянула во двор. Лис, подвязав волосы ремешком, сосредоточено рубил дрова, белокурая девочка лет десяти подбирала плашки и складывала их в поленницу, а на крыльце, оглаживая огромного волкодава, сидел давешний оракул и внимательно наблюдал за ребенком. Нелюдь, завершив дело, умылся из бочки, опрокинув на себя ковш дождевой воды. Скрипнув дверью, из дома вышла женщина и протянула гостю полотенце, после чего неслыш-

но удалилась. “Шептун”, – удивленно подметила Ольга, провожая ее взглядом. Лис присел рядом с братом, утирая лицо. Время, ситуации, дороги жизни меняют черты близнецов так, что в итоге их бывает невозможно сравнить, здесь же сходство было столь поразительным, что вызывало некоторые сомнения в своей естественности. Несмотря на разное телосложение, цвет волос и глаз, они были словно отражение друг друга, две половины гармоничного целого.

– Это она сделала? – спросил оракул, кивнув на узорчатый шрам, розовеющий на груди Лиса. – Хочешь, уберу?

– Не стоит, Белый, само заживет.

– Что ж, само, так само. Но лучше убрать. Нехорошо это – ходить с печатью напоказ.

Белоглазый покачал головой, тяжело вздохнув.

– Сильна. Ты за этим ее сюда привел?

Лис кивнул, выколупывая перочинным ножом труху из-под черных когтей.

– Ох, брат, одни неприятности от тебя. Видишь? – он показал ему левую руку, лишенную ладони. – Видишь, что эти скоты со мной сделали? По твоей вине и неосторожности. До тебя добраться не могут, ко мне полезли, ублюдки. Я тебе сколько раз говорил, не смей убивать йоков, почему ты меня не слушаешь? Тебе, сыну Змея, простили бы все, но не подобные вычурь. Ведь на что Медведь – чурбан безмозглый, но даже тот смекнул, что секрет уничтожения духов перешел к тебе от меня. После первого твоего срыва я кое-как

смог уговорить Бурого, что подобное больше не повторится. И что я получаю в благодарность от старшего брата, а? Еще одну глупость, нелепый, совершенно бесцельный поступок. Ну вот скажи, зачем ты убил того мальчишку, Дельфина? Что он тебе сделал?

– Рыба разозлил меня, – буркнул Лис, не глядя на оракула, и добавил, – очень сильно.

– Разозлил? И это причина? – Альба задрожал от негодования. Пес под рукою хозяина вздыбил шерсть и зарычал. – Тебе трудно держать контроль? Нужны еще печати? Ты сходишь с ума от вседозволенности, а тумачи я терпеть должен? И после всего этого, скотина, ты являешься ко мне, к тому, кто изувечен в наказание за твой проступок, у кого отняли возможность нормального существования по твоей вине, приводишь с собою безумную Чайку и пробудившегося Змея и просишь меня, калеку, поставить печать подобной силы при помощи одной только правой руки? Ты, поклявшийся защищать меня в любой ситуации! Я знал, что понятие совести тебе чуждо, но хотя бы в память о нашем родстве, о единой крови, мог бы ты изредка думать не только о себе, но и обо мне тоже?

Оракул оперся лбом на руку, длинные серебряные кудри осыпались с плеч, закрыв лицо. Казалось, юноша плачет. Лис смуро покосился на брата.

– Я не думал, что они посмеют тронуть тебя.

– Он не думал, ха! – голос оракула нервно вибрировал, ска-

тываясь с высоких тонов на низкие. — Ты этим делом вообще редко занимаешься.

Девочка, таскавшая полешки, подошла к братьям и неожиданно схватила пса за мощную холку, глупо улыбаясь. Альба погладил ребенка по голове.

— Это моя дочь. Видишь, я тоже проклят. И если ты не можешь иметь потомства вообще, то мой удел — давать жизнь пустым сосудам, куклам, в тела которых я смогу поселить свою душу и свой разум, если меня убьют или лишат возможности следовать своему предназначению, — он тяжело вздохнул, перебирая тонкими пальцами светлые кудри, — а ведь мне так хочется видеть в ее глазах мысль, чувство, хоть какой-то отклик на отцовскую ласку, кроме тупого повиновения приказам.

— Прости, брат, — немного помолчав, тихо сказал нелюдь.

— Прощаю, — беловолосый устало потер глаза ребром ладони. — И ты прости. Ведь это и моя вина, что ты такой... бездушный. Но... это такая боль, ты даже представить себе не можешь, как мне больно. Времена беспокойные, движение силы более похоже на речную стремнину, чем на стоячую заводь, и мне мучительно оттого, что не могу ворожить в полную мощь, не могу пропускать поток через себя из-за покалеченной руки. Ты должен мне помочь, брат. Избавиться от этой боли.

Лис поглядел на оракула так, будто хотел убедиться, в своем ли тот уме.

– Ты хочешь, чтобы я...

– Да, – белоглазый произнес это твердым тоном, не терпящим пререканий, и горько усмехнувшись, добавил, – в конце концов, ты же у нас в семье мастер клинка.

– Я не...

– Ты сделаешь. Иначе я не выполню твою просьбу.

Лис умолк, недовольно разглядывая свои босые ноги. Некоторое время они молчали.

– Альба, я тебя ненавижу, – тихо произнес нелюдь, не поднимая глаз. Оракул хмыкнул.

– Учитывая, что это единственное чувство, которое ты можешь испытывать в полной мере, я даже рад этому.

Некоторое время оба молчали.

– А она, – Альба устремил взгляд к небу, шурясь на солнце, – она, конечно, чудо. Зачем, кстати, тебе понадобилось запечатывать духа?

Олга вздрогнула, вся обратившись в слух.

– Два раза Черный Дракон расправлял крылья. Золотой же ни разу не поднимал своей головы.

– А ты хочешь увидеть лик Золотого Дракона? О, братец, это сложно, а в твоем случае практически невыполнимо. Змей-Созидатель рождается только от большой любви. А эта девушка... Да она же тебя ненавидит больше всех на свете. Я тебя предупреждал: не перегибай палку, действуй осторожно. Но ты ведь не знаешь меры, считаешь, что посильно для тебя, выдержит и любой другой. Видел бы ты вашу нить. Да

что там нить, цепь пудовая! И все замешано на крови, боли, муках. И немудрено. Ведь ты забыл, что такое любовь.

Последние слова оракул произнес с тоскою в голосе.

– Альба, верни мне имя. Я хочу вспомнить свою жизнь. Я хочу вспомнить любовь... – голос Лиса становился все тише и тише, покуда совсем не потух. Змея впервые видела гордого йока таким кротким и тихим.

– Нет, невозможно, – ответ прозвучал так жестко и холодно, что даже Ольга нахмурила брови, дивясь подобной надменности и самоуверенности. – Время не пришло.

– А что если я погибну к тому моменту, когда оно придет?

– Не исключено!

– Почему? За что ты лишил меня памяти.

– Такова твоя судьба.

– Гад же ты, братец.

– Такова моя судьба, – оракул рассмеялся. Лис вдруг потемнел лицом и коротко ударил белоглазого в челюсть. Тот слетел с крыльца, будто сухой листок, подхваченный ветром, и, неловко упав на спину, закашлялся, сплевывая густую слюну. Нелюдь, сжав кулаки, пошел на брата, но мощный пес преградил ему путь, ощерив желтые клыки, каждый с мизинец длиной, и зарычал. Рыжий хмыкнул, опуская руки:

– Такова твоя судьба, Альба.

По измаранным в пыли щекам юноши потекли, оставляя грязные дорожки, злые слезы боли:

– Ну ты и гад!

Лис ведром зачерпнул из бочки воды, плеснул в лицо брата и небрежно швырнул следом измятое полотенце.

– Утрись, баба, краше будешь, – после чего развернулся и вошел в дом.

– Проснулась? – Учитель, даже не взглянув на Олгу, прошагал мимо и сел за стол.

– Ты не упоминал, что у тебя есть брат, – присаживаясь рядом, заговорила она.

– Я вообще очень скрытный, – холодно съязвил нелюдь, разливая по кружкам молоко.

– Зачем ты его побил?

До Лиса наконец дошло, что она наблюдала за ссорой, и он внимательно посмотрел на Змею, видимо, решая, с какого момента чужие уши внимали их не слишком приятным речам. Поколебавшись несколько мгновений, он все же произнес:

– Он меня раздражает. Пусть знает свое место.

– А ты знаешь свое место?

Лис, взявший было в руки ложку, напрягся так, что деревянный черенок переломился надвое. Он шумно поднялся и грозовой тучей навис над замершей Ученицей.

– Не смей меня учить!

Она тоже поднялась, возмущенно вскинув бровь.

– Не смей на меня кричать! Я не твой брат, могу и в рыло дать.

Лицо нелюдя исказила хищная гримаса ярости, крылья носа трепетали, с шумом выпуская воздух. Скрипнула дверь.

– Только не в доме, – простонал Альба, всплеснув руками. На скуле, будто измазанной черничным соком, лоснился огромный, чуть припухший синяк. Змея повернулась к оракулу, сверкая глазами:

– Ты, божественный гад, и ты, мерзкий йок! Никаких печатей, слышали? Не позволю решать мою судьбу у меня за спиной!

Братья переглянулись.

– А ты что же, знаешь свою судьбу? – прикладывая к щеке компресс, поинтересовался белоглазый. Ольга заскрежетала зубами.

– Тебе что, мало наподдали? Еще хочешь? А ты, – она обернулась к Лису, – сволочь. Если бы не твое идиотское вмешательство, Черный Дракон никогда бы, как вы это говорите, не расправил крылья.

Она выбежала из горницы, в сердцах хлопнув дверью, но стоило сойти с крыльца, как внезапная слабость ног вынудила ее опуститься на землю. Грудь ожгло, перед глазами замелькали белые пятна.

– Прости, Змея, – голос оракула за спиной прозвучал, словно сквозь вату, – но я начал еще ночью. Не гневайся, будь благоразумной.

– Чтоб тебя волки съели, мерзавец! – прошептала она, и мир померк, скрытый пеленой огненного марева.

Она, вновь нагая, стояла во тьме, окруженная призрачным пламенем, что не жгло, но и не грело. Сквозь колыхание рыжих лент огня на нее внимательно и с любопытством смотрело множество глаз: тонкие подрагивающие золотые полосы отраженного света, который скрывал продолговатый змеиный зрачок. Ей стало жутко и на миг показалось, что спасительный круг огня не даст ожидаемой защиты, и эти глаза, обрастая чудовищной плотью, кинутся к ней, разорвут на мелкие части и пожрут нежную плоть.

– Иди сюда.

Она вздрогнула. Голос звучал отовсюду и одновременно не звучал вовсе.

– Не бойся. Иди сюда. Я – это ты. Мы... уже... неразделимы.

Она судорожно сглотнула, крепко, до белых пятен перед глазами, зажмурилась, и, подняв веки чрез несколько мгновений, обнаружила, что видит себя, дрожащую и озирающуюся в тесном круге пламени.

– Посмотри на себя с моей стороны, изнутри, – продолжал голос, мягко обволакивая спокойствием ее напряженный разум. – Гляди, сколь жалка эта девочка в кольце собственных страхов. Она думает, что они защитят ее, но глубоко заблуждается. Страх и гнев убивает великих. Присмотришься внимательно к своему телу. Видишь, как плохо ему?

Она прищурилась и невольно вздрогнула, заметив черную гниющую рану на животе и густую кровь, что стекала по ногам из промежности.

– Видишь, сколько боли? Сколько крови?

– Почему так?

– Такова твоя доля. Такова моя судьба. Я уйду на время. Тебе вновь станет тяжело, ты вспомнишь, что значит быть слабым человеком, ты познаешь страх женщины, смирение женщины и радость женщины. Прежде, чем быть Великим Змеем, необходимо стать ничтожеством. До встречи, моя девочка, до скорой встречи.

Она вновь сидела в круге, но пусто было за его пределами, пусто и темно, отчего делалось еще более жутко и до изнеможения одиноко.

Олга открыла глаза. Между каменных ребер перекрытия виднелось невероятно далекое небо, подернутое серой дымкой облаков, солнечные лучи, проникающие сквозь оконные проемы и прорехи в куполе, словно тончайшие ленты прозрачного шелка перетягивали гулкое нутро здания. Здесь некогда был храм. Высокий сводчатый потолок, унизанный дырами, словно грудь девицы – ожерельями, еще сохранил остатки былой роскоши: роспись, искусная резьба вдоль карнизов и на опорных колоннах. Олга с трудом села, чувствуя себя глиняным истуканом – тяжелым, неповоротливым и непослушным казалось все тело. Камень алтаря, на котором она лежала, холодил, и даже плащ не согревал одеревенев-

шие члены. А странные рисунки, густой сетью покрывавшие ее с ног до головы, стянули кожу, отчего та зудела невероятно. Почесывая запястье, она спустила босые ступни на мраморный пол, покрытый слоем мелкого колючего мусора, но колени подломились, и Ольга, опершись дрожащими руками на алтарь, медленно сползла вниз, не выдержав собственного веса. Дышать было тяжело, оцарапанная нога кровоточила, ранки, забитые известью, не спешили затягиваться, зрение ухудшилось, и, главное, проснулась давняя боль в животе – тянущая и свербящая. Она огляделась, нашла кувшин с водою, промочила пересохшее горло, омыла ступни и, завернувшись в плащ, что еще хранил запах Лиса, стала ждать. Ветер приносил шум прибоя, крики чаек, запахи прогретой солнцем травы, моря и... она разлепила припухшие веки, вглядываясь в одинокую фигуру, стоящую в портале, лишенном двери. Этот незабываемый аромат свежей крови в нынешнем положении вызывал у Ольги жуткий неконтролируемый приступ паники и оцепенение. Все это усугублялось осознанием того, что это был не Лис.

Волк неспешно приближался, вслушиваясь и придерживая меч у пояса за черен. Высокий, широкоплечий, сильный и самоуверенный, как зверь, что жил в его в теле, этот “не человек” мог бы вызывать восхищение своей грацией и необычной внешностью, если бы суть его не была смерть несущей. Никто не вышел из-за угла, не съязвил и не хихикнул из темноты ниши, давая противнику знать о своем

присутствие – Лиса не было рядом, и Ольга сжалась в комок, тщетно пытаясь подавить животный ужас. Волк ухмыльнулся, убрал ладонь с рукояти, и присел на корточки напротив своей добычи.

– Здравствуй, Золотая Лана⁴⁸.

Ольга сглотнула, отодвигаясь подальше от протянутой руки, что хотела коснуться ее щеки. Нелюдь оскалился в неприятной улыбке и схватил ее за подбородок, силой заставил смотреть себе в глаза. Она и забыла, что может быть так страшно! Взгляд желтых звериных буркал высасывал душу, пальцы, холодные, как у покойника, вызывали отвращение столь сильное, что ком тошноты подкатывал к горлу, темные, словно сливы, губы вздрагивали от возбуждения.

– Прекрасное создание, – Волк говорил спокойно и оценивающе, будто разглядывал дорогое, искусно сделанное оружие, а не живого человека. – Понимаю, почему этот выродок не желает отпускать тебя, держит рядом. Не хочет делиться.

Он провел большим пальцем по ее дрожащим губам, и Ольга, не выдержав, укусила нелюдя. Волк отдернул руку.

– Люблю сильных женщин, – он, подхватив ее под мышки, усадил на широкий алтарный камень, приблизился вплотную и одним резким движением вырвал из скрюченных пальцев плащ, коим она пыталась прикрыть наготу. Ольга медленно начинала сходить с ума от страха и отвращения. Она уперлась руками в широкую грудь, пытаясь отстранить-

⁴⁸ лана – то же, что княжна, царевна, королева, особа голубых кровей.

ся от ненавистного запаха. *Уйди, не трогай меня!*

– Идеальна, как я и ожидал, – его ладонь легла на ее бедро, соскользнула и ледяной иглой проникла в горячее лоно.

– Девственница?! – брови нелюдя удивленно поползли вверх. Ольга не выдержала и заорала.

Раз!

Первая печать треснула. Перетянутая струна нервов, лопнув под сердцем, ожгла нутро, мгновенная боль жаром отдалась в затылке, зрение прояснилось, тело обрело былую подвижность, и она, зарывчав, что дикий зверь, вонзила длинные когти в грудь Волка.

– Так ты девственница? – он схватил ее за запястья обеими руками, сдавив так, что хрустнули кости. Ольга застонала, прикусив губу.

– Отвечай, когда тебя спрашивают?

– Да! – ее голос срывался на крик, по щекам текли слезы.

– Лис не трогал тебя?

– Нет! Отпусти, мне больно!

Волк разъял тиски пальцев и она повалилась на алтарь, уткнувшись носом в холодный мрамор.

– Странно, – нелюдья озадаченно коснулся продырявленной груди и, улыбнувшись, добавил. – Хотя, так даже лучше. Слаще.

И вдруг резко шагнул в сторону. Тяжелый камень просвистел мимо и разбился о стену фонтаном осколков и пыли.

– Чужое добро решил увести, трупоед? – насмешливый и

злой голос Лиса эхом отозвался в пустом здании. Олга вскинула заплаканное лицо и поспешила утереть слезы, застилавшие взор. Впервые она испытывала подобной силы радость и облегчение при появлении своего Учителя. Рыжий ловко, беззвучно и невероятно быстро преодолел расстояние от портала до алтаря, оттеснив изготовившегося к драке Волка от Ученицы, небрежно сунул сверток с бельем ей в руки, не сводя внимательных глаз с противника.

– Он тебя не трогал?

– Трогал! – Олгу трясло от обиды и стыда. – Где тебя демоны носили?

– Не ори, дура, – сквозь зубы процедил Лис, не оборачиваясь, – оденься и сиди смирно.

Он медленно двинулся посолонь, оттесняя Волка к выходу.

– Ты хочешь со мной драться? – в голосе Серого промелькнула насмешка.

– Не хочу, – Рыжий говорил твердо и без тени бахвальства, – потому что знаю исход. А ты действительно желаешь поединка или просто...

– Отдай мне девушку, и разойдемся по-хорошему.

– Ты что, идиот? – Лис озадаченно замер, не веря своим ушам. – С чего ты решил, что я просто так отдам тебе Змею?

– Ни тебе, ни твоему брату не нужны проблемы с кланом. Убей меня, Бурый убьет этого белоглазого отступника. Оставишь в живых, я не успокоюсь, пока не заберу ее у тебя. Вы-

бор не прост, я понимаю, но заверяю тебя, что не причиню вреда этой девушке. Наоборот, при мне она будет в безопасности.

– В безопасности? Ты только что хотел ее изнасиловать, сучий вымесок! – Рыжий начинал злиться.

Волк усмехнулся:

– С каких это пор наш бессовестный брат стал блюстителем чужой чести?

– С каких это пор наш принципиальный брат отказался от Кодекса и проявил неуважение к воле Великого Духа?

– Наш разговор не имеет смысла, – тон Серого стал холодным и надменным, – решай. Жажда обладать женщиной или жизнь брата?

Лис некоторое время молча сверлил Волка пристальным взглядом, после чего произнес, сжеживая каждое слово сквозь губы, будто ядовитый вар через марлю:

– Я ни за что не отдам ее тебе, псина. И брата моего вы, ублюдки, более пальцем не тронете. Он уже мертв. Я убил его. Вот этим клинком.

Широкое лезвие охотничьего ножа, поймав луч солнца, вспыхнуло белым пламенем и погасло, когда нелюдь перекинул его из руки в руку. Сталь была чистой и блестящей, будто только что ошлифованная, но выражение спокойствия на лице Волка сменилось едва ли просто испугом.

– Ты... ты действительно сумасшедший, – голос стал напряженным, улыбка сползла с темных губ Серого. Лис, без-

радостно ухмыляясь, перебирал пальцами по темной оплетке рукояти, прилаживая оружие в ладонь.

– Возможно. Ты все еще хочешь этого поединка?

Волк помолчал.

– Только если ты откажешься отдать мне девушку.

– Упрямство – качество осла, не волка. Я убью тебя.

– Не каркай раньше времени, птичка. Я готов к смерти, а ты готов ли разгрести кучу последствий, что повлечет за собою моя смерть? А как быть, когда все сыны смерти узнают, что ты – двоедушец?

– Умолкни!

– Лис был вторым, ведь так? А чье место занял Ворон? Чью душу изгнал Черный Вестник?

– Я сказал, заткнись!

Они сшиблись. Металл встретился с металлом, родив сноп серебряных искр, две тени скользнули в разные стороны и вновь слились в единый лязгающий стальными когтями ком. Ольга сползла с алтаря и спряталась за постаментом, держащим тяжелую плиту жертвенника. *А ведь я знала, что Лис не прост. Двоедушец... хм. Мерзавец он. Убийца. Заколоть собственного брата! Это ж надо... постой, так ведь Альба сам просил избавить его от мучений. Ничего не понимаю. Безумие какое-то. Хотя, учитывая место событий...* Поединщики дрались яростно, утробно порывая и шипя друг на друга, словно дикие коты. Она с трудом различала их резкие и стремительные движения, но знала, что исход

будет не в пользу Волка – видела, как тот теряет скорость и слабеет. К тому же Змею не покидало странное давящее чувство, будто сидит она в пузыре, что вот-вот лопнет, преодолев границы возможного растяжения – воздух вокруг стал гуще и плотнее, голова отяжелела, словно чугунный горшок. Она прижала ладони к вискам в попытке сдержать нарастающую боль, крепко зажмурилась и, когда открыла глаза, вскрикнула от неожиданности, увидав перед собой Даримира. Его чумазое лицо в тенетах пыльной паутины выплыло из образовавшегося лаза в полу. Шептун проморгался, привыкая к свету, оценивающе окинул взглядом голубых, что небо над головою, глаз обстановку и поманил оторопевшую Ольгу. *Пойдем*, – ясно прозвучал в ее сдавленном неведомым грузом мозгу дружелюбный голос. Она нерешительно оглянулась на сцепившихся йоков и соскользнула в черную дыру тайника. Дарим схватился за ржавое кольцо, ввинченное в плиту изнутри, напрягся и вернул крышку колодца на прежнее место. На полу, устланном крысиным пометом, чадил самодельный масляный фонарь, из глубины тоннеля, куда спускалась выщербленная временем лестница, тянуло сыростью и тошнотворным запахом гнили. Дарим осторожно взял Змею за руку и потянул за собою, уводя прочь от лаза. Прикосновение его теплых пальцев оказалось неожиданно приятным и успокаивающим. Они преодолели довольно большое расстояние, прежде чем Ольга поняла, что дальше идти не в силах, и приложилась горячим лбом к холодному камню

стены, стараясь хоть самую малость сбить жар, охвативший ее тело. Она вымученно улыбнулась шептуну, что настойчиво заглядывал ей в лицо, пытаясь определить состояние вedomой, оттолкнула фонарь – глаза вдруг стали бояться его неровного света, и тихо произнесла:

– Все в порядке, голова чуть...

Олга не успела договорить. Земля под ногами вздрогнула, с потолка посыпалась мелкая земляная крошка. Невидимый пузырь лопнул, излившись в эфир потоком тысяч голосов, что заполнили своим пронзительным криком все пространство вокруг. Словно туча стрел, одновременно пущенных вражеским войском, они летели в нее, и каждая достигала цели, вонзаясь в мозг острым ядовитым жалом и причиняя невыносимую боль. Она зажала уши руками, хоть как-то пытаясь удержать раскальвающуюся на части голову, и завизжала, перекрикивая возбужденный, испуганный, радостный и рыдающий говор в своем сознании: “Умер! Ушел! Исчез! Убит! Кто? Дух! Кем? Не важно! Не важно! Не важно! Теперь все иначе. Убийца! Кто? Чужой! Изгой! Зачем? Проклять! Горе! Плохо! Плохо! Плохо...” Она уже слышала подобное раньше, когда Каменский воеводич пленил ее, одурманив полынным варом, но в прошлый раз этот безумный хор не сопровождался таким буйным движением энергий. Змея чувствовала себя в центре морской воронки, где вода, против законов природы, встала стеною, обнажив песчаное дно. Миг, и волна силы рухнула вниз, подмяла, разда-

вила хрупкое тельце, закружив безвольные останки, словно горный поток древесную щепку. Боль завернула внутренние колки до предела, и струна нервов, в очередной раз не выдержав напряжения, порвалась, огненной струей полоснув по животу.

Два!

Вторая печать надломилась. Тьма за пределами освещенного круга стала жидкой и полупрозрачной, обратившись в сумрак, запахи, звуки, ощущения сделались четче и ярче, и вместе с наново обретенными способностями и обострившимися чувствами стали громче и болезненнее восприниматься голоса, оплакивающие смерть йока.

Волк проиграл.

Глава пятнадцатая.

Страх, смирение, радость

Некоторое время они молча бежали по узкому тоннелю, пытаясь уйти от обвала, вызванного землетрясением, куда Ольга не потеряла сознание от жуткой головной боли. Фонарь погас. Дарим тащил ее на закорках, загадочным образом ориентируясь в полной темноте, и умудрялся при этом сохранять равновесие, спотыкаясь на неровностях и ступеньках. Змея изредка поднимала свинцовые веки, чтобы в очередной раз взглянуть сквозь серый сумрак, подернутый сетью алой паутины, и вновь закрывала глаза, все глубже по-

гружаясь в багряный туман жара.

Внезапная волна свежести, омывшая ее лицо, заставила Олгу очнуться. Сквозь сетчатый занавес кроны пробивались лучи закатного солнца, легкий ветер перебирал тонкими пальцами листья, сбивал с цветов сладкую пыльцу, а впереди, сквозь прореху в густых зарослях поблескивало стальное блюдо озерной глади. Под босыми ногами Дарима недовольно заскрежетала потревоженная галька. Он опустил Олгу у самой кромки озера, смочил руки и отер с ее лба и щек пыль и цепкие паучьи тенета. Она оттолкнула его ладонь, с трудом поднявшись, вошла в воду и, опустившись на колени, погрузилась по самую маковку в блаженную прохладу. Здесь было необычайно тихо, безумные голоса проникали сквозь водную толщу лишь невнятными далекими криками, и Олга, прикрыв воспаленные глаза, слушала, как успокаивается биение ее растревоженного сердца, покуда в сознании не затих последний шепот. Чьи-то руки схватили ее под мышки и выдернули из состояния невесомости и полудремы. Дарим убрал волосы, налипшие на щеках, покачал головою, ласково улыбнулся.

Не надо, утонешь.

Олга, поймав светлый взгляд его голубых глаз, вдруг поняла, что этот человек совершенно здоров и спокоен, что его разум чист и никакие призраки и тени не тревожат его ум. Что-то произошло, пока Змея пребывала в беспмятстве, что-то хорошее, освободившее его от муки и вернувшее яс-

ность подавленному кошмарами рассудку. Она улыбнулась ему в ответ и, обняв за шею, неожиданно для самой себя припала в крепком поцелуе к теплым губам. Шептун вздрогнул, но ответил, а Ольга внезапно зарыдала. Дарим отстранился, оттер с ее лица слезы и потянул за собою к берегу.

– Нет, – всхлипывая, произнесла она, – мне надо помыться.

Она стянула мокрую рубашку и принялась с ожесточением оттирать со своего тела уже порядком въевшийся рисунок печати, покада не почувствовала острую ноющую боль в шее. Змея оглянулась в сторону берега и хотела было крикнуть, но звук застрял в одеревеневшей гортани, превратившись в сдавленный хрип. Дарим приветливо улыбался, выжимая мокрую рубаху, а позади него замерла клубящаяся тень чудовища. Это был Лис, но облик его был ужасен. Он был совершенно черен, лишь алые, без белка, пятна глаз светились в сгустившемся вокруг него сумраке. Прожилки сосудов красной вязью окутывали напряженное тело, напоминавшее в этом жутком орнаменте склон извергающегося вулкана, изрезанного огненными потоками лавы. Лис держал в руке камень, и как только Ольга, онемев от ужаса, протянула руку, пытаясь хотя бы жестом предупредить об опасности шептуна, приложил по виску Дарима. Тот обмяк и повалился на бок, уставившись стеклянным взором в вечное ничто. Она кинулась было к безжизненному телу, но Лис преградил ей путь, в буквальном смысле полыхая гневом. От него исходил

такой поток испепеляющей силы, что Ольга стала задыхаться и отступила, утирая едкие слезы, потекшие из прижженных желез.

– Шлюха! – не то рыкнул, не то каркнул нелюдь. Голос его совсем перестал походить на человеческий. – Пока я дрался за твою жалкую жизнь, ты сбежала с ублюдком, который даже штаны подвязать без чужой помощи не в силах, – он схватил ее за горло, приблизил к себе, дыхнув в лицо смрадом скотобойни, и произнес, чеканя слова:

– Ты – моя женщина! Моя!

Ее трясло, будто в лихорадке, пальцы, что впивались в запястье нелюдя, потеряли чувствительность, и от них по всему телу растекалась жгучая отравяющая чужой смерти, страшной, преступной смерти, смерти духа. Суставы закалились, в горле булькал воздух, перехваченный черной когтистой лапой.

– Чудовище... – прохрипела она.

– Что? – он приблизился, вслушиваясь в скрипучий шепот придушенной Ученицы.

– Ты убил... невинного, – глаза ее вдруг полыхнули внутренним огнем, жутким в своем безумии, и Змея зашипела, – убийца!

Острые как бритва когти распоролы лисье предплечье, и град капель густой дымящейся крови окрасил воды озера. Рыжий ослабил хватку и Змея выскользнула из его рук. Они несколько долгих секунд молча сверлили друг друга ярост-

ным взглядом, и, казалось, сама природа замерла, ожидая исхода. Поединок прервался внезапно, как только из-за спины Лиса раздался чуть слышный сдавленный хрип. Ольга встре-пенулась, обратив радостный и полный надежды взор в сторону Дарима. *Живой!*

Это была ошибка. Черная тень сбила с ног на миг отвлекшуюся Олгу. Она хлебнула воды и в панике забилась под навалившимся на нее Лисом. Тот пару раз приложил ей кулаком в солнечное сплетение, после чего, намотав косу на руку, потащил обездвиженную болью жертву на мелководье.

– Я тебя вырастил, ялая сучка. Ты меня не предашь, – он наступил ей ногой на живот. В спину вонзились острые камни.

– Я не...

– Молчать!

Последовал короткий удар ногой в лицо.

– Уймись, демон! – выкрикнула она, давась кровью.

– Я сказал, молчать! – на этот раз пятка угодила меж ребер, дыхание перехватило.

Ему можно помочь! Не поздно спасти. Еще не поздно.

Мысли мешались, напирая одна на другую, засоряли разум многоголосым говором, и не было возможности разобраться в этой невнятной мельтешении. Змеиная броня холодной рассудительности рассыпалась под обжигающим градом лисьих ударов, остались лишь чувства и ощущения голый души, что бесновалась от переполняющего страха, бо-

ли и отчаяния. Единственное, о чем она помнила, что там, на берегу, умирает человек, и осознание этого причиняло ей нестерпимые страдания. Олга кричала, извивалась, выпучив обезумевшие, слепые к реальности глаза, пыталась любым способом вырваться из цепких когтей мучителя и помочь, от чего нелюдь впадал в еще большую ярость.

– Он сдохнет! – рычало черное чудовище, скаля бело-снежные клыки в тонкой рамке алых губ. – Он сдохнет у тебя перед носом, а ты будешь бессильно наблюдать, как вытекает из него жизнь. Может теперь ты поймешь, что бежать от меня опасно.

– Нет! Нет! Нет! – она уперлась руками в черную, изрезанную огненными ручейками грудь, – Пусти! Я никогда не буду твоей!

Нелюдь замер, стиснув зубы. Глаза, словно тонкие полосы раскаленного металла, полыхнули в узких прорезях век. Тень вокруг его тела колыхнулась, стала еще гуще и чернее.

– Никогда? – он рванул пряжку ремня. – А, может, прямо сейчас?

Соппротивление слабой, скованной печатью Ученицы было недолгим. Лис быстро подмял ее под себя. Она кричала от разъедающей боли его прикосновений. Олге казалось, что под пальцами нелюдя ее нежная плоть пузырится и сходит с кости, и это ощущение заполнило все вокруг настолько, что в носу свербило от запаха паленого мяса. Когда же он проник в ее лоно, огонь пронзил позвоночник, выжигая костный

мозг, и все чувства покинули обмякшее тело.

Лис насилывал ее довольно долго. Ольга не сопротивлялась. Чтобы не видеть страшного черного лица в сетке раскаленных добела жил, она отвернулась, безучастно глядя в пространство сухими воспаленными глазами. Мир вокруг сжался до тугого комка ноющей боли в сплетении ключиц, и не было ничего, кроме этой тяжести. Пустота.

И лишь краем сознания, той его частью, что работает вслепую для хозяина, но отмечает все самые мельчайшие детали с дотошностью, свойственной астроному, составляющему карту неба, Ольга видела все происходящие вокруг события, воспоминания о которых секунду спустя были надежно похоронены в глубине ее измученного разума. Она видела то, как черное чудовище изогнулось в экстазе, выплескивая семя. И как в тот же миг, будто вместе с силой вложенная в мертвое семя, сошла с белого тела густая чернота. И как прояснился взгляд, а страшные красные зенки обрели белок и знакомую бездонную темноту радужки. И даже то крайне неестественное для Лиса выражение ужаса на вмиг побледневшем лице. Она видела все, но забывала увиденное мгновение спустя.

Нелюдь прынул прочь, будто ошпаренный, и, споткнувшись о спущенные штаны, сел в воду. Из груди вырывалось сиплое, булькающее дыхание, перед глазами стояла пелена, живот скрутило, и Лиса вырвало. Кое-как справившись с приступом, вызванным пресыщением силой, он обернулся к

своей Ученице, с отчаянием воззрившись на дело собственных рук. Ольга, а точнее жалкое подобие ее, медленно села, поведя плечами. С израненной спины в воду посыпались окрашенные кровью мелкие камушки и острый щебень, по плечам и груди, расчерченной следами острых когтей, потекла разведенная водою алая кровь. Она подняла руку и коснулась рваной раны на плече, оставленной острыми, поистине звериными клыками, но, казалось, не придавала этому большого значения. Попытки встать на ноги не увенчались успехом – разорванные связки не позволяли контролировать ставшие ватными конечности. Тогда она на четвереньках поползла к агонизирующему Дариму. Лис закрыл глаза, не в силах наблюдать за происходящим.

– О мой Бог, что же я натворил? – полустон-полушепот сорвался с губ, сжатых в нервной судороге. – Это была не моя роль! Все должно было быть иначе...

Он обхватил голову руками, впиваясь тонкими окровавленными пальцами в густую шевелюру. Ольга выбралась на берег, и, сев рядом с шептуном, приподняла его голову. Осколок кости, попавший в мягкую ткань мозга, сдвинулся, и тело Дарима забила крупная дрожь. Она, испуганно вздрогнув, опустила взлохмаченную кудрявую голову обратно и, прикрыв рану ладонью, начала ритмично раскачиваться из стороны в сторону, нашептывая искусанными губами невнятную не то молитву, не то песню, не то произвольный набор звуков. Именно тогда Лис впервые увидел, как разру-

шается печать: как набухает белым светом незримая ветка древнего узора, как разгорается, наполняясь силой, сам замок-ладонь, и как, накалившись до предела, в единый миг затухает, пронзая эфир коротким обжигающим звуком лопнувшей струны. И, наблюдая за процессом, нелюдь с удивление понимал, что она не чувствует этой боли. Ни один мускул напряженного лица не дрогнул, пока прогорал рисунок, лишь после того, как сорвало затвор, она расслабилась и рухнула без сознания рядом с недвижимым, но спасенным человеком. И это равнодушие к самой страшной, самой мучительной боли, что даже закаленного крепче стали йока заставляла исходить криком, словно младенца, эта поразительная нечуткость пугала Лиса больше всего. Он поднялся, оправив штаны, на негнущихся ногах подошел к бесчувственной Змее и опустился рядом с ней на колени, но коснуться не решился. Так и замер, склонившись над своей Ученицей и протянув руку к ее щеке, бормоча, словно в оправдание свершенному:

– Этого не должно было случиться. Не я, другой должен был сделать это.

– А сделал именно ты, братец.

Лис резко выпрямился, хмуро глянув в сторону говорившего. Девочка в белой долгополой рубаше стояла на взгорке, держась за ошейник нависшего над нею огромного пса. Лицо белокурой бездушной куклы – уroda, порожденного Альбой – изменилось до неузнаваемости и продолжало меняться

прямо на глазах, приобретая знакомые тонкие черты. Тон, с которым она обращалась к нелюдю, был неприятный: в нем сквозили плохо скрываемые нотки ярости на фоне общего презрения и отвращения к Лису. И тон этот, столь неестественный для ребенка, придавал ее облику сходство с кликушей, одержимой тьмою.

– Ты разрушил все, не успев даже начать строить. “Я и без новых печатей могу себя сдерживать”, – обидно коверкая слова, передразнила она и вдруг рывкнула, – бездарный тупица! Ублюдок, позорящий лоно своей матери!

Девочка внезапно смолкла, внимательно глядя на лицо брата, затянутое злобой в тугую маску. По белым от напряжения губам Лиса текла густая кровь. Текла из носа, глаз, ушей. Слюна приняла железный привкус и нелюдь, наконец заметив неладное, приложил палец к уголку рта, где набухла тягучая красная капля. Покуда Лис, сжавшись в стонущий и кровоточащий комок, пытался унять внезапно взбесившегося духа, рвущего его тело на части, малышка молча наблюдала за происходящим, недовольно поджав губы. Когда Рыжий отдышался, она вновь обратила его внимание на себя.

– Это тебе в наказание. Тому, кто слишком быстро забывает, что такое страх и боль.

– Я помню, – огрызнулся нелюдь.

– Молчи уж. Что ты можешь знать, что можешь помнить? Твоя память давно не принадлежит тебе. Самонадеянный глупец. Самонадеянный и жалкий, – она стянула со спины

пса поклажу и бросила на землю, – возьми свои вещи и убирайся. Чтоб глаза мои больше тебя не видели, мерзавец.

– А как же...

– Без тебя разберусь, – отрезала она. – Ты ей уже ничем не поможешь... и ничего не исправишь.

Ребенок взобрался на спину волкодава и, бросив холодный взгляд на Лиса, исчез за гребнем взгорка. Нелюдь проводил маленькую всадницу точно таким же холодным и презрительным взглядом, проговорив чуть слышно:

– Ошибаешься, Альба. Ты все знаешь обо мне, да? Знаешь, где грань. А что за гранью, знаю только я.

Олга очнулась внезапно, как просыпалась всякий раз, предчувствуя опасность. Она резко села и тут же охнула, почувствовав ломоту во всех суставах. *Будто бил кто... Бил?* Она медленно обвела взором озеро, галечный берег, лес на пригорке и наткнулась на Дарима. Память ворвалась в омут сознания будто чистый бурлящий поток в трясину, заросшую ряской. Олга подняла к лицу дрожащие руки, силясь рассмотреть их сквозь пелену набежавших слез. *Так больно. Творец Всемогущий, почему так больно? Почему? Это он? Это он... За что он...* Пустота в груди колыхнулась, будто воздух в мареве пожара, и из глубин поднялся, расправив крылья, огненный демон страдания, вырвавшись наружу пронзительным криком горя. Надрывные рыдания сотрясали все ее тело, покуда Олга, уткнувшись лицом в землю,

выплескивала из себя всю ненависть, что копилась в ее сердце и питала Черного Дракона. Она стенала и выла, оплакивая свою насильно отнятую чистоту вместе со всем, что потеряла, обретая вторую жизнь. Она в ярости рвала зубами Лисий плащ, что укрывал ее плечи в момент, когда она очнулась, кричала и проклинала нелюдя, сулила ему все мыслимые муки в черном пламени небытия, а потом затихла, обессиленная и опустошенная. Некоторое время она молча смотрела на темную в сумерках воду озера, изредка утирая текущие слезы и всхлипывая, прислушивалась к гулкому звуку бьющегося сердца. Невероятное спокойствие и пустота, куда погрузилась ее душа, обволакивали, словно тягучий кисель, чувства вязли в нем и растворялись, исчезая. Ум же, напротив, работал особенно ясно и слаженно, отмеряя мысли, словно стрелки часового механизма секунды – быстро и четко. Она умылась, осмотрела и перевязала Дарима и, взвалив его на спину и подобрав свою сумку, волшебным образом оказавшуюся на берегу, зашагала в сторону леса, откуда – она чувала – тянуло дымком и уютным кисловатым запахом жилища. Ольга не думала об опасности наткнуться на поселение клана. Мысли ее были лишь о том, как сильно хочется есть, и что тучи, скрывшие восходящую луну, несут ливень и необходимо убежище, к тому же шептуну требуется помощь: чистые бинты, теплая постель и покой.

Лес стоял полосой, отделяющей широкий тракт от озера. Настораживало и в то же время обнадеживало то, что доро-

га была ухоженной: значит, ею довольно часто пользовались. Ольга шла вдоль кромки леса, покуда не наткнулась на проем в полуразрушенной стене, некогда бывший входом в кремль. Белые глыбы камня лежали аккуратными кучками вдоль дороги, выкрошенные временем и непогодой из массива стены, что скалилась в смурое небо по-стариковски щербатыми зубцами. Массивные воротины были давно сняты и, по-видимому, пущены на дрова. И верно, от кого запирались жителям проклятого острова?

С неба упала первая капля, разбив сгустившуюся тишину звуком смачной пощечины, и тут же земля зашелестела под мягкими ударами дождя. Вдоль внутренней стороны стен тянулись складские помещения и казармы, где Ольга и укрылась от ливня. Устроив Дарима, она развела огонь, осмотрела и промыла рану, приложила компресс с эликсиром и перевязала шептуна, разорвав на бинты последнюю и единственную чистую рубаху, после чего отправилась на поиски еды.

Стены кремля некогда защищали княжеский дворец и палаты богатых бояр, а также казну, оружейный и монетный двор. Эта некогда неприступная крепость в свое время являла собою политический центр могучей страны. Даже после пятисот лет запустения и методичного разрушения ненастьем и буйной растительностью, кремль не потерял своего бывшего великолепия. К тому же чувствовалось присутствие человека: дороги были расчищены от сорняков, что находили себе лазейку даже между плотными стыками мощения,

скульптуры и рельефы на стенах строений кто-то избавил от грязи, мха и вездесущего вьюна, в оконных рамах сохранились стекла. Ольга шлепала босыми ногами по лужам, время от времени утирая мокрое лицо не менее мокрым рукавом, и вглядывалась в осколки былого могущества, как никогда чувствуя свое одиночество среди этих величественных, но мертвых зданий. Даже запах человека не мог перебить кладбищенского духа, витавшего над этим склепом истории. Жилым оказалось только одно здание – единственное более или менее уцелевшее из всех. Длинное, приземистое, сложенное так, чтобы устоять под натиском любой атаки, оно тянулось вдоль правой стороны улицы и изгибалось там, где начиналась площадь. Ольга даже не стала гадать, для чего оно было предназначено, лишь подобралась ближе и, встав на цыпочки, заглянула в окно, из которого лился тусклый, приглушенный дождевой завесой свет. Длинный коридор тонул в полумраке, освещенный редкими масляными светильниками. На противоположной стене имелся ряд закрытых дверей. Это чем-то напомнило Ольге кельи в монастырской школе, где она некогда училась. Вдруг одна из дверей приоткрылась, и на пороге возник человек в белой рубахе, подпоясанной черной лентой. Он снял со стены фонарь и неожиданно повернулся к окну, вглядываясь сквозь стекло в непогоду. Ольга прынула назад, скрываясь от мутного взгляда незнакомца. *Шептун?!* Дождь внезапно стих, лишь капель срывающихся с козырька крыши дождинок нарушала тишину ночи. Ка-

пель и странный шум, доносившийся со стороны дворца. Ольга прислушалась, и человек за окном тоже. Ритмичный, ухающий звук напоминал стук разгоряченного сердца или бой огромного барабана. Где-то вдали, разгоняя мрак, заплясали рыжие светляки факелов. Они мерно двигались в такт все более громким и отчетливым ударам, словно танцуют. Теперь Ольга не сомневалась в своей догадке – барабан. Она вновь глянула в окно, но человек исчез. Вместо него из темноты коридора, лишённого света, на нее смотрела пара мерцающих глаз без радужки и зрачка. Ольга отшатнулась и побежала прочь.

Из-за облаков выглянул полумесяц, озарив умытую улицу призрачным светом. Мокрый камень мостовой заискрился тысячами звезд, словно млечный путь на черном небосклоне, окна погасли, и все вокруг приобрело мертвенно-бледный цвет, устрашающий в сочетании с безлюдностью окружения и глухим, явно ритуальным звуком, несущимся от дворцовой площади. Она некоторое время раздумывала над тем, что делать дальше, после чего все-таки решила вернуться и разузнать, что и по какому поводу рождает этот странный шум. Пересекать площадь напрямик было жутковато, и Ольга пошла вдоль стен, прячась в тени развалин. Ворота, ведущие в сад, окружавший княжеские палаты, были распахнуты настежь. За ними тянулась длинная аллея, скрытая под сводом древних гигантов, крепко сцепившихся друг с другом ветвями в вечном рукопожатии, а в конце темного тон-

неля виднелся яркий живой свет. Бесшумно скользя по усыпанной сушняком дорожке, Ольга выбралась во двор, некогда бывший парадным. Перед дворцом разворачивалось жуткое, и в то же время, завораживающее зрелище. На площади в кольце здания собралось множество людей в белых одеждах, подпоясанные черными лентами, со свечами в руках. Посреди двора был сооружен бревенчатый помост, обложенный со всех сторон хворостом и украшенный цветами и тканями, среди которых виднелся плотный полотняный скаток⁴⁹, лоснящийся от масла – мертвое тело.

Вокруг него лицом к погребальному костру прямо на земле сидели подростки, еще безусые и потому неразличимые по полу. Именно они били в тугие барабаны, будто в транс покачиваясь из стороны в сторону. Ольга, внимательно наблюдавшая за происходящим из придорожных кустов, размышляла: чего же ждут эти люди, кто они такие, и в честь кого эти дети отбивают ритм, провожая душу в последний путь? Рассудив, что, безоружные, они ничем не смогут навредить ей, Ольга наконец решилась поддаться любопытству и вступила в освещенный круг. *Похоже, что они ждали меня*, мелькнула в ее голове испуганная мысль, когда сотня лиц одновременно обернулась навстречу гостье. Тяжелые колодушки замерли в руках подростков, и гнетущее молчание колпаком накрыло площадь, лишь пламя факелов трещало, недовольно плюясь горячим. Ольга сглотнула, но, к своему

⁴⁹ скаток – сверток

удивлению, не отступила назад и не бросилась бежать, а, выпрямив спину, прошла между замершими людьми, каждый из которых провожал ее ход мутным и, казалось, равнодушным взглядом бесцветных глаз. Взглядом, слишком знакомым Ольге, чтобы окончательно утвердиться в своей догадке: вокруг нее стояли шептуны, целое поселение под крылом оракула, защищенное кланом йоков и островом, а на погребальном костре лежал – она приподняла тонкую ткань, скрывающую лицо мертвеца – Альба. Ольга на миг прикрыла глаза, собираясь с мыслями. *Значит, Лис не соврал.* Она окинула взглядом толпу, пытаясь найти среди собравшихся женщину оракула и его маленькую дочь, но все лица казались ей одинаковыми из-за своего безумия и отрешенности. Ольга нахмурилась, пытаясь скрыть дрожь. Она спрыгнула с помоста и, выдернув из рук близстоящего шептуна свечу, бросила ее в костер. Дрова, облитые маслом, занялись быстро, и пламя с надсадным треском устремилось ввысь, пытаясь лизнуть далекое холодное небо. Шептуны молча наблюдали за ее действиями, покуда с крыши дворца не сорвалась испуганная вспышкой чайка, и ее плачущий крик не пронзил неестественную немоту ночи. Это, по-видимому, послужило неким сигналом к началу церемонии. Колотушки одновременно опустились на тугую кожу барабанов, издав гулкий звук, после чего уже целая стая испуганных чаек снялась с карнизов и полетела в сторону моря, оглашая окрестности пронзительным плачем. Дети замерли и, как только крики

птиц смолкли, принялись отбивать очень сложный и мелодичный ритм, в который совершенно органично вплетался трескучий и неровный звук огня. Вокруг погребального костра в танце закружились люди, что двигались так, словно единый разум управлял их телами. Олга, то ли одурманенная сладковатым дымом костра, то ли голодом и переутомлением, сама не заметила, как ринулась следом за шептунами, подчиняясь невероятной магии ритма. А потом дети начали петь. Сначала тихо, а после все громче и громче, перебивая гул барабанного боя, но не было слов в той песне, а если и были, то никто из ныне живущих не смог бы уразуметь их, ибо звучала песня древних. Змея остановилась, пораженная услышанным. Нечто подобное пел Игнат Соловей, перед тем, как свернуть себе шею, и ее маленький Мирон в момент инициации. По щекам Ольги потекли слезы. Со всех сторон зашелестели невнятные голоса.

– Не плачь, он жив.

– Разве не слышишь, песня предвещает радость.

– Оракул рождается заново, когда наступает время покинуть старое тело.

Кто-то протянул ей пиалу с дымящимся, остро пахнущим специями напитком.

– Порадуйся с нами, Великий Дух.

– Ибо твой сын почил сегодня, чтобы вновь прийти в наш мир.

Услышав эти слова, Олга неловко дернулась, плеснув го-

рячий отвар на руки.

– Чтооо?! Какой сын?

Варево окончательно одурманило ее разум. Перед глазами вихрем закружились размытые образы из ее кошмаров и воспоминаний: голубоглазый мальчик с серебряными волосами заливисто смеялся, выколупывая глаза из мертвого тела Альбы; мерно покачивался над обрывом труп Игната, с посиневших губ которого лилась благозвучная песня; прекрасный белый бог в драгоценном свадебном уборе погружал в ее распоротый живот свои тонкие руки и, ласково улыбаясь, протягивал ей мертвое дитя с черной кожей и огненными жилами; танцевал, словно марионетка, беспорядочно размахивая руками, Даримир, натянуто улыбаясь, а на его затылке сквозь дыру в черепе было видно, как пульсирует мозг. А потом она наткнулась на обеспокоенное лицо Мирона, что, уставившись на нее невидящим взором, крикнул: Проснись!

– Твой сын, Великий Дух! Твой и Белой Чайки, – мягко улыбаясь, произнес старик, и отвернулся. Ольга опешила. Кошмар, что длился, казалось, целую вечность, в действительности занял какую-то долю секунды. Она схватила старика за руку.

– Кто такой Белая Чайка? Чем вы опоили меня?

Вместо внятного ответа старик забормотал:

– Кровь ушла в землю, и из земли встала полынь-трава. И была полынь-трава на вкус как кровь, горька и сладка. И ска-

зал Великий Дух: будь ты трижды проклят, муж мой – Белая Чайка, за предательство порожденных тобою, за предательство породивших тебя и за предательство того, что зовется любовью.

Музыка продолжала вести за собою слаженный танец, но Ольга не чувствовала былого воодушевления, лишь болезненную пульсацию в висках, вызванную боем барабана, что не взбадривал, а лишь оглушал и угнетал. Она выбралась из толпы и бросилась прочь, продолжая ощущать на себе пристальный взгляд сотен глаз. В голове гудело набатом и желудок, принявший вместо доброй еды дурманящее варево, грозил излить свое содержимое обратно, тем же ходом, что Ольга наполняла его. Ко всему прочему добавилась ломота в костях и боль в плече, где все же остался шрам от Лисьего укуса. Она остановилась у бочки под стрехой, и принялась жадно пить грязноватую воду с привкусом плесени. Ее вырвало. Когда бунтующее нутро уgomонилось, Ольга села на землю, прислонившись к стене, и забылась.

– Вставай!

Ольга недовольно буркнула, не в силах поднять тяжелые веки. Тонкий девчачий голос раздражал, отдаваясь в голове острыми уколами резкой боли.

– Я кому сказал, глупая девка! Немедленно поднимайся.

Холодная вода быстро привела Змею в чувства. Правда, чувства эти не отличались особой благожелательностью по

отношению к разбудившему ее человеку. Она открыла глаза и вздрогнула от неожиданности. При взгляде на ребенка, что с надменной холодностью взирал на нее слепыми, но зрячими глазами, в памяти невольно всплыл подзабытый уже кошмар о двух близнецах, один из которых был оракулом. Живое воплощение этого образа грозно нависло над нею, недовольно поджав тонкие губы и хмуря лобик. И во всем – в позе, поведении, даже манере злиться – чувствовались знакомые лисьи черты.

Олга протерла глаза, тряхнула головою, сгоняя остатки сна и, кося по сторонам, неуверенно спросила:

– Альба?

Малышка больно ткнула ее палкой в живот.

– Молчи, дура, – она была явно не в духе и даже не пыталась скрыть этого. – На кой черт тебе понадобилось идти на эти дурацкие похороны?

Олга поднялась, со скрипом расправляя заостренную спину.

– Да уж, судя по манерам, ты явно брат Лиса, – съязвила она, вглядываясь в предрассветный туман.

– Уже сестра, – недовольно буркнул Альба, вынимая из спутанных волос палый лист, – сидела бы себе со своим Даримиром, никто бы тебя не заметил.

– А кто меня заметил? – насторожилась Олга.

– Тот, кому не следовало.

– И кто же это?

Девочка тяжело вздохнула.

– Кто-нибудь из клана всегда приходит почтить память усопшего оракула и сплясать тризну в круге огня. Моя смерть стала для них неожиданностью, и сам Медведь явился проверить достоверность слухов. Представь его удивление, когда он увидел там тебя, в безумном танце среди шептунов.

– Ну, прости, Учитель не посвятил меня в ваши обычаи.

– Они не только наши, но и твои тоже, – одернула ее девушка, – а брат – самоуверенный кретин, каких мало. Надеюсь, что сможет тебя от всего оградить, а не смог даже от самого себя.

Олга напряглась, подавляя нахлынувшие чувства от болезненных воспоминаний. Некоторое время они молчали, размышляя каждая о своем.

– И что теперь? – наконец спросила Олга.

– Что, что... ничего. Следуй за мной.

– А как же Дарим...

– Его нет там, где ты его оставила.

Маленький оракул резко развернулся и быстрым уверенным шагом направился в сторону крепостной стены, забавно шлепая по лужам босыми пятками. Олга, взбудораженная и напуганная, кинулась следом.

– Постой, а где же он тогда?

Но девочка, казалось, не слышала вопроса и продолжала бубнить себе под нос, яростно сбивая палкой попадающиеся

на пути растения:

– Подставить себя один раз – куда ни шло, но чтобы дважды лопухнуться, это надо постараться. Сколько раз говорил ему, не трогай мальчишку, тебе же хуже будет. Так нет, пуста ума палата. И печатей ему не надо, видите ли. Урод!

– Стой, – Ольга схватила Альбу за плечо и, грубо отдернув назад, заглянула в страшные бельма глаз, – что происходит? Где шептун?

Девочка не ответила, лишь вдумчиво вгляделась в чумазое и напряженное лицо своего собеседника, и от этого изучающего взгляда Ольге стало не по себе. Гнев, негодование, недовольство, – все исчезло с не по-детски красивого лица, будто не ярилась секунду назад обладательница этой холодной и печальной маски. Оракул передернул плечами, освобождаясь от захвата, и тихо произнес:

– Вот оно значит как... Пойдем.

И Змея повиновалась.

Они пересекли широкую площадь, свернули в узкий переулок и оказались у высокой башни, растущей, словно указательный палец из крепко сжатого кулака развалин здания. Здесь было слышно дыхание моря и чувствовался его пропитанный солью дух. Девочка поднялась по широкой лестнице и остановилась у разбитого портала, вопросительно глядя на свою спутницу, что замерла на первой ступеньке, прислушиваясь к чему-то. Сильный ветер, что трепал ее разлохмаченную косу, нес в себе не только пряный аромат моря, но

и неприятный запах опасности. Ольга чувствовала его все отчетливее, и с каждой минутой беспокойство сильнее сдавливало дыхание.

– Куда ты ведешь меня? – не веря своим ощущениям, спросила она. Оракул нахмурил белесые брови.

– К Даримиру, – и скрылся внутри. После недолгих колебаний Ольга двинулась следом. Череда залов, лишенных потолка, сменилась сквозными покоем без стен. Идти, ступая голыми пятками по полу, засыпанному мелким щебнем, было трудно. Они свернули в узкий коридор и неожиданно остановились перед, наверное, единственной во всем здании уцелевшей дверью. Малышка сделала шаг назад, уступая дорогу спутнице. Ольга толкнула дверь и оказалась в просторной комнате, заваленной старой мебелью. У дальней стены, опустив тяжелую голову на грудь, сидел Дарим. Тонкая струйка слюны из перекошенного рта стекала по подбородку, мутный взгляд обозревал просторы неведомой вселенной, а безвольно поникшие плечи изредка вздрагивали, будто тонкая игла колола его в нервный узел. Губы Ольги задрожали, глаза увлажнились. Она бросилась к шептуну, обхватила его за плечи и аккуратно опустила голову на пол, отерев рот своим рукавом.

– Я привел ее, как и обещал, – раздался сзади подрагивающий от напряжения голос девочки. – Отдайте мне мальчишку и убирайтесь.

Ольга на мгновение закрыла глаза, осознавая услышанное,

после чего обернулась, обшаривая пространство вокруг себя испуганным взглядом.

Их было трое. Первый, Медведь, огромный и могучий, был непоколебим и тяжеловесен, словно его дух, с густой темно-бурой шапкой курчавых волос на голове, с прямым и надменным взглядом черных глаз из-под хмурых бровей и хищным изгибом губ на широком лице, поросшем бородою. Второй, Ящер, лысый и верткий, телосложением и лицом напоминал изнеженного подростка из богатой семьи: худой, узкоплечий, с тонкой длинной шеей и отвращением ко всему миру на вытянутой, по-змеиному острой мордочке. В его раскосых глазах, скрытых злым прищуром, сквозь восхитительную игру изумрудного и золотого проглядывала холодная, рассудительная жестокость. В третьем, Соколе, чувствовалась порода, выражавшаяся в его крайней сдержанности и спокойствии. Короткие желтые с черными подпалинами волосы торчали во все стороны, словно взлохмаченные ветром перья, большие светлые глаза внимательно изучали жертву, угловатое, по-птичьи заостренное лицо не выражало ни единого чувства.

Медведь окинул Олгу недоверчивым взглядом.

– Это и есть Великий Дух? – пророкотал он глухим рычащим басом.

– На ней печать, – раздраженно пояснил оракул. – Так я могу забрать мальчишку?

– Да, конечно, – рассеянно пробормотал Бурый, присев

на корточках рядом со Змеею, что в страхе прыгнула прочь, оскалив белые клыки.

– А может кто-то поможет мне отнести его в приют, – девочка повысила голос.

– Ящер.

Тот недовольно хмыкнул, но повиновался. Грубо отпихнув вцепившуюся в Даримира Олгу, он взвалил бесчувственное тело на плечо и зашагал следом за ребенком. Медведь хотел было взять Змею за руку, но она отдернула кисть, спрятав ее за спиною.

– Ты видишь, кто я?

– Лучше, чем ты сам.

Бурый ухмыльнулся.

– Ну так как, Пернатый, что будем делать... – он подошел к Соколу, и, чуть понизив голос, добавил, – этот ублюдок убил твоего Мастера. Думаешь, он клюнет на приманку?

Сокол равнодушно пожал плечами.

– Я с ним ни разу не встречался, но, думаю, что он не такой дурак, раз смог водить нас за нос столько лет, – он поглядел на Змею. – Хотя, кто знает, может и такой.

– Тогда отвезем ее в поселок. Рано или поздно он объявится.

– Сомневаюсь, – пробормотал желтоглазый, распутывая звенья серебряной цепочки. Олга съежилась, подавив болезненный вздох, и вжалась в стену. *Опять!*

– Эй, – в дверном проеме показалась блестящая лысина

взбудораженного Ящера, – кто-нибудь чувствует врага? Я видел, как кто-то вошел в библиотеку.

– Что?! – Медведь замер, опустив веки и прислушиваясь, после чего метнулся к окну. – Вот он!

Одним ударом мощного кулака он высадил хлипкую раму и перемахнул через подоконник, Ящер проворно скользнул следом, скалясь в безумной улыбке. Сокол проводил их спокойным взглядом, ничуть не поддавшись азарту погони, лишь покачал головою и присел рядом с пленницей.

– Руки.

Олга обреченно протянула запястья, сясь сдержанно страх и злость. Кандалы со звонким хлопком защелкнулись, тяжким грузом оттянув предплечья.

– Шею.

Змея зашипела, но Пернатый не впечатлился подобным проявлением ее сущности.

– Только кусать не надо, хорошо? Мы не доверяем тебе, потому вынуждены позаботиться об этом. Не заставляй меня действовать силой.

Олга сникла. Прикосновения затворяющего металла холодило до зудящей боли, но вот пальцы йока... Она удивленно глянула на Сокола, что, коснувшись ее кожи, вздрогнул, отдернув руку, и, нахмурившись, отвернулся. Его пальцы были теплые, почти горячие, и дрожали. Обруч удавкой стянул шею, и Олга на миг перестала дышать, забыв обо всем на свете, но спустя какое-то время воздух ворвался в

сжавшиеся легкие, и она закашлялась, сплевывая мокроту.

– Ничего, скоро привыкнешь, – нервно усмехнулся Сокол, оправляя волосы.

– Ушел, – Медведь внезапно возник на пороге комнаты. – Странно, я так и не смог разобраться, кто именно был этой тенью. Вроде Лис, а вроде и не Лис... Будто в нос песку насыпали. А, черт с ним, пора выдвигаться. Пospеть бы к ужину.

– Погоди, – Ящер метнулся из-за спины Медведя, и Ольга почувствовала укол в плечо. Мышцу скрутило так, что в глазах потемнело и под веками запрыгали шальные искры. Она еще некоторое время пыталась уцепиться за рвущуюся ткань реальности. Тело стало вялым и непослушным настолько, что она могла участвовать в собственных действиях лишь как сторонний наблюдатель, и всякая попытка повлиять на ход событий вязла в густом киселе, что окружил ее разум.

– По-моему, это было лишним, – произнес Сокол.

Бурый потянул за цепочку, что держала ошейник:

– Вставай, Змея. Поползешь своим ходом.

Через час пути йоки устроили небольшой привал у ручья: выпить и умыться – день выдался на удивление знойным. Ольга, что молча плелась, ведомая, как собачонка на поводке, села на бережку, опустив стертые оковами ноги в ледяную воду, и никто бы не заметил неладного, если бы она, потеряв сознание, не рухнула лицом прямо в воду.

Сокол усадил икающую пленницу под деревом, хмуро

вглядываясь в глупую улыбку и мутные, серые от дурмана глаза.

– Кажется, я переборщил, – склонившись над Ольгой, озадаченно проговорил Ящер.

– Как всегда, – холодно произнес Пернатый, внимательно изучая ступни девушки. Лысый зло хмыкнул, но сдержался:

– Это странно! Обычное успокоительное, чуток подавляет агрессию. Я пичкаю зельем молодняк, и ничего такого с этими болванами не происходит.

– На то они и болваны... Намма⁵⁰, глянь на это!

Сокол приподнял браслет на ноге, обнажив стертую до мяса лодыжку.

– Что за черт? – удивленно прогудел Медведь, рассматривая желтые сухожилия.

– Я тоже никогда подобного не видел, – Пернатый огладил короткую жесткую бородку. – И на шее, глянь, будто каленым железом прижгли, сплошные волдыри. Разве что руки еще более-менее.

– Дух запечатан. Неужели он чувствует... оковы?

– Быть может, они уже едины: Змей и девчонка? – высказал свое предположение Ящер. – Сколько лет она живет при Лисе?

– Сколько лет она вообще живет? – задумчиво произнес Сокол. – Возможно, оракул был прав, когда говорил об осторожности...

⁵⁰ намма – старший в клане

– А, может, врал, – резко одернул его Медведь, – это у них в крови – ложь и увертки. Перевяжи раны и возьми ее на руки, мы и так уже здесь задержались.

Пока Сокол рвал рубашку и снимал оковы, чтобы обработать раны, Змея, как замороженная, наблюдала за его движениями, не отрываясь ни на миг. Это внимание слегка нервировало йока, выводя из душевного равновесия, которое, судя по всему, давалось ему с немалым трудом. Он время от времени тревожно поглядывал на ее расширенные до предела зрачки и ловил себя на мысли о том, что опасается этой девушки.

– Лысый придурок, – тихо ругнулся он, поминая Ящера с его зельем. И тут она учудила – нежно коснулась его щеки ладонью и прошептала, игриво оскалив острые, длиннее обычного клыки:

– Ты почти живой. Что с твоею печатью, милый?

Велико было желание вскочить и броситься прочь, но Сокол сдержал порыв трусости, глубоко вдохнул и огляделся, проверяя, не слышал ли кто ее слов. Не слышали. Змея же опять погрузилась в полудрему, закатив глаза и безумно улыбаясь. Именно тогда Пернатый понял, что вся эта затея с пленением Великого Духа не принесет клану и, в частности, ему ничего, кроме больших неприятностей.

Поселение клана находилось в самой чаще, там, где никогда, даже во времена Белграда, люди не возводили стен,

сохраняя лес в первозданном виде. Прогалина, окруженная со всех сторон могучими стволами древних гигантов, была надвое рассечена серебряным бичом ручья, вдоль которого рядком, словно на парад, выстроились одинаковые срубы под тесаными крышами. В деревне была всего одна широкая мощеная улица, которая заканчивалась аккуратной площадью с мраморным колодцем по центру. Общинный дом, куда привели Змею, стоял там же: длинное приземистое строение, поднятое на сваи, было охвачено по периметру галереей, множество окон свидетельствовало о нежилом характере помещения, а каждая пядь дерева в этом доме была пропитана запахом свежей крови.

Олгу оставили в большом зале, закрепив цепь в железном кольце, что торчало из пола прямо по центру. Она уже немного пришла в себя после зелья, что вколол ей Ящер, и испуганно озиралась, оглядывая йоков. Те собирались в общинном доме на совет, и каждый входящий, видимо, считал своим долгом подойти поближе и поглазеть на пленницу, чтобы после отойти в сторону с удивлением и разочарованием на лице и произнести тихо, но так, чтобы слышали товарищи:

– И это – Великий Дух? Чумазая девка, объятая страхом?!

А Олге и впрямь было не по себе в окружении этих сильных и безжалостных мужчин. Запах крови кружил ей голову пуще полынного дурмана, и она, как ни пыталась, не могла преодолеть ужас, что своими холодными щупальцами про-

никал в самые потаенные уголки ее сердца и холодил до зубов дробь. Когда зал наполнился до предела, она больше не смогла терпеть и сжалась, уткнувшись лицом в колени и закрыв уши руками, потому что чувствовала себя в утробе огромного чудовища, что собралось переварить ее на обед, и вкус его жертвы будет пропорционален мукам, что она испытает за часы своей агонии.

Возбужденный гул голосов неожиданно смолк, и Ольга на миг выбралась из своего укрытия, чтобы узнать причину. В зал вошел Медведь в сопровождении Ящера. Золотой и серебряный пояс, Учитель и Ученик. Лысый, по-такарски сложив ноги, сел на пол у стены лицом к собравшимся. Бурый встал рядом с пленницей, скрестив узловатые, словно корабельные канаты, руки на груди. Все стоявшие расселись полукругом, кто на скамьях, кто, подобно Ящеру, на полу. Некоторое время стояла тишина, после чего поднялся один из йоков – Ольга не смогла в такой толпе различить его суть – и произнес, сурово сдвинув тонкие брови:

– Кого ты привел в наш дом, намма? Мы ждали, что к нам пожалует Великий Дух, а не эта испуганная замарашка.

– Великий Дух не пошел бы за нами по своей воле. А замарашку скрутить легче, – пророкотал Медведь, буравя взглядом собеседника. – Объясню для тех, кто не может догадаться сам: на ней довольно сильная Печать.

– Интересно, кто же такой смелый, что посмел затворить Змея? – язвительно кривя губы, осведомился тонкобровый.

– Смельчака похоронили сегодня в полночь, если это кого-то интересует.

– Что? – подскочил другой, совсем молодой на вид, но, тем не менее, опоясанный золотом. – Она убила оракула?

– Нет, не она.

– Откуда тебе знать?

– Я говорил с его преемником. Он опроверг подозрения насчет нее, но так и не указал виновного.

Зал вновь наполнился гулом. Медведь обвел всех собравшихся изучающим и слегка раздраженным взглядом.

– Волк мертв.

Его тихий густой голос холодной волной накрыл сидящих в зале, словно стаю галдящих чаек, разговоры вмиг стихли, и взгляды сошлись на притулившемся в дальнем углу Соколе.

– Наконец-то, – пробубнил кто-то из сынов смерти, – нашла коса на камень. Одним сумасшедшим меньше. И кому же следует пожать руку в благодарность?

– Лису.

Теперь в зале повисла по-настоящему гробовая тишина.

– Лис на острове, братья мои... был, по крайней мере, – продолжил Медведь, – и он убил Волка... совсем убил, понимаете?

– Что ты хочешь этим сказать, намма?

– Развоплотил, мать вашу! – внезапно разъярился тот. – Как некогда Рыбу! А теперь я могу изложить суть дела? Надеюсь, мне позволят, наконец, это сделать.

И продолжил, чуть успокоившись:

– Я привел сюда эту девчонку лишь потому, что она принадлежит Лису. Он повязан с нею, нить коротка и этот ублюдок рано или поздно объявится на острове. Его необходимо поймать и уничтожить.

– А что делать со Змеем, если Лис не клюнет на приманку?

– То, к чему обязывает нас Кодекс.

– Вы не убьете Змея.

Все головы одновременно повернулись к выходу, туда, где, опершись рукою о косяк, стоял человек. Он безбоязненно вступил в зал советов, и могучие йоки почтительно расступились, освобождая дорогу хрупкому бледному юнцу. Ольга не сразу узнала в нем Мирона. Белые волосы и неестественные на знакомом лице бельма глаз делали его похожим на восставший из кошмаров призрак, страшное видение, не имеющее ничего общего с реальностью. Но когда Мирон, ее маленький Мирия, присел рядом и коснулся ее плеч руками, дрожащими от сдерживаемых чувств, когда она увидела вблизи его искаженное страданием лицо, Ольга, наконец, поверила в то, что это не очередная галлюцинация, вызванная дурманом, а живой человек. И как только она поняла это, перед ее глазами встала сплошная пелена слез. Видя, что Змея вот-вот потеряет контроль над собою, Мирон приник к ее лбу своим.

– Не подавай виду, что знаешь меня, – его речь текла из сознания в сознание, минуя гортань, губы и уши. – А теперь

слушай внимательно: все, что я сейчас сделаю, я сделаю для твоего же блага. Другого выхода нет. Они не знают меры в своей жестокости. Либо ты примешь это, либо погибнешь. Прости меня, Дева Воды. Прошу, помни: я всегда буду любить тебя.

– И ты здравствуй, белоглазый, – безрадостно прогудел Медведь. – А теперь ответь мне, по какой такой волшебной причине мы не сделаем того, что должно?

– Кодекс свят, – оракул поднялся, – но вспомни, намма, он писался в те времена, когда никто не ведал тайны развоплощения духа. Изгой нарушил баланс, две силы неприкаянно витают над землею, не имея возможности прильнуть к плоти. Это величайшее страдание для духа – потерять свое место во вселенной. Он слабеет, теряет силу, каждая минута для него становится очередной смертью, ибо он несовершенен и потому не может существовать вне материи.

– Умно загнул, малыш, но я так и не увидел причины, по которой бы мы захотели оставить безумного... да, Великого, но безумного Змея жить. Он – угроза.

– Она родит духов.

– Что? – одновременно воскликнули удивленный Медведь и пораженная Змея.

– Она может родить тех, кого сгубил Лис, – твердо произнес Мирон, старательно пряча эмоции под маской холодной невозмутимости.

– Нет! – Олгу накрыло такой волной отчаяния, страха и

отвращения, что она на время потеряла способность здраво мыслить. Она вцепилась в ногу Мирона:

– Ты не можешь так, поступить со мной, слышишь! Никто не смеет так делать со мной! Это несправедливо.

Мирия отступил на шаг, вырываясь из ее цепкой хватки, но Ольга, ослепленная злобой преданной женщины, не видела муки в его глазах.

– Это не правильно. Скажи им! Скажи, что я не сумасшедшая, умоляю! Я не вынесу этого.

Оракул повернулся к ней спиной и медленно, тяжело ступая, побрел к выходу. Слезы хлынули из широко раскрытых глаз, омыв золото радужки соленым потоком. Некоторые йоки болезненно сморщились, касаясь виска, некоторые обхватили голову, сиюсь подавить внезапную боль.

– Не оставляй меня!

Он на миг задержался у порога, но так и не обернулся, лишь произнес глухим, сдавленным голосом:

– И не ждите, что это будет легко. Лис вчера взял ее силой. Очень жестоко. Изгой отнял девственность Великого Духа. Будьте осторожны... выбирая методы, – и скрылся. Ольга безумными от страха глазами обвела всю толпу, что, казалось, нависла над нею, стремясь задавить и лишить воли.

– Нет, не верьте ему. Он лжет. Я не могу родить. Я стерильна, слышите! Я никогда не смогу иметь детей. Я и умерла от того, что у меня нутро сгнило. Совсем сгнило. Не верите, проверьте сами.

– Вот и проверим, – хмыкнул Бурый. – Я и проверю. Уведите ее и запирайте в пустом доме.

Змея застыла, побледнев до синевы, но спустя несколько мгновений глаза ее заискрились такой дикой всепоглощающей ненавистью, что Медведь невольно отшатнулся, ступив за область натяжения цепи. Ящер подкрался сзади и легонько стукнул рассвирепевшую Змею по затылку. Та обмякла, и Лысый, подхватив неподвижное тело, унес его прочь.

В зале поднялся гул. Йоки, разбредаясь по своим берлогам, степенно судачили, обсуждая новость, кто с интересом, кто с одобрением, кто с недоверием, а кто и с завистью, но лишь на одном лице было выражение крайнего недовольства.

Сокол подошел к Бурому, что задумчиво прохаживался по опустевшему залу.

– Мальчишка обдурил нас, намма. Ее надо убить.

– Что? – тот поглядел на собрата, как на сумасшедшего.

– Она принесет много бед.

– Куда? Сюда? В цитадель клана? Ты рехнулся, Пернатый. Что она сделает? С чего вообще ты решил, что эта девчонка может быть опасна?

– У меня плохие предчувствия.

– А у меня плохое пищеварение, – раздраженно хохотнул Медведь. – Ты слышал, что сказал белоглазый? Змея родит нам тех, кого убил Лис. И они будут инициированы с самого рождения. Ты представляешь: живые духи снова будут хо-

дить по земле.

– Надежды и мечты застыят твой взор, Медведь. Она не понесет от мертвого семени. Более того, она никого не подпустит к себе, тебя или кого-либо из нас. Видел, как озлоблена? Даже упоминание о близости повергает ее в ярость.

– Все, что ты говоришь, незначительно и легко преодолимо. А насчет зачатия ты сам не можешь знать наверняка.

– Тебя не смущает даже то, что собираешься неволить Великого Духа?

– Она всего лишь слабая женщина.

Сокол тяжело вздохнул.

– Убей ее, Мастер. Убей, пока не поздно.

– Скройся с глаз моих! – внезапно рассвирепел Медведь. – Уйди, пока я не выпустил твои кишки, щенок! Или хочешь оспорить мое решение в поединке?

Сокол болезненно скривился, отводя взор:

– Я подчиняюсь, намма. Но после не сетуй, что никто не предупреждал тебя об опасности.

– Я принес тебе поесть, – Пернатый переступил порог, взглядываясь в полумрак покоев. Она все так же неподвижно сидела, вжавшись между сундуком и стеною, в единственном укромном уголке, куда позволяла добраться цепь. Сидела уже шестой день без пищи, молча сверкая золотыми глазами на каждого, кто отваживался заглянуть в ее темницу. Он поставил поднос на пол и, отступив на шаг, сел на

маленькую скамеечку, стоявшую у входа. Солнечный свет, что лился сквозь распахнутую дверь, слепил его, мешая следить за пленницей, но он не особо волновался и даже позволил себе расслабленно прикрыть глаза, наслаждаясь теплом, омывающим лицо. Ему было тяжело. Он сам не понимал, почему, но ему было очень тяжело наблюдать за всем, что происходило в поселке после появления Змеи. Она была права – все, что происходило, было неправильно. Сокол тяжело вздохнул, припоминая утро, когда Медведь пришел сюда, чтобы исполнить то, что задумал, и как спустя минуту вывалился прочь, чуть не выломав дверь из петель, весь бледный и злой настолько, что темные кудри искрились, подрагивая без ветра. На его щеке до сих пор заживал шрам от ее когтей. Никто так и не решился расспросить мамму, что же все-таки произошло, но втихую посмеивались над самоуверенным вожаком. А Сокол не смеялся. После того, как Змея лишила глаза Ящера, что был самым проворным из них, но и самым языкастым, за что и поплатился, и Пернатый стал носить ей пищу вместо Лысого, он понял, что остановило Медведя. Нет, не ее сила и умение бить в самые слабые точки, не ее страшные, горящие безумной ненавистью глаза. Мамма попросту не смог. Он испугался, но ни за что на свете не признался бы в этом даже самому себе.

– Ты ничего не ешь. Хочешь умереть от истощения? – Сокол старался говорить как можно более бесстрастно. – Это бесполезно, ты же знаешь. Твои силы убудут, и тогда даже

малолетний болван из тех, что не умеет еще держать меч, сможет справиться с тобою.

Она шевельнулась, звякнув цепью. Сокол безрадостно ухмыльнулся. Ему было жалко это измученное существо, страдающее из-за своей сути.

– Когда мы нашли моего Учителя, – его голос дрогнул, – точнее то, что от него осталось, при нем было это.

Он вынул из-за пазухи пузырек, залитый воском.

– Это та дрянь с полынью, что в определенных дозах смертельна для таких, как ты и я, – он поставил бутылочку на поднос. – Если хочешь умереть, пожалуйста.

Олга снова оказалась в аду.

– Добро пожаловать, – злобно хихикнул в дальнем углу ступок тьмы, блаженно щуря огненные прорези глаз. – Похоже, мы здесь надолго.

Первая ночь в новой тюрьме прошла кошмарно в прямом смысле этого слова. Олга спала урывками, вполглаза, чувствуя со всех сторон присутствие йоков, их жуткий при таком скоплении запах, что забивал воздух, как дым в горячей избе, где невозможно ни продохнуть, ни уйти прочь. Но и в короткие мгновения забытья она не могла избежать яви: сны были яркими, реалистичными и столь ужасными, что Олга просыпалась в холодном поту и с криком, застывшим на губах. Утром лысый паренек – Ящер – со злыми, как у черта, глазами, принес ей хороший, рассчитанный на взрослого йо-

ка завтрак, одобрил пищу какой-то мерзкой шуткой, из которой Ольга не поняла ни слова, и удалился, шумно хлопнув дверью. Несмотря на голод, скрутивший нутро, что колодезный ворот веревку, завтрак не пошел пленнице впрок. После, когда Медведь, которого соплеменники величали странным словом “намма”, наведаясь в темницу, Ольгу стошнило прямо на его начищенные до блеска сапоги. На лице Бурого возникла несвойственная суровому воину и оттого весьма потешная гримаса замешательства, и Ольга, наблюдая, как тот растерянно утирает смрадящую кислотой жижу с оттопыренных носков, не удержалась и сдавленно захихикала, перемежая истерический смех внезапно одолевшей ее икотой. После этого Бурый, похоже, рассердился: побледнел, вены на шее вздулись, ноздри затрепетали:

– Ах ты, девка, насмеяться надо мною вздумала!

– До чего... ик... ты... ик... смешной, спасу нет, хи-хи! – утирая набежавшие слезы, проговорила она.

– Смешной?! – взревел Медведь, с силой кидая тряпку об пол. – Я тебе покажу, смеш...

Гибкие, как змеи, руки ласково обхватили толстую шею, пальчики с острыми коготками зарылись в густые кудри, впиваясь в нежную кожу лба, коснулись лица, губ. Бурый застыл, соображая, когда она успела подобраться к нему сзади, и почему он этого не заметил, но соображалось отчего-то очень трудно. Резким движением он отбросил ее, оцарапав щеку. Пленница, зацепившись за сундук, бухнулась на пол,

громыхая цепями, и замерла. Он наклонился и перевернул Ольгу на спину. Глаза бездумно смотрели в иное пространство, из рассеченной брови хлестала кровь, заливая лицо, застывшее и мертвенно бледное.

– Мне так больно. Уйди, проклятый, не мучай меня, – тихо произнесла она. Намма вскочил и выбежал прочь, не в силах более терпеть это безумие. А Ольга продолжала шептать, глядя в алые зенки нависшего над всем ее миром черного, как слепота, существа, что плотоядно улыбалось, разевая беззубый рот.

– Уйди...

После, через день, а может через два, приходил Ящер, тощий и вертлявый, словно юла, и к тому же говорливый, что баба в базарный день. Он по какой-то неведомой причине был крайне зол, отчего на его блестящем и гладком черепе проступали темные пятна, а голос становился противным, словно улитка без панциря, склизким и вибрирующим. Ему удалось скрутить Змею, правда, она не особо сопротивлялась. Страх уступил место безразличию – она вдруг поняла, что все самое ужасное, что могло с ней случиться, уже произошло, что борьба с болью бесполезна, как и всякая борьба, что она слаба и беспомощна против силы ее мучителей, силы ее проклятия, ее судьбы. А этот тощий юнец, что задрал подол ее рубахи... Бог с ним, пусть делает, что хочет, все едино. Вот только его глаза... такие красивые, словно два изумруда в золотых нитях скани... у нее когда-то были такие серьги.

Были, да сплыли. Ах, до чего же ей хочется подержать их в руках, эти глаза-серьги. Забрать их себе...

Ящер долго выл, зажимая пустую глазницу, покуда Ольга, радостно улыбаясь, перекатывала мягкий кровотокающий шар по ладони. Больше он не появлялся, отчего она некоторое время находилась в расстроенных чувствах, что не сможет добыть второй, но вскоре забыла. Она вообще стала быстро все забывать, отчасти потому, что потеряла счет времени, отчего прошлое, настоящее и нереальное мешались, слитые в один котел наступающего безумия, отчасти потому, что она практически перестала осознавать себя, медленно растворяясь в черном чреве огнеокого существа, что, не смыкая глаз, следило за нею. Сначала она пробовала задаваться вопросом: кто этот демон? Но очень скоро желание узнать это погасло в ней, как и все остальные желания. Она успела лишь дать ему имя: страховидло.

А после к ней стал приходиться этот странный полуживой получеловек-полуйок, с желтыми, похожими на перья волосами. Он был молчалив и скуп на эмоции, он не боялся, но и соблюдал границу безопасности, он наблюдал, но не был назойлив. Сокол просто приносил ей пищу, как заправский тюремщик, ставил поднос в строго отведенное для этой цели место и через определенный отрезок времени уносил его. Вскоре она поняла, какая особенность заставляет ее думать о Пернатом в моменты его отсутствия: Сокол ничего не хотел от нее. Совсем. Ничего. И уже одно это вызывало жгучий

интерес.

Чтобы позлить надзирателя, Ольга перестала есть. Прошло шесть дней, прежде чем он заговорил с ней... и предложил ей более легкую смерть! Он оказался наивным, как дитя, этот невозмутимый йок. Ольга долго смеялась, после его ухода, тихо, чтобы чужие уши не почуяли ее ликования. Она со вкусом пообедала, и, разбавив содержимое флакона в кружке с водой, осушила ее до дна за здоровье страховидла, что, забившись в угол, шипело и плевалось дымными кольцами, недовольное таким раскладом. Яд, непредсказуемый в своем действии, и в этот раз не изменил своей сути. Ольга просто провалилась в глубокий черный колодец забвения без кошмаров и бешеных вибраций силы.

Сокол вернулся вечером. Постоял у порога, задумчиво ковыряя засов ногтем, потом все же решился и сдвинул его, распахнул дверь. В нос ударил привычный здесь запах давно немытого тела и едкий удушающий аромат полыни. На секунду перехватило дыхание. Справившись с головокружением, он все же вошел в дом и нечаянно задел ногою кружку, что гулко откатилась прочь, побрякивая на стыках дощатого пола. Сокол замер, на миг оглушенный тишиной, но так и не смог различить ни единого звука. Она лежала на полу лицом вниз, уткнувшись лбом в тыл ладони, другая рука, выброшенная вперед, насколько позволяла цепь, сжимала в кулаке последнее ее звено. Волосы, словно змеи, расползлись в раз-

ные стороны от неподвижного тела. Йок присел рядом, пощупал пульс, вновь прислушался. Ничего, тишина. Пленница не дышала. Он перевернул труп на спину, брезгливо поморщился – ее ослабило перед смертью, рубашка была мокрой и воняла полынью, – убрал с лица волосы и, раздвинув пальцами веки, осмотрел позеленевшие белки. Они слегка светились в полумраке, и чем дольше Пернатый вглядывался в глаза Змеи, тем ярче, как ему казалось, становилось свечение. Как вдруг...

Четыре!

– Ты принес мне еды?

Когтистая рука, горячая, как уголья, впиалась в запястье Пернатого. Глазные яблоки провернулись в орбитах, и на онемевшего от неожиданности йока уставились два омута раскаленного золота, на поверхности которого лодочками подрагивали змеиные зрачки. Он, кое как освободив руку из железного захвата, отполз подальше, с опаской следя, как она медленно садится, управляя нечесанные волосы.

– Я просто до смерти хочу есть, – голос звучал низко и тихо, с едва заметным придыханием. – Так ты принес мне обед?

– Еще не время, – плоским, словно каменная пустошь, голосом произнес йок.

– Тогда зачем ты пришел? – она наконец повернулась к своему надзирателю, чуть склонив голову набок, и принялась внимательно изучать его, лукаво прищурившись. Не до-

ждавшись ответа, она шумно втянула воздух, и, встав на четвереньки, подползла вплотную к Соколу. Он смотрел на Змею, не в силах отвести взгляд и, даже когда она принялась обнюхивать его, чуть прикрыв глаза, он не шевельнулся, скованный странным, незнакомым ему чувством сильного и неудержимого возбуждения. Ее ядовитое дыхание окутывало его облаком дурмана, и мускулы цепенели, отказываясь подчиняться хозяйской воле. Ольга запустила руку ему за пазуху и выудила на свет мешочек с леденцами. Радостно охнув, она умяла за щеку сразу два янтарных кругляша, и в этот самый миг дверь отворилась.

– Кабан, – брякнув конфетами, констатировала Ольга и снова сосредоточилась на сладостях. Вновь прибывший окинул сидевших на полу недоверчивым взглядом, нахмурился, потом гадливо сморщился, почувствовав густой запах пыли.

– Что здесь происходит?

– Ничего, что заслуживало бы твоего внимания, Мастер, – все тем же деревянным тоном ответил Сокол, не спуская глаз со Змеи, что примостилась между его ног, опершись локтем на его же согнутое колено.

– Да, действительно, – Ольга оскалилась в недоброй улыбке, глядя в остекленевшие глаза Пернатого, – ничего интересного. Разве кого-то может заинтересовать, что ты пытался меня убить, скажем так, из лучших побуждений, хех, по доброте душевной. Только вот оплошал. Откуда тебе было

знать, что яд на меня не действует. Ведь я сама, – она резко повернулась и смачно плюнула в сторону вошедшего, – яд.

Черная жижа плевка запузырилась, разъедая дощатый настил. Кабан отступил назад.

– Ах, ты...

– Я хочу есть. Принеси мне что-нибудь, иначе я схарчую твоего товарища.

Она, не обращая внимания на взъярившегося йока, тихо засмеялась и погладила Сокола по щеке. Кабан еще несколько мгновений стоял на пороге, после чего сдавленно рыкнул и вышел вон, шумно хлопнув дверью. Полумрак и тишина вновь поглотили две замершие в неподвижности фигуры. Он все так же продолжал разглядывать ее грязное, в корке спекшейся крови, осунувшееся лицо, без страха, без отвращения, без презрения и злости. Просто смотрел в ее горящие солнцем глаза, только вот солнце это светило в ином мире и не отражало реальности здешнего. С каждой минутой ширилась и крепла его уверенность в том, что это искалеченная душа обронила свой разум где-то по пути, возвращаясь из смерти в жизнь несколькими минутами ранее. Она была на грани, за которой ее ожидало полное безумие. Сокол грустно улыбнулся и аккуратно убрал со лба налипшую прядь.

– У тебя, наверное, красивые волосы, – тихо произнес он. – Тебе надо помыться. Негоже девушке запускать себя до такого состояния.

Она вдруг обмякла, будто кто вытащил железный штырь

из позвоночника: плечи опали, голова поникла, взор потупился. Змея поглядела на свои руки, пошевелила пальцами, словно проверяла, подчиняются ли они еще ее воле.

– Надо, – почти шепотом согласилась она.

Сокол поднялся, протянул ей руку.

– Пойдем, я отведу тебя в баню.

Она замерла на миг, прислушиваясь к чему-то, а после подняла на йюка растерянный взгляд, и тот вздрогнул, пораженный неожиданно ярким воспоминанием.

Когда-то, года четыре назад, он с Волком ходил на задание. В южных угодьях славийского князя, чуть севернее Ходонска, разгоралась эпидемия страшной гнилой хвори. Был приказ уничтожить разносчиков болезни. Сокол хорошо помнил себя, стоящего посреди трупов разоренной горящей деревни, и маленькую светлоглазую девочку – единственное здоровое существо в кишачем заразой болоте из крови и гниющих внутренностей. Она стояла у калитки, глядя на изувеченные тела своих родителей, и, когда он подошел к ней, подняла на йюка взгляд, передать который словами было невозможно. Сокол много раз видел такие полубезумные глаза людей, чей разум еще не осознал случившегося в полной мере, да и не желал этого, дабы сохранить душу, но ни единого разу подобные взгляды не производили на него такого сильного действия. Сокол испытал то, что у людей называется состраданием. Волк убил эту девочку, просто смахнул ей голову легким движением острого, как брит-

ва, лезвия. И сейчас на Пернатого смотрел Великий дух, чьи прекрасные, как свет, глаза выражали то же самое замешательство голой души перед ужасом творящегося вокруг.

– Я не могу, – она чуть подняла скованные запястья, но кандалы утянули их вниз, и те безвольно упали на колени. – Я не могу идти. Я... Мне тяжело.

Сокол встал пред Змеею на колени и аккуратно, стараясь не потревожить раны, разъял скобы. Когда пленницу заперли здесь, дорогие оковы и тонкие цепи сменили на обычные железки, оставив лишь на шее массивное кольцо из драгоценного сплава, потому снять их вручную не составило особого труда.

– А теперь?

Она отрицательно покачала головой. Тогда Пернатый поднял ее на руки. Тельце Великого оказалось на удивление маленьким и хрупким. Когда Сокол вынес ее на улицу, она уткнулась лицом в его плечо, пряча глаза, отвыкшие от яркого солнечного света.

В бане стоял радостный гвалт: молодняк после нудных тренировок, устроил себе помывочный день и потчевался свежем парком. Выгнав всех щенков вон из мыльни и раздав указания – кому выдраить избу, где содержался пленник, и убрать постель в горнице, кому найти чистое белье, кому сбегать в оружейную и принести “те самые” браслеты – он остался в бане один на один со Змеею. Усадив ее на низкую деревянную скамеечку, Сокол, оголившись по пояс,

принялся тщательно и заботливо обхаживать девушку, что вздрагивала и сжималась от каждого прикосновения. Ножки и ручки ее казались ему такими тонкими и нежными, что он невольно думал об их юности, удивляясь и не веря силе, что была сокрыта за ложной слабостью. Волосы, длинные и густые, долго сочились мутной водою, когда он пытался смыть въедливую грязь. Вся она, в таком подавленном состоянии полного непротивления, вызывала у йока странные, но приятные ощущения, словно маленькая птичка трепетала где-то под ключицей. А после, когда йок бережно, словно дорогую вазу, обернул Змею в простыню, вынес в предбанник и принялся расчесывать влажные пряди, она вдруг заплакала, тихо и без эмоций. Слезинки медленно катились по совершенно каменному, ничего не выражавшему лику и скапливались на кончике вздернутого носа, опадая тяжелыми мутноватыми каплями на пухлые губы. Сокол почувствовал резкую головную боль, будто кто-то исхитрился всадить ему стрелу с разрывным наконечником прямо в правое ухо. Сжав кулаки, он сдавленным от напряжения голосом произнес:

– Прости... его.

Это “его” вырвалось как-то само собою, но возымело неожиданный эффект: Змея будто очнулась от транса – вскинула на Сокола испуганный и удивленный взгляд, губы задрожали, и она зарыдала по-настоящему, со всхлипами и придыханиями, уткнувшись лицом в мокрое от пота плечо йока. Боль ушла, оставив после себя неприятный свербящий

осадок в мозгу. Спустя несколько минут она успокоилась и уснула. Тогда Пернатый отнес ее обратно в избу, уложил на кровать, обработал запястья и лодыжки мазью, прикрыл бинтами и лишь после всего этого окольцевал руки и ноги тонкими, ювелирной работы браслетами из затворяющего сплава с хитрым замком на каждом. Легенда гласила, что некогда еще живые и разумные духи использовали их, чтобы уплотнять свои эфирные тела, сохраняя таким образом в мире живых свою материальную форму в более устойчивом состоянии. Наследство, оставшееся от древних существ, сыны смерти использовали весьма прозаично: для наказания провинившихся и подавления их духа.

Сокол еще некоторое время стоял около ее постели, покуда за ним не явился один из братьев, оружный и хмурый, и не попросил его следовать за ним.

Олга проснулась от приятного ощущения чистоты и покоя, и удивленно села, откинув покрывало и оглядываясь. Из открытого окна была видна тренировочная площадка с выщербленными битами и прочими хитрыми снарядами, сейчас пустующая видимо оттого, что наступил вечер. Кроны древесных великанов, неприступной стеной ограждающих поселок, золотило по верхам закатное солнце. Змея некоторое время смотрела, как мерно покачивается тонкая занавеска под напором легкого ветерка, и слушала тихий шепот травы и листвы, втекающий вместе с запахом поздних цветов и зрелых плодов. На ум пришло, что в садах уже спеют

груши, сладкие и сочные, такие, которые она любит больше всего. До изнеможения захотелось съесть парочку. Ольга тяжело вздохнула и посмотрела на свои руки. Они были очень красивые, эти новые оковы, но их видимая тонкость и привлекательность ни в коей мере не уменьшала ощущения тяжести и холода затворяющего металла. Дверь в горницу отворилась, и на пороге возник смурый, как грозовая туча, Сокол с тюфяком под мышкой. Не глядя в ее сторону, он широкими шагами пересек комнату, кинул на лавку поклажу, раскатав тюфяк, бросил на него подушку, покрывало и сам тяжело уселся на наспех собранное ложе. Ольга недоуменно вздернула одну бровь. Он быстро глянул на нее исподлобья, снова потупился и нехотя поднял руки, показывая два серебристых браслета, смыкающиеся на широких запястьях.

– Наказали меня.

– За что?

– За то, что пытался тебя отравить.

Ольга долго изучала его невозмутимое, но все же слегка напряженное лицо, пытаясь поймать взгляд, но тот мастерски отводил глаза, словно многие годы жил при княжеском дворе. Изучала и размышляла, по какому такому наитию она выпила эту дрянь и обрекла свое и без того изломанное тело на многочасовые муки. Сейчас каждый мускул вопил болью о недопустимости подобного пренебрежения, каждый суставчик поскрипывал при движении, но, не смотря на безумную усталость, она чувствовала себя очень хорошо. Она чувство-

вала Змея! Спящего, но могучего. Его силу, его спокойствие, его мерное, глубокое дыхание... свое дыхание. Она вновь была в себе, пусть слабая, скованная, но единая. Исчезло черное страховидло – предвестник и хозяин безумия, испарились призраки и тени. Вот только память и боль никуда не делись, лишь притупилась способность души чувствовать воспоминания. Это открытие вызвало на ее губах грустную улыбку.

– А почему ты хотел меня убить?

– Потому что то, что задумал намма, бессмысленно, – Сокол говорил спокойно, но в тоне его чувствовалась горечь.

– Да, бессмысленно, – она помолчала, глядя в окно. – Может, стоило тогда отпустить меня.

– В лапы предателя?

Она резко обернулась, предупреждая сvedя брови. Сокол усмехнулся.

– Ты его ненавидишь, да? Но ты никогда не сможешь убить его. Хотя бы потому, что Мастер всегда будет сильнее, хитрее и изворотливее своего даже самого талантливого Ученика.

Она некоторое время сверлила йока пристальным взглядом, потом вновь отвернулась к окну.

– А Лис смог.

– Это потому, что Змей не был для него Учителем.

– А...

Дверь робко приоткрылась, и в комнату заглянул парниш-

ка, лупоглазый и безусый. Он бочком протиснулся внутрь, с опаской оглядываясь на Пернатого, и положил Олге на кровать сверток.

– Мы с ребятами сбегали в приют к шептунам и попросили там что-нибудь... ну, женское. Вот, можешь носить... ээ, Великий дух.

Олга внезапно вспомнила о чем-то важном и окликнула йюка, когда тот уже намеревался выскользнуть прочь.

– Мотылек, постой, – мальчишка вздрогнул, и быстро обернулся, скользя глазами с Мастера на пленницу и обратно. – Там, в приюте... мужчина... шептун, Даримом... Даримиром звать, беловолосый, почти седой, как оракулы... с ним все в порядке?

Мотылек наморщил лоб, вспоминая.

– Ах, этот, новенький... да, кажется. Да, живой, это точно, – и выбежал прочь. Олга откинулась на подушку, устало прикрыв глаза.

– Они тебя ко мне подселили. Не боятся, что я тебе по старой памяти голову оторву?

Сокол хмыкнул.

– Что ты, надеются и верят в твои силы.

– Что ж, жестоко, – она тоже усмехнулась и повернулась на бок, чтобы видеть своего собеседника. – Ответь мне, только честно: ты знал, что яд на меня не подействует?

– Нет, не знал.

Олга поджала губы, силясь наконец понять мотивы этого

нелюдя.

– Тогда, не пойму, что тобою двигало? Ненависть? Лис убил твоего Учителя, ты решил отомстить?

Сокол молчал.

– Нет? Тогда зависть? Что не тебе досталась?

Тот презрительно хмыкнул, дескать, даже не думал.

– Ты, если забыла, никому не досталась, не только мне...

– Тогда... – она приподнялась на локте, не веря собственной догадке, – ты что, меня пожалел?

Он чуть заметно вздрогнул, но внимательной Змее и этого был достаточно. Она откинулась на спину и засмеялась.

– Вот умора! Пожалел! Ей-богу, умора! Вот что только не вылезет из вас, стоит лишь надломить печать.

– Глупая девка, – неожиданно зло ругнулся Сокол и вышел прочь, громко хлопнув дверью. Ольга еще чуток повеселилась, но вскоре ее вновь сморило сном.

Осень наступила слишком неожиданно. Ольга мыла полы в доме советов, когда в раскрытое настежь окно ворвался порыв холодного ветра, задрав подол. Ученик, мывший стекла, сдавленно хрюкнул, за что тут же получил затрещину от Сокола, что правил скрипящую в петлях дверь. Ольга одернула рубаху и увидела на полу кленовый лист, побитый алыми подпалинами. Она бросила тряпку и вышла на крыльцо, утирая взмокший лоб. Бисеринки пота, тронутые морозным дыханием ветра, холодили лицо. Она долго смотрела на гу-

стую темно-зеленую шевелюру дубравы, окружавшую поселок, на грязные обрывки туч, бегущих по серому неприглядному небосклону, на колодец, у которого крутился мальчишка, назначенный на сегодня кашеваром. Змея уже успела позабыть, как быстро может лететь время, если ты погряз в бессмысленной борьбе. Два с половиной месяца потребовалось на то, чтобы смирить ее гордый, жаждущий свободы дух, чтобы завоевать доверие этих литых из стали и камня, суровых воинов. Соглашение было достигнуто, и теперь она жила среди нелюдей, почти перестав ощущать себя в окружении живых мертвецов. Ольга так и не поняла, чего ожидал от нее намма, но Сокол, что неотступно следовал за нею, неся с холодной отстраненностью ярмо тюремщика, дал клятву, что никто не посмеет поднять на нее меч. Ему она почему-то верила.

– Что-то случилось? – Пернатый подошел и встал рядом, вынув изо рта гвозди и бросив их в короб с инструментом.

– Это очень странное место – проклятый остров, – произнесла Змея, задумчиво теребя завязки на рукавах.

– Мы предпочитаем называть его Княжьим, – чуть помедлив, заметил Сокол.

– Это уязвляет вашу гордость? – с недоброй улыбкой спросила она. Он, как обычно, остался спокоен:

– Скорее, вызывает нежелательную реакцию у людей. А чем же он странен, наш остров?

– Здесь все... иначе, против природы. Ручаюсь, в Надаре,

что по ту сторону пролива, уже все деревья стоят голые, обдерганные ветром и ледяным дождем. А эти дубы, – она указала на рощу, – похоже, и зимою не лысеют, словно сосны или елки какие. Тут хоть снег бывает?

– Конечно, – Сокол улыбнулся, – иногда за ночь наметет, что и в нужник не выйдешь, но быстро сходит. Земля горячая. А дубы глубоко корни пустили, им не холодно, их нутро острова греет.

Они некоторое время помолчали.

– Барсук и Цапля идут, – неожиданно брякнула она. – Опять этот старый прохвост притащит мне цацок дурацких. Благо, было бы куда надеть. Я ему что, в жемчуге должна кашу варить да полы драить?

– Не перечь Мастеру, – мягко проговорил йок, – пусть тешитя. Не привык он видеть в своем доме женщину, вот и чудит.

– Много, я погляжу, у вас здесь чудаков, – пробормотала она.

– А вот о том, что *видишь*, лучше помалкивай, – сдвинув брови, процедил Сокол, выразительно косясь на щенка, что самозабвенно полоскал тряпку в ведре.

– Знаю я...

– Кодекс? – Сокол удивленно приподнял брови. – А что, Учитель не рассказывал тебе о его содержании?

Она отрицательно покачала головой.

– Что ж, этого следовало ожидать, – йок задумчиво провел ладонью по короткой бородке. – Ладно, так и быть. Грамотная?

Он вышел в темноту ненастья, впус­тив в избу влажный порыв холодного ветра, но вскоре вернулся, бережно пряча под курткой кожаную тубу. Внутри обнаружился свиток перга­мента, изъеденный по краю огнем. Олга села ближе к свече и принялась изучать документ. Пунктов было на удивление мало, и более всего это походило на свод указаний того, чего делать запрещено. Ее весьма позабавила одна деталь, от­сле­див которую, она тут же обратилась к своему надзирателю.

– Кто составлял эту бумагу?

Сокол пожал плечами:

– Этим занимаются оракулы.

– А кто создал первоисточник?

– Откуда ж мне знать. Говорят, первый оракул и создал.

– Оракулы, насколько мне известно, живут вечно, сменяя тела. Так что этот, скажем так, наивный виршеплет, бродит где-то и сейчас.

– Не стоит недооценивать ум оракулов. А что тебя смутило?

– Не смутило, развеселило. Этот закон, разве ты сам не додумался, писан для некого свержока, без учета погрешностей и индивидуальности в ваших характерах. Того, кому по силам строго выполнять все предписания, просто не может существовать, понимаешь? Почему назвала его наив-

ным? Да потому что он писал это, полагая, что человеческую личность легко изжить. Но это невозможно. Либо этот оракул был глуп и совершенно не разбирался в природе людей, либо он думал каким-то другим, нечеловеческим умом. Только вот откуда ему было взяться, такому уму. Кто они вообще такие? И откуда?

Сокол помолчал, раздумывая над ответом.

– Насчет Кодекса. Я тоже думал об этом, но не как о противоречии, а как об идеале, к которому обязан стремиться каждый сын смерти. Истинный дух должен быть столь же бесстрастен и холоден, как его оружие. Ничто не должно застит ему глаза, он руководствуется лишь Кодексом и законом страны, на территории которой работает.

– Но законы не идеальны, их пишут те же люди...

– Это не важно, мы подчиняемся установленному порядку, чистим систему от тех, кто мешает ей нормально работать или несет угрозу. А чтобы определить степень виновности, мы должны уметь чувствовать ложь столь же хорошо, как держать меч. Взамен мы получаем золото для жизни тела и процветания клана, и энергию для жизни духа.

– Знаю я это. Смерть, страх – вот чем питается твой зверь. Но ты уверен, что это ему необходимо? Что именно это его пища?

– Поясни.

– Я видела, – она понизила голос, – видела собственными глазами, можешь проверить меня своим хваленным чутьем на

ложь, как печать сосет из тела йока жизнь. Тебе не кажется это странным? Может быть, оракулы лишь для этого и затворяют духа, чтобы пить из него и через него.

Сокол недоверчиво покосился на собеседницу.

– Я не знаю, что тебе ответить. Все, что существует, все эти отношения... понимаешь, им очень много лет. Но уже с самого начала это было тайной: откуда они, кто такие, зачем здесь. Я ничего не могу сказать им в защиту, но и для обвинения мало доказательств. Это сродни вопросу о смысле существования. Трудно разобраться. А Кодекс... Кодекс позволяет нам существовать в таком... качестве. Ты же сама понимаешь, что для каждого из нас такая жизнь – второй шанс. Первый мы разбазарили.

– И тебе это нравится... такая жизнь?

– Это глупый вопрос. Жизнь не может нравиться или не нравиться. Она просто есть.

– А ты философ, – Ольга усмехнулась, но без злобы, по доброму.

– Кто, прости? – он настороженно поглядел на нее, видимо, не поняв значения слова.

– Не важно, – она задумалась, но потом поспешно добавила, – это не обидное слово, не хмурься. Значит, ты признаешь, что Кодекс не имеет... как бы это... реального носителя, что ли?

– Ты имеешь в виду, что нет таких, как требует закон? Они есть, но их очень мало. Это приходит с возрастом, а мало кто

из нас доживает до таких лет, что полностью подчиняется печати. Был Крыса, но Лис снес ему голову.

– Дааа?! – Ольга с трудом смогла удержаться, чтобы не ляпнуть глупость. – Вот гад, и его тоже?!

Сокол с сомнением покосился на Змею.

– Он многих убил. Но не так, как Волка или Рыбу. Просто убил, вынул духа, а кинжал спрятал. На его счету уже десять наших братьев, и это лишь те, о ком точно известно, что погибли от его клыков. Многие остались кто без Мастеров, кто без Учеников. Но ему особо нравится убивать парами. Сама понимаешь, свидетелей не остается. Можно все списать на Ловчих и Стаю.

Пернатый говорил спокойно, но чувствовалось некое напряжение в его голосе, и Ольга не могла понять, что это: страх или гнев. Они некоторое время молчали, размышляя каждый о своем. Наконец, Сокол поднялся, собирая свиток обратно в тубу.

– Пойду, отнесу в хранилище, а ты спи. Поздно уже.

Снег падал большими липкими хлопьями. В тишине казалось, что слышен мягкий звук, с которым он касался земли. С утра земля промерзла и белая шаль ровным слоем укрывала землю, нанизывалась на колкую жухлую траву и медленно оседала, превращаясь в стылую влагу. Змея стояла рядом с избою, что еще не стал ее домом, но уже перестал быть тюрьмой, и наблюдала, как молодые йоки тренируются, поблес-

кивая на морозе упругими, потными от напряжения телами. Босые, пышущие паром мальчишки, кружились вокруг Учителей, понукаемые Соколом и Ежом, что, стоя в центре круга, орудовали плетьюми со стальными жалами на конце. Задачей щенков было увернуться от раздвоенного “змеинового языка”, который нещадно рвал мягкую плоть, коли та попала на пути, и при этом не выйти из круга. После Ученикам выдали копейные древки, утяжеленные, она знала, стальной сердцевиной, и те стали отрабатывать групповое нападение. Это было красиво – слаженный танец десяти юношей. Красиво и опасно. Змея вдруг почувствовала острое желание присоединиться, но сдержалась, поплотнее закутавшись в дорогой полушубок – подарок чудного Барсучка – лишь подошла ближе и присела неподалеку на скамью. Ее заметили.

– Ну, как они?

Олга косо глянула на подошедшего Сокола, чтобы удостовериться, не шутит ли он, спрашивая ее мнения. Он глядел на щенков, слегка улыбаясь. Настроение Змеи совсем испортилось, и поднявшаяся невесть из каких глубин злость осела горьким привкусом на языке. Она окинула взглядом сражающихся, подмечая ошибки, и намеренно громче, чем требовалось, произнесла:

– Ужасны.

Ученик, что стоял в центре, сбился, и тут же получил острием древка в плечо. Потирая ушиб, он вышел из круга,

злобно косясь на Олгу, а та в ответ лишь надменно хмыкнула. Сокол внимательно поглядел на нее.

– Ты действительно так думаешь?

– Да. Сколько лет учится тот, кого только что поколотили?

– Три года.

– И он до сих пор не прошел инициацию именем?

– У нас это происходит на четвертый год.

Она презрительно вскинула брови.

– Так почему же они ужасны?

Олга встала и подошла вплотную к щенкам, что прекратили тренировку и с недовольством, а кто и с ожесточением, взирали на нарушительницу порядка. Она окинула мальчишек неприязненным взглядом и заговорила, беспардонно тыкая пальцем.

– Когда я сказала обидные слова, большинство из них сбились. Ты, ты, те двое и вон тот, чье имя Мотылек. Кто удивился, кто разозлился... и потерял контроль над ситуацией. Это непростительно, а в бою может кончиться смертельным исходом. Более того, – она повернулась к Ежу, что, скрестив руки, сверлил ее злобным взглядом, – отреагировал и сам Учитель, что меня удивило до крайности. Это вдвойне непростительно. И не стоит так на меня смотреть, Еж, меня таким взглядом не проймешь. В общем, я не удивлена, что Лис убивает вас, как мух.

– Можно подумать, ты, девчонка, много знаешь. Руки-то не короткие, кидаться такими словами? – грозно сдвинул бро-

ви Еж.

Змею вдруг охватило неудержимая жажда вцепиться этому наглецу в глотку. Глаза ее превратились в две узкие злые щелки, поблескивающие яростным огнем.

– Да уж подлиннее твоих будут.

– Неужто и правда она лучше нас? – тихо проговорил кто-то, неуверенно понижая голос.

– Конечно лучше, – без тени бахвальства заявила Ольга, – лучше вас всех. Даже лучше его.

Она обернулась к Соколу, ткнув в него пальцем, и по каменному выражению лица поняла, что сказала лишнего. Тот, зыркнув на щенков так, что они отскочили прочь, взял ее под локоть и отвел в сторону.

– Они мои Ученики. Зачем ты говоришь им такое? Хочешь, чтобы они перестали меня уважать?

– Прости, – злость клокотала в ключицах, не желая отступать, – такого больше не повторится.

Он больно сдавил ее руку, не веря притворному раскаянию.

– Думай, прежде чем говорить.

– Хорошо. Отпусти, мне больно, – процедила она в ответ.

Сокол разжал пальцы.

– А теперь ступай на кухню, женщина. Мужчины хотят есть.

Змея в очередной раз пронзила своего надзирателя раскаленной иглою яростного взгляда, но перечить не стала.

Луна муравленым⁵¹ пряником повисла над спящим поселком. Редкие облака серебристой паутиной напоздали на звезды, но ветерок утаскивал их прочь и прятал в неведомые закоулки. Снег, выпавший под вечер, все так же покрывал мерзлую почву, отражая неяркое сияние, льющееся с небес. Удар, еще удар! Деревянная бита вибрировала, недовольным гудением отвечая на каждое прикосновение ее кулака и ноги. Змея бесшумно скользила вокруг столба и яростно била бесчувственный снаряд, пытаясь успокоить душившую ее ярость. Даже колючий морозный воздух не мог остудить внутреннего жара, что сушил гортань при каждом резком выдохе, потребном для удара. *Да как он смел, пернатый гад?! Возмущение клокотало внутри, словно кипящая в чаше смола. Мне грозить! Да я твои угрозы... тебе... Сукин сын! Мне это необходимо! Идиот, как он этого не понимает! Мне необходим бой!* Она с силой всадила кулак в биту, и та надсадно крякнув, треснула.

– Молодец, красотка, – язвительно хмыкнул кто-то, удостоив великолепный удар редкими, но звучными аплодисментами. Она даже не обернулась на голос. Выпрямилась, посасывая разбитые в кровь костяшки, и холодно спросила:

– Чего тебе?

– Хочу проверить на деле твои нескромные утверждения.

Она нарочито медленно обернулась, внимательно огляды-

⁵¹ муравленный – глазированный.

вая всех собравшихся позади Ежа.

– А щенков зачем притащил? Помогать проверять?

– Нет, мы сами пришли, – возмущенно крикнул кто-то из пятерки Учеников, столпившихся на соседнем взгорке. Йок криво усмехнулся, но Ольга поняла, что вопрос задел его гордость.

– Ты похожа на него.

Она вскинула голову, внимательно глядя на своего противника. Тот приближался к ней непринужденно, но тщательный просчет и оценка сквозили в каждом его шаге. Он действительно собирался нападать.

– На того, кто учил тебя.

Ольга насторожилась. Странное чувство, неприятное и тревожное, зашевелилось где-то под сердцем.

– Что с тобою не так?

Он замер на миг, слегка озадаченный, но, отбросив сомнения, сделал еще шаг и остановился на расстоянии вытянутой руки.

– Ты злишься, женщина? Я вижу, что это так. Где же твое хваленое спокойствие?

– Что с тобою, Еж? – она пыталась разглядеть причину, напрягая до боли глаза, но не видела ровным счетом ничего.

– Что со мною? – раздраженно переспросил йок, сверкая черными глазками из-под низких бровей. – В данный момент ничего особенного. Разве что уж очень сильно хочется избить тебя до полусмерти, а потом чуток поглумиться. Разве

не так с тобою поступал Лис?

Последнее слово он будто выплюнул, столько ненависти и яда было в нем. Змея сделала молниеносный выпад, всадив растопыренные пальца под диафрагму противника, зацепила, словно крючьями, блуждающие ребра и с силой вдавила, провернув. Кости затрещали, ломаясь, но Еж, скрипнув зубами от боли, все же смог оторвать повисшую на нем Змею, нанеся ей ответный удар по почкам. Он был силен, намного сильнее запечатанной Ольги, и она, разжав пальцы, отлетела в сторону, но тут же, сгруппировавшись, припала к земле и, не выпуская йока из поля зрения, ринулась во вторую атаку. Он успел достать меч и отвести ее безоружный выпад, но Змея не испугалась. Наоборот, эта короткая уловка помогла ей оценить неприятеля. Ему было больно двигаться, и боль, похоже, не проходила, делая неуклюжими, а также замедляя слишком быстрые для Змеи движения врага. *С ним явно что-то не так.* Эта мысль мешала ей получать наслаждение от поединка и заставляла искать пути для скорейшего его завершения. Она поднырнула под меч, ухватила запястье, державшее оружие, и всадила локоть в ребро, вгоняя осколок кости еще глубже во внутренности. Еж застыл, сжав зубы, на которых запузырилась кровь, и выпустил клинок. Змея ловко перехватила рукоять и, слегка толкнув йока, подставила ему подножку, выведя неприятеля из равновесия. Еж упал, но тут же попытался откатиться в сторону, чему помешало приставленное к его шее холодное лезвие.

– Так что ты там хотел со мною сделать?

Резкое, сильное движение, и меч пригвоздил левое плечо йока к земле. Еж лишь скрипнул зубами, но промолчал, смачно харкнув кровью.

– Постой, – один из мальчишек бросился к ней, ухватил за руку. – Прошу! С ним так нельзя!

– Прочь, щенок! – она отшвырнула парня и, поставив ногу на поврежденную грудину, склонилась над Ежом.

– Так что же с тобою не так? – и надавила. Нелюдь силился сдерживать стон, но это плохо у него получалось.

– Хватит!

Снежок разбился о голову Ольги, холодная крошка посыпалась за шиворот. Она отскочила в сторону, с шипением пытаясь стряхнуть снег со спины. Сокол стремительно приближался, и, судя по тому, как он это делал, его гнев не ведал границ.

– В избу, сей же час! – прогремел он.

– Слабак, – презрительно фыркнула она в сторону Ежа, проходя мимо Сокола. Пернатый проводил ее укоризненным взглядом, покачав головой, после чего склонился над йоком, осматривая раны.

– Сколько раз я говорил тебе, дурень, не дразни Змея. Огреб, идиот?

Еж болезненно скривился, когда Сокол выдернул меч из плеча.

– Отнесите его в дом, только аккуратно.

– Ты что творишь? Совсем ополоумела?

Сокол мерил комнату широкими, нервными шагами и активно размахивал руками, совершенно потеряв самоконтроль. Ольга, поджав по-такарски ноги и скрестив на груди руки, восседала на кровати, словно на троне, заносчиво вскинув подбородок без тени страха во взгляде.

– Еж сам виноват. Не стоило мне угрожать.

– А где же, черт побери, твое хваленое самообладание. Еж – идиот, помешанный на мести. Это ясно. Но ты! Раньше я был более уверен в твоём... в твоём уме. Теперь же... – он вдруг остановился и, внимательно вглядываясь, спросил уже более спокойно, – ты зачем это делаешь, а? Меня позлить?

Она молчала, разглядывая собственные ногти.

– Радуйся, у тебя получилось. Довольна? Я тебе говорил, не ходи одна? А насчет крутого нрава моих братьев предупреждал? Почему, ну почему ты меня не слушаешь? Жить надоело? Слава небу, что в деревне нет никого из Мастеров. Прекрати ковырять в зубах, когда я с тобою говорю!

Сокол грозовой тучей навис над нею, меча глазами молнии.

– Я тебе запретил ходить на тренировки. Почему нарушила мой запрет?

– Там никого не было. Ночь на дворе, между про...

– Отвечай на вопрос! – рявкнул он.

Змею вдруг охватил приступ жгучего отвращения к этому

нелюдю и желание сделать его состояние еще более невозможным.

– Мне это необходимо, – процедила она сквозь зубы.

– Зачем?

– Потому что я так хочу!

– Ах, ты хочешь! Запомни, здесь не имеет значения, хочешь ты или нет. Ты просто выполняешь мои приказы. Беспрекословно! Я понятно объясняю?

– Да что же это такое! – взъерилась Ольга, вскакивая на кровати. – Все, кому не лень, стремятся подчинить меня! Надоело подчиняться глупым приказам.

– Не забывай, где ты!

– Не забывай, кто я!

Сокол на миг замер, будто впал в ступор. Струи воздуха со свистом ходили над его верхней губой, ноздри вздувались и опадали, на сжатых кулаках побелели костяшки, волосы встопорщились больше обычного, рот исказил гневный оскал. Ольга впервые видела своего надзирателя в таком бешенстве, но не пугалась, лишь еще больше ярилась.

– Я никогда не буду смиренной пленницей. Я – Великий Дух! – чеканя каждое слово, горделиво проговорила она. Йок схватил Змею за грудки и вдавил в кровать, обдавая ее лицо горячим дыханием, что смердело кровью больше, чем когда-либо. Но Ольга не поморщилась, лишь сжалась, готовая к драке, и впервые за весь разговор поймала его взгляд. Наученная горьким опытом, она ожидала увидеть там что угод-

но: ненависть, ярость, отвращение – но только не отчаяние и боль. Сокол резко выдохнул, медленно сморгнул и, отпустив ее, выпрямился:

– Убирайся!

– Что? – она резко села, глядя на Пернатого, как на умалишенного.

– Я сказал, убирайся. Уходи отсюда. Тебя никто не задержит, ступай. Я не могу тебя убить. Не могу и нарушить обещание и позволить это сделать другому. Но у меня больше нет сил терпеть все это. Твоя гордыня беспредельна! Пусть меня накажут. Все легче, чем ходить при тебе надзирателем. Знаешь, я даже заужавал Лиса. Это ж какую выдержку надо иметь, чтобы жить с тобою и не пришибить тебя насмерть.

Он поднял с пола куртку, накинул ее на плечо и вышел вон, хлопнув дверью. Ольга некоторое время глядела на ключи от оков, что поблескивали на полу, отражая неверный свет лучины, и слушала скрип снега под сапогами Сокола. А в сердце звенела странная пустота. И не было радости от столь легко обретенной свободы, не было ликования и веселья. Не было и обиды. Как некогда, распрощавшись с Лисом, чтобы вернуться к семье, так и сейчас на душе тяжелым камнем лежала тоска, невыносимая и сосущая чувства, будто огромный ненасытный клещ. Змея даже не сразу заметила, что лицо ее мокро от слез, а, обнаружив это, немало удивилась и расстроилась. Неужели она столь сильно привязалась к этому месту, и – Ольга испуганно вздрогнула – к этому

нелюдю, что надзирал над нею, как самый строгий и исполнительный тюремщик? Она свернулась калачиком на смятой постели, уставившись в темноту, и, кажется, задремала, потому что привиделось ей, будто отец сидит за столом и что-то пишет. Ольга жалобно окликнула его, он повернулся и одал ее теплой и заботливой улыбкой, после чего снова принялся за бумаги. Змея очнулась в полной темноте – лучина успела прогореть – и села на кровати, лихорадочно пытаясь определить, сколько времени она блуждала в сумерках собственного сознания. Может час, а может и десять минут, по крайней мере, ночь за окном посерела, предвещая восход. Ольга затеплила свечу, подняла с пола ключи, сняла браслеты, аккуратно сложила их на подушку и замерла, не зная, как справиться с ошейником. Именно в этот момент дверь в горницу чуть приоткрылась, и в щель опасливо просунулся сначала нос, а затем и ушастая голова Мотылька.

– Эээ, Мастер? – он внимательно оглядел Ольгу, пытаясь уловить признаки гнева или безумия на скорбном лице. Не заметив ничего подозрительного, он бочком просочился в горницу и замер, готовый в любой момент удрать, откуда пришел. Только тогда мальчик заметил браслеты на подушке, и его брови удивленно и испуганно поползли вверх. Ольга как-то виновато улыбнулась и извиняющимся тоном произнесла.

– А меня вот... выгнали. Совсем, говорит, убирайся. А добро сдать надо на склад. Не сможешь снять кольцо с шеи?

– Не могу, – опешив от такой новости, заговорил Мотылек. – И никто не может, разве что кузнец. Там в замке секрет – сосуд “белой крови” впаян. Такой ошейник носят особо провинившиеся и буйные. Чем смиреннее дух, тем жиже “кровь”. В конце концов, она вытекает и замок открывается. И наоборот, чем яростнее нрав, тем тверже металл, и тем крепче замок. А как выгнал? Кто? Мастер Сокол?

Олга кивнула, теребя драгоценное кольцо на своей шее. Мысль о том, что эту цацку, похоже, с нее никогда не снимут, повергла Змею в уныние.

– Странно, то-то он такой сердитый был. Но это потом... я, это, пришел за помощью. Очень нужно. Не откажите... Великий Дух.

– А что случилось? – наконец опомнилась Олга.

– Там Еж... в общем... ему плохо.

– Неужели? Совесть замучила?

– Да нет, раны.

– Постой, – она непонимающе мотнула головой, – какие раны?

– Все те же.

– Ты хочешь сказать, что те синяки, что я наставила этому дурню, до сих пор кровоточат?

– Да! – выдохнул Мотылек и затараторил, сбиваясь и путаясь от волнения – Он в ужасном состоянии, кровь так и хлещет. А его дух слаб, ничего не может сделать. Сокол хочет резать...

– Умолкни! – прикрикнула на него Змея, хмуря брови. – Почему дух слаб? Что с этим йоком не так?

– Да как же, Мастер, вы действительно не знаете? Это же на Еже Предатель... ну, Лис... впервые опробовал свой способ... полного убийства, только не завершил до конца начатое. Теперь Ёж... он... как увечный. Калека духа.

Олга задумалась. Ей вдруг стало понятна причина злости этого несчастного нелюдя, и ее необычные чувства во время боя. А вместе с пониманием пришло и жгучее любопытство, как же рыжий ублюдок сумел сделать такое с йоком, и что же он, в конце концов, сделал.

– Ну хорошо, веди, – она сунула ноги в шерстяные карпетки, – погляжу, чем там можно помочь.

Пернатый добрел до колодца в центре деревни и остановился, тяжело опершись на обшитые мрамором борта. В глубине поблескивала черная и жирная во тьме вода, отражая звездное небо. Он некоторое время бездумно глядел в темную дыру, потом резким движением снял с кромки колодца снег и растер его по лицу.

– Мастер, – окликнул его сзади взволнованный голос. – Мастер, я вас искал. Там Еж... ему плохо.

Сокол выпрямился, грозно сведя брови, и зашагал к избушке собрата. Ученик бежал следом, продолжая говорить.

– Она сломала ему ребра, и осколки прошли оба легких. Он бы смог сам восстановиться, но кость расщепилась. У

него в животе теперь решето, и кровь хлещет через все дыры, мешает дышать. Его дух не справляется... Учитель, он что, умрет? – тихо, будто нечто чудовищное слетело с его губ, спросил мальчик. Пернатый, открывая дверь, недовольно глянул на Младшего, но смолчал. *Он давно умирает.*

Еж лежал на кровати. Его хриплое, свистящее дыхание было слышно еще из сеней. Увидев Сокола, двое Учеников, менявших бинты, почтительно отступили, уступая место Старшему. Тот присел рядом с пускающим красные пузыри йоком и, взглядевшись, тяжело вздохнул.

– А, пришел, защитник слабых и угнетенных, – Еж поднял припухшие веки и разразился кашлем, забрызгав гостя и подушку кровавой слюною.

– Помолчи, – раздраженно оборвал его Сокол, водя рукою над тугим напряженным животом, после чего стряхнул ладонь и устало потер ею глаза. – Придется резать, чтобы вынуть осколки. Ты выдержишь?

Еж закатил глаза, дескать, откуда мне знать, после чего вновь сплюнул кровь в подставленную мальчиком миску. Пернатый покачал головой.

– Эх, Иголка, и какая муха тебя укусила?

– И ты спрашиваешь меня об этом? Ты, чей Учитель погиб страшной смертью от руки предателя крови! – внезапно разъярился Еж. – Я имею право мстить. Я хочу отомстить этому подонку за то, что он сделал со мною!

В комнате повисла тяжелая, пропитанная запахом нечи-

стой крови тишина.

– Мастер, – решился наконец прервать гнетущее молчание Мотылек, что стоял все это время у двери, наблюдая за разговором Старших.

– Да? – рассеянно обводя глазами комнату, спросил Сокол.

– Мастер, эта девушка – она действительно Великий дух? Еж презрительно хмыкнул, Пернатый наконец-то сосредоточил взгляд на говорившем.

– Да, несомненно.

– Я думаю, нам следует обратиться к Змее за помощью. Раз она смогла сломать, значит, сможет и исправить.

– Что ж, – Сокол внезапно стал язвительен, – хорошая идея. Иди, пригласи ее сюда. Я думаю, она получит удовольствие, добывая этого дурака.

Еж фыркнул, но смолчал. Мотылек сердито глянул на Старших и вышел за дверь.

– Инструменты принеси, – крикнул ему вдогонку Сокол и снова повернулся к раненому.

– Значит месть, и ничего больше... Что ж, я понимаю тебя, – примирительно заговорил Сокол, утирая кровь, проступившую на губах раненого, – но причем здесь девушка, причем здесь Змея?

– Ты не встречался с ним, оттого тебе вряд ли будет ясна причина, – безрадостно хмыкнул Иголка. – Но я видел его, я наблюдал, как он победил моего Учителя, я сам дрался с

ним. Он одержимый. Его страсть – убийство себе подобных. Он ненавидит расу, к которой принадлежит. Он ненавидит нас!

Еж закашлялся. Когда приступ удушья прошел, он продолжил тихим но очень злым голосом:

– При чем здесь Змея? Я скажу тебе. Она его женщина. Его порода. Я это сразу понял, как только увидел ее. А сегодня убедился окончательно. Ее характер, ее манера говорить, драться – всюду чувствуется его влияние. Она просто отражение этой скотины. А теперь представь, насколько она дорога ему – бесценная, идеальная игрушка, божественная и прекрасная кукла, единственное существо в мире, которое *уже* превзошло Учителя, но все равно всегда будет под полным его контролем. Теперь ты понимаешь, почему я так хочу убить ее? Это причинит ему невыносимые муки ярости, неудовлетворенного желания, боли. О, да! Я хочу, чтобы ему было так же больно, как и мне.

– Что ж, это твое право, – пожал плечами Сокол, – вот только кое в чем ты ошибся. Она не убийца, и она уже не его женщина.

– А чья же? – криво усмехнулся Еж.

– Моя, – тихо и без особой радости произнес Пернатый, с тоскою глядя в стену. Раненый йок громко и с надрывом захохотал, но его смех быстро превратился в булькающий кашель, после которого он смолк, страдальчески кривя губы.

– Да, моя, – тихо, как бы самому себе, подтвердил Сокол.

Дверь отворилась, впус­тив хо­лод со двора и запах – тон­кий, но столь зна­ко­мый и вол­ну­юще-горь­ко­ва­тый аро­мат по­лы­ни. Со­кол об­ер­нул­ся, удив­лен­но и в то же вре­мя не­до­воль­но сдвинув брови.

Змея не­ко­то­рое вре­мя сто­яла у порога, ск­во­зь при­щур рас­сма­три­вая ле­жа­ще­го на кро­ва­ти не­лю­дя, тот в свою оче­редь свер­лил го­стью не­до­воль­ным и злым вз­гля­дом. По­том она все же присе­ла на кро­ва­ть, мяг­ко от­тес­нив с мес­та Со­ко­ла, и при­ня­лась зря­чи­ми паль­ца­ми изу­чать по­вре­жде­ния. Еж зары­чал:

– Я не жа­лаю...

– Умолкни, – ре­зко об­ор­вала его Змея, не пре­кра­щая вдум­чи­во про­щупы­вать ра­ну.

– Если бы не ошей­ник, – ти­хо про­го­во­ри­ла она, от­во­дя ла­доть, – я бы, воз­мож­но, мо­гла что-то сде­лать так, без опе­ра­ции. Но раз его не­воз­мож­но снять, – она ко­рот­ко гля­нула на Со­ко­ла, но тот ни­че­го не от­ве­тил, – то при­дет­ся ре­зать.

Она сняла с се­бя че­ты­ре пе­ча­ти, но Змей да­же и не ду­мал про­сы­пать­ся. К Ол­ге вер­ну­лась ее бы­лая под­виж­ность, лов­кость и ско­рость, ча­сти­чно – си­ла, ча­сти­чно – воз­мож­ность ви­деть лю­дей и не­лю­дей на­ск­во­зь, но уме­ние ис­це­лять до сих пор пол­но­стью по­дав­ля­лось. По­вто­рить то, что она сде­ла­ла на о­зере с Да­ри­ми­ром, ей вряд ли уда­ст­ся, осо­бен­но с тре­кля­тым ошей­ни­ком, что мешал в выс­шей сте­пени не толь­ко ле­чить, но и ды­шать нор­маль­но. Но то, че­му обу­чи­ли Ол­гу мо­на­хи, ни­ку­да не де­лось. Зна­ния и уме­ния, что вби-

вались в шкодливый детский ум, всегда были при ней. Мотылек разложил на столе острые бритвы, отточенные ножи, иглы и нитки, принес бутылку со спиртом. Змея отхлебнула, прополоскала рот и, сплюнув, склонилась к шее раненого. Еж вздрогнул, и, брезгливо морщась, попытался отстраниться, заметив удлинившиеся клыки под нежными и мягкими губами ненавистной девки, но Ольга схватила того за нос и с силой всадила сочащиеся ядом костяные жала в дрожащую под тонкой кожей артерию. Еж только и успел, что удивленно ойкнуть, и обмяк. Змея довольно ухмыльнулась и, вымыв руки, приступила к операции.

– Великолепна!

Намма, стоя на взгорке, наблюдал за тем, как щенки, скалясь и подбадривая себя воинственными криками, вертятся вокруг проворной Змеи, пытаясь пробить ее защиту. По уши вымазанные в грязи, напряженные, веселые и злые, мальчишки как мячики отлетали от копейного древка, со свистом рассекавшего воздух, тут же вскакивали и снова кидались на чересчур ловкого противника. Над толпой, как стая ворон над помойкой, летали гневные окрики: Чурбан ты этакий! Крепче держи меч! Я тебя, дурень, так учила? Выше и локти сведи, идиот! Ты что, совсем кретин, в лоб идти на противника, что сильнее тебя? Обводи, тьма тебе в печень!

– Даже в печатях и с ошейником ее навыки чище, чем, скажем, у тебя.

Намма повернулся к Соколу, тот лишь смиренно пожал плечами, вдумчиво любуясь боем.

– Знаю.

– Как давно ты допустил ее к щенкам.

– Как только снег сошел. Второй месяц она их мутузит.

– Да уж, – Медведь запустил пальцы в густую, отросшую за долгое время странствий бороду и со скрипом почесал. – И как успехи?

Сокол поглядел на намму и улыбнулся:

– Она великолепна!

Тот нервно хмыкнул, сурово сведя густые брови к переносице, и вновь глянул на площадку. Правила игры изменились: Ученики принялись колошматить друг друга, а Змея, прохаживаясь между парами, изредка прикладывала особо ленивых палкой по крестцу, но неизменно попадала чуть ниже, при этом довольно скаля белые зубки.

– Хочешь отстранить ее от тренировок? – поинтересовался Пернатый.

– Нет. Пусть учит. Если встретят Лиса, хотя бы будут знать, с кем имеют дело. Это полезно.

– Я тоже так подумал.

– А ты... – он осекся, – ты исполнил то, ради чего мы ее здесь оставили.

– Нет, – холодно ответил Сокол, – она не врала, когда говорила, что бесплодна. Я осмотрел Змею. У нее внутри и правда все мертво. Холод и пустота.

Змея наконец отпустила мальчишек в лес на пробежку и, подняв голову, встретила глазами с главою клана, что даже не снял еще походной торбы и амуницию, вернувшись в поселок. Некоторое время они пристально изучали друг друга, после чего Змея молча поклонилась намме, как того требовали приличия, и направилась в кухню распорядиться, а то и помочь с обедом. Медведь задумчиво проводил ее взглядом.

– Что ж, ничего хорошего в этом нет... Ты за ней по-прежнему приглядываешь?

– Издалека. Зимой у нас вышел небольшой разлад. Теперь она живет одна.

Медведь удивленно приподнял бровь и ухмыльнулся.

– Разлад? Удивительно... – потом вновь стал суров и задумчив. – Я вот никак не пойму. Имея такую силу и мастерство, почему она до сих пор не сбежала?

– Может, ей просто некуда бежать, – проговорил Сокол, умолчав о том, что пытался выгнать её прочь. В голосе его прозвучала чуть заметная грусть.

Ящер, что стоял чуть поодаль, позади своего Учителя, накручивая длинные усы на тонкие пальцы, не сводил пристального взгляда с поединщиков, и его единственный глаз лучился жгучей ненавистью.

– Эй, вы здесь? – Мотылек, чуть приоткрыв дверь, просунул голову в образовавшуюся щель. Цепкие пальцы ухватили его за ухо и с силой втянули в темнушку. Он стерпел и

не вскрикнул, не впервой ему было терпеть щипки да тычки от своего наставника. Змея настороженно прислушалась, нет ли кого поблизости, и повернулась к нервно сопящему Ученику, уставившись на него своими горящими в темноте неосвещенной клетки глазами.

– Ну, видел его?

– Да, только поговорить не смог.

– А что случилось?

Мотылек, теребя подол своей рубахи, принялся шептать:

– Мы пришли в приют, сдали старшему груз, и, как водится, остались на обед. Беловолосый, как его там... Дарим был за столом, и, вроде, выглядел нормально, но после трапезы куда-то испарился. Я пошел его искать, а наткнулся на эту мерзкую девчонку.

– Оракула?

– Угу. Она мне велела передать, чтобы вы не смели искать встречи с шептуном. Сказала, что тот сам придет, когда будет нужно. А еще она грозилась, что если вы не выполните этого требования, то Лис добьет парня. И добавила, что Рыжий не знает ничего о Дариме и потому из ревности может наломать дров.

– Так и сказала?

– Угу, я ничего не понял, но Оракул просила передать все слово в слово. Вот я и передаю. Я думаю, вам не стоит туда соваться в праздник равноденствия.

На время золотые глаза, прикрытые веками, перестали

своим мерцанием смущать Мотылька. Змея задумчиво потупила взор. Альбе она доверяла не больше, чем его, точнее ее брату. *У них в крови вранье да увертки.*

– Что ж, спасибо, ступай, покуда нас здесь не застукали, – и она сверкнула белозубой улыбкой. Мотылек смутился еще больше и выскочил вон, будто за ним гнался осиный рой.

– Праздник? – Ольга приподняла бровь, наигранно удивляясь тому, что давно не было для нее новостью.

– Да, – Сокол оперся спиной о битую, скрестив руки на груди, – шептуны склонны к мистериям. Они, несмотря на свое безумие, а, может, и благодаря ему, умеют брать силу у природы. Тем и живут. Чудные, честное слово! Но танцуют хорошо. Ты же любишь танцевать?

– С чего ты взял? – небрежно спросила Ольга, счищая засохшую кровь с тренировочного меча.

– Ну, – внешняя невозмутимость йока давно не застила Змее глаза – Сокол слегка смутился, отвечая, – я видел тебя в круге огня. Ты очень... хм, страстно танцевала.

– Так это тебе я обязана своим пленом? – усмехнулась Змея.

– Вообще-то Ящеру, – холодно парировал Пернатый, – он у нас глазастый... был.

Ольга вновь хмыкнула, но смолчала. Она и сейчас не жале-ла о том, что лишила неумного гордеца и злобного грубия-на глаза. Все равно рано или поздно вырастет, а наука оста-

нется на всю жизнь.

– Ну, так что же, ты согласна пойти?

Не уверена, что мне там будут рады, подумала она, но вслух произнесла:

– Что ж, прекрасная возможность вновь почувствовать себя человеком.

Сокол недовольно скривился, но вскоре его черты разгладились, и он заулыбался.

День равноденствия выдался знойным и безветренным. Ольга невольно вспомнила Тавробу, сжигаемую нещадным южным солнцем. Здесь же, помимо удушающего жара, в воздухе стоял густой аромат чужеземных трав и цветов, а на коже в невероятных количествах собиралась испаряемая с земли влага, так что даже йоки, не склонные к потливости, ходили, будто только что вынутые из речки, где купались, по видимому, в одежде. К обеду молодняк и кое-кто из Старших собрались у дома советов, с воодушевлением обсуждая предстоящий праздник. Ольга, страдая от жары в своей долгополой рубашке, отмечала про себя, что и нелюди умеют испытывать радость. Значило ли это, что их мрачные маски хладнокровных убийц предназначались лишь для людей? Скорее всего, да. Но, черт побери, как же мастерски они исполняли свою роль! А здесь, на проклятом острове, сокрытые от досужей толпы, они были куда человечней, чем говорила о них народная молва. Значит ли это, что Лис не исключение из

правил? Змея задумчиво почесала кончик носа. Мысли об Учителе более не вызывали в ней жгучей боли и ненависти. За почти что полный год, прожитый вдаль от Рыжего, сердце обросло толстой коркой из спекшихся эмоций, и она, наконец, смогла почувствовать разницу между йоками и Старшим. А отличие заключалось в следующем: Лис имел цель. Совершенно невнятную для Змеи, и, скорее всего, именно по этой причине все его поступки выглядели для нее как некое безумие, набор случайных, не связанных между собой действий. Чем больше Ольга думала над этим, пытаясь понять логику нелюдя, тем меньше понимала смысл его цели. Либо Лис был величайшим манипулятором, либо чокнутым. И то, и другое подтверждало его гениальность. И, самое примечательное, что этот темный гений, сам того не подозревая, подарил вполне человеческий смысл целой расе: найти и убить его, предателя крови и духа. Вот почему ломались печати и срывались затворы, давая дорогу ярости, страху, одержимости и жажде желать, вот почему Творец так долго хранил изгой от шальной стрелы, даруя ему удачу. Йоки недооценивают своего взбунтовавшегося собрата. Освобождение от чужой воли, навязанной таинственными оракулами, возвращение энергий к иссыхающему истоку... от этих мыслей кружилась голова, и мир начинал распухать до таких размеров, что разум не способен был охватить его целиком. *Все должно быть проще. Намного проще.*

– Что проще?

Олга вздрогнула, возвращаясь из лабиринта мыслей. Сокол возвышался над нею, загораживая солнце.

– Я что, сказала это вслух? – обеспокоено произнесла она. – Мерзкая жара!

– Стоит ли прекрасной девушке чернить свои уста столь гнусным словом? – наклонившись, ласково проговорил Сокол. Змея покосилась на него как на сумасшедшего, но неожиданно осознала, что слова Пернатого были ей приятны, и улыбнулась. Нелюдь некоторое время молча глядел на нее, а потом сказал каким-то странным голосом:

– Впервые вижу твою улыбку, а не оскал.

Она сдавленно хрюкнула, а после, уже не сдерживаясь, засмеялась весело и заливисто. Голоса на площади смолкли, и все йоки удивленно воззрились на Змею. Мальчишки переглядывались, несмело улыбаясь, Мастера прятали одобрительные ухмылки под масками строгости и некоторой надменности. Сокол, подхватив Олгу под локоть, потянул ее вслед за отрядом, что неспешно удалялся в сторону леса.

Они добрались до знакомых развалин к вечеру. Солнце уже перестало жечь несчастную землю, жара спала, разгоняемая легким бризом, что здесь, вблизи от моря, продувал сильнее, нежели в глухой чаще. Змея и Сокол отстали в конце пути от основной группы, она – из-за того, что обнаружила целебную травку, он – потому что не отходил от нее ни на шаг. Олга отыскала в зарослях неглубокую криницу,

облагороженную мрамором и мозаикой, изображавшей лик не то властителя, не то духа. Усевшись на скамью под навесом из вьюнка, она принялась раскладывать на коленях срезанные соцветия герани и лобелии. Пернатый склонился над водою, наполняя поясной бурдюк. Голову они вскинули одновременно, моментально реагируя на движение. Человек, что беззаботно шагал по тропинке, остановился, испуганно прижимая к груди сумку, и уставился на Сокола. Змея, сокрытая навесом, вздрогнула, с трудом узнав в мужчине на дорожке Даримира, и поспешно вышла из тени. Он больше не сутулился, отчего выглядел намного выше и увереннее, чем раньше, плечи стали шире, тело налилось силой – некогда болезненный и хилый, теперь он был более похож на мужчину, правда, на его лице все еще проглядывали следы измождения и безумия. Но то, как повел себя шептун, удивило Ольгу до крайности. На лице Дарима одно за другим сменялись выражения удивления, радости, замешательства, страха, и, в конце концов, он глянул на нее так тоскливо, будто зверь, давно запертый в клетку строгим надсмотрщиком. Затравленно озираясь, шептун отступил на шаг и нырнул в кусты. Ольга кинулась следом, но тут же из зарослей послышалось предупреждающее рычание и, раздвигая массивной мордой листву, навстречу ей вышел огромный волкодав. Змея остановилась, недоверчиво глядя на вершковы клыки. Сокол отгеснил ее, загородив от пса, что, при виде йока ощетинился еще больше.

– Тихо, Мелкий! – раздался звонкий оклик с тропы. Пес с достоинством поднял голову, не переставая внимательно следить за противником, и медленно, по большому кругу обойдя Сокола, направился к хозяйке. Ольга узнала тонкий детский голосок и приготовилась:

– Тот щенок разве не передал тебе мои слова? – Альба, нарядная, как майский шест, уперев руки в боки, недовольно воззрилась на Змею. – Или тебе совсем не жалко этого мальчишку?

– Я тебе не доверяю.

Девочка недовольно сморщилась.

– Ой, как будто у тебя есть выбор. Ты, наверное, плохо поняла, я поясню. Это была не просьба, а приказ. Здесь моя территория и йоки этого острова уважают мою волю. А уважение это растет из того, что я опекаю шептунов. И если я говорю, что тебе нельзя сюда соваться, это означает одно: тебе нельзя сюда соваться! А теперь проваливай.

Змея скрипнула зубами, сдерживая злость.

– И еще, – девчушка ткнула в ее сторону указательным пальцем, а после похлопала себя по ключицам, намекая на ошейник, – помни о смирении. Тебе его недостает... как и Лису. Яблоко от яблони, чтоб вас волки съели!

Ольга сжала кулаки, глядя в спину удаляющейся фигурки. Тяжелая ладонь легла ей на плечо.

– Пойдем, – мягко позвал Сокол, – я думаю, стоит ее послушать.

И Змея повиновалась. Они шли молча довольно долго, куда она не споткнулась о корень дерева. Йок подхватил ее и попытался поставить на ноги, но колени у Ольги сделались ватными и не держали вес тела.

– Да что с тобой такое? – опуская ее на землю, недоуменно воскликнул Пернатый.

– Это невыносимо, – дрожащим голосом начала Ольга, закрывая лицо ладонями. – Все кому не лень жаждут подчинить меня своей воле. При этом глубокомысленно твердят мне о смирении. Но почему, ответь мне, почему я должна слушать тех, кому совершенно не доверяю?

– А ты вообще кому-нибудь доверяешь? – мягко беря Змею за руку, осторожно поинтересовался Сокол. Та бросила на него недовольный взгляд и вновь опустила глаза.

– Ты прав. Но как можно... Вокруг одна опасность, одно зло и насилие! Секунда промедления будет стоить мне жизни! Что же мне теперь, перестать бояться?

Йок печально усмехнулся:

– Ты – женщина, глупышка, единственная среди нелюдей, – ласково поглаживая маленькие пальчики, увещевал он. – Умерь свой пыл. Ты тратишь великие силы своего духа на бесполезную борьбу со всем миром, но посмотри на себя и оглянись вокруг. Ты прекрасна и юна, любой из моего клана ради твоей улыбки, доброго слова или взгляда этих прекрасных золотых глаз готов пойти на смерть, защищая тебя. Даже те, кто якобы идеален по меркам Кодекса, не устоят

перед магией Великого Змея. Даже те, кто яро ненавидят тебя, изменятся, стоит дать им возможность и надежду на твое внимание.

Пока Сокол говорил это, Ольга вдруг почувствовала себя очень уставшей. Ноги гудели от долгой ходьбы, заныла спина, перегруженная тренировками, и рана на плече, что оставил ей Лис в порыве кровожадной страсти. Как же раньше она не замечала страданий своего несчастного тела, что лишилось поддержки уснувшего духа, но продолжало трудиться по старой памяти и с прежними нагрузками.

– Но я не могу подчиняться всем, кто дает мне приказы, – более спокойным тоном заметила она. – Куда это меня приведет?

– Проблема не в подчинении, – заметив перемену в настроении, Сокол заговорил более уверенно, – а в том, что ты не видишь причины требований. Ненависть, гнев и гордыня застыт твой взор. Избавься от них, и тебе легче будет увидеть смысл происходящего.

– Ты говоришь, как Лис, – горько усмехнувшись, перебила его Ольга. Сокол напрягся, но спустя мгновение черты его разгладились.

– Что ж, он был прав. Предатель не только умен, но и обладает мудростью. Не стоит отрицать всего, чему он научил тебя, лишь по причине твоей к нему неприязни. Ведь дерешься ты превосходно. Почему бы не воспользоваться и другими его уроками?

– Потому что он сам не следует своим правилам!

– Все мы неидеальны...

– Поверить не могу, – Ольга удивленно воззрилась на Сокола, – ты его защищаешь!

– Нет, просто сужу о нем без эмоций.

Она тяжело вздохнула и отвернулась.

– Не могу! – решительно тряхнув головою, резко заявила она. – Не могу так. Смирение, подчинение, прощение. Разве это возможно? Простить все, что этот ублюдок со мною сделал? Я навечно останусь с этим треклятым кольцом на шее!

Ошейник внезапно ожег холодом, плечо заныло с удвоенной силой, а внизу живота появилось давно забытое тянущее чувство. Но всего мучительнее было осознание собственной слабости и невозможности как-то повлиять на ситуацию. Такого глубокого, доводящего до безумия отчаяния она не испытывала никогда. *Слабая, никчемная баба!* Ольга уткнулась лицом в грудь Сокола и зарыдала, цепляясь пальцами за рубаху. Он крепко обнял ее дрожащее тельце и поцеловал в маковку, успокаивающе оглаживая по спине. Вскоре она смолкла и задремала. Сокол аккуратно взял Змею на руки, а ошейник, упавший на землю, повесил на пояс.

День выдался еще более жарким, чем в праздник равноденствия. Мелкая речушка, пересекавшая поселок, прогрелась насквозь, и искать в ее водах долгожданного отдохновения было бесполезной тратой времени. Только в ому-

те, что был прямо за сараем с тренировочным снаряжением, били холодные ключи. Ольга, страдающая от непривычного для нее зноя, оставила Учеников на попечение Сокола с Ежом, и, забравшись в прохладную муть, блаженствовала, изредка ныряя в освежающую мглу омута. Очередное погружение затянулось на добрых пять минут, а когда она наконец всплыла на поверхность, на берегу сидел Ящер и как ни в чем не бывало вытачивал какую-то безделку из полешка. Змея с подозрением воззрилась на неожиданного и уж точно незваного гостя. Тот на время отложил работу и уставился на нее своим изумрудно-золотым глазом, недобро поблескивающим в оправе из густых черных ресниц, словно драгоценный камень, забранный в рамку из благородного оникса. Отсутствие второго глаза скрывала тряпичная полумаска, прятавшая также половину лысого черепа, а длинные подрагивающие усы делали нелюдя похожим на злобного цжеульского колдуна из страшных детских баек.

– Чего тебе? – холодно спросила Змея, выбираясь на берег.

– Да ничего особенного, – вновь взявшись за нож, ответил Ящер, – решил в теньке отдохнуть.

Его жадный взгляд не отрывался от ее нагого тела ни на секунду, покуда Ольга не прикрыла его рубахой.

– Ты что, следишь за мной? – выжимая косу, спросила она.

– А почему бы нет... Я тебе все еще не доверяю, – и он

многозначительно поправил повязку. Змея ухмыльнулась.
Как дитя, ей богу!

– Если бы я хотела, то сбежала бы отсюда уже очень давно.

– И что тебя держит?

– Всеобщее уважение и приличная кормежка, – мрачно ответила она, начиная подозревать что-то неладное.

– Да? – с вызовом в голосе начал нелюдь, поднимаясь на ноги. – А я, значит, не отношусь ко всем?

– Ну, ты – редкое исключение... хм, очень редкое, – тон ее голоса стал ледяным. *Спокойно, держи себя в руках.*

– Ты лишила меня глаза, сучка, – прошипел Лысый, при-
двигаясь к самому ее лицу.

– И ты ищешь повод для мести, кобель? Хочешь драться со мною? Не глупи. Нет большой чести в победе над слабой женщиной, зато есть большой позор в поражении от ее руки.

– Ты мне угрожаешь? – он навис над Олгой, нос к носу сверля ее гневным взглядом.

– Нет, это ты мне угрожаешь. Стоя вот так близко и рыча в лицо, как дикий зверь. Отойди, – она мягко отстранила его руками, – и умерь свой пыл, ради Творца! Вырастет твой глаз, никуда не денется.

Уговоры не подействовали, а лишь разозлили готового к драке нелюдя. *По-моему, ему плевать на все, что я говорю. Он шел сюда, уже имея цель и план ее достижения. Своевольничает. Медведя в поселке нет, что ли?* Думала она, уворачиваясь от ножа, метившего ей в живот. Ящер действи-

тельно был проворным. Скорость и пластичность его тела поражали, но он был ослеплен злостью и потому делал кучу ошибок и много лишних движений, по которым можно было с легкостью прочесть каждый следующий шаг. Змея сделала несколько поворотов вокруг йока и побежала прочь. Драться с одноглазым дураком не было никакого желания, но он продолжал преследовать ее, оттесняя к опушке. Ольга сообразила, что столкнуться с ним все-таки придется, если она не желает бегать от полоумного йока по лесу всю ночь. Тогда Змея резко остановилась и, обернувшись, завизжала во всю мощь своих легких прямо в лицо Ящера. Тот на миг остолбенел, пораженный странной выходкой, но после с удвоенной силой и яростью кинулся на слишком проворную и оттого весьма раздражающую его жертву.

– Отстань от меня, придурок! – возмущенно воскликнула она, уходя от кулака, что со свистом рассек воздух, – совсем ополоумел?!

– Ну уж нет, стерва. Я тебе твои глазки-то повыколупываю, – размахивая ножом, шипел нелюдь, – а заодно и косы пообрываю!

– Господи, страшно-то! – она юркнула под занесенную руку, обошла Ящера и отвесила ему хорошего пинка под зад, но ожгла голую пятку о бедро – нелюдь успел отскочить.

– А, будет страшно, – догоняя ее камнем в спину, выкрикнул Ящер, – когда я задеру тебе юбку и засуну, что полагается, меж твоих жилистых ляжек, проклятая ведьма!

Камень не достиг цели, но Змея все равно остановилась и обернулась. Что-то в ее облике заставило Ящера изменить тактику: он замер в нескольких шагах ниже по склону, приняв боевую стойку и внимательно следя за каждым движением противника.

– Так и знал, что тебя это проймет, – довольно ухмыляясь, он заглянул в горящие золотом глаза и сощурился, скрывая беспокойство. Улыбка сошла с его лица, губы напряженно сжались, бровь сползла к переносице – теперь перед ним стояла не слабая девка, а очень опасный враг, сломить которого будет для Ящера большим удовольствием. Она чуть слышно зашипела, приподняв верхнюю губу и обнажив удлинившиеся клыки. Нелюдь не сразу заметил, что ее десны и зубы затянуты мутным раствором. Змея резко подалась вперед и плюнула вонючей струей, что, коснувшись травы, запузырилась, прожигая тонкие стебли насквозь. Ящер увернулся и, оцетинившись, словно дикобраз, медленно пошел вокруг противника, стремясь стать с подветренной стороны. Змея плотоядно оскалилась, медленно и манерно прошла языком по бурым когтям, каждый с вершок длиной.

– Прекратить сейчас же! – раздался с холма за их спинами громкий обеспокоенный голос. – Вы что, глухие? Я сказал, немедленно разошлись!

Но Змея не слышала окриков Сокола, что бежал к поединщикам, гнев затуманил разум, вперед выступил Черный Дракон – яростный и одержимый боем. Танец крови, более похо-

жий на вихрь, продолжался даже тогда, когда в него неожиданно вступил третий. Он был здесь лишним: тяжелый, замедляющий острый слаженный ритм движений, как бревно, попавшее в стремнину. Сокол оттолкнул Ящера, немало разозлив его, и встал на пути Змеи. Она на секунду замерла, и этого хватило, чтобы оценить возникшую преграду и продолжить бой. Сокол понял, что ошибался, рассчитывая уgomонить одержимую девку словами. Та Змея, что он знал, пребывала в каком-то ином пространстве, где Пернатый являлся лишь помехой к достижению цели. Она была чужда и надменна и на его появление отреагировала совсем не так, как рассчитывал нелюдь, будто и не узнала своего охранителя и заступника. Эта ошибка стоила Соколу очень дорого. Он успел отразить один ее удар, но Змея в своем исступлении оказалась слишком проворна, и отвести вторую атаку Пернатый не смог. Когти, острые, что кинжальные лезвия, распорол тонкий лен рубахи и расчертили незащищенный живот красными линиями. Багряное пятно расцвело на белом полотнище, словно маковый бутон бросили на чистую скатерть. Нелюдь отскочил прочь, замер, приложив ладонь к кровоточащей ране, после чего поднял на свою подопечную удивленный взгляд и, закатив глаза, рухнул на землю, судорожно хватая воздух синеющими губами в потеках серой пены. Змея выпрямилась, опуская руки, и несколько мгновений рассматривала тело нелюдя, сотрясаемое мелкой дрожью. Медленно, но верно до нее доходило, что она только

что сделала, и по мере осознания менялось и выражение ее лица: с холодно-отстраненного на испуганно-виноватое. Ольга сморгнула, окончательно приходя в себя, и тихо застонала, склоняясь над Соколом. Ящер, раскрыв рот, в остолбенении наблюдал за происходящим. Он не верил собственным глазам и, пораженный могуществом своего противника до глубины сознания, бормотал:

– Не может быть! Он совершенно здоров! Мы не восприимчивы к ядам... Не может быть!

Потому Лысый не сразу услышал ее отчаянный окрик:

– Воды! Воды принеси, болван! Скорее!

Но бежать никуда не потребовалось. Нелюди слетелись на вопли, как стая безмолвных стервятников. Кто-то уже несся от реки с полным ведром в руках, кто-то помогал Ольге снять с агонизирующего Мастера окровавленную рубаху. Молодняк столпился вокруг, оттеснив Ящера в задние ряды, но тот был только рад скрыться от чужих глаз, чтобы в одиночестве принять новое и такое болезненное для гордеца ощущение страха. Барсук, нависая над Змеей, внимательно наблюдал за ее судорожными движениями, изредка переглядываясь с Выпью, молча и хмуро глядящим на Пернатого, что уже перестал дергаться и лишь хрипел, захлебываясь пеной и обильной мутно-желтой слюною. Ольга высосала яд, одновременно пытаясь удержать его проникновение в тело, выгребая ребром ладони к ране, но было уже поздно, слишком долго она приходила в себя, и отравы поразила сердце, что с каждой

секундой билось все медленнее, не способное перегонять загустевшую кровь. Мысли в ее голове сновали перепуганными водомерками и разлетались в разные стороны, как только она пыталась поймать хоть одну из них. *Творец всемогущий, что же я наделала! О нет, белки потемнели! Господи, они меня убьют! Я... я убила его! Только не слезы! Нельзя реветь, успокойся, дура! Что же делать? Да проснись же ты, чертов Змей! Умоляю! Яд пахнет полынью. Неужели я отравила его той самой дрянью. Кровь густеет. Как и говорил Белослав. Белослав... Белян... противоядие!* Каким образом в ее искаженном страхом сознании встретились два этих понятия, Ольга не знала, но тут же ухватилась за спасительную идею. Прополоскав рот водою, она положила одну ладонь поверх еле трепещущего сердца, другой сжала руку Сокола чуть выше запястья и замерла, прикрыв глаза и сосредоточившись. В носу засвербило от резкого приторного запаха переспелых фруктов, язык сковала горечь крепкого соляного раствора. Змея открыла глаза и вонзила клыки в запястье Пернатого, а после и в сонную артерию на могучей шее йока.

– Отнесите его в мой дом, положите на кровать, – обратилась она к собравшимся, не поднимая глаз. Усталость, невероятно сильная и гнетущая, навалилась внезапно, не позволяя шевелиться. Голова превратилась в чугунную болванку.

– Я позже приду, только... отдохну... чуток, – и Змея ти-

хо осела на землю, свернувшись калачиком, чтобы спастись от озноба. Сквозь густой туман, настойчиво проникавший в каждую частичку ее сознания, она еще некоторое время слышала взволнованные голоса и чувствовала, как ее, будто чужое, тело поднимают чьи-то сильные руки, но вскоре и эти ощущения угасли, втянутые топким болотом беспамятства.

– Ну, Барсук, рассказывай, что случилось на этот раз?

– Да ничего особенного, намма. Сцепилась она с твоим щенком одноглазым, а Сокол по дурусти в драку и влез.

– Мда, ни на миг нельзя Лысого одного оставлять, обязательно когти выпустит, дурак. Похоже, она его не только глаза, но и разума лишила.

– Что так?

– Он, видимо, печатью повредился. Чем дальше, тем хуже контролирует свою ярость, тем более похож на того подонка, из которого я его вылепил.

– Своди Ящера к оракулу.

– Да сколько можно уже водить!

– А девушку не винишь?

– Виню? Нет. Я бы и сам этого идиота пришиб, если бы он ко мне полез со своими притязаниями. Опасаюсь? Да. Вижу, на что способна в гневе и опасаюсь, как бы и она по чьей-то неосторожности не потеряла контроль.

– А с мальчишкой этим что будем делать?

– С шептуном-то? С тем, что вчера приبلудился? Да бес

с ним. Покорми, да пусть спит. Вижу я, какой он тощий да умученный, и тоска берет, что и моя душа где-то в таком же теле, никчемном и слабосильном. После отправь в приют с провожатым. Кого ему здесь надо-то, говорит?

– Да все ее ищет.

– Змею? Хм, неужто тот самый малый, на которого мы ее и словили в прошлом году?

– Он самый. Белобрысый такой, что оракул. Сказать девчонке о том, что он здесь, или не стоит?

– Пожалуй, повременим. Сначала пусть Сокола на ноги поставит. Не зря ведь Альба не пускала ее в приют, видимо, не хотела, чтобы эти двое встретились. Запри-ка шептуна в доме советов, и всем щенкам накажи, чтоб не тявкали и тихо сидели. Змея не должна знать о шептуне... до поры.

Сокол поднял тяжелые веки и сосредоточенно уставился на потолочные балки, пытаясь избавиться от размытой пелены перед глазами. Спустя некоторое время зрение восстановилось, и он, наконец, смог оглядеться. В комнате царил полумрак, неясный свет луны серебрил лоснящиеся пряди той, что дремала на широкой скамье у окна. Трогательно обхватив голые коленки руками и опершись на них щекой, она мерно дышала в такт ветра, что колыхал тонкие занавески, словно нежной рукою оглаживая склоненную голову льянной ладонью. Пернатый улыбнулся и попытался сесть, но, удивленно охнув, вновь откинулся на подушку, ощущая

непривычно большой вес тела. Змея встрепелулась и, потирая красные от усталости глаза, спустила ноги со скамьи и склонилась над нелюдем, озабоченно вглядываясь в его лицо.

– Как ты себя чувствуешь?

– Вроде нормально, – Сокол, наконец, сел. – Сколько я провалялся?

– Двое суток, – она опустила глаза, избегая его взгляда. Йок нежно коснулся ее плеча, щеки.

– Чувствуешь себя виноватой? Брось, не стоит.

Она вскинула на него возмущенный взгляд.

– Я чуть тебя не убила!

– Но ведь я живой, – он улыбнулся ей, вновь опуская голову на подушку. Она резко поднялась и отошла от кровати, наново забравшись с ногами на скамью. “До чего красивая девка, ласково глядя на Змею, думал Сокол, особенно когда вот так сосредоточена. Эта ее дикость и воинственность бесподобны. Воистину, Богиня Вод, Золотой Дракон”. Неожиданно она заговорила.

– Помнишь, ты когда-то дал мне яд, и предоставил выбор. Ты ведь не знал, что дурман на меня не действует.

Он сделался суров и спокоен, чувствуя важность момента.

– Значит, ты хотел, чтобы я умерла. Почему ты решил пойти против воли наммы?

– Ты опасна, – он спустил ноги с кровати, твердые половинцы под босыми пятками придавали ему уверенности, – опас-

на для всего клана и для меня в частности. В тот миг я знал это так же четко, как и то, что совать руки в огонь чревато ожогами.

– Может, ты прав, – золотые глаза были пусты и безучастны, но невыразимая тоска и усталость в голосе выдавали ее боль, – может, стоило добить меня. Я не могу смирить себя. Моя гордыня, моя ненависть губит все, к чему я прикасаюсь. И некого винить в этом, кроме самой себя. При всей своей силе и могуществе я слаба. Я очень слабая. Просто слабая девчонка. Скажи, ты и сейчас хочешь убить меня?

Сокол сел рядом со Змею, бережно привлек ее к себе и коснулся губами макушки.

– Да. Разумом, да. Я чувствую беду, – она вздрогнула, но лишь сильнее прижалась к его груди, – и я знаю, что Великий дух должен вновь уснуть. Но я никогда не смогу поднять на тебя руку с этим намерением, даже если ты посадишь меня в чан с этим треклятым ядом.

– Ты не боишься смерти, – прошептала она, вдыхая аромат его горячего тела... слишком горячего для нелюдя.

– Я лучше умру от твоей руки, чем буду посягать на твою жизнь.

– Почему?

Сокол молчал.

– Знаешь, – Ольга высвободилась из его объятий и прислушалась, вглядываясь в темноту ночи за окном, – твоя печать сломана. Два засова из пяти сняты. Я это вижу. И знаешь, что

я подметила? Все, у кого печать частично разрушена, помнят что-то из своей прошлой жизни, из своей личности, что была у них до перерождения в “сынов смерти”. Рыба помнил страх, Волк – страсть и жажду обладания, Еж – месть и боль. А что помнишь ты?

– Я? – он помолчал, глядя в пол, потом поднял голову. – Я помню, что такое любовь.

Сокол целовал ее долго и страстно. Змея чувствовала, как выходит из нее плотный и тяжелый сгусток застоявшейся силы. Как и Лис, Пернатый пил ее, но вместе с тем ее легкое, опустошенное тело наполнял неведомый до сего дня огонь – его огонь. Она не сопротивлялась, когда он, взяв ее на руки, отнес на кровать, когда нежно касался губами нагого тела, наоборот, дарила нелюдя лаской и страстью, на которую только была способна. Ольга внезапно осознала, что уже очень давно стала его невестой, а теперь должна стать женою. И снова была боль, но сладкая и тягучая, словно патока. И вновь ее прожгло насквозь, но пламя было столь желанным, что лишь грело, а не калечило. И вдруг...

Пять!

Нить у самого сердца лопнула с мелодичным звоном и Ольга закричала, впиваясь когтями в спину Сокола. Тот вторил ей протяжным стоном боли и наслаждения. Пробудившийся дух сломил видимые и незримые границы между двумя слившимися телами, обращая любовников в тех, кем они были на самом деле. Волосы на голове Пернатого встопорщи-

лись, обратившись в перья, черты лица стали острее и жестче, желтый зрачок оттеснил белок, сделав глаза по-настоящему птичьими, тело на миг потеряло четкие очертания, чтобы снова вылиться в идеальную форму из плоти и кости, покрытых темной, в рыжих и белых подпалинах кожей. В таком облики он был ужасен и в то же время великолепен, как истинный дух. Нелюдь склонился над Змеей, когтистым пальцем провел по приоткрытым губам, коснулся тяжело вздымавшейся груди и произнес невероятно густым и низким голосом, мало похожим на человеческий:

– Твоя кожа светится золотом, Великий Змей. Ты прекрасна.

– Так шепчут духи, – вспомнила она строку из какого-то древнего сказания и улыбнулась, услышав свой собственный голос. Все ее тело действительно покрывала мягкая броня из драгоценной чешуи. Ольга прижалась к Соколу и устало прикрыла веки, чувствуя, как постепенно растворяется, уходя вглубь, подлинный их облик, как сглаживаются хищные черты Пернатого, а твердые, как камень, мышцы становятся просто упругими. Она впервые за долгие годы почувствовала, что тревоги отпустили ее, а на их место пришел покой, пусть временный, но позволяющий ее душе понять суть радости и счастья. А после мягкий, но настойчивый сон поглотил обмякший разум, повергнув его в пучину очередного видения.

Время

У девушки не было тела. Шея заканчивалась небольшим утолщением, что длинным золотым рукавом ниспадало на пол и свивалось в упругую спираль. В общем-то, не было и лица, а лишь человеческая личина⁵² в окружении шипастого венца, покрытого мелкими чешуйками. Существо лежало в круге огня, спокойно и с некоторой скукой кончиком хвоста поигрывая пламенем. Там, где острая костяная игла касалась рыжих трепещущих лент, огонь боязливо притухал, смиренно склоняя голову.

– В сущности, нет разницы между ненавистью и страстью, – рассуждал Змей, будто продолжая давно начатый разговор после небольших раздумий. – Две стороны одной монеты. Только смотреть на лик ненавистного вождя нам, порой, бывает противно, а вот денежное достоинство мы ценим, как основу благополучия и счастья. Суть такова, что нет крепче оков, чем ненависть или страсть, связывающие меж собою живых мыслящих существ. Мы живем мыслью и чувством. Вне этого не существует нас, это – наша жизнь. Но когда и то и другое стремится к одному человеку, не значит ли это, что мы отдаем ему жизнь? Потерять себя в ком-то глупо и недостойно высокого духа. Потерять себя в ком-то, кто жаждет власти, глупо и недостойно вдвойне. Бескорыстность

⁵² личина – здесь, маска

такого поступка в этом случае неоправданна, будь то страсть или ненависть. Если помнишь, я считаю их единым проявлением. А любовь... о, это великая вещь! Вот что я знаю о ней. Корни ее питаются болью, но плоды священны и божественны. В ней есть все: и безумная ненависть, и неумная страсть, что едины и являются первоосновой жизни и материей хаоса. Но главное свойство любви – это возможность гармонизировать силы там, где у силы есть оценка. Потому люди могут видеть две стороны монеты. Простые люди. А я вижу лишь кусок желтого металла. Драгоценного солнечно-го сплава. Поток силы и ничего более.

Змей поднял лицо и уставился на Олгу янтарными кругляшами мерцающих глаз. Там, в глубине древнейшего сознания, отраженного на влажной роговице, таились мудрость и опыт столь безграничные, что было страшно даже помыслить. Это существо видело ее насквозь, вселяя страх перед невиданной доселе мощью.

– Ты будешь терять все золото, пока не поймешь этой истины и не прекратишь метаться. Проснись!

Змея открыла глаза, подивившись четкости своих ощущений – сон спал мгновенно, не оставив и следа.

Проснись! Шепот был осязаем, как дуновение легкого сквозняка. Она повернула голову, нащупав рукою пустоту: Сокола рядом не было. Она села, озабоченно ища глазами йока, но вместо искомого наткнулась взглядом на неясную тень, маячившую в дальнем углу у самой двери. Сквозь от-

крытое окно свет луны, ушедшей в облака, более не проникал, и в комнате царил непроницаемый мрак. Она напрягла глаза, усиливая остроту восприятия, и среди цветowych пятен, погашенных тьмою, увидела человека – яркий на общем фоне, переливающийся сгусток. В нем был страх, усталость и... еще что-то знакомое.

– Кто здесь?

– Ты о чем? – дверь отворилась, и на пороге возник Сокол.

Олга, обученная чувствовать опасность лучше, чем кто-либо из “сынов смерти”, на миг оцепенела от внезапно накатившей на нее волны ненависти и слепой бесконтрольной жажды убивать. Такое не возникает на пустом месте, а копится, нарастая, и сходит лавиной, оповещая округу гулким эхом. Здесь же...

– Осторожно!

Тень из угла бесшумно скользнула к Пернатому. Тот, видимо, тоже почувствовал неладное, и отскочил прочь, но человек оказался на удивление проворным и ловким, как кошка. Он выгнулся в невообразимом прыжке и сшиб Сокола, на время лишив того равновесия. А дальше произошло что-то очень странное: враг нанес нелюдю несколько коротких четких ударов пальцами в разные части тела, после чего отскочил как можно дальше от противника, провернувшись вокруг оси, и сделал движение руками, будто вздел упругую тетиву. Пернатый замер, словно парализованный, и Олга услышала тихий, нарастающий гул, сотрясавший эфир. Она сжа-

ла виски ладонями, силясь успокоить вздувшийся от давящего звука мозг, но тот набухал, разрывая тесную черепную коробку, резонируя в такт пульсации волн. С трудом понимая происходящее, она все же попыталась взглянуть на поединщиков особым зрением и тут же опалила глаза. Единственное, что она успела заметить, прежде чем поток горячего света обжег ее духа, это то, что свет этот и, по-видимому, звук исходили от нелюдя. Сокол, задыхаясь, медленно опустился на колени. Очертания его напряженного тела, окруженного незримым, но хорошо ощущаемым вихрем энергий, стали размытыми, словно отражение в воде, подернутой рябью. Человек опустил руки и отступил на шаг.

– Занявший чужое место должен погибнуть, – тихо и гневно произнес он, вынимая из ножен соколиный меч, что лежал на скамье. Голос показался Ольге знакомым донельзя: по-мальчишески звонкий, злой и насмешливый, с нотками страха и отвращения. В этот миг луна выползла-таки из своего укрытия и озарила картину неясным светом, запутавшимся в снежно-белых волосах неизвестного врага. Тот отступил в тень, сверкнув на Змею яростным взглядом черных, что два бездонных колодца, глаз, и вонзил клинок в спину склонившегося йока. Лезвие прошило грудную клетку насквозь и с глухим дрожащим звуком вошло в дерево половицы. Дальше Ольга ничего не слышала и не видела. Боль раскаленными клещами сдавила все ее тело, что вибрировало от дикого несмолкаемого крика и рыданий тысяч голосов: “Умер!

Ушел! Исчез! Убит! Кто? Кем? Не важно! Не важно! Не важно! Теперь все иначе. Убийца! Чужой! Зачем? Проклятье! Горе! Плохо! Плохо! Плохо...” Чтобы хоть как-то заглушить невероятный шум и не потерять себя в безумном потоке незримых существ, она начала кричать, выплескивая вместе с криком и слезами боль – телесную и душевную. Несмотря на все происходящее, Змея сохранила способность думать, и разум подкидывал ей одну картину за другой, одну мучительную мысль за следующей: серебряная пыль, в которую с негромким хлопком превратилось обмякшее тело Пернатого, голоса, что возвещали о смерти йока, и, в конце концов, ослепившее ее сияние выпущенного в человеческое тело духа и слившегося с ним. *Так вот как и почему это происходит!*

Сокол умер.

Эта мысль была невыносима, а огромная студенистая тварь из жирной кипящей силы, что в этот миг пережевывала Змею, похрустывая костями, усиливала мучения в сотни тысяч раз. Ольга поняла, что сходит с ума, и, как только эта мысль мелькнула в мозгу, рассудок ее вспыхнул и прогорел, оставив после себя жуткую и беспросветную тьму.

Море взволнованно перекачивало соленые валы – темное и мутное, оно не отражало неба. Медведь поглядывал на луну, то утопавшую в темном бархате стремительных, как дикие козы, облаков, то вновь бросающую неясные блики на

беспокойную поверхность воды. Еж тщательно и молча – он всегда все делал тщательно и молча – обмотал причал вокруг кабы⁵³ и сошел с лодки на дощатый помост, принимая тюки с товаром. Бурый любил ходить на рынок с Иголкой: люди относились к нему, калеке, лучше, нежели к здоровым йокам. Меньше в них было страха, сковывающего язык и мысли, легче было договориться, легче вести дела. У пристани ждала подвода, оставленная “сынами” еще с утра. Выпряженная лошадь скучала, объев всю траву на доступном ей пятаке. Сгрузив зерно на тележку, Еж вернулся помочь намме вытянуть ялик на берег и перевернуть.

– Просмолить бы надо, – придиричиво оглядывая прохудившееся днище, сказал он и вдруг замер на полувитке смазываемой снасти, прислушиваясь. Медведь нахмурился и последовал примеру Иголки. Вскоре и до его ушей докатился слабый, невнятный, но грозный гул, что шел с моря. Это не было похоже на привычные уху звуки – предвестник бури или рев подводного вулкана, скорее на рычание огромного неповоротливого существа, живущего в глубине. Происхождение гула было неясно, но вызывало неприятное сосущее чувство под ключицами. Медведь посмотрел на собрата. Еж вдруг побледнел, потом стал совсем серым, и, еле разлепив обескровленные губы, произнес:

– Сокол мертв... совсем мертв.

Бурый почернел лицом, вновь глянул на темную гудящую

⁵³ каба – свая, кол для причалки судна.

воду у себя за спиной, потом повернулся к подводе и твердо произнес:

– Пойдем.

Ежу можно было верить, хоть и очень не хотелось. Иголка знал, когда погиб Рыба, указал место, где сгинул Волк, и вот опять. Слишком много убийств за столь короткое время, слишком много потерь, ослабляющих клан, притом потерь весомых: погибали старые, умелые, хорошо обученные члены семьи, его семьи. Медведь гневался, и от этого гнева по телу разливался жар, проступавший потом на твердых как сталь мускулах рук и груди. Йоки потели редко. Очень редко!

Подводу они оставили на берегу – вернуться и забрать ее было нетрудно, да и кто позарится на чужое добро, если чужих на острове не было и быть не могло – и трусцой побежали к деревне. Ходу до поселка от силы час, и то по дороге. В таком же, как сейчас, ритме, да напрямик через лес, путь займет четверть часа, а то и меньше, если поднапрячься, думал Бурый, легким прыжком перебрасывая свое грузное тело через неглубокий овражек. Вобразившись на очередной взгорок, намма остановился, дожидаясь Ежа, что плелся следом бледный и по сей миг не оправившийся от возмущения энергий. Медведь с сочувствием покосился на собрата. *Ишь как его пробрало! Болезный.* Потом вновь повернул голову в сторону поселка и вздрогнул, не поверив собственным глазам. С возвышения открывался обзор на обширный

дол, подпираемый справа жирной черной полосой вздувшегося моря. Лес здесь был молодой, не слишком густой – ёлки прореживали его на дрова, – довольно низкорослый, и местность сквозь редкую крону просматривалась хорошо. Над поляной, где располагалась деревня, клубился густой и грязный не то дым, не то туман. И все же было ясно, что это не пожар. Было в нем что-то пугающее и противоестественное. Темная масса курилась над вершинами деревьев, не поднимаясь и не опускаясь, словно возникла уже в пространстве между небом и землею. Медведь ошалело глянул в сторону своего спутника, но того, кажется, не занимало жуткое марево над темным горизонтом. Еж, тяжело дыша, пристально вглядывался в чашу справа, и когда намма тронул того за плечо и указал на происходящее за леском, Иголка лишь мельком скользнул взглядом по облаку, рассеянно кивнул головою и произнес:

– Иди, ты там нужен. А я передохну.

Бурый удивленно покосился на собрата, успел подумать, что здесь не все чисто, но эта мысль потонула в очередной волне беспокойства: облако над деревней забурлило, клокоча, и выбросило в воздух несколько темно-синих молний. Он сорвался с места и бросился через заросли напролом.

– Ну, что тут у вас, Клыкач?

Кабан глянул на Медведя, дескать, сам не видишь что ли, потом смачно и с раздражением сплюнул, втаптывая плевков

в землю голой пяткой – сапоги обуть он, видимо, не успел. Бурый несколько раз глубоко вдохнул пахнувший грозой воздух, восстанавливая после долгого бега дыхание, и зашагал следом за йоком. Изба Сокола осаждалась по всем правилам военной фортификации. Молодняк залег под стенами, что изредка, будто живые, перетряхивали свои бревнышки, выпуская сквозь щели тонкие струйки черного дыма; те немногие Старшие, кто был в деревне, оккупировали окна и двери.

– Почему не войдете?

Кабан покосился на начальника, усмехнулся в жидкие щетинистые усы и неприятным тоном произнес:

– Как же. Входили. Да только что толку. Один убыток с такого дела.

Он неопределенно махнул в сторону.

– А погляди сам, сейчас опять... крепость брать будут... Эх, бесово семя.

Узкобровый скривился, ковыряя указательным пальцем в ухе. Примерно в это же время йоки вокруг дома зашевелились, в воздухе повисло напряженное молчание, дверь тихонько скрипнула и через порог совершенно бесшумно скользнула тощая фигурка Мотылька. “Хорошо пошел, – с удовольствием подметил намма, – тихо, даже я не слышу его шага”. Секунда молчания оборвалась громким, невозможным для ушей звуком. Визг подобной силы разорвал бы легкие любому нормальному существу.

Рама завибрировала, вздувшись пузырем от натуги, и лоп-

нула, выплевывая вместе с осколками стекла и древесными щепками, безвольное, словно кукольное, тело Младшего в облаке черного липкого дыма. Тяжело рухнув на землю, Мотылек остался недвижим, застыв в неудобной позе. Двое Учеников тут же оттащили раненого собрата в сторону и вернулись на свои позиции. Медведь вопросительно глянул на Кабана, что, продолжая елозить пальцем в ухе, пожал плечами и спросил:

– Лазарет показать?

Намма нахмурился и зашагал следом за узкобровым. Следующая странность застала главу клана через десяток шагов. Сначала Клыкач приостановился, иступленно тряса голову так, будто набрал полные уши воды.

– Началось! – свирепо прошипел он и, неуклюже опускаясь на землю, обхватил голову руками. Медведь недоуменно огляделся вокруг, подмечая на лицах всех своих братьев гримасу боли. В той или иной мере каждый испытывал неприятное ощущение: неподалеку Выпь, привалившись к стене, потирал висок, впрочем, не теряя способности к самоконтролю, в отличие от неинициированного еще щенка, что в приступе бился головою о землю, постанывая; Барсук, старина Безухий, проверенный огнем и сталью безжалостный убийца, сидел, подобрав ноги под себя и опустив крепко сжатые кулаки на колени, не дышал – хрипел, а по щекам катились слезы. Изумленный происходящим на его глазах, Медведь не сразу услышал собственную боль, сверлящую толстую че-

репную кость. Но стоило нелюдю впустить в свой разум осознание этой боли, как она прошила его скелет насквозь. Правый глаз тут же перестал видеть, сдавленный отеком, голова затряслась, как у столетнего старика. Намма шагнул к лазарету – избушке Ежа, и остановился: на крыльце, судорожно обхватив лысый, исцарапанный в кровь череп руками и раскачиваясь из стороны в сторону, что церковный кликуша на паперти, сидел Ящер. Его единственный глаз, выпученный и остекленевший, буравил безумным взглядом пространство, а прямо перед ним лежал тощий, скрюченный в предсмертной судороге Мотылек, точнее то, что от него осталось – обожженный дочерна по рукам и ногам трупик с почти бескровным отверстием под пятым ребром справа. Тонкое серебряное жало ритуального клинка, расчехленного и поблескивающего в неясных предрассветных сумерках, повергло намму в ярость. *Лучшие гибнут! Это непозволительно!*

Отличительной чертой Медведя была его невероятная даже по меркам йоков устойчивость к боли и скорость восстановления. Он по праву считался лесным князем – самым выносливым и могучим в клане, и звание наммы получил не случайно.

Отодвинув с пути скулящего щенка, Бурый шагнул в сенцы осаждаемой избы. Дверь в горницу была распахнута настежь и в проеме клубился черный обжигающий туман. Только здесь, отгородившись от стонов товарищей прочной дубовой стеною, он услышал, как рыдает Змея: захлебыва-

ясь и постанывая, она кричала странным утробным криком, громким и в то же время неслышным. Медведь представил как выглядит лицо несчастной девчонки и поморщился, переступая порог спального покойчика, но то, что он увидел, когда туман расступился, пропуская его в комнату, заставило мамму судорожно сглотнуть и нахмуриться, готовясь к бою.

В горнице было жарко и темно, лишь дым, живой и подвижный, как рой, испускал мрачный синеватый свет. Он пульсирующим коконом одевал пространство так, что нелюдь на время потерял ощущение реального объема помещения. В центре туманного кокона из кучки серебристого пепла торчал меч – знаменитый соколиный клюв, на рукояти которого тяжело повисло странное и страшное существо. Черное чешуйчатое тело, границы которого терялись на общем фоне, лоснилось синим, длинные пальцы с наверхиями стальных когтей безбоязненно и с некоторым трепетом ласкали острое лезвие клинка, окрашивая его поверхность багрянцем крови.

Намма знал кое-что о Черном Драконе. Знал не понаслышке, а выудил из памяти своего зверя. Единственное воспоминание, что доступно было Медведю, предстало перед ним во плоти через многие сотни лет. И это было плохо. *Очень плохо!* Бурый попытался представить, что здесь на самом деле произошло, но не мог справиться с мыслями, так как сам лишенный страха, слишком ясно чувствовал пани-

ку своего духа. Единственное, на чем нелюдь смог заострить внимание, так это на том, что Змей оплакивал Сокола. Учитывая то, до какого состояния довело Великого Духа горе, он оплакивал не просто смерть йока, а смерть любимого человека. *Змей смог полюбить?!* В таком случае, кто убил Пернатого? Вопрос мелькнул в уме Медведя и пропал в суете чужого, так некстати проснувшегося разума. Намма досадливо крякнул, потрянув кучерявой головой. В любом случае он привык действовать, а не размышлять подолгу над каждым не относящимся к моменту вопросом.

Бурый переборол себя и сделал решительный шаг вперед, хотя впору было отскочить прочь и бежать сломя голову. Змея подняла на диво красивое лицо в зеленоватой влаге слез и уставилась на Медведя страшными красными буркалами, которые сочились такой дикой и неумемной злобой, что нелюдю стало не по себе. Переход в состояния Черного Дракона медленно, но неумолимо приближался. Девчонка на удивление хорошо и долго могла себя контролировать, с долей восхищения подметил Медведь прежде, чем на него обрушилась черная гудящая туча. На деле туман оказался взвесью мелкой горячей пыли, напором своим сдиравшей кожу и мясо с кости. Боль была невероятная, но Бурый сделал еще один шаг и положил ладонь на черен меча. Тонкая гладкая и горячая рука выскользнула из под пальцев нелюдя, и туман схлынул, недовольным гулом вторя воинственному шипению Змеи.

– Изззиди, призззренный.

Голос был нечеловеческим и... Медведь приоткрыл опаленные веки.

– Уймись, – с родительской суровостью прикрикнул он. Змея разъяренно зарычала и кинулась на слишком наглого йока. Медведь выдернул меч из половиц, поймав чудовищной силы удар на крестовину, и опустил на колено, чтобы не упасть. Секунду он был на расстоянии вытянутого мизинца от сочащихся смертельным ядом клыков, но все же сумел отбросить демона назад. Змея, подобно кошке, мягко приземлилась на все четыре конечности, и, ловко спружинив, атаковала вновь. Намма успел уйти в сторону, правда, опять угодил в черный туман и ожегся. Острые когти с металлическим скрежетом скользнули по клинку, выбивая белые искры.

– Я сказал, хватит! – во всю мощь своих легких прогремел Медведь, с силой всаживая меч в половицу между собою и необузданным противником. Чудовище замерло на миг, прислушиваясь.

– Его не вернешь, – более спокойным тоном добавил намма, с облегчением понимая, что кризис миновал.

– Не вернешь, – вторила ему Змея, склонив голову набок, и вдруг наваждение спало, марево рассеялось. Девчонка, отощавшая, нагая и дрожащая свернулась калачиком в кучке серого пепла – всего, что осталось от ее возлюбленного, – и тихо скулила, всхлипывая. Медведь покачал головою.

Он был способен на жалость.

– Эй, маленькая, – Бурый присел рядом, беря девушку за плечо и поворачивая к себе. – Ну-ка, скажи мне, что тут случилось? Кто убил Сокола?

Губки, пухлые искусанные в кровь, задрожали мелкой дрожью, большие безумные глаза увлажнились.

– Я, – хрипло выдавила Змея. – Из-за меня... Это я виновата.

Медведь недовольно поморщился, уразумев наконец, что девка невменяема, и потряхнул ее посильнее.

– Я спрашиваю, кто убил Сокола?

Но та продолжала бессвязно лепетать, изредка всхлипывая:

– Он говорил мне, не ходи, хуже будет... Зачем я его не слушала? Мой милый Соколик!.. Проклятый Лис!

– Лис? Это был Лис?

– Его глаза. Черные и злые, как у демона... О, Творец всемогущий, за что мне это?!

– Это не мог быть Предатель, – уставшим голосом произнес Выпь, переступая порог, – любой из караульных учуял бы его приближение.

– Вот и я о том же думаю, – кивнул головою намма. – Но и она не могла этого сделать, даже если знала как. Влюбленный Змей – это вам не шутка.

– Любовь может быть и показной.

– Но подобный срыв сыграть невозможно, – вновь пока-

чал голову Медведь. Он был способен на жалость, но в разумных пределах. – Ее придется казнить, она создает слишком много проблем, – обратился он к Выпи, тот равнодушно пожал плечами и отдал приказ щенкам, чтобы вязали приговоренную.

– Казнить! – девчонка выпучила на говоривших и без того огромные глаза. – За что? Я его не убивала! Это не я! Пустите, мерзавцы!

Силы Змее было не занимать даже после такого потрясения: она стряхнула с себя взрослых парней, как яблоня созревшие по осени плоды, и вдруг заплаканное лицо исказилось гримасой боли, она рухнула на колени, хватаясь за голову, и заорала так, что у Медведя заложило уши.

– Да что ж это такое! – в сердцах ругнулся намма и приложил ее по затылку кулаком... несильно, лишь бы умолкла.

Еж некоторое время стоял на взгорке, покуда Медведь не скрылся из виду, после чего повернулся и зашагал вдоль овражка туда, откуда доносились слышимые лишь его вострому слуху сдавленные стоны. Небольшая проплешина между сосен и кленов серебрилась тонкой змейкой ручья, у самой кромки которого, уткнувшись лицом в землю, дабы заглушить крик, согнулся Лис. Еж, стоя у края поляны, некоторое время с нескрываемым удовольствием наблюдал за мучениями своего злейшего врага, покуда не понял, что нелюдь уже давно знает о его присутствии, но попросту не

может встать и поприветствовать гостя в своей обычной язвительной манере, скрученный приступом невероятной для него боли. Тогда Иголка сделал несколько уверенных быстрых шагов и со всей силы засадил острым носком сапога прямо под ребро Предателя. Тот кувыркнулся через плечо и с плеском угодил в ручей, да так и замер, раскинув руки и прикрыв страшные – Еж помнил их – глаза. Выглядел Лис не лучшим образом: вода омывала исцарапанные щеки, стирая спекшуюся кровь, что продолжала сочиться из носа и глубокой раны на лбу, искусанные губы покрылись коростой, волосы, подхваченные водою, черным нимбом расплылись вокруг бледного и распухшего, как у утопленника лица. Еж с опаской наклонился над Лисом, проверяя, жив ли тот еще. Зря он это сделал! Лис мертвой хваткой вцепился в лодыжку опешившего Иголки и просипел:

– И ты здравствуй, Ежик.

Тот дернулся, высвобождая ногу, и отступил на шаг, вынимая свой длинный и широкий охотничий нож. Предатель с трудом сел и поднял на гостя налитые кровью, слезящиеся глаза. Этот взгляд! Даже в таком ужасном положении в нем не было ни капли страха. Одна насмешка. Голая, ничем неприкрытая издевка старого рыжего ублюдка, уверенного в своей силе и превосходстве. Иголка не на шутку разъярился. Он схватил Лиса за шиворот и выволок его из ручья, приставив к горлу острое лезвие. На белой коже проступила кровь и, впрочем, тут же свернулась.

– Я тебя убью, сволочь! – прорычал он, брызжа слюною в лицо, что не выражало ничего, кроме презрения. – Неужели ты совсем не боишься меня?

И он всадил клинок в плечо Предателя. Лис болезненно поморщился, и, напрягшись, хорошим пинком скинул с себя не слишком опасного, но все же противника.

– Ты мне не страшен. Мне грозили и те, кто сильнее тебя... и не раз. Моя Ученица, например.

Его опять скрутило, да так сильно, что нелюдь не смог совладать с собою и глухо, но во весь голос застонал. Кровь у Лиса пошла на этот раз ухом и Еж, глядя на это, так же почувствовал резь в затылке, от которой туманился взор. Когда Рыжий пришел в себя и отдышался, то с негодованием напустился на Иголку:

– Да что вы такое с ней делаете, тьма вас побери, палачи проклятые?

– Нить! – догадался Еж и хмыкнул. Саднящая боль в голове не проходила.

– Да какая к черту нить! – Лис прикрыл воспаленные глаза ладонью.

– Сокол помер, – просто ответил Еж, удивленно наблюдая за реакцией, точнее за ее отсутствием.

– И что? – холодно осведомился Лис.

– Совсем умер, – добавил Иголка. – Его развоплотили.

Рыжий нахмурился, посему Еж понял, что убийство Пернатого – не его рук дело.

– Хм, интересно. Но при чем тут моя Змея?

– При чем? – Еж хохотнул, предчувствуя победу. – Они жили вместе. *Твоя* Змея любила Сокола, а Сокол трахал *твою* Змею.

Удар попал точно в цель. Ни одно оружие, ни одна рана не могла произвести на Лиса такого поистине убийственного действия, и Еж торжествовал, он оказался прав: Змея действительно была женщиной Предателя, и Предатель отреагировал так, как и должно. Лис посерел, левый глаз его мелко задергался, лицо вытянулось, пальцы впились в землю.

– Трахал? – медленно и уже ровным, без хрипа голосом произнес нелюдь, глядя куда-то через плечо Ежа совершенно стеклянным взором. – Что ж, жаль, что не я придушил эту... птичку.

Новый удар сквозь эфирный слой был нанесен внезапно. Иголка ойкнул и зашипел, сдавливая виски ладонями. Лис же как-то странно дернул головой вправо, будто шейные мышцы свело судорогой, повалился на бок, выпучив черные буркала, и медленно свернулся в калачик, запустив дрожащие пальцы в растрепанные дебри мокрой шевелюры. Еж, несмотря на боль, разламывающую череп на части, ликовал. Он видел, как вершится его месть, и уже представлял, чем она закончится. Иголка нашарил на своей груди маленькие ножны с ритуальным кинжалом, распустил тесьму и вынул клинок, другая рука сжала знакомую рукоять охотничьего ножа. Он медленно поднялся, преодолевая внезап-

ную тошноту и утешая себя тем, что его злейшему врагу сейчас в десятки раз хуже. Но голос, размеренный и спокойный, что доносился из безвольной кучи скрученных конвульсией мышц, заставил его остановиться и слушать, будто находясь под действием каких-то неведомых, но очень сильных чар.

– Ты пришел мстить, глупый мальчишка. А сейчас ты думаешь убить меня, – Лис медленно приподнялся на трясущихся локтях, будто над ним довлел груз огромной тяжести. – Отрезать своим тесаком мне голову и воткнуть мне в сердце серебряное жало. Но ты не сделаешь этого.

Он резко выпрямился и повернул бледное, окровавленное и оттого очень страшное лицо к своему противнику.

– Будет иначе, – тон его был каким-то будничным и выдавал крайнюю усталость. – Мы будем драться, но поединок продлится не долго. Пара атак, две-три секунды, и все будет кончено: ты упадешь на землю, но не умрешь сразу. Мне нужна твоя кровь, чтобы перебить свой запах и отвести этим ... наших собратьев со следа. Потому я перережу тебе жилы на ногах, чтобы ты не смог уйти, и горло, чтобы твоя руда залила эту поляну. Я умоюсь твоей кровью и скреплю ею свои волосы. Потом я вымочу ею свою одежду. А после я закончу то, что начал очень давно, и твои страдания прервутся.

– Поешь слишком самоуверенно для йока в твоем положении, – пытаясь скрыть свою растерянность, заявил Еж. – С чего ты решил, что сможешь выйти победителем?

– В моем положении? – Лис хмыкнул, откидывая волосы с

лица, – Любое “мое положение” сильнее всякого твоего плана. Ты слаб и всегда был слабым. Потому именно на тебе, а не на твоём Учителе, я испробовал свой метод убийства. Ты слабак, слышишь меня, Еж? – он поднялся, с хрустом вправляя суставы, и Иголка вдруг понял, что его голова не болит, более того, боль отпустила и Предателя.

– А знаешь, в чем выражается твоя слабость? Настоящий воин ударил бы сразу, только-только завидев противника. Он не дал бы ему шанса прийти в себя и сориентироваться. Не позволил бы ему заговаривать себе зубы. Ты же решил насладиться. Глупец! Смертью наслаждаются лишь трусы и безумцы. Смерть требует уважения, и только. А ты – трус, потому что боишься этого мрака. Всегда боялся. Потому я презираю тебя, Еж. Потому без сожаления раздавлю, как мерзкую букашку.

По спине Иголки пробежал холодный ветерок. Лис был очень силен, но в отличие от столь человеческой и добродушной Змеи, он был крайне жестоким и бесчувственным убийцей. Еж хмыкнул, понимая, что пора прощаться с жизнью:

– Ты убьешь меня, Предатель. Пускай! Я все равно не жилец в этом мире. Но победа осталась за мною. Мои слова долго будут мучить тебя, Чужой, выгрызут все, что осталось от твоей жалкой душонки. И будешь ты маяться до тех пор, пока я вновь не приду на эту землю.

Лис в ярости оказался еще более проворным, чем обычно: из разъятой артерии хлынула кровь, и Еж, захлебыва-

ьясь, повалился на песок. Спустя несколько мгновений от йока осталась лишь кучка серебристого пепла в луже крови. Нелюдь тяжело опустился на поваленный ствол обомшелой сосны, держа в руках сочащийся рудою ком смятой рубахи. Проклятый молокосос действительно сумел причинить ему боль, да посильнее той, что мучила его пару минут назад. Лис отер лицо ладонью, оставляя багровые следы на белой коже и вдруг со всей силы швырнул мокрую тряпку оземь, ругнувшись так, что и у портовых шлюх свернулись бы уши, затем встал и, нервно печатая шаг, прошелся вдоль ручья, вглядываясь в свое еле различимое в сумерках отражение. Увиденное развеселило Лиса, вызвав на его лице кривую ухмылку. Он пригладил черные, лоснящиеся красным пряди, собрал их в небрежный пук на затылке и принялся натягивать на себя влажную, воняющую Ежом рубаху. За этим делом его и застал с шумом и треском вломившийся на поляну Даримир. Боязливо озираясь, белобрысый скользнул к ручью; заметив Лиса, остановился, с опаской глядя на удивленного нелюдя; узнал его, некоторое время топтался на месте, видимо решая, что делать, и, обойдя йока стороной, все же споткнулся о торчавший из земли нож и растянулся, угодив прямиком в лужу крови. Лис, с интересом наблюдавший за неуклюжим парнем, покачал головою и отвернулся, оправляя рубаху. Что ему за дело до сумасшедшего мальчишки, к тому же немного. Правильно, никакого дела у нормального йока к ненормальному шептуну быть не может,

особенно если тот начинает рыдать при виде крови на своих чистых ручках. Тьма его задери! Лис с раздражением глянул на шептуна, что, сидя на корточках, всхлипывал, размазывая пепел и сопли по лицу.

– Что ревешь, дурень?

– Грустно, – голос был печальным.

– Отчего это тебе, шептуну, грустно? – подпоясываясь, спросил нелюдь.

– Не могу быть с любимой женщиной, – Дарим горестно вздохнул, пересыпая серебристую пыль из ладони в ладонь.

– С любимой же... ? – Лис осекся, припомнив, что этот хиляк не может разговаривать.

– Слишком много страданий, – снова донеслось до Рыжего. Он вскочил и, подойдя к шептуну, схватил того за подбородок, резко и грубо повернул лицом к себе.

– Ну-ка, открой рот!

Шептун, от страха округлив голубые глаза, послушно раззявил рот, показывая обрубок языка. Лис нахмурился, с силой сжимая локоть Дарима.

– Повтори, что ты только что сказал.

Губы шептуна дрогнули, мягкие черты лица резко изменились, заострившись, глаза налились чернотой.

– Отцепись, кретин! – злой и надменный голос звучал прямо в голове Лиса. – Мне больно!

Нелюдь, пораженный увиденным, разжал пальцы, и Дарим выскользнул из цепкой хватки. Дарим? А Дарим ли это?

– Ты кто такой? – пристально взглядываясь в знакомый лик, проговорил Рыжий.

– Не твое собачье дело, ублюдок! – пробормотал черноглазый, растирая синяк на плече.

– Так это ты убил Сокола? – осененный неожиданной догадкой, спросил Лис. Шептун зло оскалился, до боли знакомо щуря темные буркала.

– Он занял чужое место!

Дарим сморгнул, вновь обретя прежний облик, и удивленно воззрися на йока, всем своим видом вопрошая: чего тебе надо?

– Ай да Альба! – уперев руки в боки с некоторым восхищением произнес Лис, качая головою. – Вот гаденыш, тьма ему в печень! Ни словом не обмолвился о том, что этот белобрысый сопляк – мой шептун! Предатель!

Нелюдь вдруг стал серьезен, задумчиво разглядывая парня.

– Ты, значит, хочешь быть со Змеею?

Тот кивнул.

– Что ж, пойдем обсудим эту ... возможность.

В колодце, куда ее, скованную невероятным количеством металла, бросили йоки, было холодно и сыро. Склизкая решетка, отделявшая пленницу от воды, каменные стены, мерзлые, будто сложены из кусков льда, острый запах плесени – такова была ее новая темница. Ольга тихо плакала, свер-

нувшись клубком на железных прутьях. Время, такое знакомое и предсказуемое, свернулось в тугую спираль и остановилось, достигнув своей конечной точки, а та прямая, что отделяла данный момент от назначенного конца, словно катушечная лента, тянулась медленно, долго и однообразно.

Ей было очень больно. Тихо пульсировала незаживающая рана под сердцем, кровоточила и гноилась, обдавая жаром холодеющее тело. То, что произошло – внезапная и страшная смерть любимого человека... хм, человека... превращали остаток ее жизни в сущий ад, а казнь – в избавление от страшных мучений. Оковы давили, мешали дыханию, затворяющий металл на этот раз жег кожу на запястьях и лодыжках, и она знала, что там останутся стручья, когда браслеты снимут с ее обезглавленного тела.

Все кончено! Наконец-то...

Кажется, она уснула. Или просто измученное сознание оставило на время истерзанную душу.

– Эй, Змея.

Шепот доносился сверху – громкий, испуганный и настойчивый.

– Это Ящер. Ты что там, мрак тебе в душу, уснула что ли?

Она приподняла голову, звякнув цепями, и устало спросила:

– Чего тебе?

Сверху послышалась возня, и в круглую шахту колодца, с глухим стуком ударяясь о стены, ссыпалась веревочная лест-

ница. Проворный йок с легкостью скатился вниз по деревянным плашкам и торопливо принялся снимать тяжелые цепи, с некоторой дрожью в пальцах орудия ключом.

– Волнуешься? – безучастно глядя на своего палача, холодно спросила она. Ящер вздрогнул и выронил ключ, тихо и злобно ругнувшись вдогонку мягкому всплеску воды. Осталась одна цепь, та, что связывала ноги. Нелюдь опасливоглянул в проем над головою, прислушался, и, перекинув легкое тельце через плечо, пополз обратно. Ольга даже и не думала сопротивляться. Боязливо озираясь, Ящер усадил пленницу на каменный обод колодца и попробовал вручную раззять звенья. Она с полным безразличием наблюдала за его бесплодными попытками, про себя отмечая, как вздуваются вены на тонкой шее парня, как скрипят от натуги суставы пальцев, а также тишину предрассветных сумерек и их полное одиночество на продуваемой промозглым утренним ветерком площади. Сколько она сидела в этом колодце? Сутки, а может двое? После очередной неудачи Лысый прекратил терзать цепь и, аккуратно подняв Змею на руки, двинулся к дому советов. Ольга ожидала, что йок, соблюдая какой-то неизвестный ей ритуал, отнесет ее в главную залу и оставит там, привязанную к железному кольцу в центре, размышлять над своим проступком, но Ящер повел себя иначе. Обойдя дом, он двинулся к лесу, взобравшись на взгорок, остановился и, нервно косясь единственным глазом на поселок у себя за спиною, опустил Ольгу на землю и отступил.

– Беги к морю. Спеши, у тебя мало времени, – отвернулся и зашагал обратно в деревню, ссутулившийся и напряженный, так ни разу и не взглянув на Великого Духа.

Олга молча развернулась и, не оглядываясь, побежала в чашу. Неожиданный ход ее злейшего в клане Княжьего острова врага дал Змее шанс избежать смерти и наполнил ее душу сильнейшим, почти животным страхом этот шанс упустить. Как дикий зверь, не ведая дороги, неслась она через лес, презрев пульсирующую боль в лодыжках, стертых до кости оковами, и невозможность делать полноценные шаги из-за короткой цепи, которая к тому же цеплялась за всякую мелкую преграду – куст или камень, и Олга спотыкалась, а иногда и падала, расшибая локти и колени в кровь, но все равно поднималась, подстегиваемая страхом, и бежала дальше, чувствуя погоню. В конце концов, пытаясь перескочить небольшой овражек, она зацепилась за корягу, неловко скатилась вниз, уткнувшись лицом в мшистый перегной, и замерла, оглушенная и обессиленная. Несколько секунд она слышала лишь ноющую боль вывиха в предплечье да бешеный стук крови в висках, но приспособленное к нагрузкам сердце быстро успокоилось, и Олга почувствовала чье-то присутствие. Она резко вскинула голову и зажала руками рот, чтобы не закричать. Там, по ту сторону оврага, опершись на искореженный ствол молоденькой березки, стоял Лис: черное от спекшейся крови лицо, твердый лоснящийся колтун на голове, грязная, все в той же чужой крови рубаха,

жесткими складками топорщившаяся на рукавах и груди – все это заставило память Ольги воскресить столь тщательно и глубоко похороненные воспоминания. Ужас накрыл отупляющей волною, когда это окровавленное чудовище из самых страшных сновидений легко и бесшумно соскочило на дно оврага и сделало шаг навстречу Ольге. Прикусив палец одной руки, чтобы ненароком не заорать во всю глотку, второй рукою помогая себе, она отползала от надвигающегося кошмара, покуда не уперлась спиною в обнаженные корневища, увивающие стенку обрыва, и, вжавшись в отвердевшую землю, уткнулась лицом в колени, повторяя бессмысленное:

– Уйди. Исчезни. Тебя здесь нет. Уйди, – но даже сквозь крепко сжатые веки Ольга не могла не ощущать ненавистного Учителя, что, остановившись в шаге от нее, присел на корточки и тянет, тянет к ней свои чудовищные лапы.

– Успокойся, я хочу помочь, – голос был тихим и вкрадчивым, отчего Ольге становилось еще жутче.

– Уйди. Исчезни. Уйди. Исчезни.

Почувствовав его прикосновение, она, не разжимая глаз, наугад лягнула Лиса. Тот зашипел, отдернув руку.

– Совсем ополоумела, девка. Угомонись, кому сказано, дура!

Он грубо схватил ее за ногу, подтянул к себе, выживая из укрытия, будто непослушного котенка из-под печки. Ольга, яростно извиваясь, не выдержала и заорала, укусив Лиса за руку, коей тот попытался зажать ей рот. Нелюдь руг-

нулся, сдавливая непослушную Ученицу в крепких объятиях, и вдруг хватка его ослабла. Ольга вырвалась, но, отскочив прочь, запуталась в цепях и рухнула наземь, тут же свернулась калачиком, сдавленно рыдая в измаранные да оцарапанные ладони.

Лис все так же сидел под корягой, тупо и как-то тоскливо глядя то на свои руки, то на Олгу. То, что он почувствовал, прижав содрогающееся от страха и отвращения тело к своей груди, было невозможным, но ощущения подобной силы не могли быть обманкой. Тяжело поднявшись, нелюдь подошел к ней. Цепь была железная. Рыжему, в отличие от Ящера, не составило большого труда развести крайние звенья. Он чуть коснулся ее дрожащего плеча, так, чтобы ненароком не испугать еще сильнее.

– Слушай меня внимательно. Иди на северо-восток. Выйдешь к тракту у самого моря. Перейдешь его и спускайся к пристани, там в лодке тебя ждет Дарим. Беги и не останавливайся. Я отвлеку этих ублюдков. А теперь вперед!

Он одним легким движением поставил Ученицу на ноги и подтолкнул в спину, придавая хода. Та засеменила, приостановилась, испуганно оглянувшись на Учителя, и, видимо поняв, что он не собирается ее преследовать, бросилась прочь, как лань от лесного пожара, высоко вскидывая крепкие стройные ноги, безумная в своем страхе перед всепоглощающим пламенем. Лис некоторое время глядел вслед удаляющейся добыче.

Да, он самолично выпустил из своих крепких объятий самое ценное, что когда-либо существовало на земле и что по праву считал своим. Потому что не мог более навязывать свое присутствие женщине, что под грудью, самой сладкой и манящей грудью во всем свете, носила дитя. Потому что она не сможет нормально понести рядом с тем, кто изнасиловал ее и кого она ненавидела самой лютой ненавистью. Это нелюдь, несмотря на все свое самолюбие и бессердечие, понимал очень хорошо и вынужден был отступить. И самым тяжелым для Лиса было осознание того, что его собственность, плод его невообразимо долгого и тяжелого труда обрюхатил какой-то пернатый гад. Ярость, бессильная, не имеющая плоскости приложения, безысходная и всепоглощающая рывала холодный Лисий разум на тысячи горьких мыслей об одном и том же. И все из-за одной ошибки, одной его слабости! Хотелось растерзать кого-нибудь, вонзить оба стальных клинка в тело противника и провернуть, выпуская кишки наружу, голыми руками выдергать конечности, наслаждаясь хрустом раздираемых суставов. Лис ослабил кровожадно и безумно, предчувствуя торжество в грядущей схватке, и бесшумно растворился в туманной чаще.

Тракт – мощное более тысячи лет назад полотно дороги – появился внезапно. Ольга, вконец обессиленная, повалилась на него из кустов и некоторое время лежала, тяжело и часто дыша. Тело бил озноб, на языке, скованном вяз-

кой слюною, оставался неприятный привкус железа. До звона в ушах хотелось пить, но не было времени на поиски воды, к тому же до ее слуха доносилось мерное дыхание волн, ласкающих скалистый берег, что значило близкое спасение. Она повернула голову и увидела над линией дороги блаженную пустоту чистого рассветного неба и белые росчерки чаек на стремительно светлеющим фоне. Попытка встать не увенчалась успехом – тело, словно гранитное изваяние, неподъемным грузом прижималось к прохладному камню дороги, словно чувствуя родство. Ольга застонала, пересиливая боль одеревеневших мышц, и села, тоскливо глядя на зеленоватую гладь моря – какая-то пара сотен шагов, и можно пристесть на широкую ступень пристани да опустить гудящие ноги в соленую воду. Она со скрипом повернула голову в противоположную сторону и встретила взглядом с Ящером. Он был ближе, чем море, сто шагов, а то и меньше, стоял, выпучив своей единственный глаз, нервно дергая длинные усы и безмолвно шевеля губами. Ольга лениво прищурилась: – Беги, дура!

Где Младший, там должен быть и Старший, догадалась она, поднялась и заковыляла к воде, придерживаясь дрожащей рукою за стенку естественного коридора, окаймляющего спуск в гавань. Споткнулась, остановилась, сохраняя равновесие, оглянулась, ощущая нежеланное присутствие. Медведь и Ящер даже и не думали догонять беглянку. Бурый – в напряженном раздумье, Лысый – с нескрываемой яростью

и весельем, глядели куда-то поверх ее головы. Ольга не стала зря утруждать шею, она и так знала, кто стоит на скале, и даже мысленно видела выражение его лица.

– Эй, шептун, она здесь! – заорал Лис во всю мощь своих нечеловеческих легких. Ольга тихо сползла по стенке и замерла, в изнеможении прикрыв глаза. *Все! Слава Творцу, все кончено!*

Рыжий тем временем продолжал паясничать, сидя на своем возвышение, как на троне.

– Охотнички! Не меня, случаем, ищете?

– Тебя, Предатель! – не сдержавшись, гневно парировал одноглазый.

– Ого, какие мы громкие! – хохотнул нелюдь. – Куда намылился, сопляк? Стой, где стоишь! Вот так, Учителя надо слушаться.

Легкое шуршание, едва слышные шаги, голодное урчание металла – это Лис спустился вниз, встав в устье коридора и вынув два парных клинка из ножен. Ольга приоткрыла один глаз, оценивая прямую чуть напряженную спину и два поблескивающих в розовом свете восходящего солнца стальных лезвия – знаменитые Лисьи клыки. *У Ящера нет шансов, насчет Медведя не уверена.* Она вздохнула, пряча лицо в колени. Подташнивало. *Опять он будет убивать. Как обычно.* Ольга поморщилась. Мысли текли вяло. Ее неумолимо клонило не то в сон, не то в обморок. Чьи-то нежные сильные руки подняли с земли окостеневшее тело, бережно пере-

несли и уложили на мягкое. Дробный стук, скрип уключин, убаюкивающая качка. Она открыла глаза лишь тогда, когда дикая боль зубами вгрызлась в лодыжки, но после пришло успокоение, граничащее с блаженством. Ольга увидела склоненную голову Дарима, пеленающего искалеченные оковами ноги, берег, еще близкий, но уже неопасный: маленькую бухту, невысокие белые скалы в потеках зелени, и пять темных фигурок, танцующих вдоль самой кромки обрыва. Прежде, чем потерять сознание от безумных криков, дробящих мозг на кусочки раскаленного металла, Змея успела увидеть, что двое воинов сорвались с карниза, и один из них прямо в полете разлетелся серебристой пылью, лопнув, как мешок с мукою. Второго с плеском проглотила зеленая пучина, как и пущенные ему вдогонку стрелы. А пепел медленно кружился, подхваченный ветром, мерцал, словно алмазный порошок, ловя на свои незримо мелкие грани лучи солнца. *Правильно, у него ведь не было шансов. Бедный Ящер...* И мир померк.

– Ох, уж эта жмыриха! Ну как есть мухла костлявая! Не спорь, Дарья. Ведаю, о чем говорю.

– Магуль, так не бывает же баб среди йоков.

– Ты ей в зенки страшные змеиные не глядывала, да воочию не смотрела, как оно целый чан, считай половина телка, за раз сожрала. А что толку. Скулы торчат, щеки как у мули кладбищенской – нет щек, считай. И не пойму, что он с нею возится? Справный мужик, красавец, любая баба тако-

го себе пожелает. И не беда, что нем. Оно даже сподручней, орать не будет, да пакости разные говорить тоже не сможет.

Олга, не открывая глаз, слушала беседу под окном, слегка удивляясь необычному говору двух сплетниц, потом поднесла руки к лицу, ощупала. Действительно – нет щек. Змея подняла веки и долго, без особых мыслей, разглядывала истончившиеся запястья – кожа и кости. Тупое безразличие к происходящему и странная вялость заслоняли глухим затвором все эмоции. Она села на своей лежанке, протерла заспанные глаза и огляделась: обычная холодная клеть, пара широких лавок, приспособленных под лежанки, кадка с водой в углу, стол, недавно сколоченный, да пара небольших табуреток при нем, и завес, разделяющий и без того тесную комнатку на две части.

– Эх, Магуль, полгода, как вдова, а уже мужика себе выбираешь, бессовестная, – женщина хихикнула игриво.

– А что Дарья, жить как-то надо. У меня, сама знаешь, опосля Степана четверо деток малолетних осталось, да хозяйство шире моря. Одна я как выдюжу? То-то, что никак. Хорошо, хоть этот болезный приبلудился. Работник, каких поискать. И ведь два месяца назад ничего не умел: ни сеть кидать, ни хлев чистить, ни гвоздя заколотить. Поди же, умный как шаман, все понимает с первого раза, – женщина горестно вздохнула. Змея опустила ноги и угодила прямиком в мягкие, на шерсти, босовики. *Два месяца! Странно, что я ничего не помню.* У изголовья лежала шаль, добротная, теп-

лая, весьма даже кстати лежала: Олгу морозило, как при лихорадке.

– А на дудке этой играть до чего мастак, заслушаешься!

– Да слыхали, не глухие. Ну так бери в оборот, раз приглянулся.

– Взяла б, так он ни на кого, кроме мухлы своей не глядит. А было бы на что глядеть. Страшная – жуть до костей берет, особенно глазища ее безумные, тощая, что шкилет. Во гроб и то краше кладут.

Скверные бабы. Повыдергать бы вам языки.

– Ты, это, потише что-ли! Мухла она или нет, а коль услышит, крику будет. Она-то не немая.

– Да не услышит. Ненормальная баба. Проснется, нажрется и снова спать. Будто не человек вовсе. Ни по нужде, ни по женским делам ей не надобно. Одно слово – жмырь! Как есть нелюдь!

Олга прислушалась к себе. Вдова не врала, грозное урчание в желудке подтверждало ее слова – нутро жаждало мяса. Она тяжело поднялась, но не смогла сделать и двух шагов, присела на скамью, хватаясь за живот, подозрительно упругий на фоне общего истощения. Будто груз какой-то тянул к земле. Олга задрала рубаху положила ладонь на чуть скруглившееся брюшко и замерла, ошарашено уставившись на миску. Она была беременна. *Двойня! Неужели от Сокола? Творец всемогущий, Ты действительно всемогущ! Как такое возможно, уму непостижимо!* Змея слабо улыбнулась – вос-

поминания о Соколе болью отдавались в сердце – нежно погладила живот, нахмурилась: что-то с плодом было не так, что-то... *откуда такая тяжесть?* Ее тело и разум будто выпиты до дна, она не может долго бодрствовать и в полной мере насытиться пищей. Будто... нежить какая сосет ее изнутри! Руки Ольги мелко задрожали. *Что может понести пустое чрево от мертвого семени?* Было слишком страшно допускать до сознания подобную мысль, и она, крепко зажмурившись, тряхнула головой, отгоняя ее прочь. *Плод все-таки растет, значит дети живые. Но... что же делать?* За завесой послышались шаги, скрипнула дверь, полилась в кадку вода, кто-то зафыркал, умываясь. Ольга торопливо одернула подол и, потянувшись, отодвинула занавеску, с опаской глядя на незнакомца, что утирался полотенцем. Видимо, почуяв, что его внимательно разглядывают, он отнял рушник от лица и посмотрел на нее.

– Ой! – Змея, не поверив собственным глазам, неуверенно переспросила, – Дарим?

Он некоторое время пристально всматривался в ее лицо, после чего радостно улыбнулся и, бросив полотенце, присел на корточки, скаля белые зубы и щуря ясные голубые глаза от удовольствия. Ох, как непохож он был на того измученного шептуна, что вызывал лишь сострадание, а иногда и брезгливость. Ни капли безумия не было в этом здоровом загорелом мужчине двух с половиной аршин ростом. Он более не сутулился, плечи и спина, натруженные тяжелой ра-

ботой, обросли крепкими мышцами, как, впрочем, и руки, каждая из которых была теперь, что ее нога, а то и шире. Бледное золото кудрей на ярком солнце вконец выгорело, волосы стали совсем белыми, зато густыми и мягкими. Отросшая борода и усы на фоне темной кожи выглядели... красиво. Змея коснулась его щеки. Да уж, рядом с ним она, в нынешнем своем состоянии, действительно выглядела убого. Эта мысль почему-то вызвала лишь злость и странное болезненное вожделение: низ живота наполнился неприятным тянущим чувством. Она прикрыла глаза и несколько раз глубоко вздохнула.

– Где мы?

Дарим удивленно огляделся вокруг и развел руками, как бы говоря “здесь, а где же еще”. Ольга страдальчески поморщилась, потирая переносицу ребром ладони:

– Прости, я забыла. Но ведь ты мог раньше... как бы это... мыслью ... говорить?

Он некоторое время покусывал губу, сосредоточенно глядя ей в глаза. Лоб взбугрился напряженными складками, у виска набухла венка.

Могу. Но трудно. Много сил надо. Устал.

– Хорошо, я буду спрашивать проще. Сколько времени мы плыли.

Дарим задумался, и показал ей три пальца.

– Часов? – отрицательный кивок. – Дней?! Так. На юг? Нет? – Дарим нарисовал в воздухе крест, и принялся показы-

вать направления. – Так. Сначала... запад, потом... юг, потом... хм, не знаешь. Мы на материке? – вопросительный взгляд. – На островах или на большой земле? – утвердительный наклон головы. – На островах, значит. А пока мы плыли, землю видно было? – он неуверенно передернул плечами. – Ага. Вот оно как. Безграничные воды. Что ж это вероятнее всего, судя по тому, что женщину, приютившую нас, зовут Магуль. Тьма забери, ничего не помню.

Она задумчиво опустила руку в миску, нащупала там остывший уже оладий и засунула его в рот. Потом вновь посмотрела на шептуна, что копался в затылке, проворачивая цепочку, подвеской запутавшуюся в волосах. Дарим тряхнул головой, оправляя кудри, и на грудь упала золотая птичка, при виде которой у Ольги все похолодело внутри.

– Откуда у тебя это? – воскликнула она, схватив за кулон и потянув так, что Дарим чуть не упал. – Откуда у тебя Лисья цацка? Он тебе отдал?

Парень, удивленный внезапной вспышкой, усердно затряс головою: “нет, что ты!”

– А кто же?

Вместо ответа Дарим принес сумку, покопался и вынул из нее черную рубаху с золотым узором по вороту.

– Лисьи вещи, – она запустила руки в чужой скарб, вынула кошелек. – Тугой. Зачем горбатишься, коли деньги есть?

Дарим недовольно нахмурился.

Не мое. Не хочу.

Змея ухмыльнулась. *Ишь, гордый какой.*

– А это, – она указала на золотой кулон, – твое, значит?

Шептун отвел взгляд, теребя подвеску.

И мое тоже.

Олга удивилась. *Чудак-человек, ей богу.*

– Ладно уж, пусть будет. Но откуда, позволь узнать, здесь пожитки Рыжего? Он что, тоже на острове? – отрицание. – Значит, плыл с нами? Нет! Только собирался. А почему не поплыл? Не знаешь. Хм, бросил все свои вещи и исчез. Может, его все-таки добила мои неудавшиеся палачи, – она горько усмехнулась, – это могло бы быть великолепным подарком будущей матери, если бы йоки были расторопнее. Но, как показало время, этого гада очень трудно извести, – она тяжело вздохнула, – но кое-что они все-таки мне оставили. Дарим, где кандалы? Ну, браслеты, ошейник? Выбросил? Нет? Слава Творцу. Металл из которого они отлиты, стоит в десять раз дороже золота. На эти деньги можно купить не то что дом, целый остров. Только продать его надо людям знающим: знати, Ловчим или ювелирам... А? Что?

Дарим болезненно кривил губы, пытаясь поймать Ольгину руку в свою мозолистую ладонь.

Не надо денег. Сам.

Змея замолкла, с серьезной миной изучая лицо своего нового опекуна, а через некоторое время несмело, но выразила-таки свою догадку:

– Ты... ты меня любишь.

Он не отвел взгляд, не заерзал, нервно потирая руки, лишь веки в окаеме белых ресниц чуть дернулись, да голубые глаза заблестели, увлажнившись.

Да.

Суровые черты ее смягчились, маска йока спала, и Ольга, наклонившись, нежным поцелуем коснулась дрогнувших губ.

– Спасибо, Даримир. Я знаю, что ты будешь ради меня трудиться, не покладая рук, но с этим гостеприимным домом придется расстаться. Нужно уйти отсюда как можно скорее.

Шептун совсем скис, услышав последние слова.

– Почему? Потому что уже пустили слух обо мне. Недобрый слух, небезобидный. Кто? А ты сам не догадываешься? Да постой ты... не оправдывай ее... верю. Верю, что хорошая, добрая, но она женщина... не перебивай меня... да к тому же вдовая, а ты, прости конечно, наивен, как майский цвет. Лодка, надеюсь, цела? Хорошо.

– Дядя Златый, дядя Златый!

Звонкий девчоночий крик заглушал топот босых ножек. Малышка влетела в клеть да так и замерла, осекшись при виде разговаривающих:

– Ой, дядя Златый, – сдавленно пискнула она, глядя на Змею, – там мамка велит прийти, помощь нужна.

– Златый? – Ольга удивленно воззрилась на шептуна.

Дарим пожал плечами, провел рукою по волосам.

– Что ж, – она усмехнулась, поняв намек, – оправданно.

Безграничные воды не отличались спокойной жизнью – это Ольга знала по слухам, на деле же остров, затерянный в гуще таких же небольших зеленых островков, как и он сам, оказался довольно мирным поселением. Змея даже подозревала, что видела его в скитаниях своего духа еще тогда, до получения права на ритуал, но... с высоты полета все они казались ей однотипными и не столь интересными, как сам процесс скольжения среди облаков, потому не было уверенности в подобной догадке, да она и не особо задумывалась над такой мелочью, сидя на скамье у плетня и наблюдая за чайками, что с воплями носились над верхушками деревьев. Мысли ее были полны вопросов либо не имеющих ответа, либо требующих очень сложных решений, принимать которые Ольга в нынешнем своем состоянии была не способна. Почему Лис не поехал с ними, как намеревался? Отчего так изменился Дарим и долго ли он будет таким? Ищут ли ее “сыны смерти” Княжьего острова? Почему они хотели казнить ее? Хотя, это в какой-то мере понятно... Думал ли Медведь, что это она подняла руку на любимого... нелюдя? Кто же все-таки убил Сокола? Кому здесь продать драгоценные оковы? Куда податься после? От тяжелых дум делалось тяжело на сердце... и под сердцем, где и лежал неподъемным грузом самый главный вопрос: что делать с мертвым плодом? Как вдохнуть жизнь в нерожденное еще существо? Ольга устало прикрыла глаза, всматриваясь в холодную темно-

ту своего чрева, тяжело вздохнула и, поднявшись, побрела к бухте встречать Дарима, что сегодня ходил с мужиками в море ставить сети. Утро выдалось теплое, солнечное, ступать босыми ногами по пыльной утоптанной дороге было приятно. Змея шла медленно, часто останавливаясь и переводя дыхание, и в эти короткие мгновения до ее слишком острого слуха доносились неприятные слова. Бабы у колодца забубнили ей вослед, видимо полагая, что она не услышит:

– Ведьма проклятая. Затуманила мужику разум зельями своими, так он теперь немой да подневольный. Ни вправо, ни влево ступить не может без ее ведома. Как есть ведьма!

Над забором, перегнувшись через который три девки лущили подсолнух, понеслись сдавленные злые смешки, когда она прошла мимо, прыгнув от взывшего за оградой пса.

– Колдовка костлявая...

И приглушенное, пока что боязливое “шу-шу-шу, шу-шу-шу” за спиною на протяжении всего пути, будто осенний ветер гнал сухие листья по каменной мостовой. И непонятный, совершенно неоправданный страх, сжимающий трепещущее сердце, страх, за который Змея, смелый и непобедимый воин, ругала себя и злилась до желчного привкуса на поджатых в негодовании губах. На площади перед причалом ее атаковали открыто. Проходящая мимо баба “нечаянно” опрокинула бадью с рыбными головами прямо на Олгу и под хихиканье своих товарок принялась чересчур речисто причитывать, охать да ахать, извиняясь за испорченную рубаху. Это-

го Змея терпеть больше не могла. Она подняла с земли бадью, довольно крепкую, из тех, что на века, и, повернув к глумливым бабам свое искаженное гневной судорогой лицо, сдавила кадку с боков. Дерево пронзительно взвизгнуло, лопаясь в самых неожиданных местах, и на землю посыпались влажные щепки. Ольга сделала шаг к онемевшей женщине и вручила ей продырявленную кадку, после чего, довольная, спокойно удалилась. Конечно, это породит новые слухи, но, по крайней мере, люди станут ее бояться и прекратят донимать... до поры.

На пристани было пусто. Рыбаки ушли в море, торговцы отбыли через пролив на базар, что находился на соседнем острове, лишь седенький мужичок латал на берегу свой маленький ялик. Змея присела у самой кромки воды, счищая с подола рыбную требуху, потом досадливо ругнулась, косо глянула на увлеченного своим делом старика и вошла в море по колено, да так и замерла, обласканная нежными прикосновениями могучих соленых рук.

“Впервые вижу твою улыбку, а не оскал... Ты прекрасна... Хороша девка... Я люблю тебя, Дева Воды... Я люблю тебя... люблю тебя... люблю... тебя”. Голоса приходили вслед за образами – яркими, манящими, живыми, – а потом наступала тоска, безнадежная и душная, как смятая постель умирающего. Ольга закрыла лицо руками. Где вы? Все, кто любил меня. Кто знал, что я человек. Почему вы уходите?

“Я рядом”.

На мутной глади у самых ее ног проступил нечеткий лик. Ольга взгляделась. *Дарим?*

“Я всегда буду рядом, потому что... ТЫ МОЯ!” Черный вихрь ринулся навстречу, и теперь знакомые черты узнавались очень легко. Она закричала и ударила по воде рукою. Страшное, искаженное жаждой лицо распалось на тысячи капель, брызги окатили ее с ног до головы, и Ольга пришла в себя. Тяжело дыша, она огляделась. Старик, видимо, закончил свою работу и с любопытством разглядывал Змею с помоста. На миг его морщинистое, как сушеная груша, лицо показалось ей знакомым. *Чего это он?* Она недовольно взглянула на старичка и принялась напоказ выжимать рубаху, но нахальный дед даже не подумал отвернуться, лишь беззлобно ухмылялся ртом, полным белых крепких зубов. Первым заговорил он:

– Так это тебя в деревне мухлою костлявой кличут?

Голос у него был приятный, могучий и глубокий – не ясно, как он умещался в щуплом, поджаром теле.

– Да, меня, – с вызовом ответила она. Старик довольно зажмурился, расплывшись в благодушной улыбке.

– Ай, брешут! Сколько я на своем веку костлявых видал, а ты явно краше.

Ольга безрадостно ухмыльнулась, выходя на берег.

– Чегостряслось-то, девица? Вижу я, тяжело тебе.

Змея кивнула, присаживаясь рядом с дедом.

– Уходить тебе надобно отсель. Баба, особенно та, в кой

такарской крови много, горяча и дурна на голову в своем угаре. Коли положила она на мужика глаз, да крепко положила, все сделает – и глупость великую, и еще хуже. А парень у тебя справный. До чего справный, слов не найти! Только глупый еще, как тюлененок месячный. Но это ничего. Пройдет. Держись за него, покуда он рядом.

– Я ее не боюсь, стерву эту, – буркнула Ольга. Старик покосился на нее:

– Боишься. Ты сейчас всего боишься, деточка, – он сделал особое ударение на слово “сейчас”, – но и это ничего. Привыкнешь. Надо же и тебе хоть изредка людей бояться. Чтоб сноровку не терять, да не загордиться.

Змея вздрогнула, бросила на него быстрый, полный недобрых подозрений взгляд. Старик сосредоточенно pokrutil пальцем в ухе, прочищая, вынул ниточку водоросли и, досадливо крякнув, выбросил ее в море. *Кто он такой? Где я его видела?*

– Ах, внучка, коли тебе защита али помощь нужна, пойдик отцу, а коли совет в деле женском, ступай к матери. Бабы – народ тяжелый своей мудростью, – старик улыбнулся, – и веселый своей глупостью. Иногда диву даешься, как они этикие сложные явления в себе сочетать могут.

– Нет у меня ни отца, ни матери.

– Ну, внучка, так не бывает. У всех у нас отец – Небо, а мать – Земля.

– А море кто? – усмехнулась Ольга.

– А море-океан, милая – это дедушка, – старик плутовато заулыбался. – Когда мир твой рушится, даже самые дремучие суеверия опоры дают, поскольку в них память твоя и твой исток. Что, неправду сказал? А с тобой разве такого не бывало?

Олга испуганно глядела на него, не смея перебивать. Слишком много он знал для обычного человека. Старик вдруг посуровел, вслушиваясь, глянул в небо, потом на остров.

– Пора мне, внучка. Да и тебе тоже. Ах, чуть не забыл. Коли ты действительно йок, должен предупредить, что на Синих скалах – третий остров к северу отсюда – собралась большая Стая. Напали на след какого-то безумного мухлы. Будет большая резня. Так что побереги себя, милая, ради деток своих побереги.

Старичок проворно соскочил с причального помоста в покачивающийся под ними ялик и замахал веслами с усердием семнадцатилетнего. Олга, пораженная таким всезнанием незнакомого ей человека, даже не успела и слова крикнуть вдогонку, как окликать стало уже некого: странный дедок будто растворился, проглоченный внезапно разволновавшимся морем. Она еще некоторое время стояла, бездумно глядя вдаль на колыхавшуюся громаду водной толщи, потом повернулась и пошла обратно в деревню, не замечая ни былой тяжести, ни крутого подъема. Около плетня знакомой хаты она приостановилась, встретившись с ненави-

дядицем взглядом вдовы, улыбнулась странно, по звериному растянув пухлые губы, и побрела дальше, тут же позабыв о коварной женщине. В роще она прилегла на жесткую пожухлую траву. Желтые стебли щекотали лицо, земля приятно холодила живот. Змея прислушалась, вжавшись ухом в колючий настил, закрыла глаза. Земля была живая. Ее кожу рыхлили черви и кроты, и Змея слышала их тихую возню; по ее каменистым сосудам бежала вода, и Змея улавливала ее мелодичное журчание и чуяла влажную прохладу; а там, в самой глубине, билось ее огромное, пламенное сердце, и Змея чувствовала пульс, неспешный, как солнце, размеренный, как дыхание волн, и вечный в своем постоянстве, как время, которого для нее – Великой Ары-Земли – почти не существовало. И Змея потеряла себя в ней, будто вновь спустившись в то чрево, что выпустило ее под звезды. В этот миг она знала все, точнее, не испытывала желания познавать: мир был понятен до последнего его штриха без всяких объяснений. Это давало такой покой и такую силу, что разум тела не мог охватить и осмыслить его в полной мере, а разум духа лишь радостно раскрывался навстречу потоку, наполняясь тем, что в религиях зовется благодатью, а сердцем принимается, как любовь.

Олга открыла глаза. Солнце перевалило за полдень и медленно сползало в кучерявые облака на горизонте. Она повернула голову и увидела Даримира. Он сидел, привалившись к дереву, жевал пирог и попутно расплетал спутанные се-

ти. Заметив, что его любимая проснулась и смотрит на него, Златый улыбнулся, жестом предлагая ей поесть. Ольга прислушалась к себе и отрицательно покачала головой, вновь откинувшись на траву. Дарим удивленно приподнял брови, пожал плечами и снова принялся за работу. Она молча наблюдала за ним. *“До чего справный, слов не найти!”* Надо же, даже будить не стал. Будто знал, что не требуется. Красивый. Только вот чем-то он стал на Лиса похож. Недаром же я его тогда в отражении с нелюдем спутала... Да нет! Глупость! Нет ничего общего. Только... нет, ничего! Совсем ничего. Вчера она вот так же наблюдала, как он ладит забор. Сидела себе на крыльце, сучила кудель и смотрела, как перекатываются мышцы под опаленной солнцем кожей. Потом подошла сзади, положила ладонь на плечо, тихо заговорила:

– Мне нужен мужчина – подмога мне и отец моим детям. Теперь ты станешь моим мужем.

И ушла в дом. Он тогда даже не обернулся. Замерев с молотком в руках, выслушал ее слова, более похожие на приказ, чем на просьбу, и, похоже, принял его без возражений и ответных требований. *Бедняга!* Ольга ласково улыбнулась, глядя на сосредоточенного в работе Дарима. *Прав был дед, действительно хороший человек.*

Из-за деревьев тем временем донесся крик.

– Дядя Златый! Дядя Златый!

Чернявая девчонка, запыхавшись, остановилась подальше от Змеи, боязливо, но с некоторым любопытством погляды-

вая на нее, темными, как у матери, косыми глазенками.

– Мамка зовет! Амбар чистить надобно, сено завтра с лугов повезут.

Дарим кивнул, вопросительно поглядел на Олгу.

– Иди, – лениво махнув рукою, ответила она.

Ее слегка позабавило, что тот недовольно поджал губы, – не хотел оставлять ее одну, – но он понимал, кто она, и не стал настаивать. Олга перевернулась на спину. Ветер трепал выбившиеся из-под платка волосы, шелестел сухостоем, путался в ветвях, сгоняя желтеющую листву с деревьев. Что-то ведь она поняла, странствуя в недра своей родительницы. Что-то, что теперь ускользало из ее сознания, как ветер, напоенный пряным ароматом осени, сочился сквозь пальцы. Это знание осталось не в уме, в душе, и Олга впервые сознательно лишила себя разума, чтобы последовать за сердцем.

Сквозь шепот деревьев в объятиях ветра до ее слуха доносились крики голодных поморников и гулкое урчание ворочающегося с боку на бок моря. Птицы внесли в ее душу печаль, глаза увлажнились, и по щеке сползла одинокая слеза. Где-то на лугу, у речки, трубно мычала корова, в деревне бляела коза, а у самого уха пискляво закружился наглый комар. Это было хорошо, и она улыбнулась. Потом на выпасе запела тонкоголосая жалеяка, но быстро смолкла. Ее сменил голос:

Эх, люби меня,

Девка красная,

При тебе живой,

Без тебя тоска!

Олга поднялась, повинувшись необъяснимому желанию, стряхнула с подола труху и пошла в деревню. Даримир, ловко орудуя граблями, расчищал амбар от сора. Змея остановилась в проеме, опершись на скрипучую воротину рукою. Златый, – это имя ему действительно очень шло, – поднял на нее вопросительный взгляд. Она переступила через порог, закрыла дверь и сделала несколько шагов навстречу. Солома приятно шуршала под босыми пятками, приторно пахло подгнивающим сеном и солнцем, проникавшим сквозь небольшое окошко над входом. А еще был мужчина, муж, чуть горьковатый запах свежего пота, биение теплой крови, гонимой живым, смертным сердцем, золотистые волосы в ярких бликах от падающего на красивое и доброе лицо света, да голубые, почти прозрачные глаза, настороженный и в то же время любопытный взгляд. Змея распустила ворот рубахи, повела плечами, освобождаясь от одежды.

– Ты тоже думаешь, что я стала чересчур костлява?

Дарим судорожно дернул головою в отрицательном жесте, с трудом сглатывая пересохшей гортанью. Змея медленно приблизилась к нему, снимая платок и вынимая тонкие закрепы из стянутого узла. Водопад шелковых струй окатил ее

плечи темной волною. Расправив волосы рукою, она провела ладонью по его щеке, груди, коснулась запястья.

– Брось, – и он разжал пальцы, с силой сдавливающие черен граблей. – Вчера я сделала тебя своим мужем. Сегодня... сейчас ты станешь моим мужчиной.

Она развязала пояс его порток, сбрасывая ненужную более одежду, обвила шею руками и страстно впилась в его губы, как некогда Учитель, ослабнув до крайности, требовательно припадал к ее силе. Даримир некоторое время осознавал происходившее, пока, наконец, мужское естество не взяло верх над его страхом неопытного мальчишки, и страсть, долго и сурово сдерживаемая, не хлынула наружу. И Змея стонала под его поцелуями, ликуя до слез, что все сделала верно. Именно это и было необходимо ее плоду – живая, полная света и солнца сила, безумная и радостная, чистая и земная, человеческая энергия. Она не просто очистила и омыла ее своим огнем, она подарила полноценную жизнь ее детям.

Сумерки окутали деревню. Даримир вновь и вновь брал ее, сильный, горячий, любящий, будто не иссякал его источник, до тех пор, пока Змея, уставшая, не отстранила его. И он повиновался безоговорочно.

Шептуну было доступно много больше, чем казалось на первый взгляд. Это удивляло и настораживало. Хотя, кому известно, откуда эти существа берут свою мудрость.

Змея уткнулась лицом в широкую, покрытую бисерин-

ками пота грудь. Даримир приобнял ее за плечи, нежно и нетребовательно, и она услышала в своей голове тихий приятный голос – его голос:

“Спасибо, Ольга. Любимая”.

Она улыбнулась сквозь сон. Никогда еще он не называл ее по имени.

Сутки. Да, именно сутки прошли, не более. Она повернула голову, убирая с лица налипшие пряди. Клеть была пуста, как и ожидалось, – солнце совсем недавно преодолело зенит. Она повела рукою, благодушно глядя в оконце сквозь растопыренные пальцы. Легкая улыбка скользнула по пухлым губам, скатилась в порозовевшие и округлившиеся щеки, тяжесть в теле ушла, ее сменили сила и бывшая ловкость движений. Змея свободно соскользнула с лежанки, потянулась всем телом и, почувствовав острый приступ голода, принялась за обед. Каша со шкварками показалась ей божественно вкусной, а печеная в сметане рыба была выше всяких похвал. Вдруг громкий пронзительный крик за спиною прервал ее радостное столование. Ольга закашлялась. На окне, чуть склонив голову набок и раззявя клюв, восседал огромный встрепанный поморник. Ему было явно неудобно на узком подоконнике, перепончатые лапы не умели цепляться за выступы, и чайка с трудом удерживала равновесие при помощи крыльев, а заметив, что на нее обратили внимание, разразилась недовольным скрежетом, как бы говоря: я, конечно, тер-

пеливая птица, но всякому терпенью когда-нибудь приходит конец, так что скорееними с меня эту удавку, и расстанем-ся по-хорошему. Олга, зажав в руке рыбий хвост и, как нож, выставив его перед собою, аккуратно приблизилась к клоко-чущему вулкану негодования и медленно сняла с шеи птицы обвязанное бечевкой послание. Чайка выхватила из ее руки поживу, проглотила и, проскрежетав что-то явно нелестное, улетела прочь. Олга удивленно почесала кончик носа и развернула письмо. Кривыми буквами со множеством ошибок в записке значилось следующее:

“Твоя семья жива. Пока. Если хочешь видеть их в добром здравии, немедленно приезжай на Синие скалы в деревню на северном мысу и помоги мне убраться из их дома. Учитель”.

Дарим залатал и как следует просмолил старый ялик, доставшийся ему от Лиса. Довольный своей работой и с чувством выполненного долга он вернулся домой, где и застал Олгу в том виде, в каком уж точно не ожидал ее увидеть. Шесть дней с момента ее пробуждения тюки, собранные нелюдем в лодку, спокойно почивали в дальнем углу комнаты, теперь же все их содержимое было разбросано по полу, создавая невообразимый хаос, посреди которого восседала его жена в такарских шароварах, подпоясанная широким мужским ремнем и при оружии.

Завидев Дарима, Олга сказала, как отрезала:

– Мы уходим. Срочно. Собирайся.

Лис, решив покинуть их, действительно остался гол, как сокол. Все его вещи, вплоть до боевой амуниции и смены белья, были спущены в ялик. Покопавшись, Ольга достала со дна маленькую шкатулку. Непарная серьга – серебряная скань с изумрудами, просмоленный сверток с ее предсмертными мыслями и ритуальный клинок, который также принадлежал ей – нелюдь оказался не просто гадом, а гадом ностальгирующим. Змея некоторое время держала маленький кинжал в руке, затем убрала все обратно.

– Надеюсь, до этого не дойдет, – тихо пробормотала она, и обернулась к Дариму, – попрощайся с хозяйкой дома... Я? Я найду другой способ сказать ей “спасибо”. Ступай, – и принялась укладывать вещи.

Оставив тюки в распоряжении Даримира, Змея вздела на свои плечи лишь запеленатый от чужих глаз меч и сумку с порошками, зельями да записями. Во дворе было пусто, только косоглазая малявка – единственная девчонка среди детишек вдовы – мела палую листву и прочий сор. Завидев Ольгу, она не испугалась, но удивилась слишком грозному и непривычному ее виду. Змея дошла до калитки и остановилась в раздумье, положив пальцы в перстнях на гладкую от постоянных касаний доску. Потом обернулась и поманила девочку к себе. Та неуверенно, бочком, но все же приблизилась, глядя на грозную тетку. Змея откинула с лица шелковый налечник, склонилась над девочкой и легонько стукнула ее чуть выше скулы.

– Вот так-то, пожалуй, будет лучше, – она улыбнулась, снимая золотое кольцо с россыпью мелких сапфиров, собранных в причудливый узор. – Вот, держи. Будет тебе приданое и благословение от Великого Змея. Только мамке не говори, покуда не исполнится тебе пятнадцать годков. Бывай, маленькая.

Открыв калитку, Ольга в последний раз поймала изумленный и напуганный взгляд уже прямо смотрящих глаз и, завесив лицо, пошла вниз по улице.

Долг был уплачен сполна.

Тишина Синих Скал завораживала и настораживала одновременно. Туман белесым маревом сочился вдоль улиц, скрадывал звуки спящего городка, и, воровато чураясь восходящего солнца, отползал в низину, к морю. Ольга отошла от окна и поморщилась, вдыхая неприятный запах грязной комнаты захудалой гостиницы. Другой в этом разбойничьем притоне не нашлось. Разметавшись на широкой кровати, крепко спал Даримир. Змея присела рядом, накрыла грудь покрывалом, смахнула с лица волосы, что были в разы белее застиранных простыней. Вчера он, бедолага, бегая по ее поручениям, сбил ноги и кулаки. Сама же она сидела безвылазно в тесной, провонявшей клопами и плесенью комнатушке, и изучала карту Безграничных вод, не решаясь высунуть за порог и носа. На пристани по прибытии она видела Медведя с собратьями, и было это очень плохо. Свежи еще были вос-

поминания о недавних событиях, и страхи, сопровождавшие их. Что он здесь делал, она, кажется, догадывалась, но легче от этого не становилось.

Олга вновь подошла к окну, вглядываясь в рассветный полумрак. Городок, что сейчас казался тихим и мирным, на деле был центральной гаванью для всех пиратских судов Безграничных вод. Все отбросы, изгои и изверги стекались сюда с целью сбыть награбленное добро, прогулять полученное золото, пополнить запасы, залатать раны и много еще такого, о чем Олга предпочитала не думать. Зато дела с этими людьми оказалось вести очень выгодно, хоть и опасно. За Даримира она не сильно беспокоилась, хоть того и пытались удавить пару раз в проулке, и кто-то все же пырнул ножом, оцарапав руку. Шептун отлично умел уклоняться от ударов, это Змея уразумела, наблюдая его поединок с Лисом, и, как выяснилось, дрался он не хуже, что показал, когда они мирно ужинали в общем зале, где какой-то пьяный тюрбан, скаля золотые зубы, попытался ухватить Олгу пониже спины. Хорошая была потасовка! Змею она, по крайней мере, позабыла, отвлекая от тяжелых мыслей, и польстила ее женскому самолюбию, когда Дарим, полыхая праведным гневом, вышвырнул нерадивого ухажера в окно.

Теперь ее муж спал, крепко, как и добрая часть города. Она некоторое время наблюдала за его мерным дыханием, почесывая в нерешительности кончик носа, затем тихонько потрясла шептуна за плечо и в ужасе прынула прочь от чер-

ных, словно две спелые сливы, глаз. Дарим сморгнул и вновь стал прежним, но Ольге хватило этого мгновения, и теперь ее разум, сбиваясь, гнал одну мысль за другой с необыкновенной скоростью. *Это не мог быть он, прикрыв глаза, думала она, не мог! Он же не убийца! Да и откуда ему было знать, как убивать йокков? Правильно, это умеет только Лис, которого научил Альба. Но Дарим жил рядом с оракулом целый год, откуда тебе известно, что этот засранец смог передать шептуну. Ты хочешь сказать, что этот ублюдок науськал парня на Сокола? Кто знает, а может шептун из ревности сам кинулся на нелюдя. А может и тот, кто живет в нем...* Ольгу замутило. Дарим был уже рядом, обеспокоенно теребил ее за плечи, пытаясь заглянуть в глаза, но она отворачивалась, пряча наворачнувшиеся слезы.

“Да что произошло!”

– Это ты... – она сглотнула, – ты убил Сокола?

Даримир нахмурился, искал на столе дощечку с мелком и, начертав, протянул Змее.

“Лис тоже так говорил, но я не помню этого. Сокол был тебе дорог?”

– Да, – Ольга не выдержала и завывла в голос. Этот несчастный, он ничего не знал. Не мог знать! Откуда? Но боль от этого не унималась. Дарим вновь протянул ей дощечку.

“Я хорошо научился сдерживать себя. Ты уверена, что это был я?”

– Я... я не знаю.

Шептун понуро склонил голову, опершись на стол.

“Он – отец?”

– Да, – она уже начинала успокаиваться. Даримир побелел, нервно закусив губу, прошелся по тесной каморке и снова кинулся к писалу.

“А если это действительно был я? Что тогда? Ты меня возненавидишь, как Лиса?”

Она покачала головой, сил отвечать не было, тем более что сейчас она не была уверена в ответе.

– Ты знаешь, чей ты шептун?

Он внимательно посмотрел на нее.

“По-моему, ты сама уже догадалась”.

Она сжалась, как будто ее ударили по лицу: сильно, больно и обидно.

– Что в тебе от него? – скрежет мелка. – “Память”. – И ты имеешь к ней доступ? – “Только в определенных состояниях”. – Что ты знаешь о нем? – “Я изредка вижу его мать. И отца”. – Это все? – “Этого достаточно, чтобы понять некоторые его поступки”. – Ты недоговариваешь! – она с ожесточением оттолкнула протянутую руку. – Говори все, что знаешь. Я заслужила!

Дарим тяжело вздохнул. Видимо, он знал, что этот разговор рано или поздно состоится, но все равно ему было страшно. Мелок сухо застучал по гладкой доске, вырисовывая мысли:

“Память не принадлежит мне. Если я попытаюсь вскрыть

ее, то она заполнит меня и, возможно, раздавит. Я снова сойду с ума. Мне запрещено касаться затвора”.

– Кем? Альбой? Этим мерзким лгунишкой и потворщиком своему брату?

“Ты слишком предвзято судишь. Прости меня, но я ничего не могу сказать тебе. Это чужая тайна”.

– А ты слишком доверчив! Убери от меня свои руки. Я очень злюсь на тебя. Почему? Потому что ты, как Лис. Все что-то скрывают, но хотят, чтобы я была честна с ними. Никто не говорит мне всей правды.

Он все же поймал ее в свои объятия, заглянул в глаза.

“А ты уверена, что сможешь здраво оценить истину?”

Она оттолкнула его, отвернувшись, тяжело дыша. Он был прав, все они были правы, лишь она одна неумолима и узколоба из-за своей ненависти. Конечно, что бы Дарим ни говорил о Лисе, как бы не оправдывал его, в ее глазах нелюдь навсегда останется самым последним ублюдком из всех, рожденных на земле. Потому что есть такое свойство у человеческой памяти: особо отмечать лишь плохое, отбрасывая хорошее. И потому что нет прощения тем мерзостным поступкам, что он совершил с ней и при ней. А раз знание сейчас ничего не изменит, лишь усилит боль и неприятие, то зачем оно нужно? Правильно, незачем, только ради праздного любопытства.

– Ты прав, – сухо проговорила она, – не смогу. Собирайся, нам пора ехать.

Северный мыс был совсем близко от бухты Синих скал, часа полтора ходу. Там, как сказывал трактирщик, жил ремесленный люд. Даже в таком месте требовались мастера, думала Ольга, хмуро глядя на разбитую дорогу. Конь – старый, отбегавший свое мерин – храпел под нею, в страхе кося мутным глазом на необычного седока. Даримова кобыла, понурая, как и наездник, шла тихо, безропотно повинуюсь своей судьбе под чуть вздрагивающими поводьями – шептун, нахохлившись в седле, как кур на насесте, ушел в себя и, похоже, не видел ничего, кроме лошадиной холки. Спустя время, когда солнце, поднявшись над горизонтом, постепенно разогнало промозглую сырость, Ольга придержала коня на изгибе дороги, где та давала отросток-тропку в чашу, что скрывала под сенью своею старую избенку. Деревня, Змея чуяла это, лежала чуть выше, здесь же, особняком, скорее всего жил местный знахарь или шаман, что в общем-то было одно и то же. Она соскочила на землю, всучила вожжи очнувшемуся Дариму и зашагала к дому. Точно не понимая, что именно движет ею, она все же отворила калитку, окликающая хозяев.

– Эй, есть кто дома?

В будке зашевелилась огромная псина, заурчала недовольно, высунув лохматую слюнявую морду, да так и улеглась, следя за гостьей умными усталыми глазами. Ольга не обратила на собаку особого внимания.

– Эй, хозяин.

В окне мелькнуло чье-то лицо и голос, знакомый и не слишком приятный, позвал ее в дом:

– Входите.

Ольга переступила порог и попала в обширные темные сенцы, устроенные как торговая лавка. За столом, склонившись над бурлящей в колбе жидкостью, сидел человек.

– Извини, сударыня, но знахарь в отъезде. Я сам гость, так что не обессудь – помочь ничем не смогу.

Он не узнал ее, чье лицо почти полностью скрывал узорчатый шелк налечника, зато она сразу же признала его. Белослав, каменский воеводич, мало изменился за полтора прошедших года. Седая голова, уродливые шрамы, дурной, неприветливый нрав, вот только... откуда столько тоски?

– Белян.

Он повернул к ней безучастное лицо с холодными серыми глазами. Пустой, безжизненный взгляд. *Еще хуже чем раньше.*

– Кто ты, что знаешь мое имя?

Она откинула с лица покрывало и подошла ближе. Княжий Ловчий сначала сощурил воспаленные от долгой работы глаза, вглядываясь, а потом выпучился удивленно и испуганно.

– Ольга! – он не сказал – выдохнул имя, пораженный неожиданной встречей, и смолк. *Чего он боится?*

– Что ты тут делаешь, позволь узнать? Хотя... – она при-

нюхалась, улавливая горький запах полыни, курящийся над ретортой, – и так ясно. Значит, не смог бросить ты этого дела? Все гоняешься за... призраком?

Белян безрадостно хмыкнул.

– Бросил бы, да не позволено.

– Кем? Князем? С каких это пор князь стал тебе указом?

– С тех самых, как я сделался единственным, знающим формулу этого треклятого зелья.

– Интересно, – она внимательно взгляделась в ... нет, не лицо – маску. – И как же это так случилось?

– А вот так, – Белян с силою оттолкнулся от стола, кресло под ним заскрежетало, оказавшись тележкой, и Ольга с ужасом воззрилась на ноги воеводича, точнее то, что от них осталось – жалкие культы до колен.

– Как?

Белослав тяжело вздохнул и принялся излагать.

Через полмесяца после ее исчезновения из столицы на княжеский архив был совершен налет. Кто-то похитил все документы, связанные с зельем, задушил переписчиков и архивариуса – всех, кто хоть раз прикасался к бумагам и мог запомнить, что в них значилось. Спустя неделю такарского посла по пути домой прирезали в его же постели, вместе со всей командой ладьи, когда та пересекала линию реки Гюрзы, то есть условную водную границу. Политических причин на то не было, переговоры кончились мирно. Еще две недели спустя трагически погиб единственный брат князя, вы-

пав, якобы во хмелю, из окна и сломав себе шею. И опять никого, никаких следов. Но вот когда убийца покусился на святая святых – Кимчанский монастырь – порешив пятерых послушников и нескольких ученых-травников, что работали на его территории, тут-то его и опознали.

– Сынишка одного моего старого друга, Велидара, того самого, что это зелье разведдал первым, признал в убийце нашего общего знакомого, – тихо и как-то отрешенно повествовал Белослав. – Нелюдь вручил несчастному мальчишке голову его собственного отца и просил передать, что всякого, кто попытается варить дурман, постигнет та же участь. После этой выходки Владимир, конечно, взъярился не на шутку и потребовал объяснений от главы клана Княжьего острова. Тот назвал убийцу Предателем и сказал, что давно сам ловит этого скота, за какие-то внутриклановые нарушения, хотя, по-моему, йок был благодарен чернявому за эту его проделку. После этого князь объявил охоту на нелюдя и позвал меня. А я на тот момент возгорелся сильно. Былая страсть во мне пробудилась, да с такой силой, что раньше не случалась. Сидел я, значит, и ждал, когда же Учитель ко мне явится. Меч вострил, думал сразиться в честном поединке. А он, как вор, пролез ко мне ночью, с постели супружеской поднял, в одних портках на пол бросил, да портки-то и укоротил. Уж не знаю, почему он мне жизнь сохранил, вот только пообещал, что коли за старое возьмусь, он мне руки повыдергает, а болтать буду, так и языка лишит. А перед этим отца да же-

ну в могилу уложит.

– Так что ж ты творишь тогда? – воскликнул Ольга, не веря собственным ушам. – Жену не любишь, отца пожалей!

Бледное лицо воина исказила страшная безумная ухмылка, более похожая на оскал мертвеца.

– Некого жалеть больше. Полгода, как умер отец. А жена ушла. Впрочем, я ее не сужу.

Змея поджала губы, хмурясь.

– Свел-таки Илью в могилу.

Белослав, буйный и несдержанный в речах мужчина, ничего не ответил на этот жесткий выпад.

– Значит вот ты как решил... с жизнью покончить.

Ловчий, вскинув седую голову, засмеялся недобрый смехом.

– Покончить? Нет. Разве что с *его* жизнью.

– Думаешь, осилит твоя Стая Учителя? – недоверчиво спросила Змея.

– Оо, не сомневаюсь! – речь его стала увлеченной, глаза полыхали нездоровым огнем, губы подрагивали. – Я так долго ждал такого идеального случая для мести. И вот оно! Два месяца назад этого гада нашли в лодке, полумертвого. Какие-то сердобольные людишки подобрали его, выхаживали. Это такую-то мерзость в дом принесли, уму непостижимо! Я, как только узнал от Нюхача про этот след, сразу сюда двинулся. Теперь настал мой черед выдернуть его из постели. Мои воины – лучшие. А если и они не справятся, то им

подсобят враги их, что в этой охоте вышли друзьями – пресловутые “сыны смерти”, волки стада человеческого.

Он вдруг осекся, с удивлением глядя в окаменевшее лицо своего бывшего наставника, потом понимающая улыбка покривила его губы.

– А ты что тут делаешь? Может, сама придушить его хочешь? Или вдруг вызволять его приехала? Только вот поздно спохватилась. Стая еще на рассвете в деревню выдвинулась.

Последние слова он уже кричал в спину убегающей Олге, в чьей голове еще были взбудораженные голоса: “Умер! Ушел! Исчез! Убит! Кто? Кем? Не важно! Не важно! Не важно! Теперь все иначе. Убийца! Чужой! Зачем? Проклятье! Горе! Плохо! Плохо! Плохо...” *Кто на этот раз?* Добежав до развилки, она вырвала из рук опешившего Дарима вожжи, и, взлетев в седло, понеслась в деревню, кинув мужу:

– Останься с братом.

Конь, что, несмотря на старость лет, без всякого понукания мчал вровень с ветром, видимо, чуя настрой седока, долетел до деревенской заставы в считанные минуты, умерив шаг, прошел еще несколько дворов и остановился, всхрапывая и приплясывая на месте от страха. Умный мерин не желал идти дальше, и Ольга, кажется, понимала, почему. Она сошла на землю и побрела вдоль улицы, чувствуя на себе прикосновения испуганных взглядов людей из-за приоткрытых ставен. Тишина стояла кладбищенская, даже собаки попрыгали и не решались подать голос. Ворота одного дома бы-

ли гостеприимно распахнуты, и Ольга вошла, надеясь не увидеть то, что увидела. Двор, широкий и богатый, был усеян трупами. Человек десять-пятнадцать, все мужчины: здоровые, крепкие, сильные и... мертвые. Кровь хлюпала под ногами, когда она перешагивала отрубленные ноги, руки, головы. *Мясо! Настоящая скотобойня!* Она остановилась, зажав рот ладонью. Короткая с проседью шевелюра, печальные карие глаза, отражавшие небо – Барсук. Змея наклонилась, дрожащими пальцами опустив веки добродушного воина, если так можно сказать о йоке, огляделась в поисках тела, что еще недавно носило эту голову, и увидела их. Двое мужчин, не молодых, но и не старых, стояли у ворот и совершенно равнодушно наблюдали за нею, точно ждали, когда она закончит, освободив им место. Белые, будто прозрачные тела их в легких одеждах были совершенно нереальны, да и двигались они так, словно плывут по течению воздуха, а не ступают по земле. Точно призраки, белые в белом, эта жуткая пара устремилась навстречу попятившейся Ольге, а вокруг них клубилось чуть видимое марево света. *Творец всемогущий, да что же это! Неужели я опоздала? Но ведь они могли уйти, спрятаться? Ведь они ни при чем! Ведь... о Бог мой!* Милад, бездыханный, напичканный арбалетными болтами, как игольница иглами, лежал ничком у самых дверей в луже собственной крови. Он был уже мертв, как и маленькая девочка, которую он прижимал к груди. *Дочка!* Ольгу начало мутить. Дальше – хуже: в просторных сенях, раскинув ру-

ки, лежал разрубленный поперек живота Ждан, за ним Милёна – на сносях и с перерезанным горлом, и рядом, тяжело опершись о стену, сидел обезглавленный Кабан. Щетинистая, вечно небритая рожа его удивленно скалилась в потолок. Чему так дивился йок перед своей смертью, было неясно. То ли тому, что женщина, которую он по ошибке принял за Змею, ею не оказалась, то ли тому, что хлипкий мужичонка полез поперек его ножа защищать, как думал Клыкач, Великого Духа. Ольга ступила в следующую комнату, потом в следующую и так далее, прикрывая лицо рукавом: в нос набивался тошнотворный запах выпущенных кишок и крови. Она сама не знала, чего искала в мешанине тел. Живых? Вряд ли кто-то мог уцелеть в этой бойне. Лиса? Её она не надеялась найти, решив про себя, что он сбежал, как только избавился от тех, кто смог бы догнать его. Так что же заставляло Змею делать очередной шаг? Она прислушалась к себе и нашла только один ответ, показавшийся ей правдивым из-за сильного чувства неприятия, что он вызвал. Она жадно искала подтверждений своему мнению об Учителе, о том, какой он безжалостный мерзавец, искала в каждой мелочи, и находила. Ум строил все новые и новые представления о его подлости, подкрепляя её пошатнувшуюся ненависть. Давал ей обоснованное, логически выверенное право обвинять нелюдя во всех своих несчастьях, и особенно в том, что втянул в их распри её род. *“Он лишь твоя боль, твое проклятие”.* Ха, матушка-Ара, ты все-таки ошиблась! И вот те-

перь она медленно бродила по дому и смотрела на дело рук своего Учителя. И внешняя холодность крыла в себе боль и скорбь, боль и слезы, боль и жажду, боль и ненависть.

Олга уже один раз потеряла их всех: брата, сестру, племянников – оплакала их смерть, приняла горе и страх одиночества. Терять семью второй раз было не так страшно, но все же очень мучительно, и хотя сердце ее сковывало безразличие и нечувствительность оглушенного, под ключицей набухал, пульсируя, нарыв, готовый вот-вот прорваться.

Стон был чуть слышен, но в этом царстве мертвых даже стук чужого сердца привлек бы внимание Змеи. У порога она перешагнула через кучу того, что раньше было людьми, бросилась к раненому, но на полпути остановилась, со звуком вдохнув вырвавшийся возглас. Лиса будто бы разделявал на отбивные умелый мясник – на теле Рыжего не осталось ни одного живого места: при каждом вздохе из дыры в боку сочилась кровь, правая рука болталась на сухожилиях, из груди, плеча, шеи, торчали арбалетные болты, они-то и удерживали его в сидячем положении, пригвожденным к стене, живот был вспорот, и темные внутренности вывалились бы из чрева, если бы хозяин не зажал рану сохранившейся рукою. Нос смят в кашу, как и губы, рассеченные ударом не то палицы, не то кулака в железной перчатке. И воздух вокруг был напоен холодным, снявшимся с металла запахом полыни. Смотреть, как *это* шевелится, пытаюсь разлепить оплывшие веки, и что-то произнести, даже Змее было не вмоготу,

и она крепко зажмурилась, прогоняя приступ дурноты.

– Они там, в чулане, – голос был хриплый, слова неразборчивы, но Ольга последовала указанию и полезла в чулан, споткнувшись о чьи-то вещи. В воздух взмыла туча серебристой пыли. *Медведь*, мелькнула мысль и пропала, вытесненная чувством безумного счастья, замешанном на радости, боли, тоске, злобе, торжестве, любви, недоверии и... разочаровании. В темнушке, крепко прижимая к себе тело маленького мальчика, сидел Итил, уже не сопливый младень шести лет от роду, каким она его помнила, а сильный, кряжистый, как дед Тихомир, парень. Лицо его было разбито в кровь, руки оцарапаны, глаза смотрели прямо перед собою, на внешнее он не реагировал. Ольга вытащила племянника из чулана, не без труда развела руки, вынимая из окаменевших объятий тело придушенного мальчика, привела того в чувства, и маленький заплакал. Итил вздрогнул и медленно повернул голову на крик. В дверях показался Даримир, одуревшими от увиденного глазами воззрился на жену, потом нахмурился, заметив Лиса.

– Забери ребенка, – холодно и сухо произнесла Змея, вручая малютку шептуну, а сама повела Итила следом, но в сенях путь ей заступила тощая беловолосая девочка. Альба, как и те двое снаружи, была полупрозрачна, что было особенно хорошо видно из темного помещения на фоне распахнутых дверей.

– Помоги ему, – на слишком серьезном и сосредоточен-

ном лице решимость мешалась с горечью. Змея медленно, точно замороженная, покачала головою, не сводя с Альбы взгляда.

– Помоги ему.

– Не хочу.

– Помоги ему, пожалуйста.

– Не могу, – голос Ольги начал чуть слышно вибрировать, выдавая, сколь близко она была к истерике. Оракул закусила губку, морщась, как от боли.

– Тогда... – девочка протянула ей серебряный кинжал, – тогда позволь ему умереть достойно. Он ведь спас мальчиков.

Змея молча взяла из призрачных, почти неосязаемых рук легкой, но слишком материальный клинок и вернулась к Лису. Отцепив его от стены и уложив на пол, она замерла в нерешительности, окунувшись в поток сумбурных мыслей. Картина произошедшего становилась ясна, но слишком нереальна. Лис не тронул ее семью тогда, но каким-то образом заставил уйти, оставив ее в неведении. Возможно, выдумал какую-то жуткую историю или еще что-то в этом роде. Его сильно потрепали на Княжьем острове, и волею судьбы он попал в руки единственных в мире людей, которые способны были проявить к нему сочувствие и принять в свой дом, где Предателя по свежим следам и обнаружили как йоки, так и Ловчие. Зная характер нелюдя, Ольга не могла поверить, что он, раненый, бросился защищать ее семью, запер сопротив-

лявшего мальчика в темнушку, всучив ему брата, чтобы Итил сидел тихо, оберегая его жизнь. Это была какая-то шутка! Это рушило все ее умозаключения. Разум не принимал, и сердце было в смятении. Змея глядела на Лиса и ничего не чувствовала. Ни жалости, ни глумливой радости при виде ее насильника в таком ужасном состоянии, ни злобы, ни ненависти – ничего, и это было похоже на сумасшествие. Она находилась в положении маленькой, совершенно голой и беззащитной девочки в лесу, полном волков.

И волки пришли!

Лис шевельнулся, открыв глаза, и во взгляде его не было вопроса. Он не ждал помощи. А Ольга смотрела и видела печаль в его глазах, печаль и безысходную тоску. Она окончательно перестала понимать, что происходит. Страх накатила волною – бесконтрольный, мутный, шальной. Лис понял все. Прочитал по лицу. Ладонь, холодная и влажная ладонь мертвеца, коснулась ее пальцев, высвобождая рукоять кинжала.

– Иди, девочка моя. Я сам. Иди.

Она попятилась прочь, иступленно трясая головою: Нет! Нет! НЕТ! А потом бросилась бежать, спотыкаясь о трупы и не замечая этого, точно самый страшный кошмар с хохотом и визгом наседали ей на пятки. На крыльце ее – дрожащую и мокрую от пота – подхватил и сжал в объятиях Даримир. Целовал, оглаживал по голове, плечам, безмолвно шевелил губами, а она рыдала в голос сразу обо всем. И кричала. Безумно, с подвываниями, истерично содрогаясь всем телом:

– Не могу. Я не могу. Не могу больше.

Из соседних домов начали выглядывать люди, кто-то сокрушенно охал, кто-то всхлипывал, разделяя горе несчастной женщины. Дарим поднял ее на руки и вынес со двора на улицу, где, сидя на козлах старой, невесть откуда добытой телеги, ждал мрачный, как буря, Белослав. Спустя время Ольга успокоилась и безучастно воззрилась в пространство перед собою. Осунувшаяся и бледная, она не замечала седину Итила, баюкающего на руках братишку, не видела, как Дарим грузил в телегу тела ее родственников, как Белян пытался всучить деньги старосте, чтобы тот достойно похоронил погибших. Ей было все равно. Лишь две жизни заполняли тьму внутри. Они-то и не давали Змее сорваться в бездну безумия. То, что Ольга стала свободна, не грело и не радовало, лишь ширилась пустота и тишина там, где опали цепи.

Когда они добрались до Синих скал и сгрузились в лодку, Змее стало совсем худо. Она начала терять сознание, роговица потемнела, будто затянулась мутной пленкой, кожа стала холодной и мокрой от пота, дыхание сделалось сиплым и натужным. Дарим, не на шутку испугавшись, теребил жену, пытаясь докричаться до ее сознания, но она будто оглохла.

“Скажи ей, что он жив!” – схватив брата за бороду, закричал он. Белослав в ужасе воззрился на шептуна.

– Это невозможно! Ты же сам сказал...

“Просто скажи, идиот!”

– Ольга, – Белян склонился к самому ее уху, – Ольга, он

жив.

Змея захрипела и обмякла, на щеках прочертили дорожки две мутно-зеленые слезы, и слабый шепот сорвался с ее бескровных губ.

– Я хочу домой.

– Куда домой? – косясь на брата, осторожно спросил Белослав.

– Просто домой, – и уснула.

– Правьте в Толмань, дядья, – подал голос Итил. – У нее не осталось другого дома.

Часть третья

Глава семнадцатая.

Исповедь старика

Когда я поставил точку, завершая свой многолетний труд, мой брат был еще жив. Был жив три года после этой точки. И восемь лет до нее. И если бы не обстоятельства, при которых Даримир покинул нас, я бы оставил все, как есть, позволив читателю думать, что жили они долго и счастливо и умерли в один день. Но это не так. Точнее, не совсем так. Глядя на них: на эту невозможную, но реальную женщину и моего брата, в ком жила насильно выдернутая из чужого тела душа изгоя, сразу становилось понятно, что судьба, ради их же блага, в скорости разведет эту пару. Печально то, что одного она свела в могилу, а другую оставила вечно странствовать по земле, чтобы вновь и вновь терять близких людей, глядя сквозь свое бессмертие на течение времени. Иногда я с горечью думаю, что она, судьба, поступила верно. Каково бы было стареющему и дряхлеющему Даримиру наблюдать за вечно юной женою, осознавая свою никчемность рядом с нею?

Но я отвлекся от сути. Почему я решился писать эту главу? Да потому, что понял: игра не окончена. Она только начинается. И необходимо, я так чувствую, запечатлеть ее переходный этап. Ниява, красавица Ниява, девочка, наделенная мудростью Бога, смеется, и сквозь ее невообразимо вол-

шебный смех я слышу печаль. “Пиши, дядька Белян, пиши, чтобы *она* не забыла!” И я повинуюсь нашему общему желанию.

До Толмани мы шли с неделю, сначала по морю, удивительно спокойному и приветливому в это время года, потом, продав в Сатве ялик, мы некоторое время путешествовали по суше. Там же, в Сатве, сколотили гробы для нашего печального груза. Честно сказать, для меня было удивительным, что трупы за четыре дня, проведенных на открытом, пусть даже морском воздухе, не подверглись тлению. Дарим сказал, что море любит Ольгу, потому бережет дорогое ей, старается не причинять лишней боли. Я тогда усомнился в его словах, сейчас же, глядя на ее детей, вижу, что возможно и не такое.

По прибытию в этот маленький городишко, отличимый от деревни разве что мощеной дорогой в центре, нас встретил Кузьма – старый друг семьи, работавший еще с Ольгиным отцом. Он, после отъезда хозяев, остался за старшего, вел дела и заведовал оружейной мастерской и кузницами при ней. Старик оказался достаточно мудрым, чтобы не выпрашивать Ольгу, как и что произошло, и достаточно сердечным, чтобы вместе со мною пить крепкую настойку, заливая: он – общее горе, я – свою боль и ненависть.

На тот миг я был в растерянности, и в чувствах моих царילה полная сумятица. Жизнь безногого калеки не сулила сча-

стве, и я сильно тосковал, предчувствуя безрадостное бытие нахлебником в чужом доме. Хотелось удавиться от недобрых думок. То, что проклятый нелюдь издох, не принесло мне долгожданного удовлетворения. Может быть потому, что не сам прирезал гада и даже тела его порубленного не узрел, а может быть потому, что месть никому не дает покоя после ее свершения. Злобы во мне было много. Кипела она у самого сердца пуще прежнего, и даже хмель не мог приглушить остроту мучений. Думал, что сломит меня вконец не злоба жгучая, так брага крепкая, если бы не Учитель, да позволит мне читатель так именовать эту удивительную женщину. Сидя в избенке и ожидая исхода боя, уж точно не думал я встретить ее, да еще женою моего безумного, якобы сгинувшего брата. Я был поражен в тот момент до немого отупения, потому не стал артачиться, когда Дарим сгреб меня в лодку, и пришел в себя только здесь, в Толмани. Тяжело мне было, ничего не мог понять и тем более принять. Но Ольге было и того хуже.

Позже, во время наших долгих бесед, я спросил ее, что творилось под маской спокойствия и безразличия, которую она носила с неделю после похорон. Ольга долго думала, прежде чем ответить.

“Я испытывала величайший страх в своей жизни. Страх того, что несправедливо погубила невинного человека. Страх совершенной ошибки. Да-да, не удивляйся, речь пойдет о Лисе. Меня давили сомнения такой тяжести, что ни о

чем другом я не могла думать, переживая сильнейшее чувство вины. Я терялась в догадках, оправдывала и обвиняла его. Но узнать истину не смела, помня запрет Даримира. Страх потерять и его повергал меня в безумие. Я была голым чувством, живой дрожащей сутью без мысленной брони. Меня можно было легко убить, я бы этого даже не заметила...

Она некоторое время молчала, потом грустно улыбнулась.

“Это было время великой слабости, через которую я обрела великую силу. Черный Дракон еще долго будет спать в своем логове”. – Ты хочешь сказать, что изжила в себе эти страхи? – “Нет, что ты! Страх невозможно изжить, но его можно познать и сосуществовать с ним, контролируя”. – Но, нелюдь... что ты чувствовала к нему? Ненависть, разочарование, понимание? – “Что чувствовала? Боль и печаль. А он... он на тот момент не существовал для меня. Образ безжалостного убийцы, в который я свято верила, рассеялся, а заменить его оказалось нечем. В этом тоже был урок: не суди людей. Каждая твоя оценка добавляет штрих к иллюзии, застилая истину, и суть человека исчезает для твоего взора. В конце концов, мы видим в нем лишь набор собственных суждений, основанных на предрассудках”. – Так ты больше не испытываешь к нему ненависти? – “Я этого не говорила. Если честно, отвращение – это единственное, в чем я уверена, когда думаю о нем. Все остальное двойственно ... как монета”.

Этот разговор состоялся до смерти Дарима. С этими мыслями и с этим осознанием она жила одиннадцать лет.

Мы поселились в старом доме покойных родителей Ольги и пробыли там до весны, когда Учитель захотела уйти из “ставших душными” стен. Лично я думаю, что она просто решила убежать подальше от людей, чье боязливое любопытство стало особенно докучать ей после первых родов. Рожала она страшно. Плод пошел раньше срока, и, хоть она и утверждала, что для нее это было нормально, я в это не верил. Крики ее, что доносились из бани, заглушали даже рев снежной бури. Повитуху она к себе не пустила, мужа выгнала в зашей, затворилась в мыльне и кричала так, что кровь шла ухом. Дарим рвался к ней, рыдал от неведомой мне боли, ломился в запертые двери, но что-то не пускало его, какой-то незримый барьер удерживал спятившего от страха брата за порогом бани, на лютom морозе и холодном ветру. А потом пришел он – юноша, белый, как снег, тонкий и высокий, как тростник, с глазами без радужки, что, словно два блюдца, были полны искристого лунного света. Впервые видел я оракула так близко живьем и, честно признаюсь, представлял его себе совсем не таким. Запертая дверь раскрылась перед ним как по волшебству, он вошел, и все стихло, даже буря за окном смирила свой гнев, а воздух вдруг наполнился чистой мелодией. Я ни разу не слышал подобной музыки: там был и плач дикой птицы над побережьем, и мерное дыхание морской пучины, и звон ручья меж каменных глыб, и

бег облаков под свободным крылом. А потом музыка стихла, и началась песня без слов, сначала тихая и как бы вкрадчивая, вопрошающая, потом все более громкая, настойчивая и в то же время радостная, покуда не вплелся в голос, ставший могучим и даже свирепым, звонкий крик новорожденного. Второго мы не услышали, лишь почувствовали боль от неразличимого нашему уху звука. Спустя некоторое время оракул вышел из бани и заговорил с Даримом, протягивая ему странной формы дудку из красного дерева с золотым полустертым рисунком под растрескавшимся лаком.

– Отдашь последнему, что будет похож на девочку, – он устало провел рукою по растрепавшимся волосам. – Ольга не должна знать, что я был здесь. Нет. Она не вспомнит, что я принимал роды. Будь рядом, когда она придет в себя и ... охрани свою дочь, брат Белая Чайка, – и после этих слов исчез бесследно, будто растаял. Я не понял и половины из того, что он сказал, но Дарим сделался задумчив и беспокоен. Он велел мне спрятать инструмент, а сам пошел к новоявленной матери. Брат отнес жену в спальню, а деток – мальчика и девочку – уложил рядом с ее кроватью в одной колыбели. Взглянув на них, я понял, почему повитуху не допустили к таинству рождения первенцев Великого Духа.

Они были совершенно не похожи – эти якобы близнецы. Мальчик имел неестественно черную кожу с рыжими и белыми подпалинами, ярко желтые птичьи глаза, огромные на пухлом личике, и мягкий пушок песочного цвета на темени.

Девочка же вообще оказалась оракулом. Белая, будто наполнилась светом изнутри, кожа, белые, без зрачков, глазенки, вот только волосики на маковке были темными, почти черными. Странно знакомым показался мне разрез этих лучащихся белым.

Спустя час Ольга очнулась. Испуганный голос метался среди притихших стен, звал мужа, всюю своею интонацией говоря о страхе уставшей женщины. Испуг ее был вызван одной странностью.

– Дарим, милый, я не вижу! Не вижу обычным зрением! Не могу перестроиться! Змей не отпускает мой взор!

Ее глаза, обычно красивые и завораживающие, теперь полыхали, словно два факела в полумраке комнаты. Я невольно содрогнулся, поймав на себе их взгляд, слишком жутким и потусторонним казался мне этот свет. Ольга начала плакать, не в силах унять свой страх. С нею заревели и потревоженные дети. Будто вспомнив о них, она спохватилась, велела принести малышей.

– Чистые сгустки света, – умиленно шептала она, утирая слезы, – потоки живой силы без каких бы то ни было примесей цвета. Опиши их, Белян.

Я был напуган, мой голос дрожал, и она, чувствуя это, а, возможно, видя мой страх своим нечеловеческим взором, хмурилась, строго поджав губы. Вслушиваясь в мой нерешительный лепет, она смягчилась и даже улыбнулась.

– Соколик родился, – она поднесла сына к груди, – имя

тебе будет Родимир, хранящий мир.

Когда же я начал говорить о девочке, Дарим крепко сжал мою руку и покачал головой.

“Осторожно, брат!”

– Оракул? – она удивленно вскинула брови. – Белоглазое дитя, Белая Чайка с темными волосами... – теперь настала очередь дочери отведать материнского молока. – Что ж, видящая иначе, имя тебе будет Ниява, не узревшая яви.

О какой опасности предупреждал меня брат, я понял только спустя шесть лет, когда дети подросли и встали на ноги. Дарим уже поставил избу в двух верстах от Толмани, там, где Жила делала петлю, усмиряя свой ток. Суша на том благодатном месте вдавалась в стремнину каменистым мысом, на котором шумела березовая роща. Сейчас, когда я пишу эти строки, на месте диких белоствольных красавиц цветет яблоневый сад, питаемый водами реки, и стоит большой дом, настоящие боярские хоромы. Тогда же мы впятером жили в одной горнице, только-только начиная обзаводиться собственным подворьем. Итил, несмотря на его протесты, был оставлен с младшим братом Малютой в городе, перенимая в наследование дедовское ремесло от старика Кузьмы. А Ольга, так и не прозрев, занялась врачеванием – искусством, в котором не было равных Великому Змею. Повязав глаза, чтобы не пугать людей, она ездила по городу и окрестным деревням верхом на сером мерине по кличке Волк, собирала травы и корни, исцеляла недуги и латала дыры в бранных

людских телах. Прямая, совершенная посадка ее на конской хребтине без седла, темная лента на лице с вышивкой в виде ока, богатая узором рубаха и драгоценный головной убор с изумрудами, что не скрывал тугие темные косы замужней женщины – все это давало повод людской молве для скверных и мистических, боязливых и восхищенных рассказней. Ее почтительно звали ведьмой; страшась – духом Жилы, хранительницей земли; злобствуя – распутницей и колдовкой. Но никогда люди не отказывались пустить слепую ворожею в дом к хворым, даже зная о том, что она может как взять, так и возродить чужую жизнь, верили, будто она своими незрячими очами провидит судьбу, и не подозревали о ее способности смотреть не только через повязку, но и сквозь стены. В слухах была доля правды, и даже я, увидев ее верхом, замершую над рекою в единстве неподвижности со своим конем, на миг помыслил, что вот он – Великий Дух, объезжающий свои владения, суровый и бескомпромиссный носитель истины, великая сила в бессмертном теле.

Змея была страшна этой своей мощью. Всегда, сколько я знал ее. Но дети преобразили Ольгу. Ее злой, неумный и буйный нрав смягчился. Вспоминая свое обучение при Змее в Тавробе, я до сих пор удивляюсь ее безжалостности по отношению к ученикам. Годы и опыт показали, что эта жестокость была оправдана, она дала нам возможность перенести многие тяготы, что ждали нас на жизненном пути. Но моя уверенность в том, что женщина и жестокость – вещи проти-

воречивые, непоколебима по сей день. Теперь же Ольга будто нашла золотую середину между воином и матерью, и я наконец узрел, что и эта холодная, как сталь меча, женщина способна на любовь. Я наблюдал как появляются первые ростки великого чувства, как растет и крепнет корень его, заполняя непроглядную тьму скорбящей души, и сердце мое радовалось, видя преображение надземного гордого духа в человека, их слияние и окончательное единение. Она была особенно красива рядом с малышами.

Но как бы она ни любила своих детей, поняв намек брата, я с ужасом ждал того мига, когда она прозреет и увидит их облик, точнее, облик своей дочери. С Родима постепенно сошла чернота, и он стал выглядеть как любой прочий мальчик, только вот в глаза его смотреть было не сказать, что приятно: нечеловеческими были очи живорожденного духа. А вот Ниява ... с каждым днем это дитя становилось все краше, и эта красота, я знал, должна была войти в силу, когда девочка достигнет зрелого возраста, и с каждым днем росло и утверждалось ее неумолимое сходство с Лисом. Да, да! Чувовище, что насильовало несчастную, обессиленную печатью Ольгу и отняло ее невинность, каким-то невероятным способом смогло посеять свое семя в ее лоне, что дало плод. Поняв это, я исполнился опасением за жизнь Ниявы и неприятием пополам со страхом к самой малышке. Разумом я сознавал, что невинное дитя не способно причинить мне вред, но слишком сильно было искушение найти в ней своего вра-

га, пусть павшего, но все-таки ненавистного.

Ниява, прекрасный ангел, затмевающий свет солнца – дочь Лиса. Эта мысль до сих пор не дает мне покоя. Кто она? Я не могу ответить, поскольку, дожив до глубокой старости, не знаю, кто такой Лис.

Ольга прозрела на шестой год после родов, весной. Случилось это неожиданно, без какого-либо потрясения, а, возможно, потому, что вновь забеременела. Дети бегали по двору, гоняя огромного медведеподобного пса, я тесал доски, сидя в своей каталке, Дарим ладил их на обрешетку будущего амбара, а она тихонько сидела на крыльце и перебирала коренья. Брат сразу почувствовал, что случилось что-то неладное, подал мне знак, бросая инструмент в ящик, и буквально мгновение спустя мы услышали ее крик: истошный и пронзительный. Даримир бросился к ней, тут же попав под лавину упреков и обвинений.

– Почему? Почему ты не сказал мне? – шептала она, с ужасом и отвращением глядя на дочь, удивленно застывшую посреди игры. Родя вдруг нахмурился, смешно, по-детски, и взял сестру за руку, заслоняя ее.

– Как ты мог! Она же... она... как он! Она... его! О, Творец Всемогуший, за что?!

Очень редким для Змеи было подобное состояние – неконтрольное эмоциональное безумие, как она это сама называла, но Дарим всегда умел вывести ее на поверхность, к свету и разуму. Вот и тогда его беззвучный голос услышал

даже я.

“Неужели от этого ты станешь меньше любить свою дочь?”

– Но она... у нее его лицо. Как я могу, видя это каждый день...

“Это всего лишь оболочка, не более. Я ведь тоже похож на него”.

Она задрожала в руках мужа, такая маленькая и нежная в минуту своей слабости.

– Мне больно.

“Отпусти это. В тебе так много боли, нельзя держать ее в хрупком теле”.

Она, всхлипнув, вновь посмотрела на дочь, утирая набежавшие слезы. Дрожащие на веках соленые капли причиняли малышам боль, и Родя, не выдержав, опустился на землю, обхватив ручонками голову. Ниява, бледная до синевы, продолжала смотреть на мать. Они все понимали, я это видел, только не знали причины немилости. А может и знали, я того не ведаю, только вот ни единая слеза не скатилась по их пухлым щечкам, покуда Ольга не опустилась перед девочкой на колени и не произнесла, молитвенно сложив руки:

– Прости меня, Ниява. Прости, доченька...

Девочка подошла к матери и прижала к груди склоненную голову, поцеловав Ольгу в непокрытое темя. Только тогда из белых глаз потекли слезы. Родя всхлипывал, пряча личико в густую шерсть вылизывающей его псины.

“Твоя боль причиняет страдания твоим детям. Отчего

так?”

– Мама – источник, горькая вода сжигает горло, – слегка картавя, ответила Ниява за мать, – отравленная вода убивает.

Этот случай дал мне много пищи для размышлений. Суть каждого становилась ясна. Великий дух подсознательно окружал себя теми людьми, что давали ему возможность не только выживать, но и развиваться. А если кого-то не хватало, Змей порождал их. Изначально показавшаяся дикой, эта догадка со временем подтвердилась. Но не эта мысль волновала меня в тот момент. “Я ведь тоже похож на него?” Что это? Очередное безумие шептуна-двоедушца? Чем? Как? Я был потрясен словами своего младшего брата. Но – главное и самое страшное, – что я узрел их сходство. И это встрянуло мое сознание, а недоверчивый ум тут же принялся искать подтверждения тому, что враг вновь рядом, и привычный мне образ Даримира, белокурого худощавого парня с наивными глазами, растворился, открыв облик иного человека: сильного, здорового, спокойного, мужественного и ... опасного. Не внешним было сходство, но внутренним. Единый дух связывал их незримой нитью, наполнял общую суть, питал жизнь своею силой. И потому чудилось мне, что стоит тронуть какую-то струну, перестроить лады, чуть-чуть повысить звучание ноты, и Дарим станет Лисом – жестоким, кровожадным зверем, чудовищем из глухой чащи, без эмоций, без морали, без души, – а не заботливым отцом и любящим

мужем... я бы даже сказал, чрезвычайно любящим. Он весь был в этом чувстве к Ольге. Не получая ни капли в ответ, он обожал ее всю, вплоть до дурацкой привычки везде и во всем перечить мужу, да язвить не в меру. Однажды в пылу ссоры я назвал его рохлей и мягкотелым идиотом, на что он ответил мне весьма красноречивым взглядом и жестами добавил:

“Я знаю, как урезонить ей гордыню, когда того требуют обстоятельства. Зачем же распылаться по мелочам? Рохля? И что с того, что без нее мне нет жизни? *Это* ты мне ставишь в укор? Дурень, сам ты хоть когда-нибудь любил по-настоящему? Я готов на все, чтобы сделать ее счастливой. Не важно, приголубит она меня или погонит прочь”.

Он долго и упорно терпел ее внешнее безразличие, холодность и отчужденность, покуда Змея не дозволила самой себе стать его женщиной и его женою. Упорством и невероятным терпением этот глупый мальчишка добился своего, и замкнутый, чурающийся привязанностей дух открылся перед настойчивым ухажером. Ольга забеременела вновь, на этот раз от Даримира.

Плод не тяготил ее чрева, развивался нормально и вышел в положенный срок; роды были легкими, как и все последующие; близнецы оказались однополые и оба мальчики – Медведь и Волк, Ставр и Вольга. “Это мой подарок тебе”, – сказала Змея Дариму, позволяя плачущему от счастья отцу наречь младенцев. После этого брат посадил первые две яблони в роще на мысу и подарил их новорожденным сыновьям.

Когда Дарим умер, именно Ставр и Вольга превратили безрезняк в цветущий по весне яблоневый сад.

Постепенно жизнь наша вошла в спокойное русло. Дарим обустроил конезавод, выхаживал и пестовал породистых лошадей для знатных господ. Я, сколь мог, помогал ему в этом деле, но все более тянулся к детям и книгам, учил моих племянников читать и писать, покуда их мать пропадала по лесам да окрестным деревням. Иногда мне казалось, что воспитание юных духов проходили лишь под моим надзором. Не видя Ольгу днями, а то и неделями, они не скучали, но быстро дичали, если не получали должного внимания. Младшеньких, тех, что еще требовали ее молока, она забирала с собою, отнятых от груди оставляла на попечение домоседствующего мужа и безногого калеки, что недовольно ворчал, но был только рад возиться с малышами. Так проявлялся ее нрав вольного и властного духа. Жили мы хорошо и богато, вот только мутилась вода вокруг нашей жизни, полнясь страхами и слухами соседей.

Первое и последнее крупное столкновение пришлось на ее третью беременность. Стояла поздняя осень, необычайно дождливая и холодная. В деревнях окрест нашего дома начался мор скота. Уж неизвестно, с каких болот принесло в эти края гнилое поветрие, но живность мёрла в невероятных количествах, сгнивала нутром и издыхала за два-три дня. Люди отправляли ходоков к ведьме с просьбой помочь преодолеть горе, но те уходили ни с чем, разнося весть о ее

нетронутым болезнью подворье. Ольга ходила мрачнее тучи, готовясь понести через месяц, скалилась на мужа и детей, недовольная и молчаливая, будто чувствуя скорую беду. Зачем-то достала свой меч, долго и любовно чистила его, после чего спрятала обратно. Вместе с ненастьем внезапно проявила себя старая рана Даримира: он стал глохнуть на правое ухо, начались сильные мигрени, что добавляло неприятностей в общий котел невзгод и приводило Ольгу в состояние отчаяния пополам с яростью. Она не могла лечить мужа, не могла помочь людям, ибо плод в ее утробе понес бы тогда невосполнимую утрату и близняшки родились бы больными или раньше срока.

Однажды, греясь в теплой горнице у печи и вдумчиво глядя на всполохи огня сквозь неприкрытое заслоном устье, она, наконец, поведала нам причину своих терзаний.

– Ждите беды. Скоро, очень скоро крестьяне явятся сюда с вилами да факелами клеймить строптивую колдовку, проклявшую их землю.

– Так что ж ты не объяснишь им причину? – спросил я.

– Причину? Почему наш скот стоит нетронут? А их коровы мрут, да еще в зиму? Дурень, тут и без причины вина как на ладони. Отчаяние, оно, знаешь ли, сильнее разума. Особенно тогда, когда разум ограничен выживанием.

“Вчера умерли два жеребенка”.

Дарим замер на последнем жесте, потом пожал плечами и смущенно улыбнулся под ее насмешливым взглядом.

– Да уж, неблагодарные ублюдки, – вновь уставившись в огонь, мрачно пробубнила она. Родя недовольно засопел за столом: он не любил, когда его мать ругалась “мерзкими” словами – но Ниява, сидевшая подле, одернула брата. Тот вновь молча принялся за разложенные на скатерти сухоцветы и корешки, но, спустя некоторое время, все же спросил:

– И почему же они неблагодарные ублюдки?

Змея глянула на сына и усмехнулась.

– Ну, видимо потому же, почему ты – глупый щенок. Мозгов маловато. Ничему не внемлют перед страхом голодной смерти. Я не могу пустить заразу через свое тело и очистить этот край. Потому и направила ее на скот, от людей отвела. Так ведь кто из этих остолопов поймет? Хоть бы ты, Белослав, учил их, темных, развивал способность к мышлению не только брюхом, но и духом.

– Ты хочешь знать подробности того дня, дядя? – Родим почесывает кончик носа, задумчиво глядя в пространство своими невероятными глазами в опушке густых черных ресниц. Я тихо улыбаюсь, заметив знакомый жест, что парень перенял у матери. Он уже давно не ребенок, но я знаю про удивительную способность всех детей Змеи выуживать из памяти нужные события в мельчайших подробностях и потому терпеливо жду, не мешая племяннику погружаться в глубины своего сознания. Спустя некоторое время он, будто проснувшись, сосредотачивает свой соколиный взор на мо-

ем морщинистом лице. Внимательный взгляд живорожденного духа надо испытать на себе, чтобы понять силу его воздействия. Кажется, что эти глаза зрят сквозь твою душу. Я как-то спросил Ставра – самого прямолинейного и честно-го из всех братьев, что он видит? Тот поглядел на меня, как на умалишенного и ответил, слегка озадаченный вопросом: “Что вижу? Тебя, дядя. А ты что думал?” Когда я начал разъяснять ему суть, он затряс вихрастой своей головой и со словами “а чтоб вас с вашей философией!” развернулся ко мне могучей спиной и ушел, раздраженно бурча себе под нос про умников, которых слишком много развелось под солнцем. Вот и сейчас мне хочется спросить Сокола, что же он видит и чему смеется, пряча улыбку в рыжие свои усы, но он, будто угадав мои мысли, начинает говорить.

Несколько дней дождь лил не переставая. Матушка сидела дома безвылазно, и мы с сестрой считали это некой карой, наказанием свыше. Только вот не понимали, за что же на нас осерчал Творец. Ты же знаешь, как она бывает несносна, когда подолгу сидит в замкнутом пространстве. Присовокупи к тому ее беременность, плохую погоду, недовольство в деревне, обострившуюся болезнь отца, и сам вспомнишь, как она довлела над нами. Мерзлый ливень за окном иногда казался райским садом по сравнению с пребыванием в родных стенах. Но однажды утром я проснулся от тишины, глухой и ватной, словно уши забило воском. Дождь кончился. Горни-

ца вся была залита утренним холодным светом, а у окна сидела матушка и глядела сквозь покрытое изморозью стекло. Все в доме спали, кроме нее, и я стал наблюдать, стараясь не выдать своего присутствия.

– Снег лег, – тихо проговорила она и посмотрела на меня. – Они придут сегодня. Родя, я не могу убивать людей.

Голос ее предательски дрогнул, скатившись на полтона вниз, стал жестким и глухим. Это означало приближение Змея. А Змей, любая его крайность, никогда ни к чему хорошему не приводил. Бесконтрольный выход силы через эмоции. Я тогда еще не умел столь умно объяснять мир, но по ощущениям точно читал окружающие меня потоки энергии, а мудрость моего духа подсказывала ответные действия. Тогда я понял, что должен быть при ней и во что бы то ни стало сдерживать мать от необдуманных, вызванных гневом поступков.

В кровати тихонько заскулил Лёга. Волчонок, будучи еще малым дитятей, не плачем – скулежом подзывал мать. Но матушка даже не повернулась в его сторону, погруженная в ведомые лишь ей безрадостные думы. Она не подошла и тогда, когда Вольга завыл в голос, и это было совсем плохо. Отец, разбуженный криком, взял младшего на руки, тревожно глядя на застывшую фигуру у окна. Змея резко выдохнула “цыц!”, и Лёга, булькнув, умолк. Я хотел было встать и подойти к матери, но Ниява дернула меня за рукав, останавливая. Я прислушался.

Это был Итил. Его разгоряченный конь беспокойно перебирал копытами и всхрапывал, не желая слушать приказа поводеьев. Наш двоюродный брат тяжело спрыгнул с лошади и ввалился в избу, запустив в сени поток свежего холодного воздуха. Отец впустил его в натопленную горницу и стал слушать то, что адресовано было матушке. Итил боялся, и голос его дрожал, когда он рассказывал о смуте в деревне к северу от Толмани и о том, что народ, вооружившись рогаatinaми и топорами, идет сюда казнить колдунью, наславшую мор на скот.

– Они и мой дом обложили, еле утек, – утирая лицо рукавом, говорил он, – встану на твою сторону, тетя, коли не прогонишь. Слишком озлоблены люди, чтобы увещевать их словами против глупости и жестокости. Тут только сила поможет.

Итил с затаенной надеждой глянул на матушку. Она сидела, склонив голову на грудь, и по каменному выражению ее лица трудно было понять ход мыслей в голове Великого Духа.

И тут, дядя, заговорил ты, переводя парню жесты отца:

– Дарим защитит свой дом и свою жену на правах мужа и хозяина. Да уж, дела! – ты подъехал на каталке к Итилу, похлопал его по локтю. – Оставайся, мальчик мой, коли презрел опасность. Помощь твоя не помешает.

Отец же склонился над матушкой, что-то сказал, но она так и осталась сидеть неподвижно, вперив взгляд в собствен-

ные ладони, сложенные на коленях. Я догадываюсь о его словах: сиди и не высовывайся, – и понимаю смирение мамы, позволившей мужу исполнять свои прямые обязанности. Она мудро поступила, дав ему возможность почувствовать себя сильным мужчиной, но когда он ушел во двор готовиться к нападению, прихватив с собой тебя, дядя, и Итила, мама встала, оделась, и через окно скрылась в лесу. Я, немного помедлив, пошел следом, прихватив с собой маленькое, но настоящее копье, заточенное и тяжелое. Сестра махнула мне вслед рукою, будто крылом овеяла, не стала мне перечить.

Матушка сделала большой крюк и оказалась у излучины дороги, чуть ниже моста через Жилу. Когда я нагнал ее, она уже сидела на замшелом пне, укутавшись в плащ и тяжело опершись на древко без копейного наконечника, как на посох. Это был тренировочный снаряд, при помощи которого она учила меня... весьма болезненным боевым приемам. Я залег в сухостое, стараясь не привлекать ее внимания. Знал, что рассердится, если увидит. Спустя пару минут она, не оборачиваясь, спросила:

– Ну и долго ты там собираешься прятаться?

Я выполз из укрытия, чумазый и мокрый – снег, как только показалось солнце, стоял, обнажив черную, размякшую от постоянных дождей землю.

– Зачем пришел?

Я насупился и молчал, не зная, как описать свое чувство словами. Она была холодна и сурова, как река подо льдом.

Даже сквозь плотную повязку, скрывающую золотые глаза дракона, я чувствовал ее пристальный и тяжелый взгляд.

Родимир внезапно умолкает, нахмутив густые черные брови. Я никогда не встречался с тем йоком, что зачал Сокола, но, глядя на племянника, часто думал о том, каким он мог быть. Все дети Змеи, взрослея, вытягивались к солнцу, словно молодые побеги на доброй земле, но Родя был самым высоким среди братьев. Чуть ли не саженого⁵⁴ роста, юный дух отличался весьма приметной внешностью: густые, песочного цвета волосы, рыжая в медь борода, угольные росчерки бровей и черный кант ресниц, делающий желтые глаза особо выразительными на широком лице. Для близких эти глаза всегда были такими, как есть – огромные, больше обычного размера радужки вокруг нервных отверстий зрачка с невероятной способностью зреть на дальние расстояния. При чужих Родя, как и все его братья, быстро научился прикрывать свое истинное лицо маской, при этом умудрялся прятать даже взгляд. Способность эту Ольга не смогла освоить до конца, и всякий раз, когда сильное чувство встряхивает дремлющего Дракона, темный янтарь ее глаз наливается слепящим светом отраженного золота.

Родимир внезапно наклоняется вперед, облокотившись на широко расставленные колени.

– Знаешь, дядя, ведь она всегда была такой с нами: хо-

⁵⁴ сажень – 2,134 м.

лодной и отстраненной – за исключением некоторых моментов, но, что интересно, я никогда не ощущал недостаток ее любви. Да спроси любого из нас, каждый, я думаю подтвердит мои слова... Ну, кроме Томила, конечно. Слишком ярое сердце и чересчур мятежный дух... но я не о нем. Как-то странно это все, ты так не считаешь? Я ходил в Толмань, играл там с другими детьми. Мне было с чем сравнить. И тем не менее не испытывал ... зависти, обиды – ничего такого мне даже в голову не приходило. Кажется, я понимаю, почему она не взяла Малюту к нам в семью, а оставила его в дедовском доме на попечение Итила и нянек.

Он снова замолкает, откинувшись на спинку стула, но, спустя время, продолжает рассказ.

Долгое и неудобное для меня молчание прервал шелест возбужденных голосов. Мать напряглась, вперив пристальный взгляд в изгиб дороги, перехватила древко, разминая замерзшие пальцы, и будто потеряла ко мне всякий интерес. Я встал чуть поодаль, изготовившись к бою. Страшно было, не спорю, но еще страшнее было узреть гнев Змея, если глупые люди растревожат его.

Их было не так уж и много, в основном мужчины. На изможденных голодом и отчаянием лицах не осталось ничего, кроме жажды мести. Итил оказался прав: словами этих людей не усмиришь. Сила шла на силу. И тем не менее они остановились, будто наткнувшись на незримую стену.

– Ведьма! – пронеслось над толпой, словно ветерок коснулся осенней листвы.

– Куда путь держите, мужички?

Я вздрогнул. Такого тона я не разу не слыхивал от своей матери, и уж лучше бы мне и не слышать этого язвительного, полного угрозы шипения свирепеющего Змея. Но эти люди оставили благоразумие дома, под запором, в тяжелых сундуках, и потому принялись обвинять, распаляя себя:

– Ты, колдовка, нас уморить решила!

– Не говори с ней, заворожит!

– Сука брюхатая, сама рожает, а наших детей в могилу свести хочет! Не позволим!

– Не позволим!

– Сжечь гниду вместе с ее выблюдками!

Она нарочито медленно встала, и толпа, наседавшая со всех сторон, отхлынула, смолкнув.

– Ну же, чего ждете? – насмешливо произнесла Змея, и, казалось, воздух вокруг ее тела всколыхнулся под давлением могучего духа. Она так же пыталась разжечь себя, чтобы потом легче было переносить убийство. И тогда я почувствовал ее страх и понял, сколь узко зрит она под гнетом отчаянья. Среди сотни путей для нее были открыты лишь несколько заведомо проигрышных, потому что страх, как и ненависть, приводит к слепоте душевной, и неоткуда взяться мудрости, если мрак застит взор. Это мое нынешнее видение, дядя. Сейчас я в силах объяснить то, что тогда выража-

лось лишь чувством протеста и... неправильности происходящего. Я кинулся вперед, отбивая первый камень, пущенный в матушку, и закричал умоляюще:

– Остановитесь! Она не причиняла вам зла! Она отвела болезнь от людей. Зачем вы хотите убить нас? Кто-то особо меткий пустил мне острым булыжником в лицо. Удар был несильным, но раскроил кожу на лбу, и глаза в тот же миг залило кровью. Я ослеп на время, пропустил затрещину и покатился в грязь, скуля как побитый щенок. Мать отомстила быстро и сурово, как и должно Великому Духу, но обидчики остались живы, покалеченные и обездвиженные ударами Мастера. Толпа вновь отхлынула и присмирела. Я же носом почувствовал едкий запах ужаса, что стлался над мерзлой землей и затягивал в свои незримые тенета души окружающих. Я утер лицо и поднял взор на мать. Змея сняла повязку с глаз. Обнажила свою суть перед людьми. И люди испугались, узрев преддверие Черного Дракона. Я тоже испугался. Сильней их всех вместе взятых, потому что с утробы помнил тьму и ее власть над ослабленной душой. И я заплакал. За все семь лет ожидания моя душа, наконец, получила возможность выплеснуть страх перед убийственной мощью существа, коим являлась моя мать. Это, наверное, и спасло всех нас в то злополучное утро. Онемевшие люди потихоньку оживали. Над толпой зашелестело:

– Великий Дух... Змей... Это действительно Змей...

А я все ревел, мешая слезы пополам с кровью. Матушка

склонилась надо мною, коснулась рукою темени, рывком поставила на ноги и, выпрямив спину да окинув народ тяжелым взглядом, произнесла:

– Идите домой, добрые люди. И... помалкивайте о том, кто хранит ваши земли и ваших детей от злой судьбы. Нет проку в том, чтобы измываться над беременной женщиной, как нет выгоды в том, чтобы злить Великого Духа. Пошли Родя.

Родимир смолкает, задумчиво пощипывая короткую свою бородку. Я жду заключения, прикрыв глаза, пытаюсь таким способом запечатлеть сказанное в памяти, но я старик, и память часто играет со мною злые шутки. Сокол молчит, и я говорю вместо него.

– В тот день так никто и не пришел. А мы с Даримом все удивлялись, где же гости? А ночью Ольга родила Ярополка и Пересвета... опять раньше времени.

– Раньше? – Родим рассеянно ведет глазами вдоль полок с книгами. – Время для нас определяет матушка. Мы приходим в этот мир, когда Змей готов дать нам силу. Я, пожалуй, пойду дядя.

Ярополк и Пересвет. Еж и Рыба. Очередная тайна вышла из чрева Великого Духа. Эти двое... все дети шли парами, каждый имел свой талант, свой характер и свой недостаток, что определял их жизнь. Я смотрю на них сейчас, и тихий

голос вкрадчиво нашептывает в ухо: а братья ли эти столь разные по своей природе люди? Да и люди ли вообще... Вот под моим окном что-то мастерит Пересвет. Он изобретателен и не любит оружия. В свои тридцать пять Рыба выглядит как шестнадцатилетний мальчишка, вечный студент, измаранный углем и чернилами, и, в отличие от своих братьев, не претендует на роль почтенного мужа, предпочитая оставаться тем, кем является в душе. Он проявил невероятное рвение к наукам, и Ольга отослала его из дома на десять лет познавать все, что сможет найти по эту сторону Змеиного хребта. И он ушел, покорный воле матери. Покладистость и невероятное терпение – вот что выводило Ольгу из равновесия, вот за что она буквально выгнала сына за порог в надежде, что дальние странствия закалят мальчика, сделают его более мужественным и суровым. Но, видимо то, что заложено Творцом, даже живорожденные духи не в силах изменить. Пересвет вернулся таким же тихим и мягким, каким был, но все же приобрел одно очень ценное качество: необыкновенную пронизательность и умение говорить правду.

И так можно рассказать о каждом. Ценность их жизни и опыта неоспорима, но, похоже, что не мое это – писать о детях. Они будут жить и после моей смерти, и там найдется тот, кто сможет сказать о сынах Змея. Всему свое время, говорю я, и Ниява смеется. Последнее время она все чаще приходит в мои покои, играет с правнуками, учит их музыке. Я подзреваю, что эта ведунья бдит мою душу, ждет момента, что-

бы проводить ее в мир иной, как это было с моею женою, когда она умирала. Потому я спешу записать все, что накопилось в тайниках моего разума, ту правду, что завершит первую главу жизни Великого духа.

Зима в год мора выдалась на удивление теплая и снежная, потому смута в окрестных деревнях и Толмани постепенно стихла, хотя голода избежать так и не удалось. Именно тогда я повстречался со своею будущей женою. Сокол нашел ее в лесу неподалеку от усадьбы, когда ставил силки на мелкую дичь. Он привел, а точнее принес девушку в избу на собственной спине. Восемилетнему мальчишке это не составило большого труда, поскольку девица исхудала настолько, что ее сбивало с ног даже легкое дуновение ветра. Варвара оказалась сиротою, ее погнали из дома – избавились от лишнего рта. Ольга долго ворчала, но все ж оставила Варю у себя на правах прислужницы. Я догадываюсь, что если бы не Дарим со своей болезнью, то Змея выставила бы девушку за дверь, поскольку сами мы жили весьма закрыто. Так я думал тогда. Жалости к посторонним людям в сердце Ольги становилось все меньше, разум же, расчетливость и холодная отстраненность преобладали. Великий дух обретал характер.

Варвара вскоре оправилась и оказалась весьма складной и красивой девушкой. К детям ей ходу не было, зато в конюшнях да по дому она справлялась весьма споро. Я влюбился. Впервые в жизни по-настоящему полюбил. По весне мы сыг-

рали свадьбу, скромную и тихую. Варя стала заботливой женою, и чудесной матерью моим детям. “Эх, Ольга, все-таки добилась своего, – приговаривал я, улыбаясь, – оженила меня”. На что получал резкий ответ: “А что, думал вечно на моей шее бобылем сидеть?”

Я бы мог рассказывать о своей жизни долго, если бы у меня в запасе было время, но чувствую, что нет у меня права отвлекаться на мелочи, забывая о сути. Момент, когда Великий Дух обрел тело, предвосхитили еще два значимых события. И снова я обращаюсь к своим племянникам за памятью. – Я не хочу говорить об этом, дядя. Отвяжись.

Ставр, как всегда, резок и груб. Но я привык к его проявлению прямодушия и честности, потому не в обиде на племянника. Медведь, будучи еще мальчишкой, вечно попадал в неприятности из-за этого своего качества: говорить то, что думаешь, то, что чувствуешь. Как я ни старался вразумить его, иногда даже моего терпения не хватало выслушивать дерзкие речи племянника. А попытки привить Медведю хоть чуточку такта в общении с другими людьми окончились провалом.

“Такую силу невозможно держать в узде, Белян, – сказала Змея. – Оставь его в покое, все равно с ним не справишься. Когда придет время, он сам научится всему, что необходимо”.

И я смирился. А Ольга оказалась права.

Я сажусь на крыльцо, подставив свои старые кости жи-

вительному солнечному жару, и наблюдаю, как племянник, взявшись за топор, рубит поленья. Нагое по пояс тело блестит, омываемое здоровым трудовым потом, бугры мышц, словно шары, перекачиваются под загорелой кожей – настоящий богатырь. Думаю, что, пожалуй, среди братьев он самый сильный и могучий, одним словом – Медведь, хозяин лесов, но прятать чувства этот великан не умеет. Брови хмуро сошлись на переносице, косые взгляды полны раздражения, темные кудри топорщатся во все стороны, словно шерсть на холке раздосадованного зверя. Видимо, я все же растревожил его ум, и воспоминания, неприятные и болезненные, комом встали в груди.

– Что, старик снова пристает к тебе, Тавруша?

Голос Вольги полон насмешки, впрочем, беззлобное подтрунивание над близкими – его любимое занятие. Волк, в противоположность открытому и простодушному брату, хитер, как бес, да к тому же умен и прозорлив. Могу поклясться, такого искусного лгуна, прониры и кознетворца я в своей жизни еще не видывал. Многие скажут, что подобные качества в человеке рождаются из трусости, но этот парень всегда был отважен, молча сносил всякое наказание за свои проделки, но никогда не отказывался от их повторения. А в плане наказаний Ольга сурова, непоколебима и, с моей точки зрения, даже жестока. Возможно, так она выбивала из мальчишек “дурь”, прочищала естество, чтобы на фоне страха перед болью было видно, кто есть кто. Вольгу она поняла прак-

тически сразу после того, как пацаненок научился разговаривать, а, разгадав, стала ставить границы дозволенного, не позволяла склониться ко злу и насилию над другими. Волк не просто обладал жадой власти, он был рожден править. Такие становятся либо благодетелями народов, либо жестокими тиранами, упивающимися своим правом вседозволенности.

– Эх, Тавруша, да скажи дяде все, что просит, и он оставит тебя в покое. Ведь оставишь, Белослав Ильич?

Я добродушно киваю, невольно отворачиваясь от его взора. Вроде с виду добр и мягкосердечен, но стоит глянуть в его холодные серые глаза, и сердце сжимается от понимания: грозен, ох, до чего грозен и опасен этот сокрытый властелин! Недобрый у него взгляд, тяжелый и леденящий душу.

Ставр внезапно с силой вонзает топор в плаху и поворачивается к нам:

– Сказать! Ишь какой... нашелся! Что ж сам не скажешь? Тоже там был, знаешь не меньше!

Все дети Змея бесстрашны, но лишь Медведь неподвластен сковывающим сердце чарам Вольги, и лишь он способен усмирить гордыню брата и подчинить себе непокорного духа.

– А меня никто не спрашивал, – Волк щурится на солнце, словно кот, улыбается тонкими и темными, как у женщины, губами. – Дядя думает, я совру.

Обиделся, школьник. Спрашиваю:

– Я не прав?

Вольга глядит на меня внимательно и серьезно, хоть лицо его выражает благодушие и насмешку. Великий притворщик, мастер масок!

– Не знаю, дядя, – на миг я вижу его истинный облик и невольно вздрагиваю. Убийца, мясник, хищник. Страшен недуг Волка – отсутствие сострадания.

– Этот случай разбудил меня раньше срока. Мой разум затуманился, так что вряд ли мои слова отразят реальность событий. Спроси лучше Нияву.

– С ума сошел! – Ставр встал против солнца, заслонив своей массивной фигурой свет. – Хорошо. Мы будем говорить напару... не спорь Лёга, я так решил! А ты, дядя, добавишь то, что помнишь сам.

Серовласый Вольга ухмыляется, с треском потирая короткую черную щетину на подбородке, но брату не перечит. Этот жестокий мальчишка умеет любить, по-своему, конечно, но умеет. Медведь присаживается по правую мою руку, Волк опускается по левую, и я молча внимаю, чтобы после записать следующую историю.

Мор скота не прошел бесследно. Люди в окрестных деревнях голодали, подъедая запасы, отложенные для посева, промышляли дикого зверя, но и этого было мало. А по весне пришла иная напасть: с юга стали являться недобрые люди. Война, охватившая на тот момент соседнюю Славию, плоди-

ла сирот, нищих, голодных и озлобленных людей, дезертиров. Лишенные дома и семьи, отчаявшись, они шли через горы в наш край, укрытый диким, почти девственным лесом, в поисках лучшей доли, становились разбойниками, промышляли воровством. А следом за ними ступали наемные йоки, отчего душегубы делались лишь злее и кровожаднее.

Неспокойные слухи дошли до нас лишь на три дня раньше, чем случилось первое нападение. Обоз, доставлявший из Сатвы продовольствие, исчез на подступе к Толмани. Ожидавшие княжеской помощи старшины поняли, что в пути случилось неладное, и послали конный разъезд в подмогу. Кметы вернулись быстро и рассказали, что кто-то разорил продуктовый поезд, убил сопровождавших его обозников, коим число было семь, а трупы уволокли в лес и скидали в овраг, прикрыв ветками. Так бы ничего и не нашли, если бы не было среди них опытного следопыта, опознавшего место схватки. Разбойники умело заматали следы.

Я тогда как раз был в городе вместе с Варенькой, справлял кое-какие дела, связанные с конезаводом, составлял бумаги и разговаривал с посредниками знатных господ, соизволивших купить породистых лошадей. Дом, где теперь хозяйничал Итил, был большим, так что в нем полно было места для сплетен и новостей самого невероятного толка. Потому я не хотел, но слушал, и сердце мое наполнилось беспокойством.

Дня через два после случая с обозом дерзкие воры уведли трех девок из деревни, что располагалась чуть севернее

нашей усадьбы, и откуда зимою пришла к нам Варенька. Дарим, пригонявший рысаков в Толмань на торг, в тот же час отбыл домой.

Ставр: В тот день отец с матерью сильно повздорили. Он хотел, чтобы мама, тогда носившая Томила под сердцем, оставалась дома и даже не помышляла об охоте на разбойников. В матушке же взыграл Змей, да гордость. Вообще, наблюдать, как они ссорятся, было... странно. Жена, искажившись лицом от гнева, кричала на мужа, муж мычал, размахивая руками.

Вольга: Стоит отметить, что отец всегда очень тяжело переживал свою вынужденную немоту, хоть и скрывал это. Слабые, беспомощные звуки он считал недостойными себя, потому в основном молчал. Подобный контроль давался ему довольно легко, учитывая то, с какой скоростью набирало силу его умение общаться мысленно. Но в тот день он сорвался. По одному этому можно судить, насколько он был раздосадован.

Медведь: Отец наседали на маму, призывал к благоразумию, но Змея твердила одно: “Это моя земля, и я буду ее защищать!” Никакие доводы: ни угроза для здоровья Томила, ни то, что в таком положении матушка более уязвима, ни опасность для Пересвета и Ярополка, что требовали кормления грудью, и потому Змея всюду их брала с собою – ничего не могло переубедить ее.

Волк: Это было тоже необычно. “Так надо, я так чувствую,” – говорила матушка, а отец от этих ее прозрений сходил с ума. По сей день она иногда впадает в подобное состояние и творит странные, необоснованные вещи, что полностью меняют всю ее и нашу жизнь.

Ставр: Она не послушала отца и уехала, оставив дом и нас под его присмотром. Дядя, ты тогда был в городе, и не видел того, что произошло на следующий день.

Родя, Ниява и мы с братом были тем вечером на конюшне. У отца, после того, как мать уехала, вновь случился приступ головных болей, причем таких сильных, что он ослеп на некоторое время, и потому остался в доме, по старшинству поручив Родиму присмотр за жеребой кобылой, что вот-вот должна была дать потомство. Родя чистил стойло, Нийка таскала свежую солому, чесала спутанные гривы, а мы играли с деревянными мечами, совсем недавно подаренными дядей Итилом.

Вольга: Ния в силу своих способностей заметила опасность первой, точнее, почувствовала и закричала. Тебе, Белослав Ильич, известно, как меняется ее голос, когда она начинает... хм, испытывать сильные чувства, особенно страх. В тот раз пронзительный звон ввел разбойников в некоторое смятение, а нас – как ты это говоришь, живорожденных духов? – в боевой настрой.

Ставр: Роде тогда было сколько? Девять? Он выбежал один против шестерых взрослых мужчин с вилами наперевес

и дрался на равных, покуда не убил одного.

Вольга: Впервые отведав человеческой крови, отнятой насильно, каждое живое существо в этом мире проходит инициацию. Не требуй от меня признаний о сути этого процесса и его последствиях. Человек меняется полностью. Чтобы не сломать его сущность, требуется подготовка. Мы же оказались намного... раннее обычных людей.

Медведь: Родя насадил одного из разбойников на вилы и тут же упал без сознания. Кто-то из мужчин пригвоздил брата к земле и, вынув меч, удовлетворенно обтер лезвие о его волосы. Ниява продолжала кричать, за что была оглушена, мы попытались убежать, но нас догнали и связали. И тут подоспел отец. Он слепо бежал через выгон, спотыкался на неровностях, вскакивал и снова шел на крик дочери, покуда крик не оборвался. Отец настороженно замер, чуть наклонив голову на бок и вслушиваясь, после чего поднял с земли ветку и бросил ее на звук возни. Излишнее движение. Его заметили и без этого.

Волк: На отца было страшно смотреть. Столько боли и отчаяния на лице. Я сейчас понимаю его чувства: бессилие, немощь. Стоя там, в полной темноте и немоте, продираясь сквозь гул в ушах от невыносимой головной боли, он все же ждал боя, был к нему готов, заранее предвосхищая результат.

Ставр: Отец пришел безоружным, лишь охотничий нож болтался на ремне. Он смог убить двоих, не получив ни еди-

ного увечья, но один из тех, кто был еще жив, все же добрался до его головы. Удар был сильным. Отец упал, но разбойники почему-то не стали добивать его, засуетились, выводя возбужденных рысаков из конюшен, подхватили Нияву, нас, и поскакали прочь.

Подъезжая к усадьбе, Змея почувствовала запах гари. Но еще раньше она услышала крик своей дочери и уловила резкий скачок силы в пространстве. Эфирные существа возбужденно защебетали, волнуя потоки энергий, груднички, гукающие между собою в люльках, перекинутых по разные стороны мощной лошадиной шеи, притихли. Ярополк натужно засопел, Пересвет, вылупив на солнце свои огромные рыбы глаза, впал в оцепенение. Впервые за восемь лет своей жизни Серый отвел хозяйской плетки, впервые Ольга подняла на верного рысака руку, понукая бежать.

Дом был срублен на славу – кровля еще держалась, но полыхала, что масляный факел. Змея некоторое время молча смотрела на разоренное гнездо, и на ее сером осунувшемся лице отсутствовало всякое выражение. Она сошла на землю, Серый, испуганно всхрапнув, сделал шаг назад, тихо жалобно заржал. Ольга оглянулась и увидела Даримира, что стоял у ограды выгона, покачиваясь, будто пьяный, и, прижав к груди неподвижное тело сына, смотрел на огонь. Его губы беззвучно шевелились, глаза на залитом кровью лице были недвижимы и совершенно безумны. Она подошла к мужу,

коснулась холодного лба мальчика, аккуратно высвободила его тельце из судорожных объятий Дарима.

“Я не смог! Я не смог защитить их! Я не смог! Я жалок! Я не годен быть отцом! Я не могу защитить своих детей!”

Чужие мысли болью врываются в ее сознание, минуя слух, и оттого крик казался в разы громче и пронзительнее любого самого сильного звука. Змея опустила Родима на землю, дорвала рубаху, обнажая дыру в груди. Крови практически не было, потому она легко свела края раны, захватила их в горсть правой руки, медленно повернула посолонь на четверть круга и резко рванула вверх. Тело мальчика изогнулось, следуя руке, повисло на мгновение в воздухе, опало, и Соколик забился, выпучив красные без белков глаза и загребая землю вершковыми когтями на суставчатых, словно птичьих, пальцах. Змея нахмурилась, поджав губы, и придушила осознающего себя духа. Сокол вцепился в ее предплечье и тут же ослаб, безвольно откинув голову на тощей мальчишеской шее.

– Рано, слишком рано, – процедила мать сквозь крепко стиснутые зубы и повернулась к мужу, не обращая внимания на вкатившую во двор телегу с Итилом на козлах, и Беяна с Варенькой за его спиною. Ольга заставила мужа сесть, оглядела рану и на несколько секунд прикрыла глаза.

– Необратимо, да? – она бросила этот вопрос в никуда. Печать на затылке Даримира чуть сияла, указующим перстом тыча в по-летнему теплое небо. Единственным перстом. Ол-

га с силой надавила на веки, прогоняя накатившую дурноту. Потом коснулась дыханием виска Даримира, нежно поцеловала его в дрожащие губы, и несчастный уснул. Вновь прибывшие суетились, пытаясь потушить огонь. Змея поднялась, властно окликая домочадцев.

– Варя, запри Родима в бане. И засовом подопри, не забудь. Итил, мне нужна горячая вода...

– Тетя, а как же изба. Сгорит же все без остатку, – перебивая треск пламени, воскликнул Итил. Ольга окинула горящий дом безразличным взглядом, подошла почти вплотную, щурясь от колышущегося жара. Очертания ее фигуры расплылись, словно искаженные маревом, и спустя миг она исчезла. Варя закричала то ли от страха, то ли от удивления.

– Сумасшедшая!

Но не успела она произнести слово до конца, как огонь стал опадать, будто кто накрыл горящую избу стеклянным колпаком, лишив пламя воздуха, необходимого для жизни и буйства. Через пару мгновений остался лишь дымный почерневший сруб, стынущий без ветра и дождя.

Спустя несколько минут из леса, со стороны выгона, показались четверо всадников. Я очень хорошо помню эти ощущения: сначала холодок тонкой струйкой стелется меж лопаток, потом на миг перехватывает дыхание от гнетущего чувства опасности, а после внутри все сжимается, готовя тело к удару, бою, смерти. Йокков начинаешь чують еще до их появ-

ления в твоём поле зрения. За бытность мою князьим Ловчим я за несколько секунд научился справляться с этим липким страхом, что связывает людей по рукам и ногам, отнимая возможность бежать прочь. Вот и на этот раз меня охватила неприятная, покалывающая в ключице злоба. Змея вышла на крыльцо, черная и чумазая, долго разглядывала гостей, и внезапно лицо ее исказила гримаса гнева. Она быстрым, нервным шагом подошла к спешившимся йокам и со всего маху ударила самого старшего по щеке. Тот отступил назад, а будь он простым человеком, отлетел бы на добрую сажень.

– Ты опоздал, Выдра!

Голос ее звенел, словно натянутая до предела струна. Йок, потирая пунцовую щеку, молчал, рассеянно всматриваясь в каждого из присутствующих.

– Сволочь!

Голос Ольги стал низким, шипящим. Постепенно теряя человеческие, привычные уху качества, он разрастался, заставляя густеющий воздух звенеть.

– Ты все знал, мерзавец. Знал, что я здесь? Смотри мне в глаза, когда я с тобою говорю! – она грубо схватила йока за подбородок, дернула. На некоторое время их взгляды встретились. Выдра потупился первым, хотя ни единый мускул на его каменном лице не выдал волнения или страха.

– Отвечай!

Вместо ответа йок медленно опустился перед Змеей на од-

но колено, смиренно склонив голову. Младший, следуя примеру Учителя, тут же упал рядом, старательно отводя взгляд и втягивая голову в плечи. Ему было страшно. Двое других, явно люди, стояли поодаль, мрачно наблюдая за действием. Я, забыв обо всем, смотрел на происходящее, разинув рот. То, что творилось, действительно было невероятно во всех смыслах этого слова. Но подобный жест искреннего раскаяния лишь еще больше распалил Змею.

– Сукин сын! Что, решил отомстить за гибель Медведя?! Мне?! Или моим детям?!

Выдра вздрогнул, быстро глянул на рассвирепевшую женщину, и снова уставился в землю.

– Я не знал... что у тебя есть дети.

– Ах, ты не знал! – она с размаху ударила ему ногою по лицу. В наступившей тишине я четко услышал звук ломающейся кости. Йок мешком повалился на бок.

– Он не знал!

Меткая Олгина пятка находила самые болезненные точки, и провинившийся Выдра молча корчился под яростными ударами.

– Падаль смердящая! – она схватила его за горло, вздернула над землю, приблизив разбитое в кровь лицо к своему, черному не только от копоти, но и от гнева. – Ты дорого заплатишь за это. За страх, что раньше времени вошел в их душу. И за их ненависть к обычным людям.

– Нельзя уберечься от судьбы, – прохрипел Выдра обес-

кровленными губами. Змея с шипением выпустила струю воздуха, и бурые лезвия когтей вонзились в шею йока. Варенька заплакала от страха, спрятав побледневшее лицо в ладони, Итил, хмурый более обычного, молча отвернулся, а же смотрел жадно, охваченный ужасом и глумливой радостью одновременно. Эта маленькая и хрупкая на вид женщина имела то, о чем я даже не помышлял – власть над “сынами смерти”. Причастность к ее силе вызывала удовлетворение, но ее действия внушали и неподдельный страх.

И тут в люльке заревели младенцы. Оба. Одновременно. Змея вздрогнула, разжала пальцы и замерла на некоторое время, пытаясь справиться с распаленным сердцем.

– Ты, – она глянула исподлобья на Младшего, – будешь охранять Ярого и Пересвета. Ты, – взгляд коснулся одного из воинов, стоявших поодаль, – проводишь моего племянника до города. Приведешь людей. А ты, Выдра... – она замерла на миг, справляясь с гневом, – в бане я заперла своего старшего сына. Будешь сидеть при нем. Надеюсь, ты знаешь, как вести себя с живым духом, пробужденным человеческой кровью.

Мастер поднял на Змею глаза, и мне почудился страх, тщательно сокрытый, тайный, страх не человека – зверя, живущего в его теле.

– Варя, Белян, позаботьтесь о Дариме, Младший йок поможет вам. А ты... – она окинула взглядом фигуру последнего. – Ты... да покажи мне уже свое лицо, кмет!

Воин сдернул капюшон.

– Сашка? – она нахмурила лоб, вглядываясь в смуглое лицо своего бывшего ученика. Его трудно было узнать. Время безжалостно калечит тех, кто выбрал ратный путь, превращает глупых восторженных юнцов в стариков, изувеченных физически и душевно. Сашке шел третий десяток, но при взгляде на его суровое лицо, седину, посеребрившую виски, и холодный блеск выцветших глаз создавалось впечатление о человеке без возраста, без сердца, без жалости – о человеке “без”. Возможно, я своим видом вызывал те же ощущения у людей, окружавших меня на службе князя, но с тех пор минуло много лет, я успел потерять честь и силу воина, смириться с потерей и начать жить наново, Сашка же стал рабом как своей силы, так и своей чести. Судьба? Безволие? Вряд ли, скорее закономерность. Этап познания власти над чужой смертью.

– Здравствуй, Ольга Тихомировна. И ты будь здоров, Белослав Ильич.

– Ты поедешь со мной.

Сашка молча вскарабкался в седло.

– Не ходи, Великая! – Ученик йока схватил Серого за повод, болтающийся на могучей шее, преградил Ольге путь. – Побереги детей, – он умолял, силясь удержать брыкающегося рысака. – Ты же знаешь, тебе не дана воля к... убийству.

– Уйди с дороги, щенок. Не тебе меня учить, – огрызнулась Змея, сверкнув глазами. – Выполняй, что приказано.

Они скрылись в лесу. Выдра поднялся с земли, похрустел хрящом, вправляя сломанный нос, окинул оставшихся тяжелым надменным взглядом и, неожиданно для меня, устало вздохнул, потирая синюю от кровоподтеков шею.

– Узнаю тебя, – йок криво усмехнулся, подходя ближе. Я сглотнул, словно замороженный глядя на Выдру.

– Это ты гонялся за Предателем... Княжий Ловчий, значит... Что ж ты не добил гада, когда была возможность? Эх, вояки!

Он как-то слишком по-человечески махнул рукою и зашагал к бане, безошибочно угадывая направление.

Лис был жив! Почему я не рассказал об это Ольге тогда же, не знаю. Может, просто не поверил. Сейчас я вижу, что мои слова могли предотвратить многие беды, но тогда я думал лишь о себе и своей жене, о нашей с ней безопасности, и мною владел страх. Ольга всегда была непредсказуема в своих чувствах. Просыпавшееся в ее теле древнее сознание реагировало иначе, чем мог бы помыслить и просчитать обычный человек. И я смолчал. Смолчал и Выдра. Остальные просто ничего не поняли из короткой фразы, брошенной “сыном смерти” безногому калеке.

Виню ли я себя? Змея говорит, что наши судьбы расписаны свыше. Смирение и принятие жестких законов пути упрощает бег по линии жизни. Никогда не стоит оставаться в прошлом, там только опыт, чувства же принадлежат реаль-

ности. Что было, то было – расхожая фраза, но сколько в ней чисто человеческой правды.

Странно слышать из уст этой женщины слова о покорности. Противоречие? Не думаю. Скорее, желание.

Ставр: Меня завязали в мешок, как порося, ведомого на торги. Долго, невероятно долго трясло и било о горячий лошадиный круп, после чего бешеная гонка прервалась внезапным затишьем, и я оказался на земле.

Вольга: Люди вокруг ходили, переговаривались, и в их голосах я не чувствовал страха. Они не ждали погони, кроме той, что была еще далеко и являлась силой закона. Они были озлоблены и потому чересчур развязны в словах, словно в грубости находили себе поддержку. И, самое главное, они, видимо, так и не поняли, в чей дом посмели ворваться.

Медведь: Вскоре нас вынули из мешка и связанных кинули под телегу. Был вечер, разбойники разложили костер, готовили ужин. У огня сидел человек в более-менее приличном кафтане и внимательно разглядывал добычу – матушкин меч. Лицо его при этом было странно задумчивым и сосредоточенным, будто он что-то ведал об этом клинке. Лёга, втянув тонкую шею, мрачно глядел на мужчину. Я повертел головой, высунулся из-под телеги и увидел босые пятки сестры над головой. Мой оклик не привлек ее внимания, более того, она даже не шелохнулась.

Волк: Ния, уткнув свое милое личико в колени, охвачен-

ные кольцом связанных у запястья рук, застыла в трансе, вызванном, как мне сначала казалось, страхом. В этот же момент к ней приблизился мужчина, вожак, а с ним еще пара людей – по запаху именно те, что напали на нас.

Медведь: Я ткнул Лёгу ногой в бок, он недовольно засопел, но так и не обернулся, не сводя с вожака злого взглядом. Мы не близнецы в полном смысле этого слова, но те из нас, кто рожден в один день, имеют меж собою очень сильную связь. Так что до меня донесся отголосок бури, гулявшей в сердце брата. Только случилось это слишком поздно: я уже успел снять с него веревку, хотя стоило затянуть ее крепче.

Волк: Ставр более умело, нежели я, владеющий перетеканием материй, быстро освободился от пут и развязал мне руки. Благодарности от меня он так и не услышал, потому что я был поглощен охотой. Охотой на тех, кто посмел прикасаться к моей сестре без ее согласия. Во мне бурлило столько ненависти, что на фоне этой бури благоразумие и здоровый страх теряли всякое значение. Выиграла кровь Змея, нет, даже не Змея – Дракона. С того момента я слабо помню происходящее.

Ставр: Люди, подошедшие к телеге, заговорили.

– Хороший меч, Вышка, только я не пойму одного, – голос вожака был усталым, а тон неприязненным, – зачем ты, тупица, притащил детей? Что мне, по-твоему, с ними делать?

– Голова, да ты только погляди, – Вышка залебезил перед господином, испуганно косясь на товарища, – каков товар, а?

– Трехлетние сосунки – это товар?

– А что, поглядь, какие здоровые, – он сунулся было под телегу, но я цапнул его за руку. Вожак коротко хмыкнул, глядя на трясущего прокушенным пальцем Вышку, но тот не сдавался.

– А девка? Ты только поглядь на ее личико, ну чисто ангельское!

И тут нерадивый разбойник совершил большую ошибку – грубо дернул Нияву за волосы, заставляя ее поднять склоненную голову. Из-под телеги раздался утробный рык, мелькнула тень, и Вышка, оступившись, повалился на спину, заставляя товарищей отскочить прочь и замереть в немом удивлении. Пацаненок с серой, будто присыпанной пеплом шевелюрой, болтался на горле агонизирующего разбойника, из яремной вены которого хлестала кровь. Когда несчастный перестал биться и стих, Волчонок разжал челюсти и поднялся, глядя красными без зрачка глазами на одуревших от произошедшего людей. Все, кто наблюдал – а на звук борьбы сбежалась добрая половина лагеря – с ужасом воззрились на мальчика, что на их глазах превращался в звереныша, судорожно сжимая и разжимая когтистые пальцы. Я молча страдал под телегой, обхватив голову руками в попытке не допустить в свой разум безумие брата.

– О, Творец всемогущий, оборотень! Настоящий волк! – тихо проговорил кто-то, и этот шепот, невероятно громкий в наступившей тишине, разбудил зверя. Имя вошло в Лёгу,

изменив его суть. Волчонок опустил на колени и завыл.

Змея внезапно осадила Серого, соскользнула с его спины и замерла, вцепившись пальцами в гриву тяжело дышавшей лошади. Сашка, что шел на корпус позади, остановил коня и настороженно прислушался, повинувшись знаку Ольги “молчать”. Тишина. Сашка сполз с коня и приблизился к своему бывшему Учителю.

– Они рядом, – ее холодный тон заставил его остановиться. Она резко обернулась, вперила свои золоченые зенки в его глаза, будто приковала. Раньше ее взгляд был другим, более... человеческим.

– Зачем ты ходишь с йоками? Ищешь силы?

– Нет, – он все же отвернулся, – князь послал ловить разбойный люд, да следить при этом, чтобы духи не всех поубивали.

– Сколько ты уже с ними.

– Полгода.

Змея ослабила напор и, вздохнув, потеряла переносицу ребром ладони.

– Плохо. Завтра, когда мы вернемся, ваши пути разойдутся. Ты со своим товарищем поедешь в Истарь ко двору и передашь князю отчет. Йоки поедут дальше... если, конечно, поедут... Без тебя.

– Ольга Тихомировна, я не могу нарушить приказ князя. Она взглянула на него с неким удивлением.

– Сашенька, ты неверно мыслишь. Это *мой* приказ ты не сможешь нарушить.

– Но... почему ты этого хочешь?

– Потому что иначе ты погибнешь. Сыны смерти питаются людьми, силой их жизни. Ты в последнее время себя вообще хорошо чувствуешь? То-то же.

– Ты не имеешь право вот так вот вмешиваться в мою жизнь, – ее самоуверенность раздражала, – может, я хочу умереть!

Вместо ответа он получил звонкую пощечину.

– Кретин! – зло прошипела она. – Пойдем.

Оставив лошадей на тропе, они пересекли овражек, по дну которого бежал, перебирая голыши, звонкий ручей, поднялись по каменистому склону и оказались в густом ельнике. Сквозь тяжелые зеленые ветви проглядывал трепещущий свет костра, слышался человеческий гомон. Внезапно все смолкло, даже звуки леса, ток его жизни замер, сдавив тишиной барабанные перепонки. И в полном молчании раздался призывный вой молодого волчонка, только-только пробующего свой голос. Змея посерела и, не остерегаясь, ринулась сквозь трескучий лапник, буквально вывалившись в самый центр разбойничьего стана. Сашка, шедший следом, очередной раз удивился ее невероятной прыти. Когда он вынул меч, семеро разбойников были уже мертвы, остальные, оправившись, разделились на нападавших и удирающих. Сашка смог оглушить нескольких, некоторые успели скрыться, кое-кто

из особо жадных до драки отведал его меча. Отерев клинок, он подошел к Ольге, стоящей на коленях перед серовласым мальчиком, чья грудь и лицо были залиты кровью. Подошел и тут же отступил прочь, на всякий случай положив пред собой размашистый крест Творца-заступника.

Змея, припав к земле лбом, ломала ногти о твердую землю, судорожно загребая почерневшими пальцами. Ребенок же, выпучив алые зенки, боязливо топтался в паре шагов от скрученной судорогой матери, не решаясь подойти, и скалил мелкие острые клыки. Из-под телеги тем временем выбрался еще один малыш, нетвердо ступая, подошел к серовласому и, схватив его за ноги, оттащил визжащего и упирающегося звереныша от Ольги. Змея вдруг с хрустом прогнулась, словно какая сила вздернула ее за позвоночник, и утробно закричала, выпуская из себя нечто, какое-то чувство, от которого даже у Сашки, многое повидавшего в своей жизни, волосы встали дыбом. Женщина не должна была так страдать. Девочка, до того момента неподвижно сидевшая на возу, будто вышла из транса: испуганно огляделась, хлопая длиннющими черными ресницами, на миг ее нежный маленький ротик раскрылся в немом крике, но звук так и не сошел с тонких губ. Она соскользнула с телеги, держа скрученные руки перед собою, посиневшими из-за тугой перетяжки пальцами обхватила рукоять меча, что валялся рядом с трупом одного из разбойников, и потянула, силясь вынуть тяжелый клинок из ножен. Но оружие оказалось неподъемным для маленькой

девочки. Тогда она обернулась к Сашке и визгливым от страха голосом заорала:

– В землю! Дай ей уйти в землю!

Сашка ничего не понял, но, обойдя Олгу стороной, поднял клинок, который, несмотря на свою малую длину, оказался довольно тяжелым. Обнажившаяся сталь сверкнула, поймав на серебряное лезвие отблеск костра.

– В землю, дядечка, в землю его! – продолжала верещать девчонка, дергая воина за подол и рукава кафтана. Сашка послушно воткнул лезвие в землю прямо перед Змеею, чье тело стало терять привычные очертания, окруженное густым обжигающим маревом. Олга вскинула на Сашку огромные, словно золотые блюдца на черном лице, глазища, полные боли, и судорожно обхватила рукоять пальцами. Дерн вокруг меча завибрировал, расходясь трещинами, изумруд наверху почернел, потом вдруг вспыхнул обжигающим глаза светом и погас. Олга выдохнула и обессиленная повалилась на бок в сочную и густую, что волос чакайской красавицы, траву. Откуда взялась на утоптанной в камень земле эта мягкая, покрытая мелкими звездочками цветов подстилка, Сашка так и не успел разгадать – из-под телеги раздался визг. Олга тяжело поднялась и села, убирая с лица пряди из растрепанной косы. Девочка опустилась рядом, глядя на телегу странным, совершенно сухим и отчужденным взглядом. Только теперь Сашка различил, что ее глаза не имеют ни радужки, ни зрачка.

– Мама, он убил человека, – ее голос стал низким и густым, совершенно отличным от надтреснутого фальцета. Змея безучастно глядела в пустоту неподвижным взором, чуть наклонив голову и поглаживая рукою живот. Ответ ее прозвучал, будто порыв холодного ветра коснулся мерзлых ветвей:

– Знаю...

– Мама, он принял имя. Безумие ждет его. Маменька, милая, что же делать?

Олга опустила веки, и на щеках ее заблестели слезы, словно живой хрусталь на каменной маске. Из-под телеги выбрался серый звереныш, вякнул испуганно пару раз, принялся ластиться к матери. Она прижала скулящего получеловечка к груди, сдавила его, тот принялся биться, чувствуя опасность. Олга вздрогнула и разжала объятия, отпуская сына, не смогла сделать то, что требовал от нее здравый смысл. Волчонок остался сидеть у нее на коленях, уткнувшись лицом в грудь, где медленно умирало живое тепло.

– Маменька, – голос мальчика был хриплым, но вполне человеческим, – маменька, не надо больше плакать. Я больше не трону этих жалких людишек, обещаю. Никогда.

– Отрекись! – взволнованно воскликнула девочка, и глаза ее налились призрачным светом. Мальчик помедлил секунду, потом поднял на сестру ярко желтые глаза.

– Отрекаюсь!

Девочка бесцеремонно схватила его за волосы, оттащила

от матери, и, зажав ладошками оттопыренные уши, ткнулась лбом в лоб волчонка. Так они сидели несколько долгих секунд, недвижимые и жуткие. Внезапно девочка оттолкнула брата и заплакала. Серовласый осел на землю, пребывая будто в глубоком сне, лицо его было спокойно и безмятежно.

– Матушка, милая, что я наделала! Матушка, это ужасно, – причитала девочка, утирая слезы. – Матушка, ну зачем все так? Совсем чистая душа, матушка! Почему это?! Я больше не хочу так делать! Пожалуйста, не заставляй меня делать *это* ...

Олга молчала. Подобрав колени к подбородку и обхватив их руками, она глядела недвижным взором сквозь ели, сквозь Сашку, стоящего перед нею, сквозь дочку, испуганно рассматривающую мать, сквозь пространство в самое сердце пустоты, туда, где медленно затухала недавно зародившаяся жизнь ее ребенка. Она гаснущей искрой поблескивала в темноте лона и тянула за собою вторую звездочку, и не было у той воли и силы рожденного в свет противиться гибели.

Вольга: Знаешь, дядя, а ведь она могла дать тело очень древнему сознанию. Всех, кого Лис изжил, мама уже выпустила в свет. Ящер был последним из нас, погибших в эпоху йоков. Кто-то ведь ожидал своего часа под ее сердцем, но он был слишком слаб по сравнению с нами, слишком долго не ступал по земле ногами, слишком мало помнил, что значит быть живым. Томил был сильнее. Глупее, но сильнее. Пом-

нил еще, что такое воля, борьба... страх.

Ставр сидит хмурый, густые брови сошлись на переносице. Вольга щурится, облокотившись на ступени и откинув голову, по его губам струится странная полуулыбка, и в таком его отрешенно-напряженном состоянии невольно вижу я знакомую лисью повадку. Близок Волк, ох близок к нелюдю, и что-то подсказывает мне, неспроста эта схожесть, и связана она с ранним пробуждением обоих.

– Что еще хочешь услышать ты от нас, дядя? – Медведь провожает взглядом Нияву, и та, откликнувшись на взор, улыбается брату своей лучезарной улыбкой.

– Погляди на нее, дядя! – Ставр говорит тихо, и грусть течет сквозь его слова серебряной нитью. – Она прекрасна как божество и опасна как демон. Зачем дано нам это? Зачем ей этот дар, это проклятие? Разделить душу человека, одним прикосновением лишить самого сокровенного?

Волк кривит темные губы:

– Хватит нить, Тавруша. Не стоит меня жалеть, я такой, как есть. И мне хорошо.

Медведь косо смотрит на брата:

– Ой ли?

Даримиру сделалось хуже после заката. Он бредил, кричал на непонятном языке, звал кого-то. Его мысли были слышны всем вокруг так же явно, как если бы он проговаривал их нам в уши. Варенька, волнениями и страхами до-

веденная до изнеможения, тихо плакала, вытирая пот со лба брата. Я отправил ее спать, а сам остался присматривать за Даримом. Конюшни, нетронутые разбойниками, послужили нам укрытием на эту ночь. В дальнем конце копошился Младший йок, попискивали младни, на удивление смирные без своей матери. Изредка нелюдь заглядывал в наш угол. Его бледное напряженное лицо, белым пятном маячившее в свете лучины, вызывало во мне лишь раздражение и злость от завистливого непонимания: почему она доверила грудничков этому убийце? Потом мне стало страшно. Где-то в полночь пришли ратники, не нашедшие следа. Их гомон, топот, разговоры словно сквозь вату пробивались в мое сознание. Младший некоторое время говорил с ними, потом кметы ушли, и тишина снова обложила меня со всех сторон. Дарим затих, и, вглядываясь в его искаженное страданием осунувшееся лицо, я вдруг четко осознал, что он скоро умрет. Потом со стороны реки донесся протяжный крик. Не человеческий, но и не животный. Мое сердце не выдержало, я вжался в спинку своей каталки, обхватил руками плечи и начал молиться. Молитв я не знал, но тогда слова нашлись сами собою, всплыли откуда-то из памяти песней покойной матушки. Крик повторился, потом снова, и все стихло. Я замолчал и обернулся, чувствуя чье-то присутствие. Сначала мне помстилось, что это Ниява, но радостное наваждение рассеялось. Это была не моя племянница, хотя сходство их было поразительно. Не оракул – призрак его стоял у меня за

спиною, и его бестелесная тень не преломляла света. Девушка была прекрасна, как снег под луною, и так же холодна и безжизненна, как эта мерзлая влага. Застывшее отражение Лиса, давний враг в обличьи святого. Она некоторое время внимательно смотрела на Дарима, потом поморщилась, будто от сильной боли и, отступив, растаяла в ночи. У меня в ушах еще долго звучал ее надменный голос: “Надоело. Дураки! Оба! Damn you, bror! Jag förbannar dig⁵⁵ ...”

Они вернулись на рассвете. Ниява маленьким вихрем влетела в стойла, припала к груди спящего отца, обняв его широкие плечи тонкими своими ручками. Ольга серой тенью застыла у меня за спиною, щурясь на свет фонаря. Я с трудом заставил себя повернуться и посмотреть на ее каменное лицо, и поймал потухший, безразличный ко всему взгляд. Она мельком глянула на меня и вышла вон, так ничего и не сказав. Я покатил следом.

– Ольга! Да постой же ты. Он приходил ночью! – она даже не оглянулась. – Ну, он... то есть, она. Оракул, что похож на твоего Учителя.

Змея чуть дернула головою, но скорости не сбавила.

Баня была пуста. Ольга хмурая, что ночь в тучах, присела на крыльцо, потерла руками глаза, будто силилась выдавить их из орбит, и посмотрела в сторону реки. Я тоже повернул голову и увидел две фигуры. Выдра вел Сокола за ру-

⁵⁵ Damn you, bror! Jag förbannar dig – черт бы тебя побрал, брат! Будь ты проклят...

ку, удерживая того в прямом положении, ибо мальчика качало, как во хмелю. Ольга медленно поднялась им навстречу, сжав в кулаки разгорающийся в груди гнев. Станный, гор-
танный птичий крик слетел с ее губ. Сокол вздрогнул и, буд-
то ожив, уставился на мать огромными ярко-желтыми глаза-
ми, выдернул руку из ладони нелюдя и побежал к Ольге, но,
не дойдя несколько шагов, остановился, словно пригвожден-
ный к земле испытывающим взглядом Великого Духа.

– Зачем ты сделал это, Выдра? Зачем пробудил моего сы-
на? Я об этом просила тебя?

Йок опустил голову.

– Не моя в том вина.

– А чья же?

Воздух завибрировал, разнося звуком волну ее ярости.

– Оракул приказал тебе это сделать, да? Эта дрянь вмеша-
лась вопреки воле матери?

– Она сказала: “Это судьба. Покорись”.

Ольга тяжело опустилась на ступени, закрыла лицо руками.

– Матушка! Мама, не плачь, со мною все в порядке. Прав-
да-правда! Ну, пожалуйста, – Родя попытался обнять Змею,
но она сама обхватила его за талию, прижавшись щекою к
груди мальчика. Тот принялся гладить ее по волосам.

– С мелкими все нормально? А сестра? Отец? Дядечка
йок сказал, что все обошлось, что все живы. Почему тебе
плохо мама? Что могу я сделать?! Чем помочь!

Она резко оторвалась от него, воспаленными глазами ша-

ря по такому родному, но уже другому лицу сына.

– Ты понимаешь, что ты сделал?

Родя замер, хмуря лоб, потом ответил, несмело, будто пробуя тропинку на болотной гати.

– Я убил человека...

– Что ты думаешь об этом, что чувствуешь?

– Я... я не хочу больше этого делать. Это плохо.

– Почему?

– Жизнь священна. Ты так учила.

Олга устало опустила руки, отвернулась.

– Да учила... – она тяжело вздохнула. Я видел, как ей было больно, но все же она сказала:

– Выдра, возьми Родима с собою на год. Научишь его убивать, покажешь, что есть смерть в твоём понимании. Он не должен отрицать того, что теперь есть в нём.

Выдра поднял на нее взгляд, полный изумления.

– Как пожелаешь, Великий Дух.

– Это будет единственное, чему ты должен его обучить, запомни.

– Мама! За что? Я не хочу, – маленький Сокол чуть не плакал.

– Со мною ты не станешь тем, кем должен. Пойдешь с ним. Это не обсуждается.

– Это жестоко, Ольга, – осторожно заметил я, когда нелюдь увел мальчика прочь. Он обожгла меня огненным взглядом, но тут же смягчилась.

– Истинные поступки порою жестоки. Следуя судьбе, мы иногда причиняем боль. Такова жизнь в предназначении.

Мы снова жили в Толмани. На этот раз дом нам возводили нанятые Олгой зодчие под руководством Сашки, который остался в городе с соизволения молодого хозяина, то бишь Итила, и по негласному хотению его тетки. Я часто видел, как они, Сашка и Олга, миловались то у реки, то в саду, и это угнетало мою душу и злило неимоверно. Неверная жена ничуть не смущалась, когда я пробовал усювестить ее, наоборот, скалилась и советовала не лезть не в свое дело. Говорила, что у нее умер ребенок и некуда девать силу его жизни. Дескать, Дарим не может забрать то, что дал, ибо нет больше прежнего Дарима. Слова ее и поступки были очень жестоки, но она была права в одном: мой брат снова превращался в шептуна. После схватки с разбойниками Даримир окончательно перестал слышать. Оказалось, что треклятый душегуб ударил его не только по голове, но и по спине. Олга, конечно, вправила мужу хребет, но жизнь струилась из разбитого тела, как вода сквозь решето. К осени, когда пришло время переезжать в наново отстроенный дом, у него отнялись ноги, и Дарим, уподобившись мне, калеке, сел в каталку. Все чаще он выпадал из реальности, блуждая в межмирье, застывал посреди движения, погружаясь в многоголосье собственного безумия. Все чаще его глазами глядел кто-то другой, черноокий, напряженный и злой – чужая ду-

ша изгоя, больная да избитая страданиями и муками. Дарим очень тяжело переносил свое положение, и, чтоб хоть как-то сохранить себя, он попросил отвезти его в лес, выбрал два могучих кедра, срубил их и принялся резать из стволов две колонны. До работы своей он никого не допускал, даже Олгу, только маленькая Ниява, всюду бдившая отца, имела возможность наблюдать за ним. Как только лег первый снег, Ольга отправила Сашку прочь, и тот уехал, мрачный и недовольный, не посмел пойти против ее слова. Бранились они, конечно, знатно. Буйный и несдержанный в желаниях воин, жаждущий власти над Змеею, в пылу ссоры кричал, что зря она держится за мужчину, не способного дать защиту ей и ее детям, за калеку, который умрет через день-два. За слова свои Сашка чуть не лишился уха и приобрел яркий шрам поперек щеки.

Новый дом был краше, просторнее, богаче – настоящий барский терем. Дарим сам навел узорчатые ставни и карнизы, резными наличниками украсил каждое окошко. Дерево под его умелой рукою было так же послушно, как и свое-нравные жеребчики, коих он некогда разводил. До чего же красивы и тонки были те кружева, что выплетал мой брат своим резцом! Я давался диву, и деревенские ребяташки, ходившие ко мне со всей округи учиться письму и счету, с удовольствием разгадывали тайные смыслы, что вырисовывал “дядька Немый” на струганных сосновых досках.

Ящер появился на свет в самый короткий день зимы. Змея

все никак не могла исторгнуть дитя из своего лона, потому и нарекла мальчика Томилом, притомившим мать. Имя пришлось парню как раз впору – Ящер вырос буйным, озлобленным, подверженный страстям. Всякое проявление его характера сводилось к крайности, и в своих поступках он чаще всего руководствовался мимолетной эмоцией, сиюминутным хотением, нежели здравым смыслом. Дерзок и необуздан Томил, отчего кажется безумцем или дураком, смотря кто на него смотрит. Пишу эту строку и сам негоую на себя, что взялся оценивать Ящера. Невозможно мне сделать это непредвзято, ибо как вспомню, сколько гадостей он натворил и продолжает творить, так зло берет. А ведь с виду неплохой парень, но нутро будто гнилое. Вон он идет по двору, зубоскал, лыбится. И плевать ему, что намедни сестру довел до слез. Взять бы ремень, да отстегать, как в старину, да больно силен, паскудник. Самый проворный и быстрый среди братьев, под стать своей матери. Недаром похож на нее, будто отражение в водной глади, одно лицо, одна манера!

В день его рождения снова пришел к нам в дом оракул, тот самый, что помогал Ольге разрешиться от первого бремени. Я с трудом узнавал в широкоплечем сильном мужчине того нескладного юношу, что отдал моему брату дудку, доставшуюся ему от Лиса. Думаю, Ольга была рада узреть, как возмужал и чего достиг её маленький Миря, будучи оракулом. Некоторое время он был при Змее, потом наведалься к Дариму. Ниява сидела здесь же, тихая и печальная – слыш-

ком тяжело далось ей расставание с братом. Помолчав вместе с Даримиром, Мирон наконец произнес своим невероятно чарующим голосом, в коем слышалась тоска и сожаление:

– Прости, брат Белая Чайка, но мой Учитель не придет. Не обновит твою печать. “Бесполезно и бессмысленно” – таковы его слова. Я же не могу провести этот ритуал. Не моя рука коснулась твоего сердца.

Глаза Дарима, до этой речи горевшие огнем надежды, погасли. Он грустно ухмыльнулся, пряча взгляд.

– Тебе стоило убить его. Тогда ты был бы свободен.

Оракул говорил тихо, но глухому было достаточно и этого. Он вскинул голову, вперив грозный взгляд в белое лицо Чайки.

“Свободен? По-твоему смерть – это свобода?! Я не жалею, что прожил эти девять лет рядом с нею. Я готов платить, пусть даже так!”

Оракул тоскливо покосился на меня, потом на замершую в уголке Нияву, готовую вот-вот заплакать, и, тяжело вздохнув, поднялся.

– Я тебя понимаю, брат, и ... завидую.

Вот так я приобщился еще к одной тайне нелюдей. Безрадостна была для меня весть, что нет возможности шептуну жить без йока, тогда как “сын смерти” может существовать без двоедушного придатка. И вновь всколыхнулось в беспокойном сердце застарелое чувство вины: “Я подвел его под это, я сотворил непотребство”. Видя мои угрызения, Ниява

тогда успокоила меня словами, коими по сей день оправдываю я себя, и мне становится легче:

– Не печалься, дядюшка, папа был счастлив.

Мой брат был счастлив. Это хорошо. Но иногда его поступки шли вразрез с этим утверждением. Видимо, радость и боль были слиты судьбою Дарима в один кипящий котел. Чего стоит один поистине безумный его поступок, что случился за полгода до кончины брата.

В тот день Дарим купал маленького Томила, Варенька вышла на некоторое время, а когда вернулась, обнаружила скрученного судорогой отца и ребенка, захлебнувшегося в кадке. Крику было – весь дом подняли на уши. Ольга поморщилась, хлестко одернула Варю, дескать, умолкни, дура, подняла мальчика за ногу и пару раз шлепнула по спине. Как только вода вытекла из легких, Ящер завопил так, что окна в рамах задрожали. Происшествие, казалось бы, обыденное, но Дарима оно сломало окончательно. Тем же вечером над усадьбой взвился надсадный вопль Ниявы. Девочка с рождения обладала необычайной силой голоса, и страх превращал эту способность в настоящее оружие. Ольга обнаружила свою дочь у запертой двери амбара.

– Доченька, милая, что с тобой? – спросила она, отирая окровавленные, забитые занозами кулачки Ниявы – малышка пыталась достучаться до кого-то, кто заперся внутри сарая.

– Папка... там... помирает!

Двери амбара закладывались тяжелым засовом, так что Змея, не долго думая, вышибла стену и, слава Творцу, успела вынуть безумного своего мужа из петли до того, как он задохнулся.

– Что это, повторение – мать учения, тьма тебя задери! – ругалась она, выпуская пар. – Ты что, с ума сверзился окончательно?! Дурак безмозглый! Ну, зачем, скажи на милость, ты это сделал?

Дарим промолчал... во всех смыслах.

После этого случая его тело сковал полный паралич, лишь глаза оставались живыми на окаменевшем лице, но и они вскоре угасли. Ольга старалась все время быть при нем, поддерживать брата. Она, да, пожалуй, Ниява – единственные продолжали слышать его мысли, и умели сказать так, что несчастный мог их понять. Уж не знаю, какая надежда двигала Змеею, какую цель она преследовала каждый день вытягивая мужа к жизни, чего ждала. Неужели думала, что необратимое можно повернуть вспять, отогнать смерть и подманить жизнь к тому, кто уже сам перестал бороться? Или она просто хотела, чтоб отец попрощался со старшим сыном, ждала его возвращения?

Сокол вернулся в сезон сбора урожая. Мальчик сильно изменился за это время, что, в общем, и немудрено. Пристально оглядел наново отстроенный дом, крепко обнял сестру, пожурил мелких, что, как восторженные щенята, прыгали вокруг старшего брата, поклонился матери и, наконец, подо-

шел к отцу. Долго и пристально всматривался Родим в безжизненный лик калеки, и с каждой секундой выражения его лица делалось все напряженнее и злее.

– Родя вернулся, – произнесла Ольга, касаясь губами виска мужа, помолчала, вслушиваясь, и повернулась в сыну.

– Он чувствует тебя и счастлив этому.

Глаза Родима сузились, ладони сжались в кулаки, ноздри затрепетали.

– Он говорит, что ты стал достойным чело... – Ольга недовольно вскинула бровь. – Что эта за рожи ты мне тут корчишь?

Родя потупился, прикусив губу. Мать подошла к нему вплотную.

– Отвечай!

– Это все он... – Сокол почти шептал.

– Не слышу! – голос разгневанного Змея перемалывал воздух, словно огромные жернова зерно, и страшно было стоять рядом. Родим вскинул голову, вперив злые зенки в потемневшее лицо матери.

– Это все он виноват! Твой Учитель! Это он сделал папу таким. И это он убил моего настоящего отца.

Очи Великого Духа вспыхнули, по чернеющей коже тонкими струйками разбежались огненные жилки.

– Что ты сказал, щенок?!

– А что, неправда?

– Родя, уймись!

Ниява схватила брата за руку. Тот грубо отпихнул ее. Змея, не отводя пристального взгляда от сына, взревела:

– Выдра!

Невозмутимый йок выступил вперед.

– Да, госпожа.

– Ну ты и гаденыш, Выдра! Поганый же из тебя учитель. Ты специально создал моему сыну врага. Зачем? Глупо и бесполезно. А что, если я назову предателем тебя? Как ты думаешь, с кем он согласится?

– Мальчик сам видел подтверждение моих слов. Это его выбор.

– Видел? Где, позволь спросить?

– Вот оно, подтверждение, – нелюдь кивком указал на Нияву, что испуганно прыгнула назад.

– И что?!

– Что?! – Родимир кричал, более не в силах сдерживать свой гнев. – И ты спрашиваешь? Ты? Ведь этот негодяй насильничал над тобою! Мучил тебя! И ты защищаешь его?!

– Умолкни, мальчишка! Не тебе судить о том, чего ты еще не понимаешь. А ты, Выдра, подлец, как я погляжу. Зачем рассказал ему то, что тебя не касается? Зачем создал образ? Никогда не внушай детям те истины, что являются таковыми лишь для твоего ума.

– Но он ведь действительно предатель, враг!

– У меня нет врагов. Уйди, Выдра, ты плохо справился с заданием, но третьего шанса я тебе не дам. Убирайся прочь.

И никогда не возвращайся в мой дом, иначе, клянусь родом своим, я тебя убью.

Нелюдь пожал плечами и, развернувшись, зашагал прочь.

– Ты несправедлива к нему, мама! – Сокол все никак не мог успокоиться. – Я сам просил его рассказать.

– Что ты знаешь о справедливости, сын?! Он не имел право давать чужим то, что ему не принадлежит.

– Так значит я чужой тебе?!

– Ты чужой этой тайне. Когда достигнешь нужного возраста, тогда, пожалуй, получишь право коснуться истинной истории своей матери.

– Ну что ж, тогда я, пожалуй, пойду с тем, кто не считает меня чужим.

Родим развернулся и зашагал следом за Выдрой.

– Иди-иди, – крикнула ему в спину раздосадованная Змея, и пробурчала себе под нос. – Сдался ты ему больно... Дурень!

– Маменька, – Ниява повисла на Олге. – Маменька, он же уйдет! Маменька, останови его.

– Да никуда он не денется, – Змея высвободилась из ее объятий, раздраженно повела плечами, – вернется, и недели не пройдет.

Прошла неделя. Родя околачивался вокруг усадьбы, иногда заглядывал в Толмань к дядькам, но на родной порог так и не осмелился ступить, пока не случилось то событие, коим хотел бы я завершить свой рассказ.

Она сидит напротив меня в широком кресле, подобрала ноги. Все так же юна и свежа, как спелая вишня. Только глаза выдают ее истинный возраст. В них спокойствие, что неведомо молодости и приходит лишь с годами. Она смеется:

– Эх, крючкомворец, все никак не можешь угомониться!

– А чем еще заняться безногому старику в часы скуки? – отшучиваюсь я.

– Все пытаешь-пытаешь, а где же результат? Дай-ка взглянуть, что накарябал.

– Не окончен мой труд, Ольга Тихомировна, вот завершу, тогда прочтешь.

– Важности-то сколько! – смеется. – Ну, давай, спрашивай, что хотел.

– Да все о том же, Великий Дух, все о том же.

Она недовольно поджимает губы и на несколько мгновений замирает, погрузившись в раздумья. Я невольно люблю ее красою и мощью.

– Он был очень хорошим человеком, твой брат, самым первым мужчиной, что смог подарить мне счастье. Я не знаю, смогу ли когда-нибудь пережить эту потерю. Знаешь Белян, перед смертью он подарил мне не то проклятье, не то сказку. Его слова были следующими: “Ты долго будешь искать меня, а я всегда буду рядом, достаточно послушать сердце”. Что он имел в виду, Белослав? Я не верю, что он говорил о... нем.

Я молчу, но мысль моя согласна с ее словами. Я тоже не верю. Потому что по сей день Изгой не познал прощения в моем сердце, и неведомо мне, смогу ли я отпустить свою злобу и умереть со спокойной душой.

Олга спала очень чутко, но жара, необычная для этого времени года и этой местности, делала тело мягким, словно воск, и таким же неподатливым волевому решению позвоночника. Она открыла глаза и увидела белую рябь смятой подушки. Пусто. Мужа не было там, где она уложила его на ночь. Змея резко села на кровати и замерла, боясь спугнуть наваждение. Дарим стоял у открытого окна и задумчиво глядел на небо.

“Полнолуние...”

Он медленно пошевелил пальцами руки, то складывая, то разжимая кулак, потом, прикрыв глаза, глубоко и с наслаждением вдохнул терпкий ночной воздух. Олга смахнула набежавшую слезу и, чуть ступая, подошла к мужу, хотела коснуться его спины, провести руками по выющимся локонам, но ладонь замерла так и не тронув могучего плеча – печати не было. Он обернулся. Странная улыбка лежала на его губах, темные, почти черные глаза смотрели печально.

“Не пугайся, милая, это все еще я”.

– Ты... ты сломал печать!

“Я умираю, Леля. Я уже давно мертв. Только твоими стараниями моя душа все еще держится в этом теле. Скажи, че-

го ты ждешь?”

– Чуда, – прошептала она, опуская взор.

“Слишком много чудес выпало на мою долю. Тот, кто решает все, сказал, хватит”.

Шептун провел рукою по ее щеке, Змея вжалась в теплую ладонь, омывая ее слезами.

“Давно никто не ласкал тебя... Стоило ли прогонять того воина?”

– Там не было любви, – резко ответила она.

“Была. Она везде... любовь”.

Он обнял ее, крепко прижал к себе.

“Он приближается”.

– Я до последнего не верила в то, что Учитель жив.

“Его смерть – моя смерть. Ложь, что мы освобождаемся после гибели йока. Для меня конец – не есть свобода. Я счастлив рядом с тобою, Светлая Лана... был счастлив. Только, пожалуйста, не сожалей, не мучь себя. Ты же знала, что так оно и выйдет”.

– Зачем ты сломал печать? Ведь еще оставалась надежда!
Родим был прав: Лис виновен. Он враг мне!

“Нет, со мною все кончено. А сломанная печать – это мой прощальный дар тебе. Я расскажу тебе о твоём Учителе, открою его память”.

– Но зачем?!

“Я все еще надеюсь, что ты простишь его. Простишь ему то, что он не умеет любить”.

Дарим поднял жену на руки и бережно опустил на кровать, сам лег рядом, соприкоснувшись лбами.

“Смотри мне в глаза и расслабься. Я покажу тебе то, что вижу сам”.

Олга: Это был сон длиною в жизнь... точнее, жизнь длиною в сон. Я была сразу и здесь, смотрящая в темные колодцы глаз мужа, и там, в мире ненавистного мне нелюдя. Образы впечатывались в память так крепко, словно рождались в моем сознании. То была другая жизнь, другая реальность и другие, чужие глаза всматривались в ее необозримые просторы. А потом пропала всякая грань, все слилось воедино...

Она очнулась спустя несколько часов, на вдохе подняла веки, окончательно разрывая тенета сновидения. За окном занимался рассвет: густой, налитый сине-розовым соком воздух струился, мешаясь с белой пеленой тумана. В сумерках комнаты сквозь тонкую марлю полога было особенно приятно слушать надсадное жужжание комаров. Тишина позволяла делать звук осязаемым. Казалось, слуху был доступен даже тихий звон оседавшей на землю росы. Она повернула голову и встретилась взглядом с мужем. Дарим улыбался светлой ясной улыбкой, будто свершил только что благое дело, снял с души груз невероятной тяжести. Он чуть заметными прикосновениями ласкал тело своей жены, нежил

его и расслаблял, а увидев, что Змея, наконец, проснулась, привстал на локте и стал целовать ее с такой страстью, коей она не ожидала.

В это утро они любили друг друга в последний раз: до изнеможения, с радостью и слезами, с яростью и нежностью. Они прощались друг с другом и прощали друг другу, напоследок спешно пытаясь рассказать то, на что не хватило отведенного времени. Когда солнце окрасило восток в рыжий цвет, Даримир поцеловал Олгу, откинулся на подушке, позволив жене утереть пот со взмокшего лба, и, прозвучав в ее в мыслях грустной нотой: “Будь счастлива, Светлая Лана” – уснул, чтоб больше не проснуться.

Она молча сидела над его холодеющим телом и даже не чувствовала собственных слез, собственного горя и боли. Когда в комнату вошла чуткая Ниява, а следом за нею потянулась вся семья, когда их голоса заполнили собою внезапную пустоту и вытеснили холод из сердца, Змея наконец смогла выразить себя.

– Эта была достойная смерть. Так и должно было случиться... Спасибо тебе, любимый.

Боль будет. Много боли. Он говорил, нельзя держать это в себе...

– Матушка!

Страх? Чей это страх? Почему он сейчас? Ведь время скорби...

Родя замер у порога, смиряя свое тяжелое дыхание. Маль-

чик бежал слишком быстро, летел вперед с той скоростью, на которую способен только легкокрылый сокол. Это могло значить лишь одно: случилось что-то ужасное.

– Матушка! Чудовище напало на нас! Огромное и черное, словно клуб дыма! Оно уничтожает все! Все чего коснется. В пыль! В пепел! И стонет и воеет так, что уши закладывает. Матушка, оно ищет чего-то. Сначала металось по Толмани, разорило уйму домов. Потом кинулось в наш сад. Потом долго ревело на площади и теперь идет сюда. Матушка, что делать? Срочно бегите вон! Матушка... что с папой?

Крики сына, осознавшего потерю отца, хлестнули ей в спину. Как была – в ночной сорочке, с распущенными волосами – она уже шагала через двор навстречу неведомой и невиданной силе. Она не почувствовала пальцев, вцепившихся в ее запястья, не услышала дрожащих от страха, рыдающих голосов Ниявы и Родима, что догнали мать и старались удержать ее от самоубийственного, по их мнению, поступка. В конце концов Змея доковыляла до ворот и замерла, разглядывая то существо, что стояло по ту сторону тына, будто уперевшись лбом в барьер. Толстые резные колонны из кедра – плод кропотливого труда Даримира – чуть слышно гудели во внезапно наступившей тишине. Змея повела плечами, и дети, разжав объятия, откатились назад. Выше по дороге послышался конский топот, возбужденные голоса людей, визг и ржание испуганных лошадей, но и они умолкли, попрятавшись кто куда от жуткого монстра.

Чудовище и вправду было ужасно. Бесформенная темная масса клубилась и источала смраднй запах горелой плоти. Иногда из этого сгустка появлялась пара когтистых лап, но любая форма, которую обретало существо, была недолговечна и распадалась на частицы, что снова втягивались в движение и пульсацию, связанную не то с ритмом дыхания, не то с биением сердца. Змея стояла перед ним, невозмутимая и спокойная, внимательно рассматривая незваного гостя. Потом сделала резкий шаг навстречу, переступив невидимую границу. Ниява вскрикнула и уткнулась лицом в плечо Сокола. Чудовище прынуло назад, расплывшись в разные стороны, на миг обнажило угольно-черный лик с огромными бельмами глаз, полных муки и отчаяния. Змей же увидел слепящий сгусток белого света, внутри которого корчилось изломанное существо, вывернутое наизнанку безудержной, распирающей его силой. Ольга узнала нелюдя и сделала еще шаг.

Что произошло с тобой, несчастный изгой? Почто сорвал все печати?

Шипящая, словно горящая смола, масса нависла над маленькой женской фигуркой, готовая вот-вот поглотить ее.

– Välkommen, Helg, son till Ingrid. Vad söker här, typ av förrädare?⁵⁶

Ком сжался, как от сильного удара, потом припал к земле, начал стлаться вдоль дороги, взметая тучи пыли, медлен-

⁵⁶ Välkommen, Helg, son till Ingrid. Vad söker här, typ av förrädare? – Здравствуй, Хельги, сын Ингрид. Что жаждешь найти здесь, Предатель рода?

но и будто с большим трудом вылепляя форму невиданного крылатого существа. Лицо вновь возникло из вытянутого отростка прямо перед самым носом Змеи, на этот раз слепое и искаженное страшной гримасой.

– Помоги мне, умоляю...

Звук был подобен треску прогорающих поленьев. Еще несколько мгновений, и форма стала терять четкость линий, лицо перекосило уж совсем отвратительной гримасой, и в эту самую секунду Змея погрузила руки в кипящее марево, ухватив страховидло за хребет. Монстр взвыл и заметался, как птица, пойманная за ноги: то пластался и бил Змею огромными своими крыльями, оставляя на теле ожоги, то свертывался в клубок, и Ольга исчезала внутри смертельного кокона, но не надолго – существо не могло проглотить то, что было больше его по силе и единой с ним природы. При этом вся эта масса завывала, кричала, визжала, шипела, рычала так, что сосны да березы ластились к земле, а люди валились с ног. Внезапно буйство прекратилось, раскалившийся докрасна кокон стал остывать и осыпаться на дорогу белыми хлопьями пепла, потом с легким хлопком развалился на части, обнажив нагого, тощего и израненного мужчину, судорожно вцепившегося в запястья Ольги, что держала несчастного за шею. Змея безотрывно смотрела в широко раскрытые алые зенки, покуда и этот огонь не погас, сменившись привычной бездонной чернотой лисьих глаз. Нелюдь разжал пальцы и безвольно обвис на Ольгиных руках, которая тут же

бережно опустила Лиса на землю и сама присела рядом, уложив кудлатую голову на колени.

– Tack, Helga...⁵⁷– и нелюдь, устало опустив веки, потерял сознание.

– Ольга Тихомировна, – я чуть слышно окликаю ее. – Ольга, ты меня слышишь?

Усмешка скользит по ее губам, но глаза все так же не видят реальности.

– Слышу, Белян, – она смигивает свою задумчивость и обводит золотым взглядом собравшихся. Все ее дети, кто есть в доме сегодня, собрались послушать историю своей матери: Родимир Сокол, занявший второе и последнее свободное кресло, Ниявушка, кошкой свернувшаяся на коленях у старшего брата, Вольга Волк, облокотившийся на спинку того же кресла, богатырь Ставр Медведь, подпирающий могучей спиной косяк и тем самым преграждая путь всякой как видимой, так и незримой силе, рядом с ним молчаливый Ярополк Еж – щуплый и невзрачный на вид, но невероятно умелый боец, у шкапа Пересвет Рыба, рассеянно перелистывающий книгу, что лежит в его руке вверх тормашками, на подоконнике особняком восседает гордый Томил Ящер со всегдашней своею презрительною маской на красивом, будто списанном с Олгиного, лице, а у самых ног Великого Духа, прямо на полу, сложив по-такарски ноги, сидит после-

⁵⁷ Tack, Helga... – Благодарю, Хельга....

дыш, зачатый в последнюю ночь любви моего брата и Змеи – Богдан Ворон, Данька Воронок, печальный музыкант и художник, святой и безумный мастер-дитя, вечный ребенок на груди своей матери.

– В твоей комнате тесновато, Мякиш, – пытается отшутиться хозяйка, оглаживая смеющегося Даню по черным кудрям. Мякишем детишки, ученики деревенской школы, прозвали меня, своего старого учителя, за цвет волос.

– Говори, мама, мы тоже хотим услышать, – голос у Богдана невероятно красив и благозвучен, словно ручей по весне. Как же похож этот мальчишка на Лиса, слов нет! Как отражение в зеркале, вот только зеркало кривое. Косоглазый да нескладный, будто разлаженный механизм, угловатый в движениях и речах, так и хочется дернуть там, вставить здесь – и будет молодец, каких мало. Ох, и досталось же ему в тот злополучный день – первый день его жизни!

– Говорить? А что говорить-то?

– Зачем помогла изгою? – крепко невзлюбил Родим йока. До сих пор готов выклевывать ему глаза, только случая не представлялось. Ольга морщится, как от зубной боли. Ей тяжела неприязнь сына.

– Он впервые попросил о помощи... искренне. Я не смогла ему отказать.

Она немного помолчала, прикрыв глаза рукою, потом продолжила:

– Я сидела на крыльце, неподвижная как статуя, застыв-

шая в своих чувствах. Вокруг была пустота и внутри была все та же пустота. Сказанные всего пару часов назад слова Дарима: “Не ищи мне подобных. Тот, кто нужен тебе, всегда будет рядом,” – звенели в мозгу, как одинокий колокол в пустыне. Я повторяюсь, но мне до сих пор не хочется верить, что он говорил об Изгое. Вокруг суетились люди, задавали вопросы, заботливо интересовались моим здоровьем, я же отвечала односложно, не вникая в суть, а иногда и вовсе не понимая, что у меня спрашивали. Потом наступила ночь, и я забылась.

Одиночный рассказ незаметно перерос в слаженный диалог. Там, где секунду назад умолкла Змея, в разговор вливается Сокол:

– То, на что подговорила меня сестра, было безумным и противным всем моим убеждениям. Я ненавидел Лиса, считал его причиной гибели моего отца, но слова Нии: “Не откажи папёнке в последней его просьбе” подействовали на меня, как заклинание. Йок был легок, как перышко, будто действительно выгорел изнутри. Мне не составило большого труда перенести его в чистую комнату, где лежало тело отца.

– Думаю, эти события отнюдь не совпадение – отец будто ждал Лиса. Умри он чуть раньше, ритуал был бы невозможен, – Волк говорит спокойным и рассудительным тоном. Застывшее сердце в груди у серовласого красавца. Медведь грубо обрывает рассуждения брата:

– Лёга, заткнись!

Ниява словно не замечает стычки младших, ее голос ровный, без эмоций, будто она не здесь, не с нами:

– То, что сделала я, не может быть сказано. Эта тайна моя. Могу описать лишь то, к чему привело. Так же, как маменька вернула имя безымянному Лису, я вернула душу в тело Хельга Игридсона. Он получил свою память, и это чуть не свело его с ума.

– Я проснулась на рассвете от крика, – Олга, будто очнувшись, отнимает ладонь ото лба и смотрит на Даню в какой-то натужной попытке отыскать в его лице ответ на мучающий ее вопрос. – Он не был звуком, но впивался в мое сознание и разъедал своим страхом. Я спустилась в каморку, куда определили Учителя. Он был один. Притомленные люди оставили пришлого чужака. И верно. Стоило ли тратить ценные силы на ненавистного гостя? Ему было плохо, он чуть слышно стонал, но в этом стоне я слышала ужас. Что он видел? То же, что и я сутки назад? Как он это видел? И, главное, как он это чувствовал? Ниява принесла ему воды, присела рядом со мною, смахнула пот со взмокшего лба Учителя. Понимала ли моя незрячая дочурка, кто перед нею? “Маменька, он теперь живой... он снова человек... как и мы с тобою. Отец попросил, чтобы я сделала его живым”. Я молчала. *Что дала ему возможность быть живым? Что, кроме боли из прошлого?* “Мама, как ты думаешь, он вспомнит, что такое любовь?” “Не знаю...” *Но стоит ли лишать его этой возможности из мести? Я не могла больше мстить ему, но и видеть его*

стало выше моих сил.

Ниява улыбается, уткнувшись лицом в плечо Родима. Я не вижу, но слышу тепло тихой радости в нежном голоске племянницы.

– Маменька поступила хорошо. Она дала ему выпить себя, и Хельгу Ингридсону больше не грозила смерть.

– Выпить себя? Что за дурацкое выражение! – Томил как обычно резок и раздражителен с сестрою. По непонятным мне причинам он недолюбливает Нию, крывается на нее без видимой причины. Но ведунья мудра, ее не трогают страсти буйного сердца Ящера хотя ... много ли я вижу, и вижу ли вообще что-то, кроме собственных суждений?

– Она поцеловала Лиса. Потом долго плакала, сидя у тела отца. Слезы ее были чистые, они не причиняли нам боли. А когда я вновь заглянула к больному, его там уже не было, – разъяснила Ниява.

– Ха! Утек, трус! – Ставр злорадно ухмыляется. Вот в ком зреет еще один лютый враг Лису. Вольга непонимающе смотрит на брата, не разделяет предвзятых его суждений. Он единственный в роду, кто уважает Учителя матери и открыто заявляет об этом:

– Не думаю, что трусость и Лис имеют нечто общее.

“Умом-то ты, мальчик мой, богат! – думаю я. – Ум – великий хитрец. Какие только деяния не оправдает этот механизм самолюбования! Но не заменит он своими сухими, общеизвестными догмами истины сердца, что у каждо-

го своя... как и душа”. Струсил нелюдь или нет, я не ведаю, только вот сдается мне, что напугала его новая реальность, полная эмоций и голосов прошлого, потому и сбежал, чтоб не видели его растерянности и страха, чтобы самому не смотреть в глаза своей воспитанницы, своей соратнице... своей женщине.

Молчание повисло в горнице, но меня не угнетает тишина. Она привычна и дает место неспешному течению мыслей. Я думаю о Богдане, что, склонив голову и положив щеку на колено, задумчиво ковыряет темным ногтем щель половицы. На поясе у Дани висит кошель с красной лаковой дудкою, принесенной в наш дом оракулом. Ольга исполнила волю белоглазого и вручила последышу странный инструмент, а Лис действительно оказался двоедушцем – вышедший из него Ворон воплотился в этого мальчика. Хельг сын Игрид – так, кажется, назвала Змея своего Учителя. Откуда ты и куда ушел, гонимый судьбою? Что чувствовал в момент великой скорби Дракона, в день похорон моего брата?

Змея выбрала высокий уступ над бурлящим потоком Жилы, где и приказала устроить погребальный костер. Утром, вместе с восходящим солнцем взметнулось в небо очищающее пламя, и Ниява спела первую свою песнь. Мне было больно, что ее путь ведающей начался с грустной ноты, но печаль оказалась светлой и успокоила души живущих. Когда все вернулись в дом помянуть усопшего на пиру, на пе-

пелище остались только мы двое: я и Олга. Она смотрела в небо. Все время, пока остывали угли, она глядела за горизонт, ни единой слезою или вздохом не выдавая своей боли. Когда все ушли, я откатился в сторону и, сокрытый деревьями, принялся наблюдать, объятый ужасом и благоговением перед священной силой Великого Духа. Змея легла на пепелище, и камень содрогнулся под ее хрупким телом. Она кричала в землю, и земля покрывалась трещинами. В конце концов скала проглотила ее, или Змея, впитав в себя плоть скалы, превратилась из клубящегося черного месива в огромную крылатую тварь. И когда, хватаясь когтями за выступ над бездной, чудовище стряхнуло с себя пепел и сажу, обнажилась золотая чешуя, и воздух вспорол долгий и могучий крик Дракона. Божественный лик Созидателя увидел солнце, и не важно, что прекрасные глаза его полны были слез, а губы кривились от боли. Ненависть и злоба покинули сердце Великого Духа, и пусть там теперь пустота, рано или поздно сосуд наполнит любовь.

– Мне более нечего сказать тебе, Белослав, – она устала, что слышно по голосу и видно в движениях.

– Лукавишь, мама, – Томил беззастенчиво ковыряет мизинцем в носу. – Все хотят знать то, что показал тебе отец. Про Лиса. Что нос воротите? Будто и неинтересно вам. Притворщики. Спроси ее, дядя. Ты у нас одной ногой в могиле, тебе она все скажет, что от нас скрывает, – он ловко пере-

хватывает книгу, пущенную в него Родимом, и недовольно бубнит себе под нос. – Можно подумать, мои слова кого-то задела...

Я тихо улыбаюсь.

– Ольга Тихомировна?

Змея недовольно морщит носик.

– Хорошо.

Но это уже не моя повесть...

7.01.2010